ОЛЬГА КРУГЛОВА

Я ЛЮБЛЮ

ПО КОНТРАКТУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Героиня книги — русская женщина-физик, приехавшая по контракту в японский университет. Её работа с японскими коллегами, открытия, сделанные ею дома, в магазине, в больнице, на улице, в повседневной японской жизни — это содержание книги. В ней — жизнь японского университета, заботы преподавателей и студентов, будни и праздники японского города, отношения между жёнами и мужьями, родителями и детьми, радости молодожёнов и печали уходящих на пенсию стариков. В этой книге — путешествия по Японии, случайные встречи на заводе, в мастерской ремесленника. Беседы со священником, художником, лесорубом, журналистом. Размышления об успехах и трудностях современной Японии, об удивительном для иностранца японском менталитете, о нелёгких поисках взаимопонимания между людьми, принадлежащими к двум различным культурам.

- Ольга Круглова
  - Предисловие. Вечерним вьюнком в плен я захвачен…
  - Глава I. ЯПОНСКОЕ ЧУДО
  - Глава II. УНИВЕРСИТЕТ
  - Глава III. Хорошо Организованная страна
  - Глава IV. Всё наоборот
  - Глава V. Времена года — весна и лето
  - Глава VI. Работаем вместе
  - Глава VII. Острова
  - Глава VIII. Женщина с ребёнком за спиной
  - Глава IX. Почётный гость японского правительства
  - Глава X. Времена года — осень
  - Глава XI. Солдаты компаний
  - Глава XII. Времена года — зима
  - Глава XIII. Заметки на листках, лежащих на татами (Мы, японцы…)
  - Глава XIV. Разлуки миг наступил
  - Послесловие. Шесть дождей

Ольга Круглова
Япония по контракту

Предисловие. Вечерним вьюнком в плен я захвачен…

Вечерним вьюнком
В плен я захвачен… Недвижно
Стою в забытьи.
Басё

Эта книга — заметки о жизни русской женщины в Японии. Я назвала эту женщину просто "она". Может, потому, что по-японски "ˋонна" значит "женщина". Русская женщина, ослеплённая, восхищённая, впервые увидела Японию… А потом был год её жизни в этой стране. И восхищение сменилось изумлением — и это — великая Япония? Разочарованием. И желанием понять — кто же ты, Япония? Что ты? Так появились эти заметки.

Я писала о себе. О своей работе в японском университете, о своих друзьях — японцах и иностранцах, что жили рядом со мной, и о людях случайных, встретившихся на улице, в магазине, в больнице. Я записывала свои беседы с японским профессором и рабочим, с журналистом и священником, с лесорубом и художником, с учительницей и зеленщицей. С мужчинами, женщинами, детьми… Со студентами и уходящими на пенсию стариками. Так сложилась эта книга. В ней нет ни капли вымысла, а только живые люди, их истинные поступки и слова. В ней нет того, что есть Япония для иностранца, — нет сада камней, чайной церемонии, икэбаны. Окружавшие меня японцы редко бывали в таких местах. Они ходили на работу и в магазин, сидели в очереди к врачу, растили детей, ухаживали за стариками… И я вместе с ними ехала утром в переполненном автобусе, а вечером возвращалась в обычный японский дом, готовила такой же, как у соседей, ужин и так же, как они, засыпала на татами.

В этой стране меня интересовали прежде всего не музеи и храмы, а обитатели, люди. И японцы, словно чувствуя это, благодарно откликались, показывали, рассказывали, объясняли… Они радовали меня и злили, вызывали восхищение и боль, удивляли. Я запоминала трудные имена своих новых друзей, вникала в их проблемы, в их жизнь. В конце концов, я стала лучше понимать их и решила этим пониманием поделиться. Мне показалось — тот, кто узнает то, что узнала я, легче поладит с этой странной страной. У него не будут округляться от изумления глаза, как у меня когда-то, и не станет закипать кровь там, где ей вовсе не стоит кипеть.

Я писала и думала — почему Япония? Почему я пишу именно о ней? Я была во многих странах. Но эта взяла в плен сразу, сперва ослепив восторгом, потом скрутив почти ненавистью. Япония — сильная страна. Она держит своих подданных железной рукой и пришельца притягивает, затягивает, пытается подавить своей волей, поставить в свой строй. От неё трудно спастись, даже уехав. Япония не оставляет однажды увидевшего её. Догоняет книгами. И возомнивший себя свободным беглец садится за стол, чтобы вернуться в эту страну, склониться перед её властью. Много написано о Японии. Может, потому, что веками скрытая от мира, Япония была другой планетой, а потом родиной экономического чуда, "страной восходящей йены"? И в книгах о ней люди видели пособие "Как стать миллионером"?

Эта книга — ещё один взгляд на Японию. Взгляд русский, но по-японски внимательный к мелочам. Взгляд сегодняшний, но подкреплённый старинными японскими сказками, пословицами, трёхстишиями хайку. Мне показалось — они помогают лучше понять нынешнюю Японию, и я рассыпала их по написанному мной, как прелестные пёстрые камушки… Я старалась писать по-русски чётко. Но в конце концов многие главы обрели двойные заглавия. Наверное, потому, что так велит Япония, где любое сказанное слово можно толковать и так, и сяк, и под углом в сорок пять градусов. Но прямо — никогда…

Глава I. ЯПОНСКОЕ ЧУДО

Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце,
Луна на востоке встаёт.
Бусон

Прощание с Родиной (Ищите Шинканзен!)

Сначала покинул траву…
Потом деревья покинул…
Жаворонка полёт.
Басё

Небо над белыми кочками облаков становилось всё светлее — самолёт летел навстречу солнцу, на восток. Она ехала в Японию работать. Её должность называлась красиво и гордо — приглашённый профессор. Приглашал её Хидэо Кобаяси, давний друг. В восемьдесят восьмом, когда в Москве вышла её книга, она решила послать несколько экземпляров за рубеж коллегам — физикам. Американец промолчал, приняв дар, как должное. Француз прислал коротенькое "мерси". Из Японии пришло длинное письмо.

— Я хочу познакомиться с Вами, — писал доктор Кобаяси.

Она пригласила Кобаяси в Москву.

— Вы такая тоненькая! — Он удивлялся он и широко разводил руками, показывая ожидаемые габариты русского профессора. — А я думал, Вы такая… — Кобаяси улыбался и всё хвалил: метро, Москву, её лабораторию, её семью. И гордился: — Я — первый японский учёный, который сумел пробиться через железный занавес! Мы должны установить более тесные контакты.

Они встречались на конгрессах в Париже, в Риме, переписывались. Осенью девяносто четвёртого Кобаяси написал ей, что стал профессором и первым иностранным гостем своей новой лаборатории хочет видеть её. И попросил прислать бумаги. Накануне Нового Года он позвонил.

— Мне удалось получить контракт для Вас! На целый год!

— Это как новогодний подарок, Хидэо! — воскликнула она.

Она так и воспринимала стремительно приближающуюся к

ней Японию — как подарок. Условия контракта были потрясающие.

— Вы известный профессор, — говорил Хидэо. — В нашей стране Вам положено…

Ей была положена большая зарплата, большая квартира… И билет в бизнес-классе, который прислали из Токио. У себя дома ей полагалось только удовлетворение от любимой работы. Академия наук своих сотрудников не баловала.

— Заграничный паспорт Вам надо получить у начальника, — сказали ей в иностранном отделе Академии.

Должно быть, начальнику отдела нравилось проходить к своему рабочему месту сквозь строй профессоров — у дверей его кабинета всегда толпилась очередь. Для поддержания очереди начальник использовал простенький приём — назначал свидание на утро, а сам являлся ближе к вечеру. И всех желающих принять не успевал. Она попала в кабинет на третий день. В пять вечера начальник с лицом озабоченным и брезгливым явился перед одуревшим от ожидания народом и исчез у себя в кабинете. В приоткрытую дверь желающие могли наблюдать, как он любовно устраивает на вешалке пальто, как заботливо причёсывает редкие волосы…

— Не знаю, успею ли я рассмотреть Ваш вопрос, — встретил её начальник и принялся рыться в неряшливой куче бумаг на своём столе. — Она, стиснув зубы, пыталась промолчать. — Так, значит, едете… — процедил начальник едким, скрипучим голосом. — Ну что же, езжайте. А на обратном пути прихватите для меня что-нибудь эдакое симпатичное. — И он милостиво протянул ей документы.

— На обратном пути я к Вам не зайду, — твёрдо сказала она, на всякий случай крепко прижав к себе паспорт.

Начальник ошалело глянул на неё поверх очков и прекратил приём.

Стюардесса то и дело выходила из-за занавески, предлагая водички, кофе, вина. В пустом салоне бизнес-класса было всего двое пассажиров — она да сладко посапывавший во сне пожилой японец. Сжалившись над уставшей от напрасных забот девушкой, она попросила чего-нибудь поесть. Омлет был синего цвета. Должно быть, цвет происходит от каких-нибудь чудесных японских специй, — разнежено подумала она и беспечно проглотила первый кусок. Вкус тухлого яичного порошка вернул её к действительности. Забирая нетронутый омлет, стюардесса долго извинялась и на обед, заглаживая вину, принесла лосося и икру. Запивая фрукты белым вином, она смотрела на быстро приближающуюся землю — самолёт подлетал к Токио. Она

достала французские духи, новенькие, ещё не распечатанные, с трудом вытащила пробку… В магазине, где она покупала духи, пробку так и не удалось открыть, и продавщица клялась, что сделано это специально, чтобы запах лучше сохранился. Пахнуло дешёвым одеколоном. Легко справившись с обидой, она улыбнулась помчавшейся за окном японской земле — самолёт совершил посадку в Токио.

Международный аэропорт Нарита был абсолютно пуст: эскалаторы, резиновые дорожки, движущиеся по длинным переходам, и даже поезда мгновенно развозили образовавшийся народ по нужным местам. Едва прибыв в багажный зал, она обнаружила, что на транспортёре уже крутятся чемоданы её рейса. Она была в Японии! В стране, где всё устроено прекрасно, совершенно! Она без проблем купила сразу два билета — на экспресс Нарита-Токио и на поезд, идущий в город на севере Хонсю, где жил Хидэо: кассир легко понял её английский. В вагоне на электронном табло загорались точки, отмечая пройденное поездом расстояние. Рядом с точками вспыхивали названия городков, мимо которых проносился экспресс Нарита-Токио. Под электронной схемой бегущей строкой мелькали новости на двух языках: японском и английском. На электронных часах прыгали цифры, отсчитывая время, оставшееся до прибытия в Токио: три минуты, две, одна… Приехали!

У выхода с платформы контролёр отобрал у неё билет — без билета никого не выпускали. Она стояла среди кишащего людьми содома центральной станции Токио, запутанной, как лабиринт. Здесь сходились железнодорожные пути, тоннели метро, десятки выходов и переходов…

— Я мог бы приехать в Токио встретить Вас, если Вы захотите, конечно, — писал ей в Москву Хидэо.

В письме было слишком много сослагательных наклонений. Она смутилась и ответила вежливо:

— Возможно, Вам не стоит ехать так далеко…

Теперь она свою вежливость проклинала. Хидэо ехать в Токио отказался "в соответствии с Вашими пожеланиями"… Правда, он обильно снабдил её советами:

— На пересадке в Токио ищите Шинканзен. Шинканзен или Синкансен, всё равно оба варианта далеки от японского произношения, связывают большинство важных японских городов, эти поезда развивают скорость до трёхсот километров в час, — писал в своём длинном заботливом письме Хидэо.

От иероглифов рябило в глазах, но ей предстояло разобраться в указателях, благо они имелись в изобилии. И на английском языке тоже. Но звали они вдаль, по лестницам,

туннелям… А у её ног громоздились два чемодана, сумка, портфель, набитый книгами… Багажных тележек на центральной станции Токио не полагалось. Пришлось перетаскивать вещи по очереди, беспризорно бросая их и благословляя японскую честность. Руки ныли, пальто, такое лёгонькое для мартовской Москвы, душило, как ватное одеяло. А указатели безжалостно предлагали подняться вверх по пешеходной лестнице. На целых десять ступенек. Она в отчаянии оглянулась. Вокруг деловито сновали мужчины в щеголеватых костюмах и белых рубашках с плоскими чемоданчиками в руках и равнодушием во взоре. Она решила схитрить: спросить дорогу. В надежде, что спрашиваемый окажется джентльменом. Мужчина вежливо всё объяснил и даже показал направление — вверх по лестнице. И исчез. И тут же к ней подошла девушка. Кажется, это была единственная особа женского пола в толпе, в этот утренний час почти сплошь состоявшей из мужчин. Девушка улыбнулась, чётко выговорила по-английски:

— Я помогу Вам наслаждаться Вашим пребыванием в Японии!

И, подхватив портфель и сумку, пошла вверх по лестнице. Сразу решив, что японские женщины лучше японских мужчин, она собрала последние силы, прошагала десять ступеней с двумя чемоданами в руках и с облегчением бухнула их об асфальт платформы. Той самой, над которой светилось искомое — Шинканзен.

Асфальт был густо исписан цифрами. Преобладали дроби.

— Числитель означает номер вагона, а знаменатель — число вагонов в поезде, — охотно объяснил сосед по платформе.

Знаменатели были только двух сортов: восемь и двенадцать. Электронное табло расписания сообщило, что в прибывающем поезде будет восемь вагонов. Значит, у дроби 4/8, где она помещалась, остановится четвёртый вагон. Но для неё эта информация интереса не представляла — её билет, как билет на электричку, годился на любой сегодняшний Шинканзен, идущий на север, в любой вагон, на котором написано "Без резервации". Входя в вагон, пассажиры беспечно бросали чемоданы на специальных полках у дверей. Она вздохнула с облегчением. Под её ногами лежал безупречно чистый серый ковёр, новый серый бархат кресел серебрился, прохладный запах свежести выплывал из кондиционера… За окнами поплыли невнятные ряды маленьких домиков большого Токио, разделённые чёткими восклицательными знаками небоскрёбов. Она скинула пальто, огляделась. Японский народ, ну совсем как русский, едва усевшись, стал деловито разворачивать еду. Только вместо крутых яиц и копчёной колбасы на столиках явились

пластмассовые коробочки, похожие на деревянные. Люди сняли крышки, и вагон превратился в цветник. Дивные узоры из рыбы, мяса, креветок, овощей располагались на белоснежном фоне варёного риса. Запахло сложно, незнакомо, вагон наполнили лёгкие щелчки — пассажиры разрывали перемычки, соединяющие деревянные палочки для еды. Быстренько побросав мясо-рыбно-рисовую красоту себе в рот, народ потянулись в тамбур к ящикам, принимавшим красивый мусор, оставляя вагон опрятным, нарядным.

Автомат бесшумно открыл стеклянные двери, пропустив непрерывно кланяющихся контролёров в серых форменных мундирах — честность японских граждан воспитывали неустанно. Вслед за контролёрами в вагон вошла тоненькая девушка в розовом платьице. Она низко поклонилась и повезла по проходу яркую, как клумба, тележку, забитую пёстрыми пакетами с чем-то неведомым. Просьбу продать кофе розовая красавица встретила улыбками, поклонами, сама открыла перед пассажиркой столик, закрыла стаканчик кофе крышкой, завалила его ворохом пакетиков — сахар, сливки, ложечка, салфетки… А печенье пахло странно — водорослями. Она была в Японии! Невероятная толчея городов близко подступала к железнодорожному полотну. Дома выскакивали из-под самых колёс поезда, лепились к дороге так тесно, что можно было рукой коснуться балконов, уютно пестревших толстыми перинами. Короткие промежутки полей сменялись новыми селеньями. И только задник мелькающих картинок оставался неизменным — полоска синих гор провожала поезд, рвущийся к северу.

Здесь многому придётся научиться!

Звонко лает пёс
На захожего торговца.
Персики в цвету!
Бусон

За окном медленно проплыли три больших иероглифа на розовой кирпичной стене вокзала, один из них напоминал дом со сломанной крышей, а все вместе они обозначали название города. Кое-как вытащив чемоданы, она увидела Хидэо, быстро шагавшего к ней по платформе. Она протянула было руки, чтобы его обнять — они всегда здоровались так, когда встречались в

Париже, в Риме, в Москве… Но он отстранился. Сказал сухо:

— Я ждал Вас целый час.

А она думала — он извинится за то, что бросил её одну с чемоданами в Токио, она даже приготовила вежливую фразу в ответ. Фраза не понадобилась.

— Пересадка заняла слишком много времени… — забормотала она.

Получалось — извиняться приходится ей. А Хидэо снисходительно извинения принимал. Незнакомый Хидэо — суровый, холодный. Из-за его спины выступила невысокая, худенькая женщина.

— Моя жена Намико, — коротко представил её Хидэо и, взяв один чемодан, быстро пошёл по платформе, не особенно интересуясь, поспевают ли за ним тяжело нагруженные женщины. Изрядно убежав вперёд, он обернулся, бросил весело:

— Я всегда быстро хожу! Намико всегда отстаёт! — И не убавил шагу. Их маленькая кавалькада в точности соответствовала старинному японскому правилу: женщина должна следовать за мужчиной, не наступая на его тень.

Эскалатор спустил их с высокой эстакады, по которой ходил Шинканзен, в здание вокзала. Она мгновенно забыла холод встречи — таким ослепительным было то, что ей открылось. Сияло всё: люстры, облицованные серым мрамором стены… Полированный каменный пол, как зеркальный пруд, отражал колесницы на золочёных колёсах. Под красными балдахинами покачивались в поклонах блестящие черные головки юных красавиц, предлагавших прохожим нечто пёстрое, яркое… И надобно было немного остыть, чтобы осознать, что это — просто продавщицы, торгующие с тележек сувенирами и дорожными обедами. С трудом оторвав взгляд от ослепительного сияния, она с ужасом заметила исчезающую далеко впереди спину Хидэо. И бросилась догонять.

В здании вокзала плотными рядами теснились киоски, магазины. Хидэо почему-то свернул в один из них. Она покорно пошла следом, недоумевая, что за странная фантазия — пойти за покупками с багажом? Намико уловила её недоумение, показала рукой куда-то в дальний конец торгового зала.

— Наша машина там! А другого пути на автостоянку нет!

На полках красиво расположилось нечто диковинное, японское — невиданные вещи, неведомая еда. Прохладный ветерок кондиционеров приносил то свежие запахи морского побережья, то ванильные ароматы французских кондитерских. Пушистые ковры и тихая музыка превращали звуки движущейся толпы в приятный уху мелодичный шорох. Вокзал, как

сверкающая витрина, не оставлял сомнений, что ей посчастливилось прибыть в процветающую страну. В конце длинного ряда полок оказался лифт. Он привёз их на крышу вокзала, на автостоянку. Не новая уже, но свежая от хорошего ухода Тойота, притормаживая, съехала по спиральному спуску и бесшумно полетела по идеально гладкому асфальту. Сияние станции сменилось сверканием проспекта — небоскрёбов, витрин, неоновых реклам… Заметив её восхищение, Хидэо улыбнулся.

— Конечно, наш город провинциальный, но он не так уж мал — миллион жителей. И довольно красив. И чист, потому что у нас мало промышленности, зато много университетов. Но, конечно, у нас не Токио, всё скромно.

— Да что Вы, Хидэо! Ваш город прекрасен! — воскликнула она.

Она была счастлива. Хидэо и Намико улыбались.

— Мы с женой уже сняли квартиру для Вас, — её благодарности Хидэо прервал сообщением странным: — Но там пока нельзя жить! Там пусто. Сдавать меблированные квартиры в Японии не принято. Поэтому сегодня Вы должны купить всё необходимое для жизни, завтра Вам это доставят. А на первую ночь я заказал для Вас гостиницу.

Хидэо протянул ей два аккуратных конвертика. В одном был список вещей, которые ей полагалось купить в первый день, в другом деньги.

— Мои, личные, я даю Вам взаймы на эти покупки!

Перед отъездом из Москвы она потратила изрядную часть своих сбережений, чтобы купить доллары и явиться в чужую страну достойно. Она решила было отказаться от предложенного займа, но, увидев цифры, надписанные на конверте, передумала: таких сумм у неё не было. Сыграть роль обеспеченной иностранки не получилось. Япония — дорогая страна.

Коридорный отнёс её чемоданы в номер и удивлённо посмотрел на горстку мелочи, протянутую иностранкой на ладони. Выбрав одну монетку, он поклонился и быстро удалился, оставив её в недоумении, — монетка была в десять йен. Стаканчик кофе в поезде стоил сто. Спустившись в вестибюль, она похвалила скромность коридорного. Супруги Кобаяси переглянулись, улыбнулись:

— В Японии не берут чаевых! А десять йен коридорный взял просто для того, чтобы не обидеть Вас, иностранку, которая не знает японских обычаев, — Намико объясняла спокойно и привычно, словно заранее зная: иностранцы в Японии всегда беспомощны и нуждаются в поддержке.

— Едем в магазин, — приказал Хидэо, — сначала надо купить

футонг!

Как же это произнести: футонг, футон или фтонг? Трудное слово! Но очень нужное, потому что футонг — это постель: большое стёганое одеяло и толстый матрац с узенькой подушкой. На четвёртом этаже универмага, куда привела её Намико, она выбрала самый дешёвый футонг.

— Этот с синтепоном, — сказала Намико. — Шерстяные лучше.

Но шерстяные стоили почти втрое дороже, а ведь даже за синтепоновый ей пришлось отдать бумажку с четырьмя нулями, десять тысяч йен — по сегодняшнему курсу обменного пункта в Нарите — сто долларов. Намико заполнила бланк, который выдала кассирша.

— Завтра Вам доставят футонг домой, за это с Вас взяли лишние пятьсот йен. Мы, японцы, никогда не носим сами крупные вещи, их привозит магазин.

— Всё в порядке? — встретил их с улыбкой Хидэо.

Он оставался в машине просмотреть какие-то бумаги. Даже в субботу он работал. Согласно списку, заботливо составленному Хидэо, кроме футонга ей предстояло купить стол со стульями, холодильник и газовую печь.

— Я всё спланировал! Всё продумал, — горделиво улыбнулся Хидэо, — Вы не потратите слишком много денег! Я отвезу Вас в комиссионный магазин.

Магазин на узенькой улочке на глухой окраине напоминал лавку старьёвщика. Хидэо сам взялся выбирать мебель, переставляя обшарпанные стулья, передвигая облупленные столы. Наконец под грудой какого-то хлама он отыскал большой массивный стол и удовлетворённо сообщил:

— Этот годится! На случай землетрясения.

В своей жизни ей приходилось покупать разные столы: для работы, для еды… Стол для землетрясения она приобретала впервые.

— При первых толчках надо залезть под стол с подушкой на голове, — объяснил Хидэо.

Он даже попытался заставить её прорепетировать. Должно быть, только отсутствие подушки вынудило его отказаться от этой затеи. Столу с толстой доской столешницы и массивными ногами предстояло спасти ей жизнь, приняв на себя падающий потолок. Прочность стола извиняла его недостатки: отклеившуюся фанеровку, въевшуюся грязь.

— Ничего, стол почистят перед тем, как везти к Вам, — отверг возражения Хидэо и добавил строго: — Я отвечаю за Вашу безопасность!

Перепачкав пылью костюм, Хидэо ворошил старые железки, выбирая подержанную газовую плиту. Вечерело. За окнами запорхали снежинки. Из неплотно прикрытых дверей потянуло ледяным сквозняком. Пожилая хозяйка магазина с пухлым плоским лицом, смешно семеня ногами в коротких широких брюках, пошла зажигать круглую газовую печь. Отблески синеватого пламени странно шевелились на пожелтевшей бумаге ширм. От висевших в углу кимоно тянуло запахом плесени. Вокруг неё жил мир странный, нереальный. Она бродила между полок, слегка касаясь пальцами лаковых подносов, маленьких чашек с блёклыми хризантемами… Она была в Японии! Наконец Хидэо выбрал последнее — маленький холодильник. Ей осталось только заплатить непрерывно кланяющейся хозяйке. Сумма почти в точности совпала с тем, что оставалось в конверте.

— О, я всё подсчитал, — гордо улыбнулся Хидэо.

Он заботился о гостье, не жалея времени и сил! Она поблагодарила Хидэо от всей души и с наслаждением забралась в машину — там было тепло.

— Теперь ужинать! — весело приказал Хидэо, — Намико присмотрела тут один ресторанчик…

Двадцать шагов от машины до ресторана показались ей дальней дорогой. Пальто, казавшееся таким тяжелым в Токио, насквозь продул сырой холодный ветер.

— Обычный март в наших местах, — пожал плечами Хидэо.

— А в Токио тепло, — удивилась она. — Откуда такая разница в погоде на расстоянии всего в двести километров?

— Токийский залив омывается тёплым течением, а здесь, на севере Хонсю, тёплые потоки встречаются с холодными, потому климат так сильно изменяется на коротком расстоянии. Наш город стоит как раз на границе — у нас уже прохладно, но ещё растёт бамбук, как на юге. И есть сезон дождей. Севернее его уже нет. И бамбука тоже. — Хидэо объяснял, как школьный учитель, а она слушала, как прилежная ученица. От всех этих географических подробностей острова Хонсю теперь зависело, как ей жить, как одеваться…

Расталкивая лбами чёрные полотнища с белыми иероглифами, занавесившие дверь, они шагнули в уютное тепло ресторанчика. Супруги Кобаяси заученными движениями скинули у порога обувь, оставшись в безупречных носках. Она замешкалась. Нет, на ней не было драных носков. На ней не было никаких носков. В России это нормально — туфли на босу ногу. Но здесь… С минуту она колебалась — как быть? — с надеждой изучая ноги народа в маленьком зальчике. Надежды рухнули — обутых не было. Пришлось разуться. Супруги Кобаяси с

интересом глянули на её ноги и деликатно отвели глаза. А она зашлёпала босиком по ресторану, затверживая ещё один японский урок — в любую минуту надо быть готовой предстать перед обществом разутой!

Навощённый паркет был абсолютно чистым, а главное, тёплым. Вслед за своими японскими спутниками она подошла к низкому столику, опустилась на подушку на полу. Попробовала сесть, как они, на колени, стараясь натянуть подпрыгнувшую юбку до сколько-нибудь приличного уровня. С юбкой дело обстояло терпимо, но вот с ногами… Через пять минут она поняла, что если не встанет сейчас, то без посторонней помощи не поднимется вообще. После мучительных поисков положения, в котором можно высидеть хотя бы полчаса, она устроила ноги сбоку стола, накрыв их пиджачком, чтобы её голые ступни не портили аппетит близко сидящим соседям — ресторанчик был крохотный, на шесть столов. Официантка положила в микроволновую печь какие-то белые трубочки, через минуту достала их щипцами, разрезала ножницами упаковочный полиэтилен, подала на металлической тарелочке… Трубочки оказались влажными махровыми салфетками. Последовав примеру Хидэо, она прижала горячую салфетку к лицу, почувствовала, как уходят усталость, озноб… За окном падал мокрый весенний снег. Крупные хлопья ложились на ветви крошечных сосен. Это были взрослые деревья, с оформившейся кроной, но ростом не более полуметра. Позади сосенок золотился в лучах фонаря низкий бамбуковый заборчик…

Официантка поставила перед ней продолговатый подносик, заполненный вещами красивыми и странными. Две чёрные лаковые чашки с крышками украшали золотые ветки, прочерченные тонко, легко. На маленьком прямоугольнике грубой серой тарелочки, корявой, как пластик засохшей глины, лежали какие-то белые ломтики, розовые дольки, фиолетовые шарики.

— Это солёные овощи: редька, чеснок, маленькие баклажаны, — помогла Намико.

Только кусок свинины, зажаренной в сухарях, выглядел вполне родным. Он был уже нарезан, и понятно почему — ножей на столе не было. Вилок тоже. Только деревянные палочки. Под крышкой одной из чашек оказался горячий белоснежный рис. Из другой чашки пахнуло кисловатым паром. В мутно-жёлтой жиже плавали тёмные волокна какой-то травы — это походило на суп. Японский ужин (или обед?) полагалось есть весь сразу, вперемежку — мясо, рис, суп. Но сначала Хидэо и Намико взяли в руки цилиндрические фарфоровые стаканчики с синеватыми

разводами — начинать надо было с зелёного чая. Она решила делать всё, как японцы. Хидэо обильно полил мясо соевым соусом, подцепил палочками кусок. Она попробовала сделать то же самое, зажав мясо так, что пальцы покраснели от напряжения. Кусок выскользнул в тот момент, когда она уже почти донесла его до рта. К счастью, он упал обратно в тарелку, а не на светлую юбку. Только блузке не повезло — коричневые брызги соуса разлетелись веером.

Хидэо рассмеялся и взялся преподать ей краткий теоретический курс — одну из палочек надо крепко зажать большим и безымянным пальцами, оставляя её неподвижной, а другую взять, как карандаш. Этой второй палочке полагалось двигаться, захватывая еду. Слегка освоившись с мясом, она стала поглядывать на рассыпчатый рис. Есть мясо без хлеба она не привыкла, а хлеба на столе не было, только рис. Но как ухватить тонкими палочками крупинку? Однако слипшиеся в комочки зёрна на удивление легко пристали к палочкам — есть рис оказалось даже проще, чем тяжёлые куски мяса. А если взять чашку в руки, как сделал это Хидэо, поднести близко к лицу и закидывать рис в рот короткими, быстрыми движениями — так и совсем просто получалось. А вот справиться с соблазнительным горячим супчиком нечего было и думать. Как справиться с ним, с жидким, без ложки? Проблема решилась просто — Хидэо поднёс чашку к губам и стал пить суп через край.

Облегчённо вздохнув, она последовала его примеру. Что-то жёсткое стукнулось о зубы — маленькая круглая раковина. Она смутилась. А вот Хидэо, с которым приключилось то же самое, спокойно выплюнул ракушку в суп и принялся расковыривать её палочками. Даже для него эта работа была не из лёгких — палочки скользили по полураскрытым чёрным створкам. После немалых стараний и ей удалось извлечь маленький сероватый комочек и даже донести его до рта. Правда, не весь. Судорожно сжатые палочки раздавили нежное тельце моллюска, уронили часть на стол. Но расстраиваться не стоило, потеря не превосходила размером булавочную головку. Да и то, что удалось съесть, было не больше. Она с сожалением посматривала на красивую мозаику солёных овощей — управиться палочками с крошечными скользкими шариками нечего было и думать! На сегодня достаточно с неё японских уроков! Она почувствовала, что смертельно устала.

— Пора! — Хидэо поднялся быстро, упруго.

Не встал, взлетел, незаметным движением взметнув своё лёгкое тело. Она с трудом заставила шевелиться затёкшие от непривычного положения ноги, помогая себе руками, поднялась

нелепо, тяжело. Хозяева деликатно потупились, словно заранее зная — иностранец в Японии не может не быть нелеп. У выхода Намико шепнула ей что-то на ухо.

— Туалет японский, — Намико словно извинялась.

И смотрела вопросительно, сомневаясь, справится ли гостья? Вместо привычного высокого унитаза в полу был устроен узкий продолговатый жёлоб, забранный в стальное корытце. Вся жизнь японца проходила на полу. И ей предстояло научиться вставать и приседать легко. Как японцы.

В углу гостиничного номера стояли пластмассовые шлёпанцы. На кровати лежало новое ситцевое кимоно в мелком узоре синих кружочков по серому полю и широкий синий пояс, связанный треугольником. На столе в чёрной коробке — пластмассовой, но похожей на старинный лак с золотым рисунком, скрывались две маленькие чашки и четыре пакетика зелёного чая. Это — от Японии старой. От Японии новой, электронной было куда больше вещей — кондиционер, большой телевизор, маленький холодильник, электрочайник, электронный будильник, встроенный в тумбочку, а в ванной — фен и вентилятор. На полочке возле раковины нашлось мыло, пакетик с зубной щёткой и крошечным, на один раз, тюбиком пасты. И ещё шампунь, ватные тампоны, шапочка для душа, бритва, расчёска, розовые, под цвет стен, резинки для волос… Скудное пространство умудрилось вместить немыслимое число свидетельств виртуозной японской предупредительности. На письменном столе лежало то, что могло пригодиться в любой момент: инструкция на случай землетрясения и ресторанное меню, надписанное крупно: "Япония — страна лучшего в мире сервиса!" Она охотно согласилась с надписью и мгновенно уснула.

Утром проснулась рано — разница с Москвой в шесть часов сбивала сон. До назначенной встречи с Хидэо оставалось достаточно времени. Выпив зелёного чаю, она накинула пальто и вышла в город. Гостиница расположилась в самом центре, Хидэо называл его на английский манер Даун-Таун — Нижний Город. Города всего мира предпочитали устраиваться в долинах, но здесь как-то особенно ясно было, что этот город нижний, потому что с трёх сторон его окружали горы. А четвёртую, открытую омывало море. Она шла по дороге, где не разъехаться двум машинам, по тротуару, где не разойтись двум пешеходам. Её ноздри щекотали незнакомые запахи, глаза слепили невиданные образы: мелкие квадраты оконных переплётов, загнутые вверх углы крыш, каменные фонари… Мимо маленьких домиков с игрушечными садиками ожившей куклой семенила женщина в

кимоно.

В гостинице она достала из сумочки свою первую покупку — открытку со старинной японской красавицей в высокой причёске и села сочинять письмо домой. Она писала о бескорыстном коридорном, о ресторане, где ходят босиком, и о супе, который едят палочками… Писала о том, что ей многому придётся научиться в этой стране, но она надеется выжить, потому что кроме водорослей японцы едят ещё и жареную свинину. Вкладывая открытку в конверт, она заметила, что письмо написано на красавице, перевёрнутой вниз головой, но решила — дома поймут, что это от избытка восхищения. Правильно поймут. Она надписала на конверте свой московский адрес, оставив вместо обратного пустое место.

Татами, футонг и пять пар тапочек

Не успела руки отнять,
Как уже ветерок весенний
Поселился в зелёном ростке.
"Посадка риса" Басё

— Это Ваш домашний адрес, — пока Хидэо укладывал в машину её чемоданы, Намико протянула листок.

Написано было по-английски, но выглядело странно: ни улицы, ни номера дома, только нечто непонятное под названием "чомэ". Оказалось, названия давали только большим проспектам, а в тесноте жилых районов адрес определяли эти самые "чомэ", то есть кварталы. Её чомэ имел номер один, у кварталов были номера. А домам номера не полагалось, им давали имена. Её дом назывался романтически — "вершина холма". Он и правда стоял на вершине холма, город не умещался в долине и выталкивал новые районы в предгорья. Но на этой самой вершине кроме её дома располагались десятки других. И все без номера. Не привези её сюда Хидэо, нескоро нашла бы она эту самую "вершину холма".

— Нравится? — спросил Хидэо.

Она кивнула. Ей понравилось название дома, написанное на бетонной плите у входа в подъезд. Крупные иероглифы, выгнутые из медного листа, причудливо сплетали тонкие лапки, как золотые жуки, ползущие среди плотных листьев вечнозелёного куста, посаженного у плиты. А сам дом был так себе, серая бетонная коробка в четыре этажа. Без лифта и без подъезда —

двери квартир выходили на галереи, разбегавшиеся от лестницы, прикрытой застеклённым колпаком.

Открыв входную металлическую дверь — несерьёзную, тонкую, полую, они оказались на крохотном бетонном пятачке. Здесь полагалось оставить обувь и только потом шагнуть на возвышающийся пол прихожей. Нехитрая эта конструкция надёжно отсекала уличную грязь. Хидэо и Намико мгновенно скинули туфли и бесстрашно ступили на ледяной пол в тонких носочках. Намико выгрузила из своих сумок рюмки, вилки, ножи, кастрюли, полотенца… И шлёпанцы.

— У меня есть тапочки, я привезла из Москвы, — отказалась она от подарка.

Намико придирчиво осмотрела русскую обувь, вежливо забраковала:

— Мы, японцы, предпочитаем тапки без задников.

Обувь японскую, насквозь синтетическую, неуютную, пришлось надеть, чтобы не обидеть Намико, которая заботилась о ней, как родная сестра.

Квартира встретила странным запахом.

— Пахнут татами, они сплетены из травы, — объяснила Намико, — новые татами так приятно пахнут!

Русскому нюху запах приятным не показался. Пахли не только татами, но и отсыревшее дерево стенных шкафов, и свежая, но как будто мокрая бумага, которой были оклеены раздвижные двери комнат.

— Они называются фусума, — Намико объясняла ласково, охотно. — У нас даже в новых домах всё по-японски. — И тут же утешила: — Но туалет у Вас западный, с высоким унитазом, вестерн стайл.

А жаль! Она хотела жить совсем по-японски. Столовая и проходной коридорчик, где притулилась кухня, были застелены линолеумом. Пол двух других комнат образовывали татами — толстые циновки, окантованные по краям широкой тесьмой. Шесть татами размером сто восемьдесят сантиметров на девяносто, плотно пригнанные друг к другу, точно укрывали стандартную японскую комнату в девять и семь десятых квадратных метра — в тонкости японской геометрии её посвятил Хидэо.

Её ногу, занесённую над зелёной циновкой, остановил вопль Намико:

— В тапочках нельзя!

Оказалось, по татами можно было ходить только в носках. Или босиком. Ей опять предстояло переобуться, вернее разуться. Чтобы не сбиться, она повторяла про себя последовательность

операций: входя в дом, надо надеть тапочки, входя в татами-комнату, их снять, выходя из татами-комнаты, снова надеть. На пороге туалета её опять настиг крик Намико:

— Тапочки!

Она затравленно скинула шлёпанцы, ступив босиком на холодные плитки пола. Намико бегом догнала её, завернув по дороге в прихожую, к своим сумкам за новой парой шлёпанцев с английской надписью "туалет" на носках.

— Входя в туалет, положено переобуться в специальные тапочки, — наставляла Намико.

Надпись "туалет" не являлась необходимым атрибутом туалетной обуви. Годились и ненадписанные тапки. Но специальные, другие. В которых по прочим помещениям не ходят. Эти шлёпанцы должны были стоять на пороге туалета. Она прикинула, сколько же пар тапочек соберётся у неё в доме, если она решит следовать японским традициям? Одни — для столовой, одни — для туалета, минимум две пары для гостей… И ещё она намеревалась сохранить удобные тёплые русские тапки, чтобы переобуться, когда гости уйдут. Получалось пять пар! Её жизнь грозила превратиться в сплошное переобувание: на дистанции в полтора метра от входной двери до татами-комнаты полагалось сменить обувь три раза. А если по дороге завернуть в туалет, то пять. Передвигаясь по собственному дому, она должна была постоянно помнить, что когда обуть. И когда снять. Опасаясь, что такая умственная нагрузка губительно скажется на её научной деятельности, она решила в будущем процедуру упростить. А пока под пристальным взглядом Намико покорно переобувалась. Тем более, что сегодня на ней были новенькие носочки.

Три крохотные комнатки с низким потолком (пожалуй, пониже будет, чем в хрущобах) должны были стать её домом на целый год.

— О, какая роскошь! — Хидэо поймал её скучный взгляд и пояснил свой восторг: — Мы могли бы снять для Вас однокомнатную квартиру. В Японии это нормально: один человек — одна комната! А у Вас их целых три. Это роскошь!

Хидэо гордился, а она растерянно озиралась. Она предпочла бы нечто поменьше, но потеплее, поуютнее. Она не ожидала, что, снимая квартиру в Японии, получит только голые стенки. Ни отопления, ни телефона…

— Всё это Вам придётся купить отдельно. Но газовую плиту Вы уже купили, а колонки в ванной и в кухне у Вас есть! И душ! В квартирах подешевле Вам пришлось бы покупать и это. Таковы правила.

Ей не понравились японские правила. Хидэо — её вопросы. Явно обиженный, он отошёл окну.

— Мы с женой сняли для Вас роскошную квартиру! Посмотрите, какой вид!

— О, вид на океан! — воскликнула Намико, хлопая в ладоши.

Намико всё время говорила так, восторженно восклицая. Должно быть, от смущения. Хидэо, стоя на полу, прилаживал абажуры к невысокому потолку, вставлял кольцевые лампы дневного света в хитрые зажимы. Сама она вряд ли справилась бы с непривычной конструкцией. Намико извлекла из своей бездонной сумки большие плоские подушки, положила на холодный линолеум столовой, уселась на них и принялась подшивать принесённые из дома шторы. Иголки, нитки, ножницы тоже были заботливо припасены заранее. Она покорно села рядом, взяла окоченевшими пальцами ледяную иглу. Холод в квартире был адский. Уже смеркалось, когда супруги Кобаяси ушли. Эти милые люди пожертвовали ради неё своим выходным днём!

Вокруг медленно погружался в холодные весенние сумерки странный мир: татами, фусума… За стеклянной балконной дверью зажигал первые огоньки лежащий далеко внизу, у подножия холма японский город, отчёркнутый от неба серой полоской моря. Это было не море даже, а сам великий Тихий океан. Она жила теперь совсем близко от него, километров восемь по прямой, — говорил Хидэо Она стояла посреди своей японской квартиры. Стояла, потому что сесть или тем более лечь было не на что, разве что прямо на татами. Впрочем, для японца татами и постель, и стул, и диван… И её жизнь согласно японским законам обещала теперь опуститься на пол, приземлиться, вернее, притатамиться. Она попробовала присесть на травяной пол — неудобно!

В дверь позвонили. Парень из комиссионного магазина улыбнулся, поклонился, извинился и, лягнув ногами, легко сбросил туфли. Всё это он проделал, не выпуская из рук тяжёлый стол. Другой парень, поддерживавший дальний конец стола, исполнил то же самое и только после этого помог босому товарищу втащить стол, поставить, где она указала. Затем в сопровождении переобуваний, поклонов и извинений прибыли стулья, холодильник и газовая плита, маленькая, с двумя конфорками и крошечной духовочкой между ними. Плита спокойно уместилась на обитом жестью столике рядом с раковиной. Она зажгла горелку без спичек — электрические зажигалки были встроены в плиту. Одна конфорка работать отказалась, немало удивив её, уверенную, что в Японии всегда и

всё в порядке. В дверь позвонили опять. Рассыльный из универмага проделал всё положенное: поклон, улыбка, извинение… Затем разулся и внёс в комнату футонг. Чаевых никто не брал, да она и не предлагала, помня вчерашний опыт. Магазинные фургоны приезжали точно в обещанное время, легко находя её дом без номера. Может, им помогал разобраться подробный план её чомэ, висевший у въезда в квартал на большом щите?

Дом заполнился тем, что она купила вчера. Здесь уже можно было есть, спать, готовить еду. Но сначала надо было согреться. Она втащила в спальню футонг и остановилась, решая нелёгкую задачу — где улечься? В японском доме постель — понятие движущееся: вся маленькая татами-комната — одна большая кровать. Утром телефильм в гостинице успел ей рассказать — японец предпочитает положить свой футонг посреди комнаты. Вся семья укладывалась рядышком, бок о бок, оставляя пространство при стенках пустым. Но её русскому естеству показался неуютным простор вокруг подушки, и она устроилась в уголке, возле балкона — расстелила пухлый матрац, покрыла его пухлым одеялом, посмотрела с недоверием на странную постель прямо поверх травяного пола. Неужели тут можно спать? Внутри подушки шуршали и катались мелкие сыпучие шарики.

— Шарики впитывают влагу. Это удобно, подушка не отсыреет, мы все спим на таких, — объясняла Намико вчера в магазине.

Она жила теперь на острове, посреди воды и сырости. С этим приходилось считаться. Но бедную свою голову, которой предстояло кататься по шарикам, ей было жаль. Огромное одеяло тёплым облаком прильнуло к татами, не давая проникнуть холоду. Она быстро согрелась и решила, что футонг — неплохое решение проблемы холода в доме. Ворочаясь на жёстком ложе, она вспоминала рассказы Намико о немецком профессоре, который так полюбил татами, что одну циновку даже увёз с собой в Германию.

— Привыкну и я! — утешала она себя, намереваясь твёрдо следовать японским традициям. И терпеть. Раз так положено в Японии. Но, уже засыпая, подумала, что всё-таки вряд ли поступит так, как этот немец.

Моюсь на полу, стираю на балконе…

Вишни у водопада…
Тому, кто доброе любит вино,
Снесу я в подарок ветку.
Басё

Проснувшись утром, она упёрлась взглядом в непривычно близкий, непривычно травянистый пол. Она спала на татами! Как настоящая японка! Она выбралась из футонга, закуталась в плед, вышла на балкон. Над океаном в белой дымке вставал красный шар солнца. Влажный ветер нёс запахи травы, набухающих почек. Прямо из-под её ног убегали вниз по склону ровные ряды соседских крыш: серых, красных, черепичных, железных, но неизменно аккуратных, свеженьких. Четырёхэтажные "высотки", такие, как её жилище, стояли только на проспекте, проложенном по гребню холма, а узкие улочки, уходящие к его подножию, заполняли маленькие частные домики, да казённые двухэтажки, простенькие, как бараки. Их украшали галереи входов по одну сторону, балкончики по другую, очень чистые, абсолютно пустые, словно нежилые. Только на некоторых стояли большие пластмассовые коробки, скрывавшие домашнее барахло. Ровненько постриженные деревца все были одинакового роста. Город лежал неправдоподобно чистенький, аккуратный, словно декорация в театре, задумавшем разыграть пьесу про Японию.

В соседнем доме вышла на балкон женщина, повесила на перила стёганое одеяло, прицепила скобами больших прищепок.

— Футонг надо сушить на улице, складывать в стенной шкаф, а вечером расстилать на татами. Мы, японки, делаем так ежедневно, — наставляла Намико и пугала: — Если полениться, пренебречь этой процедурой, то свеженький футонг быстро запахнет сыростью, а татами под ним заплесневеет.

Она вернулась в комнату, почувствовала — она тут не одна. За ней пристально наблюдает японец футонг. Уж он-то научит её японскому трудолюбию. Она, как и её соседка, развесила матрац и одеяло на перилах балкона, ей нравилась эта игра. Игра в Японию. Там, где лежал футонг, татами цепко хранили накопленное за ночь тепло. Она прошлась босичком по циновкам, по тугому плетению скользящей как шёлк травы, прилегла на тёплой полянке, чтобы как следует ощутить, каково оно, татами…

Где-то забулькала вода. Казалось, течёт прямо на голову, устроившуюся возле балконной двери. Соседи сверху поливали цветы? В марте? Впрочем, для цветов струя казалась слишком щедрой. Она бросилась спасать футонг. В углублении возле широкой трубы, протыкавшей стопку балконов, пенилась мыльная вода. Воды было много, она не успевала уходить через

решётку возле основания трубы и разливалась по бетонному желобку, бегущему вдоль балконных перил. Грязный поток бурлил у её ног, обдавая запахом стирального порошка. В первый же день соседи сверху затопили её грязной мыльной водой! И откуда она взялась на балконе? Что они там делали? Мыли пол? В шесть утра! Что за дикие фантазии! Поток иссяк. На третьем этаже над её головой послышался ровный шум. Пылесос? Шум внезапно оборвался. Возле трубы опять запенилась вода. Последовательность событий приводила к невероятному выводу: на балконе работала стиральная машина! Ну хорошо, можно позволить себе такую прихоть — вытащить на балкон стиральную машину! Тем более при японской тесноте. Но сливать воду на балкон соседей — это возмутительно! Она решила подняться наверх и сказать, что её затопило. Но как сказать? По-японски не получится, а по-английски могут не понять. Да и принято ли в Японии ходить в таком случае к соседям? Тем более в шесть утра.

Она втащила едва не намокший футонг в спальню, вылила в бетонный желобок у перил полный чайник воды, чтобы смыть химический запах, но вскоре обнаружила там новый поток. Впрочем, по полу вода не растекалась, точно умещаясь в желобке, словно специально сделанном на тот случай, если польётся сверху. Строители как будто знали, что жильцам взбредёт в голову странная идея вытащить стиральную машину на балкон, а грязную воду слить к соседям. Стоя с чайником в руках, она осмотрелась. В кухню за водой можно было не ходить: на балконе из стены торчал кран. Рядом нашлась электрическая розетка. Может, здесь принято пить чай на балконе? Она вернулась в квартиру, чтобы принять душ. Горячей воды в водопроводе не было. Как и нигде в городе, так говорил Хидэо. Да и колонки имелись только в дорогих домах. У неё их было целых две: почти русский по конструкции газовый нагреватель на стене в кухне и допотопный агрегат в виде тумбочки, занимавшей почти четверть ванной комнаты. Долго наслаждаться душем она не решилась, опасаясь больших счетов — расход воды и газа учитывался. На входной галерее у каждой квартиры густо гнездились счётчики.

— У нас всё дорого, — предупредила Намико. — Мы экономим всё: воду, газ, электричество… Мы так привыкли.

Намико рассказывала, что и по сей день немалая часть японцев отдаёт предпочтение не расточительному душу, а традиционному для японцев маленькому ковшику. Из него поливает себя моющийся, стоя на полу. Кроме ковшика японцы уважали ещё и свою ванну — офуру. В её ванной комнате тоже стояла офура — маленький кубик из голубой пластмассы, в котором не то, что лежать, а и сидеть можно было только скорчив

ноги. Офура — тоже штука экономная, воды забирает мало, и гоняет её через газовую колонку, подогревая. Для экономии тепла ту часть ванны, которая оставалась свободной после погружения моющегося, полагалось накрыть доской, в её случае тоже пластмассовой, как и ванна. Она забралась в офуру, намылилась, вымыла голову шампунем. Колонка вдруг погасла, как будто в неё перестала поступать вода. Из крана вода шла, значит, засорилось что-то внутри колонки. Она выдернула пробку, закрывавшую сливное отверстие офуры. Целый потоп хлынул на пол — засор носил глобальный характер — её грубая русская грязь забила нежные трубы всей японской канализации. В ужасе она решила собрать воду с пола тряпкой. Но половая тряпка — роскошь для вновь прибывшего за рубеж с чемоданом отборных нарядов.

Представив разъярённых соседей снизу, ругающихся по-японски, она без колебаний швыряла в мыльную воду белоснежные простыни и полотенца. Соседи не появились, а вода, которую она не успела промокнуть, благополучно убралась через решётку в углу. В прихожей тоненько пискнул звонок — на пороге стояли супруги Кобаяси. Она попятилась, в надежде скрыть разгром в ванной, но Хидэо шустро заглянул за её спину.

— Что случилось?

Пришлось рассказать о потопе. Супруги изумлённо переглянулись и, не стесняясь, расхохотались. Насмеявшись вдоволь, Хидэо принялся рисовать чертёжик, объясняющий устройство офуры. Отверстие в дне открывалось в никуда — сливная труба отсутствовала. Намико тем временем занялась исследованием угасшей колонки.

— Вы мылись в офуре? — Намико в ужасе всплеснула руками. — Мыться в офуре нельзя! В офуре только греются!

Мыться полагалось до того, используя ковшик или душ, а она сделала нечто дикое — помылась в ванне! И конечно, засорила мыльной пеной тоненький трубопровод, который подаёт воду в колонку. Но беда была поправима: на сей случай существовало специальное средство, которое промывает трубы.

Супруги привезли телевизор и стиральную машину — запасливо сохранённые вещи из старого дома, для нового они купили всё новое. Пока она прикидывала, куда определить подарки, Хидэо, ни минуты не колеблясь, потащил стиральную машину на балкон. Ширина балкона почти точно совпала с её размером.

— Вам придётся купить электрический шнур, — приказал Хидэо, — этот короток.

Но шнур точно достал до розетки.

— Вам придётся купить шланг для воды, до крана далеко…

Но кран оказался так близко, что торчащего из машины короткого обрезка резиновой трубки как раз хватило. Всё сошлось так идеально, словно машину делали для балкона, а балкон — для машины. Она обрадовалась. А Хидэо почему-то огорчился.

— Вам не придётся ничего покупать…

Из крана на балконе шла только холодная вода.

— Мы, японцы, стираем холодной водой.

Намико говорила об экономии энергии и о замечательных свойствах японских стиральных порошков. Она даже прихватила с собой одну пачку, чтобы облегчить иностранке начало её японской жизни. Ну что за милые люди эти японцы! Гостеприимные, заботливые! Хидэо показал, как пользоваться стиральной машиной, и уехал в университет. А Намико повела её в хозяйственный магазин, чтобы купить средство для исцеления офуры. В бетонном жёлобе, протянутом вдоль тротуара, журчала вода. Укрывавшие жёлоб плиты выпускали наружу запахи кухни и мыла. Должно быть, именно сюда попало то, что вылилось из её офуры. Япония экономила на сливных трубах не только в домах, но и на улице. Выемки по краям бетонных плит, явно служившие для того, чтобы ухватить их руками, были обсыпаны белым порошком — от крыс и всякой нечисти, что могла расплодиться возле грязной воды. Вернувшись из магазина, она промыла трубопровод офуры и решила впредь не использовать это нежное японское сооружение. Отныне мыться ей предстояло, стоя на полу, на холодных кафельных плитках. И струю душа следовало делать слабенькой, чтобы вода успевала убираться в решётку слива в углу и не переливалась через порог.

Разобравшись с ванной комнатой, она осмотрела свои стены, покрытые пятнами. Они явно требовали её забот! Разрисованные под дерево скользкие обои на вид напоминали пластик, который можно мыть. Достав мочалки, мыло и порошки, она ринулась в бой, устроив настоящий поток горячей воды. Через четверть часа заплакали стены, а бумажная оклейка шкафов и дверей вздулась подозрительными пузырями. Обнаружились и другие катастрофические последствия её трудов: мягкая губка напрочь сдирала краску с вроде бы моющихся обоев, а брызги от летающей в её руках тряпки оставляли несмываемые грязные следы на белой бумаге раздвижных дверей. Субтильный японский дом не выносил её мощного русского натиска. Он вообще был какой-то непрочный, этот японский дом. Скотч отклеивался от стены вместе с лохмотьями чего-то, похожего на штукатурку, хилый гвоздик протыкал насквозь тонкую перегородку, нежные татами покрывались незаживающими вмятинами даже от ножек лёгкого столика, обутых в специальные пластмассовые колпачки.

Испугавшись, она покончила с уборкой.

Вечером опять заехал Хидэо. Он словно опасался оставлять её наедине с японским домом. Честная исповедь о нанесённых квартире повреждениях испугала Хидэо. Потрогав серые пятна на обоях и пузыри на дверях, он печально покачал головой.

— За любое увечье, нанесённое квартире, Вам придётся платить.

Он не рекомендовал мыть стены и делать в них дополнительные дырки. Правда, неясно было, как хозяину удастся отличить новые дыры от десятка старых, уже имеющихся. Она решила свой единственный хилый гвоздик бессовестно скрыть, поделившись с Хидэо лишь впечатлениями: вбить гвоздь в здешнем доме ничего не стоит, а вот с московской бетонной стеной мог справиться только мужчина, вооружённый дрелью. Хидэо выслушал рассказ неодобрительно, как знак русского варварства, утешил:

— Здесь Вам дрель покупать не придётся.

Проводив Хидэо, она вышла на балкон, чтобы опробовать свою новую стиральную машину. Мыльная вода устремилась вниз к соседям — долг платежом красен! Общая сливная труба обещала сделать её полноправным членом тесного японского коллектива. Отогревая руки чашкой с горячим чаем, она писала письмо домой:

— Моюсь на полу, стираю на балконе…

И представляла, как удивятся домашние, проводившие её в богатую страну — Японию.

Японский дом (Японский дефицит)

Сад и гора вдали
Дрогнули, кажется, входят
В летний раскрытый дом.
Басё

Рано утром из комиссионки привезли исправную плиту взамен негодной — Намико позвонила в магазин, и брак немедленно заменили. Парни сами отцепили от газовых труб старую печь, сами присоединили новую. Квартира приобретала вполне жилой вид, пора было обживать окрестности, найти место для зарядки… Она открыла входную дверь, вышла на продутую холодным ветром галерею и замерла…

Справа розовели под утренним солнцем снежные вершины близких гор, слева блестело море. Счастливые люди — японцы жили между двух красот. Среди тесного ряда частных домиков показался маленький островок зелени. Десяток деревьев, парочка скамеек возле клумбы, детская песочница, лесенка, качели… Места в крошечном парке было так мало, что дорожка, петлявшая между ровно постриженных кустов, прямых участков не имела, только повороты. Но бежать по плотно утрамбованной красноватой кирпичной крупке было удобно. Ровно в шесть тридцать пустынный парк вдруг, как по команде, заполнился народом, пятнадцать человек в таком скверике — уже толпа. Пожилые мужчины и женщины, дамы средних лет — те, кому не надо спешить на работу и нянчить детей. Кто-то включил маленький приёмник, и, повинуясь музыке и тоненькому голоску — ич-ни-сан (раз-два-три), народ стал в кружок и принялся дружно размахивать руками. Упражнения были лёгкие, упражняющиеся знали их хорошо, должно быть, собирались на зарядку регулярно. Две старушки заметили её, закивали ласково, подзывая. Она пристроилась к группе — в Японии трудно остаться индивидуалистом! Пять минут после зарядки ушло на взаимные поклоны и улыбки. Пять минут улыбок — хорошее утреннее упражнение!

Дома она заварила зелёный чай, вдыхая смесь запахов моря и луга, открыла пакет с хлебом. Хлеб уже был нарезан толстыми кусками, тонко эту ватно-белую массу не нарежешь. И жевался хлеб, как вата. Съесть кусок удалось, только подсушив его в печке. Большой ломоть занял всё маленькое пространство духовочки. Подождав, пока хиленькое пламя справится с непосильной для него пухлой грудой, она сжала пальцами мягкие бока бутылки с мёдом — из пластмассового носика легко полилась струя. Мёд был несерьёзный, жидкий, с конфетным привкусом, но это был японский мёд! День начинался замечательно! И обещал так же хорошо продолжиться — супруги Кобаяси устраивали специально для неё домашний обед. Хидэо заехал за ней.

Машина пошла по шоссе вдоль леса — Кобаяси жили в пригороде.

— Мы совсем недавно купили этот дом, — рассказывал Хидэо, — а прежде жили с родителями в маленьком посёлке, в двадцати километрах от города. Я ездил в течение тридцати лет, с тех пор, как стал студентом.

После смерти отца родительский дом достался Хидэо и он решил его продать и переехать в город. Пятидесятилетний Хидэо надеялся стать профессором, а для репутации человека,

мечтающего получить эту должность, нехорошо жить чуть ли не в деревне.

— На жильё в центре денег не хватило, — Хидэо рассказывал хотя и не очень охотно, но честно. — Даже на окраине за дом пришлось заплатить сорок пять миллионов йен! В долларах — больше четырёхсот тысяч — в Японии дорогая земля. Но владеть ею очень выгодно. Из-за земли владелец дома всегда богаче владельца квартиры.

К деньгам, вырученным от продажи родительского гнезда, Хидэо добавил собственные сбережения и взял в банке кредит.

— Мы с Намико спланировали так, что до моего ухода на пенсию я как раз успею его выплатить, — Хидэо говорил, а она завидовала японцам, которые могли распределить свои денежки на десять лет вперёд и не сомневаться, что всё сбудется.

Свободной земли в городе не было, и новый район, где поселились супруги Кобаяси, построили на террасе на склоне холма. Ровного места было мало: всего три короткие улочки, одним концом утыкавшиеся в холм, другим — в обрыв.

— Пространство в Японии — дефицит, — Хидэо указал на дальний конец улицы, где трудился бульдозер, отрезая от горы площадку для нового строительства. — Мы очень экономим землю.

Узкую дорогу покрывали ровные прямоугольники свежего ремонта — случись тут выбоинка, объехать её было бы негде. Ровные ряды двухэтажных домиков были обведёны узкими рамочками садиков. Одинаково серенькие типовые дома, с одинаковыми розовыми пластмассовыми навесами для машин… Но ей, обитательнице ящика номер сто сорок на пятом этаже московской бетонной трущобы, эти жилища на земле показались мечтой и раем. Улыбаясь, смотрела она, как весеннее солнце весёлыми зайчиками прыгает по серой блестящей черепице крыш.

— Раньше из окон нашего дома открывался вид на океан. Но теперь участок продали, — вздохнул Хидэо. — Кто же его оставит, когда так мало места? Теперь здесь стройка… — Новый дом поднимался густым частоколом тонких деревянных брусьев каркаса. — Многочисленные опоры делают строение устойчивым при землетрясении, — объяснил Хидэо.

Япония постоянно думала о землетрясениях: покупая столы, строя дома… Стен у дома ещё не было, но тяжёлая черепичная крыша уже лежала на опорах. Рабочие обшивали каркас тонкими, кажется древесно-стружечными плитами. Два человека легко поднимали их и быстро прикрепляли к опорам, словно орудуя детским конструктором — дом рос прямо на глазах.

— Всего месяц назад этой стройки не было, — сказал

Хидэо. — А теперь дом почти готов!

Тонкостенный домик казался несерьёзным, дачным. Стройка, огороженная синей пластиковой сеточкой, мирно уживалась с чистенькими соседями, не создавая ни мусора, ни грязи. Рабочий щёточкой сметал с тротуара слкчайно залетевшие мелкие щепочки и стружки. Его голову зачем-то укрывала каска. Наверное, тоже на случай землетрясения?

Машина въехала на плитки дворика, вымытого так чисто, словно здесь уже начинался дом. Остановилась, едва не задев колёсами крыльцо. Они прошли по дорожке длиной в три шага, вошли в прихожую размером метр на метр… Ничего кроме обувного шкафа и двух больших деревянных кукол, стоящих на полу, в прихожей не было, вешалке тут места не нашлось. Улыбающаяся Намико забрала её пальто и куда-то унесла. Хидэо, следуя правилам японского гостеприимства, придвинул поближе к гостье нарядные новые тапочки, сам убрал её туфли в шкаф, приоткрыв ряд идеально ухоженной обуви на пластмассовых колодках. Комната, открывшаяся вслед за микроскопической прихожей, казалась очень большой. Но помещались в ней и столовая с обеденным столом, и кухня, отгороженная высоким посудным шкафом, и гостиная с диваном, журнальным столиком и креслами… К гостиной в западном стиле примыкала японская гостиная с татами. Вообще-то, это была другая комната, но оклеенная бумагой перегородка фусума, отделявшая её от гостиной, теперь была раздвинута.

Этот нехитрый японский приём добавлял помещению простора. Раздвижные перегородки и минимум мебели — так японцам удавалось преодолеть тесноту своих жилищ. На татами кроме телевизора стоял только низкий столик с подушками вокруг.

— Здесь я отдыхаю после работы, — сказал Хидэо. — Мы, японцы, предпочитаем смотреть телевизор, сидя на татами. — Две стены гостиной, сплошь стеклянные, раздвигались, присоединяя к дому сад. — Наш японский дом готов в любую минуту слиться с окружающим миром, открыться ветру, солнцу, — говорил Хидэо. — Мы придерживаемся старых традиций даже в новостройках, сохраняем серые черепичные крыши с загнутыми уголками, рыбку на коньке, мелкую клеточку переплётов на окнах, раздвижные стены, татами…

Хидэо повёл её показывать дом, приоткрыл дверь комнаты, где жила его мать, чтобы дать гостье полюбоваться самыми ценными вещами в доме: двумя старинными вазами, стоявшими в специальной нише — токонома. Старушка смотрела телевизор, сидя на татами на коленях.

— Она может оставаться в таком положении часами. Молодые это умение утеряли, да и мы… — Хидэо махнул рукой.

Гостья нахваливала строителей, подогнавших отшлифованные доски ведущей на второй этаж лестницы так тщательно, что стыки трудно было различить и глазом, и рукой. А Хидэо, стесняясь, повторял:

— Дом у нас скромный, деревянный…

И не обращал внимания на рассуждения о том, как полезны для здоровья деревянные дома.

Второй этаж по площади был меньше первого.

— Это — тоже наша традиция, — вздохнул Хидэо. — В одной из крошечных комнат на татами стояли две кровати, занявшие всё пространство. — Комнаты рассчитаны на сон в футонгах, с ними было бы просторнее. Но мы привыкли спать по-западному, на кроватях. — В ванной тоже было тесно, потому что короткую японскую офуру познавшие западный комфорт хозяева заменили длинной ванной. — Только комнату для гостей мы сохранили в японском стиле — сын и невестка спят в футонгах, когда приезжают в гости, — рассказывал Хидэо. — Для кроватей тут нет места. Зато я выкроил кабинет, заставил строителей поставить ещё одну перегородку.

В крошечном кабинете поместился только стол, втиснутый между двумя стенами, да полки с книгами. Кресло прижималось спинкой к стене — западный стиль плохо вписывался в японский дом. И тут ему на помощь приходил стиль японский — привычка держать в доме мало вещей, а те, что есть, прятать в стенные шкафы, за раздвижные двери. И окна в металлических переплётах раздвигались, иначе Хидэо не смог бы прикрепить полку у подоконника. Раздвигались и двери комнат.

— Это экономит пространство, — объяснил он. — Двери на шарнирах нерационально расходуют площадь, оставляя пустыми углы, которые невозможно использовать.

Раздвигалась и решётчатая гармошка калитки, бегая колёсиками по асфальту, иначе Хидэо не удалось бы припарковать свою машину в тесном дворике.

Намико пригласила гостью в сад. Они прошли по опоясывающему дом узкому дощатому балкончику, по лестнице в две ступеньки спустились в садик в метр шириной. Намико показывала свои владения с гордостью: несколько цветов, два мелких деревца, прутик-кустик, тонкие листики которого годились, чтобы украшать рис. Сад казался бы совсем крошечным, если бы раздвинутая стеклянная дверь не присоединила к нему дом, полный цветов. Цветы в горшках занимали целый угол гостиной. Венчики цветов домашних вырывались наружу, касаясь

цветов садовых.

— Я люблю разводить цветы, — улыбнулась Намико и, усадив гостью в одно из кресел, ушла накрывать на стол.

В саду в ветвях тонкого молодого деревца защебетала птица. Дерево росло так близко от стены, что заигравшаяся птаха касалась крыльями спинки кресла, её волос…

После обеда Хидэо вызвался отвезти гостью домой. Его соседка развешивала мокрое бельё на квадратной пластмассовой раме — растянуть верёвки возле дома не хватало места. Соседский дворик отделял низкий заборчик из горизонтальных плетей бамбука, красиво связанных новыми верёвками. Под ними росли розовые цветы. Сосед умудрился превратить в клумбу место глухое, пропащее — под забором. Деревца соседского садика скреблись ветками в окна дома Хидэо. Дефицит пространства. Япония.

Крупный мусор с Ягиямы

Вместе с хозяином дома
Слушаю молча вечерний звон.
Падают листья ивы.
Басё

Недостаток лучше избытка.
Японская пословица

Её район назывался Ягияма. Потому что располагался на горе, а гора по-японски "яма". На холме, овеваемом свежими ветрами, дома продавались дорого, потому что отсюда далеко до укрытого смогом центра, но в аренду сдавались дёшево по той же причине — до центра далеко, четверть часа езды — Намико учила её тонкостям японской жизни. Намико пришла специально, чтобы сопроводить иностранку в магазин, помочь ей сделать первые покупки. Намико советовала покупать продукты не в дорогих маленьких магазинчиках, а в дешёвом большом супермаркете, и не простом, а кооперативном, Намико считала, потому что продукты там свежее, чем в обычных магазинах, где продают всем подряд. В "коопе" обслуживали только членов кооператива, ей предстояло таким членом стать. В маленькой конторе в глубине магазина Намико назвала служащей имя и адрес иностранки. В обмен на взнос в тысячу йен новому члену выдали красный

жетон, который следовало показывать кассирше. И ещё один такой же. На случай, если потеряется первый.

Проводив Намико до автобуса, она шла домой, поёживаясь от свежего весеннего ветерка. Был субботний вечер — самое подходящее время для тоски по дому. Но предаваться ностальгии — верный способ заблудиться в путанице японских улочек. Здесь, кажется, надо свернуть? Или нет? Она проходила этим путём пару часов назад. Но теперь это была другая улица! На тротуаре длинными шеренгами стояли телевизоры, газовые плиты, стиральные машины, электрочайники, рисоварки… Дальше шли столы, стулья, перины, одеяла, подушки… И всякая всячина: посуда, чемоданы, утюги, сумки с одеждой и обувью… Вещи лежали на тротуаре рядом с аккуратными бачками, совком и веником. Именно на эту площадку Намико велела ей относить пакеты с мусором к назначенному часу — машина приходила строго по расписанию. А ещё Намико предупреждала — большие коробки надо обязательно выбросить в субботу, потому что такое бывает только раз в квартал — вывоз крупного мусора. В этот день мусоросжигательный завод посылает в город большие машины. Значит, всё это — мусор?

Выложенное на тротуар было почти новое, нарядное, выбросить такое могли только богатые люди. Тротуар яснее ясного свидетельствовал — японцы стремительно богатели, покупали много нового, и не знали, куда девать старое — жильё у них тесное, дач нет. Вот и тащили они добро на тротуар. Крупный мусор был сложен не навалом, а тематически: техника отдельно, тряпки отдельно… И всё чистенькое, красиво упакованное… Из кармашка слегка потёртого чемодана торчал брелок с ключами — тротуар походил на магазин. И открыт этот магазин был для всех, а, значит, и для неё.

— Не спеши покупать всё для дома, — напутствовал её перед отъездом долго живший в Японии московский друг, — всё, что надо, ты найдёшь на улице.

Она удивлялась:

— Как — на улице? Где?

А он улыбался таинственно.

— Увидишь!

Она прошла вдоль тротуара, присматриваясь по-хозяйски. Вот этот низенький столик можно будет использовать под телевизор. А вот эта вешалка пригодится для платьев — в её стенных шкафах были только полки. И гладильная доска подойдёт, и тумбочка, что вместит уйму всякой всячины, разбросанной теперь на татами, и большая эмалированная кастрюля… Новая кастрюля в красивых цветочках лежала вместе с таким же чайником в

великоватой для них двоих магазинной коробке. Наверное, на помойку попала та часть сервиза, что не пригодилась хозяину. У кромки тротуара притулился пылесос — необходимая вещь, чтобы чистить татами! Вот только удобно ли брать вещи с улицы? Она остановилась в нерешительности. Но тут же заметила большой автофургон, который медленно ехал вдоль свалки. Два шустрых китайца на ходу метали в него всё подряд: стиральные машины, перины, рисоварки… Тротуар пустел прямо на глазах. Не колеблясь больше, она подхватила пылесос.

Дома она заклеила трещину на его шланге — других дефектов не обнаружилось — и, переодевшись в тренировочные брюки, вышла на улицу. Из окрестных домов тянулись к тротуару люди. Старик принёс какие-то палки, аккуратно связанные верёвочкой, бережно пристроил среди карнизов, поправил, чтобы стояли ровненько. Мужчина притащил телевизор, быстро, косо поставил в шеренгу электроники. Тоненькая девушка в модных джинсах, перегнувшись, волоком подтянула большой мешок, бросила его где попало, с краю. Сквозь прозрачный пластик яркими пятнами просвечивала одежда, совсем новая на вид. Из моды вышла или разонравилась хозяйке? С вещами к тротуару шли только японцы. Обратным ходом отбывали с обильной добычей только иностранцы. Араб на мотоцикле прихватил телевизор, два высоких блондина, громко переговариваясь по-английски, погрузили в багажник Тойоты комнатный обогреватель…

Быстро темнело и поток приносящих иссякал, а уносящих усиливался. Перенеся изрядную часть кучи к себе домой, она остановилась возле клюшек для гольфа в специальной сумке из жёлтой кожи — она видела такую в витрине спортивного магазина и запомнила оглушительную цену. Теперь сумку можно было подобрать бесплатно, но она не играла в гольф. А вот на лыжах каталась. И потому взяла горнолыжные ботинки — они оказались нужного размера. Рядом стояли прислонённые к мусорному бачку лыжи знаменитой марки Ямаха — почти новые, дорогие. Значит, их хозяину свободное место в доме показалось дороже? А, может, он занял это место более новой моделью? Она прихватила и лыжи — зимой пригодятся, рядом с городом есть оборудованные трассы. Не вполне веря в реальность происходящего, она шагала по Ягияме с дармовыми японскими лыжами в руках и смотрела, как на яркой пластмассе играют весёлые весенние звёзды.

Свои походы она закончила в полночь. Прибывшее с тротуара заняло всё место в квартире: почти новая тумбочка орехового дерева, старинная настольная лампа с позеленевшим бронзовым

колпаком, теннисные ракетки, не очень модные, но крепкие, стулья, телевизор… Второй телевизор был ей в общем-то не нужен, но она не удержалась — не каждый день можно подобрать на улице японский телевизор марки Сони! Совсем исправный, только с маленьким дефектом регулировки звука. Дефект не трудно было устранить, но мастерских для ремонта электроники в городе не было. И обувь не ремонтировали — только на окраинах садился иногда в торговом месте сапожник. И внезапно сломавшиеся часы ей починить не удалось. Часы ремонтировали в часовом магазине, но продавец, сверившись с недлинным списком, её часы не взял, такой фирмы в его бумагах не значилось. Богатые японцы не хотели возиться с починками. Предпочитали нести добро на тротуар.

— Не думайте, что вся Япония такова, — хмуро заметил Хидэо. Он заехал утром по дороге на работу с обычным вопросом: всё ли в порядке? Осмотрел заставленную вещами прихожую: — Такое встретишь только в дорогом районе, как Ягияма. В кварталах победнее на улицу попадает только сущее старьё. Вообще-то мы, японцы, не моты. Даже на мусоросжигательном заводе не все вещи идут в печь. Те, что получше, прямо там продают по дешёвке, даже проводят аукционы. Люди покупают. А телевизоры… — Хидэо подмигнул, — каждый третий телевизор с тротуара работает.

Значит, проверял?

Сначала печаль…

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?
Басё

Сначала печаль — радость потом.
Японская пословица

Низкий тоскливый звук прорезал тишину раннего утра. В буддийском монастыре ударили в колокол. Зарывшись озябшим носом в самую сердцевину футонга, она представила, как бритоголовые монахи в кимоно поднимается на помост, укрытый дощатым навесом. Как, ухватившись за верёвку, мерно раскачивают подвешенное тяжёлое бревно и вдруг, разом рванув,

резко ударяют торцом по бронзовому колоколу, похожему на большой тюльпан, — она видела это по телевизору. На балконах соседей, как обычно в шесть утра, заурчали стиральные машины. По каким-то необъяснимым причинам японки начинали стирку спозаранку.

Она нехотя оставила футонг — единственный тёплый островок в океане холода и сырости. Центрального отопления в городе не было. Футонг да горячая офура, только этим можно согреться в японском доме. Правда, в старину японцы использовали ещё котатцу — горшок с горячими углями. Его ставили под низкий столик, накрытый ватным одеялом. Под стол засовывали ноги, оставляя остальные части тела мёрзнуть, — она видела такое в фильме про самураев. Со времён самураев Япония, завалив весь мир суперсовременной техникой, в деле отопления своих жилищ почти не продвинулась — котатцу использовали и теперь, сосредоточив весь технический прогресс лишь на замене горшка электрической лампой, а ваты в одеяле синтепоном. Дрожа от холода, она накинула поверх халата пальто — в квартире было плюс десять. Как на улице. Ну а откуда, спрашивается, взяться больше? Ветер с океана выл в тысяче щелей её жилища, свободно проникая через прыгающие, дребезжащие окна.

— Наши окна и двери никогда не прилегают плотно, — говорил Хидэо. — Мы, японцы, хотим жить в гармонии с окружающим миром. Это — наша философия.

Выходит, если мир промёрз, японец должен мёрзнуть тоже? К счастью, кроме философских объяснений, Хидэо снабдил её маленьким электрическим обогревателем. Но обглоданный сквозняками кусочек тепла бесследно рассасывался в промозглом холоде квартиры.

Самурай на экране её телевизора открывал раздвижную дверь дома и усаживался любоваться падающим снегом, согреваясь одним лишь котатцу. Самурай хотел слиться с окружающим миром, она — от него отгородиться. Первым делом она попробовала пересадить на японскую почву ежеосеннюю русскую традицию заклеивать рамы и прихватила скотчем болтающиеся форточки. Бряцание исчезло, холод — нет. Стёкла-то были одинарные.

— Двойные рамы в Японии положено делать только на Хоккайдо, — утверждал Хидэо.

Но она-то мёрзла на Хонсю! И не хотела подчиняться японской традиции мёрзнуть. На роль второго стекла была определена упаковочная полиэтиленовая плёнка с шишечками воздушной прослойки. Мутные полотнища, приклеенные тем же

скотчем, легли на стёкла. Темнее стало, а вот теплее — нет. От балкона дуло — дверь скользила роликами по металлическим полозьям, оставляя огромную щель. Она положила к порогу балкона подушки Намико, предназначенные для японского сидения на полу. Больше ничего сделать с раздвижной дверью было нельзя.

— Странно, что Вам холодно, — удивился заехавший по дороге с работы Хидэо. — Японии далеко до русских холодов. Но если Вам холодно…

На следующее утро он снова явился на её пороге. В руках у него был пёстрый узелок, у ног — большой белый ящик. В узелке скрывалось одеяло — подарок Намико. Ящик оказался керосиновым обогревателем.

— Свои дома мы отапливаем именно так. Это — старый обогреватель из университета. Для моей лаборатории я купил машины новой модели, более элегантные, но тоже керосиновые.

Хидэо втащил ящик в столовую, приладил торчащую из него широкую трубу к отверстию в стене. А она-то гадала, зачем рядом с окном сделана большая круглая дыра на улицу, прикрытая только тонкой жестяной заслонкой? Агрегат шумел и вонял керосином, но минут через пятнадцать он превратил её стылую квартиру в место, пригодное для жилья. Дырка на улицу была только в столовой, остальным помещениям полагалось отапливаться по-чёрному или через открытые двери. Через полчаса тёплый воздух кое-как растёкся по квартире, слегка обогрев кухню и спальню, в столовой же стало жарко, как в парной. Она выключила обогреватель, и комната мгновенно выстыла, продутая через сто щелей. Пришлось включать обогреватель снова и терпеть керосиновую вонь, особенно сильную вначале. Притулившись возле выдувающей тёплый поток машины, она размышляла: почему богатая страна возится с керосинками?

Философски полагает, что общение с внешним миром дороже комфорта? Или экономит топливо? Мысль об экономии вызывала у неё ненависть, а воспоминание о горячих русских батареях нежность. И всё-таки керосинка заставила её задуматься: может, русский обычай гонять кипяток по трубам, чтобы разогревать до июльской жары пустые квартиры, не так уж хорош? А экономный обогрев японской печкой — путь к богатству страны? Но ей не хотелось этим путём идти. Не хотелось сидеть в провонявшей керосином квартире, наполненной каким-то клочкастым воздухом — местами горячим, местами ледяным. Собираясь выйти на улицу, она надела на себя все тёплые вещи, какие нашлись в доме. Поглядывая с ненавистью на чемодан, полный нарядных

тоненьких костюмчиков, она с тоской вспоминала старый толстый свитер, презрительно брошенный в Москве. Она не подозревала, что главной японской проблемой будет согреться! Она вообще представляла себе Японию как-то не так. Она ехала в процветающую страну, а встретила допотопные газовые колонки, ванну без сливной трубы, стиральную машину, выпускающую грязную воду на балкон… И холодный дом, насквозь пронизанный сквозняками.

На улице не было ни души. Возле дома вороны расклёвывали пакет с мусором, брошенный на тротуаре. Соседский мальчик с болезнью Дауна частенько выносил его не вовремя. И забывал убрать в бачок под крышку. Она переступила через яичную скорлупу, поскользнулась на кожуре банана. Вспугнутые птицы с оглушительным карканьем расселись на голых ветвях. Почему в этом городе так много ворон? И совсем нет воробьёв? Часы на школьной башне вызванивали колокольчиками что-то щемящее. Звуки падали в унылую тишину, медленно опускались на ряды замёрзших маленьких домиков и тоскливо летели в сторону океана — умирать. Грустная это страна — Япония! И звуки здесь такие печальные: утренний колокол, вечерний звон часов… И этот вот тоненький писк. Откуда он?

Крошечный фургончик с жёлтым фонариком, пыхтя трубой и жалобно попискивая, медленно полз по улице. Приблизившись к ней, фургончик замер, открыл заднюю дверь, обдав запахом жареного мяса. Парень в засаленном фартуке поклонился, указывая на жаровню. На железных прутьях шкворчали маленькие куриные шашлычки — пять крошечных кусочков на палочке. Умакнув волосяную кисть в соевый соус, парень смазал шашлычки, заговорил, повторяя слово "терияки", наверное, так назвалось блюдо. Фургончик уполз, привлекая писком новых клиентов, а она проглотила на ходу два шашлычка — что там есть-то! — и, окончательно окоченев на продутом ветром проспекте, побрела, мечтая найти место, где будет по-настоящему тепло.

У перекрёстка светился стеклянный кубик магазина. На высокой мачте над ним горели неоновые цифры 7/11 и 24. Название магазинчика по-английски звучало неплохо, в рифму — Сэвэн-илэвэн, хоть и непонятно. Смысл числа 24 был предельно ясен — магазин работал круглые сутки. Керосином тут не воняло, зал обогревали дорогие электрические кондиционеры. И всё-таки неприятный, странный запах был. Он шёл от булькавшей на плите коричневой жидкости, в которой плавали какие-то белесые ноздреватые кубики, плотные белые конусы, связки полупрозрачной лапши… Продавец разогревал в микроволновой

печи коробки с готовой едой и продавал их парням в мотоциклетных шлемах — именно они заполняли магазин. Присовокупив к горячей еде банку холодной кока-колы и журнал с красивыми машинами и полураздетыми девушками, парни уходили к своим мотоциклам. Магазин торговал тем, что может вдруг понадобиться на бегу: чипсами, носками, бутербродами, зубными щётками… Рядом с бритвами и хлебом стоял шампунь. Который, кстати, был ей нужен. Она выбрала маленький красный тюбик на пробу.

Ледяной погреб квартиры мгновенно высосал из тела тепло, добытое ходьбой. Подождав, пока пар от горячей воды хоть немного согреет ванную, она открыла тюбик, намылила голову. Пена стекала странно розовыми хлопьями. Через минуту её страшные опасения подтвердились — под струёй фена шевелились морковного цвета волосы. Она бросилась в магазин в поисках краски для волос, которая смогла бы скрыть ужасающие следы красного тюбика. А потом долго мучилась над инструкцией, написанной, естественно, по-японски и страдала у зеркала, отразившего очередную жуткую неудачу. В самый разгар экспериментов с волосами на обогревателе замигала красная лампочка, тёплая струя воздуха стала стремительно остывать — кончился керосин. К счастью, заботливый Хидэо вместе с печкой привёз полную канистру. Она приволокла её с балкона, достала из обогревателя бачок, попыталась залить керосин в узкое горло… Вытирая вонючую лужу на полу, вспомнила, что кроме канистры Хидэо привёз какую-то трубку, теперь валявшуюся на балконе. Она опустила трубку в канистру и заработала сифоном, как насосом — керосин потёк в бачок жидкой струйкой. Изучая переливалку, она разглядела полустёртые надписи на ручке: "открыто" и "закрыто". Конечно же, ручка стояла в положении "закрыто"! В этой стране жила тысяча незнакомых мелочей. И сегодня все они были против неё!

Забившись в футонг, как в нору, она слушала, как в щелях тоскливо воет ветер. За тонкой стенкой мычал соседский мальчик с болезнью Дауна. На экране телевизора мужчины в тёмно-серых кимоно пели что-то заунывное. Их каменные лица были неподвижны, и только жилы на шеях болезненно вздувались, с трудом выпуская судорожные, прерывающиеся звуки. Солист — высохший старик, хрипел, словно его душили. Женщина в синем кимоно пряталась за камень и через секунду являлась с лисьей мордой, прежде скрытой платком. В этой странной стране всё было странным — образы, песни, шампунь…

Утром опять заехал Хидэо. Заметив её морковные волосы, он всплеснул руками и захохотал, а, насмеявшись вдоволь,

посоветовал позвонить Намико. Намико приехала быстро, сразу поняла серьёзность случившегося и не засмеялась, а предложила пойти в магазин. В результате долгих переговоров с продавщицей, Намико предложили ей купить цветной лак, который поможет скрыть морковного цвета волосы. Намико выбрала самый светлый тон, который нашёлся в магазине, но её голова всё равно стала по-японски чёрной. На прощание Намико внимательно исследовала красный тюбик и покачала головой в сомнении.

— Это простой оттеночный шампунь! Выкрасить голову так радикально он не мог!

— Японскую не мог, а русскую запросто, — сказала Наташа.

Эта Наташа появилась очень вовремя. Попалась в тот момент, когда отчаяние уже готово было охватить несчастную красно-чёрную голову. В зеркальной витрине магазина вместе с жуткими волосами отразилась похожая на француженку тоненькая нарядная блондинка. Рассыпав мелочь, француженка охнула: "Господи!" И оказалась Наташей из Киева, своей, родной. Три из своих тридцати лет Наташа прожила с мужем-аспирантом и дочерью в Японии и успела узнать тут многое.

— Эта беда известна многим здешним светловолосым дамам, — утешила Наташа, — японские краски рассчитаны на чёрные и жёсткие японские волосы.

Наташа посоветовала чёрный лак выбросить и купить светлую краску. И научила — если в инструкции написано: держать двадцать минут, для наших мягких и светлых волос хватит двух. Наташина наука помогла, волосы были возвращены к более или менее исходному состоянию.

— Ах, как хорошо Вам помогла моя жена, — удовлетворённо сказал Хидэо, подъехав к её дому вечером.

Она не стала его разубеждать. И Намико, сидевшая вместе с мужем в машине, тоже промолчала.

— Я хотела бы приступить к работе уже завтра, — сурово заявила она Хидэо, обиженная его утренним смехом.

— Вы устроились так быстро? — удивились супруги Кобаяси.

И попросили позволения осмотреть её дом.

— Посмотри, как она стелит постель! Как вешает платья!

Для японцев этот вечер был полон открытий — они впервые видели, как живут русские. И всему изумлялись искренне, как дети.

— Вы приглашаете нас вместе поужинать? Вы сами готовите? Вы, профессор… Этот суп называется щи?

Щей здесь не знали. Зато знали пирожки. Только называли их странно, делая ударение на второй слог. Гости ели охотно,

издавая традиционное японское мычание, означавшее восторг. Они были благодарные едоки, только съесть могли немного. После второго пирожка Хидэо откинулся на спинку стула.

— Я обжора! Больше не могу!

Она вышла на улицу проводить гостей. Соседский малыш глянул на неё и перестал сосать палец, замер, уцепившись за мамину юбку. Такую странную белую тётю он видел в первый раз. И девочка-подросток уставилась на неё, забыв о приличиях, не в силах отвести изумлённый взгляд. Япония с любопытством смотрела на неё. Она смотрела на Японию…

Глава II. УНИВЕРСИТЕТ

Вот причуда знатока!
На цветок без аромата
Опустился мотылёк.
Басё

Давайте познакомимся, бабушка!

Всё засыпал снег.
Одинокая старуха
В хижине лесной.
Басё

— Первый раз я сам отвезу Вас в университет, — предложил Хидэо. — Чтобы Вам не пришлось искать дорогу…

Ровно в восемь тридцать машина Хидэо подъехала к её дому. Вырвавшись из города, Тойота проскочила мост через горную расщелину, нырнула в лес и стала взбираться в гору. Университет, разрастаясь, свой новый, уже четвёртый по счёту городок построил в предгорьях — в центре ему не хватило места. Среди мартовских голых деревьев показались серые ряды унылых бетонных коробок — учебные корпуса. По шоссе неслись, не смешиваясь, два потока. Первый на мотоциклах, второй на автомобилях. Первый — в чёрных шлемах и толстых куртках, второй — в строгих костюмах и лёгких плащах. Первый, студенческий, ехал учиться, второй, преподавательский, ехал учить. Два потока и парковались отдельно — мотоциклы студентов и их немногочисленные машины останавливались под навесом в дальнем углу двора, преподаватели подъезжали к самому подъезду, занимая аккуратно расчерченные клеточки автостоянки. Пожилой сторож при появлении очередной профессорской машины вскакивал со стула и кланялся. Наивежливейшая улыбка вырывалась из-под марлевой повязки, укрывавшей его нос и рот. Преподавателей здесь уважали.

Дверцы машин открывались, выпуская сначала ноги в ослепительно начищенных новеньких ботинках. Потом показывался идеальный костюм с непременным синим отливом, ближе к горлу переходящий в белоснежную рубашку с тёмным галстуком и, наконец, голова, аккуратнейше постриженная и

побритая. И непременно с озабоченным лицом. Далее являлся на свет дорогой портфель, туго набитый бумагами, а с ним нечто неожиданное — узелок, увязанный в пёстренький платочек.

— Это обед, — объяснил Хидэо, доставая из машины свой узелок. — Намико каждый день собирает мне коробочку. В столовую я не хожу, как и многие профессора. Нам некогда.

— Но зачем платочек?

— Такой платок мы, японцы, называем фу`росики, — строго поправил её Хидэо. — Узелок, увязанный в фуросики, это старинный японский обычай. Мы, японцы, чтим обычаи.

Строгие преподаватели в строгих костюмах гордо несли забавные узелки с торчащими весёленькими ушками, демонстрируя сразу две японские добродетели: верность японским традициям и японское трудолюбие, не оставляющее времени поесть в столовой. Наивежливейше кланяясь друг другу, преподаватели строгой цепочкой, излучающей достоинство, тянулись к дверям. Тут к ним присоединялся студенческий поток. Присоединялся, но не смешивался, резко выделяясь униформой. Футболка под выпущенной поверх джинсов клетчатой рубахой, кроссовки и длинные, постриженные в кружок волосы — студенты выглядели только так.

Стеклянная дверь открылась автоматически. Дешёвый вытертый линолеум, облупившаяся лестница, серые стены — государственные университеты во всём мире небогаты. Единственным украшением полутёмного коридора были большие окна, за которыми ярко синело море, и белели последним снегом горы. Немолодая уборщица, присев на корточки, оттирала едва заметные пятна на очень чистом полу. Её лицо скрывали опущенные поля панамки и марлевая маска. Маски — на уборщице, на стороже автостоянки — часть униформы университетского рабочего, призванная защищать от инфекций интеллектуальный персонал. Так подумала она. И улыбнулась — все новички, прибывшие в чужую страну, склонны возводить случайно замеченную деталь в ранг закономерности… По коридору шёл преподаватель, уже расставшийся со своим портфелем и узелком. И с ботинками. И даже с носками. На его босых ногах хлюпали пластмассовые шлёпанцы, не смущая хозяина несоответствием дорогому строгому костюму. В японском доме всегда ходят в шлёпанцах на босу ногу, а университет для служащего — дом родной.

Она разволновалась — не придётся ли и ей пойти по университету босиком? И тут же успокоилась. В коридоре показалась девушка в туфельках на каблуках. Женщинам, кажется, разрешались послабления.

Новые веяния не быстро доходят до островов — должно быть, им трудно перебираться по воде. Кризис науки в Японии, кажется, откладывался. Это на материке он бушевал, как зараза, поразив не только бывший Советский Союз, но и Америку с Европой. Японская же лаборатория встретила её спокойной устроенностью: компьютеры, дорогие приборы… У Хидэо была даже собственная библиотека — немалое собрание специальных книг и журналов.

— Это — Ваш кабинет! — Хидэо открыл ключом свежевыкрашенную серую дверь.

Новенький письменный стол из серого металла, новое серое кресло и серый металлический шкаф для одежды — о таком кабинете она мечтала всю жизнь. И ни разу в жизни его не имела. Заново отделанные стены… Она была первой гостьей новой лаборатории Кобаяси, значит, он приготовил кабинет специально для неё! Растроганная, она благодарила долго, горячо…

Хидэо прервал её — он очень спешил.

— Я должен представить Вас профессорам нашего факультета! Вас и ещё одного доктора.

Они вошли в большую комнату, сплошь заставленную столами с компьютерами.

— Это — студенческий зал, а это — доктор Чен из Китая. Он тоже недавно приехал.

Высокий, плечистый парень с широким спокойным лицом встал из-за стола, низко поклонился.

— Пойдёмте, пойдёмте! — торопил Хидэо, увлекая её и китайца в коридор. — Сначала я представлю вас сотрудникам моей лаборатории…

Хидэо, не стучась, открыл какую-то дверь. В прокуренной комнате сидел за компьютером высокий, лысый и очень тощий человек.

— Мой ассистент Шимада, — быстро сообщил Хидэо.

И тут же без церемоний потащил их дальше, объясняя на ходу, что в Японии каждому профессору положена лаборатория, каждой лаборатории — четыре сотрудника — три ассистента и техник. Хорошо всё устроено в Японии! Чётко.

Подбежав к какой-то двери, Хидэо напрягся, заранее улыбаясь, заранее кланяясь.

— Здесь кабинет знаменитого профессора Сато!

Хидэо очень волновался. Может, потому что недавно перешёл на инженерный факультет? На новом месте это был его первый учебный год. Он очень старался сделать всё, как надо. Осторожно постучавшись, он вошёл и тут же заговорил возбуждённо, торопливо, указывая рукой на неё и китайца. В его быстрой японской речи она различила слова "Россия" и "Москва" — Хидэо

рассказывал её биографию. Он перешёл на английский, докладывая о её учёбе, работе… Потом прозвучали слова — муж, дочь и…

— Она уже бабушка, у неё есть внук, — улыбнулся Хидэо.

Она инстинктивно одёрнула юбку, неприлично короткую для бабушки. Хозяин кабинета — профессор в шлёпанцах на босу ногу, которого они встретили утром в коридоре, смотрел серьёзно и, кажется, разочарованно — ему привели старушку! Наскоро представив китайца, Хидэо стал цветисто расписывать достижения босого профессора — тот занимался микромеханизмами — миниатюрными устройствами, которые можно использовать в медицине, например, проглотить или пропустить по сосудам, или зашить куда-то внутрь тела. Ещё профессор Сато разрабатывал крошечные микрофоны и кинокамеры.

— Для шпионов? — пошутила она, и тут же осеклась, увидев непроницаемое лицо Сато.

Она спросила что-то по делу, но Сато оставил её вопрос без ответа, только вежливо улыбнулся, давая понять — деловые беседы вовсе не являются целью процедуры. Китаец держался позади и молчал, не забывая кланяться очень низко, а не так, как она, едва заметным кивком. На прощание Сато пригласил вновь прибывших заходить к нему на семинары. Хидэо нетерпеливо перебирал ногами. Ему предстояло повторить обряд представления в каждом из профессорских кабинетов факультета. Целый час ушёл на обмен любезностями, улыбками, поклонами… Вернувшись к себе в кабинет, она выгрузила из кармашка пиджака толстую пачку визиток, обретённых в процессе знакомств. Свои она, конечно, взять не догадалась. А вот доктор Чен прихватил так много карточек, что их хватило до самого конца коридора. Китаец лучше знал японские порядки.

Процесс представления оказался многоступенчатым — хождение по кабинетам было только первым актом.

— Я должен представить Вас на собрании факультета.

Хидэо назвал дату. А она тут же её забыла. И в день собрания пришла в джинсах и свитере. Китаец же явился одетым в парадный тёмно-синий костюм, такой же, как у японцев. И китаянки принарядились в синеватые, как у мужчин, словно форменные пиджачки. Только она одиноко сидела на собрании в своём белом свитере. Как белая ворона. Входящие в зал смотрели на неё удивлённо. Когда настал её черёд, она быстро отбарабанила всё, что велел Хидэо: где родилась, где училась, работала… Хидэо, кажется, остался недоволен. Не дождавшись чего-то, что должно было прозвучать, он поднялся сам и быстро

заговорил. Она опознала уже знакомые японские слова: свой возраст, "муж", "дочь" и опять "бабушка". Теперь об этом факте был проинформирован весь факультет. Ей очень захотелось заставить добросовестного Хидэо замолчать.

— Что, обязательно нужно сообщать всем, что у меня есть внук? — спросила она его сердито после собрания.

— А почему это надо скрывать? — удивился Хидэо.

— Потому что у нас не принято говорить о возрасте женщины.

— У нас не так, — равнодушно возразил Хидэо. — Мы обязаны сообщать собранию полные данные о новом сотруднике. Абсолютно полные!

Собрание не исчерпало сценарий знакомства.

— Скоро первое апреля — начало учебного года, — сказал Хидэо. — В лабораторию пришли новые сотрудники, студенты. Мы всегда начинаем учебный год с вечеринки знакомства. — Хидэо написал объявление о вечеринке на шероховатой стеклянной доске в студенческом зале, выбрав самый яркий фломастер, красный. — Видите, я уже назначил день и отдал приказ.

Исполнять приказ предстояло младшему персоналу и студентам — у Хидэо их было двенадцать — одиннадцать парней и одна девушка — Митико. Но ребята называли её не по имени, а по фамилии — Фудзивара, добавляя церемонное "сан". И друг друга они называли так же церемонно. Именно Митико приняла на себя командование парадом. За длинным столом, отгороженным от компьютерной части студенческого зала шкафами с журналами и книгами, собрался штаб под её руководством. Штаб действовал так чётко, словно роли были распределены заранее. Впрочем, ребята были новичками только для сотрудников лаборатории, друг друга они знали хорошо, они проучились вместе два года. В лаборатории студенты попадали получив звание бакалавра и перейдя на третий курс.

Двенадцать человек быстро разбились на три звена: овощное, мясо-рыбное, питейное. В руки трёх главарей — обладателей самых просторных машин — легли списки: пиво — тридцать банок, кока-кола — двадцать, редька — три штуки, холодные закуски — пять больших коробок, пирожные — двадцать пять штук. Митико с удовольствием объясняла всё это подсевшей к студенческому столу русской сотруднице — девочке нравилось, что иностранка интересуется их жизнью. Пока будущие исполнители изучали списки продуктов, которые им предстояло купить, Митико с калькуляцией в руках отправилась к лабораторному технику Ямазаки. Тот долго сидел у своего

компьютера, готовя итоговую калькуляцию шефу — профессору Кобаяси. За пирушку-знакомство платил он. Из лабораторного фонда или из своего кармана — трудно понять, Хидэо называл то и другое — "мои деньги".

Пятого апреля она надела нарядное платье и новые туфли — всё-таки первый пир в новой лаборатории! Без пяти четыре за ней зашёл Хидэо в сопровождении ассистентов, чтобы вместе отправиться в административный корпус факультета. Кроме администрации здесь располагалось много других полезных помещений: банкетный зал, мини-гостиница для университетских гостей, курсы японского языка… В вестибюле устроился маленький музей истории университета — пожелтевшие от времени учёные труды в застеклённых витринах, шкафы, где хранилась старинная одежда преподавателей и студентов… Вестибюль служил не только музеем, но и комнатой отдыха — уютные журнальные столики с хрустальными пепельницами, бархатные кресла с белыми кружевными салфетками на высоких спинках… А за окнами — ухоженный сад. Только желающих отдыхать не было. Все работали.

На пороге небольшого банкетного зальчика их встретила стайка жёлтых клеёнчатых шлёпанцев банно-больничного образца. Первой жертвой японской действительности пали её модные туфли, оставшиеся валяться в прихожей. В зал она вошла в казённых тапках, сделавших абсолютно нелепым её нарядное платье. Впрочем, платье тоже было ни к чему — зал дышал ледяным холодом. Толстый свитер и тёплые брюки Митико оказались куда более уместными. Хидэо усадил её на низкую скамейку возле низкого стола и заботливо придвинул поближе крошечную электрическую печь. Это было единственное сооружение, призванное обогреть помещение.

— В университетском городке есть центральное отопление, — Хидэо словно извинялся. — Но первого марта его отключили — весна.

На дворе было градусов десять — двенадцать, а в бетонном зальчике, кажется, ещё меньше.

Рассаживались по ранжиру. В центре, рядом с ней поместился профессор Кобаяси в обрамлении двух ассистентов. Студенты сами собой чётко сгруппировались по годам — аспиранты, рядом с ними дипломники, а дальше молодёжь с третьего курса. Парни под предводительством Митико расставляли на столе коробки с бутербродами и пивные банки, раскладывали пакеты с орешками, картофельными чипсами… Она ринулась было помогать, но Хидэо остановил её — не профессорское это дело! Пришлось покорно вернуться за стол. Хидэо взял слово. И долго его не

отдавал. Он говорил об истории создания своей лаборатории и о её светлом будущем, о чрезвычайной важности своей деятельности… Наконец он объявил свой рассказ законченным и после короткого перерыва на выпивку и еду велел представляться остальным — так положено на пирушке знакомств. Шимада быстренько сообщил три вещи: где родился-учился, над чем работал и какое у него хобби. Поскольку роль хобби Шимады исполняла его работа, речь получилась предельно краткой. Четвёртым пунктом он обронил, что у него есть сын. О жене речи не было. Видимо, факт наличия сына сам собой подразумевал её существование.

Другие сотрудники доложились ещё короче, словно соблюдая правило — чем ниже должность, тем меньше времени тебе положено. Студенты укладывались в пару фраз — учёба, хобби… Личной жизни в виде жены не обнаружилось ни у кого — студент в Японии не женится. Её присутствие вынуждало публику говорить по-английски, и бедные ребята морщили лбы, мучительно припоминая иностранные слова. Только Хидэо ликовал — его лаборатория приобретала международный лоск! За десять минут пятнадцать человек управились со своими жизнеописаниями, уступая ей черёд. Глядя на красивый стол и проголодавшихся студентов, она наскоро сообщила, что положено, кончив дочерью. Хидэо смотрел на неё, словно ожидая чего-то ещё. Не дождавшись, вступил сам:

— У неё есть внук!

В зале повисла такая тишина, словно сообщили о её кончине. Потом снова заговорил Хидэо. Он признался, что женил сына и вскоре, вероятно, тоже обзаведётся внуком.

— Но даже когда это случится, когда я стану стариком, обращайтесь ко мне запросто, как к другу, — печально попросил он студентов.

Она почувствовала, как у неё сгорбилась спина, её производили в старухи! И помочь тут не могли даже её хобби, о которых она только что рассказала: байдарка и горные лыжи. Наверное, это выглядело очень забавно — бабка с вёслами скачет по порогам.

Вечером, ожидая автобус, она обратила внимание на элегантного мужчину средних лет. Поймав его заинтересованный взгляд, почувствовала себя отомщённой за "бабушку". Она вовсе не чувствовала себя старушкой в свои пятьдесят лет! Мужчина подошёл, заговорил. Его английский был безупречен, как и темы, которые он обсуждал: радушный хозяин рассказывал гостье про свой город. И объяснял, почему ездит на автобусе: собирается на пенсию, привыкает обходиться без машины, обременительной в

старости.

— Вы совсем не похожи на пенсионера! — воскликнула она, и мужчина удовлетворённо улыбнулся.

Он вышел на её остановке, пошёл рядом. У соседнего дома пожал на прощанье руку, представился и оказался… профессором Кумэдой с её инженерного факультета! Она назвалась тоже. Кумэда почему-то огорчился.

На следующее утро Хидэо принёс в её кабинет маленький электрический обогреватель. Она, тронутая заботой, призналась, что вчера познакомилась на улице с одним из профессоров их факультета, милейшим человеком. Реакция Хидэо была неожиданной — он покрылся красными пятнами.

— На улице?! Почему он подошёл к Вам? О чём Вы говорили?

После такого начала можно было ожидать чего угодно. Например, вопроса — не провела ли она остаток вечера с Кумэдой в каком-нибудь злачном месте? Хидэо был очень расстроен. И очень сердит. Он выскочил из её кабинета и через полчаса вернулся.

— Мы идём к Кумэде знакомиться.

— Но мы познакомились вчера! — изумилась она.

Он отмахнулся.

— Это — не то! Вы ничего не понимаете! Мы должны точно соблюсти процедуру! Это очень, очень важно!

— Но вчера мы долго разговаривали. Кумэда даже рассказал мне, что собирается на пенсию.

Хидэо остолбенел.

— На пенсию? Да ему ещё работать больше десяти лет!

Она улыбнулась и заговорила про мужское кокетство. Хидэо посмотрел на неё с ужасом.

Трусцой поспешая за Хидэо, быстро шагавшим по коридору, она пыталась уговорить его не ходить к Кумэде, чтобы не попасть в дурацкое положение. Ведь Кумэда рассмеётся, когда её приведут к нему знакомиться… Кумэда не рассмеялся, не удивился их визиту, а принял его, как должное. Строго сдвинув брови, он внимательно слушал торопливую, сбивчивую речь Хидэо, обильно пересыпанную извинениями, и кивал, соглашаясь: Кобаяси провинился, оставив его в неведении по поводу такого важного события, как появление на факультете нового иностранного профессора.

— Я не знаю, почему так вышло, — совсем разволновался Хидэо. — Я привёл её на факультетское собрание. Привёл! Но она села в заднем ряду. Может, Вы не заметили? И говорила она слишком тихо. Может, Вы не расслышали?

Хидэо улыбался заискивающе, кланялся и повторял

"извините!" И она чувствовала себя виноватой. За свой тихий голос, за то, что села в заднем ряду, и, вообще, всячески виноватой! Перед Хидэо, которого она подвела, перед Кумэдой, который не заметил её на собрании и заметил на улице. Ей тоже хотелось сказать "извините" и поклониться. Хидэо тотчас уловил её раскаяние, оставил самобичевание и набросился на неё:

— О, она только выглядит тихоней! — и хохотнул, должно быть, намекая на её развратную манеру знакомиться с мужчинами на улице.

И, о ужас! — Кумэда согласно кивнул. Сильно нервничая, Хидэо положил на стол перед Кумэдой листок. Она узнала своё имя. Ниже стоял год её рождения, название института… Наверняка там было и слово "бабушка". Хидэо, указывая пальцем на листок, стал рассказывать её биографию. Время от времени Кумэда задавал ему вопросы строгим тоном, и Хидэо бросался отвечать. Они говорили по-японски, не обращая на неё ни малейшего внимания. Словно её и не было в комнате.

Вечером на автобусной остановке она опять встретила Кумэду.

— Приходится ездить на автобусе пока моя машина в ремонте.

Сегодня он не кокетничал, не шутил. Какие шутки с профессором собственного факультета? С бабушкой…

Сэнсэи (Я занят!)

Устали стрекозы
Носиться в безумной пляске…
Ущербный месяц.
Кикаку

Утреннее солнце тёплыми квадратами лежало на светлом полу её кабинета. Весенний ветер из открытого окна весело ворошил разложенные на столе бумаги. Она писала план совместной работы с Хидэо. Их исследования шли близко. Почти рядом. Теперь вместе они смогут горы свернуть! Она собрала бумаги, вышла в коридор.

— Прекрасная погода! Я очень рад, что Вы наслаждаетесь жизнью в Японии! — улыбнулся Хидэо, встречая её на пороге своего кабинета. — Да, да, конечно, мы поговорим о Вашей работе… — Хидэо почему-то называл их совместную деятельность

"Ваша работа". — Но сегодня я очень занят. И завтра. — Он взял ежедневник, полистал густо исписанные страницы. — Вот здесь у меня будет окно. Через месяц. — Она решила, что ослышалась — целый месяц ей предлагали слоняться без дела? — Да, да, о Вашей работе мы поговорим через месяц. А пока… — Хидэо замялся. — Я хотел Вас попросить не называть меня по имени. О, конечно, когда мы одни, Вы можете звать меня, как прежде. Но на людях лучше зовите "сэнсэй". У нас так принято. "Сэнсэй" — это учитель, наставник. Так зовут нас ученики. И друг друга мы, преподаватели, называем "сэнсэй". Иногда добавляем фамилию, но чаще просто употребляем слово "сэнсэй". — Хидэо говорил быстро, обильно, словно пытался заглушить неловкость потоком слов. — Вас тоже все будут называть "сэнсэй". А теперь извините, я должен идти! Я очень, очень занят!

Хидэо глянул на часы и стал быстро переобуваться. По лаборатории он ходил в кожаных сандалиях, а не в пластмассовых шлёпанцах, как державшийся японского стиля профессор Сато. Хидэо был профессором западного стиля. Так он сам себя называл. В лаборатории он носил западного образца летние сандалии и не снимал носки. А на двери его кабинета висела табличка с именем Кобаяси, написанным по-английски. Прочие сэнсэи писали свои имена иероглифами. Хидэо переобулся в чёрные блестящие ботинки и вышел из кабинета. В коридоре на секунду замешкался, подошёл к висящему на стене рядом с дверью сооружению, похожему на корабельный компас. Стрелку компаса можно было повернуть ручкой, направив в один из восьми секторов с надписями: факультет, деканат, Токио, дом, заграница…

— Здесь перечислены возможные места моего пребывания. Это очень удобно для людей, которые нуждаются во мне.

Хидэо поставил стрелку на сектор "зал заседаний" и умчался куда-то, оставив её размышлять о том, что здешняя жизнь полна сюрпризов. Вчера её знакомили со знакомым Кумэдой, а сегодня перед ней предстал незнакомый Хидэо. Его звали сэнсэй, и у него не было времени поговорить о работе, которая должна была бы интересовать его не меньше, чем её. Или больше — ведь это он пригласил её, его страна платила ей деньги…

Конечно, она могла начать работать самостоятельно. Но поглощённый церемониями знакомства Хидэо забыл показать ей лабораторию, где ей собственно и предстояло трудиться. Самое главное забыл! Или не считал это самым главным? Она решила получить от Хидэо хотя бы минимальную информацию о работе. Но в лаборатории сэнсэй почти не появлялся. Утром он стремительно проскакивал в свой кабинет, усаживался за

компьютер и что-то печатал, а в десять убегал. Пока она выговаривала "Доброе утро!", он успевал добежать до конца коридора. А его "я занят!" долетало до неё уже с лестничной клетки. Неловко было приставать со своими пустяшными вопросами к человеку, непрерывно занятому какими-то важными делами. Но какими? Он убегал каждый день. И возвращался поздно. Где он пропадал? Она решила поговорить с Шимадой. Он, ассистент профессора, по-нашему доцент, второй человек в лаборатории после Хидэо должен был знать всё.

В пустоте длинного коридора гулко бился кашель. Значит, Шимада на месте. Он обрадовался её приходу.

— Хорошо, что Вы будете работать в нашей лаборатории! Вы поможете мне не забыть английский язык!

Шимада рассказывал, что недавно вернулся из Америки, где прожил год. Он был доволен, что Япония переняла обычай западных университетов раз в семь лет отпускать преподавателей на стажировку за рубеж ради повышения квалификации и вообще, вентиляции мозгов. Шимада находил это полезным для головы. И для кошелька — родной университет весь год продолжал платить ему зарплату и заграничный приплачивал тоже.

— На лишние деньги я смог купить автомобиль, Ниссан новой модели, — признался Шимада.

Ему явно хотелось поболтать, он так привык в Америке. И теперь нуждался в ней, как в мостике, который даст ему возможность плавно перейти из американской жизни в японскую. И ей был нужен кто-то, чтобы помочь войти в японскую жизнь. Они с Шимадой смотрели друг на друга с явной симпатией. Ободрённая, она решила познакомиться поближе.

— Вас, кажется, зовут Сатору…

После вечеринки знакомства Хидэо вручил каждому список всех сотрудников лаборатории и студентов. Там были фамилии и имена, написанные по-английски и по-японски, и номера домашних телефонов.

— Сатору? — брови Шимады удивлённо подпрыгнули, явно не одобряя такую фамильярность.

— Извините! — поспешно отступила она. — Извините Шимада-сан!

— Мы называем друг друга по фамилиям. У нас так принято, — уточнил Шимада, успокаиваясь.

Произнести её имя Шимада даже не пытался, то ли боясь ошибиться, то ли избегая лишних трудов. Он называл её просто сэнсэй.

— Сэнсэй Кобаяси ушёл на собрание. — Шимада охотно объяснял ей японскую жизнь.

— Ну что же, собрания случаются в любой стране. Сегодня собрание. А вчера?

— Вчера тоже было собрание. И позавчера. Собрания у нас каждый день. С утра до вечера, часов по десять. Профессора вечно сидят на собраниях.

Она решила — Шимада шутит. Что можно обсуждать ежедневно по десять часов?

— Разное, — пожал плечами Шимада. — Они обсуждают всё подряд: где парковать машины, как устроить места для курения, в какой цвет покрасить стены на факультете, какой породы деревья посадить во дворе…

В это трудно было поверить — профессора, бросив научную работу, обсуждают породы деревьев? Можно же отдать эти ботанические решения технической администрации!

— Нет. Наши профессора не хотят отдать хотя бы частицу своей власти. — Шимада усмехнулся. Профессоров он явно не любил. Может, потому, что сам не стал профессором? — К счастью, я не профессор и не обязан ходить на все собрания. — Потому у меня и остаётся время поработать.

Он отхлебнул из огромной кружки крепчайший кофе, взял с края пепельницы дымящуюся сигарету и уткнулся в компьютер.

Она брела по коридору, пытаясь осмыслить невероятное открытие: основное занятие японского профессора — собрания. Это была экзотика почище палочек и тапочек! Но даже если обсуждать всё подряд, ежедневных разговоров на десять часов не наберётся! Шедший по коридору мужчина улыбнулся ей, а она насторожилась — после истории с Кумэдой к случайным встречам она относилась с опаской. К счастью, мужчина оказался соседом, которому она была представлена по всей форме. Стало быть, с ним можно говорить, не опасаясь последствий. Молодой, ослепительный профессор Такасими занимался модными суперкомпьютерами и полжизни проводил в самолёте, летящем в Америку, — так сообщил он ей при первом знакомстве. Теперь он признался, что ему нравятся американки. И выразительно посмотрел на неё. То, что соседка русская, Такасими, кажется, запамятовал. Японки ему не нравились.

— Слишком застенчивы, — честно признался он и сообщил: — Иду на собрание, — и вздохнул, — приходится!

Начало было такое, что она решилась выяснить мучивший её вопрос:

— О чём вы говорите так долго?

— Набирается, — Такасими уныло махнул рукой. — Одно и то же мы обсуждаем многократно: на собрании кафедры, группы кафедр, потом на собрании факультета, университета…

Получалось, время одной дискуссии надо помножить на три, а то и на четыре — тайна бесконечных собраний понемногу приоткрывалась.

— Чушь все эти собрания. Пожирание времени! — Такасими мог позволить себе говорить такое. Он был на особом положении — модные суперкомпьютеры и энергичное обаяние сэнсэя Такасими приносили факультету большие деньги. — Сегодня на собрании мне придётся отчитаться за командировку в Нью-Йорк, — сказал он, притворно морщась, и оживился. — Обычно мы рассказываем не только о делах, но и о развлечениях тоже! — И Такасими хитро подмигнул. — Чем лучше мне удастся развеселить собрание, тем больше будет шансов отпроситься в следующий раз! А то собрание может меня в командировку и не отпустить!

Такасими ушёл, улыбаясь. Должно быть, он обдумывал свой отчёт. Наверняка ослепительному Такасими было, что рассказать о своих развлечениях в Америке. Наверняка сэнсэи отпустят его туда в следующий раз. Скучно сэнсэям — собрания, собрания…

— Профессорские собрания — давняя традиция японских университетов. Старинные правила наделяют эти собрания большими правами! Особенно в нашем, бывшем императорском университете.

Хидэо готов был поговорить с ней. Не о работе. О собраниях. Бывших императорских университетов по всей Японии оказалось шесть, и это были самые лучшие университеты Японии. Хидэо очень гордился тем, что работает в одном из них. Гордился, что является членом профессорского собрания.

— Мы определяем всю жизнь университета, решаем действительно важные вопросы: распределение факультетских денег, приглашение новых сотрудников и гостей, назначение на должность… Вот сегодня, например, мы избирали нового профессора. Именно профессорское собрание решает, кто достоин получить место профессора.

Хидэо замешкался и вдруг заговорил обиженно. Наверное, только ей, иностранке, Хидэо мог пожаловаться так.

— Я сам стал профессором с седьмой попытки. Профессорское собрание отвергало меня шесть раз. Мне завидовали из-за моих международных успехов.

Конечно, для карьеры успехов лучше не иметь. Тем более международных. Это всюду, не только в Японии. Чтобы стать профессором, Хидэо пришлось перейти на другой факультет. Потому что на своём один профессор, всего один был против. И этот единственный голос наглухо закрывал ему дорогу к заветному профессорскому креслу. Много лет.

— Решение собрания должно быть единогласным — таковы наши правила. Мы не жалеем времени, чтобы прийти к единому мнению. И если кто-то против, хотя бы один человек, мы заседаем столько, сколько потребуется, чтобы его убедить.

Конечно, если сидеть до тех пор, пока не сломается самый последний, самый упорный, сидеть можно долго. Но Хидэо не считал это несчастьем.

— Все вопросы мы решаем на основании глубокого и всестороннего обсуждения. Япония — демократическая страна!

На новом факультете жизнь Хидэо наладилась — профессорское собрание единодушно избрало его профессором, назначило заведовать кафедрой.

— Я обязан исполнять эту обязанность в течение года. А декана избирают на два года. Все ответственные должности мы, профессора, занимаем по очереди, по назначению собрания. Заведование кафедрой означает, что я обязан председательствовать на собраниях. Конечно, новая должность отнимает много времени, но она даёт и некоторые возможности, — Хидэо не сумел скрыть довольную улыбку. — Например, я смог отремонтировать Ваш кабинет! Но я не могу пока уделять много времени научной работе, я вернусь к ней через год, когда место заведующего кафедрой займёт кто-то другой.

Конечно, постоянно назначая новых руководителей, профессорское собрание избавляло университет от приросших к своим креслам профессиональных начальников. Но заседать ради этого ежедневно по десять часов…

— Да, это слишком долго, — согласился Хидэо и тут же спохватился, испугавшись за свою смелость, он обсуждал японские порядки, да ещё с иностранкой! Заговорил торопливо: — Мы будем это менять! Уже меняем! В этом году заседания длятся на час меньше!

И он посмотрел на неё победоносно. А она вздохнула, навсегда расставаясь с надеждой поговорить с Хидэо о делах. Правда, оставался ещё один путь — заставить Хидэо обсуждать работу у неё дома, залучив его под предлогом, например, опять сломавшейся офуры. Её бытовые проблемы, в отличие от научных, Хидэо решал мгновенно. Наверное, он считал их более важными?

Все свои дни Хидэо посвящал собраниям, заполняя редкие паузы подготовкой протоколов. На другую деятельность приходилось совсем немного времени: одна лекция в неделю, один семинар, пара вечерних часов на руководство студентами. На собственную научную работу у Хидэо не оставалось ничего.

Понемногу она приходила к выводу довольно странному — заниматься наукой в японском университете некому. Профессор пропадал на собраниях, его ассистент Шимада сидел возле компьютера и плохо представлял, что скрывается за мудрёным названием лаборатории, но Хидэо мирился с этим — иметь компьютерщика стало модным. Два других ассистента в лаборатории почти не появлялся — они вели занятия со студентами.

— Кто же в университете занимается наукой? — попыталась выяснить она у Шимады.

Он указал на блестящие чёрные головы у компьютеров.

— Да вот они, студенты!

— Как же удался тогда Японии технологический прорыв, если самым квалифицированным учёным, профессорам, заниматься наукой некогда? Откуда берётся вся эта блестящая электроника, автомобили и, вообще, японское чудо?

— Чудо — это на фирмах, — Шимада улыбнулся, — а университеты у нас… — Он не сказал — слабые, он просто безнадёжно махнул рукой. И заторопился. — Сегодня я тоже должен быть на собрании, я очень занят! — В его голосе явственно зазвучала гордость. Он возвращался к японской жизни, сэнсэй Шимада.

В коридоре, поднимая ветер, одна за другой распахивались двери кабинетов, выпускали спешащих сэнсэев. Сэнсэи убегали в одном направлении — к залу заседаний. Там хлопотали секретарши, расставляя на столах фарфоровые стаканчики с зелёным чаем. Входя в зал, сэнсэи преображались. Выражение нарочитой озабоченности, которое они привычно носили в своих лабораториях, сходило с их лиц, уступая место неподдельному интересу. Сэнсэи становились бодрыми, упругими, переговаривались весело, звонко. Собрания — их истинное дело! Здесь они на месте, у себя!

Студенты

В чарку с вином,
Ласточки, не уроните
Глины комок.
Басё

Утро в лаборатории начиналось по-домашнему. Студенты

собирались часам к десяти, переобувались в пластмассовые шлёпанцы, вешали куртки в шкафчики, стоявшие тут же, в студенческом зале, общих гардеробов в университете не полагалось. Каждый имел в лаборатории свой шкаф и свой стол. Но прежде, чем приступить к работе, ребята заворачивали на кухоньку, устроенную в углу студенческого зала. Здесь была раковина, газовая печь и тумбочка с кастрюлями, ложками, поварёшками, палочками и большой сковородой на случай больших торжеств. А на каждый день на тумбочке стоял вечно кипящий электрический чайник-термос. В шкафчике на стене всегда хранились растворимый кофе и сахар. Раз в месяц студенты скидывались и пополняли запасы. Был тут и зелёный чай, но его пили редко, только когда кончался кофе. Чай употреблял только один человек в лаборатории — сэнсэй Кобаяси. Но он предпочитал чай чёрный, английский, сам покупал его. И чашку имел собственную. А студенты брали на сушке возле раковины чашки общественные. В холодильнике они всегда держали свой любимый соус — американский огненный Табаско. Ребята чувствовали себя в университете, как дома. Они платили за обучение, а университет их баловал — устраивал по последнему слову техники лаборатории, строил автостоянки, теннисные корты, бейсбольные поля… Каждому студенту полагался свой компьютер. Возле него ребята и проводили свои дни, бегая пальцами по клавишам быстро, профессионально. Неумех не было. Неумехи кончались на младших курсах в огромном зале, где стояло около сотни терминалов, связанных с машиной преподавателя. В физические лаборатории, поражавшие бедностью на фоне компьютерной роскоши, студенты заходили редко.

Обычно день начинался с утреннего кофе. Но сегодня стол был занят — Хидэо раскладывал на нём свои статьи, перекладывал вновь, стараясь устроить покрасивее. Научные труды перемежались фотографиями, сделанными на международных конгрессах — профессор Кобаяси улыбался в окружении знаменитых иностранных коллег. Притащив откуда-то лестницу, Хидэо взобрался на неё, чтобы собственноручно развесить по стенам плакаты, отражающие свои самые эффектные научные достижения. Он не доверил эту работу никому. Младший персонал был послан чистить и мыть лабораторию до блеска. Суета охватила не только лабораторию Кобаяси. По коридорам сновали нарядные секретарши с кипами ярких буклетов. Помощница сэнсэя Сато тоненькая Томоко, сгибаясь, тащила кипу брошюр с миниатюрными механизмами на обложке. Буклеты, которые несла хорошенькая секретарша профессора Такасими,

были украшены фотографиями сэнсэя на фоне суперкомпьютеров. Аспиранты Кумэды запускали на полянке возле факультета образец нового робота… Весь факультет в волнении готовился к чему-то важному. Наверное, ожидалось высокое начальство.

— Сегодня придут студенты, старые традиции. — буркнул Шимада, бочком пробираясь среди суеты.

Произойти должно было событие для начала учебного года заурядное — в первых числах апреля всегда устраивали день открытых дверей для студентов, которые придут учиться на третий курс. Часть ребят, получив после второго курса диплом бакалавра, уходила работать: многие фирмы предпочитали брать их в таком виде, более учёный народ им не требовался. Желание учиться ещё два года на мастер-курсе, чтобы получить полное высшее образование, ребятам приходилось подтвердить — сдать вступительные экзамены. Чуть ли не четверть соискателей сквозь это сито не проходила и тоже вынужденно отправлялась работать. Оставшиеся имели право выбрать в какой лаборатории проходить мастер-курс. И тут сэнсэи открывали настоящую охоту на студентов. Среди профессоров существовала иерархия. О фаворите говорили: к нему стремятся попасть лучшие студенты! Аутсайдера пригвождали: к нему студенты не идут! Каждый сэнсэй старался привлечь как можно больше студентов — это укрепляло репутацию его лаборатории и её бюджет. Популярные среди молодёжи профессора получали почёт и дополнительное финансирование — гранты. Гранты позволяли сэнсэю ездить на международные конгрессы, приглашать иностранных учёных, покупать новые приборы…

Факультет стал похож на ярмарку, где продавцы, стараясь перещеголять друг друга, выставляют напоказ свой товар. Наведя в лаборатории окончательный лоск, Хидэо, облачённый в парадный костюм, занял позицию у дверей своих владений. И Такасими, улыбаясь ослепительнее, чем обычно, вышел встречать студентов. Сегодня улыбался даже строгий Сато. Ребята, робко озираясь, стайками ходили по прибранным лабораториям, глазели на приборы и пышущих энергией сэнсэев.

— Студенты только кажутся растерянными, — хмыкнул Шимада, явившись в компьютерный зал за кружкой кофе. — На самом деле они заранее знают, куда пойти. Больше всего желающих будет у Сато на микромашинах, у Такасими на суперкомпьютерах и на роботах у Кумэды — выпускников этих лабораторий охотно берут крупные фирмы с большой зарплатой. Но модные лаборатории смогут взять человек по семь-восемь, не больше. Остальные спустятся вниз, к чему-то непрестижному вроде нас. Число студентов рассчитано так, что кое-что

достанется даже самым последним.

Хидэо очень волновался — студенты к нему шли неохотно, хотя дело было тут не в нём, а в несовременном слове "физика" в названии лаборатории. Не особенно надеясь на свои научные достижения, он разложил на столе толстые альбомы вроде семейных, куда сам вклеил накануне фотографии: лабораторный пикник на берегу моря, прогулка в горах…

— Битва за студента не заканчивается днём открытых дверей в апреле, а продолжается весь учебный год, — говорил Шимада. — Разочаровавшись, студент может уйти в другую лабораторию, а потому его важно не только заполучить, но и удержать. Сэнсэю Кобаяси приходится оплачивать коллективные вечеринки из фонда лаборатории, а то и из собственного кармана. Конечно, так делают все сэнсэи, но тем, к кому студенты идут неохотно, приходится тратить больше… Слава о щедрости сэнсэя и весёлой жизни в лаборатории помогает привлечь новобранцев…

Студенты были свободны выбирать.

— Не вполне свободны, — поморщился Шимада. — Во-первых, популярные лаборатории возьмут тех, кто лучше других сдал вступительные экзамены на мастер-курс. Во-вторых, факультет должен поделиться с научно-исследо- вательским институтом. Туда мы стараемся отдать студентов похуже, оставив себе способных.

Шимада усмехнулся. Институт числился при инженерном факультете, но жил отдельно, в центре города. Университетские считали его чужим. Институт был новый, прекрасно оборудованный. Наверное, способным ребятам тоже хотелось поработать там.

— А сильные студенты не возражают, когда вы не пускаете их в новый институт? — удивилась она.

— Мы выбираем способных, но тихих, не склонных к энергичному поиску места на стороне! — Шимада снова усмехнулся.

Способный и сговорчивый одновременно — такое возможно разве что в Японии…

Как Вы думаете?

Красная луна!
Кто владеет ею, дети,
Дайте мне ответ!

Исса

Хидэо повесил в лаборатории расписание еженедельных семинаров — каждый студент был обязан сделать научный доклад. В день первого заседания техник Ямазаки открыл большую аудиторию, включил проектор, опустил висящий над доской экран. Всё было в порядке и всё на высшем уровне. Студент-докладчик Кубота, красивый, как киноартист, разложил на стекле проектора прозрачные копии рисунков — яркие, чёткие — факультетский ксерокс работал отменно, японская плёнка была отличного качества. Полная коробка такой плёнки всегда стояла в лабораторном шкафу, и студенты могли брать оттуда сколько угодно. Плёнка была дорогая, но студенты брали её бесплатно. Семинар обходился недёшево: проектор, ксерокс, листов десять плёнки и целая кипа бумаг… Кубота раздал всем пятнадцати участникам семинара текст доклада.

— У нас всё, как на международном конгрессе, — гордо сообщил Хидэо.

Держался Кубота прекрасно — стоял удобно, не загораживая экрана, говорил спокойно и внятно, двигался правильно и плавно — профессионально. Красный луч лазерной указки ярким пятном скользил по красивой картинке на идеальном экране. Не каждый русский профессор видел то, что имел японский студент! Кубота говорил по-японски. Правда, для неё он приготовил английский вариант. Специально перевёл на английский язык длинный текст своего доклада! Она была тронута такой заботой. Темы докладов в расписании указаны не были, но на экране замаячило что-то знакомое. Она перелистала свой текст. Перед ней лежала известная работа американского коллеги. Стало быть, английский вариант, приготовленный для неё, не потребовал от Куботы больших трудов — он просто скопировал журнальную статью. А то, что он теперь произносил, был её японский перевод. Но для студента и это совсем неплохо — разобраться в такой сложной работе!

— Как Вы думаете, почему происходит это явление? — она задала вопрос только потому, что захотела поддержать прилежного Куботу, похвалить.

Аудитория оцепенела. Кубота замер. Шимада, мирно дремавший на соседнем стуле, проснулся. Хидэо склонился к её правому уху, зашептал сердито:

— Вы забываете, это же студент! Ему же не положено! — по скулам сэнсэя разливались неровные красные пятна.

Она не поняла, что не положено студенту: знать — почему? или думать? А, может, и то, и другое? Кубота растерянно смотрел

— не на неё, а на сэнсэя Кобаяси. Должно быть, он впервые в жизни услыхал вопрос "как Вы думаете?" И не знал, что отвечать.

Резкий голос Хидэо прервал нехорошее молчание. Он говорил по-японски, нацелившись пистолетом лазерной указки на экран. Красный луч плясал по строчкам.

— Сэнсэй считает, что для перевода одного из терминов Кубота использовал неправильный иероглиф, он предлагает заменить его другим, более точным, — перевёл Шимада, склонясь к её уху.

Студенты озабоченно зашуршали страницами доклада, внося исправления, сделанные шефом. Кубота, успокаиваясь, послушно закивал. Значит, задачей Куботы было просто перевести английский текст, отпечатать его, размножить и пересказать, не вникая в суть, своими словами? Или заученными наизусть? Кубота говорил гладко, не глядя в текст.

— Я каждый раз удивляюсь, как бодро наши студенты щебечут о том, чего не понимают! — зашептал Шимада. — А анализировать они не умеют. Они только сравнивают — то как это, а это, как то…

— Но они должны учиться думать…

Начала она и осеклась — глаза Шимады закрылись. Он уснул. И студенты спали. Едва Кубота нажал кнопку возле проектора, притушив свет в аудитории, ребята падали головами на сложенные руки. Председательствующий Танабу спал, сидя прямо, прикрыв глаза. Только бедный доктор Чен, которому выпало несчастье сидеть рядом с боссом, покорно слушал то, что шептал ему на ухо сэнсэй Кобаяси.

Кубота закончил, зажёг свет. Студенческие головы как по команде поднялись.

— Поблагодарим Куботу за отличный доклад! — провозгласил Хидэо.

Студенты зааплодировали, привыкая вести себя, как положено на международном конгрессе. Докладчик поклонился, улыбаясь удовлетворённо. Он добросовестно справился с работой.

— Можно задавать вопросы!

Председательствующий аспирант Танабу обвёл взглядом аудиторию. Желающих не нашлось.

— Спросите Вы! — обратился Хидэо к Митико.

Девушка не удивилась, не обиделась, что её принуждают, не растерялась. Она перелистала текст и начала свой вопрос словами:

— Страница такая-то, строка такая-то…

И все присутствующие принялись переворачивать листы, отыскивая указанное место — обсуждались детали перевода.

— А теперь давайте послушаем комментарий нашей русской гостьи по этому вопросу!

Хидэо вызывал её к доске. Как школьницу. Он имел право руководить любым сотрудником своей лаборатории. Чувствуя себя двоечницей, не выучившей урока, она вышла, произнесла нечто, едва относящееся к делу. Но сэнсэю её спич понравился.

— Мы счастливы услышать столь квалифицированный комментарий!

Семинар катился как по маслу. Сымитировав с помощью приказов положенную по сценарию дискуссию в виде вопросов и выступлений, Хидэо велел перейти ко второму докладу. Тема его резко отличалась от темы первого — говорить о какой-то общей физической проблеме семинара не приходилось. Да никакой физики и не обсуждалось, только перевод. Докладчик, самый молодой студент Ода, наизусть свой доклад не выучил, а стал читать его по бумажке, сбиваясь и путаясь.

— Ода-сан — неважный студент, — шепнул ей на ухо Хидэо. — А Кубота-сан — студент хороший!

Он защищал Куботу, незаслуженно обиженного странным призывом думать. А для Оды сэнсэй Кобаяси определил наказание — перевести ещё одну статью на тему, совсем отличную от его сегодняшней работы. Понять, по какому принципу Хидэо подбирал статьи, было невозможно. Он словно выдёргивал их наугад. Впрочем, некая система всё-таки была. Две работы принадлежали американским авторам, третья — самому сэнсэю Кобаяси.

— Наверное, им совсем неинтересно то, о чём они говорят? — сказала она Хидэо, указывая на дремлющих студентов.

— Ничего, — улыбнулся он. — Такие семинары — отличная тренировка!

Тренировка чего? Хидэо учил студентов, как стоять, как говорить, как показывать картинки… Учил переводить и заучивать наизусть чужие тексты. Учил прилежно заниматься работой неинтересной, непонятной — учил тому, что пригодится в японской жизни. Учил долгим сидениям на собраниях… Благодаря обильным комментариям сэнсэя, семинар, начавшись в три, закончился в девятом часу.

— Вы хотите посетить мой семинар? Я приглашал? — сэнсэй Сато не скрыл изумления. Она приняла его ритуальные слова, сказанные во время процедуры представления, за чистую монету. — Вы интересуетесь микромашинами? Это же не Ваша область!

Но присутствовать иностранке на своём семинаре Сато всё-

таки разрешил, хотя и посматривал на неё подозрительно, как на вражеского лазутчика. Семинар сэнсэя Сато походил на семинар сэнсэя Кобаяси, как две капли воды. Те же переводы американских статей, те же спящие студенты и говорящий профессор. Наверное, здесь так было положено. И она постаралась вести себя, как подобает, не задавала докладчику неуместный вопрос:

— Как Вы думаете?

Абсолютно точные указания

Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай.
Басё

Профессору, хоть в русском университете, хоть в японском, положено руководить студентами.

— Попробуйте поработать с аспирантом Танабу!

Хидэо смотрел на неё так, словно сомневался, справится ли она со столь сложной задачей?

Она обиделась — в России через её руки прошли десятки аспирантов. Хидэо об этом знал. Но всё-таки решил упростить её задачу:

— Помогите ему решить уравнение.

Тихий маленький Танабу пришёл, обхватив короткими руками огромную кипу бумаг. На вопрос о смысле его работы он сообщил:

— Я развиваю идею сэнсэя Кобаяси.

Она села разбираться в работе — не могла же она, как школьница, просто начать решать какое-то уравнение! Тем более что оно было жуткое, трёхэтажное. Уже через полчаса выяснилось, что уравнение, которое обещало поглотить уйму времени несчастного Танабу, даст в результате лишь маленькое уточнение, ни на что не влияющее. Она решила честно предостеречь Танабу.

— Почему Вы решили использовать именно эту формулу?

Очки Танабу запотели.

— Так велел сэнсэй…

— Конечно, сэнсэй прав, — как можно мягче сказала она. — Но можно поискать более простой путь!

Она объясняла, Танабу слушал странно, неподвижно, словно спал с открытыми глазами. Она закончила, он молча встал, сложил бумаги и ушёл. Минут через десять в её кабинет, не стучась, вбежал Хидэо. Не здороваясь, начал нервно:

— Почему Вы сказали аспиранту, что он не должен делать то, что я велел?

Губы Хидэо трепетали. Он едва сдерживался.

— Я не говорила ничего подобного, — не поняла она сэнсэева гнева. — Я просто предложила более простой путь.

— Я дал Танабу указания, — прервал её сэнсэй. — Он должен исполнять их! А не искать какие-то другие пути! Я попросил бы Вас не разговаривать со студентами таким образом!

Хидэо удалился, не объяснив, как следует правильно со студентами разговаривать. Может быть, вот так:

— Какую замечательную работу поручил Вам сэнсэй! О, он безусловно прав и указания его мудры! А я готова проверить вычисления. И, возможно, правописание. Если разрешит сэнсэй.

И ещё одно ей было непонятно — откуда узнал Хидэо содержание её беседы с Танабу? Правда, выйдя вслед за Танабу в коридор, она увидела его спину, заранее согнувшуюся в вежливом поклоне возле двери кабинета Хидэо. Но она не предполагала, что аспирант отправляется доложить боссу всё. До мельчайших деталей.

В конце концов, она всё-таки решила помочь Танабу с вычислениями — должна же она была хоть как-то оправдывать большую японскую зарплату! Хидэо, застав её за этим занятием, улыбнулся благосклонно. Он даже захотел поучаствовать в работе, ставшей на правильные рельсы.

— Чему равна вот эта постоянная? Напомните аспиранту!

— Надо посмотреть в справочнике, — бросила она рассеянно.

Танабу изумлённо поднял брови. Хидэо уронил очки.

— Вы… Вы не помните? А я считал Вас специалистом!

Она знала, конечно, что учиться в Японии значит заучивать наизусть. Знала, что здешние школьники зазубривают даже железнодорожные справочники. Иначе тут никаких экзаменов не сдашь. Она всё это знала. Но одно дело — знать из книг, другое — встретить в жизни.

— Работой Танабу буду руководить я, — бросил Хидэо, направляясь к двери.

Через неделю он сказал:

— Попробуйте заняться студентом Мацутани. Он не аспирант, дипломник.

Сэнсэй давал ей задание попроще. Предельно сократив научную часть беседы, она отдала первые инструкции:

— Поднимите температуру градусов до двухсот — трёхсот…

Мацутани поклонился и ушёл. А она решила, что вопрос исчерпан — проблема не стоила выеденного яйца. Легкомысленно решила. Через несколько минут её настиг в студенческом зале возбуждённый Хидэо. Следом за ним брёл Мацутани.

— Что Вы сказали студенту? — Хидэо почти задыхался от негодования. — Двести или триста градусов — это по-Вашему одно и то же?

Она уже не удивилась, что содержание её разговора с Мацутани дословно стало известно Хидэо. Она приняла этот местный обычай доносить всё боссу. И попыталась объяснить: по всем законам физики для свойства, которое студент изучает, что двести градусов, что триста — всё равно. Как и четыреста. Вот после пятисот что-то может и случится. Студент, тем более дипломник, должен это понимать.

— Давайте спросим, что думает по этому поводу Мацутани-сан, — предложила она. — Какое у него мнение?

Сэнсэй, опустивший её рассуждения о законах физики мимо ушей, посмотрел на неё с весёлым изумлением.

— Спросить студента? Какое у студента может быть мнение?

Сэнсэй разговаривал с ней тоном учителя школы для неполноценных. Он и студентов своих, кажется, считал неполноценными. Или роботами для исполнения указаний. Настолько точных указаний, что размышлять над ними не имеет смысла.

— Студенту следует отдавать точные указания! Абсолютно точные! — отчитывал её Хидэо.

Мацутани стоял рядом, согласно кивая каждому слову сэнсэя. И ребята у компьютеров подняли головы, прислушиваясь. Сэнсэй отчитывал её при студентах! Почувствовав себя оскорблённой, она решила отомстить.

— Хорошо! Поднимите температуру до двухсот тридцати двух с половиной градусов.

Она думала, они засмеются. Или обидятся. Потому что эти полградуса — такой же абсурд, как измерение расстояния от Москвы до Токио с точностью до миллиметра. Но Хидэо закивал серьёзно. А студент, выхватив из кармана блокнот, стал записывать. Она смотрела на озабоченно чиркающего карандашом Мацутани и вспоминала японскую сказку про деревенского парня Сабуро. Он делал всё в точности так, как ему велели: надёргал в огороде редьку и принёс её домой, перепачканную в земле.

— Всё, что на огороде выдернешь, разложи сначала

посушиться на грядке! — приказал отец.

И парень разложил на поле золотые монеты вырытого клада. Их украли.

— Всё, что найдёшь, принеси домой! — рассердился отец и Сабуро принёс дохлую кошку.

Сказка смеялась над глупым Сабуро, японская сказка.

Через неделю в её кабинет постучал китайский доктор Чен.

— Сэнсэй назначил меня руководить работой Мацутани.

Она не обиделась, что её опять отлучили от работы с ребятами. Она всё равно не понимала, в чём состоит её руководство, если студент передаёт все её распоряжения шефу и ждёт приказов от него? Чен не уходил, чего-то ждал.

— Я не знаю эту работу, — сознался он.

— Как же Вы собираетесь руководить студентом? — не поняла она.

— Работу знаете Вы…

Чен поклонился и объяснил, что указаний ждёт от неё. Он же, Чен, станет доводить эти указания до сведения шефа, а шеф, проверив сказанное ею и поправив, отдаст распоряжения студенту Мацутани. Потому что студент станет исполнять только приказания сэнсэя Кобаяси — таков порядок. В японских порядках Чен разбирался лучше, чем она. И его собственная роль, состоявшая в транспортировке указаний от неё до кабинета шефа, его ничуть не смущала.

Чен стоял, вытянув руки по швам, ждал первых указаний. Она пошла к Хидэо и очень вежливо объяснила, что на столь сложной траектории передачи указаний легко что-то перепутать. Сэнсэй согласился — потери точности допустить нельзя! И разрешил ей попытаться ещё раз поработать со студентом напрямую, без посредника. Только не с дипломником Мацутани, а с третьекурсником Таманагой — Хидэо подбирал ей работу по силам. Она постаралась дать Таманаге совсем простое задание и абсолютно точное:

— Сделайте снимок образца!

Студент проследовал в кабинет шефа, но Хидэо к ней не прибежал. Значит, на сей раз она всё сделала правильно. Прошёл день, но Таманага не появился в её кабинете. И это было странно, потому что японские студенты работали в режиме "сказано — сделано". Они поражали своим трудолюбием, эти студенты! Едва получив задание, бросались его исполнять, впивались в работу так, словно ждали её всю жизнь. Не отлынивая, не волыня, они трудились безостановочно и неустанно, словно где-то внутри у них запускался маленький моторчик. Недаром символом университета была трудолюбивая пчела, которая целыми днями

летает, собирая мёд. Студенты работали тщательно, прилежно. Но как-то странно. Их руки делали, а чёрные глаза оставались пустыми. В них не было никакого интереса. Они просто делали, не думая, не вникая, не задавая вопросов. Им было всё равно, что делать. Но скорость исполнения была спринтерской.

Однако Таманага почему-то не приходил, хотя порученное ему дело было плёвое. К вечеру она поинтересовалась:

— Есть проблемы, Таманага-сан?

— Нет, нет! — парень замотал головой, улыбнулся виновато. — Я не успеваю выполнить Ваши указания сегодня! Я принесу вам работу завтра. Если Вы позволите…

Она позволила. На следующее утро, не успев снять пальто, она услыхала стук в дверь. Таманага поклонился, извинился за задержку работы и протянул ей сложенный вдвое огромный лист. Лист не умещался на столе, его пришлось разложить на полу. На полотнище аккуратными рядами, кромка к кромке были наклеены в четыре ряда восемьдесят четыре фотографии — панорама всего образца. Кусочек металла площадью в два квадратных сантиметра был огромным для маленького глаза микроскопа!

— Что это? — ужаснулась она.

И догадалась. Она велела сделать снимок образца. Как понял бы её любой русский студент? Что надо снять один типичный участок. А студент японский исполнил указание буквально — сфотографировал весь образец, полностью, кадр за кадром. Снимки были прекрасные — яркие, чёткие, тщательно подобранные по свету и контрасту — Таманаге пришлось немало потрудиться. Она посмотрела на припухшие от бессонной ночи, покрасневшие глаза Таманаги и почувствовала себя виноватой. Она так и не научилась отдавать указания японским студентам!

— Вы сделали прекрасную работу, Таманага-сан! — сказала она, стараясь скрыть замешательство. — Но как Вы собирались использовать такое большое число снимков? У Вас была какая-то идея?

Таманага часто заморгал и оглянулся, словно ища защиты.

— Вы сказали…

Не надо о науке!

Роса на цветах шафрана.
Прольётся на землю она

И станет простой водою…
Тиё

— На сегодня я назначил обсуждение Вашей работы… — Значит, в прошлый раз Хидэо не оговорился, назвав так их совместную деятельность — "Ваша работа". Значит, своей он эту работу не считал. — Но Вам придётся подождать. Я должен подготовить протоколы к завтрашнему собранию.

Дома, в России, протоколы вызывали у её коллег только одно чувство — отвращение. Хидэо смотрел на дело иначе:

— Протоколы — очень важная работа! И она поручена мне! Поскольку я, как руководитель кафедры, председатель собрания, — Хидэо выговаривал слова "руководитель" и "председатель" с особым удовольствием. — Это большая ответственность! Я должен обдумать каждую фразу. — Через запертую дверь кабинета Хидэо долетел стук пишущей машинки и клацание дырокола. В восемь вечера Хидэо прошёл к лабораторному ксероксу. — Я уже закончил. Осталось сделать двадцать копий протокола для каждого участника собрания. — С кипой бумаг в руках Хидэо прошёл в свой кабинет, чтобы разложить страницы стопочками, сшить скрепочками… — Сегодня поговорить не успеем, видите, я занят! — бросил ей Хидэо через раскрытую дверь, — отложим беседу на завтра!

— Да, мы сейчас поговорим, — встретил её утром Хидэо и быстро побежал по пустой ещё лаборатории, проверяя что-то, наводя порядок…

Он заглянул в холодильник, проверил содержимое, на минуту задержался у столика с приборами, поправил шнур так, чтобы он лёг параллельно краю стола. Мелочей в его хозяйстве не существовало! Осмотрев студенческий зал, он остался недоволен и устремился к компьютеру, чтобы напечатать объявления: "Окончив работу, задвигайте стулья под столы, чтобы в зале было просторнее". Собственноручно развесив объявления, Хидэо наконец угомонился, сел за стол. Но слушал он рассеянно, ёрзал, косясь на телефон.

— Я жду звонка декана! По поводу факультетского собрания! Это очень важно! — Телефон зазвонил, и сэнсэй с готовностью сорвал трубку. — Я должен идти! Срочно! — выдохнул он с облегчением. — Как хорошо мы с Вами поговорили! — Беседа длилась меньше десяти минут, они ничего толком обсудить не успели. — Закончим вечером, — утешил её Хидэо. И принялся загружать протоколы в большую хозяйственную сумку. В портфель они ни за что бы не влезли. — Я готовил эти протоколы ночью, чтобы освободить время для нашей сегодняшней

беседы… — Хидэо сообщил это он на прощание и убежал, кренясь под тяжестью бумаг. А она осталась мучиться угрызениями совести.

В пустом коридоре гулко фыркал умывальник — в туалете пожилой мужчина мыл руки. Вообще-то японцы рук не мыли, считая, что мытьё убивает их естественную способность отторгать грязь, — так говорил Шимада. Да и зачем мыть руки в стерильно чистой стране? Но этот мужчина мыл руки подолгу. Странный был человек. И работа у него была странная: в маленькой комнатке в конце коридора он перекладывал старые журналы, определяя их в стопки, расставляя по полкам, переставляя опять. Он занимался этим всё время, оставшееся от мытья рук. Кем он был? Судя по одежде — серой полотняной курточке, белой рубашке с тёмным галстуком, белым хлопчатобумажным перчаткам — университетским техником. Судя по возрасту и по робкому, заискивающему взгляду, он дорабатывал до пенсии. Коротал время за бессмысленной работой, от которой старался уйти к делу реальному — мытью рук.

Вечером после собрания Хидэо постучал в её кабинет — она подхватила бумаги, готовясь к беседе. Но сэнсэй оглядел комнату — всё ли в порядке? Воскликнул в панике:

— О, я забыл! — И убежал куда-то. Вскоре он вернулся, неся электрический чайник-термос, чашку с блюдцем и маленькую ложечку. Устроив всё это на книжной полке, удовлетворённо улыбнулся. — Теперь всё в порядке!

Персональный чайник — большая честь, оказанная гостье. Прочие сотрудники лаборатории, включая самого Хидэо, пользовались общим чайником в студенческой комнате. Иностранку Хидэо баловал. В её кабинете был даже диван. Не было только компьютера, чтобы работать.

— Вам нужен компьютер? — Хидэо отмахнулся с досадой. — Это потом! А пока Вы можете использовать те, что стоят в студенческом зале. Там есть свободные. Те, что постарее. Студенты работают на новых.

Она посмотрела на Хидэо с удивлением.

— Без компьютера зачем мне кабинет?

— Чтобы отдыхать! — быстро нашёлся Хидэо. И убежал в студенческий зал,

Он сменил пиджак на короткую желтовато-серую курточку — такие выдавали в университете вместо халатов. Курточка была несвежая, местами заштопанная. Но Хидэо это не смущало, а, кажется, даже радовало — вид у курточки был трудовой. Хидэо принялся переставлять книги на полке, сортируя их по темам, годам, по размеру… В их ровном строе что-то не сходилось.

— Не хватает одной книги! Она здесь стояла. Кто её взял? — Услыхав её признание, Хидэо приказал: — Немедленно верните! Кто-то из студентов может захотеть почитать. Впрочем, они лентяи и ничего не читают. Но я верю, что однажды в моей лаборатории появится блестящий студент. Он будет хорошо работать и получит новые подтверждения моей идеи. Я — оптимист!

Она обвела взглядом студенческий зал, заполненный в столь поздний час теми, кого сэнсэй назвал лентяями, возразила:

— У Вас и теперь хорошие студенты.

Хидэо несогласно покачал головой и продолжал возиться с книгами.

Она потеряла терпение. Когда же профессор займётся своими прямыми обязанностями — наукой? Зачем он тратит время на пустую работу, которую может сделать кто угодно, например, техник? Обязанностей у Ямазаки было немного: ремонтировать микроскоп, который ломался редко, исполнять мелкие поручения… Ямазаки проводил дни, играя на своём маленьком компьютере в пиратов. А парень он был славный — стоило попросить его о чём-то, тут же бросался исполнять. Даже если просила она. Почему бы сэнсэю не попросить его сортировать книги?

— Я не имею права заставлять техника, — туманно обронил Хидэо. — И потом, я должен делать это сам. Это очень важно!

Важно было всё: собрания, протоколы, сортировка бумаг — всё, кроме научной работы! Той самой, которой когда-то занимался Хидэо. Пока не стал профессором. В девять вечера Хидэо покончил с книгами в студенческом зале и переместился в свой кабинет. Её предложение приступить к обсуждению работы он отверг.

— Я должен привести в порядок свои архивы. Сейчас я как раз занимаюсь нашей перепиской! — Явно гордясь собой, он показал ей пухлую папку.

Он хранил всё, поздравительные открытки, конверты… За чистейшими стёклами многочисленных шкафов, занявших почти всё пространство большой комнаты, стоял длинный строй папок с аккуратно надписанными ярлычками. Содержать такое хозяйство в порядке стоило немалых трудов, но Хидэо сил и времени не жалел.

— Я боюсь, Хидэо, что моё пребывание у Вас не принесёт пользы нашей работе! — она упрямо выделила она слово "нашей".

— Что Вы так волнуетесь по поводу работы? — отечески улыбнулся Хидэо. — Зачем так торопитесь? Знакомьтесь с Японией! Запишитесь на курсы японского языка, съездите в

Киото!

От изумления она лишилась дара речи. Ей предлагали отдыхать?! Быть туристом! А она думала — трудолюбивая Япония потребует от неё жёсткой работы.

— Важно, что в моей лаборатории появилось европейское лицо, создалась международная атмосфера. Этого достаточно для начала. Студенты учатся общаться с Вами, привыкают говорить по-английски. Это очень полезно! Даже мой техник Ямазаки начал вспоминать английские слова! — Хидэо засмеялся удовлетворённо.

Ей готовы были платить хорошие деньги за английский язык?! За цвет лица?! Япония — загадочная страна!

Хидэо поставил папку с их перепиской на полку, снял очки, потёр глаза. А может, он просто устал от многочасового сидения на собраниях? От писания протоколов? И к вечеру ни на что другое, кроме приборки, уже не годился? Может, он вообще устал он, отстал. Потому что писал протоколы, а не научные статьи. А наука, как спорт, как балет, требует ежедневных упражнений для поддержания формы: работы в лаборатории, в библиотеке… А сэнсэй форму потерял и бесед с нею о науке просто побаивался?

— Хидэо, — начала она.

И поймала его взгляд, умолявший:

— Не надо о науке!

Она посмотрела на измученное, серое лицо сэнсэя.

— Хидэо, Вам скоро ехать в Париж на конгресс. Давайте я отредактирую Ваш доклад!

Это сказалось у неё нечаянно, само собой. От жалости. Хидэо благодарно улыбнулся, быстро согласился, сказал ласково:

— А Вы работаете упорно, до девяти часов!

Хотя считать работой то, что делала она нынешним вечером, вряд ли стоило.

В десять часов Хидэо всё ещё что-то подправлял в идеальной расстановке своих архивов. Она вышла на улицу, надеясь поймать такси. У входа в корпус заводил свой мотоцикл немецкий аспирант из лаборатории Сато. Парень поздоровался и уважительно показал рукой на свет в окне кабинета Кобаяси.

— Знаменитое японское трудолюбие!

А она не стала раскрывать ему тайну ночных сэнсэевых занятий.

Возле магазинчика Сэвэн-илэвэн ей встретилась Наташа. Выслушала жалобы, пожала плечами.

— Ваш сэнсэй никак не найдёт времени для разговора о работе? Здесь это дело обычное. Мой муж своего сэнсэя не видел уже год.

Как положить сливы в бутылку?

Хлюпают носами…
Милый сердцу деревенский звук!
Зацветают сливы.
Басё

При умелом обращении сгодится и дурак, и тупые ножницы.
Японская пословица

В отделении суперкомпьютеров обслуживали технику японские инженеры. Но использовали её только иностранные учёные. Сейчас там работали поляк, американец и француз. На мощных машинах фирмы Хитачи они решали свои длинные уравнения, строили замысловатые модели. Фирма Хитачи платила им хорошую зарплату, а сэнсэй Такасими устраивал райскую жизнь с просторными, роскошно обставленными кабинетами, красивыми секретаршами, которые заботливо ухаживали за своими подопечными. Начальник отделения Такасими очень гордился, что иностранцам нравится работать у него, что они охотно приезжают, не давая суперкомпьютерам простаивать. Найти японских учёных, желающих решать достойные суперкомпьютеров задачи, Такасими не мог.

— В Японии мало программистов и совсем нет физиков-теоретиков, — говорил польский профессор Квятницкий.

Он частенько заходил к ней поболтать. В Варшаве Квятницкий заведовал теоретическим отделом физического института, но в Польше теперь, как и в России, были трудные времена, и он охотно приезжал на пару месяцев к Такасими — подзаработать.

— Теоретик должен уметь мыслить абстрактно, обобщать. У японцев с этим неважно. Японцы плохо воспринимают абстракции, им свойственно практичное, конкретное мышление…

Пан Квятницкий рассказывал о своей поездке в Токио, в издательство, которое печатало его книгу. Издатель жаловался: научная литература продаётся плохо, пришлось пустить в макулатуру почти весь тираж теоретической физики Ландау.

— Да и кто в Японии сможет заинтересоваться Ландау? — усмехался Квятницкий.

— Не могли бы Вы прочесть лекцию студентам вместо

меня? — попросил её Хидэо. И добавил торопливо: — Нет, нет, лекции — не Ваша обязанность, но я уезжаю в Париж… Я был бы Вам очень благодарен.

Она охотно согласилась. Потому что ей хотелось участвовать как-то в жизни лаборатории. Накануне отъезда Хидэо зашёл к ней в кабинет.

— Сейчас я иду читать лекцию! Через неделю это сделаете Вы. Вы уже приготовились?

— Да, я всё обдумала.

— Обдумали? — Хидэо посмотрел на неё подозрительно, всплеснул руками, запричитал: — Ох! Вы не готовы! Не готовы! — Он плюхнул на пол огромную, как вещмешок, сумку и принялся лихорадочно рыться в ней. — Вы должны приготовить Вашу лекцию вот так!

Он выхватил из сумки стопку бумаг — десяток страниц, аккуратно сшитых скрепочкой.

Она презрительно дёрнула плечами.

— Я никогда не читаю по бумажке…

Хидэо посмотрел на неё с ужасом.

— Вы обязаны это делать! Обязаны! — Кажется, он уже жалел, что поручил ей такое серьёзное дело. — Вы должны приготовить текст лекции, отпечатать его и размножить для всех студентов! — Хидэо запустил руку в сумку, приподнял ворох бумаг. — У Вас должно быть сорок копий, по числу слушателей. Ещё надо приготовить демонстрационный материал.

Хидэо достал папочку. В ней лежал текст лекции, скопированный на прозрачную плёнку. Значит, студентам мало иметь бумажный экземпляр на столе, им надо ещё видеть его на экране. А она легкомысленно решила — слушателям хватит её слов.

— Идите, готовьтесь, готовьтесь! — волновался Хидэо.

Она приготовила десять страниц лекции и сорок копий — бумаги Япония не жалела. На лекцию, на собрание сэнсэи шли, нагруженные бумагами, налегке не ходил никто. Перед началом лекции ассистент сэнсэя Кобаяси представил её студентам: рассказал по-японски её биографию, сверяясь с листочком, оставленным Хидэо, продемонстрировал её книги. Ассистенту тоже пришлось прихватить целый портфель бумаг. Она раздала сорок копий студентам и начала говорить, опасаясь только одного — сказать что-то не по тексту. Студенты уткнулись в листки, словно проверяя, правильно ли она излагает? Единственное утешение состояло в том, что на листках были в основном иллюстрации. Так советовал Хидэо, он даже дал ей в качестве образца свою лекцию: совсем немного текста, а

остальное — картинки, как в комиксах. Студенты комиксы любили. Здесь вообще любили картинки. Их было много всюду: на лекциях, в телепередачах… Смысл удавалось понять, даже не зная языка. Телевизионный рассказ о пожаре сопровождался показом модели горящего дома. По мере продвижения огня от дома отваливались куски. Диктор почти ничего не говорил, только водил указкой по модели. В передаче о коррупции фотографии людей, замешанных в скандале, были наклеены на большой лист и соединены стрелками. Вдоль них ведущий передвигал картинку — туго набитый мешок со значком доллара и смачной верёвкой поверху. Возле каждого фото стояли цифры. Всё было предельно ясно: кто кому давал, и сколько. Прогноз погоды тоже был обвешан графиками: кривая линия с горбом в полдень изображала дневные колебания температуры, кривая с провалом — ночные. Японцы любили конкретные вещи.

— Рассмотрим абстрактное твёрдое тело, — начала она лекцию.

Студенты оторвали глаза от бумаг и уставились на неё растерянно, почти испуганно. Может, лучше без абстракций?

— Рассмотрим кристалл, — реакция не изменилась.

Она решила говорить ещё конкретнее:

— Возьмём металл…

Всё те же круглые глаза. От удивления глаза могут стать круглыми даже у японцев. Она запаниковала — что же делать?

— Возьмём железо, — конкретнее уже некуда.

Студенты склонились над столами, делая какие-то пометки в тексте. Дело пошло. Железо — это понятно. Железо каждый держал в руках. И никто никогда в глаза не видел некое твёрдое тело. Да и зачем какое-то абстрактное твёрдое тело им, будущим специалистам по роботам и компьютерам, а, может, чиновникам или торговым агентам? Но слушали внимательно. И добросовестно делали какие-то пометки, старательно играя роль прилежных, послушных ребят. Она закончила, подозревая — вопросов не будет. Их и не было — по собственной инициативе вопросов тут не задавали. Она достала ручку, сказала рассеянно:

— Японская ручка, а куплена в Москве…

Словно пелена упала с лиц. Аудитория проснулась, зашевелилась, ожила.

— В Москве? Не может быть! И сколько она там стоит?

Ребята стали искренними, бросили играть роль. Они обсуждали шумно, живо — стоило ли платить за такую вещицу тысячу йен? Доставали свои ручки, сравнивали. В их глазах зажёгся живой интерес: ручка — не абстрактное твёрдое тело!

— Как хорошо Вы прочли лекцию, — ласково сказал Хидэо,

вернувшись. — Мой ассистент мне доложил. Я очень благодарен Вам! Я привёз подарок, — Хидэо протянул ей голубую коробочку.

В ней лежала подвеска простого металла, но безупречного английского стиля. И имя фирмы на крышке стояло знаменитое.

— Я прочитал ещё раз план Вашей работы, он мне понравился.

Она обрадовалась — Хидэо сам заговорил о работе. Хидэо умел быть благодарным!

— Но Вы хотите использовать данные, полученные ранее студентом Таманагой. Нехорошо! — Хидэо погрозил ей пальцем. — Нехорошо брать чужие измерения!

И он улыбнулся, словно обещая её не выдавать.

— Но это очень интересно — сравнить мои результаты с тем, что получил Ваш студент! Там проявляется одна закономерность, если всё вместе проанализировать и обобщить.

— Проанализировать… Обобщить… — поморщился Хидэо, — Сделайте что-нибудь конкретное! Проведите измерения сами. Таманага научит Вас.

Она умела делать измерения и знала, как много времени они займут. Она считала — неразумно тратить своё время, за которое Япония платила так дорого, на работу, доступную даже третьекурснику. А вот обобщить, проанализировать и увидеть закономерность под силу только очень квалифицированному человеку. Обобщение — тоже результат. Не менее конкретный, чем данные, которые в непереваренном виде просто ни на что не пригодятся. Пропадут. Но Хидэо не слушал её. Не понимал

— Вы должны получать оригинальные результаты, Ваши… — Хидэо улыбался устало. Ему приходилось всему её учить! Она была, как тупые ножницы, как тот дурак, которого ему никак не удавалось приспособить к делу!

В субботу Хидэо и Намико сидели у неё в гостях. Она угощала их настойкой из горьких японских слив. На дне банки с широким горлом лежали крупные зеленоватые плоды. Супруги Кобаяси с интересом разглядывали настойку — они никогда не видели такую, хотя напиток продавался по всему городу.

— Настойка сделана из довольно низкого сорта сакэ, — сказал Хидэо, изучив этикетку.

— Вообще-то такие сливы ядовиты, — добавила Намико. — Но вымоченные в алкоголе они безвредны. Я очень люблю их. Можно, я съем парочку? — Намико достала вилкой сливу, надкусила, зажмурилась от удовольствия. — Вкусно!

— Да, неплохо, — Хидэо выпил рюмку. — Вот только форма банки нехороша — короткая, с широким горлом. Удлинённая бутылка с узким горлышком смотрелась бы элегантнее.

— Да что ты! — замахала руками Намико. — Через узкое горлышко как я буду доставать сливы?

Она ждала вопроса — а как положить сливы в узкогорлую бутылку? Не дождалась. Для сидящих за столом этот вопрос был абстрактным, к ним отношения не имеющим. В самом деле, Намико любила сливы есть и интересовалась лишь тем, как их доставать. Своими руками она никаких солений-варений, тем более настоек, как большинство городских японок, не делала. Так зачем ей было думать, как положить сливы в бутылку? А её муж только пил настойку и любовался бутылкой. Поэтому его занимал только аспект эстетический — как бутылка выглядит? Бутылка с узким горлышком выглядела элегантнее. А как достать оттуда сливы и тем более, как их туда положить, его не интересовало — он никогда не делал ни того, ни другого. А, стало быть, об этом и не думал. Так откуда же тут взяться физикам-теоретикам?

Китайский доктор Чен

Повисло на солнце
Облако… Вкось по нему -
Перелётные птицы.
Басё

Сначала она приняла Чена за японца. Отличить китайца от японца для русского глаза трудно.

— Для нас это тоже нелегко, — улыбнулся Шимада. — Единственный выход — поговорить по-английски! Если хорошо говорит, значит, китаец.

— В нашем международном сотрудничестве мы должны ориентироваться на Восток! — писали японские газеты, иногда признаваясь: — Мы очень обидели китайцев во время последней войны и должны искупить вину.

Министерство науки Японии обещало финансировать прежде всего договора, заключённые с университетами азиатских стран. Сэнсэи воспринимали это, как инструкцию: ориентация на Восток! Сэнсэи не резали грубо, в лоб, как американцы:

— Китайцы дешевле!

Но китайцев нанимали охотно.

Китайский доктор Чен всегда приходил на работу ровно в девять, раньше всех. Начинал с того, что подметал пол в студенческом зале, мыл брошенные как попало чашки, выносил

мусор. Свои кабинеты здесь все убирали сами, а студенческий зал был вроде кабинетом Чена — там стоял его стол. Ей нравился доктор Чен — основательный, серьёзный, аккуратный. Доброжелательный, вежливый. Разговаривать с ним было приятно. Чен хорошо говорил по-английски, охотно рассказывал ей о жизни в Китае, о своей семье. Отец Чена погиб в культурную революцию. Он был учителем, но однажды не вернулся из школы, а через несколько дней матери Чена сообщили, что она может проститься с мужем в больнице, где он умирал от побоев. Чен рассказывал это спокойно, храня на лице обычное выражение. И невозможно было понять, как он относится к тому, что случилось. В Японию Чен приехал с женой и пятилетним сыном. И с огромными чемоданами, Там была посуда, китайский чай, китайские приправы… И ещё игрушки, запас одежды и обуви. В Китае всё дёшево, с японскими ценами не сравнить. Одевался Чен аккуратно, во всё новое.

Чен знал японский язык. Если в работе выпадала пауза, он разворачивал карту города и изучал названия районов и улиц, выписывал их в особую тетрадь. В его компьютере хранились адреса дешёвых магазинов, рынков… Чен знал о жизни города много вещей практических, нужных. А если чего не знал, то отправлял электронную почту соотечественникам, живущим в Японии. Назавтра он приносил ответ. Китайцы знали всё. Они жили многочисленной слитной колонией. Даже обедать в столовую ходили группой во главе со своим начальником — строгим мужчиной постарше остальных. И всегда садились за один большой стол.

Приехав в Японию, Чен очень дёшево купил мебель, футонги, холодильник у соотечественников, которые уезжали. Всегда находился соотечественник, который уезжал. И всем китайцам это было известно. В компьютер Чена приходила электронная почта из тех стран, где жили китайцы. Когда на инженерном факультете открылась вакансия аспиранта, Чен отправил письмо на родину, а вскоре явился в университет вместе с молодым китайцем, приехавшим из Пекина. Вскоре сэнсэй Кобаяси известил сотрудников, что у них в лаборатории будет новый китайский аспирант. Японцы шли в аспирантуру неохотно — учиться трудно, платят мало. И пустующие позиции занимали китайцы.

— В будущем мы будем иметь только китайских профессоров, — хмыкал Шимада.

Сам Чен попал в Японию по рекомендации китайского профессора, с которым Хидэо познакомился в Англии. От каждого китайца тянулась ниточка к другому китайцу, все вместе они

сплетались в прочную сеть.

Доктор Чен вёл занятия со студентами, помогал технику Ямазаки, мастерил наглядные пособия, ремонтировал приборы… Его руки были вечно перепачканы маслом, клеем, краской… И ещё он исполнял десятки разных поручений, которые Кобаяси давал ему, рассеянно улыбаясь.

— Сходите-ка в канцелярию Чен-кун…

Только Чена, да ещё техника Ямазаки сэнсэй звал, добавляя к имени вместо уважительного "сан" фамильярное "кун", вроде нашего "дорогуша". Так обращались только к тем, кто существенно ниже по чину. Но доктор Чен не обижался. Он молча, низко склонившись, выслушивал распоряжения сэнсэя, говорил — "Хай!" — "Есть!" и убегал исполнять.

— Я очень доволен доктором Ченом, — часто повторял Хидэо.

Домой Чен уходил не раньше десяти. Часов в восемь он заканчивал дела, прибирал свой письменный стол, не оставляя ни одной бумажки, запирал на ключ ящики и усаживался подремать, дотягивая положенный срок. Кем положенный и почему, неизвестно. Но положенный, это точно. Доктор Чен всегда вёл себя безошибочно. Он и по субботам всегда оказывался на месте, если приезжал босс. Китайцы вообще хорошо понимали японские правила. Наверное, не только письменность была у них общей с этой страной.

Ей нравился доктор Чен. И он относился к ней уважительно. Ей захотелось познакомиться с Ченом поближе, она пригласила его в гости. Худая, несимпатичная жена выглядела старше Чена и всё время молчала. Она не говорила по-английски и японский только начинала учить. Сын, круглоголовый, стриженый ёжиком крепыш, взобрался к отцу на колени и стал уплетать русскую еду, ловко орудуя палочками. Не привередничая и не капризничая, он съел всё, что ему предложили, и вежливо поклонился. Уходя, Чен протянул ей веер и шёлковый с вышивкой носовой платок — подарки, привезённые из Китая. Дарил их Чен перед уходом, как принято у него на родине.

Через некоторое время Чен пригласил к себе домой её и супругов Кобаяси. Он встретил гостей в метро, хотя нужды в этом не было — подробный план своей улицы Чен дал каждому из них. Чен заранее купил всем троим билеты на метро и вручил их с вежливым поклоном. Жил он в маленькой квартирке в доме, выстроенном университетом для своих служащих. Серые бетонные пятиэтажки, такие неказистые, что наши хрущобы показались бы среди них элитным жильём, университетские американцы называли крольчатниками. Впрочем, они называли

так любое японское жильё ввиду его малости. Но Чену его квартира нравилась. Да и стоила она дёшево — семь тысяч йен в месяц. Подъездов в доме не было. Лестницы, укрытые только крышей вели на галереи, заставленные не уместившимся в квартирах скарбом. В прихожей не хватало места даже для двоих, в столовой едва умещался низкий столик с подушками на полу да уголок кухни, где рядом с плитой и мойкой устроился холодильник. В спальне с трудом расстилались два футонга, в туалете не стоило шевелить руками, чтобы не разнести стены. Туалет был странный: лоток японского образца располагался на постаменте, образуя некий гибрид восточного стиля с западным.

Едва войдя в дом, она поняла: главное здесь — ребёнок. Самые дорогие, словно залетевшие из другого мира вещи в бедной квартирке — электронный синтезатор, видеокамера, заводные машины — всё было для него. На пороге отец обнял сынишку да так и не отпускал его весь вечер. И глаза его светились счастьем.

— Сын больше любит меня, мать слишком строга с ним, — пояснял он, заботливо придвигая к малышу фрукты, чашки с вкусной едой, ласково гладя по голове…

Он рассказывал гостям, что летом собирается повезти сына в Токио, в Дисней-лэнд — сын давно об этом мечтает. Конечно, в Токио очень дорогие гостиницы, но Чен предполагал остановиться в квартире земляка.

— В Японии хорошо, чисто, — говорил Чен. — И можно иметь много детей. В Китае разрешается только один ребёнок. Правда, только в городе, в деревне рожают сколько угодно дочерей до первого сына. Сын — кормилец родителей в старости. В деревне нужны рабочие руки. Семье с одним ребёнком на земле не прожить.

Но Чен жил в городе. Хотя и тут был выход — запрет на второго ребёнка действовал только внутри Китая. За границей можно было заводить сколько угодно детей. Жена Чена уже была беременна.

Чен подливал гостям светлого китайского пива и предлагал закусить сушёными абрикосами, привезёнными из Китая. Жена хлопотала в кухонном углу и часто выходила оттуда, ставя на стол всё новые блюда.

— В Китае в течение дня хозяйка готовит тридцать блюд, — объяснял Чен.

— О, какая прелесть, чёрные яйца! — захлопала в ладоши Намико.

Чёрные кружочки на тарелке просвечивали со стороны бывшего белка, теперь имевшего тёмно-коричневый цвет. Бывший

желток стал чёрным, как антрацит. Хидэо со знанием дела объяснил технологию: яйца выдерживают в сыром песке долго, около месяца, неустанно поливая песок, чтобы яйца как следует протухли. Протухшие яйца варят вкрутую. Она поперхнулась первым же куском, задохнулась от ужасного запаха. А Намико потянулась к тарелке за вторым ломтиком.

— Можно, я доем? Это так вкусно!

Намико был привычен вкус чёрных яиц, Хидэо знал, как их готовят. Откуда? Намико смутилась:

— Отец Хидэо часто ходил в китайский ресторан и иногда брал нас с собой.

Университетские поговаривали, что дед Хидэо был наполовину китайцем. Но сами супруги Кобаяси об этом не поминали.

Вслед за яйцами хозяйка подала салат из измельчённых на тёрке свежих огурцов с яичницей и тоненькими ниточками какой-то полупрозрачной лапши. Всё это было густо полито уксусом. Потом явилась тарелочка мелкой жареной рыбы и похожие на ежей серые от соевого соуса рисовые шарики с куриным фаршем. Закуски истекали из кухонного угла непрерывной чередой: китайская капуста, тушённая со свининой и грибами, тонкая соломка картошки, полусырой, едва поджаренной с чесноком… С картошкой здесь вообще обходились странно. Когда гости уже изрядно поели, хозяйка подала покрытую тягучей карамелью сладкую картошку — обычную для китайского обеда перебивочку перед главным блюдом, — так сказал Чен. За куском картошки, подхваченным палочками, тянулась бесконечная нить пережаренного сахара. Оборвать её можно было только так, как это делал Чен, окуная картошку в бокал с пивом. Или с водой. Вслед за сладкой картошкой подали пельмени. Чен называл их гёза. Если бы не горячий коричневый чай, который Чен подливал гостям, она не сумела бы даже попробовать такое количество блюд.

— Китайский чай олонг помогает пищеварению!

Съев на десерт очищенную хозяйкой грушу, она стала обдумывать, как бы ей подняться. Ведь сидели-то на подушках на полу.

Жена Чена за весь вечер не присела и ничего не съела. Только перед уходом Хидэо заставил её сесть за стол и выпить вместе со всеми. Женщина отхлебнула пива и тщательно выговорила заученную заранее японскую фразу:

— Я очень счастлива принимать у себя дома знаменитого сэнсэя.

Глава III. Хорошо Организованная страна

Осени поздней пора.
Я в одиночестве думаю:
"А как живёт мой сосед?"
Басё

Автобус

Быстрая молния!
Сегодня сверкнёт на востоке,
Завтра — на западе…
Кикаку

Ей нравилось жить в Японии — всюду чистота, порядок. Автобусов не надо было ждать, даже в городе они ходили по расписанию. На каждой остановке висели три листка: на белой бумаге — расписание для будних дней, на зеленоватой — для субботы, на жёлтой — для воскресенья. Эта нехитрая мелочь облегчала жизнь всем, особенно иностранцам. Народ собирался точно ко времени, выстраивался цепочкой и застывал недвижимо, молча, как в строю. Автобус подкатывал минута в минуту, впускал строгую цепочку в среднюю дверь. Вне строя не проходил никто: ни старики, ни женщины с малыми детьми, ни спешащие нахалы. Из передней двери выдавливалась наружу другая цепочка, такая же строгая. Несмотря на многолюдство, потоки не мешали друг другу, двигались в разных направлениях без давки и завихрений. Входя, люди отрывали билетик с номером остановки. Тот, кто имел магнитную карточку, отправлял её в автомат, занимавшийся тем же самым — записью номера остановки. Даже в городе автобус брал плату в зависимости от расстояния. Большинство использовало карточки — они давали скидку.

Новый бархат кресел матово серебрился, кондиционер выдыхал тёплый воздух, толпа источала запах чистоты без малейшей парфюмерной примеси. Водитель за стеклянной перегородкой блистал элегантностью: синий форменный костюм, синяя фуражка, белоснежная сорочка и белые перчатки. И всё дисциплинированно-вежливое движение на японской дороге

соответствовало этим ослепительным перчаткам. Водитель устроился как дома — повесил китель на плечики, переобулся в сандалии, поставив новенькие туфли там, где им положено стоять в японском доме: при входе в кабину. Автобус приближался к остановке. О намерении выйти пассажир должен был известить водителя нажатием кнопки над своим креслом. При этом по всему салону загорались красные лампочки, уведомляя прочих едущих о торможении, в кабине водителя звенел звонок. Все остановки были по требованию. Маленькие кнопки экономили много бензина для Японии.

Выход из автобуса перегораживал цербер автомата, оставляя только узкий проход, через который невозможно было просочиться, не заплатив. И обречённые пассажиры были спокойны — творческий поиск на тему, как проехать зайцем, их не волновал. Пассажир задержался у выхода, чтобы разменять в автомате бумажку в тысячу йен. Вычислить положенную плату помогала висящая над ветровым стеклом таблица: маршрут разбивался на зоны, номер зоны, по которой шёл автобус, высвечивало электронное табло. Парень бросил нужную денежку в кассу вместе с билетом, оторванным при входе. Водитель взглянул на ящик — прозрачные стенки позволяли ему проверить, сходится ли номер билета с количеством денег. Неусыпный надзор воспитывал легендарную честность японских граждан.

Поездка в автобусе была организована как совершенный технологический процесс и требовала от пассажира определённой квалификации. Она не сразу сообразила, куда засунуть карточку. Агрегат у выхода щерился щелями: одна принимала для размена бумажные деньги, другая продавала проездные карты, третья предназначалась для приёма мелочи… Видя, что она замешкалась, водитель высунул руку из-за стеклянной перегородки, направил карту в четвёртую щель, улыбнулся, поклонился, поблагодарил. Очередь желающих выйти бесстрастно дышала ей в затылок, терпеливо ожидая окончания процедуры. Автомат считал номер исходной остановки, записанный при входе, вычел нужную сумму, напечатал на изнанке карточки остаток денег… Она подумала, что придётся купить кошелёк с отделениями для карт — здесь у неё их будет много — автобусная, банковская, телефонная, медицинская… И ещё положенное каждому иностранцу пластмассовое удостоверение личности с отпечатком большого пальца рядом с фотографией. А пока она положила карту в карман, поиграла упругим пластиком.

Вроде бы ничего не произошло. Карта выглядела абсолютно целой, но вечером автомат отказался её принять. Должно быть,

лёгкого изгиба хватило, чтобы сломать что-то внутри карточки, а заменить её на новую можно было только в автобусной конторе. Подъезжая к вокзалу, она радовалась, что японского не знает и не поймёт, как её будут бранить. Но женщина в окошке, английского сообщения явно не поняв, тем не менее улыбнулась, поклонилась, взяла карту и вложила её в какую-то машину, немедленно выдавшую новую, исправную карту. Женщина протянула её на сложенных ковшиком ладонях, опять улыбнулась, низко поклонилась, за что-то поблагодарила — аригато"… Из конторы она вышла очень довольная собой — ей удалось без посторонней помощи справиться с заменой карты. Она вообще успешно справлялась с Японией. Знала, что если на вокзал идёт автобус 7–1, то возвращаться надо маршрутом 1–7. Вот только улицы за окном потянулись незнакомые. Автобус свернул налево, к морю, а ей надо было направо, к горам. Надо было срочно спасаться. На остановке скучал парень с книжками, перетянутыми по местной моде ремешком — школьник или студент. Он сразу понял её беду, наверное, не её первую эта штука погубила: автобусы различались не только номером, но буквой пред ним. А она вместо нужного ей маршрута 1–7 с буквой N, идущего на север — North, выбрала 1–7 с буквой W, означавшей английское слово West — запад. Расписание обещало автобус нескоро, с моря дул холодный ветер… Она подняла руку перед жёлтой букашкой такси, едва ползущей в ожидании клиентов. Дверца открылась автоматически, пахнуло теплом. Она вложила листок с адресом в руку в белой перчатке, протянутую из-за стеклянной перегородки, отделявшей водителя от пассажиров, удобно устроилась на белых кружевных чехлах сиденья — на сегодня проблемы кончились. Решать мучительный вопрос, сколько дать на чай, не стоило. Заплатить предстояло точно по счётчику. Чаевых японцы не брали. И таксисты не были исключением.

Заботливый город

Идёшь по облакам,
И вдруг на горной тропке
Сквозь дождь — вишнёвый цвет!
Кито

В Японии очень хороший транспорт! В поездах, в метро, в автобусах, в такси кондиционеры, бархатные сиденья, чистота. И

ходит всё чётко. В Японии прекрасный транспорт! Но цены! В автобусе одна остановка на окраине стоила сто пятьдесят йен, в центре — сто семьдесят. Проезд от Ягиямы до центра обходился в двести пятьдесят йен, такси — вдесятеро дороже. В общем, цены способствовали любви к пешей ходьбе.

— Все русские предпочитают ходить пешком, особенно семейные, — утверждала Наташа. — Тем более, что город невелик. Мы с мужем и дочкой пешком добираемся до центра за час с небольшим, а проезд туда и обратно обходится на троих в тысячу пятьсот йен. Да на эти деньги мы целый день питаться сможем!

В ближайшее воскресенье она решила разведать дорогу в центр, пользуясь Наташиными ориентирами. День выдался подходящий — ясный, солнечный. Она шла по тихим чистым улицам, промытым ветром с утреннего моря. Лесистые склоны окрестных холмов выдыхали через бронхи улиц свежий дух близкой весны. Пахло распускающимися цветами и шампунем. Потому что те немногие люди, что появлялись на пустых утренних улицах, что-нибудь мыли. Дамы драили с мылом окна и крылечки своих домов, мужчины — машины. Центр лежал в долине, окраины — в предгорьях, значит, ей предстояло спуститься с горы. В Японии, куда ни пойдёшь, будет с горы. Или в гору. С обрыва у края холма открылась петля реки в скалистых берегах и устроившийся по её берегам город. Широкие прямые проспекты уходили к невнятной серой мелкоте окраин, а за ними блестела полоска моря. Туда она и пошла, к морю. В Японии, куда ни пойдёшь, будет к морю. Город маячил совсем близко, рядом. Но дорогу неожиданно преградил новый холм. Неожиданный холм — вещь обычная в Японии. Запахло хвоей, сосновые иглы запорошили асфальт — улицы оборвались, уткнувшись в крутой лесистый склон… Но город позаботился, чтобы холм можно было не только объехать по шоссе на карнизе, прорубленному в отвесному склоне. Для пешеходов на холм проложили лестницу. Даже две — одну со стороны окраин, другую — из центра. В Японии не найдёшь ни одного необустроенного холма. Лестницы выглядели старинными, с большими неровными ступенями из пластинчатых камней… Но соорудили их недавно, одновременно с постройкой нового района на окраине. Япония любит делать новые вещи похожими на старые, искусственные — на натуральные. Бетонный заборчик вдоль лестниц точно копировал обрубки стебля бамбука.

На вершине холма среди высоких криптомерий стоял буддийский храм. На вершине соседнего холма — шинтоистский шраин. В Японии не встретишь холма, на вершине которого не

стоял бы храм. Оба храма похожи — простые деревянные амбары, только ворота разные. Возле шраина — ворота тории — два красных столба с выгнутой концами вверх перекладиной. Ворота стояли сами по себе, без забора. У буддийского храма забор был. И глухие створки. Возле буддийского храма — лесенки и качели — в будни тут работал детсад. И маленькие каменные статуи Будд — словно дети, наряженные зачем-то в красные матерчатые передники. А возле шраина вместо Будды на постаменте лежал дремлющий медведь. Шинтоисты — язычники молились понятным богам. Возле дощатой кабинки туалета стояли тапочки, повёрнутые носками внутрь, чтобы входящему было удобнее переобуться. А чтобы горожанам и туристам удобнее было добраться до лестницы, ведущей к храмам, через речку перекинули пешеходный мост. Спуститься к мосту можно было напрямую с большого проспекта по железной лестнице, навешенной на речной откос. Трудно найти в Японии хотя бы кусочек необустроенной земли!

Город резко распадался на два мира — широкие проспекты с бетонными небоскрёбами офисов, отелей, банков — тут царил Запад, и хранившие японский дух узкие боковые улочки. Тут стояли низкие деревянные домики с маленькими окнами в частых переплётах, с загнутыми вверх уголками крыш… А начинался город от железнодорожной станции. Как от печки. Отсюда уходили автобусы, начиналась линия метро, торговые улицы… Стоило задать вопрос "где?", и в ответе непременно появлялось слово "станция". Где лучшие рестораны, магазины, рынки, главные банки, фирмы по аренде машин, телефонов? Ответ был — у станции. Центром города был вокзал. И, побродив по вокзалу, можно было многое понять про Японию. Во-первых, что страна это процветающая, — весь вокзал сиял. Во-вторых, что страна это тесная. Вокзал использовал каждый квадратный сантиметр своей площади на сто один процент. Первый этаж отправлял пригородные электрички, второй занимали залы ожидания, офисы, кассы… Третий составляли платформы Шинканзена — скоростной поезд ходил по бетонной эстакаде на высоких ногах. Ещё два этажа добавляли автостоянка на крыше и рестораны в подвале. А всё свободное пространство на всех уровнях занимали магазины, лотки, киоски… Пройдя по вокзалу, можно было не только купить дорожный обед или продукты для дома, но и одеться-обуться, запастись подарками, лекарствами… Это удобно для граждан. И для торговцев. Магазины-ловушки, неизбежно пропуская через себя пассажиров, без покупки их не выпускали.

Вокзал, как большой паук, выпустил над привокзальной

площадью длинные волокна пешеходных эстакад, связав паутиной места полезные — магазины, отели, рынки… Воздушные мосты служили не только переправой через проспект, но и навесом для автобусных остановок. Ноги опор несли на себе расписания движения, вмещали киоски, контору, где ей поменяли сломанную карточку… С эстакады открывался вид на город, на торговые кварталы. Под весенним солнцем сияли длинные, укрывшие целые улицы стеклянные крыши. Торговый квартал походил на прозрачные трубы, внутри которых клубилась пёстрая, заманчивая жизнь. И ей можно было нынче к этой жизни приобщиться!

А хорошо это придумали японцы — собрать магазины вместе и укрыть их общей крышей! Горожанам не приходилось метаться по городу, чтобы купить много разных вещей. Не приходилось откладывать поход в магазин из-за непогоды. Солнечные зайчики прыгали по стеклянным сводам, по полированному камню пешеходных улиц. В вестибюле большого магазина, за оконцами в полу открывались подсвеченные снизу виды моря, гор. Японцы не жалели выдумки и денег, чтобы довести свой торговый центр до невероятного, безудержного блеска. Неисчислимые двери магазинов, ресторанов выпускали тёплый воздух — кондиционеры создавали под крышей свой климат, свой мир. Вместе с тёплым ветром наружу вырывались запахи: японский дух рыбы, водорослей, соевого соуса и неяпонское благоухание кофе, французских пирожных, духов… Запахи свивались в тугой весёлый клубок и, щекоча ноздри, катились по стеклянным трубам улиц.

Общая крыша превратила улицу в общий коридор, и хозяева магазинов, стеснённые скудным метражом, вытащили сюда всё, что не поместилось внутри: стеллажи, лотки, прилавки… Возле них хлопотали продавцы, заполняя пространство под сводами бодрыми криками. Для пущего эффекта они даже звонили в колокольчики… Девушки с корзинами одаривали прохожих бесплатными бумажными салфетками в пакетах с адресами магазинов. Все магазины единодушно считали салфетки наилучшим носителем рекламы, так что пройдясь однажды по улице можно было запастись салфетками на целый год. Горожане любили свой торговый центр — это чувствовалось. И приходили они сюда — оживлённые, принаряженные, не только покупать, но и отдыхать в западном комфорте и тепле от японской скудости и холода. Пожилые дамы усаживались пить кофе с пирожными в кондитерской, молодёжь с банками кока-колы оккупировала лавочку…

Она шла по полированному мрамору пешеходных улиц,

стараясь хоть что-то различить в общем сиянии — лавку кимоно, магазин чая… Стеклянные крыши оборвались возле широкого проспекта. Соображая, куда идти, она достала карту, полученную на вокзале. Служащий бюро информации, едва завидев её, поинтересовался, давно ли она в Японии, и, улыбаясь, предложил бесплатно карту города. Карта была похожа на тетрадь в клеточку: все большие улицы шли с севера на юг, параллельно берегу моря. Их пересекали под прямым углом другие, протянутые с запада на восток. Назывались улицы без затей: Ичибанчо-дори — первая улица, Нибанчо-дори — вторая улица, и дальше по порядку. Чтобы не заблудиться, достаточно было выучить числительные — ичи, ни, сан… — раз, два, три… Заблудиться среди чётких линий заново отстроенных кварталов вообще было трудно. Но на всякий случай на мостовой была выложена разноцветными плитками схема перекрёстка с названиями улиц. Город заботился о горожанах.

Из подземного перехода доносилась негромкая музыка. Туннель расширился, образуя круглый зал. В центре зала журчал фонтан, подсвеченный разноцветными фонариками. На скамейках полированного дерева среди горшков с цветами отдыхали люди, любуясь изделиями местных ремесленников в застеклённых витринах: лаковыми шкатулками, глиняными вазами, деревянными куклами… На стенах висели чёрно-белые фотографии неказистых домишек, обитавших до войны на этом перекрёстке, и военных руин после бомбежки. Завершали ряд яркие цветные снимки новых кварталов под сверкающими стеклянными сводами — того, что было нынче наверху. Японец уносил из перехода окрепший патриотизм, иностранец — восхищение, и оба уходили наверх отдохнувшими от суеты. В большом магазине тоже была устроена комната отдыха — стены, украшенные стеблями бамбука, мягкие диванчики, кондиционер… Нашлась здесь и микроволновая печь, чтобы подогреть котлеты, купленные в отделе кулинарии — картофельную и овощную, и крупную креветку, зажаренную в сухарях. Пластмассовая коробка упаковки, рассчитанная значит и на этот случай, не расплавилась. Автомат продал банку горячего чая, потому что она нажала кнопку из окрашенного красным. Холодное питьё было помечено синим, исключая ошибки даже для тех, кто не знает языка. Чтобы банка не обожгла руку, она обернула её бумажной салфеткой, припасённой тут же на столе. Допив чай, она подошла к мусорнице, задумалась, куда бросить банку. В длинном ящике, как положено в Японии, было четыре отделения: для металла, пластмассы, бумаги и всего остального. Но где какое? Надписи были японские, а мусор скрывали чёрные

полиэтиленовые мешки. Пьяный мужчина, единственный пьяный на всей торговой улице, подошёл, шатаясь, швырнул, не глядя, баночку из-под сакэ. И попал, куда надо, — пластмасса глухо тюкнула о пластмассу. Воистину Япония — хорошо организованная страна раз привычку к порядку здесь не истребляет даже алкоголь!

Домой она возвращалась пешком через храмовый холм. Среди глухой громады тёмного вечернего леса стояли японские каменные фонари и табличка: древнее детское кладбище. Детское кладбище — плохое сочетание слов! Бросить детей, хоть и мёртвых, одних — плохая идея. Она ускорила шаги. Тем более что дальше тоже потянулось другое, новое кладбище для всех — она почему-то не заметила его утром. Каменные плиты надгробий стояли плотным рядами — покойники лежали бок о бок, в привычной для японцев тесноте. На плитах были только иероглифы — ни портретов, ни фотографий. Могилы устилал песок, узкие тропинки между ними гравий — порядок на кладбище был идеальный, как везде в Японии. Она проскочила гору одним махом, торопясь поскорее уйти в жилой квартал. Но здесь было так же темно и тихо, как на кладбище. Только в конце улицы светился стеклянный кубик магазина. Почти бегом добралась она до ярко освещённого крыльца, обернулась на чёрную гору… Ни за что не решилась бы идти в одиночку по тёмным безлюдным улицам, по ночному лесу в любой другой стране! А тут, в Японии, пошла без колебаний. Значит, уверена была, что не встретит ни лихих людей, ни бродячих собак. Оказалось, совсем недалеко от её дома работал хороший магазин, незаметный из окна автобуса. Из окна автобуса страну как следует не разглядишь! А пешие прогулки познавательны. Её лицо разгорелось от свежего воздуха — пешие прогулки полезны для здоровья. И для кошелька — на пятьсот не потраченных на автобус йен она купила отличный ужин — овощи, свежую рыбу…

Банк (Ханко и гинко)

Кто терпелив, тот бедности не поддаётся.
Кто беден, тот и глуп.
С деньгами и в аду не пропадёшь.
Японские пословицы

Не очень весело ходить по городу без денег. Те, что дал ей

взаймы Хидэо, быстро разлетелись, съеденные пустой квартирой, неопытностью, любопытством… В её контракте значилось приличное жалование, которое научный фонд в Токио обязывался переводить в банк на её имя.

— Для того, чтобы открыть счёт в банке, Вам нужно ханко, — сказал Хидэо.

Ханко называлась маленькая печать, на которой выгравирована фамилия владельца. Там, где в других странах расписываются, в Японии оттискивают ханко. Хорошо организованная страна не могла допустить, чтобы граждане расписывались то так, то эдак, повинуясь настроению или количеству выпитого. А ханко давало каждый раз абсолютно одинаковые отпечатки.

Задумавшись на минуту, Хидэо написал иероглифами её фамилию. Она взяла бумажку и отправилась… в столовую. Сюда университетский народ шёл за любой нуждой. В одном здании со столовой располагался магазинчик, который продавал всё, что пожелает душа, временно оказавшаяся в университете: учебники, бутерброды, компьютеры, шлёпанцы, теннисные мячи… У входа в магазин заказывали очки, фотографировались, стриглись, покупали билеты на поезд и самолёт, копировали бумаги на ксероксе, брали в банкомате деньги… Мастерская печатей тоже имелась. Пожилой мастер, кланяясь, принял заказ, а через несколько дней выдал ей пакетик, где лежала палочка размером с палец. На её конце была приклеена овальная резиновая печать с выпуклым птичьим следом её японского имени. Выемка на палочке указывала, где у печати верх. И это было очень кстати не только для неё, неграмотной, но и для японца, исключая случайную ошибку. Поблёскивающая свежим лаком вещица была так красива, что бросить её в сумочку без достойной упаковки было невозможно. В галантерейной лавочке продавались пенальчики для ханко — всех цветов радуги снаружи, изнутри красные, под цвет круглой подушечки, заранее смоченной красными чернилами. Это сохраняло пенал опрятным, даже если чернила слегка пачкали его. Подушечка, предусмотрительно помещённая в пенале, в точности соответствовала размеру печати. Её красный цвет печати воскрешал в памяти сцены из старого фильма, где самурай прижимает большой палец к лезвию меча, потом к бумаге — подпись кровью. Может, потому и выбрали для ханко этот цвет — алый? По традиции.

Ханко точно легло в пенал, пружина мягко и надёжно захлопнула крышку — путь в банк был открыт! Намико вызвалась проводить, помочь, заполнить бланки. Посетители отрывали на барабане у входа квиток с номером очереди и усаживались ждать

на диванчиках, овеваемые свежестью кондиционера — банк клиентов баловал. И, доводя свою заботливость до совершенства, вывесил диаграмму посещаемости банка с двумя горбами — утром и в обед, чтобы клиент мог выбрать для своего визита малолюдное время. За стеклянными окошками трудились девушки в одинаковых серых костюмчиках, с гладкими чёрными головками, с радикально закрашенными личиками. Улыбки не сходили с их лиц. Словно были частью униформы. Тихий звон оповестил, что служащая ждёт следующего посетителя. Номер, высветившийся на табло, совпал с её билетиком. Девушка в окошке улыбнулась, поклонилась и протянула прямоугольную тарелочку, по размеру точно совпавшую с бланком. Её дно укрывала рифлёная резина. Эта ерундовина позволяла одним движением отделить бумаги от скользкого дна. Через несколько минут девушка вручила ей банковскую книжку с отпечатком ханко и завершила встречу обычным японским набором — поклон плюс улыбка. Сверх программы была выдана какая-то коробка.

— Это подарок за то, что Вы открыли счёт, — объяснила Намико. В коробке оказались бумажные салфетки. — Ваш подарок скромен, потому что сумма, которую Вы положили, очень мала.

Номер банковского счёта следовало вписать в соответствующий бланк и послать в Токио, чтобы там знали, куда переводить зарплату. Научный фонд загодя прислал толстый конверт с бумагами, необходимыми для сопровождения её японской жизни. На каждый случай был заготовлен бланк: приезд в Японию, аренда квартиры, открытие счёта… Одно событие — одна бумага. Для содержания бумаг в идеальном порядке стипендиату присваивали номер. Его следовало указывать в каждом письме. Хидэо вызвался заполнять бланки самостоятельно, опасаясь, что иностранка допустит ошибку.

— Я переслал бланк с номером Вашего счёта в Токио, — сообщил Хидэо через два дня. — И уже получил подтверждение о доставке письма. Вам будут переводить деньги двадцать пятого числа на месяц вперёд. Первую стипендию Вы уже можете получить в банке.

Приятно иметь дело с хорошо организованной страной!

— Ваша магнитная карточка готова, я звонила в банк! — известила через две недели Намико и опять вызвалась сопроводить в банк, научить пользоваться банкоматом, на котором были только японские надписи.

Намико вложила в одну щель автомата новенькую карточку, в другую — раскрытую банковскую книжку… Фигурка японочки на экране приложила палец к губам — ждите! Автомат вернул

книжку с первой записью, выдал стопку денег. На десятитысячной купюре над головами двух фазанов тянулась надпись латинскими буквами: "Ниппон Гинко".

— Японский Банк, — перевела Намико.

У входа в банк росло высокое раскидистое дерево с твёрдыми тёмными листьями, похожими на маленькие веера. Его название звучало похоже на слово гинко — банк.

- Это гинкго, — сказала Намико, — знаменитое японское дерево. Его плоды используют в пищу, а из листьев делают лекарство.

Толстый ствол дерева в серой растрескавшейся коре был солиден и устойчив. Как японский банк. Может, потому дерево называлось похоже?

Маленькие японские хитрости

Под открытым зонтом
Пробираюсь сквозь ветви.
Ивы в первом пуху.
Басё

Если ты считаешь неудобство нормой, тебя не должны волновать желания.
Японская пословица

С первыми заработанными йенами и банковской карточкой она почувствовала себя полноправным членом богатого японского сообщества. А что делает такой человек в выходной день? Едет в торговый центр. Стоя на ленте эскалатора, поднимающегося на второй этаж супермаркета, она разглядывала полки с интересом не экскурсанта, а человека практического — у неё в кармане лежали три бумажки с суровым мужчиной в чёрном кимоно. Так посоветовала Намико, брать на один раз тридцать тысяч йен на текущие расходы, триста долларов… Интересно, много это в Японии или мало? На пятом этаже, где всё для дома, она купила хорошенькие японские чашки; на четвёртом, детском, выбрала курточку для внука; с третьего, мужского, этажа увезла пару сорочек для мужа. В женском отделе на втором этаже задержалась подольше, разглядывая, переводя цены в доллары. В рубли переводить не стоило, чтобы не потерять сознание. Даже за самые простенькие туфли ей пришлось заплатить сто долларов.

Уже у выхода залюбовалась тускло-розовой блузкой.

— О, у Вас хороший вкус! — сказала приветливо японка средних лет.

И очень охотно объяснила, что странный, словно измятый, шёлк — традиционная японская ткань, которая идёт на кимоно, но поскольку кимоно теперь редко покупают, из ткани пошили блузки. Стоила блузка по-японски недорого, всего четыре тысячи йен, вернее три тысячи девятьсот. Обычный трюк магазинных психологов — сбавить грошик, чтобы не пугать большим числом, ей не помог, нужной суммы в кошельке не набралось. Там осталось всего три тысячных купюры с голенастым журавлём. Удивительно, как быстро разлетелись журавли! Глядя, как кассирша странно считает деньги, зажав их между средним пальцем и безымянным, она пересчитала всю свою мелочь, даже белые монетки с дыркой — пятьдесят йен и другие дырявые денежки, жёлтые, странные. Они не несли на себе ничего похожего на цифры, одни паучки иероглифов. Только с помощью японцев можно было понять их достоинство, очень малое — пять йен. Зачем выпускали эти монеты в стране, где самая мелкая булочка стоила сто йен? И зачем делали совсем уж невесомые беленькие единички? Она пересчитала и их — на блузку не хватало.

Но огорчаться не стоило — магнитная карточка позволяла взять деньги где угодно. Банкоматы стояли повсюду. На первом этаже магазина на стеклянной двери кабинки с названием её банка "77" висела табличка: "В субботу работаем до пяти". Она опять не огорчилась — неподалёку было центральное отделение банка. Конечно, в субботу оно закрыто, но в вестибюле есть банкомат. Глухие стальные шторки закрывали доступ в вестибюль. Прочёсывание других мест, где могли стоять банкоматы, утешения не принесло. Закрытые двери и надписи, как под копирку: "В субботу до пяти", "Воскресенье выходной". Японский порядок единообразен. Круглосуточно работающих банкоматов в городе не нашлось. Да и зачем они в стране, где не воруют? Где бесстрашно ходят с полными карманами денег. В магазинах расплачивались только наличными, никто не использовал кредитки.

В следующую субботу она подошла к банкомату с утра. Он деньги дал, но в книжку записал, что с неё удержано сто йен за операцию, выполненную в выходной. Она решила запастись деньгами в пятницу, но с утра к банкомату возле университетской столовой выстроилась длинная очередь. После обеда очередь исчезла и деньги в банкомате тоже. Она поехала в другой университетский городок, где меньше студентов. Там деньги

были. Но проезд ей обошёлся в триста йен, дешевле было бы взять деньги в субботу. Оставалось одно — всегда ходить с полными карманами. Как японцы. Она обратилась к банкомату в четверг. Перевернула первую исписанную страницу банковской книжки, открыла чистую. Машина отказалась книжку брать и вообще работать, выдала какую-то бумажку с иероглифами. Пришлось отнести бумажку Хидэо. Он перевёл: надо было открыть страницу старую, чтобы недоверчивая машина сама могла убедиться, что там места нет. А листать автомат умеет. К тому же он позволяет брать деньги только с карточкой, без книжки. Запас этих маленьких японских хитростей был неисчерпаем, неистощим!

Она наполнила свой кошелёк деньгами в понедельник, а в субботу решила слёту ничего не покупать, а сначала исследовать магазин. Методично, начиная с первого этажа. Оказалось, первый этаж не самый первый — эскалатор уходил вниз, в подвал. Там расположились два уровня: хозяйственные товары и продукты. У входа в гастроном стоял стол для упаковки. Рядом с рулоном пакетов в соломенной корзинке лежало мокрое махровое полотенчико — пластмассовую сумку удобнее открывать влажной рукой. Можно, конечно, лизнуть палец. Но Япония предпочитала белое полотенчико. Вряд ли оно долго пролежало бы в Москве. Да и в Париже, наверное, тоже.

— У нас не воруют! — прямо с порога объявлял магазин.

При входе у покупателей сумок не отбирали — гардероба с номерками не было. При выходе кассирши считали только то, что покупатели клали на ленту конвейера, и не заглядывали в тележки, где лежало купленное в другом месте. Сдачу никто не пересчитывал.

— Мы доверяем друг другу! — утверждал магазин.

Целая толпа пареньков и девушек в форменных костюмчиках озабоченно сновала, непрерывно что-то раскладывая, перекладывая, подкладывая на полки.

— Население Японии велико, — продолжал рассказывать магазин. — А безработных у нас нет!

Покупательница разбила бутылку с соком, и в тот же миг к ней подлетело шестеро служащих. Два паренька со швабрами, мешая друг другу, принялись усердно вытирать пол, две девушки собирали осколки, а третья кланялась женщине, пока четвёртая бегала за новым соком. Его вручили с поклоном, денег не взяв.

— Мы боремся за клиента, — признавался магазин.

Она шла вдоль полок, радуясь, что отныне сможет вкушать от лучшего сервиса в мире. Полки её огорчили. Не тем, что товаров было мало, а тем, что надписи были исключительно японские.

Конечно, всё было разложено тематически: рыба с рыбой, лапша с лапшой… Но внутри каждой темы скрывалась бездна вариаций! Правда, иногда упаковку украшали картинки, но их правдивость вызывала сомнение. Она уже приобрела печальный опыт, купив пакет с неотразимым крабом. Он скрывал соус. И обвинить картинку в лживости было нельзя — соус предназначался специально для крабов. Надолго обеспечив себя крабьей приправой, она стала остерегаться непрозрачных пакетов. Но и прозрачная упаковка помогала не всегда, открывая порой весьма таинственное содержимое. Ну что такое, например, вот эти серые кирпичики? Или это отвратительно подрагивающее мутно-белесое желе? Конечно, можно купить незнамо что. Но как незнамо что есть? Ей оставалось забыть об экзотической еде — ракушках, водорослях и ограничиться тем, что понятно: картошкой, мясом…

— Здравствуйте! — сказали по-английски. — Перед ней, улыбаясь, стояла невысокая, черноволосая, как японка, женщина с неяпонскими большими глазами. — Вы меня не помните? Я Зухра! Нас познакомила Намико. Вы шли тогда покупать футонг…

— Удивительно, что мы встретились снова, — пробормотала она.

— Вовсе нет! — возразила Зухра. — Я часто бываю в Дайе. Значит, магазин, где они стояли, назывался Дайе.

Зухру, гражданку Сирии, привёз в Японию муж, специалист по арабскому языку. Прибыв в университет Дамаска в командировку, он встретил филолога Зухру и решил жениться. Теперь муж работал профессором в местном университете, а Зухра растила троих сыновей и немножко преподавала арабский. Всё это Зухра рассказала в первые минуты. Она говорила жадно, много, словно истосковалась в молчании. Да, ей нравилась Япония, но… Немножко скучно, однообразно — дом, дети, муж… И потому она очень радовалась друзьям. Зухра знала многих русских из тех, что жили в городе. Любила их. В родном Дамаске тоже любили русских. Большие глаза Зухры смотрели с симпатией, с любопытством:

— Давайте дружить! Вы здесь недавно? Вам не нужна помощь? — Помощь была нужна. Зухра обрадовалась. — Я проведу Вас по магазину.

Магазин (Соя с соей)

Чем же там люди кормятся?
Домик прижался к земле
Под осенними ивами.
Басё

Для экскурсии по магазину назначили рабочий день. В выходные Зухра отлучаться не могла — японская жена должна обслуживать мужа, когда он отдыхает. Уговорились встретиться в Дайе в десять утра, в это время открывались большие магазины. Магазины приспосабливались к домохозяйкам: только к десяти они успевали покормить мужей завтраком, закрутить им в фуросики коробки с обедом, помыть посуду, прибраться, развести детей по школам, садам… Да и продавщицам, которым приходилось по утрам выполнять ту же работу, такое время начала работы подходило. К торговому центру съезжались дамы на специальных велосипедах — проволочные корзинки для покупок спереди, сиденье для ребёнка сзади. Велосипедные стоянки заполнялись, автомобильные оставались пустыми. Машины парковались ыв этот час возле офисов, институтов, заводов. Из них выходили мужчины. Японское утро, как сепаратор, отделяло мужчин от женщин. Ровно в десять продавцы распахнули двери магазинов и застыли в поклонах. В магазины вступили колонны женщин. Женщины, только женщины заполнили все шесть этажей Дайе, весь торговый центр. Цепкая японская традиция запрещала мужчине входить в магазин и тем более выходить из него с сумкой. Места для велосипеда возле магазина не нашлось, Зухре пришлось спуститься в подземный переход. Там на многоэтажной велостоянке служащий поднял его электрической лебёдкой на верхнюю полку. Зухра размашисто шагала в разношенных кроссовках. Широкие брюки, поношенные куртки — все женщины были одеты так — они пришли работать.

— Вы хотите купить японскую еду? — Зухра удовлетворённо кивнула. — Я Вам помогу!

Всё оказалось не так уж сложно. Японцы питались в основном тремя вещами: соей, водорослями и рыбой. Ну и рисом, конечно. Иногда его заменяли лапшой — обычной или тёмной, гречневой. Была ещё лапша зелёная и розовая, но эту даже японцы считали экзотикой, на каждый день шла лапша обычная, белая. Мимо лапши Зухра прошла, не останавливаясь. Свою экскурсию она начала с сои. Простенькая и абсолютно неуважаемая в России соя здесь была многолика, вездесуща. Для начала в овощном отделе она явилась в натуре, в виде зелёных стручков и горошин. Дальше шёл длинный ряд её перерождений. В пластмассовых ванночках

мокла в мутной водичке белая субстанция, похожая на брынзу.

— Соевый творог тофу! — объявила Зухра. И улыбнулась. — Только русские зовут тофу творогом, в Японии творога нет.

На вопрос — что делать с тофу? — Зухра всплеснула руками.

— Да его можно использовать в десятке блюд, нет, в сотне, в тысяче!

Тофу можно было есть жаренным — жареное тофу, похожее на пирожки, просвечивало сквозь прозрачные пакеты золотистой корочкой. Из тофу можно было приготовить настоящий пирог, с начинкой, например, со свининой… Ещё тофу можно было сушить. В таком виде оно хранилось долго. Именно высушенное тофу имело вид серых кирпичиков, которые озадачили её в прошлый раз. Сухое тофу тоже жарили, предварительно размочив, варили в соевом соусе… Варить полагалось не в чистом соусе, а в его смеси с сакэ. Должно быть, эту смесь хозяйки использовали часто — жидкость, напоминавшая по цвету квас, продавалась в двухлитровых бутылях. В бутылки поменьше был заключён чистый соевый соус. Он занял большую часть полки с приправами, потеснив кетчуп, горчицу, майонез и вообще всё остальное. Тофу можно было есть и сырым, полив его всё тем же соевым соусом. Но самое наиглавнейшее назначение тофу состояло в том, что им заправляли мисо-суп.

— Как, Вы не знаете что такое мисо-суп? — даже привыкшая к иностранцам Зухра опешила. — Да ведь это — главное в японской кухне — мисо-суп!

Оправившись от изумления, Зухра улыбнулась, счастливая тем, что именно от неё кто-то впервые в жизни услышит про мисо-суп.

— Это мисо! — голос Зухры зазвенел так, словно она объявляла выход королевы.

В пакетах, коробках, банках и даже ведёрках содержалось нечто, похожее на горчицу, но в количествах столь внушительных, что скорее напоминало краску для пола. Мисо называлась паста из квашенных соевых бобов, более или менее острая, а потому и разная по оттенку охры: от светло-жёлтого до густо-коричневого. Чтобы приготовить мисо-суп, надо было разболтать пасту в горячей воде и добавить тофу. Получался соевый суп с соевым творогом — соя с соей. Кроме тофу в суп полагалось положить водоросли. Большую часть длинной полки с водорослями занимало нечто под названием "нори" — переработанная морская капуста. Сквозь прозрачные пакеты просвечивали чёрно-зелёные тонкие листы, напоминавшие бумагу. Они и нарезаны были размером с писчую страницу. Но в мисо-суп клали не нори. Зухра взяла с полки пакет с длинными, плоскими, как у камыша,

синеватыми листьями в белом налёте морской соли. Водоросли, тофу, лук — так получался самый простой мисо-суп на каждый день.

Но существовал и суп праздничный — с маленькими чёрными ракушками. В кипятке их створки раскрывались с тихим пощёлкиванием, освобождая сероватое тельце моллюска.

— Его пресный нежный вкус так хорошо сочетается с кисловатым супом! — Зухра блаженно прикрыла глаза.

— Да, это вкусно, — согласилась она, вспоминая суп в ресторане, куда привели её Хидэо и Намико в первый вечер.

— Но дома Вам, одиночке, суп с раковинами не удастся приготовить, — огорчилась Зухра.

Ракушки продавались сеточками штук по тридцать — за раз одной не одолеть, а хранить нежного моллюска нельзя.

К японским ракушкам Зухра привыкла легко.

— Но вот это я до сих пор есть не могу!

Зухра указала на белые плоские пенопластовые коробочки. Они стояли на специальной полке со скоропортящейся японской едой. На этой полке она не сумела опознать абсолютно ничего. И потому кое-что иногда покупала, пробовала. В порядке эксперимента. Однажды купила и коробочки. В них лежали некрупные горошины в липкой рыжей слизи, пахнущей так, словно продукт давно испортился.

— Это называется нато, квашеные соевые бобы. Они такие вонючие! Никто из иностранцев не может их есть! — уверяла Зухра.

А она не знала и съела. Хотя вкус был непривычный, запах — тем более, а соус тянулся за ложкой нескончаемыми нитями. Зухра говорила, что нато едят с горячим рисом. С варёной картошкой тоже прошло неплохо, вроде как солёные грибы.

— Вы ели нато? — Зухра посмотрела на неё с ужасом. И с уважением.

Рядом с нато плавал в мутной жиже серый студень. Он отталкивающе подрагивал и запах источал соответствующий виду — тухлый, вызывая сомнение — можно ли вообще это есть? Но Зухра заверила — продукт свежий и есть его можно, даже нужно, если заботишься о своём здоровье — японский корень конняку прекрасно чистил организм. Запах можно было отбить, сварив студень в смеси соевого соуса с сакэ. Кроме студня в жестяном поддоне мокли мотки полупрозрачной лапши, сделанной из того же корня. Теперь она знала, чем пахнет магазинчик Сэвэн-илэвэн. В баке на плите кипела именно эта жижа — смесь соевого соуса и сакэ. И варились в ней вещи отныне ей известные — тофу, лапша из конняку… И ещё нечто желтоватое, имеющее форму конуса.

— Корень бамбука, — догадалась Зухра и направилась в овощной отдел.

Внутри запаянных пакетов мокли в мутной водице светлые конусы, уже отваренные. Варить их дома долго, да и невыгодно для малого хозяйства — пара бамбуковых корешков, потребных для заправки риса, съест уйму энергии, потому японская промышленность брала эту работу на себя. Японкам оставалось только вынуть корень из пакетика и порезать, порезать… Зухра часто рубила воздух ребром ладони. Японской хозяйке только то и доставалось, что порезать. Всё остальное за неё делал завод. Или магазин. Да и резать ей приходилось не всегда. В мясном отделе в застеклённой комнате позади прилавка, на виду у народа, трое мужчин в белых куртках и брюках, белых колпаках и в белых резиновых сапогах резали мясо на правильные бруски, тончайшие пластинки… Большие бесформенные куски не брал никто. Продавщица ловко нашлёпывала на рукав своего белого халата выданный весами чек, потом налепляла его поверх виртуозной упаковки. От ткани бумажка отлеплялась легко, оставляя девушке время поклониться подходящему покупателю, сказать "аригато" уходящему и улыбнуться обоим. Паузы она коротала, поправляя идеальный строй мясных ломтиков в витрине. Если и этой работы не находилось, она застывала по стойке "смирно", не допуская даже на мгновение расслабленную позу, хмурую гримасу, болтовню с мясниками… Да, были в японском магазине и неяпонские продукты: мясо, хлеб, молоко, йогурт и даже сыр. Но Зухра утверждала, что молоко и йогурт потребляют только дети и молодёжь, а сыр не ест вообще никто. Потому супермаркеты держат его совсем немного, пару кусков на всякий случай.

Кондитерский отдел, как и весь магазин, демонстрировал всеяпонскую любовь к бобам. Тёмная начинка выглядывала из булочек и печенья.

— Это сладкие бобы, традиционное японское лакомство, — продолжила свои объяснения Зухра.

На вкус всё это было приторно и пресно. Они с Зухрой попробовали. Они вообще не уставали пробовать выставленное на многочисленных тарелочках: жареную рыбу, курицу, сосиски, сладости… Магазин, завлекая покупателей, угощал их так щедро, что, пройдясь по торговому залу, можно было сносно пообедать. Зухра деловито шагала между полок, как проводник, ведущий новичка сквозь джунгли. Тайны магазина открывались одна за другой. Вещи странные, неведомые получали названия — нори, тофу, нато… И ещё одно прояснялось — разнообразие продуктов не так уж велико. А впечатление умопомрачительного множества

создавал обычай раскладывать товар по мелким коробочкам, несущим пару куриных ножек, ломтик мяса, пяток крошечных, на один укус кусочков рыбы… Молоко продавали разлитым в пакеты на пол-литра, на стакан, хлеб — нарезанным по два куска, по четыре, по шесть… Куски были правильные, прямоугольные, с одинаковой корочкой с четырёх сторон — буханки пекли в закрытой форме. Срезанные торцевые корки складывали в пакеты и отдавали дёшево, пятьдесят йен за полкило — столько стоили два ломтика из середины. Буханок целиком на прилавках не было.

Конечно, в магазине было кое-что и для большой семьи — литровые пакеты молока, мешки с рисом на пять, десять килограммов… Но на такого массового покупателя здесь надеялись мало, предпочитая мелкую расфасовку. Магазин рассчитывал на бедняков? На бережливых, даже жадных? На малоежек? Или на одиночек, покупавших на один раз, на перекус, запасов дома не имевших? Потому внутрь коробочек с нато были вложены два крошечных пакетика с соевым соусом и горчицей, в лоточках с сырой рыбой непременно находился кулёк с соусом, а под крышкой баночки с несладким йогуртом — с сахарным песком, мелким, как пудра. Упаковка дышала невероятной предупредительностью, прямо-таки материнской заботой о самых мелких мелочах. Поражала тщательностью, изяществом, красотой, даже если скрывала товар незначительный…

Потрясающая упаковка (Подарок от трёх "М")

Не поспела гречиха,
Но потчуют полем в цветах
Гостя в горной деревне.
Басё

Она попросила Зухру помочь ей выбрать подарки — вино для Хидэо, сладости для Намико — в субботу супруги Кобаяси приглашали в гости. Спиртное в супермаркете продавалось в специальном отделе, спрятанном за колоннами. На полках отчётливо преобладало сакэ, разлитое в разнообразную посуду: от баночек на стакан до ёмких, литра на два бутылей, от изысканных фарфоровых графинчиков до простых бумажных пакетов. Сакэ Хидэо не любил, а набор вин в Дайе был скуден.

— Вы хотите купить подарок в Дайе? — ужаснулась Зухра. И

принялась горячо убеждать: — Подарок обязательно должен быть от трёх "М"!

Три "М" происходили от названий самого большого книжного магазина Марузен, американского гастронома Медия и дорогого универмага Мицукоши.

— У японцев так принято — на упаковке подарка обязательно должен быть знак какой-то из этих трёх фирм, иначе неприлично дарить, — объясняла Зухра, поспешая к выходу.

Они шли по торговому кварталу Ичибанчо мимо маленьких деревянных магазинчиков, стоявших сплошной стеной, чтобы не тратить зря землю на промежутки, мимо бетонных глыб супермаркетов… На их крышах пестрели огромные щиты — Дайе, Фуджисаки, Джуджия, Мицукоши… Все они были похожи — от гастронома в подвале до футонгов на верхнем этаже.

— Нет, нет, — протестовала Зухра. — Они совершенно разные. Дайе — дешёвый магазин. Там покупают люди низкого сословия: рабочие, младшие служащие. Жене профессора не положено входить в Дайе, это может плохо повлиять на репутацию мужа. Если увидят… — Так вот почему Намико, столкнувшись с Зухрой в Дайе, стала оправдываться, что пришла сюда лишь затем, чтобы помочь иностранке выбрать футонг! — Жене сэнсэя приличнее магазин подороже, — щебетала Зухра. — Не дорогой Мицукоши, конечно, этот для богатых фирмачей, но Фуджисаки в самый раз.

На саму Зухру это правило не распространялось. Иностранке в Японии позволено входить даже в самый дешёвый магазин, потому что иностранцы здесь считаются бедными. Японские цены по карману только тем, кто получает японскую зарплату. Зухра рассказывала подробно, охотно. Ей нравилось объяснять японскую жизнь кому-то неопытному. Женщины болтали, не замолкая. В ход шло всё: французский язык Зухры и английский её новой подруги, несколько известных Зухре английских слов и жалкие крохи японского, успевшие осесть в русской голове. Когда ничего другого не оставалось, они говорили по-русски, по-арабски. И как-то друг друга понимали. Со словом "подарок" проблем вообще не возникло. По-японски "подарок" звучал почти так же, как по-английски, "презенту-дес". Это и по-русски понятно — презент.

К поискам подарка Зухра отнеслась серьёзно. Первый из трёх "М" — Марузен они забраковали сразу, вздрогнув от цен, — самая скромная книжонка стоила пять тысяч йен. В торговом квартале Ичибанчо всё рядом, через пять минут они нашли Медию. Трудно сказать, почему японцы называли этот магазин американским. Наверное, они считали таковым всё неяпонское, хотя Медия

вместе с американской кукурузой торговала немецкой квашеной капустой, французским вином, голландским сыром… Другие магазины тоже держали у себя нечто экзотическое. Дайе имел "русскую полку" со сметаной, кефирной закваской и вареньем из клюквы. Джуджия торговала караваями, похожими на русский чёрный хлеб, на хлеб вообще… Но в Медии экзотикой было всё. Здесь даже продавали свёклу, которую японцы не выращивали, а привозили из-за границы, продавая по цене ананаса, тоже привозного. Экзотикой в Медии была и упаковка — большие, нормальные коробки, банки, не фитюльки, вроде стограммовых напёрстков зелёного горошка в японских магазинах. Однако, в Медии подарка тоже не нашлось, и они отправились к третьему "М", к Мицукоши.

Мицукоши не слепил яркими красками, как Дайе, а переливался тусклым серо-красным, серо-синим, заменив пластмассу на бумагу, дерево, шёлк. Музыка была здесь тише, ковёр пушистее, кондиционер сильнее, продавщицы красивее, изысканнее. И запах отличался — тонкий, едва уловимый аромат духов и денег. Здесь не было толпы Дайе. Редкие покупатели, уверенные в себе, одетые дорого, ходили неторопливо, спокойно. В подвальном гастрономе Мицукоши она выбрала в подарок Намико прянички. По вкусу они напоминали те, что она отведала в Дайе — в Мицукоши тоже держали тарелки с кусочками для пробы. Вкус был похож, но упаковка… Идеально отшлифованный деревянный ящичек с написанными кистью чёрными иероглифами можно было преподносить и пустым. Нежные ручки юной продавщицы, поблескивая свежим маникюром, обернули ящичек мягкой коричневой бумагой с бежевыми хризантемами. Обернули плотно, без единой складки, безукоризненно обогнув углы. Точные движения не очень ловких пальцев ясно говорили — девушку учили долго.

— Это — подарок! — сообщила Зухра продавщице.

Та отреагировала, не размышляя, — прикрепила к свёртку заранее приготовленный кремовый бант. Чудо с бантом опустили в сумочку из такой же бумаги, как обёртка. Это дешёвку Япония упаковывала в пластик, дорогое — только в бумагу. Хризантемы, банты, ящички потрясали сами по себе, независимо от того, что они скрывали внутри. Зухра смотрела на дело более практично, упаковка несла на себе то, что требовалось, — эмблему универмага Мицукоши, одного из трёх "М"! Бант оказался стандартным ответом на слово "подарок". В винном отделе горлышко бутылки, предназначенной для Хидэо, украсило пышное сооружение из розовых лент. А в ювелирном салоне крошечные серёжки, купленные про запас, ко дню рождения

Наташи, были уложены сначала в пакетик, потом в коробок, потом ещё в один пакет… А уж на нём достало места, чтобы прицепить бант.

Погрузив покупки в проволочные корзинки перед рулём велосипедов, японки покидали торговый центр. Зухра тоже заспешила домой встречать детей из школы. Старший сын заканчивал выпускной класс, и родители решали, в какой университет его отдать — в Токийский или в местный? Прикидывали — в местном обучение дешевле, но после его окончания сын не сможет получить работу в хороших фирмах — туда брали только столичных выпускников. Диплом Киото и Осаки отрезал самый верх списка доступных фирм, а из провинции можно было претендовать только на место в компаниях поменьше и победнее.

— А разве способности парня не имеют значения?

Зухра не поняла вопроса, повторила: главное, что закончит сын. Название университета звучало, как приговор. Пожизненный. Тут, как с подарком, где всё решала упаковка, этикетка от трёх "М".

Дома она достала из глянцевого картонного футляра маргарин в пластмассовой баночке изысканной овальной формы. И цвета изысканного — слоновой кости. Она выбросила картонную коробку и пластмассовую ложечку, выданную кассиршей как неизбежное приложение к йогурту. И пакетик из-под соевого соуса, вложенный в сашими, и лоток, нёсший три маленьких кусочка рыбы… Из фирменной сумки она извлекла яблочные пирожки в коробке, завёрнутой в атласную бумагу в яблоках, специально предназначенную для упаковки яблочных пирогов. Внутри коробки лежал пластмассовый лоток, в каждом из его углублений — пакетик, в пакетике — слоёный пирожок. Начинка оказалась скудной, словно все яблоки остались на обёртке, а сами пирожки маленькими — она управилась с ними за один присест. Ворох растерзанной упаковки едва поместился в фирменную сумку с вензелем магазина — бумажную, с верёвочными ручками. Очень жаль было выбрасывать её и атласную бумагу в яблоках, и коробку из глянцевого картона, и вообще всё это великолепие. Но если всё это хранить, в доме очень скоро не хватит места, чтобы жить. С трудом заталкивая сумку в мусорный бак, она вспоминала первоапрельские сюрпризы с ластиком в десяти обёртках. И слова Хидэо о том, что в городе с миллионным населением работают два мусоросжигательных завода. И не справляются. Власти собираются строить третий.

Дрожат у коня на хвосте
Весенние паутинки…
Харчевня в полуденный час.
Идзэн

— Сегодня я узнала, что такое мисо-суп! — похвасталась она Шимаде. Он отнёсся к предмету серьёзно.

— Мы, японцы, едим мисо-суп постоянно — на завтрак, обед и ужин. И везде — дома, в любой столовой, в шикарных ресторанах… Мы вообще — страна, ориентированная на суп! — Физик Шимада предлагал физическую теорию: — В Японии влажно, и суп нужен нам для равновесия. Чтобы изнутри было так же сыро, как снаружи.

Под словом "суп" подразумевался, разумеется, мисо-суп. Овощных супов тут не варили, мясной бульон употребляли лишь с лапшой, предпочитая вместо мяса бульонный кубик. Хидэо вбежал в студенческую, завидев беседующих, забеспокоился:

— О чём это вы говорите?

Шимада отвернулся, промолчал. Пришлось отвечать ей:

— Мы говорим о супе. Я только что узнала, что такое мисо-суп.

Хидэо всплеснул руками. И огорчился так, словно ему сообщили о его недоработке.

На следующее утро в её квартире раздался звонок. На пороге стояла Намико.

— Ехала по делам, заскочила к Вам по дороге, а это — мисо-суп быстрого приготовления, — Намико протянула пакетик. — Вы должны попробовать!

Внутри пакета лежали мелкие волокна чёрно-зелёных водорослей, кусочки сухого тофу, маленькие колечки лука — здесь использовали не репчатый лук, а порей.

— Про магазины Вы всё теперь знаете… — с обидой сказала Намико.

Кажется, она немного ревновала. А может, Хидэо сделал ей выговор за то, что иностранка, вверенная её заботам, нашла себе помощницу где-то на улице, и именно от неё, а не от Намико узнала, что такое мисо-суп.

— Раз про магазины Вы всё теперь знаете, я могу познакомить Вас с японской кухней, — несмело предложила Намико. Она старалась исправить ошибку. — Я заеду за Вами перед обедом.

Здесь сказать "перед обедом", значит определить время довольно точно, обед по всей Японии начинался ровно в полдень. Университетская братия в этот час спускалась с научных небес на землю, к одноэтажному зданию столовой, чтобы съесть мясные котлеты, которые тут называли гамбургерами, или котлеты рыбные, картофельные, жареную рыбу, тушёные овощи с острым индийским соусом карри, простенькие салаты из морковки, тёртой редьки… И конечно, рис и мисо-суп — их подавали к любому блюду. В просторном зале самообслуживания с пластмассовыми столами и стульями обедали студенты, мелкие служащие, секретари… Длинная очередь, набегавшая в полдень, шла быстро — к приятелям здесь не становились. Случалось, подходили поболтать, но затем дисциплинированно уходили в хвост. Сэнсэи предпочитали для обеда отдельный зал — с белыми скатертями, с мягкими деревянными стульями. Здесь подавали официантки пару блюд — мясо или рыбу с гарниром, сервированные не на пластмассовых тарелках, как у студентов, а на фарфоре. Если к профессорам приезжали гости, их вели обедать в ресторан на третьем этаже административного корпуса. Здесь официантами служили мужчины, а еда была более изысканной — бифштексы, жареные цыплята… И стоил такой обед дорого, не меньше полутора тысяч йен, а не четыреста-пятьсот, как у студентов, и не шестьсот — семьсот, как в профессорском зале. В университете было, где пообедать. Но Намико предложила поехать в город.

— Хидэо не возражает, чтобы Вы отлучились…

Хидэо был даже доволен, что иностранный профессор пойдёт знакомиться с японской кухней. Пойдёт, как положено, в сопровождении его жены, а не какой-то первой встречной.

— Я поведу Вас в одно место… — Намико таинственно улыбнулась. — Когда к Хидэо приезжают иностранные профессора, я всегда вожу туда их жён.

Ей приходилось работать за двоих — за профессора и за жену. Пока они добирались до торгового центра, наступил полдень. Улицы заполнили люди, несущие еду. Парнишка, положив на плечи палку, тащил на этом коромысле две большие плоские тарелки, уставленные в два этажа глиняными мисками с лапшой и даже не качал их, семеня быстро, мелко. Девушка несла на подносе целую пирамиду каких-то плошек, две женщины шли, забрав в охапку кучу коробок с холодными обедами. Мужчин в этом потоке не было. Они были теми, кому еду несли. Они трудились, не отрываясь, либо направлялись к столовым, ресторанчикам… Заведения, где кормят, стали заметнее в этот час. Заметнее стало, как их много. Япония занимала первое место

в мире по числу ресторанов на душу населения. Кормёжка — важная индустрия страны.

На Ичибанчо возле каждого ресторана имелась стеклянная витринка или просто столик на тротуаре, где выставлялась напоказ еда, которой здесь кормили, пластмассовая, но точь-в-точь как настоящая. Красные клешни краба на искрящемся белом рисе, золотистые креветки, зажаренные в сухарях, коричневая лужица мясного соуса, стекающая по влажной лапше на яркие ломтики зелёного огурца. Пластмассовые яства дразнили, зазывали… Даже местные люди подходили, рассматривали модели, советовались. Значит, и им нелегко было разобраться в собственном изобилии. А уж иностранцам, которые не могут ни меню прочесть, ни спросить, эти витринки — просто спасение. Можно вывести официанта на улицу и просто ткнуть пальцем — это! Намико остановилась у стеклянного шкафчика, где пестрели яркой клумбочкой странные цветы из рисовых колбасок, икры, кусочков рыбы, омлета, огурца… И всю эту красоту, сотворённую не поваром, а художником, можно было съесть. Если не жаль, конечно, рушить.

— Это традиционная японская еда — сущи, — объяснила Намико.

Так вот как называлось то, что продавалось на каждом шагу! Пестрело, как цветник, в вокзальных киосках, украшало коробочки с холодными обедами в магазинах, красовалось в витринах ресторанов — это были сущи.

— Самые вкусные, самые свежие сущи можно попробовать только в сущи-баре!

Намико развела руками синюю занавеску, свисавшую тремя отдельными полотнищами до половины двери. То, что открылось внутри, на бар походило только высокими табуретами. Остальное выглядело, как цех. В центре зала вытянутым кольцом бежала лента транспортёра. Внутри кольца стояли обитые жестью столы с большими столовскими кастрюлями. В кастрюлях был варёный рис, в лотках — кусочки рыбы, креветки, ломтики омлета, огурца…

У столов орудовали трое молодцов в белых куртках и колпаках, в белых резиновых сапогах. Их руки двигались заученно и чётко, как по команде. "Раз" — парни захватили совочками продолговатые комочки риса и бросили их на ладонь. "Два" — комок умяли пальцами двумя короткими движениями. "Три" — прыснули на рис зелёным японским хреном васаби и нашлёпнули поверх кусочек рыбы или креветку. На счёт "че-ты-ре" парни делали по одному движению на слог — выхватывали из стопки маленькую тарелку, клали на неё готовые сущи парочками и

ставили на бегущую ленту. Посетители устраивались на высоких табуретах за узкими столами, поставленными вдоль транспортёра. На столах было припасено много полезных вещей: коробки с разовыми деревянными палочками и салфетками, бутылки с соевым соусом и миски с ломтиками солёной редьки. На полочке над транспортёром хранились пакетики с зелёным чаем и большие кружки. Кипяток тёк прямо из кранов, торчащих из стойки. Бар был устроен индустриально, как цех.

Кроме того, что лепили парни, на ленте плыли ещё и сущи другого фасона — рисовые колбаски, завёрнутые в нори, разрезанные на куски. Разрез показывал яркую сердцевину из рыбы, огурца, омлета… Такие сущи выносили готовыми из кухни. Любопытствующий мог подсмотреть технологию изготовления через открытую дверь. Парень покрывал гибкую салфетку из палочек бамбука листом нори, тонким слоем варёного риса. Поверх помещал рыбную или овощную начинку, поливал густым соусом. Потом свёртывал салфетку трубочкой, катал короткими движениями, как скалку, и, освободив колбаску, разрезал её на равные куски, приставив линейку. Сущи третьего фасона делали из рисовой колбаски без начинки. Их ставили на торец, как пеньки, обёртку из нори выпускали вверх, создав корзинку, которую заполняли сырым рыбным фаршем или икрой — кетовой или мелкой, светло-розовой.

Были ещё и рисовые треугольники, глухо, полностью завёрнутые в нори — Намико называла их онигири.

— Начнём с креветок!

Намико указала на сущи, ещё прыгающие в руках парня. Через несколько секунд они сняли с ленты тарелку, захватили палочками по колобку, умакнули их в лужицу соевого соуса на блюдечке и отправили в рот, закусив солёной редькой, взбодрившей пресное соседство. Ещё тёплый рис приятно растаял во рту, креветки пахнули морской свежестью… Свежесть — девиз японской кухни! От того момента, когда сущи слепили, до мгновения, как их не стало, прошла минута.

Люди присаживались на табурет, выхватывали три-четыре тарелки, быстро съедали… Сущи-бар — экзотика только для иностранцев, а для японцев — забегаловка, да и сами сущи — еда быстрая, как бутерброд. Отобедавший быстро вставал, к нему бегом бросалась официантка. Мгновенный взгляд на стол, несколько закорючек на бланке, и клиент получал счёт и отправлялся к кассе платить. Девушка как-то знала, кто сколько съел, иногда пересчитывая пальцем пустые тарелки в стопке. Так можно было понять, сколько съедено порций. Но как узнать, какого они были сорта? Не могли же простенькие сущи с огурцом

стоить столько же, сколько роскошные с икрой! Намико указала на стену — там висели тарелки разного цвета и бирки с ценой. Сто йен стоила голубая тарелка, на таких подавали колобки с овощами, на розовые укладывали сущи с креветками ценою почти в двести йен. Триста брали за клумбочки с икрой на синих блюдцах — выписать счёт не стоило труда, если хорошо организовать процесс. Но сколько же трудов придётся положить ей, чтобы освоить тысячи мелких мелочей этой страны? Мелочи мельтешили, баловали, утомляли…

В университет она вернулась голодная. Что такое несколько маленьких японских колобков для русского желудка? В студенческом зале столовой за бамбуковой ширмочкой кормили едой поизысканнее, чем на общей раздаче. Здесь были сущи, нюдлс — этим английским словом называлась японская лапша, залитая мясным бульоном. Маленькие японцы как-то справлялись с огромной миской. Она выбрала стойку с надписью "Гриль". Пластмассовые модели обещали жареное мясо и цыплёнка в сухарях. У кассы она произнесла только одно слово — цыплёнок. И получила впридачу чашку с горячим рисом и мисо-суп. Рис и мисо-суп подразумевались всегда — такова японская традиция. И серая пластмассовая посуда поддерживала традицию, стараясь походить на глину.

В лаборатории Шимада наливал кипяток в пластмассовую миску с лапшой. Такие миски продавались здесь повсюду. Заботливые жёны запасались ими в супермаркетах, чтобы дать уходящему на работу мужу. Шимада покупал свою миску в университетском магазинчике или в автомате. Лапшу быстрого приготовления Япония потребляла в невероятных количествах. Шимада заправил свою лапшу сухими овощами и кусочками колбасы из приложенного пакетика, слил воду через специально сделанные в крышке дырочки, взял приклеенные к чашке деревянные палочки… Предусмотрено было всё. Кроме одного — поколение, которое потребляет щедро сдобренный химией концентрат, вряд ли продолжит дело отцов, обеспечивших Японии славу страны с самой длинной жизнью. Своё синтетическое блюдо Шимада запил растворимым кофе, закурил сигарету — отрава на первое, второе и третье — обычный обед работающего японца.

Вечером она сварила мисо-суп. Не убогий из пакетика, а настоящий. На его приготовление ушло не больше двух минут — вскипятить воду, разболтать пасту, бросить водоросли, тофу, лук. Получилось нечто горячее и сытное, и на вкус похожее на еду. И очень полезное. Мисо и тофу — соя, белок без холестерина, лук и водоросли — витамины, микроэлементы. Она закусила суп

корнем конняку — он чистил организм, запила коричневым китайским чаем оча — он выводил лишний жир. А зелёный японский чай вообще выводил всё, даже последствия радиации. Японцы утверждали, что если бы не зелёный чай, атомные бомбы унесли куда больше народу. Здоровье японцев оберегала традиционная японская еда — главный секрет японского долголетия.

Поликлиника (Конвейер на диванчиках)

В пути я занемог.
И всё бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.
Басё

Победив туберкулёз и ревматизм, болезни сырости и нищеты, японцы жили дольше всех в мире. Правда, потребляя при этом больше всех в мире лекарств. И часто произносили слово "рак", в особенности, рак желудка. От этой болезни умер отец Хидэо, отец Шимады, и два сэнсэя с инженерного факультета ушли за один год в пятьдесят с небольшим. Почему? Здесь хорошая еда. Всюду, в любой забегаловке. Правда, много жаренного в обильном масле, в сухарях — это плохо для желудка. Но ещё хуже целыми днями не есть. В столовую ходили в основном низшие чины и студенты. Сэнсэи же наведывались редко, в своём тугом графике они не находили даже пяти минут, чтобы съесть обед из коробки. Хидэо обычно приносил макароны с кусочком мяса или рис с яйцом, и на этой пустяковине бегал целый день. Он всегда ел обед холодным, хотя в столовой стояла микроволновка, в лаборатории — газовая плита. Но разогревать Хидэо было некогда, он и холодное-то ел не всегда.

— Сегодня не успел поесть, отдал обед студентам, а то жена рассердится. Я не просто так отдал, а с условием — помыть коробку.

И он смеялся весело и гордо. "Я не успел поесть!" — здесь звучало как знак принадлежности к высшей касте важных, занятых людей. Иметь так много времени, чтобы обедать каждый день, профессору считалось неприличным. При такой жизни проблемы неизбежны — Хидэо жаловался на боли в животе.

И у неё появились проблемы — посыпались пломбы.

— Вся Япония мучается с зубами, — не удивилась сообщению

Намико. — Наша вода и еда почти не содержат кальция.

Намико посоветовала есть побольше водорослей. И объяснила, что японские старики справлялись с нехваткой кальция, поедая маленькую рыбку прямо со скелетом. Высушенные мальки продавались в магазине целиком или в размолотом виде — такой порошок добавляли в мисо-суп. Она купила рыбок, заставила себя их съесть, но заработала изжогу. Стараясь потрафить вкусам молодёжи, фабрика щедро сдобрила пресный продукт специями. Молоко и йогурт не в силах были заменить малька, а здешний сыр был дорог и невкусен. Про творог и сметану японцы не слыхали. Пришлось спрашивать адреса зубных врачей. Всё про них знала Наташа. Она готовила только русскую еду, испытывая отвращение к водорослям и малькам. И жаловалась, что ногти у неё ломаются, волосы секутся. Зубного врача Наташа посещала каждый месяц.

— А почему бы и нет? — улыбалась Наташа, — медицинская страховка аспиранта включает оплату дантиста для всей семьи.

Ей, приглашённому профессору, бесплатный дантист не полагался. Пришлось взять в банке побольше денег и по совету Наташи отправиться в большую новую больницу, где на первом этаже работала поликлиника.

Она шла лечиться. Может, потому замечала то, чего не видела раньше? Казалось, город был полон инвалидов. По тротуару шла выложенная бугорчатыми плитками дорожка для слепых. Сворачивая к переходу, она расширялась площадкой. И здесь слепой не оставался покинутым. Его охранял… птичий щебет. С зелёным сигналом светофора заводила свою песню кукушка, сменяясь тревожной перекличкой птиц при жёлтом свете. Вместе с красным всё смолкало. Город думал о слепых, устраивая улицы, дома… В коридорах международного центра резиновые бугорчатые дорожки вели к лестницам и залам, к стене холла, где висел план дома с выпуклыми надписями. Слепые были не единственными, кого город опекал. Инвалиды в колясках могли спокойно передвигаться: все тротуары и переходы имели пологий съезд, а среди обычных будок с телефонами стояли специальные с широкими дверями. В больших магазинах были просторный лифт и туалет. Для немощных и стариков в туалетах был вделан в стену поручень, помогающий присесть и встать. А для мам с детьми при входе в туалет стоял пеленальный столик. О нервных, вечно спешащих город заботился тоже: у переходов через небольшие улицы висели коробки с кнопками, которые могли поторопить зелёный сигнал. На проспектах, где нервные, дай им кнопки, могли бы вообще остановить движение, вместе с красным светом возле светофора загорался треугольник из

горизонтальных полос. Полосы гасли одна за другой, начиная с верхней, самой длинной, утешая:

— Смотри, совсем чуть-чуть осталось, одна коротенькая полоска внизу!

Шестиэтажную районная больницу из розового кирпича окружал сад с нарядными клумбами, с подстриженными кустами. В большом холле плавали в аквариуме золотые рыбки, по стенам висели бумажные фонарики. Пахло цветами. Молодые мамы, отстёгивая ребятишек со спины, бесстрашно отпускали их побегать босичком по блестящему мраморному полу. За стойкой регистратуры розовыми бабочками сидели юные девицы — розовые платьица, розовые мордашки, намазанные до безукоризненности фарфора, иначе японской женщине невозможно появляться на службе. Посетители отрывали от рулона талон с номером очереди и усаживались на мягкие диванчики ждать. Номерки и диванчики появлялись в Японии всюду, где можно было предполагать очередь. Девушки порхали пальчиками по клавишам компьютеров, на табло загорался номер, с диванов поднимались старички и женщины. Мужчин не было. Наверное, в Японии, пока работаешь, некогда болеть.

Лучезарно улыбающееся розовое создание, старательно выговаривая английские слова, приготовило для неё пластиковую регистрационную карточку с зелёным крестом и медицинскую карту, упакованную в жёлтую прозрачную папку. Девушка глянула на иностранку недоверчиво, выпорхнула из-за стойки и повела её по длинному коридору. И хорошо, что повела. Вдоль коридора тянулся нескончаемый ряд окошек, в каждом — новая розовая девушка, букет цветов и надпись по-японски. Наверное, тут значились названия врачей. Но как понять, где помещается дантист? Поспешая вслед за провожатой, она отсчитывала окна. Регистраторша вручила бумаги девушке в пятом окне и указала пациентке на новый ряд диванчиков — ждите!

На диванах кучковались товарищи по несчастью. У окна дантиста страдальчески морщились, придерживая руками щёки, у соседнего окна кашляли. Должно быть, там трудился терапевт. Точно в девять утра по коридору проследовала кавалькада во главе со строгой дамой, укрытой белым халатом, шапочкой и маской. Её сопровождали две юные ассистентки, нагруженные коробками и папками. Дама-врач несла только свои руки. Случившиеся в коридоре медсёстры низко кланялись даме, она же лишь слегка опускала ресницы. Белоснежная от туфель и чулок до косынки медсестра распахнула дверь рядом с окном дантиста, впустила кавалькаду и принялась выкликать фамилии больных. Распознать её щебет иностранному уху было немыслимо. И

медсестре оказалось не под силу произнести странную фамилию. Она посмотрела смятённо на ожидающих и, обнаружив единственное белое лицо, радостно поклонилась, и чуть не за руку ввела иностранку в кабинет, на пороге велев ей переобуться в больничные шлёпанцы.

В кабинете стояли три кресла. Дама-врач, переходя от одного к другому, словно ткачиха-стахановка, ненадолго склонялась к покорно разинутому рту и, отдав команду ассистентке, пересаживалась к следующему. Не очень ловкие руки молоденькой подручной прикрепили к её зубу резиновую плёнку, защитив поле битвы от полившейся со страху слюны. Дама быстро расправилась с остатками старой пломбы, сделала слепок — даже небольшие дырки японцы предпочитали латать металлом. Замазывать дырку дама доверила помощнице — обязанности были распределены, как на конвейере, врач не тратил время на простые операции. Выйдя из кабинета, она направилась было к выходу, но девушка в окошке защебетала встревожено, указывая на диванчик — её снова приглашали подождать.

Минут через пять ей выдали уже распухшую жёлтую папку досье и попросили проследовать в регистратуру. Пока она ждала на диванчике, регистраторша отпечатала счёт и переправила его в кассу. Металлическая пломба стоила недёшево — восемь тысяч йен. В обмен на оплаченный чек регистраторша вернула ей карточку с крестом, отобранную регистраторшей, — технологическая цепочка завершилась. У выхода её окликнули. Наташа пришла лечить заболевшую дочь. Врача они уже посетили, теперь ждали лекарство. Наташа указала на новый строй диванчиков в дальнем конце холла. Там возле киоска аптеки сидела новая очередь. Технология была такова: врач выписывал рецепт, секретарша в окошке отправляла его факсом в аптеку. Пока больной платил в кассе за визит, а заодно и за лекарство, девушка в аптеке, оторвав очередную страницу непрерывно выползающей ленты факса, находила на полках нужное лекарство и опускала его в пластмассовый таз.

Больной, сидя на диванчиках, ждал, пока девушка вынесет таз и выкликнет его номер, проставленный и в факсе, и в чеке оплаты. Получив свой кулёк, больной, избавленный от беготни по аптекам, уходил домой спокойно лечиться. Посетителю надо было только сесть на первый диванчик возле регистратуры. Дальше его нёс к следующему дивану идеально отлаженный конвейер, поглощавший на входе страждущих и выдававший на выходе здоровых японских граждан. Те, кому не удавалось излечиться внизу, в поликлинике, отправлялись на верхние этажи

в больницу.

— О, мы с сыном лежали тут! — по-русски сообщила подошедшая к Наташе молодая пышноволосая женщина.

За руку она держала бледного мальчика. Сына Гали в родном Питере вылечить не смогли, а в Японии ему сделали операцию. Мальчику было пять лет, но в больницу его положили вместе с мамой, сказали — так малышу спокойнее.

Ухаживать за сыном Гале не позволили.

— Это наша работа! — говорила медсестра, отбирая у Гали горшок. Она даже выучила несколько русских фраз. — Так я смогу лучше помогать ребёнку.

Сын выздоравливал, и счастливая Галя восторгалась Японией:

— Здесь так чисто всюду: на кухнях, в магазинах, в школах! Так чисто, что дети вырастают без единого поноса!

Галя рассказывала больничные истории, все сплошь счастливые: например, про русского мужчину, жившего на искусственной почке в Японии уже седьмой год, хотя в Москве ему и двух лет не гарантировали. Больничная кормёжка — единственное, что не нравилось Гале.

— Там всё время давали китайскую капусту с маленькой рыбкой, полтела которой занимают глаза. И сын не ел "капусту с глазами".

И ещё одно обстоятельство японской жизни досаждало Гале — она стремительно полнела. И Наташа жаловалась на прибывающий вес и утверждала, что это загадочное японское явление знакомо многим иностранцам. Японская еда, державшая японцев в сухом и лёгком теле, почему-то заставляла приезжих полнеть. И она уже через пару месяцев почуяла угрозу.

— Всё дело в гормонах, которыми кормят здешних коров, чтобы они быстрее прибавляли в весе, а иностранцы едят много мяса, гораздо больше, чем японцы, — так считала Наташа.

В поликлинике дела происходили чётко, но небыстро — пломбу отлили только через десять дней, сидеть в очереди к дантисту пришлось, как и в прошлый раз, два часа. Но села железка точно, почти без подгонки.

— Я увезу в Россию прекрасный японский сувенир — металлическую пломбу, — похвасталась она Шимаде.

— Мне тоже надо к дантисту, — вздохнул он. — У нас, японцев, зубы неважные. Дефицит кальция… — И он блеснул зубами, начинёнными белым металлом.

Телефон (Налог на любовь)

О цикада, не плачь!
Нет любви без разлуки
Даже для звёзд в небесах.
Исса

Ей надо было позвонить в Москву! Ей очень хотелось рассказать домашним, что она пережила первые дни и не замёрзла. Что научилась покупать японскую еду и даже её есть. Надо было многое рассказать, а, главное, услыхать, как родной голос скажет — я соскучился! И хотя тоска по дому штука романтическая, бороться с ней предстояло средствами материальными. Чтобы обзавестись домашним телефоном, ей предстояло арендовать или купить телефонную линию — в этом случае кабель, уже протянутый в её квартире, подключат к сети. Наташа советовала линию купить, но не в компании, а с рук. Так обойдётся дешевле, хотя всё равно дорого — долларов пятьсот-шестьсот. Но перед отъездом линию можно будет продать и денежки вернуть. Наташины советы всегда выручали. К сожалению, встретить Наташу можно было только случайно, она жила без телефона. Телефон — слишком дорогое удовольствие для аспиранта. Да и для русского профессора — трата существенная. И не очень необходимая — в цивилизованной стране можно позвонить за рубеж из любого автомата.

Зелёные будки стояли на расстоянии прямой видимости, как пограничники, идеально чистые с развешенными на палках телефонными книгами, не исписанными, не драными. Аппарат не имел изъянов и работал. Но московская линия была занята так прочно, словно вся Япония, ошалев от тоски, рвалась услыхать доброе слово из России. Устав извещать её об этом, после третьей попытки автомат возмущённо хрюкнул и наглухо закрыл щель для телефонной карты. Что-то она делала не так. Её вопросы поставили в тупик и студентов, и Шимаду — никто из них ни разу не пытался позвонить за рубеж из автомата. Надо было спрашивать телефонную компанию, спрашивать по-японски. Студенты помочь в этом деле не могли. К телефону в лаборатории они не подходили. В Японии даже местные разговоры платные, а на любые расходы из лабораторного бюджета требовалось разрешение сэнсэя Кобаяси. Позвонить вызвался Шимада. Оказалось, для международных звонков нужны были особые карточки и специальные автоматы — синие.

Синих будок было меньше, чем зелёных, но тоже достаточно. Синий автомат нашёлся даже возле университетской столовой. Но на его закрытой двери висело объявление на четырёх языках,

сообщавшее: "Извините, автомат отключён".

— Это всё иностранцы! — сердито сказал Хидэо. — В последнее время к нам из-за рубежа приезжает много рабочих, особенно арабов. Едут они наобум, без работы, без средств к существованию. И подделывают телефонные карточки, чтобы звонить домой. — Подделку карточек японцами Хидэо не допускал. — Наши компании вынуждены отключать международные автоматы, они же терпят убытки! — Хидэо с компаниями был согласен. Она — нет. — Ах, Вам же надо позвонить домой! — догадался Хидэо. — Извините, я об этом не подумал! Наше гостеприимство включает бесплатный разговор с домом по приезде. Позвоните из моего кабинета! Я разрешаю международные разговоры только по моему телефону, я же плачу за телефон из своего гранта!

В Москве было четыре часа утра, но она постеснялась сказать об этом Хидэо. Он сам набрал московский номер, весело сказал её сонному мужу:

— Даю Вам Вашу жену! — И остался стоять рядом, глядя так, словно понимает по-русски. — Пробормотав пару пустых фраз, она положила трубку. — Примерная длительность разговора — две минуты, — Хидэо близко поднёс к глазам свои часы, записал в тетрадь её фамилию и номер телефона. — Я фиксирую все переговоры!

В субботу в семь утра в её дверь позвонили. На галерее стоял Хидэо.

— Я специально приехал, чтобы предупредить — сегодня мы ждём Вас в гости не в шесть, как извещали раньше, а в восемь. На четыре декан назначил совещание, к шести я освободиться не успею. Кстати, это очень неудобно для меня, что у Вас нет телефона! Все мои сотрудники и студенты имеют телефоны, в лаборатории висит список номеров. Это необходимо для нормального общения. Я пришлю к Вам Намико. Она поможет всё оформить.

Намико категорически отвергла идею покупки телефонной линии.

— Неразумно сразу уплатить кучу денег, а при отъезде покупатель может и не найтись. — Намико советовала линию арендовать.

В офисе компании Ниппон Телефон энд Телеграф, а других компаний, здесь, кажется, и не было, девушка выбежала из-за стола, придвинула стулья посетительницам, бегом принесла телефонный аппарат, сама заполнила бланк договора… Клиентке оставалось только оттиснуть своё ханко и внести месячную плату за аренду линии и залог за телефонный аппарат. Девушка

заверила, что линия будет подключена уже сегодня. Но телефон, присоединённый к коробочке в столовой, молчал. Работало только соединение в спальне. Она удивилась. Она и представить себе не могла, как что-то может не работать в столь хорошо организованной стране! Она набрала московский номер и говорила, говорила… Коробочка была как раз над изголовьем её футонга и телефон пришлось поставить на татами рядом с постелью. Это увеличивало суммы счетов. Она даже заподозрила в хитрости телефонную компанию, поместившую единственное работающее соединение в спальне. Чиновники понимали, как беззащитен человек перед сном.

В конце месяца пришёл счёт на пять тысяч йен. Она огорчилась. А, разобравшись, расстроилась ещё больше — это была только арендная плата за следующий месяц и местные разговоры. Позже пришёл счёт за международные переговоры — умопомрачительный, на девять тысяч йен. Она решила перенести нежные беседы на ночь, когда минута разговора с Москвой стоила два доллара, а не три, как днём. Но следующий день был полон проблем и, придя домой, она схватила трубку, решив, что душевное здоровье дороже денег. После двадцатого числа, когда приходили счета, она испуганно замолкала на несколько дней, спасаясь только местными беседами. Они тоже стоили денег, но небольших. Тоскливыми вечерами она набирала какой-нибудь номер из быстро удлиняющегося списка, повисшего у изголовья её футонга, и радовалась, услыхав в гнетущей тишине квартиры хлопотливое японское "моши-моши". Но ей хотелось родного "алло". И, устав бороться, она набирала Москву. Муж утешал:

— Бог с ними, с деньгами! — И смеялся: — Считай, что телефонные счета — это налог. Налог на любовь.

Кнопки, скрепки, ластики… (Культурный шок)

Прозрачный водопад…
Упала в светлую волну
Сосновая игла
Басё

Пыль, нагромождаясь, образует горы.
Японская пословица

Она насыпала в рисоварку рис точно до метки слева, налила

воды точно до метки справа. Если не плескать и не сыпать, как попало, а точно по меткам, рис всегда получался душистый и мягкий. И никогда не пригорал, потому что внутреннюю кастрюлю покрывал тефлон, а автомат отключал электричество, когда выпаривалась вся вода. Она включила рисоварку и убежала на зарядку — удобно жить в хорошо организованной стране!

Ей нравилось приезжать утром в аккуратно прибранный университетский городок, нравилось входить в свой кабинет, умываться после жара улицы — умывальники были почти в каждой комнате университета. Она наполнила свежей водой чайник, полюбовалась его блестящим кремовым боком с бледно-сиреневой веткой и английской надписью "Цветы в нежном свете вечера". Чайник включался автоматически, когда вода в нём остывала ниже положенной температуры, так что, однажды включив его, можно было обеспечить себя кипятком на всё время, пока не кончится вода. Без такого чайника тут не жил никто ни дома, ни на работе. Она легко нажала на крышку, выпустив из носика струю, завёрнутую в пар. Вода в чашке стала зелёной — мелко истолчённый чай заваривался мгновенно, а две ниточки отжимали заварку в пакетике, не давая пропасть зря ни одной душистой капле. Чашка легла выпуклым боком в ладонь точно, как слепок. Спинка кресла спружинила, остановившись в самом удобном положении…

Она включила компьютер, быстро приготовила свой первый доклад. Сделать копию текста для каждого участника семинара было просто — на факультете стоял ксерокс, всегда готовый к работе, в шкафу рядом с ним не иссякал запас бумаги. В другой копировальной она сделала цветные картинки с помощью неотлучно дежурившего при новой дорогой машине техника. Необязательно, конечно, было их делать. Но почему не сделать всё красиво, если можно? Для продолжения работы ей потребовались дискеты. Они хранились в студенческом зале в большом шкафу, рядом с бумагой, фломастерами, папками, ручками, циркулями, линейками… Всё это сотрудники и студенты могли брать в любых количествах. Техник Ямазаки следил, чтобы запасы не иссякали. В отдельной коробке лежали кнопки, скрепки, ластики… Серебряные лапки скрепок сжимали бумагу надёжно и мягко, розовые, как клубничное желе, ластики стирали бережно и чисто, головки прочных, негнущихся кнопок отсвечивали старинной бронзой… Почтовые конверты из тончайшей бумаги были упакованы в яркую коробку, как подарок. Кто-то думал обо всём этом: о красоте коробок, кнопок… Кто-то ночей не спал, доводя до идеальной формы скрепки, кто-то трудился годы над идеальными ластиками, кто-то душу вложил в

конверты, жизнь потратил на все эти мелочи. На восхитительно сработанные мелочи, превращавшие в удовольствие японскую жизнь!

Хидэо заглянул в студенческую, улыбнулся её комплиментам содержимому шкафа.

— Мы, японцы, очень чувствительны к прекрасному!

Напомнил, что она должна приготовить список своих научных трудов, который надо послать в Министерство науки в Токио, таков порядок. Компьютер справился с работой за десять минут. Хидэо захотел проверить бумаги перед отправкой, чтобы она, не знакомая с японскими порядками, не наделала ошибок. Хидэо глянул на бумаги, на неё…

— Вы… Вы неправильно написали собственную фамилию! В паспорте она написана иначе!

Ох уж эта буква "щ"! Каждый новый паспорт она получала с новой фамилией. Непорядок, конечно, но прежде это никогда не вызывало проблем. В десятке стран, где она была, никто просто не обращал на это внимания, а если и обращал, улыбался — русский язык так труден! Но Хидэо был серьёзен.

— Ваши документы оформлены на определённое имя, и менять его недопустимо! Это делает Ваше пребывание здесь незаконным!

Ей, кажется, предстояло перейти на нелегальное положение и скрываться в каком-нибудь японском подполье!

Хидэо её весёлость не понравилась.

— Вы не должны были допускать разное написание фамилии!

Усовестить ОВИРовских паспортисток ей не удавалось, но она не стала рассказывать об этом Хидэо, чтобы не позорить державу. Держава и так выглядела неважно. Всего из-за одной буквы.

- Одна буква — такая мелочь!

Ей не следовало этого говорить! Хидэо пришёл в возбуждение, совершенно несоизмеримое со значимостью момента.

— Что значит мелочь? В Ваших бумагах две разные фамилии! Это вызовет вопросы в Токио! И тень падёт на меня!

Она предложила переделать список своих трудов — написать ту фамилию, что в паспорте. Конечно, это займёт много времени, список длинный. Но она соглашалась сделать это ради того, чтобы не подвести Хидэо. Но он жертвы не оценил.

— Это будет подлог! — его лоб прорезала грозная морщина.

Она окончательно почувствовала себя преступницей.

Хидэо заперся в своём кабинете обдумать положение — он находил его катастрофическим. Через час он всё-таки выход нашёл.

— Принесите мне копии всех Ваших работ, мы пошлём их вместе со списком. Так в Министерстве убедятся, что подлога нет.

Она представила толщину пакета. И его вес. Но сказала кротко:

— Хорошо, я схожу в библиотеку.

— В библиотеку? — изумился Хидэо. — Зачем?

— Сделать копии моих работ…

— Вы не привезли копии? — Очки сползли на самый кончик его вспотевшего носа. Для бедного Хидэо сегодня был день сюрпризов. — Научный сотрудник должен иметь при себе свои труды! — отчеканивал он, приходя в себя. — Я всегда вожу все свои работы!

Она представила себя на пересадке в Токио со своими научными трудами… Да и зачем возить журналы, которые есть на каждом инженерном факультете мира?

— Копии несложно сделать в библиотеке, — осторожно начала она.

— Хорошо, сходите туда, я подожду, — Хидэо говорил так, словно отпускал ей смертный грех.

Ковровые дорожки, кондиционер, длинные полки — в университете прекрасная библиотека! Вот только помещение тесновато, но выход нашли: поставленные вплотную друг к другу стеллажи раздвигались нажатием кнопки, открывая проход. Журналы нашлись легко, и ксерокс работал отлично. Через час она вернулась в кабинет Хидэо. Он перелистал копии. В ужасе поднял на неё глаза…

— Что Вы сделали? — Что-то опять было не так. И она не понимала — что?

— Чёрные полоски!

Хидэо возмущённо показал на листы. По их краям тянулись тёмные поля, неизбежно возникавшие, когда раскрытый толстый журнал клали на плоское стекло ксерокса, выгибая страницы возле корешка. Но на качество текста это не влияло!

— Я пригласил Вас! Что подумают обо мне в министерстве? — горевал Хидэо.

Ей стало страшно. Одна буква определяла её в нелегалы, чёрная полоска на листе ставила под удар репутацию несчастного сэнсэя, неосторожно связавшегося с ней…

— Это ужасно! Это некрасиво! — пытаясь сдерживаться, цедил Хидэо. — Мы, японцы, очень чувствительны к прекрасному!

Эта прелестная фраза на сей раз означала, что ей предстоит пойти в библиотеку опять и постараться сделать копии без чёрных полосок. Выйдя на раскалённую полднем улицу, она почувствовала, что японское чувство прекрасного больше не

умиляет её. Пробившись час, она получила почти тот же результат — тома были слишком толстые.

— Это нельзя посылать в министерство! — в отчаянии всплеснул руками Хидэо. — Это произведёт плохое впечатление!

Но для того, чтобы обнаружить эти полосы, надо читать работы, по крайней мере, перелистывать страницы. Вряд ли министерские чиновники станут это делать!

— Не думаю, что их заинтересуют мои работы! — улыбнулась она.

Хидэо побледнел.

— Как можно так говорить? Это же министерство! Вы должны послать туда документы, оформленные наилучшим образом! Наилучшим!

Хидэо был потрясён. И она потрясена не меньше. Буря бушевала не то, что в стакане воды, в напёрстке.

После тяжёлых раздумий Хидэо предложил обрезать тёмные поля. Она сложила бумаги стопкой и опустила нож резака. Но тени были разной толщины и тоненькие ниточки черноты, естественно, кое-где остались. Хидэо не поленился перелистать всю стопку.

— Я заметил, Вы всё делаете небрежно! — Она онемела — лучший друг Хидэо прежде не разговаривал с ней так! — Я обрежу сам! — резко выкрикнул Хидэо — Это надо делать вот так! Он принялся собственноручно обрезать каждую страницу отдельно, подгоняя её по размеру к остальным. Бумаг было много, работа грозила затянуться, и от усталости или от волнения Хидэо отхватил изрядный кусок текста, сказал, не колеблясь: — Вам придётся пойти в библиотеку ещё раз!

Полуденный жар на улице сменился настоящим пеклом, платье прилипло к спине. Вернувшись из библиотеки, она заперлась в своём кабинете и стала думать, как тут жить, если невозможно предугадать, откуда грянет гром? И стоит ли вообще жить в стране, где лучший друг позволяет себе гонять по жаре её, профессора, женщину, из-за такой блажи, как полоски? Она смотрела на кремовый бок чайника, и цветы, цветущие в нежном свете вечера, казались ей примитивными, а надпись вычурной. И кнопки, скрепки, ластики, все эти мелочи больше не умиляли. Ведь полоски тоже были порождением дотошной японской внимательности к мелочам… В дверь постучали. За спиной Хидэо стоял китайский доктор Чен.

— Он поможет Вам, он знает наши правила.

Чен сделал так же, как она: сложил стопкой новые копии и опустил нож. Получилось хуже, чем в первый раз, но Хидэо проверять не стал. Китайцу он доверял.

Ей не понравился урок японской любви к прекрасному. Вместе с походами в библиотеку он отнял три часа и на весь день отбил желание работать. Она вышла на улицу университетского городка. Шедшая ей навстречу светловолосая женщина поздоровалась по-английски. Здесь все белолицые здоровались друг с другом по-английски. Но женщина сказала вдруг по-русски:

— Что-то случилось? У Вас такое лицо…

Анна приехала из Москвы читать лекции в здешнем университете, читала их по-японски. Япония была специальностью профессора Анны, она знала о Японии всё. И рассказу не удивилась.

— Человек с Запада, столкнувшись с непривычным для него Востоком, испытывает сильное потрясение, — говорила Анна. — Это явление известно, оно даже имеет название — "культурный шок".

Шок происходил от несоответствия — западные люди воспринимали явления в принципе, восточные — в деталях. Недаром Японию называли "цивилизацией сосновой иглы". Русские злились, если кто-то за деревьями не видел леса. А японцы не то, что леса, веток за иголками не замечали. Дистанция между русским размахом и меленькой сосновой иглой казалась устрашающей, непреодолимой. Но Анна предлагала принимать Японию спокойно. И наслаждаться её достоинствами, которых немало.

Они шли по чистенькому, прибранному до последнего закоулка городу, мимо магазинов, где продавались идеальные до последнего винтика японские автомобили и телевизоры… И одежда, не менее тщательно отделанная с изнанки, чем с лица. А японские туалеты были самыми чистыми в мире, — утверждала Анна. Так не смогут вымыть туалеты люди, имеющие хотя бы лёгкое презрение к мелочам. Тщательно в Японии было сработано абсолютно всё. Хидэо одинаково добросовестно писал научные статьи и протоколы собраний. Искусством изготовления чего-нибудь, хоть канцелярских бумаг, по методу "тяп — ляп" граждане этой страны не владели, делить дела на важные и неважные не умели, делая наилучшим образом всё подряд. И потому на японских заводах не знали, что такое брак. Так говорила Анна. А она возражала, что если делать со всей возможной тщательностью всё, даже бумаги, на которые наверняка не взглянет токийский чиновник, на что-то путное не останется времени.

Анна пожимала плечами — такие уж они есть, японцы! И рассказывала, как сама столкнулась с мелочью, которая едва не

лишила её японского контракта. Администрация университета, изучив бумаги Анны, подсчитала, что высшее образования она получила за пятнадцать лет — десятилетка плюс пять курсов института. В Японии для этого требовалось шестнадцать лет — двенадцать в школе и четыре в университете. Чиновники отказались оформить контракт — недоучка не может получить место приглашённого профессора в японском университете. Анна долго объясняла японцам особенности русской системы образования, в отчаянии она даже запаслась справкой из детского садика, удостоверявшей, что в детстве в течение года обучалась в подготовительной группе. Анна смеялась, но советовала учиться японской внимательности к мелочам, иначе сосновая игла ещё не раз даст о себе знать, ещё уколет. И предупреждала, что от культурного шока страдают обе стороны. Сэнсэя, выросшего среди цивилизации сосновой иглы, наверняка оскорбило русское презрение к мелочам.

Утром Хидэо пригласил её на чаепитие со студентами, устроенное безо всякого повода, просто так. На столе стоял испечённый Намико пирог. Это очень походило на извинение. Хидэо улыбался и шутил, словно чувствовал, что переборщил, прививая иностранке японскую тщательность. А она думала, что от восторгов пора остыть — ах, палочки! ах, тапочки! ах, какая страна! Страна как страна. Что-то тут хорошо, что-то — не очень. Просто многое иначе. Не так, как у нас.

Глава IV. Всё наоборот

У каждого человека есть сердце.
А у каждого сердца есть свои наклонности.
Он считает это хорошим, я — дурным.
Я считаю это хорошим, он — дурным.
Но я необязательно мудрец, а он необязательно глупец.
Оба мы только обыкновенные люди.
Из Конституции, составленной принцем Сётоку в VII веке

Всё наоборот

Первую песню весны
Поёт соловей, повиснув
На ветке вниз головой.
Кикаку

Об обычаях не спорят.
Японская пословица

Резко скрипнули тормоза. Японцы редко тормозят так лихо. Наверное, водитель очень удивился, когда прямо перед его носом вышла на проезжую часть белая женщина, отвернув голову в другую сторону. И удивился ещё раз, когда дама отступила назад, пропуская его. И долго ждал, пока она сообразит пройти, а, не дождавшись, показал ей вежливо ручкой. Она пошла, заставив голову повернуться сначала направо и только потом налево. Голова слушалась плохо, очень уж привыкла вертеться наоборот. И почему это островитянам нравится ездить по левой стороне? И вообще, делать всё наоборот? В маленьком ресторанчике люди ели гречневую лапшу собу. Открытые окна выпускали наружу громкий чмокающий звук, с которым едоки засасывали лапшу. Это у нас фыркать за столом неприлично, а здесь неприлично есть собу тихо, хозяин обидится, решит — невкусно.

По тротуару шла женщина в кимоно. Ворот его горбился, приоткрывая шею и спину. Кимоно всегда сползает назад, а мы вырезаем декольте спереди, на груди. И талию женщины

стараемся сделать как можно тоньше. Японки же накручивают толстый пояс, превращая талию в бочонок шире бёдер, а заодно окончательно скрывая и без того невидную грудь. Наверное, японцам нравится толстая талия. И чёрные зубы. Ведь совсем недавно замужние японки чернили зубы. А после объяснения в любви влюблённые отворачивались, а не бросались друг к другу, как у нас. По крайней мере, раньше так было. Через открытую дверь магазинчика было видно, как парень взял с полки журнал, начал листать его с последней страницы. Потому что японская книга начинается с конца. И страница читается с правого угла, а не с левого, как у нас. И пишут японцы сверху вниз, выстраивая вертикальные столбики иероглифов. Впрочем, писать горизонтально, в строчку они тоже умеют. Может, удастся всё-таки найти с ними общий язык? Удастся ли? Они даже таблички с названиями лабораторий в университете или кабинетов в поликлинике прикрепляют не на стену, а перпендикулярно ей, как закладки на книжной полке. И рубанком строгают к себе, а не от себя, как мы. И это ещё так себе, простенькие "наоборот". Есть и посерьёзнее. Мы поминаем покойника на девятый день, потом на сороковой, они — на сорок девятый. Значит, и после смерти японцы остаются другими? А уж при жизни и вовсе делают всё наоборот.

— Сегодня Ваш первый доклад на семинаре! — Хидэо улыбался, глядя куда-то в сторону.

В Японии смотреть собеседнику прямо в лицо — верх неприличия. Говорят, для этого и была придумана икэбана, чтобы было, куда отводить глаза, ведь это так естественно — смотреть на красивый букет. Перед семинаром — чаепитие в честь её первого доклада — так решил Хидэо. Она прихватила свою чашку, как все сэнсэи, в студенческой комнате посуды хватало только для студентов.

— Какая красота!

Студент Миура залюбовался чашкой — грубой, толстой, корявой, недалеко ушедшей серой шершавостью от того куска глины, из которого её сделали. Посудину обрабатывали на примитивном гончарном круге — по бокам чашки шли круговые полосы.

— Какая прелесть — ручная работа! — воскликнул Хидэо.

И Митико восхищённо ахнула:

— Прелесть!

И Шимада похвалил рисунок на боку чашки — три небрежных мазка — коричневый, красный и синий. А вот Наташа, зайдя к ней как-то в гости, поморщилась:

— Зачем Вы такую страшную чашку купили? И без ручки.

— Без ручки потому, что это не чашка, а рюмка! — рассудительно сказала Наташина дочь Ирочка и поставила чашку перед куклой — для куклы сто двадцать граммов в самый раз.

— И правда рюмка, у нас такими дозами водку пьют, — согласилась с дочерью мать.

У нас водку, у них — чай. Им нравятся чашки маленькие, тусклые, грубые, нам — большие, тонкие, блестящие с ярким рисунком. И с ручками. А японцы ручки прилепляют только к чашкам-сувенирам из тонкого фарфора с яркой картинкой Фудзиямы на боку, с головкой гейши, просвечивающей в донышке. Такие чашки в Японии делают специально для людей с дурным вкусом — иностранцев. И составляют из них сервизы с шестью чашками или с двенадцатью, как принято на западе. А для себя японцы кладут в коробку по пять чашек, заполняя свободную шестую ячейку куском пенопласта. Японцы предпочитают нечет. И сервизов не любят — посуда на их столе — сущий разнобой. И ручку заварного чайника они приделывают не на противоположную носику сторону, как у нас, а сбоку. И симметрии японцы не уважают. У них обязательно что-нибудь вбок торчит, как в икэбане. И икэбана — это одна веточка, один цветок. А мы любим большой букет. Мы вообще любим, чтобы всего было много, они — мало. Здесь роскошь, которую ценит запад, считается неприличной.

— Мы, японцы, предпочитаем скромность, — говорил Шимада. — Мы чтим "ваби"…

Это "ваби" по-русски означало благородную бедность, кажется. Или нищету, возведённую в добродетель. Хороший тон японских островов велел выглядеть бедным и скромным, даже если ты богат. Может, это "ваби" было рождено постоянным ощущением маленького, ограниченного водой острова, где всего в обрез? Даже теперь, стремительно богатея, Япония держалась за "ваби", за маленькие, серенькие домики, за тёмненькую скромную одежду, за серую посуду. И только опытный глаз мог различить специальный, драгоценный обжиг грубых глиняных чашек, дорогую ткань простенького пальто, или чуть более широкую полоску земли вокруг серенького дома. Только японец мог опознать — рамочка садика в три сотки — это уже не госслужащий, а работник процветающей компании, а сад в четыре сотки мог окружать только богатый дом врача или адвоката с частной практикой, высокого сотрудника негосударственной фирмы, а, может, её владельца.

— Ах, не говорите, что у меня красивое платье, — отбивалась от комплиментов Намико. — Я купила его десять лет назад. Хотя правда была такова: — Теперь у нас стало гораздо больше денег,

и мы покупаем много новых вещей.

Но вырвать такую правду из японских уст было невозможно. Потому что это неприлично в Японии — выглядеть богатым. Это мы хотим выделиться из толпы, японцы — с ней слиться. Мы выбираем яркие цвета, они — блёклые. Мы любим одежду особенную, не как у всех, они — стандартную. Не как у всех — здесь опасно. И не только в одежде. Мы ценим людей выдающихся. Здесь предпочитают таких, как все. Выдающимся здесь не оставлено ни малейшей щёлочки, чтобы существовать.

Залпом выпив чай, Хидэо поднялся.

— Пора начинать!

Это у нас считается хорошим тоном есть неспешно и плавно. У них — совсем наоборот. Прозвенел звонок, и в аудитории хлынула толпа. Сэнсэи низко кланялись молодому шикарному Такасими и едва заметно кивали пожилому профессору. Здесь любят богатых и сильных. А старых и бедных не жалеют. И вряд ли посочувствуют попавшему в беду.

— Примите соболезнование! — сказала она Хидэо в день приезда.

— А что случилось? — всполошился он. — И тут же успокоился. — Землетрясение в Кобэ? Так это не наш район!

И принялся объяснять ей, как далеко отсюда Кобэ. Он решил, что она плохо знает японскую географию, потому и волнуется. О землетрясении он едва слыхал, очень занят был своей работой. Помощь пострадавшим? Это дело властей! В Японии порядок. Может, потому и не сидят на здешних улицах нищие, что знают — никто им не подаст?

Она стояла у доски. Хидэо не было, он разговаривал по телефону в своём кабинете. Во время семинара он оставлял дверь кабинета приоткрытой и по первому звонку бросался туда. Видно, научные занятия не извиняли перед начальством его отсутствие на телефоне. Её доклад продолжался уже час. Студенты дремали.

— Может быть, закончим на сегодня? — предложила она.

Её слова незаметно соскользнули в сонное посапывание зала и бесследно растворились. Она решила обратиться к старшему по званию, к Шимаде.

— Может, закончим?

Не вполне оправившись от дрёмы, Шимада неопределённо пожал плечами.

— При чём здесь я? Он ведёт семинар!

Он кивнул в сторону председательствующего дипломника Мацутани. Тот испуганно заёрзал, замотал отрицательно головой.

— Решайте сами! — Она не заметила, кто это сказал? Кто принял решение, чтобы решала она?

Шимада и Мацутани разом опустили головы, возвращаясь к дрёме. Какой смысл говорить в пустоту?

— Закончим! — решила она.

Студенты завозились неодобрительно, словно их грубо разбудили, поднялись неохотно.

— Кто прервал семинар? — из кабинета выскочил Хидэо.

— Студенты устали, я решила…

— Вы решили?

Хидэо посмотрел на неё сердито и бросился вернуть расползавшихся студентов, усадил их за столы что-то писать. Она вышла в коридор. Шимада, завидев её, быстро нырнул к себе в кабинет: иметь дело с решительными здесь избегали. Митико, столкнувшись с ней, улыбнулась смущённо.

— Ты сдала вчера экзамен, Митико?

Девушка кивнула.

— И какую оценку получила, "ей", "би" или "си"?

Здесь называли английскими буквами наши "отлично", "хорошо" и "удовлетворительно".

— Я пока не знаю.

— Как так? Ты же сдала экзамен.

— Сдала. Но оценку сэнсэй поставит потом.

— Когда потом? Завтра, послезавтра?

— Может, месяца через два — три, — Митико явно чувствовала себя неловко.

От нерешительности сэнсэев? Или от решительности иностранки?

— И не забывают сэнсэи эти оценки ставить?

Митико совсем застеснялась.

— Забывают иногда…

Нет, решительность здесь — не доблесть. Здесь всё наоборот. Но наоборот не значит плохо. А просто наоборот. И слава Богу, что наоборот. Что станется с Японией, если все наоборот исчезнут? Нет, уж пусть лучше будет всё наоборот!

Страна, где можно есть сырую рыбу

Полнолуния ночь!
Даже птицы не заперли
Двери в гнёздах своих.
Тиё

Она закрыла дверь без ключа, просто захлопнула хлипкий замочек. В сущности, квартира не запиралась вовсе: окно одной из комнат выходило на галерею подъезда, и, уходя, она частенько забывала его закрыть. Так оно и стояло весь день, защищённое только комариной сеточкой. Любой желающий мог, приподнявшись на цыпочки, поставить колено на подоконник и спрыгнуть в комнату. Но желающих не находилось. И теперь, заметив открытое окно, она не стала возвращаться, чтобы его закрыть, — в Японии не воруют.

— А какой смысл воровать? — пожимал плечами Шимада. — У нас никто не покупает старые вещи. Шимада рассказывал, что однажды в горах он видел, как турист нашёл забытую кем-то видеокамеру и отнёс её вниз, в посёлок, сдал в полицию…

Пусть легендарная японская честность происходила из банальной невозможности продать краденое, жить в честной стране было приятно. Студенты, уходя на занятия, бросали на сиденьях своих мотоциклов перчатки и шлемы. Подъезды домов не запирались. В университетские корпуса можно было войти в любое время — боковой вход оставался открытым даже в выходные дни, даже ночью. Любой мог попасть в коридор, где за жиденькими дверями, запертыми шутейными замочками, стояли дорогие компьютеры.

Она ехала в аэропорт встречать Ольгу, свою бывшую аспирантку, подругу. Ольга работала в Японии уже третий год и теперь прилетала с южного острова Кюсю в её город. Она решила добраться до аэропорта пригородным поездом. Пока кондиционер разгонялся, справляясь с усиливающейся жарой, она решила умыться. В туалет стояла очередь, но умывальники были устроены отдельно, в кабинках с матерчатыми занавесками. Над очень чистой раковиной висело зеркало, под ним полочка, на ней мыло и… Рядом с мыльницей поблескивало золотое колечко. Замысловатый завиток окружал выпуклый камень. Должно быть, потому и сняла кольцо хозяйка, перед тем как вымыть руки. Поезд приближался к аэропорту. Она подошла к умывальнику, отодвинула занавеску… На полочке по-прежнему поблескивало кольцо. И хотя она знала, что здесь не принято проявлять инициативу, но не утерпела, взяла кольцо, показала его пассажирам. К ней подошла женщина, поклонилась благодарно, но как-то смущённо…

В зале ожидания аэропорта народ кучковался возле огромного экрана телевизора. Он показывал нечто странное. Среди декораций, изображающих что-то вроде триумфальной арки в Париже, молодой японец присел на скамейку, поставив возле большой чемодан. Рядом с ним сел пожилой белолицый

мужчина, уронил газету. Вежливый японский юноша бросился её поднимать, а тем временем два дюжих рыжих молодца утащили его чемодан. Обескураженного юношу сменила хрупкая японская девушка. Пока она разглядывала карту, здоровенный блондин, стремительно вынырнув из-за угла, толкнул её мощным, как бульдозер, плечом и вырвал из рук сумочку. Потом серьёзный японец закусывал за столиком кафе в обществе двух белолицых парней, щедро подливавших ему пиво, незаметно бросавших что-то в его бокал. Разомлевший японец валился сонной головой на столик, а приятели, смачно ухмыляясь, вынимали из его кармана бумажник. Следующая сценка в таком же роде закончилась на больничной койке — закутанный в бинты японец скорбно взирал на кишащий бандитами западный мир. Серия кошмарных историй о наивных японцах, обманутых коварными личностями с серыми глазами, закончилась цепочкой чёрных иероглифов. Должно быть, там было написано: "Будьте бдительны!" Тот, кто крутил такое кино, понимал, что нельзя выпускать во внешний мир без подготовки японцев, избалованных жизнью с незапертыми дверями, полными карманами наличных…

Они с Ольгой не виделись долго, им о многом надо было поговорить. Только у порога своей квартиры она поняла, что у неё пропала сумка. И хуже всего — она не могла припомнить, где её оставила — в поезде, в аэропорту, в автобусе, в такси? В сумке был паспорт, банковская книжка, деньги… Она недоумевала, как же такое могла допустить она — опытная путешественница? И объясняла нелепый случай гипнозом колечка, беспечно брошенного в умывальнике — японская жизнь расслабляет. Не зря крутили в аэропорту ликбез для простофиль! Опытная Ольга утешала:

— Найдём! Вот увидишь, найдём твою сумку! Здесь же Япония!

Пришлось снова ехать на вокзал, в бюро находок.

— Отыскивать потерянные вещи — основное дело японской полиции! Если Вы что-нибудь потеряли в Японии, вещь непременно найдут, — на хорошем английском языке заверил полицейский и принялся отстукивать на клавишах компьютера призыв отыскать пропавшую сумку.

В бюро находок в аэропорту, а также в автобусном депо и на железнодорожном вокзале сумки не обнаружилось. Полицейский сообщил об этом, кланяясь и извиняясь. Покончив с извинениями, он стал нажимать кнопки телефона — оставалось проверить такси. Телефон глухо гудел.

— Не отвечают…

Полицейский снова извинился, протянул листок с телефоном

таксопарка и посоветовал позвонить туда завтра. На прощание он записал имя потерпевшей, адрес и телефон.

Рано утром их разбудил звонок в дверь. На продутой утренним ветром галерее, ёжась от холода, стоял парень в форменной кепке таксиста. Он поклонился, протянул двумя руками сумку, сказал что-то извиняющимся голосом и быстро ушёл, отказавшись от щедрых чаевых. Значит, полицейские с утра сами позвонили в таксопарк и дали её адрес. Потрясённая, она проверяла содержимое сумки. Всё было на месте: паспорт, банковская книжка, деньги… Все, до копейки. В магазине Ольга предупредила:

— Ты всё-таки сумку покрепче держи! Не стоит особенно рот разевать, хоть мы и в Японии! Вот у меня недавно велосипед украли. Правда, полиция быстро его нашла, но сломанным. Ремонтировать пришлось. Теперь я его просто так не бросаю, замком пристёгиваю. И обсчитывают здесь, не везде, конечно, но в больших супермаркетах, где случайный народ, бывает…

Забыв о своих предостережениях, Ольга ссыпала в карман сдачу, не проверяя.

По случаю встречи решили устроить праздничный обед с самым роскошным из японских блюд — сашими. Сашими — простое блюдо. Чтобы его приготовить, надо просто нарезать сырую рыбу. Если покупаешь её на рынке. А если в магазине, то и резать не надо — там порежут за тебя. В пластмассовом лотке на тончайшей стружке белой редьки лежали розовые ломтики, украшенные зеленью петрушки. На кухнях этой страны работали художники, не кулинары! Да и не нужны тут кулинары — японцы готовили совсем простые блюда. Нарезать тонко сырую рыбу и красиво уложить — вот и весь рецепт сашими.

— Рыба свежая? — спросила она у продавца.

Мужчина удивлённо захлопал глазами, указал на этикетку, где стояло сегодняшнее число. А Ольга засмеялась.

— Здесь таких вопросов не задают! И не продают несвежую рыбу!

Сочная мякоть отсвечивала влажно, словно её только что резанули ножом, а ведь рыбу везли, разделывали, паковали…

Дома они поставили на стол две коробочки. Начали с обычного, самого дешёвого сашими из тунца. Есть сашими просто — вылить в блюдце соевый соус из пакетика, положенного вместе с рыбой, окунуть туда кусочек и отправить в рот, заедая тёртой редькой и горячим рисом. Сашими съели быстро. Да и что тут есть-то? Восемь маленьких, на один укус ломтиков, стоимостью в восемь долларов, по доллару кусочек. Сашими, даже из тунца — недешёвая еда. Но они купили и самое дорогое сашими — из

фугу — гулять так гулять! На упаковке красовалась небольшая рыба-шар с колючками — такой была знаменитая фугу, пока её не разделали. Внутренности рыбы содержали сильный яд, и потому её разделку доверяли только людям со специальными дипломами, полученными после многих лет учёбы. И всё-таки на всякий случай есть фугу японскому императору запрещали. Да и простому смертному рекомендовалось перед тем, как пробовать фугу, написать завещание.

Они выложили ломтики рыбы на большую плоскую бело-синюю, специально купленную тарелку. Именно на такой тарелке полагалось подавать фугу, чтобы полюбоваться синим узором, просвечивающим сквозь тонко нарезанную полупрозрачную белесую мякоть. Нежная рыба растаяла во рту, разливая по всему телу странное, блаженное тепло. А вдруг…

— Не бойся! — засмеялась Ольга. — Так всегда бывает, когда ешь фугу. Это нормально!

Она положила в рот ещё один полупрозрачный ломтик и пожалела японского императора. Вкусное блюдо сашими! Полезное. И очень простое. Ничего в нём нет, только сырая рыба. Плюс добросовестность и дисциплина от побережья, где выловили рыбу и немедленно повезли в город в хорошем рефрижераторе, до магазина, где сразу же, без проволочек, минуя склад, её разделали. И не как-нибудь, а по всем правилам, добросовестно, без жульничества и брака. Иначе съевший фугу умрёт. Только в очень честной стране можно есть ядовитую фугу! Они бесстрашно ели сашими и пили за Японию — замечательную страну, где можно, не сомневаясь, есть такое рискованное блюдо — сырую рыбу.

Урок икэбаны на рыбном рынке

Видели всё на свете
Мои глаза — и вернулись
К вам, белые хризантемы.
Исса

— Вы же в Японии живёте! В Японии! А что Вы видите? Дом да работу! — журила её Наташа. — Как же можно не сходить на урок чайной церемонии, икэбаны? В нашем городе есть множество курсов икэбаны. Можно брать и частные уроки. Хотите, я устрою Вас к своему сэнсэю? К ней многие русские

ходят. Чиба-сан — удивительная женщина! Но она не берёт людей с улицы. Только по рекомендации. — Через несколько дней Наташа сообщила: — Я позвонила Чибе. Она долго расспрашивала меня, кто Вы и откуда, и в конце концов согласилась Вас принять.

Чиба жила на Асаичи, так назывался рынок в центре города возле вокзала. Рынок занимал недлинную узкую улочку, застроенную старыми деревянными домишками, которые на втором этаже держали жилые квартиры, на первом — лавки. Название Асаичи означало "каждое утро". Каждое утро рынок заполняли немолодые деревенские женщины, плотные, коренастые, с обветренными грубыми лицами. Они очень походили на русских деревенских баб, если бы не узкие глаза, да широкие короткие брюки и странные головные уборы — спадающие до плеч платки с большими козырьками, надёжно защищающие голову. Ведь женщины проводили целые дни под едким японским солнцем — на рынке, в огороде. Торговки перебирались от пригородных поездов по лестницам эстакады, неуклюже переваливаясь под тяжестью огромных лыковых коробов за спиной. Они шли, свесив корявые, натруженные руки, склонив головы, словно стесняясь нарядных, изящных горожан. Мужчин среди торговцев было мало — всё больше женщины. И покупателями рынка были только дамы. В десять утра, когда они с Наташей пришли на рынок, вход на Асаичи закупоривала плотная дамская толпа, которая еле шевелясь, потихоньку втягивалась в узкое горло улицы.

Рынок все называли рыбным и на городских картах обозначали рыбкой, но большую часть его товара составляли овощи. На вынесенных на улицу столах и прямо на асфальте стояли синие, только синие пластмассовые миски, полные бананов, яблок, киви. Мисками продавали апельсины, картошку, лимоны. Водоросли, тофу, зелень и морковь шли пакетами, длинные кочаны китайской капусты и толстые палки белой редьки дайкон поштучно. Весов на рынке не было. И взять меньше, чем в пакете или в миске — а это килограмма полтора, было нельзя.

— Вряд ли Вам стоит покупать на Асаичи, — говорила Намико. — Конечно, там самые свежие овощи и рыба. Но продают помногу, на семью, а Вы одна.

— Много? — возмутилась Наташа. — В холодильник положите! Да вы посчитайте, насколько овощи дешевле здесь, чем в магазине! Почти вдвое! А рыба, посмотрите, какая дешёвая здесь рыба!

Брусок тунца почти на килограмм, очищенный от кожи и

костей, приготовленный для сашими, стоил столько же, сколько жиденькая магазинная порция в восемь ломтиков. Япония — не такая уж дорогая страна, если знать места, где покупать. Такие прекрасные места, как Асаичи! Рыбой торговали в нижних этажах домов — нежный товар прятали от солнца. Ходить по рыбным лавкам следовало осторожно — бетонный пол был скользким от воды, рыбьей слизи, чешуи. Продавцы даже в жару носили резиновые сапоги. Прилавки прогибались от изобилья рыбы — свежей, только что выловленной, но уже выпотрошенной, разделанной, порезанной, красиво упакованной. На ледяной крошке шевелил клешнями большой краб, словно пытался уползти от невзрачных крупных раковин, похожих на серые камни, к розовым креветкам. В пенопластовых ящиках с полурастаявшим льдом мокли в сеточках мелкие чёрные ракушки. Запах моря пропитывал улочку от асфальта до самых крыш. Ему помогал острый аромат солений — торговка доставала из большой кастрюли огурцы, выкапывая их из коричневатой влажной кашицы, — огурцы в Японии солили в рисовой шелухе. В маленьких прозрачных пакетиках розовел маринованный чеснок, синели крошечные, как цветочные бутоны, баклажаны. Пробовать здесь не давали. Да и какой смысл пробовать, если свежим, идеальным, без изъяна было всё — рыба, овощи… А вот мясом Асаичи не торговал.

Чиба жила на втором этаже, над цветочным рядом, верней, углом — вся торговля цветами умещалась на одном углу, но продавцы умудрились забить пространство так плотно, что выбрать букет было непросто — в глазах рябило. Но выбирать пришлось — Чиба денег за уроки не брала, только цветы. Плата за урок икэбаны была деликатна — деньги, отделённые от искусства, оставались на рынке. В дом сэнсэя приносили только цветы, букет за тысячу йен, таково было условие Чибы. На тёмной лестнице пахло старым деревом, сыростью, керосином — нищетой. Дверь открыла крошечная старушка в ветхом тёмном кимоно. Отступив несколько шагов, она легко, как пёрышко, опустилась на колени и распростёрлась на порыжелом от старости татами, прижавшись лбом к вытянутым вперёд рукам. Вновь прибывшая попробовала повторить движение, чувствуя себя слонихой, выполняющей балетные упражнения рядом с Улановой. Чиба посмотрела строго, но старания, кажется, оценила. Встав легко, словно поднятая ветерком, старушка засеменила маленькими ножками в пожелтелых, некогда белых носочках с отделённым большим пальцем. Бережно, как ребёнка, она приняла букет, осторожно положила его на низкий столик, и заговорила, перебирая сморщенными руками цветы.

— Мастер икэбаны должен извиниться перед цветком, — зашептала Наташа и смешалась. — Но это перед тем, как его срезать… — И призналась честно, что не понимает Чибину речь. И улыбнулась — Слова здесь не нужны!

Не обращая внимания на учениц, Чиба взяла ножницы. Её хрупкие ручки, обретя стальную поддержку, стали решительными, жёсткими. Старуха хищно щёлкала ножницами, нещадно кромсая стебли, листья и даже цветы.

— Чиба-сан принадлежит к радикальному направлению икэбаны, — тихо пояснила Наташа.

Наверное, идейные вожди этого течения рассматривали природный цветок, как очень сырой материал, подлежащий основательной обработке. Чиба говорила что-то ласково и тонко, словно птичка щебетала. И маленькая квартирка старушки напоминала скорее птичью клетку, чем человеческое жильё. Только в клетке богаче было с обстановкой, здесь же единственной мебелью был усыпанный цветами низкий стол. И старый таз, куда отправлялось то, что Чиба считала в цветке лишним.

Через полчаса усердной работы Чибы большая часть букета в мелко нарезанном виде переместилась в таз, а на столике в серой вазочке, если можно было так назвать комок высушенной глины, воздвиглось нечто похожее на новорожденного воробья со слипшимися перьями. Возможно, так и выглядит совершенство? Но благоухающий пёстрый ворох в тазу, отсечённый, обречённый, не уложившийся в строгие каноны икэбаны, ей нравился больше, чем стриженое произведение искусства.

Ей хотелось защитить цветы, спасти их от безжалостно щёлкающих ножниц. Ей вообще не нравились ножницы, как инструмент создания красоты, не нравилось, когда резали по живому, самонадеянно обстругивая божьи творения…Наверное, профану, как она, не дано сразу постичь всю глубину японской икэбаны? И стоит ли судить по одному сэнсэю о великом искусстве? Да и была ли сэнсэем эта жившая на рынке нищая старуха? Или она просто пользовалась тягой иностранцев к экзотике, чтобы прокормиться? И, избегая проблем с властями, осторожничала, не впуская людей с улицы, не принимая денег. А цветочницы с рынка, наверное, поддерживали старушку, ведь Чибины ученики были их постоянными клиентами. Они с Наташей шли по Асаичи, где всё было нарезано, разложено, упаковано не продавцом, художником. И весь город был устроен тщательно и аккуратно руками Чибиных учеников. Каждый дом, как стриженая икэбана, не нёс ничего лишнего, каждое дерево было обрезано так радикально, что трудно было в нём признать

породу, каждый садик простирал веточки только в нужном направлении. И ни одна не росла вкривь и вкось. Как повелел Господь Бог, не знавший законов икэбаны.

Рисунок на огне

Дерево на сруб…
А птицы беззаботно
Гнёздышко там вьют!
Исса

Сколько проживёт творение Чибы — стриженый цветок, наколотый на острую иглу? День, не больше. Японская красота хрупка, недолговечна. Она не знает основательного — каменных дворцов и храмов, бронзовых и мраморных скульптур — привычного для нас искусства, созданного трудом десятилетий и на века. Япония ценила другую красоту — мгновенно созданную, мгновение живущую — цветок, бумагу…

— Мы покажем, как рождается рисунок тушью на бумаге — сумиё, — сказал телеведущий.

Японское телевидение часто показывало японское искусство. Немолодая женщина в тёмно-лиловом кимоно опустилась на колени у низкого стола, коснулась пальцами бумаги, словно приветствуя её, положила полированный металлический брусок на край листа, закрепив его. Её рука движением округлым, плавным взяла кисть, обмакнула в выдолбленную в камне лунку, заполненную тушью, на мгновение застыла в воздухе… И вдруг, с неожиданностью хищной птицы ринулась на белый лист.

Кисть металась по бумаге, то стягиваясь до остроты клюва, то распластываясь крылом. Мгновенный удар клюва — чёрная точка, касание крыла — серая тень. След встречи кисти и бумаги — мокрое пятно туши. Чем дольше длится встреча, тем оно ярче. Всё зависит от долей секунды. У художника есть только одно касание. Одна попытка. Как у японского монаха, который брал для тренировок только одну стрелу. И, натягивая лук, долго собирал всю свою волю, чтобы послать стрелу в цель, единственную стрелу. Художник, как стрелок, не может промахнуться. Сумиё нельзя исправить. Стянутое напряжением лицо женщины было каменным. Оно, словно маска, скрывало бушующий внутри огонь. Только пальцы трепетали, трепали пляшущую кисть, оставлявшую

на бумаге следы мгновенных озарений. Пустоту бумаги постепенно заполняла жизнь — сквозь неясные разводы туши проступало солнце, окутанное влажной дымкой побережья, контуры японских сосен, гор… Словно берег надвигался из тумана на подплывающий корабль. Женщина остановилась, замерла. Положила кисть, опустила руки. Её лицо обмякло, остывая от угасшего огня, бушевавшего недолго, несколько минут. Дольше не выдержать. Картина влажная, как только что родившееся дитя, высыхала… Мгновенный рисунок — сумиё. Рисунок на бумаге. Рисунок на огне. Он проживёт недолго, такой рисунок — выцветет тушь, пожелтеет бумага. Бумага долго не живёт. Но японцы из века в век рисуют сумиё…

Телевидение показывало японское искусство. Сухонькая старушка положила маленькие, как птичьи лапки, ручки с хрупкими выступающими косточками на плотный лист бумаги, замерла… И вдруг схватила лист цепко, властно, скомкала его и стала мять. Её лицо застыло, губы сжались, глаза остановились, неистовствовали только руки, стискивая ком. И вдруг замерли — довольно! Старушка точно знала меру. Нехотя оставив бумагу, она осторожно, как драгоценность, положила её на стол, бережно расправила и замерла, любуясь. Причудливый узор изломанных страстью линий был великолепен! Старушка взяла в руки кисть и широкими, сильными взмахами стала чертить по измятому большие красные иероглифы. Шёлк её кимоно вспыхивал драгоценными тёмно-лиловыми складками, отбрасывая красноватые отблески на сухой и властный профиль. Старуха знала свою мощь! Отстранившись, она окинула цепким взором шедевр, не удовлетворилась и любовно, медленно добавила тонкую чёрную змейку. С достоинством маэстро оставила в покое то, что совсем недавно было простым листом. Теперь — произведением искусства.

Три иностранца, три рослых молодых блондина, пытались повторить движения старушки. Но мяли лист они беспомощно, нелепо. И улыбались смущённо, виновато, глядя на вялые, убогие изгибы. В их руках было нечто неряшливое — измятая бумага. А неловкие разводы кисти оставляли на ней грязноватые следы. Выждав, когда ученики совсем отчаются, старушка легко поднялась с колен, засеменила маленькими ножками в белых носочках по зелёному татами, подошла к верзилам — крошечная, сухонькая, не достающая им до плеча. Склонила по-птичьи голову, рассматривая жалкие творения. Так смотрит великий врач на безнадёжного больного, прикидывая, чем тут помочь? Задумавшись на минуту, старушка легонько провела сухонькими ручками по листу, словно снимая порчу. Взяв в руки кисть,

несколькими короткими ударами что-то исправила, добавив линии и точки. Внутри бессильной пачкотни загорелся огонь, на нём старушка свивала свой узор. И вдруг остановилась. Всё! Так уже можно жить! Ученики зашевелились, закивали послушно, робко, восхищённо глядя — мастер! Мастер чего? Писания иероглифов на мятой бумаге? Ну что за ценность мятая бумага? Японию трудно сформулировать. Нельзя определить. И не почувствовать нельзя то нечто, что несла бумага, измятая рукой старушки.

Другое нечто приводило миллионы людей на ступени дощатого сарая возле небольшой полянки с разбросанными по песку невзрачными серыми камнями. Телевидение показывало Сад Камней. Старик медленно проводил граблями по крупному песку. Или мелкому гравию? Мокрый сад просыхал от ночного дождя. Под лучами утреннего солнца капли на кустах загорались, как алмазы. Но старик не смотрел вокруг. Его глаза сосредоточились на граблях, гладящих песок. Дождь смыл узор, и старик был должен сделать заново волнистые разводы, огибающие камни, как волной. Старик работал. Он тоже был мастер, мастер узора на песке. Он создавая творенье, которому суждено прожить лишь день, покуда дождь и ветер его не уничтожат. Наверное, старик не думал об этом. Он делал свою работу.

Телевидение показывало японское искусство. И японские праздники. Длинный стол поставили на берегу, у самой кромки моря — люди готовили пир. Пожилой японец, обвязав лоб белым махровым полотенцем, нагнулся, выхватил из ящика только что выловленную трепещущую рыбу, положил на доску, быстрым и точным ударом пронзил её тело со стороны головы тонкой иглой. Должно быть, он попал в самое сердце, рыба замерла. Коротким ударом тонкого ножа мужчина пригвоздил голову рыбы к доске, словно положил тяжёлый брусок на край сумиё, чтобы ловчее было рисовать. Одним плавным движением широкого ножа он снял с рыбы кожу, длинным, медленным проходом разделил тело вдоль хребта. Короткими, округлыми пассами обрезал плавники и некрасивые лохмотья с живота. Руки летали, словно в танце, делая только самые точные, самые нужные движения. И ни одного лишнего. Как у рисующего сумиё, мнущего бумагу, делающего разводы на песке. Бережно, едва касаясь, словно открывая жемчужину, повар нарезал нежную мякоть рыбы. Положил безукоризненные, абсолютно равные, мерцающие розово куски на белую пену тёртой редьки. Водрузил в центр блюда рыбью голову, церемонно изогнув пальцы, добавил последний штрих — пучок зелёных трав. И поднял над головою свой шедевр. Поставил в

центр стола. И поклонился, как маэстро. Он и был маэстро, этот мастер резьбы по рыбе. Люди у стола быстро растаскивали палочками куски сашими, без сожаленья разрушая произведение искусства. Через несколько минут на блюде осталась в сиротливом одиночестве оскаленная рыбья голова. А японцы у стола запели — их не удручала недолговечность японской красоты.

Сашими, Сад Камней, сумиё, мятая бумага… Рисунок на песке, бумаге, рыбе. На чём-то зыбком, что недолго проживёт. Здесь это никого не волновало. Японцы устраивали выставки скульптур из песка и орхидей, лепили сущи, прелестные, как цветы, и упаковывали в неземной красоты коробочки простой обед в дорогу… Японцы, не жалея сил, трудились над тем, чему суждено прожить совсем недолго — день, час, несколько минут. И не жалели потраченных на это минут, часов и дней. Всей жизни. И не горевали, что завтра исчезнут их творенья. Может, так их приучили жить острова, где свирепствуют землетрясения и тайфуны, начисто сметающие вещи основательные? Или так их воспитала созвучная природе островов буддийская идея о мимолётности всего сущего, зовущая не думать, что есть завтра, жить сейчас, сегодня, в этот миг? И ради этого мгновенья вить свой узор. Мимолётный рисунок на песке, бумаге, рыбе… Рисунок на огне. И наслаждаться прелестью бабочки-однодневки, роскошью взмаха её крыльев. Единого взмаха…

На площадке для мусора валялись обрывки красивой упаковочной бумаги и серый глиняный графинчик из-под сакэ с изысканным узором шоколадных иероглифов, составивших старинное трёхстишие хайку: "Как прекрасна золотая крыша храма, омытая майским дождём". Здешнее искусство не жило отдельно — в музеях, в храмах, оно вплеталось в жизнь букетом на столе, графином, чашкой, веером, халатом, японской письменностью… Тончайшее сплетенье чёрточек, изгибов, точек, слагающих невероятно сложный, изысканный узор, было для японцев просто азбукой. Только народ-художник мог приспособить эту замысловатую вязь для описания окружающего мира. Японского мира, надёжно отгороженного от пришельца решётчатым заборчиком иероглифов.

Курсы японского языка

Сумрак над морем.

Лишь крики диких уток вдали
Смутно белеют.
Басё

— В нашей письменности заложен глубокий смысл, — говорил Хидэо. — Вот, например, иероглиф "человек" состоит из двух чёрточек, которые опираются друг на друга. Это означает, что люди нуждаются во взаимной поддержке! Кстати, все иностранцы, приехавшие в Японию на длительный срок, изучают японский язык. В городе много курсов. Но я советую Вам заниматься в Шимин-центре. Там преподаёт Намико и другие жёны профессоров.

— Приходите в Шимин-центр! — поддержала мужа Намико. — Это совсем рядом с Вашим домом! И бесплатно!

— Не беда, если Вы станете приходить на работу попозже! — улыбался Хидэо. — Японский необходим Вам, чтобы лучше общаться со студентами! — Хидэо хитрил — со студентами она спокойно обходилась английским. Хидэо льстил ей: — Вы — такая способная! — Уговаривал ласково: — Конечно, я не могу Вас принуждать! — И принуждал: — Я дал Вам свой телевизор не для развлечения, а для того, чтобы Вы изучали японский язык!

Её добрые хозяева очень хотели, чтобы она учила японский язык. И она поддалась. Тем более что и сама очень хотела прикоснуться к этому таинственному предмету — японскому языку.

Половину вестибюля занимали пластмассовые тапочки — народу в Шимин-центр приходило много. Оживлённая Намико в нарядном бирюзовом платье и казённых шлёпанцах как хозяйка вела её по дому — чистому, тёплому, уютному. Шимин-центр означало общественный центр, вроде нашего дома культуры. Библиотека была безлюдна, а вот к двери, за которой виднелись плиты и кастрюли, спешили на курсы кулинарии пожилые японские дамы. Такие же дамы, но в обществе седых кавалеров, старательно вальсировали в спортивном зале, здесь работал танцевальный кружок. Посетителями Шимин-центр были в основном пенсионеры. И иностранцы.

— Для иностранцев мы организуем курсы японского языка. Будет ещё урок японских танцев, каллиграфии… — Намико от души радовалась, что сотрудница мужа пришла.

По коридору бегали босые ребятишки — здесь занимались в основном женщины. Две русские — Галя и Наташа, две немки, швейцарская чета, а остальное — китаянки, китаянки… И все с ребёнком на руках или в животе. Или и там, и там. Ограничения на число детей снималось с китайцев, выехавших за рубеж. И

китайцы спешили этим воспользоваться.

Ученики собирались в зале на праздник в честь начала учебного года, усаживались на татами возле длинных низких столов. Японки в глухих, под горло фартуках расставляли электрические чайники, раскладывали пакетики с печеньем — угощение для учеников. На сцене выстроился хор. Двенадцать босых учительниц в нарядных платьях запели нежную журчащую мелодию. Потом одна из дам стала раздавать ученикам картинки — начиналась викторина. Картинки рисовали сами дамы, свободного времени у них было в избытке: пока их мужья добирались до профессорского кресла, они успевали вырастить детей. Учеников тоже попросили спеть. Из-за стола поднялись три китаянки, исполнили нечто ласковое, колыбельное. Дородная немка положила на татами младенца, подмигнула подружке. Они встали во весь свой немалый рост и завели весёлое, лихое. К ним присоединились швейцарцы, отправив грудного сынка поползать. Наташа и Галя петь отказались наотрез. Пришлось ей в одиночку постоять за честь отчизны. Услыхав песню про ямщика, замерзавшего в степи, все притихли, словно поняли. Праздник кончился.

Женщины в фартуках, собрав детей, остались вместе с ними в зале на татами.

— Это волонтёрки!

Так объяснила Галя, провожая счастливым взглядом оправившегося после операции сына, который вприпрыжку побежал к приятелям. Пока женщин бесплатно учили японскому, волонтёрки бесплатно возились с их разноцветными детишками. С мам брали только сто пятьдесят йен на закуску мелкоте — печенье, сок. Мамы уходили в классы, забрав с собой грудных. Шесть групп по десять человек разместились в двух комнатах, по три группы в каждой. Намико занималась с продвинутыми, ей нужны были начинающие. Учительница — элегантная, похожая на хризантему дама в бежевом платье, положила перед ней листок с иероглифами — читайте!

Слово "читать" никак не подходило к процессу разгадывания хаоса чёрточек и точек. Она попробовала защититься — я начинающая!

— Но это же так просто! Это — хирагана!

Дама посмотрела укоризненно и грустно. А она подумала, что если это просто, то лучше сразу встать и уйти. Соседка-китаянка бодро залепетала, глядя на листок. Для неё призыв "читайте!" имел смысл.

— Нет, нет, наши языки совсем непохожи! — отрицательно замотала головой китаянка, еле выговаривая английские

слова. — Конечно, письменность подобна, я могу прочесть, но смысл написанного не всегда совпадает. И грамматика…

Она не надеялась добраться до таких тонкостей. Дама-хризантема заметила наставительно:

— Вам следует начать с изучения хираганы.

А ей хотелось спросить по-рязански: — Ась?

Она не знала, кто это — хирагана. На помощь пришла другая соседка, американка Джейн.

— У японцев три алфавита. Два простых, слоговых: хирагана — для исконно японских слов и катакана — для слов иностранных; а третий алфавит сложный — китайские кянджи.

Джейн улыбнулась ободряюще и рассказала шёпотом, что они с мужем приехали в Японию заработать. Здесь хорошо платят за частные уроки английского — пятьдесят долларов в час, года за три супруги надеялись собрать на дом в Америке. Парень, сидевший рядом с Джейн, весело кивнул, соглашаясь с женой, и тут же прилежно склонился над своим листком — ему надо было хоть немного освоить японский, чтобы разговаривать со своими будущими учениками.

Хирагану в классе не учили. Наверное, предполагалось, что такую простейшую вещь учащиеся должны были знать с пелёнок.

— Я Вам помогу! — ласково сказала дама-хризантема.

И пошла к ксероксу, стоявшему тут же в классе, чтобы сделать для новенькой копию страницы учебника, посвящённую хирагане. Разложив на столе картинки, учительница быстро называла по-японски то, что нарисовано. Первые пять слов она ещё кое-как приняла. Потом в её мозгу опустилась глухая заслонка, отразив последующую сотню слов, должно быть, из инстинкта самосохранения. Дама, пытаясь побороть её тупость, достала из сумочки новую пачку картинок. Милая профессорская жена искренне полагала, что хорошее знание японского и сносное английского — вполне достаточный багаж, чтобы учить. И никак не могла понять, почему ученица так туго воспринимает?

Оказалось, хирагана — это цветочки. Хирагану можно было выучить — один значок — один слог. Тут было нечто похуже. Вот слово "ками", например. Ками — это бог. Но ещё и бумага. Конечно, можно поискать объяснение этому двусмыслию — древние японцы к бумаге относились трепетно, держали её только в монастырях, использовали как ритуальное подношение, квадратный лист бумаги считали символом мира, потому что шинтоисты представляли мир квадратным… Но эти тонкости никак не помогали понять, о чём ведёт речь собеседник, произносящий "ками" — о бумаге или о боге? И что имеет в виду тот, кто говорит "хаши"? Это слово могло обозначать палочки для

еды, мост, край стола и, кажется, что-то ещё. В зависимости от обстоятельств. А что когда, надо было догадаться. Но даже японцы догадывались по-разному. Деревенский парень, никогда не видевший зонта, заткнул его за пояс, и пошёл под дождь, потому что понял слова "открой зонт" как "заткни за пояс" — это звучало похоже. Парень мок под дождём и удивлялся — зачем людям нужен зонт? Это была японская сказка. И надежды иностранцу она не оставляла.

Она барахталась в зыбкой хляби расплывчатых понятий и плывущих значений — двойных, тройных… И недоумевала — как японцы управляются со своим языком в армии? А вдруг половина роты поймёт команду так, а другая иначе? И не меняется ли смысл команды в зависимости от обстоятельств?

— Гора по-японски — "яма", — говорила дама-хризантема. — Например, Фудзи-яма. А эта гора, — дама показывала в окно, — называется Тайхак-сэн.

Никто не удивился. Только она.

— Значит, "сэн" — тоже гора?

— Ну конечно, — учительница слегка поморщилась.

Японцы не любили тех, кто задаёт вопросы. Воспитанные китаянки никогда ни о чём не спрашивали. Но она спросила опять, чтобы выяснить в конце концов.

— Так когда же гора называется "яма", а когда "сэн"?

— В зависимости от обстоятельств, — терпеливо сказала дама.

И попыталась объяснить, что это за обстоятельства. Сбилась, призвала на помощь товарку. Та начала было с жаром и тоже сникла. Наконец они пришли к согласию.

— Мы, японцы, знаем, когда "яма", а когда "сэн"!

Они закивали, глядя на русскую с опаской, с недоумением — чего она хочет?

А она хотела ясности. Однозначности. Чего в японском нет.

Время шло. Её японский — нет. Она решила сменить женские курсы на мужские, университетские, тоже бесплатные. Там учили мужей тех дам, что ходили в Шимин-центр. У преподавательницы Танаки была хватка профессионала. Она учила выжить. И ученики послушно, благодарно повторяли: "охайо госаймас" — доброе утро, "коничива" — добрый день и "сайонара" — до свидания. И тянули нараспев: "сумимасэн" — "извините" и "аригато", "аригато госаймас" — "спасибо", "спасибо большое". И облегчённо вздыхали, узнав, что в магазине можно заменить пышные благодарности простеньким "домо". Клиент в Японии — бог, и рассыпаться в любезностях перед продавцом ему не пристало. Они зубрили то, что годилось на все случаи жизни:

"доко-деска?" — "где?" и "коре-ва-икура-деска?" — это почём? Запоминали числительные в пределах тысячи — более дорогих покупок на рынке они не делали. А спросить "почём?" и понять ответ требовалось только там, в магазинах цены писали на этикетках.

Танака была хорошим проводником по японским лабиринтам. Она не удивлялась бестолковости своих белокурых учеников, но помочь им пыталась по-японски, с помощью наглядных пособий, лихо нажимая на кнопки магнитофонов и видео, доставая дорогие книги — университетский арсенал был мощнее Шимин-центровских рукодельных картинок. Умная Танака понимала мучения бледнолицых и чувствовала, когда их мозги начинали дымиться. В этот момент она прерывала занятия и угощала учеников кофе с пирожными, купленными на собственные деньги. Это был очень важный элемент обучения. Он спасал от отчаяния. Танака утешала — по крайней мере, произношение в японском труда не представляет, оно гораздо легче, чем в русском языке, где японцу невозможно различить на слух слова "муж" и "мышь" и трудно выговорить слово "мать", в устах японца звучащее как "матч". В японском языке всё проще: в нём не было этих ужасных "ж" и "щ", и звука "л", вместо него произносили "р", так что из "Людмилы", получалась "Рюдмира". Но главное, что требовалось — не рычать, не рокотать, на чёткость и силу не напирать, а говорить мягко, даже вяло. Лучше всего это выходило, если принять характерную японскую позу — слегка согнуть спину, склонить голову. Получалось, вроде кланяешься. Правильно получалось.

И всё-таки даже с Танакой дело шло медленно и трудно, словно что-то выталкивало японский язык прочь из головы, никак не желавшей уразуметь, почему сегодняшнее утро, утро завтрашнего дня и тем более послезавтрашнего — абсолютно разные слова. Голову надо было перестроить, выкинув прочь убеждение, что на один вопрос есть только один ответ — ясный и прямой, а на освободившееся место положить мысль, что есть и другая логика, кроме нашей, привычной. А ещё лучше было бы вообще не забивать это место в голове какими-то жёсткими правилами, а оставить его пустым, чтобы кроме толстого японского словаря уместить в свои прямолинейные западные мозги восточные извивы вроде: "я хочу видеть твоё лицо" вместо "я тебя люблю". Надо было превратить свои мозги в нечто жидкое, чётких форм не имеющее… Но она опасалась — а вдруг такое насилие не пройдёт бесследно для её бедной головы? Не зря же не падкая на импорт Япония ввозила физиков-теоретиков и программистов.

Как-то вечером они с Танакой вместе шли домой.

— Зайдите в гости! — пригласила она учительницу.

Танака глянула удивлённо, даже обиженно и поторопилась уйти.

— Японцы говорят "приходите в гости!", если не хотят видеть кого-то и желают поскорее от него отделаться, — объяснила Джейн.

А она ужаснулась — неужели Танака поняла её так? Умная Танака!? И что же такое ей надо было сказать, чтобы это означало "зайдите в гости"! Танака, кажется, обиделась. И аспирант Танабу тоже. Он показал ей формулу, спросил — правильно ли?

— Я подумаю! — ответила она.

Джейн объяснила опять:

— Слова "я подумаю!" японец воспринимает как отказ.

Действительно, Танабу исчез и больше к ней не заходил.

Японцам нелегко было понимать её слова, которые она использовала попросту, как они есть. И ей трудно было понять японцев — западные языки существовали, чтобы прояснить смысл, японский — чтобы его вежливо прикрыть. И мало что менялось, если японец говорил по-английски.

— Меня не интересуют Ваши старые результаты, — говорил Хидэо. — Мне нужны новые результаты. Совершенно новые. — Из изложенной им программы действий выходило, что его слова следовало понимать так: — Меня не интересуют Ваши новые идеи (меня не интересуют Ваши старые результаты). Мне нужны новые подтверждения моей старой идеи (мне нужны новые результаты). И именно в той форме, к которой я привык (совершенно новые).

Кажется, она начинала понимать японский язык.

Время — не деньги!

Верно, эта цикада
Пеньем вся изошла? -
Только скорлупка осталась.
Басё

— Есть у вас туфли двадцать пятого размера? — спросила она в магазине, старательно произнеся только что выученное "ни-джу-го" — двадцать пять.

И почувствовала себя во всеоружии. Продавщица улыбнулась, поклонилась, пролепетала:

— Давайте посмотрим…

И пошла вдоль полок, внимательно изучая надписи на коробках. На полках двадцать пятого не было. Она только что в этом убедилась. Она ожидала, что девица пойдёт в подсобку, на склад… Но та вяло пошла вдоль полок, словно не зная, что продаётся во вверенном ей отделе, а, изрядно нагулявшись, сообщила, наивежливейше улыбаясь, что именно сейчас и именно такого размера в магазине почему-то не имеется. Она поверила слову "сейчас" и отправилась в другой магазин, в третий…

Процедура повторилась. Ей хватало минуты, чтобы установить — самый большой размер в женском отделе двадцать четыре с половиной, продавщицы же тратили на это куда больше времени. Они мямлили:

— Давайте посмотрим…

И брели по залу, шаря по коробкам. Обход неизменно кончался изумлённо разведёнными руками и извилистыми фразами:

— Почему-то как раз сейчас я не смогла найти… Возможно, в другой раз мы смогли бы…

Сообщение сопровождалось обильными поклонами, улыбками, извинениями и благодарностями. Лучше бы разобралась, что стоит у них на полках, чтобы не тратить столько времени впустую!

Прежде чем открыть дверь следующего магазина, она подошла к телефону-автомату и позвонила Намико. Та запротестовала:

— О нет, девушки точно знают, что стоит у них на полках! А "давайте посмотрим" — это вежливая форма отказа! Мы, японцы, это понимаем!

— Значит, сказать прямо, что такого размера в принципе нет, нельзя?

— Нельзя! — горячилась Намико. — Если продавец скажет "нет", покупатель обидится и в такой магазин никогда больше не войдёт! Мы, японцы, деликатны!

Значит, враньё — деликатность, а честное "нет" — обидное, грубое слово? И чтобы убежать от него, продавщицы готовы были подолгу бесцельно бродить вдоль знакомых полок и притворяться, будто что-то ищут. И щедро швырять на ветер время! Ну хоть бы объяснили, что её размер — очень большой для Японии, бывает редко и за ним надо идти в специальный магазин и платить дорого. Но продавцы в этом сознаваться почему-то не хотели.

— Нет, нет, так нельзя! Вы же их не спрашивали, где купить туфли большого размера? — Намико защищала продавцов, как

родных. — Если бы спросили, Вам объяснили бы, куда идти, а по своей воле никто своих объяснений не навяжет! Это — насилие над покупателем!

Объяснить, где купить нужную вещь — насилие?! Да, непростое это будет дело — выучить японский язык, где нет слова "нет". Нет, оно, конечно, было здесь — коротенькое "йе", но произносить его было, похоже, строжайше запрещено. С ностальгической грустью вспоминала она грубых московских продавщиц. Они бы врезали, не церемонясь:

— У нас такого размера сроду не было, нет и не будет!

По крайней мере, это спасло бы её от насморка, заработанного на свежем океанском ветру, продувшем её насквозь во время бессмысленных блужданий из магазина в магазин. Она свернула к вывеске с зелёным крестом. А что, если спросить ботинки в аптеке? Они тоже не скажут "нет"? Тоже ответят "давайте посмотрим!" и пойдут перебирать пузырьки?

Она едва успела в университет к началу зачёта. Студенты готовились продемонстрировать построенные ими модели кристаллов — пластмассовые шарики, соединённые тонкими виниловыми трубочками. Чтобы ребята лучше старались, Хидэо решил устроить конкурс с премией для победителя. Лабораторные сэнсэи образовали жюри. Её пригласили тоже.

— Напишите формулу того вещества, модель которого Вы сделали! — задала она совсем простой вопрос. — Студент Таманага удивлённо поднял глаза, заметался в тревоге, посмотрел на сэнсэя. Сэнсэй занервничал. — Вы что, не знаете, что сделали? — опешила она и поспешила на помощь студенту. — Ну, напишите хотя бы, из каких элементов это вещество состоит. Вот эти красные шарики — что это?

— Медь…

Студент неуверенно вывел на доске первую букву химического символа меди. Он не умел обозначить медь!? На третьем курсе инженерного факультета! Сэнсэи потупившись молчали. Хидэо глянул на неё сердито, бросился на выручку студенту.

— Сколько времени Вы потратили на изготовление модели?

Таманага приободрился, словно его вывели на знакомую, твёрдую тропу, принялся подсчитывать, шевеля губами. Получилось тридцать часов. Сэнсэй обвёл собрание торжествующим взглядом и объявил, что допрос окончен. Тридцати часов вполне хватило бы, чтобы выучить краткий курс кристаллографии. И уж наверняка за это время можно было бы узнать, что лепишь, и как пишется медь. Но студент предпочёл сделать аккуратную, добротную вещь. Да и надо ли Таманаге

знать, как пишется медь? Он собирался трудиться на заводе роботов. А там ему, пожалуй, нужнее, чем формулы, будет умение прилаживать мелкие, скользкие шарики к неудобным, тонким трубочкам. Высший балл она поставила смышлёному Адачи. Его модель слегка косила. Но он знал, что сделал, и где используют это вещество. Голосование было тайным, но Хидэо, принимая бумажки из рук членов жюри, не стеснялся тут же их открывать, а, открыв, глядел на написавшего то одобрительно, то зло. Ей достался очень сердитый взгляд. Но большинство оказалось на её стороне, и расстроенный сэнсэй отдал премию — небольшую денежку в конверте — студенту Адачи. И сообщил, что он предназначал награду студенту Таманаге, работавшему дольше всех.

Хидэо ушёл, к его кабинету направлялись элегантные господа. Их встреча длилась долго. Проводив гостей, Хидэо поставил на студенческий чайный стол коробку с дорогим печеньем. Хидэо часто баловал студентов, тратил на них много денег!

— Денег? — удивился Шимада. — Кобаяси не покупает эти сладости, их приносят люди с фирм. В подарок.

— За что фирмачи дарят сэнсэю такие подарки?

Шимада удивился опять — она не понимала простых вещей!

— Фирма, которая собирается взять на работу нашего выпускника, хочет получить хорошего студента. Это особенно важно теперь, когда в промышленности спад и фирмы не могут позволить себе набирать много новичков. Вербовщики приходят к сэнсэю, чтобы он назвал им имя самого способного. За это и дарят дорогие сладости, купленные на деньги фирмы.

Вечером лаборатория вид имела странный: студенты спали. Спал Ода, спал Таманага, прикорнув на пачке фотографий. Пачка была толстая — сэнсэй любил, чтобы результатов было много. И чтобы работали долго. Может, потому он проводил беседы со студентами поздно вечером? В девять Хидэо появился в студенческой, окинул взором комнату, словно проверяя, кто на месте, остался доволен многолюдством в столь поздний час. Сонный вид студентов его не разжалобил:

— Ничего, молодые должны трудиться, — бодро бросил он ей и принялся выговаривать: — Вот Вы всё хвалите Адачи, а его уже нет, он уходит рано, в восемь! А вот он — хороший студент, всегда работает до десяти! — Хидэо указал на дремлющего Таманагу.

Значит, сэнсэй сортировал студентов в соответствии со временем прихода-ухода? И откуда-то это время знал, хотя все дни проводил на собраниях. Следовательно, в лаборатории был

некто, кто эту информацию сэнсэю поставлял, а сэнсэй её запоминал, считая важной? И вербовщикам с фирм он, наверное, рекомендовал не смышлёного Адачи, а сонного Таманагу. А может, даже нерадивого Оду, который обычно спал допоздна у своего компьютера, уронив голову на сложенные руки.

В десятом часу, когда она уходила домой, на факультете всюду ещё горел свет. Двери кабинетов были открыты. Сэнсэи любили делать так, то ли проветривая помещение, то ли почему-то ещё… Кабинеты были разными, как сами сэнсэи. Элегантный кабинет Хидэо был обставлен в западном стиле: письменный стол тёмного дерева, крытый зелёным сукном, кресло, обтянутое кожей, кремовый шёлк штор… Он сам вместе с Намико выбирал обстановку в магазинах, хотя платил за неё из лабораторных денег. Кабинет приверженца старинного стиля Сато походил на японский дом. На стульях лежали пёстрые подушечки, платки фуросики. В кабинете Такасими стояла модная металлическая мебель. Здесь все устраивались в соответствии со своими вкусами, как дома. Да университет и был их настоящим домом, где сэнсэи проводили все дни, возвращаясь в семью только на ночь. Несмотря на открытые двери сэнсэев не было видно — согласно местной моде проход перегораживал шкаф.

— Шкаф ставят для того, чтобы у хозяина было время проснуться, пока посетитель увидит его, — усмехался Шимада.

А, не поспав, как высидеть на работе двенадцать часов? Из двери Шимады валил табачный дым, а на его столе стояла, как всегда, большая кружка. Табак и кофе помогали Шимаде продержаться до десяти вечера у компьютера и не уснуть. Ведь шкафа перед входом у Шимады не было.

В автобусе все спали. Японские приличия велят долго работать и мало спать. Дома. Поэтому японцы спали в автобусах, в метро, в поездах, на лекциях, собраниях — всюду. Засыпали, едва присев. Глаза у спящих были припухшие, лица усталые. Усталое лицо — такая же неотъемлемая черта приличного японца, как белая рубашка…

Не мотай!

Любитель цветов!
Ты стал неприметно
Рабом хризантем.
Бусон

— Вы неправильно покупаете, — журила её Галя. — Они уговорились вместе пройтись по кооперативному супермаркету. Галя вызвалась научить соотечественницу японской бережливости. — Вы берёте всё подряд. Здесь так никто не делает, все ищут красные таблички сэйла, — наставляла Галя, называя английским словом "сэйл" распродажи по сниженной цене. — Вот смотрите, сегодня можно купить на десять процентов дешевле макароны, на пятнадцать майонез… Вам не нужно? Но будет нужно завтра, и Вы заплатите дороже. Вчера тут продавали чай за полцены, сегодня тот же чай идёт по полной… — Галя положила в свою тележку мясо. — У меня есть запас, но уж очень хорошо его сегодня уценили.

На специальной полке были выставлены продукты с истекающим сроком годности — сок, которому осталось жить неделю, обещавшее прокиснуть послезавтра молоко… Но основной причиной сэйлов был дефицит складских помещений. Вновь поступающий товар негде было хранить. Поэтому кроме больших, регулярных распродаж, например, одежды в конце сезона, магазины время от времени сбрасывали по дешёвке то завалявшиеся конфеты, то застоявшееся вино… Эти уценки — маленькие, случайные невозможно было предвидеть и трудно отследить, даже если понимаешь объявления по телевизору, в газетах, на афишках, брошенных в почтовый ящик. Поймать их помогало только неустанное хождение по магазинам.

— Я каждый день провожу в торговом центре часа по три, — признавалась Галя. — Экономлю на распродажах процентов пятнадцать семейного бюджета, а раньше отпетой растетёхой была, в Японии превратилась в экономную хозяйку. Здесь легко экономить, всё можно заранее рассчитать, страна упорядоченная. И дорогая. Поэтому экономить выгодно — чуть поприжал и тысяча йен в кармане!

Галина взволнованная речь свидетельствовала, что купить подешевле — в Японии наука, искусство и вид спорта, который поглощал все мысли, чувства и время здешних дам. Сэйл был поприщем, где бушевала их деловая активность. Сэйл служил неиссякаемым источником дум и разговоров, полем для творчества, для битвы за каждую йену. Это была главная здешняя доблесть и даже страсть — экономить. Японки проводили немало времени в магазинах, исследую, сравнивая, вычисляя. Иностранки, пожалуй, даже опережали японок, поскольку не тащили на себе груз местных предрассудков.

— Профессорские жёны не во всякий магазин могут войти, опасаются за репутацию мужей. Вот, например, в "Сто йен" им

путь закрыт. А в городе целая сеть таких лавчонок, где любая вещь — хозяйственная мелочь, еда — стоит сто йен.

Галя знала адреса этих лавок назубок. И посещала магазин, где раз в месяц продавали сахар вдвое дешевле, чем обычно. Там давали только по два килограмма в руки, и Галя приходила с сыном, чтобы купить четыре кило. За полгода она так поднаторела в науке распродаж, что умудрялась покупать с уценкой всё: холодильник, мебель, телевизор…

— Я хочу ещё музыкальный центр купить, — созналась Галя. — Да всё никак не дождусь, когда его уценят, ради этого каждый день в Дайе хожу. Пока что на видеокамеру напала. Мы о ней и не думали, да она по сэйлу так дёшево шла, что грех было не взять! — Со скидкой Галя покупала даже золото. — Конечно, в Питере оно дешевле. Да надо же и тут в чём-то ходить! — Галя поправляла на шее толстую золотую цепь. — И ахала у полки с кофе: — Не успела! Пропустила распродажу! Вчера уценка кончилась! — Галя горевала так, словно речь шла о чём-то серьёзном, а не о сотне йен. — Сто йен — не так уж мало, целый доллар, — обиделась Галя, протягивая кассирше вместе с деньгами бумагу с зелёным деревом.

В одной из пятнадцати клеток таблицы на листке кассирша оттиснула красную печать. И не дала Гале пластиковую сумку, в которую складывают покупки. Галя достала из кармана заранее приготовленную старую авоську и объяснила — печать означает, что магазин должен покупателю пять йен — цену сумки. Когда таблица заполнится, из стоимости покупки вычтут сто йен: семьдесят пять за сэкономленную упаковку плюс двадцать пять — премия за бережливость.

— Хотите, я попрошу у кассирши такую же бумажку для Вас? — предложила Галя.

Но она не согласилась возиться со старыми пакетами из-за крошечной суммы в сто йен, которая к тому же обещала скопиться через месяц. А японки экономией в сто йен не брезговали и протягивали кассирше бумажки с деревцами. На улице Галя остановилась возле витрины обувного магазина.

— Правда, хорошенькие туфли? Я давно их присмотрела, но платить за них двенадцать тысяч йен не хочу! Жду конца сезона, они обязательно подешевеют тысяч до четырёх.

Об экономии Галя могла говорить бесконечно, как японка.

— Почему Вы не сказали мне, что Вас интересуют сэйлы. — расстроилась Намико, — я могла бы рассказать Вам, я стараюсь вести хозяйство экономно. — Не слушая возражений, Намико потащила её в магазин. — Вот соус, например, я всегда покупаю только маленькими бутылками. Они дешевле. И автобусную

карточку беру за три тысячи йен, не за пять.

В пересчёте на килограмм соус в мелких пузырьках стоил процентов на пятнадцать дороже того, что налит в большие бутылки, а скидка на пятитысячную карточку была на пять процентов больше, чем на трёхтысячную. Но Намико этих сложных вычислений не понимала.

— Я не могу потратить сразу много денег, я планирую расходы на каждый день. — После визита в магазин, Намико, приняв приглашение на чай с пирожными, пожурила расточительную иностранку: — Зачем Вы покупаете пирожное в магазине? Это же так дорого! Я пеку сама, получается намного дешевле.

Торты здесь и впрямь стоили не меньше пяти тысяч йен — дорого даже для жены профессора с годовым доходом в сто тысяч долларов. Намико призналась, что ни разу в жизни не купила в магазине торт. И плоды гинко для соуса Намико не покупала, а собирала в парке недалеко от дома, экономя пару сотен йен. И тофу она брала со скидкой — муж её сестры содержал маленькую фабрику соевых продуктов. А чай Намико присылал брат из провинции, там он дешевле. Мандарины привозила невестка, её родители жили на юге. И на зубного врача Намико не тратилась — пользовалась услугами жены брата, а с сестрой обменивалась одеждой. Большие японские семьи йену на сторону не выпускали.

— Мы, японцы, говорим "моат-тай-най", — рассказывала Намико.

По-русски это звучало как "мотай", но по-японски было предостережением и призывом: не мотай! экономь! Намико советовала повесить в туалете полотенце и положить мыло. Здешние сливные бачки крышками не накрывались, труба, через которую набиралась вода, шла снаружи, наподобие крана, чтобы мыть руки. На унитазе было два положения сливного рычажка: большой поток и слабый. Дух экономии витал над Японией… По улицам ездил фургончик, который обменивал на туалетную бумагу связки старых журналов и газет. Их выносили из всех домов, даже из самых богатых. В вестибюле университета стояла машина, превращавшая исписанную бумагу в компактные мокрые таблетки. Их увозила каждое утро машина.

В честь дня своего рождения она угощала коллег магазинным тортом.

— О, как щедро! — прищурился Хидэо.

И улыбнулся странно — слово "щедрый" в Японии не похвала. Оно звучит здесь подозрительно, вроде "страшный мот". Здесь похвальное слово — "бережливый". И "скупой" — не ругательство. Вечером она смотрела по телевизору, как повар использует в

пищу всю рыбу, без остатка. Вырезав куски для сашими, из обрезков и головы он варил уху, а чешую жарил в масле и поливал этим соусом рис.

Риск — дело не благородное!

Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и всё же.
Исса

Японская бережливость оказалась штукой заразительной. Она стала посещать распродажи, откладывая сэкономленные денежки. Но в Москву удобнее было везти не экзотические йены, а доллары. И стоило поинтересоваться, почём их тут продают. Меняли деньги только в банках. В валютном отделе против значка доллара светилось число "100". А в день приезда в аэропорту ей дали за доллар сто десять йен. За пару месяцев валюта стабильнейшей страны укрепилась на десять процентов? Удивившись, она зашла в другой банк, в третий — курс йены везде был абсолютно одинаков. Она решила, что напала на какое-то удивительное совпадение. Но обход банков через две недели дал тот же результат — за доллар повсюду давали абсолютно одинаково, но теперь уже девяноста восемь йен. И ещё одно поразило её в своём банке "77" — на электронном табло светилось очень странное число — годовой процент по вкладам составлял 0.62. Конечно, крошечный процент — свидетельство спокойной надёжности процветающей японской экономики, но всё же…

— Да вы отдаёте свои деньги банку даром! — в университете она поделилась своим открытием с Хидэо. — Он пожал плечами — процентом он не интересовался. — Зачем держать деньги в таком банке? — не унималась она. — Может, пойти в другой?

— В другой? — Хидэо растерялся. — И тут же спохватился, заговорил строго: — Вы не можете пойти в другой! Университет платит зарплату только через один банк! Вы обязаны подчиняться нашим правилам! — И добавил неуверенно: — В другом банке, наверное, тот же процент. Скорее всего, тот же…

Хидэо вообще не очень хорошо представлял себе, что такое годовой процент. И обсуждать эту странную проблему не хотел. Его интересовали дела практические.

— Сегодня вечером я приведу к Вам сына и его жену знакомиться. Опыт общения с людьми с Запада полезен для молодых. К тому же это позволит им попрактиковаться в английском.

Высокий серьёзный юноша вошёл в её квартиру, смущаясь.

— Нацумэ — мой сын, — представил его Хидэо. — А это моя невестка Митиё. Они поженились два месяца назад.

Молодая нарядная красавица оказалась бойчее мужа. И по-английски говорила лучше. Не особенно стесняясь, Митиё сообщила, что они приехали в гости к родителям мужа из Осаки, где оба трудились в одном банке. С сотрудниками банка вполне уместно было обсудить поразившие её японские открытия — единодушный курс доллара, смехотворный процент по вкладам… Митиё тут же уступила слово мужу — тема была сложная, не женская. К тому же Нацумэ работал в отделе финансовой политики банка. С трудом подыскивая английские слова, Нацумэ говорил напряжённо, как на уроке:

— Единый обменный курс всем банкам сообщают из Токио. И процент по вкладам тоже. Да, он низок… — Нацумэ вдруг улыбнулся. — Но если бы я предложил начальству финансовый проект с высоким доходом, его отказались бы провести. Наши банки неохотно берутся за высокодоходные проекты — в них всегда больше риска, а наше руководство не любит рисковать. Оно предпочитает надёжность и мирится с малым доходом. Отсюда и низкий процент…

Хидэо молчал, прислушиваясь, и вдруг прервал сына, словно не одобрял его слова.

— Низкий процент? Это неважно. Мы, японцы, не заботимся о таких вещах. Мы не тратим зарплату полностью, а сэкономленные деньги вносим в банк. Мы с Намико тоже ежемесячно откладываем определённую сумму. К пенсии мы должны скопить немного денег на старость. — Слово "скопить" он произносил привычно, твёрдо. — Мы, японцы, всегда откладываем на чёрный день.

На этом всеяпонском тоскливом ожидании чёрного дня, наверное, и покоились несметные богатства здешних банков. Может, потому такая грусть была разлита над процветанием Японских островов?

— Японские банки — первые в мире, — читала она в газете на английском языке "Джапаниз Таймс". — Первые по количеству хранящихся в них денег, но не по эффективности.

В первой десятке самых богатых банков мира мелькали японские названия, в первой сотне самых эффективных — ни одного. Японские банки не хотели идти на риск. Они

предпочитали отдать дешёвые кредиты японским предприятиям, которые наверняка произведут продукт и получат прибыль, пусть небольшую. И японцы несли в банки деньги, соглашаясь отдавать их почти бесплатно, чтобы работала экономика их страны, привыкшей жить не спекуляциями, а своим трудом.

Озаботившись рекордным ростом йены, она стала регулярно изучать экономическую страничку "Джапаниз Таймс" в факультетской библиотеке. Зал газет был странный — подшивки, висящие на толстых палках корешками вверх, столы — наклонные, как парты, и вместо стульев низкие наклонные скамеечки, на которые читатели опирались коленями. Странным было и то, что печатала газета. Йена резко поднималась. Через месяц доллар уже можно было купить всего за девяносто йен, потом за восемьдесят с небольшим. Соответственно, её зарплата в долларах с момента приезда выросла почти на треть! В сегодняшней России это вызвало бы бурю страстей и переполох в обменных пунктах…

В валютном отделе банка было пусто. Только старичок со старушкой пересчитывали тощенькую пачку долларов, наверное, собирались в путешествие. Изумлённая, она вернулась в университет. Попробовала поговорить с коллегами. Предмет интереса не вызвал — о фантастическом росте йены не знал никто.

— Сколько стоит доллар? — Митико пожала плечами, улыбнулась.

Хидэо посмотрел презрительно, бросил на бегу:

— Мне некогда!

А Шимада вяло сказал:

— Мы, японцы, не следим за такими вещами. Изменения курса интересует только компании.

При слове "компании" Шимада показал рукой на потолок. Это означало, что деловая жизнь Японии происходит успешно, но где-то там, наверху, где ей и должно происходить. А университетским людям полагалось заниматься наукой. На финансовом же фронте им полагалось ограничиться тем, чтобы экономить, а сэкономленное нести в банк. Что они и делали, не интересуясь выгодой этого предприятия и не сомневаясь, что банк распорядится их деньгами наилучшим образом. Японские граждане доверяли родной стране.

На скачок йены не обратили внимания не только люди, но и цены. Напечатанные на упаковке типографским способом, они не шелохнулись, пока доллар, упав до отметки почти в восемьдесят йен, плавно пополз вверх. В валютных отделах банков по-прежнему было пусто. Граждане продолжали спокойно работать и

экономить, и никто не спешил сказочно увеличить своё состояние, обменяв йены на дешёвые пока доллары, а, подождав, пока они подрастут, снова превратить их в йены. Может, гражданам это просто не приходило в голову? Или они боялись риска? Но йена ползла плавно и активно путешествующие японцы могли бы, по крайней мере, запастись долларами для предстоящих поездок. Но и этого не делал никто. Японцы, кажется, считали неприличной эту возню. Они словно брезговали нечистой наживой. Это русские, потерявшие корни, оказались беззащитными перед западной заразой ростовщичества. Она собрала весь свой скудный запас йен и обменяла их на стремительно дорожающие доллары. А потом удовлетворённо следила по газете, какую выгодную операцию она провернула.

Долг благодарности

Друг мне в подарок прислал
Рису, а я его пригласил
В гости к самой луне.
Басё

Осуждай себя и не осуждай других.
Японская пословица

Лицо девочки было залито кровью. Рядом с ней металась женщина, по-английски умоляя прохожих:

— Скажите, где больница? Дочь с велосипеда упала! — Но люди проходили мимо, не проявляя никакого интереса. Женщина в отчаянии заплакала. И обратилась к ней по-русски: — Что же мне делать? — И даже не удивилась, что её поняли.

Наконец, подошёл полицейский, жестами пригласил следовать за ним. Женщина почти тащила ослепшую от крови девочку, негодуя:

— Что за люди? Никто не подошёл помочь!

У большого нового дома с зелёным крестом полицейский остановился, посмотрел им вслед, словно желая убедиться, что они идут в правильном направлении, ушёл прочь.

— И этот нас бросил! — рассердилась женщина, забыв поблагодарить полицейского.

В больнице ласковая сестричка увела девочку и очень скоро вернула с пластырем на лбу и со следами слёз на грязных щеках.

— Даже не умыли ребёнка! — возмутилась женщина. И, не слушая возражений, потащила новую знакомую к себе домой.

Они проговорили допоздна. Девочка уснула, из университета вернулся её отец — молодой новосибирский химик Саша. Он поцеловал пластырь на лбу дочери и сел с женщинами за стол.

— Говорите, на улице к вам никто не подошёл? Но никто и не должен был подойти. В Японии каждый занимается своим делом. А раненые — дело медиков или полиции. Полицейский ведь подошёл? И очень быстро? Откуда-то он взялся, хотя полиции в городе не видно. Значит, кто-то из прохожих зашёл в полицейский участок и известил. А сами прийти на помощь прохожие не могли. Японец не может сделать что-то вне правил, проявить инициативу, оказать постороннему человеку услугу, связать его долгом благодарности. Кто же станет такое делать? Японцы деликатны.

Саша считал, что и полицейский, бросивший их у больницы, сделал ровно то, что положено, — доставил пострадавшую туда, где ей могли помочь. И ни капли больше. И сестричка, что не помыла девочке лицо, точно выполнила инструкцию — обработала рану. А мыть, значит, превысить свои полномочия, связать маму долгом благодарности. Саша часто это повторял: долг благодарности. Он считал очень важным этот японский обычай: сделали тебе добро — отплати, но сам с добром не набивайся, не вешай людям на шею долг благодарности.

Саша достал с полки японский роман, прочёл, как на многолюдном храмовом празднике в толпе потерялся ребёнок. Он плакал, звал маму, но никто не обращал на него внимания, все проходили мимо, размышляя:

— Мне жаль ребёнка! Но искать мать — дело полиции. Я не должен брать на себя ответственность, чтобы не навязывать семье долг благодарности!

Роман был написан в девятьсот шестом году, у долга благодарности были старые корни.

— Японцы не плохие люди. Они другие люди. Их просто надо понять, — считал Саша. — И не судить о них поспешно.

Он взял с полки другую книгу — перед отъездом в Японию он купил много книг, чтобы понять эту странную страну. Саша читал вслух японскую сказку. Рыбачка освободила лапу обезьяны, зажатую раковиной, а обезьяна схватила её ребёнка и взобралась на высокое дерево. Крестьяне негодовали: вот она какова, обезьянья благодарность! И бросали в нахалку камнями. Но тут увидели в небе орла. Он кружил над деревом, пытаясь схватить ребёнка. Обезьяна стала раскачивать ветку и, когда орёл подлетел, отпустила её. Ветка, распрямившись, ударила птицу и

та упала замертво. А обезьяна, спустившись на землю, отдала ребёнка матери. Обезьяна давно приметила кружащего орла, а женщина, занятая сбором раковин, не обратила на него внимания. Выходит, крестьяне напрасно сердились на обезьяну, слишком поспешно осуждали, не разобравшись. А обезьяна честно исполнила долг благодарности.

Долг благодарности японцы называли "гири". Многое объяснялось в японской жизни, если знать про гири. Вот, подарки, например. Все японцы дарили друг другу подарки бесконечно, непрерывно. Открыв счёт в банке, она получила коробку салфеток, купив в магазине дорогое платье — кактус. Это были подарки — благодарности.

— Здесь есть такой праздник — день благодарности за труд, — рассказывала жена Саши. — В конце ноября начальники дарят подчинённым подарки в благодарность за работу. Нас в Шимин-центре тоже благодарили за то, что мы учим японский язык. Учительницы принесли подарки: в каждом японском доме скапливается масса подаренных кем-то ненужных вещей. На сцене разложили коробки с мылом, чаем, нори, чашками и полотенцами — обычные японские подарки. И ученики выбирали, кому что нравится.

— Кроме подарка — благодарности здесь существуют и подарки — извинения, — вступил Саша. — Рабочие, начиная красить фасад нашего дома, разносили жильцам коробки с мылом, чтобы простили за беспокойство. Хозяин тоже исполнял гири, благодарил за терпение.

С гири становилось понятно многое. Вот приглашения в гости… Они чётко соблюдали баланс. Визит Хидэо в Россию обернулся её поездкой в Японию, русский обед, который она приготовила для китайской семьи, доктор Чен завершил приглашением к себе… Первый шаг всегда делала она. Но в ответ неизменно получала приглашение — японское гири работало безотказно. Это раньше японцы не любили пускать домой посторонних, потому что стеснялись своих тесных жилищ. Но теперь таких домов, как у её университетских друзей, стыдиться не стоило. А вот Танака зайти к ней отказалась. Потому что жила в бедном доме, куда неудобно приглашать гостей. И не хотела, чтобы на ней повис неоплаченный долг благодарности. С гири становилась понятнее японская жизнь. И холоднее. В России благодарность понимали как-то иначе, без долга. И в гости шли, радуясь встрече с друзьями, а не горюя по поводу нависшего долга. Русскому приятно посидеть с другом, японцу — сэкономить на его отсутствии. Здесь честно платили по долгам, но избегали вешать себе на шею новые долги, обременительные

для кошелька. И длящейся годами дружбы с частыми походами в гости друг к другу избегали.

В автобусе не было свободных мест. Женщина с грудничком стояла, вцепившись в поручень. Маленькая чёрная головка моталась за её спиной. А здоровенный молодой мужик, сидящий рядом, равнодушно на всё это взирал. По-русски кто он? Хам. А по-японски? Деликатный человек. Потому что не вешает на молодую маму, кроме ребёнка, ещё и долг благодарности, который она не сможет оплатить, потому что видит детину в первый и последний раз. А неоплаченный долг благодарности — несмываемое пятно на репутации. Ведь японское "спасибо" — "аригато" можно понять и так — Вы поставили меня в трудное положение, связали долгом благодарности. И потому японцы делать друг другу лишнее добро избегали — места в транспорте не уступали, не рассказывали, где купить туфли большого размера… Но осуждать их не стоило. Их надо было понять. Или просто принять. И научиться с ними жить. Потому что жить ей здесь предстояло целый год.

Глава V. Времена года — весна и лето

Ей только девять дней.
Но знают и поля и горы:
Весна опять пришла.
Басё

Любование сакурой (Лепёшка важнее цветов)

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.
Исса

Лепёшка важнее цветов вишни.
Японская пословица

Сакура цветёт недолго. И места в университетском парке немного. А праздник любования цветущей сакурой должны успеть устроить все. Конечно, факультеты заранее составляют график, чтобы не было толчеи. Но всё равно, чтобы занять хорошее место для своей лаборатории, прийти надо рано. В семь утра Миура припарковал свою Хонду у ворот парка, достал из багажника спортивную сумку и синюю пластмассовую циновку. Большая циновка — первая вещь, купленная сэнсэем Кобаяси для своей новой лаборатории. Потому что циновка вроде общего стола, без которого немыслим дом. Каждая лаборатория имела такую циновку. В парке было пусто, только возле молодых вишнёвых деревьев спал на синей подстилке такой же, как Миура, избранник. Должно быть, он был совсем неопытный — пришёл самым первым, а устроился под тонкими деревцами с редкими розовыми цветами. Миура никогда бы так не поступил. Он выбрал старое вишнёвое дерево. Цветы густо покрывали его узловатые тёмные ветки. Розовые лепестки падали на большой чёрный камень, покрытый иероглифами, — напоминание об истории университета. На камне приятно будет остановить взгляд. И вид отсюда, с края холма, открывался красивый — город, река. Миура был доволен. Он выбрал хорошее место, всё сделал правильно, не

поленился, не проспал. Потому коллектив и поручил ему такую важную работу, что он, Миура — самый старший и опытный среди студентов. Через год он закончит мастер-курс, получит диплом и покинет университет.

Миура расстелил циновку, положил на углы тяжёлые двухлитровые бутылки кока-колы, чтобы утренний ветерок не сдувал лёгкое покрывало.

Можно было бы, конечно, положить камешки, но Миура даже не стал их искать, потому что знал — ни камней, ни палок в парке быть не может. Даже если бы их и занесло сюда как-нибудь, их немедленно бы убрали. Потому он и положил на углы бутылки. Миура снял кроссовки, поставил их на траву строго параллельно друг другу — так научила его мать, прошёл в новых белых носах по синему пластику. Остальные придут гораздо позже, а, значит, у него есть время поспать. Миура лёг на спину и стал смотреть в высокое весеннее небо. Двадцать пятое апреля. Здесь, на севере Хонсю холодно, в Токио сакура зацветает уже в начале месяца. Старший брат Миуры учился раньше в Токийском университете. Поступить туда было трудно, мать нанимала репетиторов, устраивала старшего брата на платные курсы. Пока он учился в университете, мать каждый месяц отправляла ему по сто тридцать тысяч йен — в Токио иначе не прожить. За обучение родители платили отдельно. Обучение в Токио стоит дорого, зато после токийского университета можно найти хорошую работу. Самую лучшую. Так и вышло. В прошлом году старший брат окончил университет и получил место в Хитачи. Хитачи — компания большая, богатая. Теперь старший брат обеспечен на всю жизнь. А он, Миура в Токийский университет не попал.

Миура ещё учился в школе, когда отца вызвал управляющий фирмы и сказал, что его большой опыт очень нужен, чтобы улучшить работу маленького филиала компании на юге. Отцу пришлось уехать в провинцию. Отцу ещё повезло, многих его ровесников просто отправили на пенсию, даже тех, кому исполнилось сорок пять. А отцу уже за пятьдесят. Теперь он редко бывал дома, несколько раз в год. Когда Миура заканчивал школу, отец долго подсчитывал что-то на калькуляторе, а потом объявил, что Миура, конечно, тоже может поступать в токийский университет, как старший брат. Но голос у него был не очень уверенный. А мать сказала, что зарплата у отца теперь стала меньше. И что жизнь дорожает, и денег едва хватает на учёбу старшего брата. И тогда Миура сказал, что если прилежно учиться, то можно найти хорошую работу и после здешнего университета. Потому что он хоть и провинциальный, но бывший императорский, с хорошей репутацией. Родители быстро

согласились. Отец подсчитал, сколько сможет сэкономить семья на плате за обучение — в провинциальном университете оно дешевле. И поступить сюда легче, не надо тратиться на репетиторов и на жильё — Миура сможет жить дома, а не снимать квартиру, как старший брат. А деньги пригодятся, чтобы купить Миуре машину. Так всё и вышло. Теперь Миура ездил на своей машине. Хорошо, что он не уехал учиться в Токио. В Токио пришлось бы подрабатывать. Старший брат, чтобы иметь побольше карманных денег, работал учителем физики в школе в пригороде. В Токио многие студенты подрабатывают. Да и в их городе тоже. Но он, Миура, в этом не нуждается. Он предпочитает тратить время на учёбу. Миура хорошо учится, так хорошо, что сэнсэй предложил ему поступать в аспирантуру. Но стипендия в аспирантуре всего сто тысяч йен. Для жизни этого недостаточно. Да и дают стипендию в долг. Долг придётся вернуть, когда станешь работать. Конечно, из своего кармана никто не платит, университету переводит деньги фирма, принимающая выпускника на работу. Но найти такую фирму становится всё труднее. Теперь трудные времена.

Иностранным аспирантам легче — они не возвращают долг. Японское правительство платит им просто так. И стипендия у них больше, двести тысяч. Иначе им не прожить. Иностранцы бедные. Теперь в аспирантуре много иностранцев, всё больше китайцы. И русские появились. Потому что японцы не хотят идти в аспирантуру. Идут только те, у кого богатые родители. Но Миура не хочет есть ноги родителей — принимать их помощь ещё в течение трёх лет. Да и потом, когда он станет доктором наук, для него вряд ли найдётся место в хорошей компании. Теперь кризис и компании предпочитают набирать людей с дипломом инженера или даже бакалавра, потому что таким можно меньше платить. Выпускнику аспирантуры скорее всего придётся остаться в университете на маленькой должности с маленькой зарплатой. В университете платят мало даже профессору. Его отцу в провинции компания платит гораздо больше, чем сэнсэю Кобаяси — отец ездит на новой дорогой машине, а сэнсэй на дешёвой и очень старой. У Миуры и то машина лучше. Миура отказался поступать в аспирантуру. Он решил пойти работать на фирму. Репутация лучшего студента на курсе прочно утвердилась за ним, и сэнсэй Кобаяси уже не раз сообщал об этом представителям фирм, а значит, хорошая работа ему обеспечена. Конечно, не в такой крупной компании, как Хитачи, — туда выпускнику провинциального университета не попасть, но всё же в приличном месте. А русская, что работает теперь в их лаборатории, уговаривала его поступать в аспирантуру, потому

что он очень способный. И не понимала, почему он не хочет есть ноги родителей? И всё удивлялась, при чём тут ноги? Сэнсэю Шимаде пришлось объяснить ей, что в Японии так говорят о тех, кто живёт за счёт родителей. А русская говорила, что в России на этот случай существует другое выражение: "Дети сидят на шее родителей". При чём тут шея?

Миура лежал на спине и смотрел в весеннее синее небо. Он думал, что не так уж плохо учиться в провинции. А в Токио университет большой, парк маленький, и старшему брату приходилось вставать в два часа ночи, чтобы занять место для своей лаборатории, и пить сакэ, чтобы не замёрзнуть. Миура не любил сакэ. Он поднялся, достал из сумки банку пива, открыл. Пиво было куплено из общих денег, но тому, кто занимает место, полагалось побаловать себя лишней банкой. Миура любил пиво. А его отец пил много сакэ, когда бывал дома. А когда он уезжал, мать тоже пила. Миура часто чувствовал запах сакэ, когда мать подавала ему ужин. Мать целыми днями сидит в пустом доме. А скоро останется совсем одна, Миура уедет. В их городе плохо с работой, одни университеты. Краем глаза Миура увидел, что парень расстелил синюю циновку совсем рядом с ним и лёг спать.

— Должно быть, в парке осталось совсем мало места, — подумал Миура и уснул.

Он проснулся оттого, что разогрелся на солнце в своей тёплой куртке. Дул тёплый ветер с океана. Значит, пришла настоящая весна. Пахло весенним лесом. Розовые лепестки сакуры падали на синюю подстилку. Миура расстегнул куртку, посмотрел на часы — скоро одиннадцать. Студенты из его лаборатории теперь отправились по магазинам, чтобы купить закуску из складчины. Обычно загружали полностью багажники двух машин, хотя скидывались понемногу, по тысяче йен. И сэнсэй кое-что добавлял из лабораторного фонда. Пиво купили вчера — теперь оно охлаждалось в лабораторном холодильнике, кроме тех нескольких банок, что Миура прихватил с собой. Овощами и мясом тоже запаслись заранее — студент Чанг обещал сварить корейский суп. Теперь он, наверное, готовит его на плите в студенческом зале, а все остальные ему помогают. В лаборатории все теперь работают. А он может отдыхать. Миура достал ещё одну банку пива.

Когда прибыла лаборатория, нос у Миуры был красным от загара. Чанг поставил в центре циновки походную газовую печку — корейский суп надо есть горячим. Митико Фудзивара и доктор Чен наполнили белые пластмассовые миски зелёными бобами, порезали свежие огурцы и редьку, выложили на циновку пакеты с желтоватыми лохмотьями копчёного осьминога, фисташками,

картофельными чипсами, солёным рисовым печеньем. Кубота вывалил на циновку запотевшие в холодильнике банки с пивом. Миура вылавливал из супа палочками китайскую капусту и ломтики жирной свинины, прихлёбывал обжигающую жижу через край. Ему нравился корейский суп с огненным соусом Табаско! А русская сказала, что если бы не этот соус, корейский суп вполне сошёл бы за русские щи. Это же невозможно выговорить — "щи"!

В парке было полно народу. Соседи слева ели сущи, соседи справа — гамбургеры из Макдональдса. Миура подумал, что у них еда лучше всех — корейский суп — и попросил у Чанга добавки.

— Мне сказали, что сакура расцветёт пятнадцатого апреля, и она действительно расцвела пятнадцатого! — удивлялась русская.

Но ничего удивительного в этом не было, в здешних местах сакура всегда распускалась пятнадцатого. И праздник был обычный, как всегда. Соседи включили магнитофон, и две женщины, наверное, секретари, стали танцевать японский танец на полоске травы между циновками. Студенты доели суп и всё остальное и стали убирать мусор. Миура помог Фудзиваре сложить грязные миски в один мешок, пустые пивные банки — в другой. А русская всё спрашивала:

— Почему праздник называется "любование цветущей сакурой". Где же любование? Ведь на цветы никто даже не посмотрел!

Сэнсэй Шимада долго молчал, как будто не знал, что ей отвечать, а потом сказал:

— Да вообще-то никакого любования нет, просто пьянка. Здесь ещё прилично, здесь университет, а посмотрели бы Вы, что делается в городских парках в Токио!

А русская стала говорить, что ей нравится обедать вот так, всем вместе, под цветущими деревьями. Даже если название не вполне соответствует тому, что происходит.

День мальчиков (Японский чай с французскими пирожными)

Майский дождь бесконечный.
Мальвы куда-то тянутся,
Ищут дорогу солнца.
Басё

Разноцветные бумажные карпы полоскались на весеннем

ветру. Пятое мая, День мальчиков. Карпов прикрепили на высоких шестах над крышами те, в чьём доме мальчики — родители желали сыновьям, чтобы они росли большими и отважными, как эти рыбы. Фусума были раздвинуты, и весенний ветер свободно гулял по дому, раздувая тонкий нейлон штор. Запах нового дерева поднимался от светлого паркета, смешивался с весенним духом ближнего леса. Митиё поудобнее устроилась на освещённом солнцем диване. Начало мая — сплошные праздники, целая неделя отдыха — Золотая неделя. Она, Митиё, проведёт её в доме свёкра, так решили на свадьбе родители молодых: в Золотую неделю Митиё и Нацумэ навестят семью жениха, а на Новый год поедут к родителям невесты. Хотя сама Митиё предпочла бы отправиться за границу, в Австралию или в Париж, как её подруги. Митиё смотрела на бумажных карпов, раскрашенных красными, зелёными, фиолетовыми зигзагами. Сколько мальчиков в доме, столько карпов над крышей. Митиё тоже хотела иметь двух мальчиков, как у соседей. Сама Митиё — единственный ребёнок в семье. И Нацумэ тоже. И многие подруги Митиё выросли без братьев и сестёр. После войны люди жили бедно и не могли завести второго ребёнка. А они с Нацумэ смогут себе это позволить, но попозже, когда скопят побольше денег. Дети — это дорого. Надо подождать. Время есть, ей, Митиё, всего двадцать семь лет. Теперь все начинают думать о детях годам к тридцати.

На кухне хлопотала свекровь. В доме ждали русскую гостью. Свёкор уехал за ней. Ничего не скажешь, Кобаяси-сан добился успеха — в его лаборатории работали иностранные сотрудники! Митиё прислушалась к стуку посуды на кухне. Конечно, обязанность свекрови — обслуживать её и Нацумэ. Но Митиё не хотелось, чтобы свекровь считала её лентяйкой. Митиё нехотя встала с дивана, прошла на кухню. Свекровь обрадовалась, принялась учить Митиё готовить праздничный суп. Митиё не хотела бы жить вместе со свекровью. Теперь все молодые стремятся жить отдельно от родителей. И свекровь не хочет жить с сыном. Даже потом, в старости, когда Кобаяси-сан уйдёт на пенсию.

В дверь позвонили. Кобаяси-сан привёз гостью — профессора из России. Немолодая уже женщина, как мама Митиё, а юбка на ней короткая. Митиё раньше тоже носила такие юбки, даже ещё короче! Но теперь она замужняя женщина и юбку до колен ни за что не наденет. И красную блузку, как у этой иностранки, тоже. А её мама — тем более. Свекровь убежала на кухню, а русская, усевшись в кресле, стала спрашивать свёкра:

— Почему Золотую неделю японцы называют по-английски —

Голден Уик?

Митиё никогда не задумывалась — почему? Просто выговорить по-японски "Золотая Неделя" не просто даже японцу. Свёкор так и объяснил любопытной иностранке. Она задавала слишком много вопросов. Японские женщины никогда не делают так. Это неприлично. Митиё позволяла себе открыть рот только если её спрашивали. И отвечала коротко, как положено воспитанной японской девушке.

Свекровь накрыла высокий стол белой скатертью, достала из шкафа английские тарелки, принесла из кухни рис, мисо-суп и английские бифштексы. Вместо палочек положила вилки и ножи, вместо плоских глиняных чашечек для сакэ поставила хрустальные бокалы. Вместо сакэ подала французское вино. Его взялся разливать сам Кобаяси-сан. Обычно в японском доме это делает женщина, но свёкор — профессор западного стиля. Он спит на кровати, моется в длинной ванне, в которой лежат, как на западе, а не сидят, как в офуре. Свекровь суетилась, напевая, свёкор улыбался и говорил, что в этом году к нему пришло счастье — он стал профессором, купил дом, женил сына… Быстро хмелея от непривычного вина, Митиё думала, что когда-нибудь и они с Нацумэ добьются такого же счастья, если будут прилежно трудиться, экономить и слушаться начальников. Гостья тоже говорила о счастье, но как-то странно:

— Иногда счастье приходит неожиданно, вдруг…

И слова она употребляла странные: талант, любовь, удача…

Кобаяси-сан с ней не соглашался:

— Японское счастье вдруг прийти не может. Оно медленное и постепенное, как восхождение к вершине горы. Я шёл к своему счастью шаг за шагом, всю жизнь.

Русская улыбнулась.

— Я поняла рецепт японского счастья…

И стала рассказывать сказку про соломинку, которую бедный юноша из Киото получил в подарок от богини Каннон. Он привязал к соломинке пчелу и отдал сыну знатной дамы для развлечения. И получил от неё в подарок три апельсина. Их он преподнёс другой даме, спасая её от жажды в пути. А та наградила его шёлком, который юноша отдал в уплату за коня. Обменяв коня на рисовое поле, он зажил счастливо и богато. Митиё не знала такой сказки, хотя сказка была японская. Митиё слушала не очень внимательно. Долго слушать английскую речь трудно. Слушать русскую вообще утомительно. Она слишком много говорит. Почти столько же, сколько Кобаяси-сан. Это совершенно недопустимо! Ведь Кобаяси-сан — старший в доме, мужчина.

Свекровь подала зелёный японский чай с французскими пирожными. А потом предложила всем отдохнуть в гостиной на татами. Митиё нехотя оставила высокий стул и опустилась коленями на подушку. И тут же почувствовала, как заломило ноги. Сидеть по-японски ей приходилось редко. В школе, в университете, на работе, да и дома у них с Нацумэ были стулья. Свекровь положила на низкий столик большой альбом с фотографиями, сделанными на свадьбе Нацумэ и Митиё. Свекровь очень гордилась, что церемонию устроили в отеле, специально приспособленном для свадеб. В таком отеле есть всё, что нужно: церковь для венчания, ресторан, комнаты для переодевания… Такие комнаты необходимы. Сначала её и Нацумэ одели в свадебные кимоно. Надеть его не так-то просто. Сама Митиё ни за что бы не справилась. Ей помогали специально обученные женщины, служащие в отеле. А парик с высокой причёской ей надел парикмахер.

В красно-золотом свадебном кимоно, с гребнем в волосах Митиё выглядела настоящей японской красавицей. Снимок, сделанный профессиональным фотографом, был как картина — большой, твёрдый, в тиснёных корочках. В альбоме были и любительские фотографии, их делал Кобаяси-сан. Свекровь перелистывала страницы. Вот молодые дарят цветы родителям, благодарят их за воспитание. А вот они по очереди отхлёбывают из плоской глиняной чашечки по десять глотков сакэ — так положено по древнему свадебному обряду шинто. А вот их венчает католический священник. Свёкру не нравилась церковь при отеле, он называл её Диснейлэндом и говорил, что настоящих служб там не бывает, только венчания. Перед венчанием Митиё переодели в белое платье и причесали, как на западе. А Нацумэ сменил серое свадебное кимоно на фрак. После христианского венчания был обед в ресторане. Гости сидели за столиками по четверо, а молодые и их родители — за длинным столом на возвышении.

— Это похоже на президиум собрания! — улыбнулась русская, разглядывая фотографию.

Митиё не поняла, что это означает — "президиум". И удивилась вопросу:

— А где же веселье, танцы, молодёжь?

Иностранка задавала странные вопросы. И непонятно было, что ей отвечать? Хорошо, что Кобаяси-сан помог:

— Свадьба в Японии — семейная церемония!

Для свадебного обеда Митиё переодели в розовое платье с открытыми плечами, как у женщин с тех картин, что они с Нацумэ видели в музее в Лондоне, куда ездили на Золотую

неделю в прошлом году. На фотографии Митиё и Нацумэ разрезали огромный, высокий торт, держась вместе за ручку ножа — так принято на западных свадьбах.

— Три платья в один день? — удивилась русская.

В её стране невесте полагался всего один наряд. Его покупали, а потом хранили. Зачем покупать платье ради нескольких часов? Свадебные наряды очень дороги. Одежду для Митиё и Нацумэ брали напрокат в том же отеле. И одежду родителям. Матери молодых, как положено на свадьбе, оделись в чёрные кимоно с косой полосой ярких цветов спереди по подолу, а отцы, да и другие мужчины — во фраки. Сколько же денег пришлось бы потратить, если всё это покупать! Свадьба и так обошлась недёшево. Родители Нацумэ уплатили в отеле два миллиона йен. Двадцать тысяч — свекровь назвала иностранке цену в долларах и объяснила, что эту огромную сумму они с мужем собирали заранее, откладывали деньги много лет. А свёкор ворчал, что всё это — бессмысленная трата, но ничего не поделаешь, так принято теперь праздновать свадьбу в том кругу, к которому принадлежит его сын и он савм. Родители Нацумэ оплатили свадьбу, а родители Митиё купили мебель и всё, что надо молодым для дома. И ещё родителям пришлось покупать билеты для своих родственников, которые приезжали на свадьбу из разных городов, и тратиться на подарки гостям — дорогие чашки специального обжига. Свадьба — дело родителей. И расходы должны оплатить они. У молодых денег нет. Быстро прошла свадьба, вся церемония длилась не больше трёх часов. И теперь она, Митиё, замужняя женщина…

Кобаяси-сан предложил всем прогуляться.

— Так удачно, что рядом с нашим домом есть парк!

Парком он называл несколько тонких прутиков, насаженных по краю террасы, вырезанной бульдозером на склоне горы. Отсюда открывался красивый вид на город и океан. У ограды над обрывом лежал большой чёрный камень. На его гладко отшлифованной поверхности была высечена карта того, что виднелось внизу — морское побережье с выступом мыса, полоска дороги… Пожилой мужчина играл с мальчиком на детской площадке.

— Скоро и Вы будете гулять тут с внуком! — сказала русская свёкру.

Он нахмурился.

— Это потом, потом!

Свёкор усадил гостью в свою машину, чтобы отвезти её домой, а Митиё со свекровью вышли на крыльцо их проводить и долго по японскому обычаю махали руками вслед. А потом вместе

пошли на кухню мыть посуду.

Сезон дождей

Намокший идёт под дождём.
Но песни достоин и этот путник,
Не только хаги в цвету.
Басё

Она побаивалась — это точно. Но ведь все пугали:

— Сезон дождей — это так неприятно!

Намико морщилась.

— Сезон дождей — это ужасно! Хорошо, что мы с Хидэо как раз в это время улетаем в Европу!

С опаской поджидая обещанного бедствия, она наслаждалась по-летнему тёплым, сухим маем. В середине июня пошли дожди. Лило, как из ведра.

— Нет, это ещё не сезон дождей, — отмахивались японцы. — Когда он начнётся, об этом будет объявлено официально.

По всему городу запестрели зонтики, магазины выставили на видное место длинные полки, битком набитые зонтами всех мастей: от простенького сооружения из полиэтиленовой плёнки за триста йен до шёлкового чуда с полированной деревянной ручкой за двадцать, тридцать тысяч. Целые букеты зонтиков украсили входы магазинов, контор, церквей, больниц. Хозяева бесстрашно оставляли свои мокрые зонты в решётчатых стойках у дверей. И, случалось, там их забывали или просто бросали по старости. Для бесхозных зонтиков завели специальные коробки, ведёрки, корзины… И если дождь неожиданно накрывал горожанина, тот мог взять зонт у ближайшего магазина и пойти с ним, куда требуется. А потом бросить этот ничейный, городской, общественный предмет в коробке у другого магазина. Или у ресторана. Первого попавшегося. Чтобы кто-то другой мог им воспользоваться при случае. Горожане обращались с зонтиками вольно, не желая обременять себя заботами о столь дешёвой вещи. А вот клиенты богатых магазинов забирали свои дорогие зонты в торговый зал, вкладывая их в полиэтиленовые чулки, развешенные при входе, чтобы вода не намочила роскошные ковры. Международный центр принимал зонты в гардероб, запирал стойки с зонтами на замки и выдавал посетителям ключ от ячейки, как на западе. Здесь общались больше с иностранцами

и на японскую честность не рассчитывали. Японский город заботился о своих разнообразных горожанах, как дом родной. А в остальном всё очень походило на московское лето — то дождь, то солнце.

И вдруг посреди этой канители японцы объявили:

— Началось! Пришёл сезон дождей!

Честно, она не уловила разницы. Но раз объявлено официально… Она купила новый зонт и стала ждать, когда начнутся ужасы. В июле дожди сменились туманами, осыпающимися мелкой водяной пылью. Мучил не дождь, а эта всепроникающая сырость, от которой не было спасенья. Помаленьку отсырело всё: одежда, простыни, одеяла… Дома мокрыми пузырями вздулись обои на раздвижных дверях, в университете вязла в принтере влажная бумага. В сезон дождей стало ясно, что отдельный пакетик для каждого пряничка, да ещё с вложенным внутрь кулёчком с порошком, впитывающим влагу, — не излишество изысканной японской упаковки, а суровая необходимость — без такой обёртки печенье размокало за несколько минут. Кульки с надписью "несъедобно", вложенные всюду, где должно быть сухо, — в печенье, в водоросли, в кофе — она не выбрасывала больше на помойку, а бережно хранила. В солонку пришлось насыпать зёрна риса, иначе там начинала хлюпать мокрая кашица. Она обзавелась и чайницей с двойной плотно притёртой крышкой — сей предмет, неизбежный в каждом японском доме, не казался больше причудой эстета, он позволял спасти от плесени чай. Однажды вечером заныло повреждённое давным-давно и много лет не напоминавшее о себе колено. Пришлось надеть шерстяные носки. В июле. И всё-таки это ещё был не кошмар.

В ту ночь ей снилась река и палатка на берегу. Она не сразу различила границу между сном и явью, потому что наяву продолжалось то же самое — запах воды, зелень близкого травяного пола и холодное прикосновение отсыревшего спального мешка, то есть футонга. Порыв ветра нанёс в приоткрытую балконную дверь водяную пыль — не то дождь, не то туман. Она проснулась окончательно, почувствовала, что в доме у неё неладно. Листок, приколотый к стене, намок, телефонные номера расплылись до нечитаемости. Сам телефон покрылся каплями, словно его искупали. Квартиру заволакивала белая сырая пелена. Она бросилась задвигать балконную дверь. Отяжелевшая от сырости штора колыхнулась, распространяя по комнате запах прели. В складках ткани открылись отвратительные сизые пятна. Татами под шторой было чёрным. И под низким столиком лежали какие-то тёмные мохнатые хлопья.

Откуда в доме взялось вдруг столько пыли? Убрать всё это пылесосом нечего было и пробовать — сырая пыль мгновенно забила бы фильтр. Она взяла в руки тряпку. Сухую. Татами всё-таки, трава. Через минуту тряпка покрылась вонючей чёрно-зелёной грязью. Плесень! Знаменитая японская плесень! Долгожданная. Вот она, пришла!

Она ринулась обследовать размеры бедствия. Циновки в обеих комнатах цвели полянками: в углах, под столами и стульями, под гладильной доской — под любой малостью, заслонявшей солнце. Цветение было обильным и пышным. Она прозевала его начало, и её невежество, помноженное на любовь к открытым окнам, обернулось диким буйством плесени. Ей стало страшно — она сгноила нежные соломенные циновки! Не уберегла! Чуть не плача, она отмывала чёрно-зелёный вязкий налёт уже мокрой, щедро намыленной тряпкой, проклиная умника, додумавшегося в сырой стране покрыть полы травой. Почерневшая от плесени штора полетела в стиральную машину… Щедро сыпался стиральный порошок, бешено выла центрифуга, тщась отжать огромный тяжёлый ком хоть до какой-то сухости. Татами понемногу возвращали свой зелёный цвет. Но запах сырого погреба не исчезал. Он шёл из платяного шкафа. Замирая от ужаса, она обнаруживала там одну потраву за другой — плесень устрашающе заползла на рукав кожаной куртки, в складки сумки… Даже на шерстяной юбке нашлись рыжие островки. Рыжина происходила, должно быть, от особой породы грибка, выращенного шерстью. Грибы ведь бывают разные: маслята, рыжики…

Самый густой, самый едкий запах источала полка с документами. Там в едва прикрытом пластмассовом пакете лежали паспорт и диплом доктора наук в кожаной корочке. Корочка была коричневой, красивой, солидной. Изначально. Теперь на ней гнездилось нечто грязно-пятнистое, севшее круглыми стайками, как опята. Видно, корочки были сдобрены чем-то особо плодородным, потому что пышность цветения была беспримерной. К счастью, содержательная начинка просто вкладывалась внутрь. Будь она приклеена, бумаге плохо пришлось бы от грибного соседства. А диплом, как известно, не восстанавливается. Японский сезон дождей чуть было не лишил её докторской степени! Она достала пузырёк с московской валерьянкой. Из бутылочки пахнуло перекисшими дрожжами: жёлтые когда-то таблетки стали сизыми. Она рухнула на стул, сдавшаяся, побеждённая…

Несмотря на прокисшую от сырости оболочку, валерьянка подействовала. А тут как раз выглянуло солнце. Она потащила на

балкон всё, что успела отмыть от вонючей слизи. Через минуту крошечный балкончик стал похож на барахолку. И соседские балконы были не лучше. Видно, не одна она воевала с плесенью нынешним утром. Весь квартал, расцвеченный перинами и подушками, напоминал цыганский табор — город расторопно ловил солнце. С улицы тянуло керосиновым чадом — люди включали обогреватели, хотя на улице было двадцать пять. Наверное, это утро было разгаром сезона дождей, его истинным воплощением. Она подсушила платье утюгом, с трудом отмыла позеленевшие от татами ступни. Пора было собираться на работу. В прихожей ждали новые сюрпризы. Чёрные туфли, пару дней пролежавшие без употребления, покрылись белесыми разводами. Недоумевая, где удалось их так измазать, когда кругом асфальт, она пригляделась получше — от непросохших подмёток расползалась вверх по коже плесень. Но если новенькие туфли так зацвели, что же творилось с ношеными? Ревизия обувного шкафа показала — ничего хорошего. Из-под набоек на каблуках плесень свисала пышной бахромой. Она надела босоножки, которые носила последние дни. Они не вполне просохли за ночь, но выглядели лучше других. Ноги скользнули, как по льду, верх отслоился от подмёток, открывая забравшуюся внутрь зелёную прослойку плесени. С тоской поглядев на французское клеймо, она швырнула босоножки в мешок для мусора. Она отмыла от плесени туфли, поставила их на крышку разогнанного на полную катушку обогревателя — придётся сушить обувь на печке, чтобы не завелись грибы.

Теперь она знала, что за запах преследовал её с тех пор, как она приехала в Японию! Улица пахла плесенью. Лёгкий запах плесени пропитывал маленькие магазинчики, ресторанчики, жилые кварталы — все Японские острова. Плесень нашла питательную среду даже на бетонных стенах университета, пророла чёрными пятнами. Уборщица мыла стены, округло проводя тряпкой там, где доставала рука. Женщина была небольшого роста, и под потолком оставались некрасивые серые разводы.

— На Тихоокеанском побережье Японии гораздо больше солнечных дней, чем на побережье Японского моря, — встретил её Хидэо.

А она от всей души пожалела бедняг, которым жилось ещё хуже. Преимущества Тихоокеанского побережья — это всё, что знали университетские мужчины о проблемах сезона дождей. Пришлось идти в Шимин-центр к женщинам. Они велели купить для шкафов гранулы, впитывающие влагу, для татами — специальную жидкость на основе сакэ — оно убивает плесневые

грибки. Алкоголь — страшная сила! И возможности его безграничны.

— И проветривайте! Перетряхивайте! Пылесосьте! Каждый день! Это сушит! — советовали дамы.

Так вот почему в последнее время дом прямо гудел от пылесосов! Вот почему японки на крошечных пространствах своих жилищ умудрялись работать целый день! Поди сохрани среди целого океана сырости пухлые футонги, нежные татами! Эта страна всё устраивала так, чтобы гражданам приходилось усердно трудиться. Тут если не трудиться, получишь дома грибные полянки. Плесенью порастёшь.

Вечером она, завернув в хозяйственный магазин, бодро вошла в квартиру, вооружённая до зубов. Напичкала шкафы гранулами, протёрла татами раствором. Вдыхая странный запах рисовой водки с грибной закуской, воцарившийся в квартире, она постояла среди комнаты, раздумывая, не сполоснуть ли в сакэ и кожаную куртку, а, может, заодно и докторский диплом? На душе у неё повеселело. Ну, сыро. И что? Что страшного в плесени, несущей в дом запах грибного леса? Она переставила настольную лампу с пола, где ей полагалось освещать читаемую на ночь книгу, на низенький столик. По зелени татами рыжим кольцом расползалась ржавчина. Откуда? Лампа сплошь пластмассовая! Но сырость нашла тонюсенький железный ободок на подставке. И под железным стулом оказалась ржавчина — с ножки крошечной чешуйкой откололась краска. А пятно осталось нешуточное. Ну и мерзкое же это время — сезон дождей!

Лето по расписанию (Сэнсэю не положено!)

Некуда воду из чана
Выплеснуть мне теперь…
Всюду поют цикады!
Оницура

— Двадцать пятого июля дожди прекратятся! — пообещали японцы. — И точно, как обрезало. — Первая неделя после сезона дождей всегда самая жаркая.

И, как по писаному, двадцать шестого грянуло тридцать, двадцать седьмого ртутный столбик выполз ещё выше и кисло провис около тридцати трёх. В этой странной стране всё подчинялось расписанию. Даже погода.

— Вы собираетесь поехать на конференцию на Кюсю? Когда она начинается? — спросил Хидэо.

Она ответила небрежно:

— В двадцатых числах августа…

Брови Хидэо взметнулись удивлённо.

— Что значит в двадцатых числах? Вы должны знать дату точно! Вы должны планировать свою жизнь! И точно следовать плану. Вот, смотрите!

Хидэо открыл свой толстый ежедневник.

— У меня всё распланировано на несколько месяцев вперёд!

Страница под названием "декабрь" была густо исписана. Сэнсэй заранее знал даты собраний, заседаний, день своей поездки в Англию, время вылета и название гостиницы, где он остановится. Да, в Японии можно в июле распланировать жизнь на декабрь. Тут всё приходит, когда положено: цветенье сакуры, жара, зарплата… Хидэо точно знал, когда пойдут дожди и сколько денег будет на его счету через десять лет. Бедному Хидэо, избалованному своим разлинованным миром, весь остальной неяпонский мир, должно быть, казался хаосом. Он, приученный к расписанию, пропал бы в этом мире… И наверняка не выжил бы в России, где дожди лились, когда попало, и мало кто знал, на что он будет жить завтра. Что сделал бы Хидэо, потеряй он в одночасье, как русские в начале девяностых, все деньги в банке? Как стал бы он планировать свою жизнь, если бы ему, как русским, по году не платили зарплату? Или платили бы такие крохи, на которые нельзя прожить? Что сделал бы он? Выбросил ежедневник? Или выбросился сам?

— Учитесь у меня! — Хидэо улыбался покровительственно.

— После сезона дождей у нас начинается лето! — сказали японцы.

Собственно, летом здесь называли только конец июля и август. А всё, что до того, вроде как и не лето вовсе. Сезон дождей, понятное дело, летом не назовёшь, хуже зимы. Но и первая половина июня — сухая, солнечная — здесь тоже не лето, а так, ни то, ни сё, междометие в ожидании дождей. Настоящее лето начиналось только теперь. Японское лето. Город окунуло во влажную жару. Горожане повесили на шею полотенца, словно собрались почаёвничать всерьёз у самовара. Полотенце стало неизбежной деталью костюма горожанина. И стоило им пренебречь, как заливало потом глаза и промокала насквозь одежда у шеи. Ни о каких носовых платках не могло быть и речи, их не хватало даже на пять минут, и полотенца-то едва справлялись. Строгие мужчины в дорогих костюмах умакивали ручьи, льющиеся по лицам, нимало не стесняясь махрового

полотенца не шее.

Но от пиджаков и галстуков никто не отказался, в полном согласии с русской пословицей "дрожать дрожи, а форс держи". Работяги в отличие от вяло передвигавшегося беловоротничкового люда, предпочитали повязать полотенцем лоб. Магазины положили под руку продавщицам стопки махровых салфеток — белых, розовых, голубых… Только самые отчаянные, самые красивые красавицы держались до последнего, защищаясь вместо полотенец тальком. Но их нежные шейки быстро становились полосатыми от ручьёв пота, проложивших чёрные полосы среди белой, скатавшейся неряшливыми шариками пудры. Дамы укрылись зонтиками. И не только ради красоты — солнце пекло, прожигая голову насквозь, едкое японское солнце. Магазины убрали подальше дождевые зонты и выложили на видное место солнечные — светлые, вышитые кремовым шёлком, с деревянными ручками в виде капли. Другим сезонным товаром стали шляпы из цветной соломки: белой, красной, оранжевой, зелёной. И эффектной чёрной. Но кокетливые шляпы раскупали вяло — японки и японцы предпочитали матерчатые панамки — серые, унылые, с опущенными полями.

Набухшие водой окрестные холмы отдавали влагу душной дымкой. Влажный воздух размыл яркие краски, и Япония стала как зеленоватая жемчужина. Красиво! Смотреть. А жить?

— Иностранцы плохо переносят нашу влажную жару, — стращали японцы и советовали купить махровую простыню, чтобы не просыпаться в луже пота.

Дальше следовали рассказы о тепловых ударах, обмороках и скорой помощи, увозящей непривычных белых людей в больницу, под капельницу. Её собственное тело отяжелело, голова налилась свинцом и закружилась. Дома она часами лежала неподвижно на голом татами, глядя в потолок. При попытке встать на этом самом потолке начинали плясать подозрительные красные искры. Сезон дождей казался милым воспоминанием — подумаешь, плесень!

Походы в супермаркет стали немыслимы, в город — тем более. Продукты пришлось покупать в соседнем Сэвэн-илэвэн. Да и какая еда в такую жару? Разве что холодненькое, мокренькое тофу. В этом же магазинчике под свежими струями кондиционера коротала она особенно невыносимые, особенно душные ночи, пренебрегая недоумёнными взглядами сонного продавца. Жизнь стянулась в комочек: дом — работа. Она передвигалась короткими перебежками от домашних сквозняков до университетских вентиляторов. Кондиционеров здесь, на севере Хонсю, не полагалось ни в университете, ни в домах, разве что в

самых богатых. И в магазинах, конторах, банках. И в транспорте. Автобусы стали спасением. А путь от дома до остановки — настоящей мукой. Пять минут ходьбы превращали платье в мокрую тряпку. Но на работу ходить было надо. Японское лето — время рабочее.

Возле дома за её спиной квакнул гудок. Из чёрного Ниссана выглянул улыбающийся Кумэда, предложил подвезти до университета. Она согласилась — в машине работал кондиционер. Машина пробралась по тесным улицам, выскочила на мост. Над рекой в синем летнем небе кружили ястребы. И это в центре города, большого, миллионного. Внизу перекатывала гальку мелкая вода.

— У нас самая чистая река в Японии! — сказал Кумэда. — И вода в нашем городе — самая вкусная. Я никогда не покупаю воду в бутылках, потому что водопроводная лучше.

Вода действительно была прекрасная. Накипи не оставляла — белая эмаль внутри чайника месяц за месяцем оставалась как новая. И воротнички по вечерам были почти так же белы, как утром. Город дышал чистым воздухом без пыли. За перекатом, на спокойной глубокой излучине замелькали фигурки рыбаков. Зайдя в воду в высоких сапогах, они стояли, неподвижно держа удилища.

— И рыба здесь есть! — заверил Кумэда. — Видно, и в Японии присутствие рыбаков само по себе наличия рыбы не предполагало. Кумэда знал кое-что о рыбе, стало быть… — Нет, я не рыбак! — Кумэда смутился. — Сэнсэю, знаете ли, вечно некогда.

Конечно, прибытие в университет на машине чужого сэнсэя могло вызвать вопросы своего. Но теперь, когда её представили Кумэде официально, известив весь факультет, что он — сосед, а она — бабушка, теперь большого риска не было. Она вышла из машины спокойно. А вот на лестнице почувствовала себя неважно — подъём, обычно лёгкий, в жару стал испытанием. А пользоваться лифтом Хидэо ей строго запретил. На случай землетрясения. В кабинете она умылась, порадовалась своему отражению в зеркале — свежему, как после бани. Но сидеть в этой бане ей предстояло целый месяц! Раскисшие мозги шевелились вяло, подчиняясь русскому рефлексу: жара — это отпуск. Часам к одиннадцати в раскалённом бетонном доме невозможно стало дышать. Спасения можно было поискать в лесу, благо от корпуса до первых сосен — десять шагов.

Университетский городок на окраине обычно вызывал ворчание сэнсэев: неудобно, далеко от центра, от администрации… Но летом, когда центр утопал в смоге, а

инженерный факультет в зелени, ворчание стихало. От леса, намокшего за сезон дождей, тянуло распаренным веником. Среди родной пижмы ползали странные прозрачные паучки, видные только точкой тельца, да коленками. Густые травяные заросли, набухшие влагой, зашевелились, выпуская на тропинку большого глухаря. Он глянул равнодушно на женщину и спокойно зашагал по своим делам. Она замерла, любуясь птицей, и не заметила, как к её ногам подобралась змея.

— Ну какие в университете змеи? — рассмеялся Хидэо. Конечно, на асфальте автостоянки змей не водилось. А в лесу Хидэо ни разу не бывал. — Мне некогда гулять! — отмахнулся он возмущённо.

И убежал. Сэнсэи и летом сидели на собраниях, длинных и частых, как зимой. В залах заседаний не было не то, что кондиционеров, даже вентиляторов. А местный этикет предписывал сэнсэям являться в костюмах с галстуками. В любую погоду.

В полдень спасаться от жары следовало в столовой. Там работал кондиционер. Пообедать можно было и в саду, на бетонном острове среди озерца, в тени бетонной беседки. Она перебралась на остров по японскому горбатому мостику, расположилась за свободным столиком… Прямо у её ног вытекал из трубы поток, гоняя по потолку беседки солнечные зайчики. Голубое кафельное дно озерца поблескивало брошенными кем-то монетками, шары стриженых кустов роняли в воду белые и жёлтые цветы, ленивый ветерок приносил запахи политого газона… Обычный обед в обычном японском университете. Летний обед.

В столовой в больших бачках хранился запас бесплатного коричневого китайского чая — горячего, холодного… Чай, кондиционер, беседка в саду — на борьбу с жарой был брошен мощный арсенал. Автоматы, торгующие питьём и мороженым, гудели от напряжения. Маленький фургончик безостановочно сновал по университетскому городку, чтобы зарядить новые обоймы банок кока-колы. Студенты предпочитали западное питьё и отрывались от него только ради другого неяпонского лакомства — сливочного мороженого. В тени пальм, на скамейках, на больших камнях и просто на газоне спали студенты. Ей очень хотелось последовать их примеру, но сэнсэю спать в парке не положено! Бедные сэнсэи! Японское лето не для них!

Зато можно побродить по магазину, прохладному от мощных кондиционеров. Она купила рисовое печенье, покрытое мисо, завёрнутое в нори. Солёненькое, кисленькое — спасение в жару. На раскалённом теннисном корте было пусто. Рядом с

инженерным корпусом был отличный теннисный корт со специальным покрытием. Дверь сетчатой ограды запиралась, но получить ключ в секретариате факультета мог любой сотрудник или студент. И она тоже. Ракетки, не очень модные, но почти новые, нашлись на тротуаре в день сбора крупного мусора, мячики в изобилии валялись в окружающих корт кустах, студенты ленились ходить за столь пустяшной вещью ценою в пару сотен йен. Дорогая игра в теннис доставалась ей бесплатно. Она часто заходила вечером на корт, доставала из стеклянного шкафчика при входе тетрадь и записывала две фамилии — свою и Наташину — на следующее утро. Запись позволяла играть целый час. Но Наташа не часто могла вырваться из дома.

— Давайте поиграем в теннис утром перед работой, — предложила она Хидэо.

Он смутился.

— Я не умею играть! — Но её настойчивость — я тоже играю неважно! — выжала из него правду: — Сэнсэю не положено прыгать с ракеткой. Корт для студентов! Но Вам, иностранному сэнсэю, игра не возбраняется.

К четырём часам термометр в её кабинете дополз до тридцати. Она прекратила бесплодные попытки поработать, достала из шкафа купальник и полотенце — с приходом лета в её кабинете появились и такие вещи. По коридору бежал профессор Такасими. Он отправлялся на собрание.

— Вы плаваете в факультетском бассейне? — спросила она.

Такасими смутился.

— Сэнсэи не плавают, а я… Я не умею плавать. — И удивился: — На факультете есть бассейн?

Купальный сезон

Как пахнет зреющий рис!
Я шёл через поле, и вдруг -
Направо залив Арисо.
Басё

Кто плавать может, тот и утонуть может.
Японская пословица

Она долго не могла найти, где бы искупаться, хотя воды в городе было хоть отбавляй — море, река.

— В реке у нас не купаются, — огорошил её Шимада. — Там воду никто не контролирует, на берегу нет объявлений о том, что купаться разрешено.

Но русские лезут в воду даже под табличкой "Купаться запрещено!" — в выходной она отправилась к реке. Она выбрала тихую, глубокую заводь на окраине города, прошла к воде между кабачками цукини, длинной редькой дайкон, перцем, баклажанами — жители маленьких домиков держали на прибрежной луговине огороды — неогороженные, неохраняемые. Чистая река с песчаным берегом — идеальное место для купания. Но вокруг не было ни души. Только мальчики лет десяти в одинаковых кепках, с одинаковыми рюкзачками, наверное, школьный класс, чинно слушали учителя. А, выслушав, ушли. И никто не бросился к реке, никто на воду даже не взглянул. Потрясённая увиденным она разделась, зашла в тёплую прозрачную воду, поплыла. И тут же заметила, как на балконах многоэтажного дома на противоположном берегу появились люди, с любопытством взиравшие на невиданное — человека в реке. Река — неправильное место для купания в Японии. А правильное место — бассейн.

Миура объяснил ей, как доехать до городского бассейна. Сам он там не бывал, потому что дорого, плата за вход четыреста йен. Митико посоветовала отправиться в бесплатный бассейн в университетском спорткомплексе, но предупредила, что придётся долго оформлять пропуск. Митико в бассейн не ходила. Она умела, конечно, плавать, но не любила. О существовании бесплатного бассейна в ста метрах от факультета никто из японских студентов не знал. Знали китайцы, корейцы, русские… Они и показали ей дорогу. Двери раздевалок всегда были открыты. Документов при входе никто не проверял, чужие, не университетские, которым пользоваться бассейном не полагалось, не входили и так. На мужской половине всегда было многолюдно, на женской — пусто. Только изредка заходила парочка юных китаянок. И душ на женской стороне всегда был свободен, и дорожки — женское университетское неравноправие в бассейне оборачивалось на пользу дамам. Бросив беспризорно вещи в открытой раздевалке, она вошла в холодную воду — водопроводную, проточную. Солнце её подогреть не успевало. В бассейне неспешно поплёскивались арабы, молодые китайцы наматывали метр за метром, словно исполняя урок. Парочка японцев плыла грамотно, технично, выделяясь модными дорогими шапочками и плавками.

— Я рад, что Вы наслаждаетесь жизнью в Японии, — возвращавшийся с собрания Хидэо с улыбкой посмотрел на её

влажные волосы. — Если Вы так любите плавать, Вам надо поторопиться. Купальный сезон у нас заканчивается пятнадцатого августа.

Но ведь он только что начался с окончанием сезона дождей, двадцать пятого июля!

— Купальный сезон у нас короткий, всего три недели, — подтвердил Шимада.

Он говорил без сожаления. Он плавать не любил. И не умел. В прибрежном посёлке, где он родился, в море ловили рыбу. Ещё туда выбрасывали мусор.

— Нам не приходило в голову, что море можно использовать как-то ещё, — улыбался Шимада.

Теперь, используя эту старую привычку и новые технологии, японцы насыпали в воде целые мусорные острова. На них строили жилые районы и даже аэропорт Кансай близ Осаки. Но для русского море — прежде всего пляж. Но добраться до него нечего было и думать в такую жару. На второй неделе лета жара, как обещали, немного спала. Дисциплинированное японское лето шло строго по расписанию. В воскресенье она решила поехать к морю — японцы расположение пляжей представляли очень приблизительно. Ни Хидэо, ни Шимада к морю не ездили. Красивый пляж недалеко от города ей порекомендовали русские.

Поезд раскисал под утренними, но уже невыносимыми лучами, забравшимися под крышу платформы. Кондиционер работал вовсю, но люди, входя в вагон, открывали двери нажатием кнопки "открыть" снаружи и частенько забывали нажать кнопку "закрыть" внутри. Липкий зловещий жар вползал в узкое пространство вагона в обнимку с асфальтовой вонью перрона. Перед её глазами вспыхнуло красное пятно. Пытаясь отогнать его, она принялась рассматривать людей напротив. Японская электричка, как наше метро, две лавки вдоль вагона. На них дремали, прикрыв глаза полями панамок, японцы, японки… Красные пятна, разгораясь, поплыли перед глазами. А вдруг ей станет плохо здесь, среди японцев? Горло перехватила паника. Она судорожно глотнула из бутылки нагревшуюся воду, заставила себя затихнуть, опустить, как японцы, голову. Пляшущие перед глазами пятна остановились, потускнели. В репродукторе звякнул тоненький голосок, общим рубильником закрылись двери, давая кондиционеру справиться с жарой. Поезд тронулся. Через полчаса тесные городские окраины уступили место лугам и морю.

Русскому трудно привыкнуть к японской малости. Десять шагов — и кончилась платформа, три шага — и она очутилась в посёлке… Ещё пять шагов привели её на мостик через узкий ров с

водой. Дальше шла короткая, в пять домов, улочка. В конце, там, где полагалось быть морю, возвышалась угрюмая бетонная стена — приморский посёлок жертвовал красивым видом ради безопасности, стена защищала от тайфунов. Вокруг росли сосны, низенькие, корявые от ветра. Под ногами скрипел наметённый на асфальт песок. Ветер стал сильнее, свежее. В его шуме зазвучала новая нота — волны. Она обогнула бетонную стену… Словно подняли занавес в театре, открывая синее море и пёструю толпу на золотом песке.

Для выезда на пляж японский люд запасся обильным инвентарём: складными стульями, столами, палатками, большими зонтами — пластмассы на пляже было больше, чем песка. Не прихватившие с собою ничего могли воспользоваться общественными большими тентами из неизменно синей пластмассы. Они укрывали соломенные циновки с низкими столами. Одно циновко-место стоило триста йен в день. Заплатившим полагались также душевые и раздевалки. Японцы бесстрашно бросали на циновках одежду, на столах еду и отправлялись купаться. В воду тоже лезли не просто так, а вооружившись плавсредствами: детишки — надувными кругами, нарукавниками, матрацами, парни и девушки — виндсерфингами и гавайскими досками. И всё это клубилось в узкой прибрежной полосе. Заплывать далеко не рисковал никто.

Море было тёплое, как суп, сонное, как сытый кот. Его грозный простор скрывали от глаз уютные островки — кудрявые, зелёные. Прозрачные волны пускали солнечные зайчики на жёлтом песчаном дне. Наплававшись вволю, она пошла вдоль берега. Там, где кончался пляж, громоздились на песке нанизанные на проволоку связки больших раковин. Из сараюшки поблизости доносился негромкий стук. У открытой двери мужичок снимал с вязанки раковины и вырубал из них на станке маленькие диски, будущие перламутровые пуговицы. Два парня подплыли на лодке к плоту, поставленному на прикол в заливчике, вытянули из воды проволочную сетку, полную крупных серых раковин, отвезли её на берег. В сарае на берегу возле длинного стола работали люди в резиновых сапогах. Они открывали раковины, укладывали моллюсков в пластмассовые коробки на ледяную крошку. Серый мужичишка протыкал пустые раковины шилом, нанизывал на проволоку, выносил на песок. Оттуда их забирал пуговичник… Работа кипела в десяти шагах от пляжа. В воскресенье.

Дорога уводила через мост на остров. Рядом с ним плыли по синему заливу горки-островки, как игрушки, пущенные на воду ребёнком. На одном острове-малютке хватило места только для

сосны. Другой малыш украсил свою вершину крошкой-шраином. К шраину вели вырубленные в скале крутые ступени, начинавшиеся у самой воды. Рыбачья деревушка умудрилась устроиться в крошечной долине только потому, что вместо улиц оставила между домами узкие проходы — прохожие касались стен домов и раздвижных дверей. Обычные двери, открываясь, проломили бы стену соседа. Ресторанчик притулился, прижавшись стеной к скале, навесив над водой балкон. И только рыбному магазинчику теснота шла на пользу — его вынесенные на улицу прилавки оказались под самым носом проезжающих. Люди могли выбирать рыбу, не выходя из машины. Протянутые вдоль прилавков водопроводные трубки с бьющими фонтанчиками не давали нежному товару испортиться на солнце. А по другую сторону узкого шоссе тихонько шлёпало о бетонный берег море, точно руки протягивало к магазинчику, прося вернуть то, что отнято у него… Повинуясь двум привычкам: японской — обедать в полдень, и русской — на природу брать обед с собой, она присела на скамье у магазина, достала коробку с рисом и рыбой — японская еда здоровее русского бутерброда. Особенно в жару. На десерт шёл персик. Ярко-жёлтая мякоть крупного мясистого плода пачкала руки, сок капал на песок…

Над маленьким рисовым полем, втиснутым между лесом и морем, трепетали, мерцая ленточки блестящей фольги, исполнявшие роль старомодных пугал. Голодные обиженные птицы сердито щебетали. Душно пахло травами, йодом… И вдруг что-то случилось. Резкие порывы ветра закрутили пыль, зарябили воду в заливчике. Небо в пять минут заволокло чёрными тучами, солнце погасло. Гроза налетела неожиданно, ниоткуда — молния ударила где-то близко, ухнул гром. Стена дождя, похожего на водопад, закрыла океан. Только островки едва просвечивали мутными зеленоватыми пятнами. На поляне недалеко от дороги она разглядела странное сооружение, напоминавшее деревню, но сделанную из бетона. Это был туристский городок с магазином, рестораном и местом, оборудованным для пикника. Там она и нашла укрытие. Под бетонным навесом на очень чистом бетонном полу лежали обрубки толстых брёвен: повыше — столы, пониже — стулья. Прилежные японцы отполировали их поверхности, провели под навес электричество, снабдили розетки козырьками от дождя. Через два часа, потеряв терпение и замёрзнув, она бегом добралась до станции, укрывшись полотенцем. А у японцев нашлись зонтики. Они знали о причудах своего океана и жарким днём не обманулись.

Островки… Островки…
И на сотни осколков дробится
Море летнего дня.
Басё

Один из пляжей расположился прямо в городе, чистый и ухоженный, как любой японский пляж. Но ей там не понравилось — огромное открытое пространство океана давило.

— Неприветливый океан? Пугающий? — Шимада расхохотался. — Это из-за русских атомных подлодок!

— Какое купание в городе! — поморщился Хидэо. — Вот скоро наша лаборатория поедет на пикник на острове, вот там прекрасно! Мы всегда отмечаем окончание весеннего семестра пикником у моря…

Всё было, как перед любым лабораторным праздником, — студенческий штаб за длинным столом, долгое клацание по клавишам калькулятора… В результате родилась смета расходов — бензин, продукты, пиво… Итого три тысячи йен с носа — недорого.

- Мы хотели поехать на два дня, но все дешёвые отели на побережье заняты! — сокрушалась Митико. — Купальный сезон в разгаре!

На следующий день Митико дала ей две бумаги. Одна — ксерокопия карты морского побережья с крестиком на островке, где предполагался пикник. На втором листке был план мероприятия, также размноженный в соответствии с числом участников: отправление в семь, прибытие на берег в десять, обед в двенадцать, развлечения — с часу до четырёх, убытие в пять.

В субботу в шесть пятьдесят утра к подъезду инженерного факультета подкатили четыре машины. Экономии ради расселись по четверо. Первой пошла машина техника Ямазаки, рванула так, что с полки у заднего стекла посыпались пушистые игрушки — щенки, котята, медвежата — дань местной моде. Ехать предстояло далеко, километров сто от города. Через полчаса пригороды кончились и замелькали маленькие, редкие деревни, поля, луга — такой простор, будто за окнами и не Япония вовсе.

— Тесно в центрах — в Токио, Осаке, Киото, — объяснил Хидэо. — Там сосредоточены все предприятия. А тут провинция, Север. В здешних деревнях можно найти дом всего за тысячу долларов. Да только кому он нужен? Здесь нет работы. Подъезжаем, — заключил Хидэо, глядя не в окно, а на часы.

Посёлок был рыбачий. Это стало ясно сразу — все магазины на главной улице торговали рыбой. Наверное, внутри у них хранилось что-нибудь ещё, но наружу была вынесена только рыба, ракушки, креветки, морские ежи… Две машины отделились от общей кавалькады и исчезли — Ямазаки и Кубота были откомандированы на рыбный рынок, самый дешёвый на здешнем побережье — программа пикника включала не только морские купания, но и морскую еду. С рынка вернулись за пятнадцать минут до отплытия парома, перевозившего народ на остров, где располагался пляж. Опоздания не случилось, расписание движения парома студенты выяснили заранее. Как и стоимость билетов — Ямазаки протянул кассиру точную сумму, без сдачи. И цена парковки машин тоже была заранее включена в калькуляцию. Пляж берегли, машины на остров не пускали, их пришлось оставить на трёхэтажной стоянке у причала. Содержимое багажников студенты перегрузили в приготовленные загодя рюкзаки.

Заливчик крошечный, домашний был укрыт от океана вереницей островков — маленьких, как поплавки. Ленивый ветерок покачивал сосны. Морской воздух, настоянный на запахе разогретой смолы, хотелось вдохнуть и больше никогда не выдыхать. Она достала из сумки купальник, поглядывая с нетерпением на воду. Кроме неё на море внимания не обратил никто. По расписанию в двенадцать ноль-ноль полагался обед. Мацутани и Ода достали из коробки жаровню, поставили её на ножки на песке под соснами. Кубота, надев белые хлопчатобумажные перчатки, заполнил жаровню древесным углём из магазинного мешка, добавил таблетку сухого спирта, поджёг. Аспирант Танабу стал выкладывать на решётку над мгновенно разгоревшимся огнём крупную рыбу из пенопластовых ящиков, наполненных ледяной крошкой — на сельском рынке товар упаковывали не хуже, чем в столичном супермаркете. Миура заполнял свободные промежутки на решётке мелкой рыбой. Корейский студент Чанг щедро поливал всё подряд соевым соусом. К духу моря и сосны добавился мощный запах морской снеди.

— На берегу мы всегда готовим рыбное барбекю!

Хидэо стал в сторонке, заложив руки за спину, как полководец, и только изредка отдавал короткие распоряжения. Большего от него не требовалось, его хорошо вымуштрованная армия трудилась бойко, слаженно. Шимада стал рядом с шефом. Значит, и ей положено только наблюдать. Как профессору. А как женщине? Намико и жена Чена под руководством Митико чистили овощи. Она взяла нож и села рядом. Лук, морковь,

зелёный перец, кукуруза отправились на прутья жаровни, получив от Чанга свою порцию соевого соуса. Чанг осторожно раскрывал ножом большие раковины и выкладывал их на решётку. Нежные розовые моллюски шипели, выпуская бульончик в перламутровую скорлупу. Чанг протянул ей одну из раковин, посоветовав подождать немного, чтобы не обжечься. Первый глоток принёс нечто нежное, пахнущее морем, второго глотка не потребовалось, раковина была пуста. Насыщаться предстояло печёной рыбой и овощами, получившими от огня и соевого соуса чёрные бочка и необыкновенный вкус. Народ ел, стоя возле жаровни, чтобы не ходить далеко за новым куском, а, насытившись, укладывался подремать на синюю подстилку — сегодня она служила лежанкой. На море не смотрел никто, только она нетерпеливо ёрзала, надеясь, что пункт "развлечения" включает и купание тоже.

Ровно в час, как положено по распорядку, сэнсэй Кобаяси поднялся с циновки. Студенты тоже вскочили, дожёвывая, допивая. В траву полетели футболки, брюки… Неловко ступая изнеженными ступнями по мягчайшему песку, парни потянулись к воде. В парное молоко августовского океана входили осторожно, поёживаясь, словно в прорубь. Но плыли грамотно.

— Теперь у нас в каждой школе есть бассейн, всё молодое поколение обучают плаванию! — в голосе Хидэо звучала гордость. — В наше время бассейнов не было.

Это означало, что сэнсэи плавать не умеют. И не должны уметь, поскольку не обучены. Хидэо и Шимада наблюдали, как в воде резвится молодёжь. Они прогуливались по пляжу в рубашках, в брюках. И женщины — Намико и жена Чена — не сняли платьев, не подошли к воде. Они привычно хлопотали на синем покрывале, словно признав в нём родное татами, раскладывали по мискам остатки еды, перекладывали, поправляли. На пространстве в четыре квадратных метра они умудрились найти себе работы на целый час. Видно, им помогала привычка отыскивать занятия на крошечном пространстве. Устроив в конце концов окончательный порядок, женщины уселись по-японски на пятки и принялись болтать, не выказывая ни малейшего желания выйти за переделы циновки, искупаться… На море дамы даже не смотрели. Море — чудо только для нас. А для японца — вещь обычная. У японцев много моря!

В воде была только молодёжь. Молодые папы помогали юным чадам барахтаться. Мамы в воду не входили, разве что по колено, сколько позволяли засученные брюки. Они одежды не снимали. Оказавшись самой старой среди купающихся, она засмущалась. И Митико стеснялась. Поёживаясь под взглядами парней, она

сбросила джинсы как-то слишком решительно, улыбнулась ей несмело.

— Пойдёмте вместе…

Взявшись за руки, они вошли в воду. А плыла Митико хорошо — ведь в её школе тоже был бассейн. У поплавков, отделяющих границу купания, Митико повернула назад. И парни доплывали только до ограничителя — их в бассейнах так приучили. А её дед учил плавать на Оке, в привольном месте. Она нырнула под верёвку, натянутую между поплавками. Граница прижимала купающихся слишком близко к берегу. Что за радость крутиться в каше тел? Студенты, забыв про плаванье, застыли в мелкой воде разрешённой зоны, должно быть, впервые увидев человека, пренебрегшего запретом. На берегу Хидэо встретил её строго:

— Я отвечаю за вашу безопасность, — но смотрел он ласково.

А Шимада удивился.

— Почему русские так хорошо плавают? У вас же нет воды.

Шимада привык считать водою только море. Или бассейн.

Среди сосен бродил студент Ода. Он часто наклонялся, высматривая что-то. Его длинные волосы жёстким чёрным крылом падали на лицо — местная мода велела молодым стричься под горшок.

— Вы что-то потеряли? — подошла она к Оде.

— Я ищу палку! — сообщил он. — Мы же привезли с собой арбуз.

Объяснение походило на абстрактный анекдот.

— Почему крокодилы летят? Потому что сегодня вторник!

Но связь между арбузом и палкой оказалась вполне конкретной: палка была нужна, чтобы разбить арбуз — так сказал Ода. Она видела что-то подобное по телевизору: в одной из кулинарных программ огурец дробили скалкой на бесформенные обломки, утверждая японскую любовь ко всему несимметричному.

— Разбивание арбуза — традиционное японское развлечение, — объяснил Ода. — На летнем пикнике мы всегда делаем это.

Первая попытка разбить арбуз была предоставлена ей как почётной гостье. Пока Ода устраивал огромный арбуз на ложе из пластикового пакета, чтобы не испачкать в песке обломки, Митико завязала ей полотенцем глаза, как в жмурках, дала в руки палку и покрутила, чтобы сбить с правильного направления. Студенты стали бурно болеть, хором советуя, куда двигаться. Под крики: "Бей!" она изо всех сил ударила палкой пустоту. Пока присутствующие хохотали над её неудачей, полотенце и палка перешли к Намико. Вслед за ней безуспешные попытки проделали

доктор Чен, аспирант Танабу… Когда все старшие по званию оплошали, палку дали младшему. Ода удачно выбрал направление и точно ударил, разбрасывая алые осколки. Студенты быстро справились с арбузом, а корки закопали в глубокой яме вместе с другими съестными объедками, которые гниют. Пивные банки и пластмассовые миски сложили в рюкзаки, чтобы забрать с собой.

Коротая время, оставшееся до положенного часа отбытия, парни резвились, зарывая в песок кроткого Танабу. В кучу песка пониже пояса жертвы воткнули большую бутылку из-под кока-колы и стали раскачивать её, дружно хохоча. И Хидэо смеялся, и Шимада, и женщины. Японцы не стесняются естественного. В жару сэнсэи на собраниях, нимало не смущаясь, подтягивали штанины, оголяя ноги, чтобы дать вентилятору их обдуть. Хидэо, принимая её в своём доме, после прогулки снял носки на глазах у гостьи и принялся массировать голые ступни. А на улицах ей не раз приходилось видеть средь бела дня мужчин, справляющих у сточной канавки малую нужду. Трезвых мужчин, хорошо одетых… Японцы не стесняются естественного.

Фестивали, фейерверки…

Праздник встречи двух звёзд.
Даже ночь накануне так не похожа
На обычную ночь!
Басё "Накануне праздника Танабата"

Инженерный факультет устроил праздник в честь дня своего основания. Хидэо облачился в шаровары — праздник-то спортивный — и отправился на стадион. Ей он тоже посоветовал присутствовать.

— Я похлопотал, и Вас тоже пригласили участвовать в жюри! — Хидэо весело подмигнул ей.

Сэнсэи одетые непривычно — в спортивные костюмы, собирались заняться делом привычным — заседать: студенты традиционно отмечали годовщину конкурсом красоты, который судили преподаватели. Стол жюри установили на травке возле трибун, секретарши раздавали сэнсэям анкеты, отпечатанные специально для праздника. Студенты, усевшись на синие пластмассовые покрывала, раскрашивали лица дамской косметикой, запихивали под футболки скомканные газеты,

изображая женские прелести. К бумажным грудям добавили юбки, шляпки, лифчики, парики. Наверное, такое направление мыслям парней придавала изолированность в японской жизни мужчин от женщин, порождавшая эффект казармы. Девушки с инженерного факультета — Митико да жиденькая кучка секретарш — хихикали в сторонке, не принимая участия в мужских забавах.

Но парни справлялись и без них. На пыльное поле стадиона вышел разбитной ведущий, из динамиков грянула лихая американская песенка, и представление началось. Команда с кафедры роботов раскачивала бумажными грудями с профессиональными ухватками девиц из кабаре. Певец в трусах, вырезанных сзади сердечком, пел, повернувшись к зрителям тылом. Щуплый паренёк, закутанный в большое полотенце, жеманничал, изображая девушку, раздевающуюся на пляже. Отчаявшись справиться с лифчиком, он приблизился к столу жюри и, извиваясь в подобающих случаю ужимках, попросил сэнсэев расстегнуть крючки. Желающих помочь оказалось много, сэнсэи хохотали до слёз. Безусловным фаворитом оказался молодой толстяк — его пышные формы вполне соответствовали напяленному на него женскому купальнику. Но он один не смог вытянуть в лидеры свою кафедру суперкомпьютеров. Вперёд вырвалось отделение искусственного интеллекта, оно вывело на футбольное поле парня с бумажной трубой на голове. Пока парни, наряженные девицами, прикрывши наготу синтетическими мочалками, извивались в завлекательном танце, труба, вполне опознаваемо изображавшая некую часть мужского тела, под звук хлопушки выбросила ленты белого серпантина. Сэнсэи зааплодировали и единодушно поставили искусственному интеллекту высший балл. Японцы не стесняются естественного. А она, не зная, куда девать глаза, уткнулась в анкету и нарисовала жирный минус. Сидевший рядом профессор Сато покосился на минус неодобрительно, попросил подвинуться:

— Я сейчас вернусь, я ненадолго, только схожу по-маленькому.

Она смутилась, не понимая, что ей делать со столь интимной информацией? В конце концов решила, что деликатный Сато хотел избавить её от лишнего беспокойства — не садиться, а дожидаться его скорого возвращения.

— Август у нас — сплошные праздники, — сказал Хидэо. — Скоро Танабата. — Как, Вы не знаете, что такое Танабата? Разве в России не празднуют Танабату? — Хидэо был очень удивлён.

И китаец Чен удивился — в Китае, как и в Японии, праздновали Танабату — седьмой день седьмой луны, праздник

встречи двух звёзд. Чен рассказал легенду: двое влюблённых, пастух и ткачиха, бросили работу ради свидания, и Бог наказал их — повелел жить на разных берегах большой реки. И с той поры они живут врозь — две звезды по разные стороны Млечного Пути. Но раз в году, седьмого августа они встречаются, пересекая небесную реку по сомкнутым, как мост, крыльям сорок. Доктор Чен хорошо знал легенду, потому что она пришла из Китая. И японцы знали сказку о пастухе и ткачихе, правда, они называли их принцем и принцессой. Но все относились к сказке серьёзно. И дружно соглашались — устроить праздник в честь этой звёздной встречи стоит.

Позвонила Намико, сказала:

— Фестиваль Танабата продлится всего три дня, с пятого августа по седьмое. Местное телевидение сообщило: около двух миллионов людей приехали в город полюбоваться Танабатой.

Значит, население города утроилось. И никого не испугала жары. Правда, на улице было уже не тридцать три, как в первую неделю лета, а двадцать девять, но передвигаться по городу было трудно. Однако Намико настаивала:

— Вы должны насладиться фестивалем Танабата! Это самый красивый праздник в Японии! — Намико предложила поехать в центр вместе.

Город изменился. По разным сторонам торговой улицы поставили двух больших кукол из папье-маше — белокурую девочку в балетной юбочке и паренька в западном камзоле. Куклы протягивали друг к другу руки, Япония решила поиграть в сказку. В торговом квартале всё пространство под стеклянными сводами заняли бумажные фонарики. Впрочем, название "фонарик" плохо подходило к огромным сооружениям. Высоко, под самыми стеклянными сводами располагался верх фонарика — большой шар или барабан, с которого свисали многочисленные хвосты метров десять длиной. Их набирали из цепей, спиралей, журавликов, корабликов, драконов, сложенных из бумаги по канонам знаменитого японского искусства оригами. Мириады вещичек из бумаги наверняка потребовали бездну труда и времени…

— Фонарики делают магазины, соревнуясь друг с другом. На фестивале проводят конкурс: чьи украшенья лучше, — так говорила Намико.

Уставшая от скромности-экономности Япония гуляла с излишеством, с размахом. Фонарики висели так густо, что не могли даже колыхнуться. Порывы океанского ветра, врываясь в галереи, вязли в плотной стене бумаги. По Ичибанчо трудно было пройти — людям, как и фонарикам, было тесно, потому что весь

народ, городской и лишний, устремился в центр на фестиваль.

Плотная толпа ползла через бумажные дебри, бодая лбами хвосты, свисавшие почти до земли. Безвольно подчиняясь течению тысячи людей, она брела, слушая шорох ног, шуршание бумаги… Людская река была стиснута берегами магазинов, и торговцы этим пользовались. Они суетились и вопили, предлагая бесплатно попробовать и задёшево купить. Сквозь бумажные хвосты просунулись чьи-то руки, вручая ей и Намико рыбные котлеты, надетые на зубочистки. Отбившись от торговцев рыбой, они попали в зону активности двух шустрых парней, предлагавших японское мороженое — гранулы льда, политые фруктовым сиропом. Потом изнемогшие в неравной борьбе с продавцами путники попали в лапы торговца веерами. Он цокал ногтем по бамбуковому скелету своих изделий, похожих на древесный лист, поглаживал блестящий шёлк, расписанный жеманными японскими красавицами в высоких причёсках, и, демонстрируя возможности веера, размахивал им у самого носа беззащитных граждан.

У перекрёстка толпа замерла. Ей преградило путь выходящее, вернее, вытанцовывающее с перпендикулярной улицы фестивальное шествие. Девочки в коротких красных кимоно, расписанных иероглифами, приседали, выбрасывая вперёд ногу, разводя руками. Мальчики играли на флейтах, парни изо всех сил лупили в большие барабаны. Тяжёлой работы ради барабанщики разделись по пояс, перехватили лбы жгутами полотенец. От громкой музыки, сотрясавшей внутренности, от криков торговцев, от многолюдья и душного шуршания бумаги у неё затюкало в висках. В глазах мельтешили, слепили пёстрые фонарики, лоб щекотали хвосты, нос першило от бумажной пыли. Она стала озираться в поисках выхода, но со всех сторон, заслоняя белый свет, колыхалась бумага, и ничего вокруг не видно было, кроме бумажных лент, среди которых болталась её бедная голова.

К счастью, дойдя до конца торгового центра, толпа выползла из-под стеклянных сводов на открытую улицу. Здесь без фонариков, на свету ей впервые удалось рассмотреть тех, кто путешествовал вместе с нею по бумажной реке. Толпа оказалась сплошь молодой. Молодые мамы и папы несли на руках, плечах и спинах малышей, вели за руку одного, двух, трёх подросших — любопытных, озирающихся, с изумлённо распахнутыми чёрными глазами. Девчушек нарядили в цветастые кимоно. Намико говорила, что хлопчатобумажные летние кимоно недороги, всем по карману. Намико называла их юката, а фестивальные короткие кимоно с иероглифами, в которые оделись танцовщицы и музыканты, хапи — у кимоно было много разновидностей. Юкаты

девочек подпоясали широкими нейлоновыми шарфами, завязав их за спиной большими бантами. Малышки стали красочнее фонариков.

Но самым ослепительным украшением Танабаты были девушки. Ради фестиваля они скинули джинсы и футболки и надели юкаты. На ярком хлопке — красном, зелёном, но чаще старинно-синем, цвели невиданные цветы. Блестели шёлком жёсткие широкие пояса, колыхались за хрупкими спинами огромные банты. Тонкие пальцы девушек церемонно выгибались, придерживая яркие бутоны японских сумочек — узелков, ножки в белых носочках с отделённым большим пальцем изящно семенили, цокая лаковыми сандалиями. Манеру размашисто шагать девчонки оставили дома вместе с тупоносыми модными башмаками. Космополитки стали японками. И это им шло. И кимоно шло девчонкам гораздо больше, чем джинсы. Тысячи красавиц шли по улице. Словно высадился в городе десант из прошлого. Кавалеры в европейских костюмах поблекли рядом с японскими красавицами. Они шли притихшие, восхищённые. И только парни в серых мужских кимоно, низко, под животом подвязанных поясами, смело и гулко стучали по мостовой деревянными сандалиями гэта на двух брусках — подставках. Но их было совсем немного. Японскую старину хранили женщины.

— Ах, как хорошо, что Вам понравилась наша Танабата! — хлопала в ладоши Намико, она торопилась уехать домой, где скучал муж, великодушно пожертвовавший заботами жены ради удовольствия иностранки.

Часам к шести толпа приобрела ясное направление движения — к реке. Люди растекались по набережной, рассаживались на высоком берегу, на мосту. Задерживались у вынесенных на обочины улиц жаровен, запасались печёными ракушками, кукурузой под соевым соусом, усаживались на расстеленных прямо на асфальте синих циновках, выкладывали пиво и закуски, затевали пир. Только девушки в кимоно остались стоять, возвышаясь над простецким людом как охранные башенки. В кимоно невозможно плюхнуться на мостовую с банкой пива в руке. Все чего-то ждали, оборотясь в одну сторону, к реке. Ровно в семь тридцать, когда стало смеркаться, с поляны за рекой взлетели в небо первые ракеты. И грянул фейерверк. Ракетам было тесно в небе, как бумажным фонарикам под крышами торгового центра…

— Это искусство пришло к нам из Китая, — говорил Шимада в понедельник, — но и мы, японцы, на фейерверки большие мастера.

Телевизор три дня напролёт показывал мастерские, где

делают фейерверки. Немолодые женщины заворачивали щепотки серого порошка в бумажки, обвязывали нитками, укладывали внутрь полого шара. А мужчины в резиновых сапогах и касках заправляли шары в торчком стоящие на поляне трубы и быстро их поджигал. Вот и вся технология чуда.

Три дня город гудел от толпы, от криков торговцев, от фестивальных шествий. Утром восьмого августа торговый центр походил на помойку. Мостовая была усыпана обрывками цветной бумаги, пустыми банками и остатками праздничной еды. Теперь тяжело было не голове, а ногам, по щиколотку утопавшим в мусоре. Заспанные уборщики ошалело смотрели на разгром, не понимая, с чего начать. Но всё-таки начинали. После шумной Танабаты городу предстояло быстро приготовиться к празднику тихому. В середине августа наступал буддийский день поминовения — Обон. В Обон души умерших возвращались в родные места. Город снял фонарики и взялся за шётки, тряпки, мётлы… Нельзя же принимать души в такой разор!

Обон (Плывущие огоньки)

О, не думай, что ты из тех,
Кто следа не оставил в мире!
Поминовения день…
Басё

В городе стало тихо. Запахло цветами. Ими торговали всюду: в магазинах, на улицах, рынках. В овощных лавках появились странные вещи — маленькие яблочки и какие-то мелкие овощи на большом листе, похожем на лотос или лопух.

— Это угощение для душ умерших предков, его кладут на домашний алтарь, — сказала Намико. Она словно стеснялась, словно сомневалась, стоит ли говорить о таких потаённых вещах с чужим человеком. Обон — не для праздного любопытства. Обон — событие печальное. Супруги Кобаяси собирались на кладбище, на могилу отца Хидэо. — Запаситесь деньгами в банке, — предупредила Намико. — И в магазине купите необходимое. В Обон три дня будет закрыто всё.

Утром пятнадцатого запах цветов сконцентрировался на шоссе, ведущем к предгорьям, к кладбищам. Вся Япония ехала к родным покойникам. И она поехала вместе с Японией. Вышла из автобуса у кладбищенских ворот, постояла немного под навесом,

возле длинного жестяного умывальника с множеством кранов, как в пионерлагере. Здесь люди, покинувшие свои машины налегке, брали совки, вёдра, ковшики и шли прибрать могилки, поставить букеты цветов в высоких стаканах из обрезков бамбукового стебля или из его пластмассовых подобий. Сделав свою работу, люди оставляли под навесом общественный инвентарь, чтобы следующие посетители кладбища могли воспользоваться им. Рук не мыли, просто выбрасывали испачканные в земле белые перчатки и выходили к своим машинам чистенькими. В этой стране было хорошо организовано всё, даже скорбь. Может, от этого здесь справлялись со скорбью легче. На кладбище никто не плакал, все работали.

Вечером телеэкран заполнили мужчины в угольно-чёрных костюмах с голубым цветком в петлице, власти Японии отмечали национальный траур: пятнадцатое августа — день капитуляции Японии. Императорская чета низко склонились перед убранной цветами сценой, перед памятью жертв войны. Лёгкий, сухощавый император и элегантная императрица в чёрном платье с жемчугом на шее… Многие женщины здесь надевали жемчуг на чёрное в дни скорби. Императрица, как положено японке, стояла чуть позади мужа, кланялась чуть ниже… Хранить японские традиции — важная обязанность императорской четы.

Шестнадцатого позвонила Намико, она хотела показать иностранке толонагаши — плывущие огоньки.

— Вы просили, — смущаясь, сказала Намико

Она действительно просила показать ей плывущие огоньки, которые видела когда-то в кино. Красивая японка в кимоно пускала на воду горящую свечу в бумажном фонарике в память об умершем муже. Над рекой склонялась ива, старый храм отражался в воде, японка плакала. А по воде плыл колеблющийся огонёк, ограждённый от ветра гармошкой бумаги с большими чёрными иероглифами. Теперь она сможет увидеть это сама.

— Для этого надо ехать в национальный парк на побережье, толонагаши будут выпускать там. Я могу поехать с Вами.

Милая Намико даже в день скорби готова была исполнить желание гостьи.

Японцам стоило бы на время Обона ввести одностороннее движение: пятнадцатого утром в сторону гор, шестнадцатого вечером — в сторону моря. К пяти часам японское единодушие обернулось мёртвой пробкой на шоссе. И на вокзале клубилась толпа. Билеты на электричку, идущую в национальный парк, продавали со скидкой по случаю Обона. Власти чтили народный обычай и не хотели на нём наживаться. В поезд они с Намико едва втиснулись. Кондиционеры задыхались, открытые окна не

помогали — на улице было плюс тридцать. Ей захотелось выйти из вагона и навсегда забыть о плывущих огоньках и о японских традициях, имеющих такое количество приверженцев.

— Поезд пойдёт без остановок, — утешила чуткая Намико и непреклонно сжала губы, приготовившись терпеть.

На платформе приморского посёлка было не лучше, чем в вагоне: плотная, почти недвижимая толпа и душное дыханье моря. Полицейские подравнивали расползающуюся людскую массу, подталкивали её легонько к набережной. Всё пространство между отелями и морем, включая тротуары и даже часть дороги, было застелено синими циновками. Крошечные островки между ними заполняли тележки и палатки, торгующие съестным. Душный дым от ракушек и печёной кукурузы стелился над синим пластмассовым полем, на котором люди сидели, ели, пили и даже спали. К морю было не подойти. И нечего было надеяться увидеть ни плывущие огоньки, ни саму воду. Намико, не павши духом при виде людского нашествия, свернула к бетонной набережной. Конечно, в промежутки между циновками поставить ногу было нельзя, но можно было, изрядно постаравшись, не наступать хотя бы на еду, на руки, ноги. Люди на циновках на проходящих внимания не обратили, как на дело обычное. Произнеся в сотый раз "сумимасэн", она, наконец, увидела воду. Они устроились у выхода на мол, почти пустой. Сюда пускали за две тысячи йен желающих полюбоваться зрелищем с комфортом, сидя на стульях, по такому случаю выставленных на мол. Примоститься у самых ног продающего билеты удалось лишь подтянув колени к самому подбородку.

В семь, когда стало смеркаться, к мосту подплыла простая рыбачья лодка. Внутренность её светилась. Два мужика, споро орудуя, принялись выпускать за борт огоньки. Скоро к ним на помощь пришла другая лодка, наполненная светом, и через несколько минут вся бухта была усеяна светящимися точками. Выгрузившись, дядьки завели моторы и уехали. И не поплакали даже над плывущими огоньками, как красивая японка в кино. Потому что вряд ли в домах у дядек было столько покойников. Вряд ли вообще в здешних местах была такая жуткая смертность. Несколько огоньков волна прибила к набережной. Перегнувшись через каменный бордюр, она выловила один. Чего с ним церемониться, с ничейным! Пучок рисовой соломы был перехвачен посередине верёвочкой, расплюснут в два круга размером с блюдце, скреплённых по краям. Посередине стояла свеча, окружённая куском полиэтиленовой плёнки, измятой, наверное, специально, чтобы свет играл. Получился упрощённый вариант поминального фонарика, серийный, индустриальный.

Толпа никакого интереса к огонькам не выказала, продолжая есть, пить и спать. Толпа ждала чего-то ещё. И в восемь это что-то грянуло. Над бухтой повис огромный фейерверк. Море огня, повторённое в воде, смешалось со светящимися точками плывущих огоньков… Намико встала, сказала рассудительно:

— Конечно, это красиво, но когда всё кончится, будет давка!

В понедельник в университете было пусто. Обон — это ещё и отпуска, японские отпуска, знаменитые своей краткостью.

— Отпуск в промышленности — две недели, но мы получаем деньги от налогов с производства, и потому наш отпуск должен длиться меньше, — Хидэо говорил, как государственный муж. И сожаления по поводу мизерности отпуска не выражал. Напротив, он считал длинное безделье непозволительным. — Я никогда не отдыхаю долго. Я просто добавляю к двум выходным три дня обона.

И Шимада собирался отдыхать четыре дня. И Кумэда сообщил ей, что нормальный отпуск в университете — неделя, но профессора обычно не используют и это время. Вопрос — как провести свой отпуск? — здесь не возникал. Что можно успеть за три — четыре дня? Отоспаться, поваляться на татами… Поехать к морю? В горы? На курорт? Сэнсэи улыбались.

— Это для богатых!

И недоверчиво слушали её рассказы про бедный русский народ, который отправляется к морю на двадцать четыре дня. Во взглядах японцев читалось недоверие. И осуждение — такие долгие перерывы в работе ведут к потере квалификации! А неразумные траты на поездки — к экономическим проблемам.

Шимада серьёзно выслушал её сетования на толчею на побережье, сказал строго, предупреждая насмешки:

— Многолюдные гуляния свидетельствуют о процветании страны!

Процветание… Пожалуй, летом в Японии оно чувствовалось особенно ясно — фестивали, фейерверки… Но лето уже кончалось. Короткое японское лето.

Глава VI. Работаем вместе (Им никогда не сойтись…)

Запад есть Запад,
Восток есть Восток
И им никогда не сойтись…
Р. Киплинг

Кампания интернационализации

Посадили деревья в саду.
Тихо, тихо, чтоб их ободрить,
Шепчет осенний дождь.
Басё

— В последние годы мы уделяем большое внимание сотрудничеству с иностранцами, — говорил Хидэо. — Такова установка нашего руководства — мы должны перестать быть закрытой страной!

Хидэо пребывал в отличном настроении — он получил приглашение на приём, который устраивал президент университета в честь иностранных сотрудников. Мероприятие проводили ежегодно, но Хидэо участвовал в нём впервые. Приглашения удостаивались только те профессора, которые сумели привлечь в свою лабораторию много иностранцев, а у Хидэо в этом году работали китайский доктор Чен, корейский студент Чанг и профессор из России — она.

— Только самые активные в деле интернационализации сэнсэи приглашены на приём! — радовался Хидэо. — Это большая честь! Приём состоится в Кокусаи-отеле, лучшем отеле в городе!

По дороге в ресторан Хидэо заехал за ней. Рядом с мужем сидела нарядная, немного смущённая Намико. Её тоже пригласили. За особые успехи мужа в деле интернационализации. За окнами машины промелькнуло распластанное среди тёмных деревьев парка здание Кокусаи-центра. Кокусаи-отель, Кокусаи-центр…

— В последние годы в нашем городе появилось много новых домов с называнием "кокусаи", — говорил Хидэо, — по-японски оно означает "международный". Помните, я привёз Вас в Кокусаи-

центр вскоре после Вашего приезда?

Она помнила. Хидэо сам проводил её в библиотеку, где ласковая девушка вручила ей карту города и красочный буклет, описывающий его историю. Денег девушка не взяла, только попросила записаться в регистрационной книге гостей. Карта была на английском языке, а буклет и вовсе на русском — такая забота о приезжем трогала. Потом она часто заходила в Кокусаи-центр. Место это было красивое — с мраморным фойе, с коврами в библиотеке, с деревянными куклами и лаковыми шкатулками в стеклянных витринах. Место это было приятное — мощные кондиционеры делали его тёплым в холода, прохладным в жару. Здесь можно было, устроившись в мягком кресле, посмотреть большой телевизор, всегда настроенный на новости CNN, или почитать газеты и журналы на многих языках. Правда, русского среди них не было. А ещё Кокусаи-центр был местом полезным — здесь на больших щитах вывешивались объявления. Кто-то, уезжая, дёшево продавал мебель, автомобиль, телефонную линию или велосипед. Кто-то, приехав, хотел что-то купить, снять комнату, найти приятеля, говорящего по-английски или по-японски. Японцы предлагали экскурсии по городу в обмен на беседы по-английски. Иностранцы обещали научить своему языку.

Дважды в год Кокусаи-центр устраивал распродажу товаров, необходимых приезжим иностранцам для обустройства дома на чужбине. В большом зале расставляли холодильники, телевизоры, велосипеды… Вещи штучные, как в комиссионке, бывшие в употреблении или зележавшиеся. Однажды Наташа привела её на такую ярмарку. Они пришли рано, но в вестибюле уже стояла длинная очередь — первым достанутся самые лучшие вещи. В ожидании открытия ярмарки два молодых американца предлагали публике купить за пятьдесят долларов подержанные обогреватели, очень похожие на те, что она видела на тротуаре в день вывоза крупного мусора. Только отмытые и отремонтированные. Такой у американцев был бизнес. Наташа беседовала со знакомой перуанкой, та хотела купить подешевле мебель. Справиться с этой серьёзной задачей перуанке предстояло одной, поскольку мужу-японцу появляться на распродаже в Кокусаи-центре было неприлично.

В девять утра зал открылся, а к десяти почти опустел. Арабы вынесли футонги, посуду, постельное бельё, поляки выкатили велосипеды, китайцы оформили доставку холодильников. Цены были смешные. Всего за пару тысяч йен она наполнила большую сумку всякими нужными для дома вещами. У выхода её поймал молоденький японский журналист.

— Не могли бы Вы сказать несколько слов благодарности за

дешёвые товары?

Она сумела улизнуть, и журналистик вцепился в коменданта Кокусаи-центра, заговорившего охотно, солидно:

— Для иностранцев японские цены слишком высоки. Мы идём им навстречу, участвуем в кампании интернационализации…

Между собой японцы называли иностранцев гаджинами. И чтобы привлечь гаджинов в свою страну, заботились о них, устраивали дешёвые ярмарки, бесплатно лечили, учили японскому языку…

За окнами машины мелькнуло двухэтажное белое здание Шимин-центра, а вскоре такое же, построенное по типовому проекту. В городе было более двадцати таких домов. И в каждом — бесплатные курсы японского.

— А это — общежитие для иностранцев, — указал Хидэо на серую бетонную коробку.

Здесь жили многие из её новых знакомых. Болгарин Тодор сам подошёл к ней в университете, заговорил по-русски, пригласил на семейный обед к себе в общежитие. Общежитие на самом деле оказалось домом с небольшими и очень дешёвыми квартирами, где жильцов бесплатно снабжали мебелью, телевизорами, холодильниками и даже утюгами.

— Я вынужден был бежать от нищеты, — рассказывал Тодор. — В начале девяностых зарплаты старшего научного сотрудника в Болгарии не хватало, чтобы прокормить семью.

Скромного, приветливого болгарина быстро произвели в ассистенты профессора. Тодор отдал детей в английскую школу, чтобы они смогли подготовиться к поступлению в американский университет.

— Это наша давняя мечта — учить детей в Америке, — говорила жена Тодора. — И благодаря Японии мы сможем её осуществить! Ради этого стоит потерпеть.

У себя на родине она была вице-директором крупной фирмы, известным человеком, здесь превратилась в домохозяйку. На люди выходила только раз в год, на приём для иностранцев у президента университета. К этому событию она готовилась заранее, покупала новое платье…

— Остальное время я сижу в четырёх стенах, — жаловалась женщина. — Да не возвращаться же в Софию, в нищету!

От нищеты сюда бежали многие.

— В Японии теперь денег в науке больше, чем где бы то ни было в мире, — говорил другой жилец общежития для иностранцев, профессор физфака МГУ Олег. — Он вынужден был поехать по миру — от его московской зарплаты в двести долларов

приходила в отчаяние жена и грустили две дочери — невесты. А японское жалование приглашённого профессора с надбавками тянуло на семь тысяч долларов. — За Японию стоит держаться, — говорил Олег.

И Дима из Свердловска думал так же. Раньше Дима тоже жил в общежитии для иностранцев. Потом у него закончился контракт, и его с женой и двумя детьми из общежития выселили. Но домой в Россию Дима не поехал.

— Что нас там ждёт? Нищета. А здесь у меня есть надежда — сэнсэй обещал выхлопотать новый контракт, — делился Дима.

Он часто навещал Тодора, бывшего соседа, друга. В ожидании контракта сэнсэй предложил Диме поработать бесплатно. И Дима согласился. Деньги, скопленные за первый год, быстро таяли. Из экономии семья сняла дешёвую квартирку на окраине. Домишко был маленький, дощатый, хлипкий. Когда приходил тайфун, дом трясло, а в щепки не разносило только потому, что ветер свободно проходил насквозь через несметное число щелей — так считал Дима. Он и его жена пережидали ураганы на полу, забившись в угол, прижав к себе детей, чтобы их, лёгоньких, не унесло. Единственное, что нравилось Диме в бедном квартале — его обитатели.

— Люди там добрые. Соседка в день рождения дочки пирог испекла, сосед с сыном в мяч играет, японскому учит…

Отчаявшись дождаться, пока сэнсэй исполнит обещание, Дима сам подал свой проект на конкурс, объявленный в университете. И победил — ему дали новый контракт с хорошей зарплатой.

— После первой получки жена повела детей в кондитерский отдел Мицукоши, — рассказывал Дима. — Велела им выбрать булочки, какие они хотят. Намучились они тут, наголодались, бледные стали, худенькие. Вот она и решила их побаловать.

И себя Дима решил побаловать: снял большую красивую квартиру в центре, купил хорошую мебель, холодильник, видео… В отпуск на своей машине всю Японию с семьёй объехал, выписал в гости маму. Она сына поддержала:

— Не жалейте денег, живите хорошо, пока можно, дома у вас будущего нет!

Дима пересказывал мамины слова, печально кивая, словно соглашался с ней. Он вообще ходил невесёлый — его контракт заканчивался.

— Вряд ли мне удастся ещё место найти, — терзался он, — конкуренция больно велика, не только русские в Японию поехали, но и американцы, европейцы…

Соседки Тодора, Лота из Берлина и Франсуаза из Марселя

преподавали в японском университете свои родные языки. Найти работу дома им не удалось, да и платили там хуже, чем в Японии. И всё-таки девушек прельщала не столько японская зарплата, сколько японская экзотика. И экскурсии их волновали больше, чем работа. Впрочем, и русские не все ехали в Японию только заработка ради… Молодой доктор наук Алёша из Челябинска у себя дома придумывал всякие маленькие устройства. Но в России Алёшины игрушки никого не интересовали. И для него они были просто так, хобби. Но однажды на международном конгрессе Алёша нарисовал такую штучку скуки ради прямо в зале заседаний и показал сидевшему рядом японцу. Японец оказался сэнсэем Сато, начальником знаменитой лаборатории микромашин. Он глянул на чертёжик, ахнул и пригласил Алёшу в гости. Ненадолго, на месяц, нормальное рабочее место для Алёши было выхлопотать сложно — он был инвалидом, с трудом ходил. И спал Алёша плохо, а в Японии, где утро начинается на четыре часа раньше, чем на Урале, и вовсе спать перестал. И бессонными ночами рисовал чертёжики. А лаборатория сэнсэя Сато быстро-быстро строила по ним маленькие машинки.

— Япония — прекрасная страна! — восторгался Алёша. — Здесь мой механизм всего за пару месяцев сделали! И теперь запускают в серию на заводе! В России на это ушли бы годы! А до серийного выпуска и вообще вряд ли дело бы дошло! — Вопрос — сколько ему заплатили? — Алёша не любил. Отмалчивался. Или отмахивался. — Да разве в этом дело? Главное — увидеть реализованную мечту, свою машину. Посмотреть Японию. На жизнь мне хватает — квартира в общежитии стоит всего четыре тысячи йен, одежду я привёз с собой, еду покупаю из небольшой стипендии… — Алёша быстро прекращал неприятный разговор про деньги. Он предпочитал объяснять свой новый чертёжик.

Общежитие для иностранцев скрылось из виду. За окном мелькнуло ещё одно общежитие для иностранцев, впереди показался Кокусаи-отель. В Японии шла кампания интернационализации.

"Особенно блестящие"

Зал для заморских гостей
Тушью благоухает…
Белые сливы в цвету.
Бусон

Кокусаи-отель сиял огнями — японские гостиницы так щедро не освещались. Большие люстры блестели жёлтым металлом и стеклом, пушистый ковёр укрывал фойе. Кокусаи-отель — западного стиля, в японских гостиницах ни люстр, ни ковров нет.

— Мы должны стать открытой страной!

Доклад президента университета походил на отчёт: общее число иностранцев на каждом факультете, наиболее преуспевшие в этом деле лаборатории… Иностранцы слушали невнимательно, поглядывая на накрытые банкетные столы. К счастью, доклад оказался коротким. Аплодисменты быстро сменились шорохом ног и звяканьем тарелок — народ спустили с поводка вежливости и терпения. Толпа расслоилась, распалась на две резко разнящиеся струи: дорогие костюмы, плавное достоинство, хорошо исполненное безразличие к еде — сэнсэи. Пиджачки, свитера и джинсы, суетливые движения, переполненные тарелки — гаджины. Их рубашки не выдерживали соперничества с белоснежными сорочками японцев, их светлые головы с фантазийными причёсками казались кляксами на ровных строчках безукоризненно постриженных японских голов — гаджины смотрелись неважно.

Хидэо отошёл поздороваться с деканом. Намико последовала за мужем. Оставшись одна, она огляделась — как много знакомых лиц! Как много завелось у неё друзей! Здесь иностранцы знакомились друг с другом прямо на улице. Приметив белое лицо, непременно здоровались, а иногда и заговаривали — обычная это здесь вещь. Может потому, что бледнолицые хорошо заметны в смуглой толпе? Или одиноко блондинам в этой стране черноголовых? Или причина была в том, что почти все приезжие в Японии оказывались слепо-глухо-немыми и обмениваться информацией могли только изустно, как дикари? Друзья — это хорошо везде. Но здесь особенно. В одиночку Японию не одолеть. Без друзей не справиться не только с магазинами, больницами, счетами, но и с недоумением, с тоской. Япония ковала сплочённую русскую диаспору. Услыхав русское "здравствуйте", тут же приглашали друг друга в гости, обменивались телефонами. Листок, приколотый над изголовьем её футонга, быстро заполнился, стал мал. Так и жили они тут, так и спасались, передавая друзей с рук на руки, по цепочке… Дима познакомил её с Алёшей, Наташа — с Галей…

Теперь обе женщины подходили к ней. С ними был муж Наташи, невысокий, незаметный рядом с красивой женой. Вообще незаметный. И обычно молчаливый. Но сегодня, раскрасневшись от обилия съеденного и выпитого, он вдруг стал рассказывать, как

плохо жилось ему в Киеве, как мало платили ему, кандидату наук…

— А здесь я схитрил, скрыл диплом, — озираясь, сознался он.

Нет, в Японии признавали советских кандидатов наук и работу им давали. На год, на два, а он хотел пожить тут подольше. И стал студентом мастер-курса, по-нашему третьекурсником. В тридцать лет. Ему пришлось туго — студенту положено писать контрольные и сдавать экзамены на японском языке. Но он смог окончить университет и поступить в аспирантуру в надежде, что с японским кандидатским дипломом ему удастся найти более продолжительную работу. А если не удастся, всё равно получится пять лет, два на мастер-курсе и три в аспирантуре. Целых пять лет с большой японской стипендией. В аспирантуре он получал двести тысяч йен — почти две тысячи долларов.

— Мы втроём отлично живём на эти деньги, — говорил он. — Правда, квартирку приходится снимать крошечную, негде даже стол поставить, дочери приходится делать уроки на полу, зато откладываем долларов пятьсот в месяц. — Специальность ему пришлось сменить, но он не горевал. — Какая разница, что делать? Всё лучше, чем картошку копать. Дома мы с Наташей всё лето работали в деревне, чтобы как-то пережить зиму. Вспомнить страшно!

— И мне вспомнить страшно! — эхом повторила Галя.

Но всё-таки вспоминала родной Питер и маленькую комнатку в коммуналке, где ей пришлось сидеть с больным сыном. А муж — научный сотрудник не мог их прокормить и стал подрабатывать, устраивая концерты сомнительных эстрадных звёзд. Но денег всё равно не хватало. Устав бороться в родной стране, он нашёл работу в Японии. Тут сразу решились все проблемы. Галя совсем забыла, что она программист и полюбила роль домохозяйки.

— Здесь так приятно ходить по магазинам: кругом так красиво и продавцы такие вежливые, да и деньги у меня всегда есть! — счастливо улыбалась Галя, поправляя свои роскошные волосы. — А какие шампуни здесь хорошие! И воздух прекрасный! И еда! У меня даже румянец появился! У сына — аппетит!

После операции, сделанной в Японии, Галин сын выздоровел, и она смогла отдать его в детский сад. Вот только казённый футонг ему оказался мал. Это была единственная проблема, с которой Галя столкнулась в Японии. Но и она успешно разрешилась — футонг по росту сына заказали в мастерской.

— Он сам выбирал ткань! Здесь такие красивые ткани! —

ликовала Галя. — А форменную курточку ему покупать не пришлось, в садике подарили, подобрали из обносков. Нам здесь всё время что-нибудь дарят! И операцию сыну сделали бесплатно. Потому что в Японии мы с нашей зарплатой бедные! — Слово "бедные" Галя выговаривала, счастливо улыбаясь. — Сэнсэй даже отдал мужу свою старую машину. Бесплатно! И сэнсэю выгодно — за вывоз машины на свалку не платить, и нам хорошо. Правда, машина не ездит, надо отдать её в ремонт. Да ещё за техосмотр заплатить. Это дорого. Она просто так стоит пока. У нас рядом с домом бесплатная стоянка есть, потому что дом служебный, очень дешёвый.

Нарядная, как бабочка, молодая женщина, выпорхнула из толпы, подлетела к их столу. Подругу Гали и Наташи, их ровесницу, звали Инна.

— А это Гриша, мой муж, — Инна указала куда-то под соседний стол.

Там сидел, развалясь, молодой мужчина. Его мягкое расплывшееся тело уютно покоилось в новом костюме, румяное лицо было спокойно, глаза сонны. Он слегка кивнул головой, почти скрытой под столом. Столы были сделаны, чтобы есть стоя, но Гриша где-то раздобыл стул. И оставил он его нехотя, подошёл вяло, сообщил, что живёт прекрасно — студентов гоняет, с сэнсэем ладит. Её жалобы на то, что она никак не может толком начать работу, Гриша выслушал вполуха.

— Работать не дают? Ну и не работайте! — сказал он наставительно. — Спорить с сэнсэем нельзя! Я со своим душа в душу живу. Делаю, что он велит. Кто платит, тот и заказывает музыку! А мне всё равно, что делать, лишь бы платили.

— Но нам, иностранцам, здесь платят гораздо меньше, чем своим! — попробовала возразить она.

Гриша посмотрел сердито.

— А Вы знаете место, где платят больше? Может, в России? Да Россия со своими учёными вообще по-свински обращается!

Гриша умолк, словно выдохся, переутомился непривычным возбуждением. И потянулся, возвращаясь к сонному состоянию.

— На работе я не надрываюсь. А зачем? Здесь всё равно надолго не оставят. У меня контракт на два года, потом придётся уезжать. — Гриша уже и работу новую себе приискал. В Америке. Друзья помогли. У Гриши в Америке было много друзей. — Здесь мы последние месяцы доживаем. Я работаю теперь поменьше, домой прихожу пораньше. Вечерами играю на гитаре, хожу с женой в концерты. Кстати, здесь прекрасный концертный зал! Мы здесь вообще прекрасно живём… — В России Гриша тоже не бедствовал — в своём институте появлялся редко, приторговывал

цветами. — Но в Японии, конечно, лучше, — рассудительно заключил он. — Денег больше платят. А Вы пессимистка какая-то… — Он лениво отвернулся, медленно побрёл за новой порцией еды и снова вернулся к себе под стол.

Инна, кивнув в его сторону, похвасталась вполголоса:

— Я больше него зарабатываю! — И поделилась опытом: — Преподаю русский язык в пяти местах: в клубе, на курсах, в кружках… Здесь многие хотят учить русский: сотрудники компаний, работающих с Россией, старички, собирающиеся в турпоездку, студенты… — Инна давала и частные уроки. — Когда мы приехали сюда, сэнсэй мужа устроил меня лаборанткой в университет, но через год я ушла — уроки давать выгоднее.

Галя, слушая Инну, восхищённо ахала и, стыдясь, сознавалась, что за год жизни в Японии выучила всего несколько слов.

— Неважно! — авторитетно утешала Инна.

Она сама знала немного, но этого хватало, чтобы учить. А то, что виза у Инны была, как у всех жён, без права работы, тоже не мешало. Здесь многие женщины обходили такую преграду. Особенно ловко это делали польки, они работали все, поголовно, не упуская случай заработать приличные деньги в богатой стране.

— Нет, нет! — испуганно округляла глаза Галя. — Я так не смогу. И потом, у меня проблемы, ребёнок…

У Инны проблем не было. И не было детей.

— Я ещё не всё попробовала! — прервала разговор Инна, отправляясь за закуской.

И вся компания потянулась за ней.

Возле соседнего стола беседовал с молодым американцем долговязый парень. Его рыжие курчавые волосы спадали на плечи неопрятными слипшимися прядями, осыпая перхотью лопнувший по шву обвисший свитер. Парень так явился на торжественный приём — в старом свитере и жилетке на пуху. Жилетка была дешёвая, китайская, пух вылезал из неё, прилипая белым сором к засаленной чёрной ткани. С этим парнем она познакомилась у себя на Ягияме. Был сезон дождей. Парень брёл, укрывшись дешёвым прозрачным зонтиком. Такие покупали на случай, на несколько дней, но этот зонт служил хозяину давно — помутневший, пожухлый полиэтилен отбрасывал мятые серо-жёлтые пятна на бледное веснушчатое лицо. С ручки зонта неряшливыми клочьями свисала размокшая от дождя бумажная салфетка. Зачем он обернул ручку бумагой? — подумала она и поздоровалась с парнем и остановилась поговорить — в сезон дождей любой собеседник мил! Парень назвался Мишей и сообщил, что он физик-теоретик, кандидат наук, в здешнем

университете преподаёт физику. О своей прежней работе в научно-исследовательском институте в Москве Миша говорил неохотно.

— Я там в основном столы таскал…

В Японии Мише нравилось всё, особенно зарплата.

— На неё можно многое купить! — возбуждённо говорил он, лихорадочно перечисляя свои приобретения: холодильник, телевизор, видео, пылесос…

В длинном списке была даже подержанная машина. Вот только водить её Миша не умел. И экзамен на права выдержать не мог. Была у Миши и другая проблема — девушки. Мише шёл тридцать пятый год, но он не был женат. Тема эта Мишу очень волновала, он горячо говорил о любезной ему скромности японок, хвалил брачные агентства. Сам, без агентства, он к девушкам подойти не мог, боялся. Ещё он боялся конторских служащих, выдающих всякие справки. Вообще нравы этой категории населения определяли отношение Миши к стране. Хамские конторы России напугали его на всю жизнь, до смерти. Россию Миша не любил. И Европа ему не приглянулась — чиновники там были невежливы, потому, проработав несколько месяцев в Брюсселе, Миша съехал. А вот услужливая Япония пришлась ему в самый раз. Он часто заходил в факультетскую канцелярию и обсуждал с угодливыми молодыми клерками, как правильно заполнить какую-нибудь бумагу. Эта тема вызывала почтение не только у клерков. Сэнсэи с удовольствием присоединялись к разговору, глядя на Мишу уважительно, кивая согласно, когда он произносил:

— Секретари — это очень важно!

За четыре года, которые Миша прожил Японии, он выучил японский язык и дослужился до чина ассистента профессора. На большом щите у входа на инженерный факультет его имя было вписано среди имён прочих сэнсэев несмываемой масляной краской. Но Миша знал, что держат его до срока, пока шеф не найдёт подходящего японца. Сотрудников здесь искали тщательно, не торопясь, боясь ошибиться. Потому что отделаться от принятого на работу японца непросто — в Японии существовал пожизненный наем.

— Как только мой сэнсэй найдёт подходящего японца, меня уволят, — бесстрастно говорил Миша. — Больше шести лет здесь всё равно, как правило, не держат.

Миша, как и Гриша, собирался в Соединённые Штаты. Он даже потратился на поездку в Россию, чтобы сменить русскую фамилию отца на более выгодную для Америки еврейскую фамилию матери. До этого четыре года Миша в Россию не ездил.

И не звонил — экономил деньги. Только изредка посылал электронной почтой письма на адрес приятеля, а тот передавал послания Мишиным родителям.

Тогда на Ягияме, глядя на сутулого худого Мишу с размокшей бумажкой в руке, она пожалела его и пригласила заходить в гости. Когда-нибудь. На следующий день Миша зашёл к ней в кабинет и стал перечислять свои заботы на все ближайшие дни. Выходило — приглашать его надо сегодня. Вечером Миша постучался ровно в шесть, словно боялся её упустить. Но в шесть заканчивали рабочий день только техники и секретари, а у неё ещё были дела. Миша без приглашения сел на диван и стал терпеливо ждать, пока она закончит. Зайти в магазин у него не осталось времени, и так вышло само собой, что в гости он явился с пустыми руками. Ел Миша много, жадно. Насытившись, молча выпрямился и стал ждать, когда ему зададут вопрос. Сам разговора не начинал. Как японец. И отвечал, как здесь положено, кратко.

— Как доехать до горячих источников?

— Это просто!

— Как оформить кредитную карточку?

— Это трудно.

На вопрос о проблемах он пожаловался, что в его кабинет сносят старые компьютеры, как в чулан. Но ему это не мешает. От себя Миша зачем-то сообщил, что держит дома котатцу. Как японцы. Должно быть, Миша считал обзаведение котатцу признаком лояльности и старался оповестить о своём котатцу всех в университете. Разговор быстро затух, Миша поднялся с облегчением и, пообещав принести в подарок старый радиоприёмник, удалился. На следующий день, увидев её в университетском городке, Миша перешёл на другую сторону улицы и сделал вид, что увлечён музыкой. Он всегда ходил с плэйером и наушниками, размахивая руками, словно дирижируя. И теперь, увидев её в зале, он отвернулся, склонившись почтительно перед рыжим американцем в таком же, как у Миши, неопрятном свитере.

— Рад Вас видеть! — к ней подошёл улыбающийся профессор Такасими, в точности повторил слова президента: — Мы должны стать открытой страной! — И сообщил, что часто летает в Америку. Эта тема возникала в их беседах неизменно. Хотя теперь она была вполне уместна. В свете кампании интернационализации. — Как Вам нравится моё произношение? — улыбнулся в ожидании комплимента Такасими. — У меня чисто оксфордское произношение! А вот у него ужасное произношение, — Такасими указал на Мишу. — У

русских вообще произношение скверное!

О том, что она тоже русская, Такасими постоянно забывал, запомнив свою первую мысль, что она американка. Пока Такасими ругал Мишино произношение, сам Миша, бросив американца, повернулся к нему и стал кланяться, то ли здороваясь, то ли соглашаясь.

— Да у него нормальное произношение! — не выдержала она не то упрёков Такасими, не то Мишиных кивков.

Она не Мишу защищала, себя. Потому что это была неправда — про скверное произношение русских и оксфордское Такасими. И вообще это заявление было не в духе кампании интернационализации. Такасими перестал улыбаться, отошёл.

— Вы доверяете женщине защищать Вас? — набросилась она на Мишу.

— А что он такого сказал?

Миша вяло пожал плечами и, согнувшись, попятился прочь, надеясь спастись под столом у Гриши. Они дружили.

— Смотрите, сколько здесь наших! — весело воскликнул, подходя к ней, Лазарь Аронович — пожилой доцент с химфака МГУ. — Только в одном университете, где мы с Вами трудимся, сейчас около пятидесяти наших соотечественников! Идёт активная утечка мозгов!

Лазарь Аронович почему-то радовался. А она думала, что мозги, которые могут течь — недостойная внимания, жидкая субстанция. И в России, пожалуй, ничего ужасного не случится, если мозги Миши и Гриши утекут. А если в японской науке с приездом Миши и Гриши появятся проблемы, то это — забота Японии. Ведь она сама их выбрала, этих иностранцев, чем-то очень похожих друг на друга: в России Миша таскал столы, Гриша торговал цветами, Галин муж устраивал концерты, Наташин копал картошку… Конечно, кризис у нас. Но ведь не все ушли копать и торговать, не все уехали, кто-то остался в институтах, в России…

— Россия… — рассеянно повторил Лазарь Аронович, словно припоминая, что это такое? — Я каждый день смотрю CNN. В последнее время там о России ничего нет. Нет такой страны — Россия! — И он весело рассмеялся.

Великолепие банкетных столов быстро таяло под натиском гаджинов. Китайские детишки шныряли под ногами, хватая ручонками всё, что поближе к краю. Закуску подметали чистенько, до последнего ломтика, до веточки петрушки.

— Какой прекрасный приём! — сияющий Хидэо подлетел к ней, повторил слова президента: — Мы должны стать открытой страной!

И добавил тихонько, задорно поглядывая на неё:

— Вы произвели большое впечатление на профессора Такасими! Вы вообще прекрасно выглядите, — сегодня Хидэо был особенно ласков. — А Вам понравился банкет?

Хидэо спросил рассеянно, наверняка ожидая услышать "да". Только "да". Но она добавила:

— Но некоторые иностранцы — нет!

Удивлённо поглядев на неё, Хидэо стал говорить о строгих правилах отбора и о том, что критика в адрес людей, удостоенных чести работать в Японии, неуместна, поскольку рикошетом задевает тех, кто их пригласил.

— Только особенно блестящие учёные могут получить предложение работать в Японии, — укоризненно сказал Хидэо. Он так и сказал: "особенно блестящие"… — Кстати, я заметил, что у Вас просто талант заводить друзей! У Вас здесь столько знакомых! И многих из них я не знаю.

Значит, беседуя с деканом, Хидэо внимательно наблюдал за ней?

Створки раковины (Слишком много свободы)

Какая грусть!
В маленькой клетке подвешен
Пленный сверчок.
Басё

Хидэо вызвался доставить её с банкета домой. Она привычно забралась на заднее сиденье машины — она привыкла к его заботам, к заботам его жены. Эти милые люди с первого "Здравствуйте!" на вокзале словно взяли её под руки и повели — возили, объясняли, помогали, давали денег взаймы… Стоило только намекнуть, и в её неприятно пустой квартире появлялись чашки, ложки, абажуры, шторы, печки. И ещё без намёков прибывало много чего-то мелкого, очень нужного. Машина Кобаяси подкатывала к её дому, как фургон армии спасения. У неё были замечательные друзья! Пока она жила себе беспечно в Москве, они всё продумали и предусмотрели! Хидэо даже составил программу её действий — что и где купить, куда сходить — не поленился, времени не пожалел, взвалил на себя этот тяжкий труд совершенно бескорыстно. А её роль была совсем простенькой — сесть на заднее сиденье машины и ехать, куда

везут. И делать, что велят. И благодарить.

— Мы сняли для Вас квартиру!

— Спасибо!

— Я распорядился отремонтировать Ваш кабинет!

— Спасибо!

Ей уютно было внутри мягкого кокона заботы. Но однажды она вдруг задумалась, а не слишком ли часто она говорит "спасибо!" Не многовато ли? Даже по вежливым японским нормам. И ещё одно немного смущало: вопроса — а устраивает ли это Вас? — ей никто не задавал. То есть задавали иногда, но мимоходом, ожидая лишь очередное "спасибо". Устраивает ли её квартира? Не очень. Слишком большая и холодная. И дорогая. Хидэо её робких сетований не принял.

— Ну что Вы! Прекрасная квартира, мне очень нравится. И расположена удобно, я могу заезжать к Вам по пути в университет!

— Смените квартиру, — посоветовала Франсуаза. — Мне мой сэнсэй тоже снял очень холодную квартиру в общежитии иностранцев, но я позвонила во Французское посольство, и мне помогли найти новую, тёплую. Правда, мой сэнсэй остался недоволен.

Она не решилась поступить, как Франсуаза — не уверена была, что русское посольство станет ей помогать, да и не хотелось ей обижать Хидэо, опекавшего её так заботливо. Иногда даже слишком заботливо.

Помнится, тогда был май. Солнышко светило ласково. Утро было прелестное, хрупкое. Сакура цвела, и розовые лепестки кружились, опадая, как снег. На тротуарах росли душистые сугробы. Она вышла из дома, ступила в цветочную пену и пошла в направлении университета. Приблизительно. И долго брела наугад, вороша носками туфель цветы. В окне притормозившей машины показалось улыбающееся лицо Хидэо.

— Садитесь, подвезу!

Ближе к обеду он вошёл в студенческий зал, сел рядом, заговорил о цветущей вишне. Это было удивительно — обычно у него не находилось времени на светскую болтовню. Разговор иссякал, но Хидэо не уходил, мялся, словно хотел сказать что-то ещё, но не решался. И вдруг словно между прочим спросил:

— Вы были в Кокусаи-центре? Зачем?

Зачарованная цветами, она даже не заметила, где он её подобрал. Она улыбнулась и заговорила о том, как славно идти по весеннему городу. И вдруг осеклась, поймав взгляд Хидэо — холодный, жёсткий. Он ей не верил?

— Кстати, я хотел сказать, чтобы Вы не ходили на работу

пешком — это опасно! Дорога узкая, машин много… Я отвечаю за Вас! А Вы часто ходите пешком! Я видел!

Боже, да ему известен каждый её шаг! Он что, следил за ней?

Она почувствовала себя рыбкой в аквариуме, сквозь стеклянные стенки которого хорошо видно каждое её виляние хвостиком. Спрятаться рыбке было некуда, разве что в уютные водоросли лжи.

— Да, я была в Кокусаи-центре, встречалась со знакомым… — ещё не вполне оправившись от утренней радости, она решила порезвиться, — со знакомым мужчиной.

Хидэо оставил её резвость без внимания, кивнул серьёзно. И не уходил, ждал. Так и звенело в воздухе:

— Фамилия? Адрес? Место работы?

Малодушно сдаваясь, она промямлила первое, что пришло на ум:

— Он русский… Тоже работает в университете…

Ответ, кажется, успокоил Хидэо, он ушёл.

— Наше японское гостеприимство, оно того… Иногда немножко утомляет, — утешил её Шимада.

Должно быть, он заметил её расстроенное лицо. Она благодарно улыбнулась Шимаде и, чтобы успокоиться и отвлечься, решила написать письмо знакомому японцу, профессору из Киото. Они встречались на международных конференциях, а потом она приглашала коллегу в Москву, принимала у себя дома, водила по музеям и театрам. Он называл себя её другом. А другу следует сообщить, что она приехала в его страну. Прошла неделя. Друг наверняка получил письмо — в любую точку Японии почта приходила на второй день. Но ответа не было. Через несколько дней Хидэо сказал:

— Мне надо с Вами поговорить! — И начал сухо: — Должно быть, Вам не известно, что Ваш друг из Киото скоро уходит на пенсию и потому не сможет пригласить Вас и оплатить Ваш визит.

Она смотрела на Хидэо, ничего не понимая. О каком визите идёт речь? При чём тут пенсия? И вообще, откуда Хидэо известно, что у неё есть друг в Киото и что она ему писала?

— Как откуда? — теперь пришёл черёд Хидэо удивляться. — Сэнсэй из Киото позвонил мне и сообщил о Вашем письме. — Хидэо говорил так, словно это обычная вещь — вторгаться в чужую переписку. — Почему Вы не известили меня, что писали в Киото?

А почему, собственно, она должна была извещать? И почему её киотский друг решил ответить ей таким странным образом — через босса? И, наконец, с чего он взял, что она просила

пригласить её в Киото и тем более за это заплатить?

— Возможно, Вас так можно было понять, — Хидэо говорил уклончиво, — я мог бы сказать точнее, если бы Вы показали мне копию Вашего письма.

Это было чудовищно — читать чужие письма! Она выпалила возмущённо:

— Я не храню копий!

— Напрасно, — Хидэо говорил назидательно, спокойно, — копии следует хранить. Я всегда это делаю. И Вам советую поступать так же. Теперь копия пригодилась бы…

Закрывшись в своём кабинете, она пыталась усмирить обиду и понять, что же произошло? Ей необходимо было в этом разобраться, чтобы не попадать в такие дикие ситуации впредь! Она взяла лист бумаги и стала рисовать нечто вроде схемы. Получилось пять пунктов, соединённых стрелками.

1. Японский профессор в Киото получил письмо от иностранки, которая в данный момент находится в Японии.

2. Из пункта один с точки зрения японца вытекает, что она просится в Киото. Прямой просьбы в письме нет. Да кто же в Японии просит прямо? Все иностранцы непременно хотят приехать в Киото, иначе зачем ей было бы писать?

3. Из пункта два, а также из того, что дама русская, а, следовательно, денег не имеет, профессор заключил, что его просят не только принять гостью, но и оплатить её визит.

4. Сэнсэй собирается на пенсию, скоро его доходы резко упадут. В такой ситуации обращённое к нему требование финансовой поддержки невыполнимо и бестактно.

5. На основании вышеперечисленного друг из Киото поступил так, как следует поступать дисциплинированному японцу: он обратился к её начальнику, доведя до его сведения пункты один и четыре. А уж на этом основании Хидэо без труда восстановил всю последовательность, ведь он тоже был японцем.

Схема выглядела правдоподобно. Она поставила себе пятёрку за освоение японской логики и двойку за поведение. И признала — в стремлении Хидэо контролировать каждый её шаг был свой резон. Сообщи она ему заранее о письме, он не посоветовал бы его отправлять, ибо мог предвидеть реакцию сэнсэя из Киото. Но она, поступив своевольно, поставила в неловкое положение киотского друга, вынужденного отказать ей, и навредила репутации Хидэо, допустившего неосмотрительный поступок своей сотрудницы. Так кто же был неправ? Кого оскорбили? Чувствуя угрызения совести, она решила впредь честно информировать Хидэо обо всём. И слушаться его советов.

Сакура отцветала. Безжалостные уборщики сгребали лепестки

и отправляли на мусоросжигательный завод. Город возвращался к безупречному порядку. Здесь не допускали хаоса, даже если он происходит от цветов. Здесь всюду был порядок. Телефонные разговоры все записывали в специальную тетрадь. И она записывала. Но однажды к ней в кабинет с тетрадью в руках вошёл Хидэо.

— Чей это номер телефона? Я не знаю такого! Профессора Ямагути? Зачем Вы звонили ему?

Хидэо спрашивал, не сомневаясь, — он имеет право учинять ей допрос: с кем встречалась, кому писала, с кем говорила по телефону? На мягкий кокон заботы это уже не походило. Скорее, это напоминало колпак — прозрачный и жёсткий.

— О чём Вы говорили с профессором Ямагути? — в голосе Хидэо звучала нешуточная тревога.

— Профессор Ямагути может помочь нам с измерениями, — залепетала она. — Я звонила ему по поводу сотрудничества.

На скулах Хидэо загорелись багровые пятна.

— Никогда не делайте так! Я сам позвоню профессору Ямагути!

Губы Хидэо подрагивали. Он был в ярости. Она — в недоумении. Ведь сотрудничество — это нормально!

— Нет, сотрудничество между лабораториями непопулярно у нас в Японии, — ухмыльнулся Шимада.

Шимада всегда появлялся в студенческой, когда в нём была нужда. То ли студент не справлялся с компьютером, то ли ей срочно требовалось разъяснение. Или поддержка. Он был какой-то другой, этот сэнсэй Шимада, не такой, как все вокруг. Высокий среди низких. Разговорчивый среди молчаливых. Он обладал вещами редкостными в здешних местах: искренностью, лысиной и чувством юмора. А из Америки привёз ещё и неяпонскую манеру выражаться напрямик.

— Сотрудничество вынуждает профессоров впускать посторонних в свои лаборатории. Профессора этого боятся. — Шимада помолчал немного, словно не решаясь говорить. Решился. — Посторонний человек может обнаружить, что профессора преувеличивают свои заслуги. Совместная работа вскрывает правду, а это не всегда желательно.

Да, в науке многие боятся мальчика, который может крикнуть:

— А король-то голый!

В науке много нынче голых королей. Но Хидэо — смелый человек, впустил её в свою лабораторию. Впустить-то впустил…

— Мне надо поехать в Токио, к профессору Сакагути, — сказала она Хидэо.

С Сакагути она познакомилась пять лет назад на конгрессе в Риме. Он заговорил о сотрудничество, которое показалось ей полезным — она пригласила Сакагути в Москву. Они написали план совместной работы, её лаборатория получила первые результаты. Теперь она хотела обсудить их с коллегой.

— Мы договорились с Сакагути ещё в Москве о моей поездке в Токио!

Нет, Хидэо не сказал: "не езди". Но её визит стал обрастать сложностями, проволочками.

— Но мы уже согласовали дату!

Хидэо помрачнел. Сакагути — это серьёзно. Сакагути — влиятельный токийский профессор. И как раз в той области, где работает Хидэо. Опасно перечить Сакагути. Хидэо закрылся в своём кабинете. Через некоторое время он вбежал к ней, улыбаясь, — он нашёл выход.

— Не могли бы Вы дать мне телефон профессора Сакагути? О, конечно, он у меня есть, просто куда-то задевался. Теперь нет времени искать…

Через пару минут из кабинета Хидэо донеслось обильное:

— Йорошику онегай-таши-мас!

Это "йорошику" трудно переводилось. Оно представляло собой нечто очень любезное вроде "располагайте мной" или "я всегда к вашим услугам".

— Я рассказал профессору Сакагути, что Вы временно работаете в моей лаборатории. А поскольку Вы проявляете интерес к работам Сакагути, я помогу Вам посетить его институт в Токио, — Хидэо говорил так, словно мысль о её визите к Сакагути посетила его только что.

Японские обычаи — штука замысловатая. То её представляют Кумэде, с которым она накануне проболтала чуть не полчаса, то объявляют о её визите к Сакагути после того, как они уже согласовали дату. А происходили все эти странные вещи потому, что она действовала неправильно, через голову шефа. Хидэо исправил её оплошность, взял ситуацию под контроль. И Сакагути вовсе не удивился, а включился в игру. Следующее его письмо начиналось словами:

— Ваша поездка, организованная сэнсэем Кобаяси…

Через несколько дней выяснилось, что Хидэо пригласил токийского коллегу посетить свою лабораторию. Она узнала об этом, когда на пороге её кабинета явился величественный Сакагути, а за его спиной — сияющий Кобаяси. Он не только взял события в нужные берега, но и обернул её прыть себе на пользу — заманил в гости знаменитого столичного профессора, что очень полезно для репутации. Теперь Хидэо мог кому угодно говорить:

— Когда меня посещал профессор Сакагути…

За окнами мок сезон дождей. Визит к Сакугути откладывался, измерения у Ямагути не проводились. Она металась в поисках какого-нибудь выхода — звонила Ямагути, писала Сакагути — рыбка билась о стеклянные стенки аквариума.

— А Вы проявляете инициативу! — улыбался Хидэо.

И в его улыбке было что-то недоброе. Он стал считать её беспокойной и опасной. И принял меры. Она почувствовала, что её связи с внешним миром потихоньку перекрываются одна за другой. Створки японской раковины медленно, незаметно сжимались и однажды — клац! — захлопнулись совсем, оставляя её в узеньком пространстве лаборатории. Пытаясь защитить свою свободу, то, что от неё осталось, она бросилась за советом к соотечественникам — они встречались изредка в столовой, в факультетском магазинчике… Соотечественники не удивились, у них творилось то же самое.

— Здесь Вашу прыть тормознут! — хмыкнул Гриша.

— Будете сидеть в лаборатории и носа не высунете! — язвительно заметил Миша.

А новоприбывший Олег — высокий, сильный — сказал:

— Тюрьма здесь! Тюрьма открытого типа.

Как и положено профессору физики, он умел давать чёткие формулировки.

— За такую зарплату можно и в тюрьме посидеть! — зло отрезал Гриша.

А Миша поспешил отойти в сторонку.

Вечером, возвращаясь домой, она, как обычно, любовалась картинками японской жизни: женщиной в кимоно, крошечным деревцем в витрине магазина, сосной с причудливой слоистой кроной. Но теперь она замечала и другое: красивые японские картинки забраны в тесные рамки несвободы. Женщина в туго запахнутом длинном кимоно, в негнущихся сандалиях семенила мелко, сдавленно. Крошечное деревце было творением знаменитого японского искусства бонсай, искусства так замучить дерево, чтобы то, чему природа предназначила стать высокой, вольной сосной, превратилось в жалкого карлика. Большой сосне тоже не позволяли расти свободно, её крону разделяли на горизонтальные пласты, туго прикручивая ветви к деревянной раме. Клетки рамы, похожей на тюремную решётку, неестественно распластывали, выгибали дерево. Однажды супруги Кобаяси специально подвели её к этой сосне, чтобы показать раму.

— Так сосне придают нужную форму, — объяснял Хидэо. — А слишком длинные ветки обрезают. Всё чрезмерное нехорошо!

Ей захотелось защитить длинные ветки, остановить занесённый над ними нож, спасти сосну от клетки:

— Может, лучше дать дереву свободу?

— Слишком много свободы — нехорошо, — заученно произнесла Намико.

Хидэо одобрительно посмотрел на жену и строго на иностранку. Потому, что она смеялась и спрашивала:

— А что такое слишком?

Японский вакуум (Поговорим!)

Плотно закрыла рот
Раковина морская.
Невыносимый зной.
Басё

Осторожность иногда заставляет промолчать.
Японская пословица

*Молодой немец, увидев её в коридоре, широко улыбнулся, радостно поздоровался, остановился. Он любил с ней поболтать. А ей нравилось слушать, как синегл*азый парнишка с нежностью рассказывает о маме — докторе и о дедушке — известном хирурге, который дал внуку денег на поездку в Японию к профессору Сато. Дед считал — внуку полезно поработать в лаборатории, знаменитой на весь мир миниатюрными приспособлениями, которые можно использовать и в медицине тоже. Вскоре в разговорах, кроме мамы и дедушки, стал появляться и другой предмет — японские девушки, особенно одна из них — юная секретарша сэнсэя Сато Томоко. Парень, кажется, был влюблён.

Возвращавшийся с собрания Хидэо, заметив её рядом с немцем, остановился, посмотрел внимательно, скрылся в своём кабинете. Через несколько минут он приоткрыл дверь, выглянул, явно нервничая. Потом, потеряв терпение, с озабоченным видом вышел в коридор, как бы невзначай приблизился к беседующим, прислушиваясь, и, наконец, не выдержал, окликнул её:

— Зайдите ко мне! — Встретил вопросом: — О чём Вы беседовали с аспирантом сэнсэя Сато?

— О японских девушках, — улыбнулась она.

Хидэо посмотрел подозрительно, пожал плечами.

Вечером позвонила Намико. Она никогда не звонила просто так, а тут заговорила о пустяках и вдруг…

— Вы, кажется, подружились с Клаусом?

Оказывается, молодого немца звали Клаусом. Телефонная трубка замолчала, словно ожидая признаний, и, не дождавшись, спросила напрямик:

— Интересно, о чём вы беседуете?

Намико помогала мужу. И так же, как он, не поверила версии "о девушках". Наутро Хидэо снова позвал её к себе, сказал раздражённо:

— Я отвечаю за Вас!

Она не поняла, какую опасность для неё представляют беседы с немцем? Тем более о девушках. Из пространных наставлений Хидэо выходило, что в разговоре с посторонними людьми она нечаянно может сказать что-то не то. И не так. А что такое то и как это так, она может и не знать. Поскольку иностранка. А сэнсэй всё это знает, но не может её поправить, потому что она ведёт неподконтрольные ему беседы. В результате её неосторожные разговоры могут навредить репутации сэнсэя Кобаяси. Хидэо советовал не увлекаться общением с посторонними, а ещё лучше вовсе не выходить за стены лаборатории. Здесь её окружают только свои люди, и даже если она скажет нечто неправильное, её слова вреда не принесут. Не желая навредить Хидэо, она стала беседовать с Клаусом пореже.

К счастью, мальчишка этого не заметил. Он вообще ничего, кроме Томоко, не замечал. Хидэо успокоился. Но однажды он услыхал её разговор с Митико.

— Физика переживает кризис, — говорила она, а Митико слушала, по-детски приоткрыв рот. — Мы должны уделять больше внимания выбору темы исследования, искать новые пути.

Хидэо насторожился, снова вызвал её в свой кабинет, раздражённо сообщил, что не приемлет слово "кризис", а также "новые пути". Что в физике вообще, и в его лаборатории в частности, всё обстоит прекрасно, а тему исследований студентам задаёт он, так что проблема поиска новых путей их волновать не должна.

— Какой кризис! Я вообще не понимаю, о чём Вы говорите? — Хидэо нервно ходил по комнате.

— Но наука действительно переживает кризис, — она решила пошутить. — Вы заметили, в физику перестали идти красивые ребята.

Хидэо погрозил ей пальцем.

— Я вот расскажу об этих Ваших словах Митико! Разве она нехороша собой?

Но Митико собиралась работать на фирме. И красавец Кубота, и умница Адачи… На фирмах платили лучше, чем в университетах.

— Нет никакого кризиса, — строго выговаривал Хидэо. — Моя идея получает всё новые подтверждения. Вы просто пессимистка! А я — оптимист! Я — оптимист! — повторял он, словно хотел уговорить себя, что теперь, когда он добрался, наконец, до желанного профессорства, никаких кризисов быть не может. И не должно.

Вскоре она почувствовала — Хидэо отгораживает от неё студентов. Завидев её с ребятами, он замедлял свой бег, прислушивался подозрительно. И перебивал, встревая в разговор. Он говорил по-японски, косясь на неё, посмеиваясь. Может, он произносил нечто вроде — не слушайте её! Она того, с причудами! Обиженная, она уходила, и сэнсэй охотно уступал ей дорогу. В хорошие минуты Хидэо качал головой с завистью.

— Как горячо Вы дискутируете! Студенты никогда не дискутируют со мной так!

— Какие же дискуссии могут быть, если Вы требуете от ребят только "хай!" и безусловное подчинение?

На этом хороший разговор заканчивался — её "хай!" Хидэо злило.

— Вы внушаете студентам неправильные мысли! — сердился он.

Он был абсолютно уверен — своих мыслей у студентов быть не может.

Она замолчала совсем. Впрочем, здесь молчали все. Утром студенты бросали, входя, "охайо госаймас!" и утыкались в компьютеры. Каждый в свой. Это в России работали командами: один тянул расчёты, другой — измерения, что кому сподручнее. И все подолгу обсуждали планы и результаты. В коллективистской Японии работали поодиночке, один студент — одна тема. И молчали — в студенческой всегда стояла тишина. И сэнсэи молчали, скользя по коридорам, церемонно кланяясь друг другу. Уста они размыкали только для "йорошику". И невозможно было вообразить, что запечатанные в строжайшие костюмы сэнсэи улыбнулись бы вдруг не по процедуре, а от души и вместо "йорошику" спросили бы друг друга "как дела?", да поговорили бы про жён-детей или футбол-хоккей… Вообразить такое было так же невозможно, как представить себе сэнсэев, вдруг двинувшихся по университету в исподнем. Здесь все помалкивали. В транспорте, на улицах, в магазинах… Даже стайки детей, подростков шли в полной тишине.

Вечерами она бросалась к телефону, чтобы отвести душу в

дамской болтовне. Но дамы — Зухра, Намико, отвечали одинаково:

— Извините! Сейчас я не могу разговаривать, муж дома, я должна его обслуживать!

А позвонить подружкам с работы было нельзя, праздные разговоры по служебному телефону здесь не вели. Спасаясь от душившего безмолвия, она стала обильно приглашать гостей. Две пары хорошо знакомых людей — супруги Шимада и Кобаяси — пришли без опоздания, принесли дорогие подарки, сели за стол и… замолчали. Молчание японцев, кажется, не тяготило. Но она не выдержала, заговорила… Её вопрос, их ответ — краткий, лаконичный и опять молчок — нормальный японский разговор. Она пошарила в голове в поисках темы, которая дала бы возможность гостям хоть немного поговорить, а ей накрыть на стол.

— На японском телевидении все передачи так похожи друг на друга и мнение только одно — официальное. У вас есть оппозиция?

Мёртвая тишина, висевшая над столом, ещё больше помертвела. Дамы глядели друг на друга. Вопрос был адресован, конечно, им, у японских мужчин времени смотреть телевизор нет. Дамы молчали. Не знали, что такое оппозиция, или не хотели обсуждать такую опасную тему? Мучительное напряжение свело лица женщин. Испарина на их лбах проступила даже сквозь толстый слой пудры. Это походило на старт велогонки, когда никто из спортсменов не хочет тронуться первым, чтобы рассекать плотный воздух, и все стоят, прокручивая педали, повиливая рулём, соревнуясь, у кого первого дрогнут нервы.

Нервы дрогнули у неё. Она почувствовала себя садисткой, пытающейся вырвать нечто запретное из уст невинных созданий.

— Да Бог с ней, с оппозицией! Хотите, я дам вам рецепт голубцов?

Ветерок облегчения овеял собрание. Дамы защебетали оживлённо, доставая из сумочек блокноты. Мужчины принялись горячо обсуждать, как записать по-японски это странное русское слово "голубцы"? Плотный воздух пришлось рассекать ей, и она, естественно, проиграла, обессилела. Потому что уметь разговаривать в Японии — это уметь молчать. Когда Хидэо и Намико ушли, Шимада решился объясниться:

— Мы, японцы, от разговоров очень устаём, для нас это чрезмерная нагрузка.

А его жена добавила:

— Наша императрица от общения с журналистами даже заболевает, теряет дар речи…

— А знаете, почему японцы молчат? Они проговориться боятся, — говорил американец Дик.

На автобусной остановке она увидела белобрысого парня, поздоровалась по-английски… Этого оказалось достаточно, чтобы незнакомец заговорил. Даже не спросив, кто она и откуда, едва представившись, он заговорил быстро, обильно, словно торопясь высказать накопившееся.

— Японцы боятся сказать лишнее, что может навредить репутации, карьере… Здесь ведь не прощают ничего и придают огромное значение любой мелочи. Поэтому каждое слово японцу приходится тщательно проверять. А это утомительно. Потому здесь и не любят говорить. — Парень излагал свои наблюдения долго, даже пропустил свой автобус. — Конечно, для карьеры лучше помалкивать в любой стране, но здесь особенно. Потому японские начальники и боятся говорливых. Любой японский босс предпочтёт молчаливого сотрудника способному. Здесь высшая похвала — спокойный.

Иногда безмолвие лаборатории становилось особенно невыносимым. Никогда в жизни, нигде не испытывала она такого страшного, такого полного одиночества, как в Японии, знаменитой своим коллективизмом! Она подходила к окну, смотрела на ворон, летевших молча, мечтала — хоть бы каркнули! Всё-таки живой голос! Ища спасения, уходила бродить по университетскому городку в надежде встретить своих. В библиотеке часто попадалась Анна.

— Японский язык, сама его структура не располагает к долгим доверительным беседам, — объясняла Анна. — "Поговорить по душам" на японский не переводится, восточная культура поощряет не открытость, а замкнутость, молчаливость. — Анна говорила со знанием дела, теорию она знала хорошо. А вот с практикой справлялась хуже, жаловалась: — Живу, как в пустоте! Дома сижу одна и молчу, на работе молчу тоже. И все вокруг молчат. Сэнсэи скажут "коничива!" и в сторону. Я уж пыталась и чай им заваривать, и печенье домашнее приносить, чтобы сделать отношения более тёплыми. Никакого эффекта! Съедят, буркнут "аригато" и разойдутся. Словно избегают меня. Сосед по дому встретится, поздоровается и бегом скатывается по лестнице, спасаясь от страшной перспективы остановиться и поболтать. Я звонила в Москву, в свой институт, жаловалась, что тут японский язык забуду. Коллеги не верят. Специалисты по Востоку, по Японии не верят! А зачем мне мой японский, если я всё время молчу? Я тут вообще разучусь говорить. На любом языке!

Около полудня в столовой можно было встретить Диму.

— Я пробовал учить японский, да бросил, — признавался он. — А зачем? Здесь никто друг с другом не разговаривает. Я и английского почти не знаю, думал, в Японии подтяну, но тут нет времени, да и надобности. Так и живу третий год без языка. И без проблем. Тут меньше проблем возникает, если молчишь. Я и русский скоро забуду. Домой-то я ночью прихожу, жена и дети уже спят.

Олег часто бродил между полок университетского магазинчика.

— Сюда вот убегаю, в лаборатории невмоготу, — говорил он, бесцельно листая проспекты. — Безвоздушное пространство тут, японский вакуум. И фон тяжёлый, низкий. Давит. А пики хорошего настроения очень редки. — Физик Олег использовал физические термины. И она понимала его. И не только потому, что физик тоже. — У меня шея толстая и то… — Олег вздыхал. — И как Вы, женщина, выдерживаете здесь? — И он смотрел на неё с состраданием с высоты своего роста.

Вечерами в студенческой, шаркая пластиковыми шлёпанцами, обычно появлялся Шимада. Заваривал в своей почерневшей кружке крепчайший кофе и мешкал, не уходил. Может, он не только за кипяточком заходил? Может, и ему тяжко было от родного обычая проводить дни молча? Шимада долго размешивал кофе, поглядывая на неё, словно приглашал — поговорим! Но первым разговора не начинал. Начать полагалось ей:

— Какая скверная сегодня погода!

— Да, плохая! — соглашался Шимада.

И замолкал. Вопрос — ответ. Её вопрос, его ответ, как положено японцу.

— Как Вы провели выходной?

Шимада рассказывал о теннисном турнире в школе младшего сына, а она улыбалась благодарно:

— Как хорошо, что Вы вернулись из Америки как раз к моему приезду!

— Да, хорошо, — соглашался Шимада. — Вы помогаете мне не потерять навыков английской речи. Уроки английского языка в Японии стоят дорого.

Значит, он разговаривал с ней потому, что это выгодно? Экономически. А она думала — интересно. Приятно. Впрочем, может, и интересно, и приятно, да Шимада никогда в этом не сознается — японцу не пристало откровенничать.

— Молчание — это наша японская скромность, — объяснял Шимада. — И деликатность. Зачем навязывать свои проблемы другому?

Легонько скрипнувшая дверь пропустила клубящийся вихрь, центром которого был стремительный, невероятно озабоченный Хидэо. Пока тормозящая машинка закрывала дверь, сэнсэй успевал окинуть взором комнату, метнуть подозрительный взгляд на неё и Шимаду, нахмуриться, спросить:

— О чём беседуем?

И выскользнуть в исчезающую щель. Два студента, болтавшие за чайным столом, завидев босса, мгновенно замолчали, словно это было провинностью — говорить. И Шимада оборвал беседу на полуслове и удалился. В приоткрытую дверь было видно, как Хидэо выглянул из кабинета, зафиксировал бегство Шимады и улыбнулся удовлетворённо — неподконтрольная болтовня на непонятно какие темы пресечена!

Разговор с человеком, не слыхавшим о Красной Шапочке

Слово скажу -
Леденеют губы.
Осенний вихрь!
Басё

С тем, кто молчит, держи ухо востро.
Японская пословица

Японская жизнь проходила в молчании. На разговоры был наложен некий всеяпонский запрет. Кем и когда — Бог весть, но исполнялся он неукоснительно. Запрет распространялся на все содержательные разговоры вообще. Разрешены были только разговоры ритуальные.

— Как Вам нравится Япония? — спрашивали японцы.

— О, очень нравится! — отвечала она.

Одобрительная улыбка, кивок… Разговор — церемония, где всё заранее определено. Разговор, который и разговаривать не стоит, потому что в нём нет ни капли того, что думаешь, что чувствуешь. Ни капли смысла. И стоило эту самую каплю добавить, разговор начинало трясти, как по кочкам.

— Как Вам нравится Япония?

— У иностранца здесь возникает много проблем…

Смущённая улыбка, замешательство. Потому что это — неправильный ответ, церемонией не предусмотренный, ставящий японца в тупик.

— Что Вы имеете в виду? Какие проблемы? — удивлялись японцы.

— Ваш язык, например…

— О, наш язык не вызывает никаких проблем! — горячо перебивали её. — Никаких!

Благоразумие советовало на этой стадии остыть и сказать положенное по процедуре:

— О да, никаких проблем!

Альтернативой была изнурительная дискуссия, кончавшаяся неизменно капитуляцией с её стороны и раздражением со стороны противоположной. Её аргументы не слушали, не принимали. Информация в обычном виде здесь вообще воспринималась плохо. Здесь говорили кодами: пароль — ответ. И надо было зашифровать сообщение, облечь его в такую форму, чтобы у слушателя нашлась для него соответствующая ячейка в мозгу.

— Вы не ставите в туалете специальные тапочки? — удивлялась Намико, приходя к ней домой. И ахала: — Непорядок!

Объяснений — суета с переобуваниями утомляет, отвлекает от работы — Намико словно не слышала и советовала тапочки на место вернуть. И вдруг, среди признаний, честных и абсолютно бесполезных, случайно вырывалась:

— Мы, русские, не переобуваемся так часто потому, что у нас другая культура!

Лицо Намико прояснялось — она соглашалась, что человеку, принадлежащему к другой культуре, позволительно туалетными тапочками пренебречь. Этот шифр — "другая культура" прояснял для японца множество странных ситуаций, которые создавали гаджины.

— У вас, русских, другая культура, — миролюбиво говорил Хидэо наутро после скандала с чёрными полосками.

Хотя его снисходительная улыбка свидетельствовала о том, что он считает эту самую другую культуру куда ниже японской.

— У вас другая культура, — отреагировал Кумэда на её удивление после их второго, официального знакомства.

— Другая культура! — хмыкал Шимада, глядя, как она пытается пройти в дверь впереди сэнсэев, и не помышлявших пропустить её.

— Какие невоспитанные мужчины! — думала она.

А японцы, наверное, думали:

— Какая невоспитанная женщина!

Шифрованные, холодные японские разговоры претили её русской душе, привыкшей к беседам искренним, горячим. Но она жила в Японии и открытую нараспашку русскую душу пришлось

застегнуть и учиться говорить, как японцы, шифрами. К сожалению, универсального шифра не существовало. Для каждого случая его приходилось искать вслепую, перебирая варианты.

— В каком ресторане Вы ужинаете? — спрашивал её элегантный Такасими.

— Я ужинаю дома, — отвечала она.

— Вы покупаете готовую еду? — интересовался слегка озадаченный сэнсэй.

— Нет, готовлю сама!

Это был правдивый, но легкомысленный, необдуманный ответ — в Японии профессору, даже женщине, не полагается готовить. Улыбка Такасими становилась холодной, брезгливой. А она бросалась спасать свою репутацию, перебирая наугад:

— Я люблю готовить… Я не люблю жаренное… Меня не устраивает жирная ресторанная еда…

Всё правда, и всё не то! Говорить правду — здесь не лучший путь. Такасими смотрел презрительно, её аргументы не проходили, отскакивали упругими мячиками. Наконец, она нечаянно натыкалась на нужное:

— Я скучаю по своей кухне и готовлю русские блюда!

Вот это понятно! Это извиняет такую дикую вещь, как профессор у плиты. Такасими дружески улыбался.

— Да, да, в Америке я тоже скучаю по японской пище…

К счастью, набор шифров был невелик. И набор фраз, которые ей приходилось слышать — тоже. Первое место прочно занимало утверждение о более солнечной погоде Тихоокеанского побережья Японии по сравнению с дождливым климатом побережья западного. В затылок за ним шло положение о том, что в России холодно. Здесь все одинаково говорили. И одинаково жаловались:

— В университете мало платят… Жизнь так дорожает…

Словно всем жителям Японских островов выдали инструкцию, что говорить. И все они добросовестно эту инструкцию исполняли. Ей казалось — она всё время разговаривает с одним и тем же человеком. Достаточно было побеседовать с одним японцем, чтобы знать, что скажут остальные. И не стоило трудиться разговаривать. Тем более что разговорить японца нелегко. Должно быть, и японцам было трудно разговаривать с ней — она не умела задавать правильные вопросы, то есть такие, ответы на которые известны заранее. Её несчастным собеседникам приходилось ответы не вспоминать, а придумывать. Её плохо понимали. Нет, не её английскую речь, а её русские мысли. Потому, что здесь не только говорили по-японски, здесь по-японски думали. А она думала по-русски. Но то, что русским казалось обычным, здесь взрывалось, как

петарды. Банальные, затрёпанные фразы производили эффект потрясающих откровений.

— Теперь кризис, многие страны переживают экономический спад, — не особенно задумываясь, походя роняла она в профессорском собрании.

Сэнсэй Кумэда в замешательстве переглядывался с сэнсэем Сато, спрашивал строго:

— Какой спад? Что Вы имеете в виду?

Хидэо ронял бумаги из рук, лепетал в ужасе:

— Я не советую Вам так думать! — И извинялся за неё перед коллегами: — Она неправильно выразилась!

Сэнсэи смотрели на неё с опаской, словно она придумала всё это — кризисы, спады… Ей доставалось, как вестнику, которому отрезают язык за дурную весть.

— У Вас очень странная точка зрения на многие вещи! — выговаривал ей Хидэо. — Какие-то кризисы… У нас в Японии всё в порядке!

— Но в Японии экономический спад! Об этом пишут все газеты.

— Не знаю. Мне некогда читать газеты! — раздражённо парировал сэнсэй.

— Но телевизор говорит об этом каждый вечер…

— Я не смотрю телевизор. Мне некогда.

— Но книги…

— Я не читаю книг!

И правда, увидеть человека, читающего книгу, в Японии ей удавалось редко. Люди в автобусах, в метро обычно спали. Редко-редко в дальних поездах кто-то брал в руки газету. Книгу — почти никогда. Студенты предпочитали комиксы. Картинки в них были ужасающие, вроде тех, что малюют на стенах школьных туалетов усатые второгодники, а текста совсем мало. Может, для самих японцев тяжела была их невероятно сложная письменность и без крайней нужды они к ней не обращались? Хидэо комиксы не любил.

— Если увижу эту гадость в моей лаборатории, выброшу! Я никогда не покупаю комиксы!

Но он и других книг не покупал. В доме профессора были только специальные, технические книги и ни одного томика стихов, рассказов или хотя бы сказок. Слушая Хидэо, она пыталась уразуметь невероятное — перед ней стоял человек, который не знал, кто такие Пушкин, Толстой, Шекспир…

— Вы читали сказку о Буратино? — прервала она наставления сэнсэя. Хидэо пожал плечами. — А сказку о Красной Шапочке?

— У меня нет времени читать! — с гордостью повторил Хидэо. — А Вы слишком много времени тратите на всё это: газеты, книги… Не стоит всем этим увлекаться! Книги могут внушить Вам неправильные мысли.

Его покровительственный тон, тон учителя, ясно говорил — она, имеющая время на такие пустые занятия, стоит бесконечно ниже сэнсэя Кобаяси, начинённого исключительно правильными мыслями, почерпнутыми… А кстати, где он мог хоть что-то почерпнуть? Хоть какую-нибудь информацию? Если отсутствовали в его жизни газеты, телевизор, книги… Театр, кино, выставки… А присутствовали только собрания, посещаемые такими же безумно занятыми сэнсэями, как он сам. И у себя в лаборатории Хидэо не имел возможности услыхать что-то новое — он никого не слушал, он только говорил. Это было исключительным правом сэнсэя — говорить, поучать сотрудников. Остальным положено было молчать и слушать. Получалось, сэнсэй информацию только отдавал, ничего не получая взамен. Бедняга, должно быть, пересыхал, как колодец, из которого только черпали воду, не добавляя ни капли. Но его это, кажется, не очень мучило. Он жил, как все, среди таких же, как он, в своей раковине. Жил, не очень интересуясь, что там, за её плотно закрытыми створками. Но тут явилась она и заговорила, выплёскивая потоки чего-то необычного, непривычного… Её неожиданные речи обрушились на голову бедного Хидэо, как сель, побивая камнями немыслимых мыслей, кружа в водоворотах неслыханных слов. Наверное, за всю предыдущую жизнь на него не наваливалось столько информации. Он не привык обрабатывать такие потоки!

— После разговора с Вами я чувствую себя совсем разбитым! — жаловался Хидэо.

Она стала аккуратнее выбирать темы бесед с ним, старательно обходя кризисы и спады, предпочитая материи нейтральные. Но сделать это было не так-то просто. Безопасных тем не существовало. Невозможно было предугадать, как отзовутся самые простые слова. Даже невиннейший комплимент мог обернуться скверно.

— Ваш сын, Хидэо, такой умный!

В ответ сердитый взгляд.

— А я что, глуп?

В ответ на вежливое — Ваша жена так красива! — она получила почти грубое — а я что, урод? Она оставила домочадцев, сконцентрировалась на самом сэнсэе. Но и здесь всё обстояло непросто, например, — Ваши работы очень интересны! — встречало раздражённое — Я заметил, что Вы

излагаете мои идеи иначе, чем я, по-своему, другими словами! Это звучало как обвинение в измене Родине. Даже хвалить надо было в точном соответствии с неким стандартом. Впрочем, одна совершенно безопасная тема всё-таки была: — Вы правы, сэнсэй! Но ей совестно было так обходиться с другом.

— Я знаю только одну песенку, — сознался ей как-то Сато. — Это — песня моей молодости, — он напел занесённый американцами простенький шлягер пятидесятых годов. — А более новых песен я не выучил. Нет времени!

Японская вертикаль

Так кричит фазан,
Будто это он открыл
Первую звезду.
Исса

— Я придумал тему работы для Вас. Вы будете развивать мою идею! — Хидэо дал ей маленький листок, улыбнулся, приглашая порадоваться вместе. — Правда, очень хорошо? Но для начала почитайте классические работы, — он протянул ей свои старые статьи.

— Классические? — она постаралась не улыбнуться.

Хидэо посмотрел на неё подозрительно, словно угадывая насмешку.

— Мои идеи получили признание во всём мире. Они восходят к фундаментальным основам физики!

Она не удержалась всё-таки, улыбнулась. Написанное на листочке повторяло тему старой работы Хидэо.

— Но это уже было! Давайте попробуем что-то новое! Учтём мои работы!

— Ваши работы? — Хидэо отмахнулся так, словно в комнату влетела муха. — Я вообще не понимаю, чем Вы занимаетесь.

— Я могу Вам объяснить!

— Вы… мне… объяснить?

Брови Хидэо взлетели изумлённо, словно она предлагала нечто несбыточное, дикое. Пока брови опускались на место, она пыталась говорить о том, как выгодно соединить их исследования — этот план она привезла из России в надежде, что его удастся осуществить в Японии, с другом Хидэо. Она ждала восхищения. Но Хидэо смотрел мрачно.

— Это значительно отклоняется от моей идеи. Это что-то мне неизвестное, Ваше… — Он разволновался. — Делайте, как я! Учитесь у меня! Вся моя лаборатория развивает мою идею! Скоро приедет ещё один сотрудник из Китая, говорят, очень способный. Но для меня самое главное, чтобы он развивал мою идею. А иначе я его и видеть не хочу! — Хидэо говорил с горячностью, непозволительной для японца.

— Но я предлагаю просто сделать шаг вперёд в том же направлении…

Хидэо прервал её:

— Моя лаборатория получает деньги от правительства, и я не могу тратить их на что-то постороннее! Чужое!

Она смешалась.

— Конечно, если Вы настаиваете…

— Да, я настаиваю! — он говорил жёстко, зло.

— Но работа, сделанная по принуждению, не может быть хорошей! — она тоже рассердилась.

— Ничего, когда Вы напишите статью, сдадите мне на проверку!

Особенно замечательным было это словечко "проверка". Она зажмурилась, как от пощёчины. Даже в её студенчески-младенческие годы никто не смел обращаться с ней так! А Хидэо как ни в чём ни бывало принялся объяснять ей, как пишутся научные статьи.

— В первой части надо обосновать… — Он решил изобразить что-то на доске. Чтобы понятней было. Приостановился, бросил взгляд на её потускневшее лицо, спросил: — У Вас есть вопросы?

Самое подходящее было бы спросить:

— Ты, голубчик, не белены ли объелся? — Но она не знала, как это по-английски. Можно было спросить и проще: — Ты забыл, что я профессор? И что список моих трудов вдвое длиннее твоего?

А может, он принял её за студентку? Переутомился и перепутал. А что, выглядит она молодо, запросто можно перепутать! Она встала, прерывая странную лекцию. Сказала "спасибо". Но Хидэо не почувствовал издёвки. Всё шло нормально — он учил сотрудницу, она его, начальника, благодарила.

Вечером, не зажигая в квартире света, она уселась на татами. Не так представляла она себе совместную работу с другом Хидэо. Не так! Да и был ли он ей другом теперь? Раньше, за пределами Японии, Хидэо был милым, славным парнем. Он болтал, смеялся, шутил… В Японии её встретил совсем другой человек. Он говорил строго, сухо. Просил не называть себя по имени. Словно ставил её на место, вернее, переставлял. Пониже. Он не

сомневался, что, входя в японский коллектив, она автоматически обретает хозяина, а он — власть над ней. И право контролировать, с кем она встречается, о чём говорит… И какую научную идею развивает. Хидэо вёл себя, как феодал, получивший нового вассала. Она набрала московский номер, рассказала мужу про записочку. Муж вспылил.

— Тебе? Работать по указке? Ишь чего сэнсэй захотел! Чтоб служила ему рыбка золотая!

Положив трубку, она долго сидела, закутавшись в одеяло. Сидела в холодной тёмной квартире на татами, а, проще сказать, на полу и думала — как быть? Как избежать ежедневных изнурительных боёв за свободу и не лишиться этой свободы вовсе? Как сделать так, чтобы не перестать существовать самой по себе? И можно ли вообще это сделать в Японии? Она даже всплакнула немножко, жалея себя. А утром, припомнив, чем кончились бабкины попытки помыкать золотой рыбкой, она припудрила распухший от ночных слёз нос и, напевая нечто бодрое вроде — С нами Бог и Андреевский флаг, — отправилась в университет.

Она надеялась победить. На её стороне был опыт работы в разных странах, жёсткий опыт выживания и хорошая профессиональная форма — ведь она работала! А Хидэо был ослаблен вечными собраниями, избалован своей страной, никогда не выпускавшей его на чужбину без денег родного министерства науки Момбушу. Он вряд ли смог бы получить теперь где-нибудь за границей такой контракт, как она в Японии. Да, сила явно была на её стороне! Для начала она попробовала Хидэо убедить.

— Вертикальные отношения начальник-подчинённый неуместны между нами! Мы равны — два профессора, коллеги!

Хидэо смотрел удивлённо. Он отродясь не слыхивал, чтобы в японской лаборатории водились какие-то коллеги. В японской лаборатории был начальник и все остальные, подчинённые ему. Она же предлагала нечто неизвестное.

— Мы равны. Мы просто стали сотрудниками на время, чтобы работать совместно! Сов-мест-но!

Два места рядом — его и её — пыталась втолковать она Хидэо. А он не понимал. Японская иерархия — чёткая вертикаль. И места рядом с сэнсэем попросту не существовало! Только выше или ниже. Но выше — это уже вне лаборатории, а внутри — только ниже. Вопрос в том, насколько. Едва получив русскую сотрудницу, Хидэо тут же определил её на подобающую полку в соответствии с полом, возрастом, учёной степенью, должностью на родине…

И родину её проклассифицировал.

— Сейчас в России столько проблем…

Сочувствие в голосе Хидэо мешалось с осуждением. Даже с презрением. А вот поджидая к себе в гости американского профессора Кларка, сэнсэй выражал безусловный восторг, независимый от личных достоинств весьма посредственного учёного Кларка. Полка любого американского профессора располагалась высоко, выше самого Кобаяси. А её полка — ниже. Потому что ослабела Россия. И пока её страна будет слабой, ей с этой нижней полки не слезть. Будь она хоть семи пядей во лбу. Пяди здесь оценивать не умели. Пяди плохо поддавались классификации. Вот города классифицировали. Хидэо низко кланялся токийскому сэнсэю Сакагути, а столичный коллега едва склонял перед ним голову. Была на японской вертикали и такая шкала, географическая. Ей Хидэо определил место высокое — сразу после себя. Но даже на этом месте она обязана была развивать идеи шефа и писать статьи на тему, которую он задаст. Она сопротивлялась изо всех сил, пытаясь перевести их отношения в горизонтальную плоскость.

— Мы долгие годы работали параллельно…

Но слово "параллельно" не нравилось Хидэо. Со своими подчинёнными он привык жить перпендикулярно.

— Ведь Вы принадлежите к моей лаборатории, — бормотал он растерянно.

Это означало — ей положено повиноваться.

— Наши профессора просто не знают, как быть с квалифицированным человеком. Они привыкли иметь дело с сырым материалом, студентами… — Шимада пытался утешить её? Или оправдать Хидэо? — Единственный известный нашим профессорам способ общения с подчинёнными — это поучать, они просто не знают, что может быть иначе. Не понимают, как это — иначе? Кобаяси и меня пытается учить, — вздыхал Шимада. — Грозится оторвать от компьютера, заставить развивать его идею… — В лаборатории все знали — Хидэо компьютеры не любил. И Шимаду. Но в свою лабораторию Шимаду взял — ассистента нелегко найти. — А уволить меня нельзя, — улыбался Шимада, — у нас в Японии пожизненный наём. — Сам он уходить не собирался. — Сменить лабораторию непросто, да и зачем? Везде одно и то же. Большинство ассистентов живёт со своими профессорами в состоянии вежливо-холодной войны, это нормальное рабочее состояние.

Кажется, и ей предстояло в это состояние погрузиться. Она поблагодарила Шимаду за сочувствие. В ответ получила странное:

— У нас приблизительно одинаковые должности… —

Шимада намекал, что только близость их позиций на вертикали делала возможным их общение?

Закрывшись у себя в кабинете, она рассеянно листала учебник японского, впервые осознавая: даже здешний язык круто замешан на субординации. В нём не было слова "брат", просто" брат", было только "старший брат" или "младший брат". Потому что брат не равен брату, мужчина — женщине. Для них существовали разные местоимения, выписанные в учебнике в два столбца: женские и мужские. Жена при обращении к мужу должна была использовать слово "Вы" — "аната". А мужчина звал жену совсем другим "Вы" — "омае" — смахивающим скорее на "ты". А на работе, согнувшись в низком поклоне перед начальником, он сказать "омае" уже никак не мог. Такие ошибки могли дорого ему обойтись. В прямом смысле, в йенах, в зарплате.

— Кто тут главный? — спрашивал учебник на каждой странице.

Раньше в Японии даже азбуки существовали разные: женская — слоговая хирагана и мужская — трудные китайские кянджи. Но это было давно. Теперь женщины бодро писали сложные иероглифы. Но кланялись они по-прежнему ниже мужчин. Носили за ними тяжести, шли сзади. Потому что жена не равна мужу. Во всём.

На своём письменном столе она держала две чашки — подарок Хидэо. Чашки были сделаны по старинным японским правилам — без ручек, но с крышками, разного цвета и размера: большая предназначалась для мужа, меньшая — для жены. Иерархия жила здесь всюду. Студенты ранжировались по старшинству не только за семинарским, но и за ресторанным столом. Наташа говорила — и школьников рассаживают в классе по успехам: лучших — на заднюю парту, плохих — под носом учителя. Даже дети жили тут на вертикали. А жить с кем-то вровень было нельзя. Потому что вровень — это горизонталь. А горизонталей в Японии нет. Нет для них простора. Тесно очень. Дома, на экране телевизора, рядом с физиономией дающего интервью она неизменно видела иероглифы: имя, должность, возраст — место в иерархии. Японцы привыкли так жить. А она чувствовала себя неуютно на вертикали, как на вертеле. В науке выгоднее работать, не выстраивая мучительные связки начальник-подчинённый, а соединяя свои усилия, идеи… Но Хидэо не хотел так жить. И кто сказал, что японцы хватают чужие идеи на лету? Для Хидэо куда важнее выгоды от использования чужой идеи было утверждение собственной. Самоутверждение…

Она сделала работу, которую он велел, ведь она была лишь гостьей. Хидэо улыбнулся удовлетворённо, принимая рукопись,

но, глянув на первую страницу, нахмурился.

— Что Вы тут написали?

— Я внесла кое-какие изменения, небольшие, — приготовилась она обороняться, недоумевая, как он смог уразуметь это за одно мгновение?

— Изменения? — не понял её Хидэо. — Какие изменения? Я говорю о фамилиях. Почему Вы написали авторов в таком порядке?

Она пожала плечами — какая разница, в каком порядке написаны фамилии? Была бы работа хороша.

— Я просто написала их по алфавиту.

— По алфавиту?

Хидэо поморщился. Он ещё раз убедился — легкомыслие и беспорядок царили в русских головах! И принялся излагать причины, которые побуждают его поставить своё имя последним. Это была целая теория — сложная, продуманная, очень серьёзная…

На другое утро Хидэо опять вручил ей записочку. На сей раз там было изречение из Библии на тему "всяк сверчок знай свой шесток". Он выписал наставление специально для неё. Она прилепила записочку на стенку перед собой. Чтобы изучать. Посмотрела на две чашки на столе: большую — для мужчин и маленькую — для женщин. Подумала, а, может, Хидэо и чашки подарил ей не просто так, а с воспитательными целями?

И Будда терпит лишь до трёх раз (Долгий ящик)

Смотри-ка, соловей
Поёт всё ту же песню
И пред лицом господ!
Исса

Терпение — основа долголетия, а гнев — твой враг.
И Будда терпит лишь до трёх раз.
Японские пословицы

Расставив фамилии авторов в надлежащем порядке, она заново перепечатала статью. Приняв рукопись, Хидэо пообещал:

— Я вскоре её посмотрю!

И уложил работу в папочку. Папочку определил в надлежащий ящик. Ящик оказался долгим. Она решила Хидэо

поторопить:

— Не спешите! Вы сдали мне статью на проверку всего месяц назад! Я записал!

Спорить с Хидэо было бесполезно. Он содержал свои бумаги в образцовом порядке. На первой странице рукописи безупречно отточенным карандашиком было надписано "Вариант N1". И дата.

— Я почитаю работу, как только найду время, — утешил её Хидэо, скрываясь в своём кабинете.

Через неделю он вернул ей текст. Испещрённый красными пометками, он походил на контрольную работу двоечника, проверенную строгим учителем.

— Здесь не хватает артикля, — Хидэо нарисовал аккуратную галочку на полях. — А здесь лучше поставить точку, фраза слишком длинна…

Она старалась слушать спокойно, вспоминая предупреждение Анны: если положить перед японцем описание великого открытия и сделать ошибку в первой строке, он за неё зацепится и дальше не сдвинется. Раньше она думала — Анна преувеличивает. Теперь понимала — нет. Сэнсэй держал статью больше месяца только для того, чтобы исправить артикли!

— Но всё это мелочи, Хидэо! Давайте обсудим работу по существу!

— Я и обсуждаю с Вами очень принципиальные вещи, — он говорил раздражённо. — Главное, на что я хочу обратить Ваше внимание, этот термин! — Он подчеркнул слово красной чертой. — Никогда не употребляйте его, замените другим! — Он сделал надпись поверх печатного текста меленько, аккуратно. — Я недавно придумал это определение, оно придаёт работе новизну.

Она посмотрела на Хидэо с состраданием — собрания так иссушили его, что только на то у него и хватало сил, чтобы придумать словечко. И не стоило на него, бедного, сердиться. Он мог бы просто подмахнуть работу, не читая. Так делали многие профессора по всему миру. А он читал. И исправлял грамматические ошибки. Ведь работа не стала хуже оттого, что в ней исправили ошибки! А её творческую свободу никто не стеснял — содержание они не обсуждали. Перепечатанный текст Хидэо пометил номером два и спрятал его в тот же ящик.

Выслушав с десяток раз классическую фразу "мне некогда!", а также наставление: чтение работы — дело серьёзное и спешки не терпит! — она стала мечтать о недобросовестном боссе, который подписывает совместные работы, не глядя. Через месяц Хидэо отчитался о проделанной работе так:

— Я решил, что в статье слишком много частей.

— Но по логике их должно быть пять, — залепетала она.

— Пять — слишком много, это трудно для читателя, — прервал её Хидэо. — Сделайте поменьше, четыре.

Она сделала четыре — в конце концов это ничего принципиально не меняло. Новая версия получила порядковый номер "три" и снова улеглась в ящик. Время шло. Работа стояла. Вернее лежала.

— Вам придётся подождать ещё, я уезжаю в командировку на две недели! — Хидэо улыбался, как школьник, которому удалось улизнуть с контрольной.

— Подпишите работу! — взмолилась она.

Сэнсэй обиделся.

— Я не подписываю бумаг, не читая! Я привык исполнять свои обязанности добросовестно!

— Но Вы читали её два раза! Я считаю, что работа вполне готова! И это не первая моя работа, а семидесятая! Вы могли бы мне больше доверять!

Хидэо посмотрел на неё с интересом. Очевидно, такая мысль — доверять ей — в голову ему не приходила. Ситуация была постыдная — она просила, ей отказывали. Ситуация была странная — она пыталась продвинуть совместную работу с японским сэнсэем, японский сэнсэй сделать ей этого не давал. Ситуация вообще была абсурдная — она хотела работать на Японию, японец ей мешал.

Попавшийся под горячую руку Гриша выслушал её рассказ рассеянно.

— Два месяца не можете отправить статью? Подумаешь! Мои работы по полгода у сэнсэя валяются, а я не возражаю. Гуляю, отдыхаю… — Гриша с удовольствием лизнул мороженое. — А Вы никак в здешнюю жизнь не впишетесь, никак не поймёте, работать — здесь не главное. Главное — не ссориться. А Вы всё ссоритесь. Зачем Вам это надо?

Через неделю после возвращения из командировки Хидэо отдал ей рукопись, в которой были исправлены три слова, и приказал перепечатать.

— Как быстро Вы всё делаете! — похвалил он её, принимая через час исправленный вариант. — Пометив его номером четыре, Хидэо гордо сообщил: — Я не ленюсь перерабатывать свои статьи помногу раз!

Ему явно нравился номер. Ей — нет. Потому что процесс исправления трёх слов в течение месяца никак нельзя было назвать словом "перерабатывать"!

Через две недели она решительно постучала в кабинет Хидэо.

— Так мы не успеем закончить ни одной статьи!

— Не беда, после Вашего отъезда я Вам напишу! — благодушно улыбнулся он.

— Но то, что мы с Вами делаем, не произведения Шекспира! Материал устареет!

— Почему Вы всегда так спешите? Я должен всё обдумать, не торопясь, и тщательно проверить! — оборонялся сэнсэй.

Но она напирала безжалостно:

— Прочтите сейчас, и пошлём статью в журнал, наконец!

Хидэо посмотрел на неё затравленно.

— Вот так сразу и послать?

— Сразу? Да она лежит у Вас третий месяц!

На лбу Хидэо выступила испарина, в глазах засветился страх. Перед чем? Почему здесь никто не хотел сделать что-то сразу и до конца — поставить студенту оценку, отправить работу? Почему все боялись глаголов совершенного вида, совершённого действия?

— А вдруг там ошибка? — в ужасе залепетал Хидэо. — Стоит один раз ошибиться… Единственная ошибка может нанести непоправимый вред репутации!

И Хидэо зажмурился, чтобы не видеть того ужаса, который ожидает человека с испорченной репутацией. Так вот что запирало работу в долгий ящик — панический страх ошибки! Японский обычай — ошибок не забывать. И не прощать. Считать ошибки несмываемым пятном на репутации, пачкающим её надолго. Навсегда. Возможность ошибки страшила сэнсэя больше, чем отсутствие работы! Решительные действия пугали больше, чем бездействие! И потому он всеми силами пытался отложить последний шаг. А легкомысленная иностранка, ничего этого не понимая, подталкивала его к пропасти. Хидэо заметался в поисках выхода и, наконец, нашёл его.

— Завтра! Я верну Вам работу завтра.

И вздохнул облегчённо, когда она встала. И плотно закрыл за нею дверь.

Утром Хидэо вернул ей рукопись.

— Это английское слово я никогда не использую, лучше замените его другим. Перепечатайте статью!

Хидэо хотел продолжить прежнюю игру! Но новое слово было ничем не лучше старого.

— Я устала перепечатывать! У меня разболелась голова! — малодушно взмолилась она. И тут же была наказана за слабость — сэнсэй перехватил инициативу, отрезал жёстко:

— Не ленитесь! Вы выглядите очень здоровой! Здоровее меня! — И, заметив, что она закипает, сказал мягче: — Среди авторов работы есть и моё имя, поэтому работа должна быть

сделана наилучшим образом! Я хочу внести свой вклад.

Свой вклад он понимал специфически — капризы, проволочки…

— Я ничего перепечатывать не буду! — взвилась она. — Не буду зря тратить время.

— Как это — не буду? — Опешил Хидэо. Лицо его покрылось капельками пота, очки сползли на кончик носа. — Вы всё время возражаете! Почему Вы всё время возражаете? Я не понимаю… — испуганно бормотал он.

Наверное, он и вправду не понимал её странной реакции. Её необычных мыслей. Его подчинённые, если он что-то говорил, всегда отвечали "хай!" и исполняли. А тут вдруг — не буду! Сэнсэй никогда такого не встречал! Он привык лепить из пластилина, а она оказалась каменной. Он чуть не плакал.

— Я трачу на Вас столько времени! Я всё делаю для Вас…

Он и вправду делал всё, что обязан делать хороший сэнсэй — дал ей тему, теперь работу проверял, исправлял ошибки… Он честно исполнял свои обязанности и ожидал, что она исполнит свои — подчиняться. А она постоянно выламывалась из той роли, которая ей была предписана! Хидэо смотрел умоляюще:

— Ваше пребывание в Японии должно пройти плавно!

Он очень любил это словечко "плавно". Но она не слушала его. Выходя из кабинета, она даже попыталась хлопнуть дверью. Правда, у неё это не получилось — в Японии на каждой двери стоял тормоз. Япония не любила резких движений.

Бросив работу, она шла домой, сердито думая, а не слишком ли Хидэо увлёкся ролью заботливого хозяина, а она — ролью вежливой гостьи? Не заигрались ли они? И не пора ли ей, не особенно вникая в японскую специфику, положить конец этой игре и вернуться на своё законное место, место русского профессора? Даже если для этого придётся уехать из Японии, прервать контракт. На следующее утро, отправляясь в университет, она приготовила гневную речь. Но Хидэо улыбнулся виновато, покорно остановил свой бег, только попросил:

— Говорите, пожалуйста, потише! Я очень устаю от Вас! Вчера Намико сразу догадалась, что я беседовал с Вами, я пришёл домой почти больной.

Хидэо и правда выглядел измученным. Он согласился прочесть статью сейчас же. Войдя в его кабинет, она увидела Чена.

— Я пригласил его, чтобы принять участие в обсуждении нашей работы, — объяснил Хидэо.

— Но доктор Чен не специалист в нашей области, чем он может помочь? — удивилась она, но развивать эту тему не стала,

сообразила — Хидэо пригласил посредника. Анна говорила — все острые дела японцы исстари предпочитают решать через посредника.

— Давайте помолимся, — смиренно сказал Хидэо, — чтобы Бог помог нам провести обсуждение мирно!

Значит, окончательно она измучила бедного сэнсэя, раз в посредники он призывал не только Чена, но и Бога. Они договорились так — она перепечатает статью в последний раз, а Хидэо немедленно отправит её в редакцию. Доктор Чен не проронил ни слова — он был идеальный посредник. И Бог тоже помог.

Вечером они с Анной сидели в маленьком ресторанчике.

— Посредник возникает потому, — говорила Анна, — что японцы бурных стычек не выносят. Хрупкие они, нежные. А мощные поля такой энергичной особы, как ты, да ещё обуреваемой сильными эмоциями, вообще испепеляют чувствительную японскую душу, — смеялась Анна. И вздыхала. — Это все признают, Япония — рай для туризма, а для сотрудничества, для бизнеса — ад.

— Нет, ад, пожалуй, это слишком, — не соглашалась она, — просто Япония — нечто специфическое. С чем можно справиться в конце концов.

Глава VII. Острова

Весь век мой в пути!
Словно вскапываю маленькое поле,
Взад-вперед брожу.
Басё

Маленькая страна, маленькие люди…

Ты не думай с презрением:
"Какие мелкие семена!"
Это же красный перец.
Басё

Если сосед построит амбар, я рассержусь.
За излишней скромностью скрывается гордость.
Ячмень у соседа вкуснее, чем рис дома.
Японские пословицы

— Я отметил наиболее интересные работы в журнале закладками. Я делаю это для студентов, но и Вы почитайте, — Хидэо указал на густую бумажную бахрому, торчащую среди страниц. На её статье закладки не было. — Это очень престижный журнал! Разве в нём напечатана Ваша работа? Я не заметил.

Не заметить было трудно, её большая статья открывала выпуск.

— Ах, да, но это не относится к моей теме.

Опять невпопад — на полях её текста ярко краснели жирные точки, поставленные рукой Хидэо там, где она цитировала его.

— Разве то, что Вы описали здесь, новый эффект? — продолжал сопротивляться Хидэо, — я давно об этом говорил! Ещё десять лет назад! Да, я свои соображения не опубликовал, но это сделал профессор Сузуки.

Хидэо готов был уступить авторство разве что соотечественнику, но никак не ей. Он почти бегом бросился в свой кабинет, принёс журнал.

— Вот, посмотрите работу Сузуки! Он тоже профессор бывшего императорского университета! Как и я!

В статье было нечто, к делу не относящееся.

— Вы не понимаете! — нервничал Хидэо. — Это именно то,

что Вы считаете своим эффектом! — Наконец он сдался. — Хорошо! Я порекомендую Вашу работу студентам! — Но закладки так и не вложил.

— Вы пишете очень много статей, у меня их меньше, — Хидэо хмурился. — И плавать Вы умеете, и в теннис играете, а я нет.

Он не хотел признавать её превосходства. Он и ровню-то в ней признать не хотел. И тревожно следил за ней, соревновался, ревновал… И всё боялся в чём-то уступить.

— Что это за журнал, куда Вы хотите послать нашу совместную работу? Я его не знаю! — То, что именно в этом журнале печатались её статьи, сэнсэя не убедило. — И в библиотеке такого журнала не знают. Я звонил.

Она посоветовала спросить не в маленькой факультетской библиотеке, а в большой, университетской. На следующий день Хидэо радостно доложил:

— Я попросил своего бывшего студента зайти в центральную библиотеку, он работает рядом. Как я и ожидал, такого журнала там нет!

Она позвонила Анне, та работала в центре. Через час в её кабинет, не стучась, вбежал рассерженный Хидэо, бросил на стол лист адресованного ей факса. Анна прислала всё, что нужно: точный адрес журнала, фамилию редактора… Через час Хидэо опять явился в её кабинете, положил перед ней другой факс, точь-в-точь такой, как первый: адрес, фамилия редактора…

— Этот факс прислал мой студент! Я всегда поддерживаю хорошие отношения со своими бывшими студентами! — вид у Хидэо был торжествующий. А о своих словах — такого журнала нет! — он словно забыл. И её слова — но зачем мне вторая копия той же информации? — пропустил мимо ушей. И всё повторял: — Это прислал мой бывший студент! Мой!

Словно ненадежно ощущал себя Хидэо в роли начальника. Словно опасался, что она вот-вот сорвется с назначенного ей места подчинённой. И всё пытался доказать — ей или себе? — он наверху! Он постоянно нуждался в подтверждении этого, в одобрении, в похвале… А если она мешкала, задавал наводящие вопросы:

— Вы разделяете мою идею? Да? Но как-то пассивно. — Хидэо намекал на скудость её похвал. — Не правда ли, моя идея хороша? И квартира, которую я снял для Вас, удобна? И вообще я всё хорошо устроил для Вашей жизни в Японии, не правда ли? А ещё я организую для Вас поездку на международную конференцию в Фукуоку. Вы сможете доложить результаты наших исследований и увидеть другой японский остров — Кюсю!

Хидэо сказал это два месяца назад. Спустя месяц он уже не

был так уверен.

— Вы поедете в Фукуоку. По-видимому. Я ещё подумаю. — Недели за две до предполагаемого отъезда он заявил решительно: — Вы поедете. Готовьте доклад!

Она написала доклад и купила лёгкое платье, необходимое для жаркого южного острова Кюсю. До отъезда оставалась неделя.

— Я не уверен, что Вам стоит ехать. Работу могу представить и я. Ведь я поеду обязательно. Я — член Оргкомитета! Впрочем, возможно, поедете и Вы.

До отъезда оставалось четыре дня.

— Я ещё не решил насчёт Вашей поездки, — уклончиво ответил Хидэо на её вопрос. И принялся размышлять вслух: — Вас пригласили в Японию на очень хорошую зарплату. И Вашу прекрасную квартиру оплачивает токийский научный фонд. А Вашу поездку в Фукуоку придётся оплатить моей лаборатории …

Хидэо колебался, прикидывал, не будет ли путешествие на Кюсю для неё слишком, не по чину? Оставив сэнсэя наедине с его терзаниями, она вышла в коридор. Пытаясь унять разгоравшуюся обиду, подошла к окну, залюбовалась цепочкой синих гор. У их подножия, на городской окраине белело что-то странное — не то столб, не то дом…

— Это богиня милосердия Каннон-сама, самая большая статуя в городе, — сказала проходившая мимо Митико, — она тут недалеко.

Чтобы восстановить душевное равновесие, она решила навестить богиню.

Идти по окраине провинциального японского города — одно удовольствие! Частные домики, садики… И всё ухожено до стёклышка, до травинки. Может, потому, что маленькая она, Япония? А людей в ней почти столько же, сколько в большой России. И на каждого приходится совсем немного земли. Японцы любили повторять:

— Мы — маленькая страна!

А если дотошный иностранец, заглянув в справочники, возражал — Япония не так уж и мала! — японцы обижались и бросались свою малость защищать.

— Учтите, долины, пригодные для жизни, занимают только пятнадцать процентов нашей территории! Остальное — горы.

Вряд ли легко найти русского, знающего, какую часть его страны занимает необитаемая сибирская тайга, а вот японцы знали про пятнадцать процентов поголовно. Значит, считали эту цифру важной. И идею скудости, недостаточности территории тоже.

За аккуратными порядками новеньких домов тянулись

вольготные, пологие холмы — пустые, незаселенные. Город мог бы двинуться туда, избавляясь от тесноты и дороговизны земли. Но японцы предпочитали ютиться в исстари обжитых долинах и упорно повторять:

— У нас мало земли!

Очнувшись от размышлений, она посмотрела вперед и вздрогнула. В конце улицы, положив подбородок на мостовую, дремала гигантская белая голова, поднимавшаяся макушкой выше крыш. Блестящая и грубая, как фаянсовая чашка, голова сонно смотрела жуткими слепыми глазами. Улица взобралась на холм, открывая огромного белого идола. Художественные достоинства статуи, кажется, никого не волновали. Только габариты. Корявое, топорное тело богини уносило несоразмерно большую голову к облакам…

Будда в вышине!
Вылетела ласточка
Из его ноздри…

Сколько лет этим стихам? Двести или около того. Уже тогда стоял в городе Камакура тот, кому посвящались эти стихи, Большой Будда, предок бетонной богини. Давно у японцев это пристрастие к большим богам. У маленьких японцев, любивших свою малость подчёркивать…

— Мы, японцы, маленькие и едим мало, — часто повторял Хидэо. — В Англии я ни разу не смог одолеть бифштекс традиционного британского размера.

— Когда мы жили с Хидэо в Америке, — вторила ему Намико, — у меня постоянно болели запястья из-за того, что я открывала их тяжёлые двери. Мы, японки, маленькие, худенькие… — И Намико с нескрываемой завистью окидывала взглядом русскую фигуру скромного сорок шестого размера.

Значит, так ощущали себя японцы — маленькими жителями маленькой страны. Маленькими и бедными. И хотя торговый баланс Японии был катастрофически положителен, а богатые японские банки держали в своих должниках почти полмира, говорить об этом японцы не любили, обижались:

— Мы богаты? Да что Вы! Мы бедны! — вздыхал Шимада, обладатель роскошного Ниссана последней модели.

— Мы бедны! — жаловался Кумэда. — В холода в нашем доме отапливается постоянно только одна комната, где живёт моя старая мать. Но и там мы держим пятнадцать градусов, не больше. Керосин так дорог!

— Мы бедны! — вздыхал Сато, отправивший детей учиться в

дорогой частный университет.

— Плавать в бассейн я не хожу, билет за четыреста йен для меня дорог, — сетовал роскошный Такасими, живший в престижном районе в собственном доме, за которым ухаживала никогда не работавшая жена. Годовой доход университетского профессора превышал сто тысяч долларов.

— Сто тысяч в год — это совсем немного при наших ценах! — хором восклицали сэнсэи. И решительно отвергали её неосторожно брошенное — японским учёным хорошо платят! — горячим заверением, что в размере жалования японские университеты всё сильнее отстают от фирм.

Они чувствовали себя бедными, и вели себя, как бедные, эти богатые сэнсэи: приходили на службу с домашними обедами, принося в коробочках макароны, рис, крохотные кусочки рыбы или яйца — нечто однообразное, дешёвое. И не имели обычая побаловать себя хоть иногда хорошей едой. И очень любили угощение. Любое. Поднесённое съедали быстро, неразборчиво. Словно детство их прошло в сиротском приюте.

— Мы не прибедняемся! — говорил Шимада. — Прибедняться любит начальство наших компаний, под жалобы на трудные времена они сокращают зарплату сотрудникам, делают хорошие деньги. Им выгодно казаться бедными. А мы, университетские, на самом деле бедны.

— Да, теперь мы богаты! — Намико вздыхала так грустно, словно считала теперешнее японское богатство ненадёжным, временным… И смущённо признавалась: — Мне не верится, что мы такие богатые, мне кажется, это — сон! — И отказывалась показать старые фотографии из прежней бедной жизни. — Это неинтересно.

— Я хорошо помню те времена, — часто повторял Хидэо, — когда чашка риса, простого риса, была для меня мечтой. Тогда, после войны, я учился в университете.

Может, оттого и берег своё достоинство Хидэо так бдительно, так боялся уронить его перед иностранкой, что случилось это совсем недавно — он стал важным профессором, а его страна богатой? И большие люди из большой России вдруг поехали на заработки в его маленькую и бедную страну. И он не знал, как с этим быть.

Подходы к статуе закрывали тёмные сети на высоких мачтах. Они огораживали поле для гольфа, позволяя приткнуть его вплотную к жилым домам и сэкономить землю. Поля для гольфа попадались в городе часто. А ведь это недешёвое развлечение — гольф. Но Япония могла себе это позволить. Возле края поля, не защищённого сетью, обильно белели в кустах грибы-дождевики. И

это было странно — ещё не осень. Она нагнулась, чтобы сорвать гриб, но он оказался мячиком для гольфа. Богатые японцы ленились подбирать безделицу стоимостью всего-то в триста йен. Под мёртвым взглядом белых глаз богини она пробралась вдоль хлопающих на ветру сетей, опасаясь, чтобы они не рухнули, прихлопнув её, как муху. По обе стороны от статуи возвышались два равных ей ростом небоскрёба этажей в двадцать — отель "Новый мир". Мир и впрямь был новый, неяпонский. Бетонные многоэтажки национальности не имели. Как и по всему миру — ни один народ не сумел построить небоскрёб в своей традиции, потому что нет у людей традиции жить оторванными от земли. Над простором огромной автостоянки, над бетонным ангаром супермаркета завывал ветер. Жить в этом мире не хотелось. Не хотелось просыпаться в номере отеля под взглядом белого глазика размером в окошко, не хотелось выходить на улицу, в конце которой маячит жуткая голова…

Прямо от бетонных ног богини эскалатор уходил вниз, в подземный торговый центр, наполненный всякой туристической мелочью. Дверь в ноге вела к лифту, который за немалую плату поднимал желающих к голове. Оттуда через амбразуру можно было взглянуть на панораму города. На макушке поблёскивали железки метеостанции — статуя трудилась с головы до пят, в работящей Японии даже богам не позволено прохлаждаться. За спиной богини стояли простые деревянные постройки буддийского монастыря — новенькие, индустриальные, прибывшие, кажется, из того же строительного комбината, что и богиня, только не из бетонного цеха, а из деревообделочного. Устроенный по японским правилам сад с озерцом и потоком, скорее напоминал современный горпарк — с музыкой и цветными лампочками.

Вечереющие холмы посылали городу настоянный на травах ветер. Затылок большой богини порозовел в закатных лучах. Возвращаться стоило до темноты, окраины освещались скудно. Из экономии. Она спустилась в торговый центр попить на дорожку чайку. Реклама с большого экрана телевизора нахваливала какую-то вещицу традиционными японскими похвалами: "маленькая, лёгкая, компактная!" Затем экран занял без остатка толстяк в обвисших складках жира — чемпион по борьбе сумо. Почему Япония так любила этих раскормленных мужчин? И огромные статуи богов? Может, потому, что когда всё вокруг такое мелкое, хочется, чтобы боги были большими, а кумиры толстыми?

В путь!

В путь! Покажу я тебе,
Как в далёком Ёсино вишни цветут,
Старая шляпа моя.
Басё

Вернувшись от богини, она встретила возле инженерного факультета американца Дика.

— Когда Вы улетаете на Кюсю? До сих пор неизвестно? Сэнсэй колеблется? — Дик улыбнулся. — Прямо как цыплята они, эти японцы! Мечутся, беспокоятся, меняют решения… Настоящие цыплята! И богатство не добавило им уверенности в себе. Никак они к своему богатству не привыкнут.

По коридору бежал сердитый Хидэо.

— Где Вы пропадаете? Вам прислали факс! Вас приглашают на конференцию в Лондон!

Хидэо и не думал скрывать, что прочел адресованное ей письмо — шеф японской лаборатории обязан быть в курсе дел своих сотрудников. Хидэо был очень огорчён.

— Вы не можете ехать! Вы должны находиться здесь и исполнять Вашу работу, иначе Вам прервут контракт! Вам перестанут платить зарплату!

Вряд ли отлучка всего на одну неделю заслуживала столь сурового наказания. Платить за её поездку бралась Англия. Так что перед Японией она была кругом чиста. Но Хидэо очень нервничал и пугал её:

— Министерство науки не разрешит Вам ехать!

Он позвонил в Токио и расстроился совсем — поездка сроком до двух недель контрактом не возбранялась.

— Значит, Вы можете ехать в Лондон? — растерянно бормотал он. — Но в Лондон еду я…

На Хидэо жалко было смотреть. Но она подавила жалость, потребовала:

— Решите же, наконец, что-нибудь с моей поездкой в Фукуоку!

Хидэо принялся сбивчиво и туманно объяснять, как важно то решение, которое ему предстоит принять, и как тщательно он должен его обдумать. Чтобы отсрочить окончательный ответ, он даже решил пойти на хитрость:

— У меня очень болит желудок! Намико опасается за моё здоровье!

В русской игре в салочки такое иногда случалось — при виде неминуемого поражения кто-то падал наземь с криком:

— Лежачего не бьют!

Таких в игру брать избегали. Но Хидэо приёмом не побрезговал — с японской безжалостностью он бросился под защиту жалостливости русской. И победил. Она оставила в покое несчастного сэнсэя — бедного, маленького, больного…

На следующее утро Хидэо вбежал в её кабинет радостный.

— Я принял решение! Вы можете ехать! Нет, не в Англию, в Фукуоку. В этом случае я оплачу Вашу поездку, частично. Конечно, Вы можете ехать и в Лондон, если захотите! — Хидэо помрачнел. — Но если Вы поедете, моя жена поедет тоже! — вдруг выпалил он.

— При чём тут Намико? — удивилась она. И догадалась: сэнсэй не мог ей уступить! Ей стало жалко Намико — её поездка за рубеж зависела от прихоти какой-то русской!

Она решила отказаться от Англии. Те времена, когда русские готовы были ради пары дней в Лондоне мчаться, очертя голову, давно прошли. Она представила скучную конференцию и очень долгую дорогу. Конечно, на Кюсю будет так же скучно. Но Кюсю по крайней мере ближе. Она выбрала Кюсю. Хидэо остался доволен.

— Мы вместе отправимся в Фукуоку, я возьму с собою Намико. Я почти всегда беру её с собой. Супруги должны приобретать одинаковый жизненный опыт — это сближает, — развивал свою теорию Хидэо.

Намико объясняла ситуацию проще:

— В поездках я обслуживаю его, потому он и берёт меня с собой.

Но Намико любила путешествовать и обрадовалась приказу мужа собираться в Фукуоку. И предложила вместе поехать за билетами.

Для супружеской пары продали один общий билет, более дешёвый, чем два билета для одиночек — японские авиакомпании поощряли семейную жизнь. В авиакассе, в отличие от магазинов, где в ходу были только наличные, многие расплачивались кредитными карточками. И Намико достала кредитку мужа. Своей у неё не было.

— А зачем? — пожала плечами Намико. — Хидэо даёт мне свою, когда нужно.

У неё тоже не было кредитки, банки отказывались её выдать. Японские банки иностранцам не доверяли. Пришлось выложить целую кучу наличности — шестьдесят тысяч йен.

В день отъезда она встала в шесть. Спокойно собралась — автобус уходил в семь ноль две. И он отправился точно в срок. На железнодорожной станции уже ждал аэропортовский автобус. И волноваться, что он не успеет к самолёту, не стоило — в

расписании был указан номер авиарейса, к которому автобус брался доставить народ. Хидэо, стоявший в очереди на автобус, улыбнулся и удержал её за руку, чтобы она не ушла, хотя становиться в очередь к приятелю в Японии не принято. Вырвавшись из университета, Хидэо сильно менялся. В аэропорту он заволновался.

— Где Ваш багаж? Что, только сумочка? Ах да, Вы же не возите с собой свои работы! Я никогда не поступаю так легкомысленно! В любую деловую поездку, а других у меня не бывает, я беру с собой архив.

Намико, отчаянно перегнувшись, подхватила два тяжёлых чемодана. Хидэо двинулся налегке, помахивая сумочкой-визиткой. Поймав её изумлённый взгляд, он объяснил:

— У меня болит правая рука!

Про левую он почему-то не вспомнил. На полу остался лежать его портфель. Само собой получалось — портфель доставался ей.

— О да, пожалуйста, помогите Намико, — вымолвил Хидэо без запинки.

А в день её приезда он таскал чемоданы сам. И называл себя профессором западного стиля. Но западного стиля надолго не хватило. Дальше пошла Япония. Она сердито дёрнула портфель, наполненный, казалось, кирпичами. Горделивая спина Хидэо уже мелькала далеко впереди, а они с Намико, изнемогая под тяжестью трудов знаменитого учёного, двинулись его догонять. В самолёте, едва опустившись в кресло, Хидэо и Намико задремали, как и прочие пассажиры. А она принялась разглядывать плывущую внизу Японию.

Самолёт летел на юг. Под крылом кончился длинный остров Хонсю и пошла вода. Скучная гладь Японского моря, разрисованная белыми следами игрушечных корабликов, поднялась горбиком маленького острова. Не успев появиться, он растворился в морской дымке, уступая место брату покрупнее, потом другому… Это походило на оркестр, пробующий инструменты: пиликнула скрипка — островок, загудела труба — остров. Хаос звуков рос, крепчал, и вдруг, как со взмахом дирижерской палочки, грянула целая симфония больших и малых островов. Казалось, кто-то бросил в море большой Кюсю и он, ударившись о воду, разбросал вокруг осколки. Влажное утреннее солнце обволакивало кусочки земли жемчужным серо-голубым мерцанием, и от этого хотелось говорить стихами. Но тут внизу замелькали крепкие белые зубы небоскрёбов набережной Фукуоки — столицы острова. Понеслись расчерченные по линейке пространства: порт, заводы… Со стихами было покончено. Кюсю — промышленный остров. А перелёт с севера

острова Хонсю на южный остров Кюсю занял два часа. Не такая уж она маленькая — Япония!

Силиконовый остров

Там, куда улетает
Крик предрассветной кукушки,
Что там? — Далёкий остров.
Басё

— Кюсю — это ворота, — напутствовал её перед отъездом Шимада. — Оттуда до Кореи рукой подать. И всё, что шло в Японию с материка, с незапамятных времен приходило через Кюсю.

Шимада рисовал толстым чёрным фломастером на шершавой стеклянной поверхности доски высокую волну. Возникнув на северо-западе Кюсю, она распространилась вглубь Японии, размазываясь, ослабевая.

— Ну, теперь-то, конечно, Киото и Токио не любят вспоминать, что культура пришла к ним через Кюсю. Теперь Кюсю — провинция. Времена изменились.

Конечно, сегодня, кроме корабля, входящего в гавань Нагасаки, появились другие способы принести западные ветры на Японские острова. Да и вопрос ещё, откуда нынче сильнее дует — с Запада в Японию или в обратном направлении? Меняются времена.

— Кюсю — это электроника, — встречавший их в аэропорту сэнсэй из местного университета был в серой вялой рубашечке. Значит — провинция. В центре ходили в крахмальных и белых. А в остальном всё было, как всюду на островах. Аэропорт Фукуоки блистал полированным мрамором пола, пестрел магазинчиками и вкусно пах. В автобусе имелся кондиционер и водитель в белых перчатках. А в гостинице кроме кондиционера нашлись шлёпанцы и кимоно. Электрический чайник она включила, не проверив, есть ли вода, потому что уверена была: воду непременно налили, прежде чем дать ей ключ. Дотошный японский сервис был неизменен на всех Японских островах — в провинции, в столице…

Папка, которую вручили каждому участнику конференции, кроме деловых бумаг, содержала карту города, с изнанки плотно заполненную полезными сведениями — обычными, вроде адресов

больших магазинов, гостиниц и больниц и необычными, японскими: дни городских праздников, время цветения сакуры и сливы, пора жёлтых листьев… Среди фотографий местных блюд, храмов и сувениров, было указано, что деревом города является дуб, а цветком города — подсолнух. Каждый город в этой романтической стране имел своё дерево и свой цветок. Транспортная схема была дополнена планом автобуса, где указано было, через какую дверь войти и выйти, где оторвать билет и как разменять в автомате деньги. Указано было даже расположение кнопок, извещавших водителя об остановках. И сам водитель был изображён видом сверху — кружок фуражки и руки в белых перчатках на руле. Был тут и перевод на японский десятка необходимых вопросов: На каком автобусе доехать до…? Идёт этот автобус до…? Сколько уплатить? И варианты ответов по-английски и по-японски. Оставалось показать этот перечень местному жителю, ткнув пальцем в нужный вопрос, и посмотреть, на какой ответ он укажет.

Впрочем, информация не пригодилась. Участников конференции собирались везти на экскурсию в Институт Электроники.

— Сопровождать вас будет мой друг Тагами-сан! — представил ей Хидэо местного сэнсэя и объяснил происхождение их дружбы: — Раньше Тагами-сан жил в нашем городе, работал в нашем университете…

Сам Хидэо ехать не мог.

— Я занят! Я — член оргкомитета.

— И я занята! — эхом повторила из-за его плеча Намико — она собиралась посвятить весь день распаковке багажа.

Выбравшись из Фукуоки, шоссе побежало среди гор.

— Здесь много заброшенных старых шахт, — сказал Тагами, на правах знакомого севший рядом с ней. — Шахтёры на Кюсю больше не требуются. Их детям приходится становиться электронщиками. На нашем острове активно развивается электронная промышленность. Есть даже планы сделать Кюсю силиконовым островом, вроде американской силиконовой долины.

Автобус въехал в невзрачный шахтёрский посёлок, с трудом протиснулся через слишком узкую для него улочку… На окраине стоял квартал новых восьмиэтажных розовокирпичных корпусов, глядевших иностранными чужаками среди окрестных деревянных домиков.

— Институт выстроен десять лет назад специально для того, чтобы готовить инженеров для силиконового острова.

Асфальтовая дорожка вела по настоящему японскому саду.

Поток струился по вырытому экскаватором руслу, впадал в маленький прудик, припахивающий водопроводной хлоркой. Свежеотёсанные серые камни и сформированные по-японски, горизонтальными пластами, молодые сосенки прилежно пытались изобразить старину. И каменный фонарь на берегу пруда смотрелся древностью, хотя ясно было, что его ноздреватая поверхность отделана не веками дождей и ветров, а машиной. Садик был единственным хранителем старины в институтском городке. Всё остальное, не стесняясь, демонстрировало свою новизну. В нарядном вестибюле с мраморным полом Тагами коснулся пальцем экрана компьютера, и прямоугольник с названием его факультета развернулся в подробную схему офисов и лабораторий.

— Институт имеет специальное разрешение министерства каждые четыре года полностью обновлять свои компьютеры, — начал сэнсэй гордо. А закончил смущенно: — Нам надо чем-то привлекать студентов, институт-то новый!

Сэнсэй вёл экскурсантов по просторным комнатам, наполненным новёхонькой дорогой аппаратурой. Сквозь стеклянные стены просвечивали похожие на космические корабли сверхчистые залы. Их оборудованию позавидовали бы крупные электронные центры, но это были учебные лаборатории, — так говорил сэнсэй онемевшим от восхищения иностранцам. В тамбуре, пропускавшем людей в герметичную зону, студенты привычно надевали белые комбинезоны, надвигали на лица маски и шли в зал делать настоящие микросхемы — ребят готовили к работе на силиконовом острове всерьёз. Об этом собирался прочесть свою лекцию Тагами. У входа в аудиторию он включил кондиционер, проектор, видеомагнитофон… Возле учебного корпуса стоял большой ангар институтского спортивного зала, рядом с ним — футбольное поле, плавательный бассейн.

— Нам надо чем-то привлекать студентов! — ещё раз повторил Тагами.

Ванна бассейна была помельче, чем в северном университете, южане низкорослы. Но в столовой кормили так же вкусно — в Японии всюду кормят хорошо. В полдень поток, текущий в японском садике, иссяк и камешки русла, мгновенно обнаружили своё родство со строительным щебнем.

— В обеденное время в водопроводе не хватает напора, с водой у нас неважно, — объяснил Тагами. — Вы видели, наверное, баки на крышах всех домов, мы всегда держим запас воды.

По дороге в гостиницу автобус завернул в парк аттракционов.

Как и положено силиконовому острову, Кюсю предпочитал развлечения технические. Парк назывался "Мир космоса". На облицованном пластмассой космодроме девушки в металлических мини-юбочках погрузили посетителей в космический корабль. Кораблём работал кинозал с трясущимися креслами и большим экраном, по которому мчались прямо на визжащую публику метеориты. Высадившись на неизвестной планете, путешественники отправились в вагончиках по пещерам, где их атаковали пластмассовые монстры. Повизгивая от страха, космонавты с облегчением вернулись на родную землю в капсуле, сброшенной с вышки в воду.

— Парк развлечений очень полезен для города вообще и для института в частности, потому что привлекает молодежь, — говорил Тагами. Со студентами в электронном институте явно были проблемы. — Наш институт новый, никому не известный. Жители Кюсю привыкли отдавать своих детей в университет Фукуоки. У него хорошая репутация, он подбирает всех городских детей острова. Что нам остается? Деревни? Но оттуда много не возьмешь, людей там мало. Да и редко доходят деревенские до университета. У меня всего одна студентка с Кюсю. Одна из Кореи. А я мог бы взять пятерых… — Он помолчал. — Может, Вы подыщете для меня несколько способных студентов в России?

Остаток дня она провела, гуляя по Фукуоке. На метро добралась до станции со старинным названием Хаката. Отсюда начинается старый город Тенджин. Но лето — не лучшее время для путешествий по Японии. Она передвигалась перебежками от магазина к магазину, благо в каждом работал кондиционер. Слева и справа стояли храмы, Фукуока — город старинный. Шинтоистский шраин она оставила без внимания — на вымощенном камнями дворе негде было укрыться от солнца, разве что улечься в узкую тень разомлевшего на жаре каменного барана. Буддийский храм ей понравился больше — среди широколиственных деревьев прятались деревянные постройки, дававшие плотную тень. За её спиной ласково зажурчала незнакомая речь. Пожилая женщина, стоявшая на высоком крыльце, кланялась и улыбалась, жестом приглашая войти. Приглашение было принято с удовольствием — из открытой двери тянуло прохладой.

Женщина взглядом указала на ноги гостьи — пришлось снять туфли. С наслаждением ступая босыми ногами по чистым, прохладным доскам, она прошла по длинному коридору, уставленному простыми креслами, как в конторе или больнице. Женщина предложила ей сесть в одно из них.

— Отдохни, голубка! — услыхала она из детства тихий голос

бабушки — японское лето дохнуло рязанской деревней. И пахло в храме, как в бабушкиной избе, сухим деревом и свежевымытым полом. Женщина, согнувшись в поклоне, пригласила её к столу, поставила на чистую клеёнку запотевший кувшин с китайским чаем. Пока она жадно пила заломивший блаженным холодом напиток, японка хлопотала в отдалении, не глядя в её сторону, не мешая. Невероятным усилием воли она заставила себя встать. Но женщина не спешила отпускать её, едва заметно указывая взглядом куда-то в угол. Там пряталась кабинка туалета, умывальник с душистым мылом, чистое полотенце… Прощаясь, она постаралась поклониться по всем японским правилам. И с нежностью подумала о провинциальной доброте, одинаково милой хоть в Фукуоке, хоть в Рязани. Ей показалось, что жара спала, хотя электронное табло на улице по-прежнему показывало плюс тридцать шесть.

Соломенно-деревянные запахи сменились соево-рыбными. Улица, уходя от храмов, перетекла в торговый квартал, рассыпалась десятками ресторанчиков, напомнивших об ужине. Западный стиль, заставлявший сидеть на высоком стуле, опустив набухшие горячей кровью ноги, совершенно не подходил к южной японской жаре. Она отдала предпочтение стилю японскому, с наслаждением скинула туфли, шагнула на татами, удобно устроилась на подушке… Кондиционер веял прохладой, тихо булькал аквариум с рыбами. Одну из них можно было выбрать, чтобы на кухне её зажарили. Кажется, именно это пыталась объяснить ей юная официантка, подбежавшая к ней немедленно, едва она села. Девушка ожидала заказ. Нечитаемое меню помочь не могло — провинциалы писали по-японски не только названия блюд, но и цены, благо такая возможность имелась. Пластмассовые модели стояли на уличной жаре. И бестактное тыканье пальцем в тарелки соседей — хочу вот это! — не спасло. Столики были разделены бамбуковыми перегородками, невысокими, но достаточными для того, чтобы скрыть обедающих. И она произнесла единственное, что могла — сашими! И ужаснулась — сырая рыба в жару! Страхи оказались напрасными. Ломтики сашими были розовыми и свежими, словно рыбу только что выловили. Значит, есть сырую рыбу в Японии можно смело всегда. И всюду — в столице, в провинции…

Заказ в японском ресторане, как пароль. И отзыв на него обычно бывает обильным. Но здесь изобилие оказалось особенно щедрым. К неизбежному рису с мисо-супом ресторанчик добавил курицу, редьку и корни бамбука, сваренные в соевом соусе, стаканчик с яичным соусом с зелёными шариками гинкго, дырявые белые ломтики солёного корня лотоса. Через полчаса

она поднялась с подушек свежая, сытая. И уплатила всего тысячу йен — провинция. Улица просочилась между ресторанчиками и устремилась к стекло-бетонным небоскрёбам. Здесь пахло уже не соей и рыбой, а пирожными и гамбургерами — грубый Запад побеждал хрупкий Восток. Она пила кофе в почти парижском кафэ и думала, что монастырский чай куда лучше подходит к жаркому японскому лету. Витрина магазина электроники ослепляла даже среди блеска торговой улицы. Несколько этажей телевизоров от крох размером с ладонь до гигантов, бесконечные ряды компьютеров, видео, стерео… От восхищения её отвлекло тихое "дзинь!" У входа в магазин стоял невысокий мужчина, сухой и жилистый, в коротком чёрном кимоно. Голову его укрывала большая плетёная шляпа, похожая на плоскую корзину. Устойчиво расставив ноги в японских сандалиях, мужчина стоял, встряхивая маленький тёмный колокольчик. Другой рукой он держал чёрную деревянную чашку, где поблескивала мелочь — монах собирал пожертвования на храм. Подавали скупо. В чашке было совсем немного денег. Вернувшись к электронному магазину через пару часов, она вновь услыхала звон. Тень небоскрёба подвинулась, оставляя монаха под едким японским солнцем, но он не сделал даже шага, чтобы укрыться. Его рука всё так же мерно встряхивала колокольчик. Непреклонное "дзинь" падало чёткими каплями. Она стояла, глядя на чёрную фигуру, несовместимую с сияющей витриной. Несовместимую? Но изготовление микросхем, как бряканье колокольчиком, дело нудное, методичное.

— Понимаешь, они кричат! — жаловался ей как-то знакомый директор русского электронного завода. Работницы поточной линии не выдерживали монотонной работы. — Уж мы им и разгрузку устраиваем под музыку, и гимнастику, а они всё равно, случается, вскакивают и кричат, — сетовал директор. И улыбался: — Девочки хорошие, молодые… У нас сам Фидель Кастро был, ему понравилось — конвейер длиной в километр, а за ним одни блондинки!

Конечно, русский Левша подковал блоху. Одну. Но гнать микросхемы миллионами на монотонном конвейере русским блондинкам трудно. А вот японским брюнеткам хоть бы хны — иначе не было бы у них такого магазина. И не кричат они, наверное. И брак не выдают. Ведь они одной крови с монахом, что весь день встряхивал на жаре колокольчик с точным, неизменным интервалом в две секунды — она проверила по часам. И лицо монаха под шляпой-корзиной было всё тем же — каменным, словно ничего ему не стоило простоять весь день на жаре.

Вечерело. На улице зажглись неоновые вывески. Она

смотрела на немыслимую мельтешню мелких палочек и точек иероглифов и думала: японцам, которые умудряются всё это прочитать и даже написать, что им стоит какую-то микросхему сделать?

Спонсор

Грузный колокол.
А на самом его краю
Дремлет бабочка.
Бусон

Трава должна склоняться, если подует ветер.
Не будешь гнуться, не выпрямишься.
Японские пословицы

Элегантный, величественный японец вошёл в зал заседаний в окружении членов оргкомитета. Простые участники конференции при виде кавалькады прекратили беседы и замерли по стойке "смирно".

— Спонсор! Это наш спонсор! — шлейфом шелестело вслед шедшим. — Большой босс из фирмы Ниппон Стил Корпорейшн! А Ниппон Стил финансирует конференцию!

Мужчина шествовал среди всеобщего почтения, выпрямив спину, не готовую к поклонам. Кланялись ему. Заметив её, спонсор отделился от свиты.

— Вы из России? Сэнсэй Кобаяси просил Вам помочь. Мы решили покрыть Ваши расходы на отель из средств Ниппон Стил!

С некоторых пор для всего мира понятие "русский учёный" стало означать "нищий". Но винить в этом надо было русское правительство. А элегантному спонсору, который, улыбаясь, стоял перед ней, следовало сказать "спасибо". В этой стране ей только то и оставалось, что говорить "спасибо" — на острове Хонсю, на острове Кюсю… Спонсор благосклонно выслушал её благодарности и привычно заторопился — он должен срочно идти! О, нет, не на конференцию! — мужчина улыбнулся снисходительно — ему ли слушать этот научный лепет! Его ждали действительно серьёзные дела. Через открытую дверь комнаты оргкомитета было видно, как местные сэнсэи, сидевшие за длинным столом, упруго вскочили и согнулись в поклоне при появлении босса. Он окинул хозяйским взором стол и

повелительно сказал что-то сопровождавшему его парню. Тот умчался и через несколько минут вернулся с большой картонной коробкой, выгрузил из неё печенье, конфеты, банки с питьём. Сэнсэи благодарно заулыбались.

— Мы тоже можем угоститься за счет фирмы Ниппон Стил! — подошедший к ней старенький профессор из Германии издал коротенький смешок.

С профессором познакомил её Хидэо во время завтрака в гостинице. Тогда карман брюк старичка оттопыривало яичко, прихваченное со шведского стола. Хидэо, заметив её насмешливый взгляд, сказал тихонько:

— Он на пенсии. В средствах ограничен. А так он сможет не тратиться на обед.

Старичок, игриво глядя на неё, залопотал весело:

— Какое хорошенькое на Вас платьице! И знаете, что мне нравится больше всего? Вырез!

А Намико увела её в сторонку, сказала, глядя на резвящегося старичка:

— Он мне не нравится. Но Хидэо так его уважает…

Теперь профессор по-свойски подцепил её под ручку и увлек в фойе к длинному столу, где для участников конференции было приготовлено кофе с печеньем. Уразумев, что его новая знакомая из России, профессор немедленно принялся рассказывать, что при Гитлере он был лётчиком и бомбил Ленинград. А там в это время голодали в блокаде её папа и мама.

— Вы на меня не сердитесь? — бессмысленно, как младенец, улыбался он.

Бывший летчик был слишком стар. И доклад, который он произнёс сегодня утром, был стар. Но организаторы конференций неизменно поручали профессору доклады. И оплачивали его расходы.

— Я слышал, спонсор и Вам оплатит гостиницу! О, как Вам повезло! Как Вы счастливы теперь! — ахал старичок, наливая себе вторую чашку кофе. — Вообще-то я кофе не пью! — морщился он. — Но здесь, знаете ли, бесплатно…

Профессор рассказывал, как понравился ему обычай японских магазинов выставлять множество продуктов для пробы.

— Вчера в полдень я отправился не в ресторан, а в магазины и бесплатно пообедал!

Кофейная пауза закончилась, народ нехотя потянулся в зал заседаний. Она разглядела в полумраке всего несколько белых лиц, почти потерявшихся среди смуглых рядов японцев. Япония всегда посылала на международные научные конгрессы многочисленные делегации, и уж тем более не поскупилась, коль

мероприятие проводилось дома, на Кюсю. Усевшись в кресла, японцы привычно сбрасывали ботинки, устраивали их аккуратными парами и привычно засыпали. Докладчик рассказывал что-то давно знакомое. Да его никто и не слушал, на конференции ездили не слушать, а говорить — доклад засчитывался как научная работа. Пробравшись мимо засыпающих сэнсэев, она села рядом с французами. Они тут же обратились к ней, как к японскому старожилу, им нужен был эксперт по японской кухне — обсуждался предстоящий нынешним вечером банкет.

Первый, кого она увидела в банкетном зале гостиницы, был элегантный спонсор. Он рассаживая публику, робко лепившуюся при стеночке. Занятие это было трудное, умственное — лоб спонсора прорезала морщина озабоченности и напряжения. Подойдя к толпе, он окидывал её хозяйским взором, выбирал нужную персону и уводил её к подобающему столу. Народ смущался, спонсор — ничуть. Он был занят нормальным делом — сортировкой по иерархии — большой босс из фирмы-спонсора Ниппон Стил имел на это право. Первыми он забрал начальников из оргкомитета во главе со стареньким профессором, усадил их за центральный стол у самой сцены. Простые оргкомитетчики были рассредоточены по флангам, чтобы создать достойную раму для начальства. Начальственных жён определили за столы во втором ряду, позади мужей. В одиночестве дамы приуныли, их дорогие кимоно и вечерние платья, лишённые тёмного обрамления мужских костюмов, поблекли и слились в одно тоскливое пятно. Следующий ряд спонсор заполнил почётными приглашёнными, выделив среди них серенькую даму — племянницу начальника богатой американской фирмы. Наконец, решив, что остальная публика интереса не представляет, спонсор махнул рукой и уселся на припасённое для себя место в первом ряду. Нерассаженные восприняли отмашку спонсора, как сигнал, и начали устраиваться по своему разумению, но не ближе четвёртого ряда. Свободный стул для неё нашёлся в пятом ряду за одним столом с пятью японскими сэнсэями, молчавшими дружно, плотно.

Пока официанты во европейских фраках разносили японскую еду, спонсор, поднявшись на сцену, открыл банкет торжественной речью, посвященной достижениям фирмы Ниппон Стил. Уходя, он пригласил на сцену немецкого профессора. Старичок привычно придвинул микрофон и стал рассказывать неприличный анекдот времён своей юности, нащадно путаясь, он уже и анекдоты стал забывать. Поднимаясь к себе в номер после банкета, она увидела в зеркалах лифта роскошную фигуру спонсора. Рядом с ним

улыбался немецкий профессор, раскрасневшийся от съеденного и выпитого.

— Мы идем в мой номер пить сакэ, — объяснил спонсор. — У меня есть хорошее сакэ, на банкете такого не подавали. Пойдёмте с нами!

Он не был ни груб, ни нагл. Он был элегантен, как всегда. Вежливо пожелав спонсору спокойной ночи, она вышла из лифта вместе в двумя японками, не доехав семь этажей до своего пятнадцатого.

— Куда же Вы? — нёсся ей вслед изумлённый вопль старенького профессора.

За завтраком ей попался на глаза Хидэо. Только утром они и виделись, потом он целый день где-то пропадал. Не замечая великолепия шведского стола, Хидэо проглотил какой-то бутерброд, залпом выпил чай.

— У меня столько работы! Я не выхожу из отеля. Мне поручено сделать заключительный доклад оргкомитета!

Намико тоже была ужасно занята.

— Как жена члена оргкомитета я устраиваю развлекательную программу для дам.

Доклад оргкомитета, произнесённый Хидэо, занял пять минут — столько-то участников из таких-то стран, такие-то темы…

— Он готовил доклад всю ночь, — шепнула ей на ухо Намико.

По случаю своего выступления муж позволил жене присутствовать на заседании. Счастливый и гордый Хидэо спускался с трибуны, Намико устало улыбалась.

— Наконец-то мы сможем взглянуть на город, погулять…

Вечером в её номере раздался звонок. Голос Хидэо в трубке звенел от восторга:

— Наш спонсор из Ниппон Стил хочет видеть Вас! Мы в отеле, в центре города. — Было почти десять. Она только что приняла душ и собиралась лечь. — Срочно приезжайте! Возьмите такси. Он ждет Вас! — слово "Он" Хидэо явно произносил с большой буквы. Пришлось одеваться, ехать…

Хидэо ждал её у входа в отель, подпрыгивая от нетерпения.

— Как Вы долго! — воскликнул он сердито, но глянул на неё удовлетворенно. — Но выглядите Вы… — И он подхватил её под руку. — Вы так понравились спонсору! Он только о Вас и говорит! — Спиртное всегда сбивало Хидэо с роли важного профессора, уничтожало дистанцию между ними, которую в трезвом виде сэнсэй зорко сохранял. Жаль, пил он редко. — Спонсор поручил мне издание трудов конференции! Мы только что отужинали вместе в ресторане! — перечислял свои победы

Хидэо. — А Вам спонсор может помочь продлить контракт! — Она не хотела продлять контракт. Но в отель вошла.

Спонсор сидел в холле между двух японских профессоров из оргкомитетского начальства. Пока она обменивалась комплиментами со спонсором, Хидэо смотрел на них, торжествующе улыбаясь:

— Мне кажется, вы наслаждаетесь обществом друг друга!

При появлении новой гостьи девочка-официантка, бросив мгновенный оценивающий взгляд компанию, подбежала к креслу спонсора, низко присела у его ног. Только у иностранки спонсор спросил, что она будет пить. Сэнсэи взяли в руки то, что им подали. И стали молча слушать, что говорит спонсор. А он говорил о своём хобби — лошадях. Хобби, любое хобби для японца роскошь. А уж лошади! Сэнсэи почтительно кивали. А её не оставляло чувство, что она — вроде лошади, которую привели показать хозяину, на случай, если он захочет её купить.

— У Вас есть хобби? — бегло спросил спонсор, если и ожидая ответа, то очень краткого. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы говорить опять.

Но заговорила она. Она говорила о байдарочных походах по Карелии, о горных лыжах на Кавказе… Спонсор застыл с приоткрытым ртом. Сэнсэи удивлённо приподняли носы, опущенные в рюмки, и уставились на неё с любопытством. И неприязнью. Она грубо нарушала японские правила — младшая по должности говорила в присутствии старшего, женщина в присутствии мужчины. Она знала японские правила. Но считала, что их исполнение не всегда обязательно для русского профессора. Спонсор, наскоро прикрыв рот, изумлённо разглядывал её, очевидно не вникая в смысл слов. Быстро потеряв терпение, он поднялся. Он, должно быть, слушать не привык. Сэнсэи тут же встрепенулись, вскочили. Спонсор достал из кармана дорогого пиджака дорогой бумажник. Вынул нечто странное — небольшие бумажки с печатями, вроде тех, что выдавали в советских ЖЭКах при товарном голоде — талоны на сахар, масло… Это тоже оказались талоны — на такси. Небрежным жестом, каким дают на чай, — и где он только научился? — в Японии чаевых не дают — спонсор раздал три талончика низко склонившимся сэнсэям. Четвертый, чуть поколебавшись, протянул ей — компания Ниппон Стил брала под своё крыло всех, кто приближался к ней хотя бы на мгновение.

— О, нет, ей не надо, мы живем в одном отеле, я подвезу её! — засуетился Хидэо, счастливый тем, что может избавить спонсора от лишних трат.

В такси Хидэо всю дорогу молчал. Хмель выветрился из него,

он снова вошел в роль босса и восстановил дистанцию между ними. Теперь эта дистанция была ощутимо больше, чем прежде. Сэнсэй был расстроен. Он, кажется, жалел, что пригласил её в ресторан. И вообще в Японию.

Маленькая домна Кюсю и большие горшки Сикоку

Бросил на миг
Обмолачивать рис крестьянин.
Глядит на луну.
Басё

Японцы знали про себя — они умеют работать. И уверены были — на их работу стоит посмотреть. Изнанка карты острова Кюсю приглашала посетить металлургов компании Ниппон Стил и Сумитомо, электриков фирмы Фурукава, химиков Мицубиси, моторостроителей Ниссан, производителей сантехники фирмы Тото — это словечко красовалось на всех японских унитазах. Ещё в списке значилась железная дорога, электростанция, редакции газет, телекомпания Эн-Эйч-Кей и пивоварня "Саппоро". На Кюсю много заводов, и платные экскурсии — одна из статей их дохода. И средство рекламы. В оргкомитете конференции она купила за две тысячи йен билет на экскурсию на металлургический завод фирмы Ниппон Стил Корпорейшн.

Экскурсионный автобус собрал у гостиницы всех желающих поглядеть на металлургов и побежал по улице заводского посёлка, унылого, как заводские поселки России, только более прибранного, аккуратного. Неинтересные улицы сменил заборчик, невысокий, несерьёзный, почти невидимый среди деревьев. Автобус въехал в небольшую калитку и остановился у двухэтажного серого здания, похожего на школу. В маленьком бассейне, обведённом рамочкой аккуратно подстриженных кустов, плескались золотые карпы. Она озиралась — где же завод? Где огромные корпуса, грохочущие, грязные? Где вонючий дым? Ничего такого не было. Ровный ряд невысоких опрятных зданий можно было заподозрить разве что в производстве кефира, но не стали. Среди ухоженного газончика осторожно пробирался маленький чистоплотный поезд, оставляя траву рядом с колёсами изумрудно-зелёной, без грязи и масла.

— Кюсю — это сталь!

Молодой инженер, встречавший экскурсантов, одарил

каждого поклоном и визитной карточкой. Он сам был как визитная карточка фирмы — тоненький, красивый, наряженный в серый костюм, наверняка только сегодня утром снятый с магазинных плечиков. Вестибюль скучного серого дома оказался неожиданно парадным — светлые стены, полированный камень пола… Сильный кондиционер легко справлялся с жарой, мягкие кресла были обиты свежим серым бархатом — всё говорило о процветании фирмы Ниппон Стил. На столе аккуратными стопочками лежали белые полотняные куртки, белые перчатки, белые каски со свежими бумажными чепчиками-подкладками — одиннадцать комплектов по числу экскурсантов — их здесь ждали. Заботились, чтобы они вышли с завода такими же чистенькими, какими вошли. Рядом с касками лежали коробочки радио, которые точно помещались в карман куртки, и наушники, чтобы можно было, не напрягаясь, слушать экскурсовода в шумных цехах.

Ослепительный инженер прочёл краткую лекцию о поразительных успехах фирмы и впустил в комнату девушку в сером костюмчике — Ниппон Стил одевала своих сотрудников в фирменный серый цвет, цвет стали. Девушка внесла пластмассовую корзину, полную металлических банок с лимонадом и кокой. Интересующиеся японской металлургией, утолив жажду и облачившись в спецодежду, вышли в вестибюль. Точно на середине вестибюля, словно у эстафетной черты, группу перехватила строгая молодая леди в сером — технологическая цепочка под названием "экскурсия" была отлажена идеально. Леди подвела их к стеклянной витрине — там хранились красивые пластинки трансформаторной стали и пивные банки — питьё при встрече было не просто приветствием фирмы, а ещё и образчиком её продукции.

У выхода из зала леди отдала группу уже поджидавшему их парню в белой куртке и каске. Его задачей было провести экскурсию по цехам. Прокатные станы, печи — всё, как в России, только меньше, аккуратнее и чище. Вместо засаленных роб и драных телогреек — чистые синие комбинезоны, белые перчатки, белые каски, белые резиновые сапоги. И белые махровые полотенца на шее, чтобы отирать пот. Рабочие сновали сосредоточенно, не обращая на пришедших ни малейшего внимания. Экскурсии — не их работа. Расслабившихся не наблюдалось. Не было сигарет в зубах, плевков… На чистом синем полу цеха красовались огромные, в метр диаметром, желтые подсолнухи.

— Осторожнее! Не наступите! — забеспокоился провожатый. — Краску только что подновили! Ведь сегодня

суббота. Рабочие сами рисуют цветы каждую неделю. Им это нравится. И потом, подсолнух — цветок нашего города.

У края лепестков были сложены идеальными стопочками стальные листы, покрытые блестящим тёмно-синим лаком. Лак нужен был для дела, не только для красоты, — так говорил инженер. Цвет лака точно соответствовал окраске пола. Может, случайно? Рулоны стальной ленты, стянутые аккуратной металлической полоской, как тесьмой, были упакованы, как подарок. Оставалось привязать бант. За широкими, чисто вымытыми окнами пестрело машинами большое поле автостоянки. Должно быть, это поле тоже вдохновляло на ударный труд. Как подсолнухи. В таком окружении невозможно было сделать что-то тяп-ляп. Завод не знал, что такое брак. Так говорил экскурсовод. А она смотрела на это немыслимое сочетание металлургии, чистоты и красоты и вспоминала, как молоденькой аспиранткой пыталась воплотить в металл свою гениальную идею.

Начальник прокатного цеха согласился ей помочь, написал мелком на одном из полураспущенных рулонов, кое-как схваченных ржавой проволокой, тот режим обработки, что придумала она. Написал неразборчиво, коряво. И улыбнулся насмешливо на её мольбы:

— Давайте напишем краской!

Через час, вернувшись в цех, она увидела двух работяг, которые курили, спрятавшись за её экспериментальный рулон от сквозняка, дувшего из разбитых окон. Их спины в ватниках безжалостно стирали надпись, сделанную на уровне плеча, там, где удобнее писать. И опираться, когда куришь. В кабинете начальника она почти кричала. И он был в ярости.

— То написано не тем, то написано не там! Что вы пристаёте с мелочами?

Японский инженер рассказывал о мелочах: об аккуратной упаковке рулонов, об идеальной отделке концов полос… И всё это незаметно перетекало в длинный список тех, кто хотел купить металл именно здесь, на Ниппон Стил. И среди них была Россия.

Голос провожатого в наушниках стал особенно торжественным — они приближались к доменной печи. Невысокое здание почти не отличалось от других цехов. Только жар, вырывавшийся из-под металлических мостков, по которым они шли, был покруче, да белые резиновые сапоги рабочих и их белые перчатки погрязнее. Но грязь выглядела свежей, сегодняшней. У нас в России, уж если домна в городе, то видно её отовсюду, как Эйфелеву башню. У нас самые большие домны! А здесь…

— Эта домна делает самый лучший металл…

Инженер настойчиво повторял слово "качество". И ещё "экология" — он говорил о дыме, спрятанном в трубы, о деревьях, рыбках в пруду…

— Западных людей по настоящим цехам ведут. А нам, выходит, не доверяют, — ворчал профессор Василий из Самары, единственный участник конференции, приехавший из России. — В прошлом году мужики из нашего института тоже были на этом заводе. Так им только старое отработавшее оборудование показывали. В настоящие цеха не пустили. — Василий был большой и мощный — сын крестьянина волжских кровей. Они познакомились на конференции за обедом. Василий и там ворчал: — Ну и закуска у них! Ракушки на зубах хрустят. А есть нечего. И суп странный, вкуса никакого. — И Василий посыпал перцу в зелёный чай. — И фрукты колючие. — Он съел неочищенный плод киви. В свои пятьдесят Василий был за границей в первый раз.

Завершал показ заводской исследовательский центр. В большой комнате сидели за длинным столом тридцать человек. Стол был выгнут так, чтобы каждый видел каждого. Ещё за интеллектуальной элитой завода надзирал начальник, сидевший в стеклянной конторке на возвышении. Он выбежал навстречу экскурсантам, пожал каждому руку, сказал пару хорошо заученных фраз о том, что именно за этим общим столом куётся будущее Ниппон Стил, и бегом вернулся в свою, похожую на милицейскую будку, обитель. Его голова тут же склонилась над письменным столом, выражая крайнюю озабоченность. Тридцать его подчинённых в точности воспроизвели ту же позу. В душной комнате пахло разогретым линолеумом. Кондиционеры стояли только в тех помещениях, где работали нежные исследовательские приборы. Самим исследователям не полагалось никаких послаблений — они ковали будущее завода в жарких костюмах с тугими галстуками.

Элегантный инженер, строгая дама и девушка, угощавшая лимонадом, вышли к автобусу проводить экскурсантов. Они стояли у края тротуара, по японскому обычаю махая руками вслед уходящему автобусу, — блестящее завершение технологической цепочки под названием "экскурсия". Идеальная обработка конца. За деревьями мелькнул силуэт ещё одной маленькой домны, только неработающей, старой.

— По дороге вы увидите мемориальный сквер в честь первой домны, — говорил на прощанье инженер. — Здесь на Кюсю колыбель японской металлургии. Мы помним это. — Японский долг благодарности работал безотказно. По отношению к людям

и домнам.

На другом южном острове, Сикоку, куда переехала конференция для дальнейших заседаний, участникам в качестве развлечения предложили познакомиться с традиционными местными ремёслами — с крашением тканей, изготовлением глиняной посуды… Таких больших производств, как на Кюсю, на Сикоку не было. Сикоку — маленький остров. Здесь выращивали рис, чай, фрукты, искусственный жемчуг… Старинная гончарня устроилась в окрестностях Токушимы — самого большого города на острове. Маленькая гончарня на Сикоку чем-то напоминала большой завод на Кюсю — на чисто выметенном полу ничего не валялось, всё аккуратно лежало: инструменты, глина… И ряды готовых чашек-плошек выстроились ровно, как солдаты на смотру. Горшечники походили на металлургов — те же синие комбинезоны и белые резиновые сапоги, те же светлые махровые полотенца, только не висящие на шее, а скрученные жгутами на лбу… И то же выражение усердия на лицах. Экскурсантами занимался такой же, как на Кюсю, молодой парень. Только не инженер, гончар.

Но что показывать в гончарне? Простой сарай, а в нём — вертящийся круг.

— О, у нас есть кое-что ещё!

Гид загадочно улыбнулся и повел группу по тропинке, ведущей к сараю из старых серых досок. Полутьма пахла сухой глиной и прогретым на солнце деревом. Пол был усыпанный мелкой глиняной крошкой.

— Это сделано специально, чтобы гасить все посторонние звуки, — сообщил гид, усаживая экскурсантов на простую деревянную скамью.

Лицо его стало таинственным, словно в ожидании чуда. Тихий звук капнул в тишину. Такой чистый, словно уронили каплю на хрустальное блюдо. Потом зазвучало ещё — тоненько, прозрачно. И отозвалось эхом — слабым, глухим.

— Вода где-то капает, — хозяйственно заметил Василий.

— Вода, вода, — часто закивал гид. И зашептал восторженно: — Послушайте, как звучит вода! — И замер благоговейно.

И все послушно замерли, только Василий пробурчал:

— Придумывают они тут всё, придумывают… У меня на даче крыша протекает. Что же мне теперь начать народ водить, чтобы капли слушать? Ещё и деньги брать…

Глаза, привыкая к темноте, постепенно разглядели в дальнем углу сарая нагромождение горшков — небольших, обычных и огромных, выше человеческого роста. Именно горшки, составленные в замысловатые пирамиды, были тем музыкальным

инструментом, из которого падающая вода извлекала звуки — то высокие, то низкие, то звонкие, то глухие. Тихая музыка редких капель звучала под крышей полутёмного сарая, музыка горшков.

— Здесь — прекрасное место для медитаций, — шёпотом сказал гид. И бодро встал. — А теперь — в наш магазин!

И зашагал в сторону ещё одной сараюшки, где за баснословную цену — не меньше трёх тысяч йен за штуку — продавали грубые чашки, сделанные на простом гончарном круге.

— Посмотрите, какая замечательная работа! — гид взял в руки серую шероховатую плошку. Гончар с Сикоку гордился своими горшками так же, как гордились своей сталью металлурги с Кюсю.

У входа в красильню их встретил такой же гид — бойкий, молодой.

— Мы красим натуральные ткани натуральной краской.

Сорвав прямо у себя под ногами пучок травы, парень мазанул им по своей ослепительно белой футболке. На груди осталось яркое синее пятно, но парень не расстроился. Должно быть, испорченная футболка была запланированным вступлением, главной информацией — синюю краску индиго давала трава. Начиналось производство в низком просторном помещении, где люди, Сидевшие возле длинного стола, рисовали серые узоры на белой хлопчатобумажной ткани. Гид подвёл экскурсантов к стопкам батистовых носовых платков, разрисованных самураями, — иностранцам предстояло приобщиться к японскому ремеслу бок о бок с настоящими рабочими. Тем более, что технологический процесс был предельно прост. Прикрепив платки на вешалки, как для брюк, следовало макать их в большую продолговатую ванну с тёмно-синей жидкостью. Много-много раз.

Рабочие, стоя вокруг ванны, делали то же самое — размеренно двигали руками вверх-вниз, обмакивая маленькие платки и большие куски ткани. Из ткани шили очень дорогие платья, продававшиеся в магазине при красильне.

— Ванна, кроме синего настоя травы, содержит ещё сахар и сакэ, — объяснял гид.

Василий потянул носом воздух.

— И правда, водкой пахнет, — он с сомнением покачал головой, — у нас это ремесло не привьётся, выпьют ванну. Да и муторно целый день макать.

Он вытер капельки пота со лба, устало опустил большие руки. А щупленькие японские рабочие, не достававшие Василию до плеча, продолжали макать без остановки.

— Чем дольше макаешь, тем ярче получается цвет, — сказал гид, но, посмотрев на измученного Василия, смутился и велел

группе прекратить процесс.

Раздав пластиковые пакеты для мокрых платков, он посоветовал платки хорошенько постирать, чтобы смыть серую краску рисунка, высушить и прогладить. На этом технологический процесс заканчивался.

Ночевать иностранцев отвезли в старую японскую гостиницу. В ней не было кроватей, спать полагалось на татами. И кондиционера не было. В открытое окно душно дышало близкое море. Ворочаясь в бесплодных попытках уснуть, она вдруг вспомнила о платке. У входа в общую умывальную, расположенную в конце коридора, воевал с тапками Василий, пытаясь всунуть свои огромные ноги в узенький носочек с надписью "Туалет". Жалобное поскрипывание тонких половиц перешло в угрожающий треск, Василий махнул рукой и ступил на кафель босиком.

— Уснуть не мог, не привык я спать на полу. Пока ворочался, вспомнил про этот платок. Вот иду стирать. Надо его до ума довести да показать дома, чего я тут в японской водке накрасил…

Жить в провинции (В Токио! В Токио!)

На высокой насыпи — сосны.
А меж ними вишни сквозят, и дворец
В глубине цветущих деревьев…
Басё

— Вы поедете на Кюсю еще раз! — приказал Хидэо. Вас приглашает мой друг Такэда-сан.

Этот южный друг возник ещё весной. Тогда она помогла Хидэо отредактировать доклад для конгресса в Париже. Он принял помощь и через день принёс ей факс.

— Это — письмо от моего друга. Я просил его принять Вас на Кюсю, и он согласился. — Долг благодарности в Японии платили исправно. Пусть и не из своего кармана. — Вашу поездку оплатит Такэда-сан. Он сделает это с удовольствием!

Официальной целью её путешествия на Кюсю была названа лекция в институте Такэды.

Такэда ждал её в аэропорту Фукуоки — маленький, грустный.

— Я родился в Токио, — сообщил он немедленно. Словно боялся — вдруг гостья подумает, что он всю жизнь прозябает в провинции. Говорил Такэда только об одном: это — не почётно,

это — не престижно, это — почти стыдно — жить в провинции! А в Токио было лучше всё: университет, магазины, рестораны, дома… В Токио была лучше также зарплата. К ней добавляли тридцать процентов, чтобы компенсировать столичную дороговизну. И даже на севере Хонсю, где жил друг Такэды Кобаяси, была надбавка, хоть и маленькая, шестипроцентная. На Кюсю не доплачивали ничего. Потому что власти считали жизнь в провинции недорогой.

— Конечно, здесь всё дешевле, но всё-таки надбавка не помешала бы! — горевал Такэда и почему-то шёпотом рассказывал о распродажах, на которых можно было купить дюжину яиц всего за десять йен. Местные цены Такэда знал хорошо, потому что долго жил без жены.

Двадцать лет назад Токийский университет, где работал молодой тогда доктор Такэда, послал его на стажировку в Германию. В то время многие молодые японские учёные отправлялись на Запад поучиться. Такэда уехал вместе с женой и дочерью.

— Это была прекрасная жизнь! — Такэда говорил тоскливо, как о потерянном рае. Говорил обильно, горячо. Словно ему очень надо было рассказать кому-то свою историю. Он рассказывал о шумных пирушках в своём английском доме. — Это обходилось совсем недорого, для гостей я всегда покупал дешёвое вино. — На этот счёт у него была целая философия: — Дома люди пьют дешёвое вино, а потому непривычного вкуса дорогого вина оценить не смогут.

Такэда весело жил в Германии целых шесть лет. И хорошо работал. Так хорошо, что ему предложили остаться. И Такэда очень хотел это предложение принять. Но его желания было недостаточно — требовалось позволение токийского начальства. И Такэда вернулся в Японию.

Начальник позволения на отъезд не дал. Такэда остался в Токио и скоро почувствовал, что ему запрещено не только уезжать, но и продвигаться по службе. Уволить работающего в Японии нельзя, но можно дать ему понять — дорога тебе закрыта. Уразумев, что профессорской должности в родном университете ему не видать, Такэда стал искать её в провинции. А вот почему на этом самом месте он не наплевал на своего босса и не уехал в Германию, Такэда не объяснял. Он только смущённо улыбался, потирая свой длинный острый нос.

— Мы, японцы, так не делаем!

Собрав немалую коллекцию отказов, Такэда получил, наконец, желанное место профессора в маленьком городке на Кюсю. Такэда уехал, а его жена осталась в столице — учёба

дочери в провинции плохо повлияла бы на её будущее. Выпускнице провинциальной школы почти невозможно поступить в Токийский университет, а диплом, полученный в провинции, закрывает путь к хорошей карьере. Пока дочь училась в школе, а потом в университете, Такэда жил один. Восемь лет. И навещал семью раз в три месяца — чаще не позволял семейный бюджет — транспорт в Японии стоит дорого.

— Сначала мы поедем в город Кумамото смотреть замок. Я всегда везу своих гостей туда, — Такэда печально улыбнулся, — в нашем городке нечего смотреть.

На улице было плюс тридцать пять, руки оттягивал тяжёлый портфель, но сопротивляться было бесполезно — Такэда составил план её пребывания на Кюсю, ей оставалось его исполнять. Поезд на провинциальном Кюсю был старомодный, с прямыми, высокими спинками, но со свежей отделкой и с кондиционером. За окном побежали маленькие рисовые поля и большие посёлки. Поезд шёл на юг, держась западной кромки острова, и поля становились всё больше, посёлки — меньше. Через час они вышли на маленькой станции с большим арбузом на вывеске.

— Арбузы — местная гордость, — объяснил Такэда.

Но поехали они не на рынок, где продавались арбузы, а в замок. В такси были белые кружевные чехлы, неизбежные где бы то ни было в Японии. А вот веера пассажирам полагались только на юге — водитель в белых перчатках подал им два круглых пластмассовых лепестка. Веера пригодились — одному кондиционеру не под силу было справиться с жарой.

Белый замок плыл в воздухе над кудрявыми деревьями парка. Серебристая черепица его многоярусной крыши была такой новой, а побелка стен такой свежей, что казалось, вот-вот зажгут прожектора и начнут снимать фильм про самураев. Япония ухаживала за своей стариной так старательно, что старина пряталась подальше, вглубь. Ярусы замка внутри обозначались только галереями вдоль стен, середина уходила ввысь единым куполом, хранящим прохладный сухой воздух — старые мастера умели сделать дом приятным и без кондиционера. По стенкам, как в краеведческом музее, были развешены старинные мечи и черепки, портреты суровых японских начальников в плоских чёрных шапочках…

Камни площади возле замка забирали жар, отдавая прохладой. Асфальт же за воротами жадно впитывал солнечные лучи, наполняя воздух вонючим, липким жаром. Проваливаясь каблуками в размякшую мостовую, она брела вслед за Такэдой.

— Теперь поедем в Ваш город? — с надеждой спросила она, но Такэда отрицательно покачал головой, вздохнул.

— Да что там делать, в этом городе? — И покраснел, словно стыдясь, что живет в таком скверно месте.

Они пришли в японский сад. Две женщины в будке у входа продавали билеты. Трое мужчин за письменными столами в глубине комнаты с озабоченными лицами надзирали за их работой. Вернее, за её отсутствием — посетителей почти не было. Небольшой пруд и бегущий поток, петляющая тропинка и подстриженные шариками деревья — в саду имелось всё, что положено японскому саду. Излишеством была лишь невысокая, метров в пять, горка, с какими-то очень знакомыми очертаниями — срезанная вершина, гладкие склоны…

— Да, да, это — точная копия горы Фудзи, — подтвердил её предположение Такэда. — А вокруг в точности воспроизведена местность между Токио и Киото.

Наверное, устроители сада тоже очень горевали, что живут в провинции. И свою тоску по столице воплотили в этом макете. Любоваться Фудзи на открытой полянке было опасно — солнце могло расплавить мозги. Такэда свернул в тень, к пруду.

Ресторанчик на берегу больше походил на место для пикника: столы-пеньки окружали пеньки пониже — стулья. Официант принёс первое блюдо — веера. Такие же, как в такси, лепестки, только не из пластмассы, а из бумаги, укреплённой на тонких бамбуковых прожилках, сходящихся к бамбуковой ручке. Веер украшали написанные тушью иероглифы. Кажется, это были стихи. Может, эти?

Торговец веерами
Принёс вязанку ветра.
Ну и жара!

Потемневший бамбук, пожелтевшая бумага с надрывами по краям, выцветшая от времени тушь…

— От времени? — Такэда хмыкнул. — Веер новый, подделка под старину. — Официант поставил на пенёк стола две большие миски из серой глины в сетке трещин, наверняка извлечённые из древних раскопок. — И это — имитация, — предупредил её восторги Такэда.

В чашках было самое что ни на есть японское питье, спасительное в жару — взбитый бамбуковой кисточкой холодный зелёный чай. Она отхлебнула, если глагол "хлебать" применим к процессу поедания зелёной пены. На полоске высушенной серой глины, заменяющей тарелку, официант принёс маленькое, словно перепелиное, яичко с желтком внутри, оказавшееся пирожком из сладкой фасоли. Только лежавший рядом ради украшения

глянцевый зелёный лист был настоящим.

Она сидела на берегу искусственного пруда, глядела на игрушечный Фудзи, держала в левой руке имитацию старинного веера, в правой — имитацию старинной чашки, и думала, что и цапля, шагавшая по неглубокой воде, тоже может оказаться подделкой. Очень уж походила птица на рисунок с банкноты в тысячу йен. И жалобы Такэды казалось ей игрушечными. Стоило ли просить позволения японского босса, чтобы уехать в Германию? Зачем было расставаться надолго с женой из-за токийского диплома дочери? Почему нельзя было растить её в провинции, на свежем воздухе? Впрочем, она допускала, что многого в японской жизни не понимает…

— Теперь едем в наш город, — сказал Такэда так, словно откладывать это неприятное событие больше было нельзя.

От Фукуоки автобус направился на восток по северной кромке острова. Городки, перемежаемые полями, нанизывались на нитку шоссе, как бусины. Они объединялись в один мегаполис — Кита-Киушу. "Киушу" — так японцы произносили Кюсю. За окнами автобуса, увозившего её в столь нелюбимый Такэдой город, бежали мягкие лесистые холмы, милые долины с уютными деревушками. В окна летел небесной свежести ветер, но лицо Такэды оставалось грустным. Через час они вышли посреди небольшого городка. Розовый кубик трёхэтажного нового дома походил на советский обком. Только статуи Ленина на площади перед ним не было, да голубых ёлочек.

— Гостиница принадлежит городским властям, — сообщил Такэда. — Они опекают университет, поэтому наши гости могут останавливаться здесь. У нас есть на этот счёт специальное соглашение.

Опять пахнуло знакомым, советским. Вспомнилась обкомовская гостиница, куда устраивал её ректор местного университета.

На крыше гостиницы в напряжённой позе дозорного стоял полицейский, при входе дежурили двое его товарищей. За полгода жизни в Японии она не видела столько блюстителей порядка, сколько сгрудилось их тут, постояльцев ведомственной гостиницы охраняли всерьёз. Постояльцев теперь было только двое — она да ещё один японц, — так сказал Такэда.

— Я должен представить Вас охране, — Такэда долго беседовал с полицейскими. — Им надо запомнить Ваше лицо. Входя в гостиницу, обязательно здоровайтесь с полицейскими. Им надо дать время, чтобы разглядеть Вас. Для нас, японцев, различать иностранцев сложно.

Полицейские поинтересовались, в котором часу иностранка

намеревается принимать душ. Пока она лихорадочно соображала, стоит ли давать японской полиции столь интимную информацию, Такэда её успокоил — горячую воду в номера давали только в определённые часы. Охранники заулыбались, заговорили нечто приветливое.

— Сегодня, по случаю Вашего приезда, вода будет всю ночь, — перевёл Такэда. — Вы сможете мыться, когда захотите

Такэда проводил гостью в номер, показал, как открыть дверь магнитной карточкой, заставил её проделать эту операцию под его надзором, приговаривая:

— Я отвечаю за Вас!

В номере он устремился в ванную, чтобы показать, как открываются краны и как работает душ. К счастью, душем он и ограничился. До обкомовской роскоши гостиница не дотягивала, зато в ней были телевизор, электрочайник, электробудильник, тапочки и кимоно — всё, как обычно в Японии. Необычной была только цена — очень низкая. Обкомовские гостиницы тоже обходились почти даром, не налогоплательщикам, конечно, постояльцам. В номере работал кондиционер, но Такэда не дал ей отдохнуть в холодке, потащил по коридорам, чтобы показать расположение лифтов, пожарных выходов… Снова вывел на улицу — на сей раз он вёл её ужинать к себе домой.

— Рестораны тут неважные, — извинился он за свой неудачный город. — Поэтому ужин для Вас приготовила моя жена. Она теперь со мной. Дочь выучилась, работает. Мать ей больше не нужна.

Такэда жил в квартале бетонных пятиэтажек. Эти служебные хрущобы строили для своих сотрудников университеты по всей Японии — на Хонсю, на Кюсю… В крошечной трёхкомнатной квартире вообще не было свободного пространства.

— В Токио у нас остался дом, а тут видите, как приходится жить!

Босая женщина в сером переднике не поклонилась, а пожала руку сильно, энергично, необычно для японской женщины. Специальность у неё тоже оказалась редкостной — русский язык и литература. Жена Такэды рассказывала, как переводила на японский язык русские книги по физике, а её физик-муж их редактировал. На этом сотрудничество супругов, столь редкое в Японии, кажется, заканчивалось. Во всё время ужина они не сказали друг другу ни слова, словно за долгие годы разлуки разучились общаться.

На журнальном столике среди обычного — риса, мисо-супа, тофу — красовалось южное блюдо — пареная тыква и драгоценное сашими из фугу — её принимали как почётную

гостью. Такэда вяло ковырял вкусную еду, морщился:

— Пока я жил один, привык к столовской пище, но там готовят слишком много жареного, я испортил желудок.

Жена молча принесла из кухни стакан воды, молча поставила перед мужем. Он принял лекарство и стал говорить о преимуществах провинциального университета — он часто ездил за границу. Такэда перечислял города и страны, где бывал. Но чаще других географических названий он произносил слово "Токио". Он строил планы, придумывал проекты, как ему вернуться туда, в нежно любимый Токио.

— До гостиницы Вас проводит жена, — объявил после ужина Такэда и непреклонно отверг возражения: — Я отвечаю за Вас!

Женщина вела за руль велосипед и молча слушала, как гостья хвалит её мужа, его гостеприимство.

— Это он для Вас так старается, — хмуро прервала она похвалы. — А к семье он равнодушен. Дочь его совсем не интересует. Девочка замуж никак не выходит, а мужа это не беспокоит! А я не могу помочь ей устроить брак — она работает в Токио, я живу здесь. А здесь — какие женихи? Вот если бы мы жили в Токио…

И она принялась ругать мужа-неудачника, который держит её в провинции.

Рано утром Такэда разбудил её, чтобы снова пригласить к себе домой — для гостьи жена приготовила западный завтрак — хлеб, масло, джем, чёрный чай, хотя сами супруги завтракали по-японски — рисом, рыбой, мисо-супом. Ради её лекции Такэда долго сидел на телефоне, собирая студентов, отпущенных на каникулы. Дисциплинированные ребята явились и послушно продремали полтора часа под её рассказ. После лекции Такэда повёз её в ресторан, потом в торговый центр — ряд магазинов под общей стеклянной крышей — такой же, как всюду в Японии. Такэда неотступно следовал за ней и робкие мольбы дать ей свободу отвергал вежливо, но твёрдо:

— Я отвечаю за Вас!

Он отвечал за иностранку перед всей Японией вообще и перед сэнсэем Кобаяси в частности и потому не мог допустить, чтобы она ходила без провожатых. Она уныло брела вслед за Такэдой и только однажды созорничала слегка — зашла в магазин женского белья, краем глаза наблюдая, что станет делать Такэда. Он невозмутимо последовал за ней.

Провожая её в аэропорт, Такэда протянул нарядную коробку. Там лежал сервиз — пять крошечных чашечек и чайник с носиком сбоку.

— Эта фабрика делает посуду для императорского двора! —

Такэда показал похожий на гору Фудзи знак на дне чашки. — Ей стало неловко от дороговизны подарка и вообще от всего этого чрезмерного гостеприимства — замков, домашних завтраков… — О, это всего лишь маленький сувенир на память о Кюсю! — потупился Такэда. И, наконец, признался, глядя в сторону: — Ваш сэнсэй Кобаяси стал влиятельным человеком. Он часто бывает в столице, встречается с важными людьми. Он может помочь мне перебраться в Токио. А Вы могли бы поговорить с ним обо мне.

— Но Кобаяси — Ваш друг, Вам проще самому попросить его… — начала она и не стала продолжать — японские порядки замысловаты. Она вспомнила, как загадочно улыбался Хидэо перед её отъездом на Кюсю:

— О, Такэда-сан хорошо встретит Вас, очень хорошо! — Значит, Хидэо знал об этой Такэдиной мечте?

На прощание Такэда рассказывал, как славно жить в Токио. И всё восклицал, как чеховские три сестры. Только не: "В Москву! В Москву!" а "В Токио! В Токио!"

В Токио

Скажи мне для чего,
О ворон, в шумный город
Отсюда ты летишь?
Басё

— И что в нём хорошего, в этом Токио? Зачем все они рвутся сюда, эти японцы? — недоумевала она, глядя на надвигавшееся со стороны далёкого ещё города серое облако. Облако поднималось к небу, как чёрная гора, как дым большого пожара. Шинканзен приближался к Токио и за окнами исчезали синие дали, оставляя только серую близь. Города, обгладывая зелёные пространства, разрастались и, наконец, слились в одно. Потоки машин и давка домов спрессовались до невероятной плотности — под грязной шапкой смога поезд незаметно пробрался к столице. Она ехала в Токио на встречу с профессором Сакагути. Хидэо против этой поездки больше не возражал. Напротив, он советовал ей ехать в Токио. Ведь знаменитый Сакагути недавно посетил его лабораторию и теперь был сэнсэю Кобаяси почти другом. Сакагути назначил её визит на конец августа. В самую жару. Японское лето — не сахар везде. Но в Токио… Было плюс тридцать шесть. Плюс влажность. Плюс смог. Ей показалось — её

опустили в банку, наполненную горячим паром, и плотно закрыли крышку.

Сакагути обещал ждать её на центральной станции метро, на обычном месте свиданий токийцев — у серебряного колокола.

— Колокол стоит у выхода из метро на сторону Иесу, — писал в своём подробном письме Сакагути.

Но колокола не нашлось. Поискать его она даже вышла на улицу. И тут же потерялась. Токийское метро — не помпезное московское, которое видно за квартал. Здесь метро — просто подземный переход или подъезд дома. Но который?

— Метро близко, — утешил её какой-то мужчина.

Может, от тесноты, от духоты близко ей не показалось. Наконец она увидела вход с надписью "Железнодорожная станция". Но станция оказалась не та. А чтобы вернуться к той, пришлось ехать на поезде. Несколько минут пешей ходьбы унесли её на такое расстояние, что возвращаться к исходной точке приходилось поездом! Задний вагон поезда ещё не вполне покинул неизвестную станцию, а передний уже въезжал куда надо. Правда, колокола там не было. В этом странном городе как сквозь землю проваливались станции, колокола…

Она спрашивала про колокол у всех подряд, брела по переходам, которые выводили её на улицу и опять возвращались под землю. При этом контролёры спрашивали у японцев билет. Её пропускали просто так — белое лицо — символ бестолковости в Японии. Ему прощается многое. Наконец ей пришла в голову гениальная идея — спросить служащего метро. Он указал ей в сторону, противоположную Йесу. Она уже собиралась зареветь с горя, но тут увидела всё сразу: и колокол, и сэнсэя Сакагути. Он волновался — было без пяти минут назначенное время, по-японски почти опоздание. Он сердился. А похвалить её за то, что она нашла колокол в неположенном месте, забыл. И не извинился, что напутал. Только сказал рассеянно:

— Колокол перенесли. Я не знал.

Хорошо, что сэнсэй встретил её. По сравнению с тем, как зарыт был институт в каких-то дремучих закоулках, пропавший колокол казался детской забавой. На станции, по крайней мере, висели указатели. В городе же ей не попалось ни одной надписи, хотя бы по-японски.

В здании работал кондиционер. Токийскому университету положен кондиционер, в Токио жарко.

— А дома у меня кондиционера нет, из-за жары мы летом не можем спать до двух ночи! — Сакагути зевнул. И улыбнулся. — Впрочем, ложиться раньше я всё равно не успеваю, я и мои сотрудники всегда работаем до полуночи.

Сакагути хвастал тем, чем положено хвастать японцу, трудолюбием. А она, как положено, уважительно кивнула. И не пошутила, как хотелось:

— Конечно, в такую жару стоит сидеть там, где есть кондиционер.

В Японии не шутят.

Сакагути велел пятерым своим студентам слушать её доклад, и они покорно уселись, прикрыв безразличие выражением вежливого внимания. Сэнсэй рассеянно поглядывал на её графики и схемы и сосредоточенно на часы, он спешил. Она свернула никому не нужный доклад за сорок минут.

— Это очень кстати! — обрадовался Сакагути, — у меня важное заседание! Вчера меня избрали председателем ещё одного научного комитета при нашем министерстве науки. Теперь у меня их шесть! По этому случаю я нанял вторую секретаршу — одной с шестью комитетами не справиться.

Увидев, что она достаёт из портфеля отчёт о своих опытах, Сакагути забеспокоился.

— Я ужасно занят! Но пообедать с Вами я время найду!

Секретарш сэнсэй взял с собой — он их баловал. Они были самыми нужными, самыми близкими сотрудницами босса. Широко шагая по улице, Сакагути оживлённо болтал с девушками. Одну из них он уговаривал поскорее выйти замуж, чтобы приостановить наметившееся в Японии падение рождаемости.

— Вы не должны этого допустить! — смеялся Сакагути.

Девушка, поправляя большой вырез на пышной груди, весело обещала поторопиться. Ко второй леди претензий шеф не имел, она уже была замужем. Правда, детьми обзаводиться не спешила, оправдывая свою медлительность дороговизной жизни в Токио, вынуждавшей её работать.

— Мы идем в китайский ресторан! — объявил сэнсэй горделиво.

Секретарши радостно защебетали — японцы считали китайскую кухню лучше своей и в китайский ресторан приглашали только почётных гостей.

Всё пространство ресторана было разгорожено на отдельные кабинки фанерными ширмочками, раскрашенными аляповато, ярко, словно ярмарочный балаган. Тесную внутренность кабинки целиком занимали круглый стол и стулья. Сакагути, едва глянув в меню, что-то коротко сказал официанту в синем шёлковом халате. И началось… Дверь закутка, едва закрывшись за официантом, тут же открылась вновь, впуская трёх китаянок в национальных платьицах, похожих на наши косоворотки.

Девушки сновали, как челноки. Вслед за горячими влажными салфетками — неизбежным первым блюдом ресторана китайского, японского — возник тоже неизбежный чай, только не японский зелёный, а китайский коричневый, со вкусом и запахом древесной коры. Не останавливаясь ни на минуту, девушки подтаскивали какие-то плошки, миски, водружая их на вертящуюся середину стола. На его узкое внешнее кольцо, остававшееся неподвижным, они поместили только палочки и чистые тарелки. На них полагалось класть приглянувшуюся еду.

Сакагути и его секретарши, выбирая угощение, подкручивали середину стола. Перед её носом плыли мелко натёртые сырые овощи, залитые яйцом грибы, цыпленок в соевом соусе, пельмени гёза — хотя опознать, что есть что, удавалось не всегда. Всё было вкусно, но очень замысловато. Она предпочитала простенькую японскую свежанинку, неиспорченную, натуральную. Хотя многое роднило китайскую стряпню с японской — варёный рис, лапша… Официантки принесли каждому по большой миске лапши в горячем и очень остром мясном бульоне — главное блюдо обеда. Лапшу полагалось подцепить сначала плававшей в миске маленькой фарфоровой ложкой-плоскодонкой и только потом забирать в рот палочками. Операция требовала немалой ловкости.

— Когда Вы успели заказать столько еды? — спросила она сэнсэя. И сэнсэй объяснил:

— В китайском ресторане достаточно назвать сумму, которую посетитель хочет потратить, а набор блюд определит сам официант.

Это напоминало комплексный обед. И японский ресторан — там клиент тоже произносил только одно слово, например, "сашими", и получал обед из пяти блюд. И никто его не спрашивал, хочет ли он рис и мисо-суп? Здешние люди привыкли есть, что принесут, не привередничая. Обед закончился компотиком, в котором плавали вишенки и кусочки белого, пахнущего гвоздикой желе. Сакагути метнул всё это в рот, не глядя, и вскочил — японские профессора всегда спешат. И спешкой хвастают, как знаком высшего отличия. Сэнсэй ел так быстро, что сомнений в его высоком положении не возникало. И умчался он почти бегом, бросив через плечо:

— Секретарши отведут Вас в гостиницу, я заказал Вам номер…

Крошечный номер походил на пластмассовую мыльницу, сделанную одним нажатием штампа. Между столом и кроватью достало места только для того, чтобы поставить шлёпанцы. Но надевать их не имело смысла — ходить было негде. Кровать

занимала всю комнатку, тесную, как шкаф. На крошечном столе ни телевизору, ни даже чайнику места не нашлось. Она открыла конверт, вручённый Сакагути при прощании конверт. Там лежало шестьдесят тысяч йен — щедрая плата за короткую лекцию. Да сэнсэй ей и не за лекцию платил. Три года назад профессор приезжал по её приглашению в Россию, его визит оплачивала русская академия наук. Теперь он исполнял долг благодарности. И нового сотрудничества, плодящего новые долги, затевать не хотел. Она выбросила в мусорницу приготовленные для Сакагути научные бумаги, подошла к окну посмотреть на столицу.

С высоты её двенадцатого этажа столица выглядела неважно — в густом смоге теснились нагромождения грязно-серых домов, втиснутых как попало, случайно. Единственным светлым пятном на улице был розовый женский зад внушительных размеров, в два этажа. Картина висела на фасаде дома напротив. Сакагути снял для неё гостиницу в Роппонги, известном весёлом квартале. Вряд ли сэнсэй задумывался о славе квартала, он просто выбрал отель поближе к институту. И тот, кто строил тут институт, не обратил внимания на нелогичное соседство, просто построил, где нашлось место. Она решила прогуляться по весёлому кварталу Роппонги. Стены дома возле гостиницы украшала целая коллекция фотографий едва прикрытых девушек, в соседнем здании с зашторенными окнами давали стриптиз. Об этом сообщил ей по-английски вежливый японский юноша, приглашавший спуститься вниз по затемнённой лестнице. А бойкая рыжая американка в сомбреро бесцеремонно хватала зазевавшихся, пытаясь затащить их в мексиканский ресторан. Парень, национальную принадлежность которого мешали определить зелёные волосы, громко извещал о начале работы дискотеки — у дверей большого бетонного здания, похожего на склад, выстроилась длинная очередь молодёжи. В глубь весёлого квартала уходили глухие, плохо освещённые улицы. На одной из них она купила сущи, которые продавала прямо из окна своей квартиры бедно одетая пожилая женщина. Сущи были крупные, тёплые, с рыбой, с вишней… В своём номере она взяла из холодильника банку с питьём. Банки лежали на боку в гнёздах пластмассовой панели, обернувшись к клиенту дном. Разглядеть этикетки было трудно. Оказалось, коричневый бочок скрывал не ожидаемый китайский чай, а пиво. Но вернуть банку на место не удалось — гнездо закрылось металлической шторкой. Она поддалась вымогательству бара-ловушки, выпила пива.

Следующий день обещал жару под сорок, поэтому она проснулась пораньше, вышла на улицу… В шесть утра в квартале Роппонги было безлюдно, только маленькие фургончики сновали

по улицам. Им навстречу из задних дверей ресторанчиков выбегали заспанные парни, вынося корзины, полные неряшливо скомканных мокрых салфеток. Из чрева грузовичков они забирали салфетки чистые, скатанные в аккуратные трубочки, запаянные в пластик. Кажется, именно салфетки были главной заботой утреннего квартала. Фургончики уезжали, увозя запах помоев и грязного белья, оставляя дух свежих пирожных и морской рыбы. Часам к семи на улицах появились уборщики. Они упаковали в чёрные пакеты обильный ночной мусор и стали тереть щётками тротуары. Из клочьев мыльной пены являлись весёлые разноцветные плитки — квартал Роппонги отмывался от ночной грязи.

На карте Токио в самом центре серого массива города она разглядела зелёный островок, императорскую резиденцию Чиода. По карте казалось — недалеко, и она отправилась пешком. По большому проспекту мчались четыре потока машин. Ещё четыре потока неслись по эстакаде над улицей. Смешанный с парами бензина и вонью асфальта дридцатипятиградусный воздух прилипал к гортани и не проходил в лёгкие. Носовой платок, которым она утирала вспотевшее лицо, мгновенно превратился в мокрый комок. Она решила спуститься в подвернувшееся метро. Поезд только что отошел, оставив на платформе цепочку элегантных молодых людей в кремовой униформе. Она удивилась — зачем столько дежурных? Станция быстро заполнилась народом, она оказалась в самом центре толпы. Она заметалась на отведённом ей пространстве — полсантиметра вправо, полсантиметра влево, но никакой возможности отступления у неё не было, разве что срочно обзавестись крыльями и взлететь. Точно в тот момент, когда на платформу уже нельзя было добавить ни одного человека, подкатил поезд. Он был полон. Но толпа не отступила — она выдохнула разом и дружно шагнула к раскрывшимся дверям. Первые как-то втиснулись. Оставшихся принялись запихивать внутрь кремовые униформисты, которых она приняла за дежурных. Оказавшись в точности напротив дверей, они активно заработали руками в белых перчатках, ногами и даже головами в форменных фуражках. Люди, заранее согласные со своей участью, подчинялись толкачам с выражением сонного безразличия. Кусочек пола, чтобы стоять, достался редким счастливцам. Остальные держались на естественных кривизнах тел соседей. Приткнувшись кое-как на чей-то ботинок, упёршись в чей-то портфель, она прикидывала, протянет ли три остановки, не дыша. Кондиционер повизгивал, задыхаясь. На следующей остановке толкачи умудрились упаковать в вагон кого-то ещё, но это уже ничего не меняло — стиснутая толпа

была поглощена страданием. Если бы кто-нибудь теперь сформулировал ей цель этого путешествия — посмотреть императорский дворец — она бы его убила.

Странно, но на нужной остановке её как-то вынесло наружу. Увлекаемая толпой, она деловой рысцой потрусила к выходу, прошла под низкими, как в подвале, сводами в желтоватой несвежей побелке, в тёмной вязи проводов, гулко протопала по железной, почти заводской лестнице… У выхода собралась было свободно вздохнуть, но вместо свежести ощутила раскалённое дыхание улицы. В метро всё-таки работал кондиционер. Свернув с людной улицы, она сразу поняла, что двигается в правильном направлении — в задушенном бензином и асфальтом воздухе почувствовалось дыхание трав и воды. Среди давки людей и домов открылись просторные газоны, заботливо постриженные и политые, большой, как лес, парк с аллеями шириной в две японские улицы… Словно кусок другого мира — вольготного, зелёного — был вставлен в серую толчею Токио. В канале, отделявшем этот мир от прочего города, плавали чёрные лебеди.

В парке на скамейках спали бродяги. Самый хозяйственный постелил на лавку добытый где-то рваный матрац, поставил коробку из-под вчерашнего ужина и пустую банку из-под сакэ на гравий дорожки. Старательно обходя бродяг, туристы из Китая выстроились для группового фото на фоне конной статуи из позеленевшей бронзы. Молодой японец с фотоаппаратом тоже долго фотографировал бронзового коня. А потом покупал мороженое в автомате, быстро съедал его и шёл покупать опять. Должно быть, он приехал сюда с мечтой провинциального мальчишки — наесться токийского мороженого и пофотографировать столицу всласть. Сразу за парком начинался огромный плац, посыпанный мелкой щебёнкой. Он был пуст, только на дальнем его краю маячил одинокий полицейский. Он охранял вход на выгнутый мостик через канал. За мостиком в изрядном отдалении выступала над деревьями серая крыша со вздёрнутыми вверх уголками — императорский дворец. Кучка провинциалов — приземистых, по-крестьянски крепких, робко перебралась через плац, стараясь ступать осторожно, не шурша, выстроилась перед фотографом. Снимались все вместе, стайками, поодиночке… И все на том месте, где виднелась крыша. Должно быть, это и было центральным пунктом программы приезжих, заветной мечтой каждого японского провинциала — фотография на фоне императорского дворца.

В опустевшем метро она читала названия станций — Чиода, Гинза… Звучало легендарно. Гинза — главная улица Токио.

Прямо у станции метро Хигаши-Гинза стоял дворец с красной крышей. У входа висели афиши с сильно загримированными людьми, толпился народ. Театр?

— Хай, хай! Кабуки- театр, — подтвердила молодая девушка.

У неё ёкнуло сердце — вот так запросто она может попасть в знаменитый театр Кабуки! В одной из касс продавали билет на целый день, чтобы засесть в десять тридцать утра и просидеть до девяти вечера — каждые полтора часа в театре давали новое представление. На одну часть билеты продавали в другой кассе, только на галёрку, зато дёшево, за одну тысячу йен. Здесь стояла длинная очередь, выползавшая на улицу, под синий пластмассовый тент. Очередь не столько стояла, сколько сидела, положив прямо на асфальт подушечки. Состояла очередь в основном из старушек с ласковыми лицами старых учительниц и скромных юных очкариков — должно быть, самых прилежных из их учеников.

На галёрке было душно и очень многолюдно — это в будни-то, днём. Щуплый паренёк в больших очках, вежливо указал ей на единственное, кажется, свободное кресло, представился:

— Студент из провинции! — И признался, что в Токио он впервые. И улыбнулся смущённо, протягивая ей программку: — Здесь есть содержание на английском языке! — Он старался помочь ей, что-то объяснить, он очень хотел, чтобы ей понравилось представление.

Понять простенький сюжет было немудрено. Труднее оказалось постичь, в чём состояла прелесть того, что разыгрывалось перед ней. На сцену без занавеса с грубо намалёванными на заднике соснами вышла цепочка мужчин в серых кимоно. Они опустились на колени, заиграли на странных инструментах и запели сдавленно, тоскливо. Потом явился некто в пёстром халате и брюках на полметра длиннее ноги. Он пнул штанину, потом переставил ногу и запел натужным голосом. К нему присоединился другой мужчина в таком же одеянии. Они принялись громко ругаться, даже пытались подраться, кажется. Ситуацию разрядил третий мужчина, переодетый дамой. Жеманно играя бамбуковым зонтиком, он прошёлся по сцене и скрылся навсегда. Отчаявшись ухватить нить действия, она просто смотрела, просто слушала… И временами ей казалось, что через странные вопли просачивается к ней тонкой струйкой нечто суровое, наивное… Настоящее.

Шикарные магазины Гинзы показались ей надменными, а для кошелька и вовсе враждебными. А боковые улочки, в изобилии убегавшие от большой Гинзы, куда более свойскими — здешние магазинчики, лавчонки, ресторанчики притягивали невиданными

вещицами, неотразимыми запахами. И сходной ценой. В дешёвом кафе она съела большую креветку, зажаренную в сухарях. Обедавшие с нею за одним столом японцы помогали, чем могли. Работяга в комбинезоне нацедил ей стакан воды из бака, старик подал палочки, молоденький клерк помог расплатиться… В сумерки над улочками зажглись гирлянды лампочек, зацокали лаковыми сандалиями дамы в кимоно, посреди серого делового Токио Гинза мерцала праздником, карнавалом…

Она уезжала из Токио без сожаления, посмеиваясь над собой — она честно выполнила программу, положенную японскому провинциалу в столице: посетила императорскую резиденцию, прошлась по Гинзе…

— Я была в театре Кабуки! — похвасталась она в лаборатории.

— А я там никогда не был, — равнодушно процедил Шимада.

— И я, — сознался Миура.

— А я вообще не понимаю, что они там делают? — пожала плечами Митико. — Кричат, кричат…

— Кабуки? — немедленно вступил в разговор вошедший в студенческую Хидэо. — Нет, я там не был. Но Токио я люблю! Я родился там. Это из-за войны нашей семье пришлось перебраться в провинцию. О, Токио! — Хидэо улыбнулся мечтательно и грустно. И не стал слушать её рассказ о том, как душно и суетно в Токио.

— Я только что вернулся из Лондона, — сообщил он, просыпаясь от сладких токийских грез. — Конференция прошла прекрасно! Моё имя упоминали тридцать четыре процента докладчиков, восемнадцать процентов цитировали мои работы…

Она посмотрела на него с надеждой — может, шутит? Но сэнсэй вычислял проценты всерьез. Ей захотелось его прервать:

— А как погода в Лондоне?

Хидэо посмотрел на неё сердито.

— Вас всё время интересуют какие-то посторонние вещи: погода в Токио, погода в Лондоне… Я не заметил, какая там погода! Я всё время проводил на заседаниях. Я был очень, очень занят!

Глава VIII. Женщина с ребёнком за спиной

Я и забыла,
Что накрашены губы мои…
Чистый источник!
Тиё

Японская сказка о японской женщине

Только их крики слышны…
Белые цапли невидимы
Утром на свежем снегу.
Тиё

Кротость часто силу ломает.
Женщина захочет — сквозь скалу пройдёт.
Японские пословицы

Она не в Японии, в сущности, жила, а в университете. А университет — это мужчины. Что она знала о японских женщинах? С глянцевых картинок японских журналов, с открыток, с красочных календарей смотрели кроткими глазами ланей завёрнутые в яркий шёлк кимоно хрупкие красавицы. Но по улицам японских городов шли совсем другие женщины! Подхватив сильными руками тяжёлые сумки, пристегнув за спину малыша, они твёрдо, размашисто шагали в кроссовках, в брюках. Переноска тяжестей — дело женщины. В этом вопросе Япония была непоколебима. Городская толпа состояла из мужчин налегке и тяжело гружёных женщин. Молодые мужчины иногда брали на руки ребёнка, сумку никогда. Даже профессор западного стиля Кобаяси доверял таскать свои чемоданы супруге. Даже современно мыслящий ассистент Шимада использовал единственную в доме машину для своих поездок на работу, оставляя тяжёлые сумки жене. Даже представители просвещённого молодого поколения, студенты, галантно придерживали дверь, пока единственная девочка в группе, Митико, переносила наполненный керосином обогреватель. Русское сердце не выдерживало таких сцен.

— Почему Вы не поможете ей? — спрашивала она ребят.

Мальчишки недоумевали:

— А почему мы должны ей помогать?

— Но женщины слабее мужчин!

Парни удивлённо хлопали глазами, а случившийся поблизости Шимада, покрутив в недоумении головой, ухмылялся.

— Я понял, русские считают, что к женщине надо относиться, как к инвалиду.

Японским мужчинам мысль о женской слабости казалась дикой. Телевидение показывало популярную японскую певицу с твёрдым взглядом из-под низкой чёлки, с голосом мощным, хриплым. А в самурайском телесериале топила негодяев в офуре сильная красивая девушка. И в современных японских детективах убийцей часто бывала дама. Хрупкая, как статуэтка, невеста, мстя за своего жениха, ловко выхватывала из рукава кимоно нож, била резко, профессионально. Фильмы делали японские мужчины. Не сомневавшиеся в силе японских женщин.

Зухра пришла к ней в гости, принесла в подарок пиво. К несчастью, открывалки в доме не нашлось, и хозяйке пришлось ковырять пробку вилкой. Муж Зухры молча наблюдал, морщился брезгливо. Он даже великодушно предлагал обойтись без пива. Но помочь не пытался. И терпеливо ждал, пока она в конце концов сбила пробку о кромку умывальника и наполнила бокалы — разливать спиртное в Японии тоже дело женщины. И эту ценную японскую традицию полезно было бы перенести в Россию, чтобы муж без жены бутылки открыть не мог. Да не привьётся у нас такое, потому что руки у русских мужиков мастеровые. А вот у японских…

Это случилось во время коллективного пикника у моря. В ожидании парома студенты и сэнсэи зашли в маленькое кафе на берегу перекусить. Пожилой японец, родственник хозяйки, рассказывал, что был лесорубом в здешних местах, улыбался иностранке. Уходя, она пожала старику руку. Крик получился громкий. Все, кто был в кафе, переполошились. Старик тряс руку, дул на неё и быстро говорил что-то, показывая всем свою ладонь. А она оправдывалась смущённо, не понимая, как женщина могла так навредить руке хоть и бывшего, но всё же лесоруба. С этого дня она стала осторожнее пожимать руки японских мужчин — слабые, нежные, с тонкими пальчиками, отзывавшимися вяло, как шёлковые ленточки, ведь они держали только авторучку да тоненькие палочки для еды. Зато руки японских женщин можно было сжимать без опаски — даже у профессорских жён ладони были шершавые, крепкие — рабочие. Им приходилось стряпать, стирать, растить детей, сады, открывать бутылки, тяжести

таскать… И на помощь мужей они рассчитывать не могли.

— А почему мы должны им помогать? — возмущался Хидэо. — Ведь женщины не работают! Это они должны о нас заботиться.

— Я всё делаю для мужа, — признавалась Намико, — готовлю, стираю, убираю… Я даже покупаю мужу костюмы и обувь — ему ведь некогда. Я знаю его размеры.

То ли японская лёгкая промышленность подчинялась некой идеальной системе стандартов, то ли японские тела, но купленные без примерки костюмы сидели на Хидэо вполне сносно. А сам Хидэо даже не знал, где находится универмаг Фуджисаки, в котором Намико одевает его.

— А почему я должен знать? — изумлялся он. — По магазинам ходит жена. Но вообще-то я могу всё сделать сам. Однажды, когда Намико заболела, я даже сам купил ужин — бутерброды. — Значит, он сам не мог нарезать бутерброд? — Это сложно, — вздыхал Хидэо, — там очень много компонентов!

В бутерброды от Сэвэн-илэвэн кроме сыра и ветчины добавляли ещё листок салата и майонез — очень сложно для профессора!

И Шимада неважно разбирался в проблемах питания.

— Что это? — спросила она однажды, встретив его в университетском магазине.

— Кажется, рыбные сосиски, — неуверенно ответил он, разглядывая пакет.

— Это вкусно?

Шимада пожал плечами.

— Но Вам это нравится? Вы это едите?

— Откуда мне знать, что я ем? — искренне удивился Шимада. — Я ем то, что жена кладёт мне на тарелку.

Еда, покупки — дело женщин. И отвечать на телефонные звонки в семейном доме — её дело. Даже если муж дома. Если он сидит рядом с аппаратом, он подвинется, давая ей возможность снять трубку — она видела такое в кино. В доме Шимады, Кумэды, Сато, Кобаяси трубку всегда снимала женщина. В вопросе об обязанностях жён все сэнсэи были едины — образованные, передовые мужчины. Но японские.

— Японские мужчины очень счастливы! — говорил китайский доктор Чен. — Жёны все делают для них!

— Иметь японскую жену — это счастье, особенно если вместе с ней у тебя есть американская зарплата, английский дом и китайская еда. Несчастье же составляют американская жена, китайская зарплата, японский дом и английская еда. — Намико рассказывала привезённый из Европы анекдот не ради смеха, а из

профессиональной гордости, как знак всемирного признания достоинств японских жён.

— Наши женщины лучше мужчин, — улыбался пожилой токийский профессор Нагаи, посетивший однажды Хидэо. — И вот Вам доказательство: после войны, когда много японской молодёжи было отправлено в Америку учиться, мало кто из девушек вернулся, их разобрали замуж, а вот парни все приехали назад. Никому они не приглянулись.

Она тоже достоинства японских женщин признавала. Однажды она даже рассказала Шимаде сценку из старого японского фильма: прошлый век, зима, жена обнищавшего актёра сушит мокрые носки мужа на своей груди, потому что в доме нет дров. Простудившись, женщина умирает.

— Японские жёны славятся во всём мире, — говорила она, — они так преданы своим мужьям!

А Шимада хмыкал.

— Такие жёны в Японии давно перевелись! Конечно, в традиционном японском доме Вы и теперь увидите женскую преданность мужу, но семьи профессоров почти утратили наши традиции, переняли западный стиль…

Перенять то переняли, но на Ягияме, где жило много университетских, она каждое утро видела в приоткрытых дверях домов женщин, которые провожали уходящих на работу мужей. Жёны кланялись им, подавали пальто. Правда, Анна говорила, что делают они это только напоказ, а дома хозяйничают, как хотят, распоряжаются деньгами. И в любви инициатива чаще всего у них — они решительнее мужчин. Анна рассказывала, что раньше японский брачный контракт включал обязательство жены умереть позже мужа. Кажется, это не была шутка. Какие уж тут шутки, если японский мужчина без жены беспомощен, как младенец. И, останься он один, кто положит ему на тарелку незнамо что? Кто купит незнамо где костюм? Кто потащит его чемодан? Да он, бедняга, даже напиться не сможет с горя. Потому что некому будет открыть ему бутылку, рюмку налить!

Но сами женщины силу свою словно таили, соглашались подчиняться мужчинам, прятались в глубинах своих домов… С интересом вглядывалась она в женские фигурки, согнувшиеся в прощальном поклоне вслед уходящему мужу. В сущности, она немного знала о японских женщинах — так, анекдоты, сказки… Журавлиха обернулась девушкой, вышла замуж, родила детей и каждую ночь, когда семья засыпала, превращалась в птицу и, выщипывая пух из своих крыльев, делала одежду и одеяла. И семья жила хорошо. А когда женщина состарилась, то опять стала журавлихой и улетела. А муж посмотрел ей вслед и заметил

неодобрительно, что крылья у неё совсем облезлые. Это была японская сказка. Японская сказка о японской женщине. Дамы провожали своих мужей до порога дома и останавливались. И не дерзали сделать ещё один шаг, выйти в мир…

Английский язык и литература

Через изгородь
Столько раз перепорхнули
Крылья бабочки.
Басё

— Японские женщины не работают? — восклицала американка Джейн. — Да сказки это! Это Вам так кажется, потому что Вы всё время среди профессоров крутитесь! Японские профессора — люди богатые, могут позволить себе роскошь жену дома держать. А простому смертному в Японии на одну зарплату нынче не прожить. Особенно с детьми.

Всё, что касается детей, Джейн знала теперь хорошо — она собиралась рожать. И, устав писать иероглифы, рисовала толстого ребенка с клеймом на попке "Сделано в Японии" — пригласительный билет на крестины. Один она вручила своей русской подруге. Они с Джейн часто встречались в Шимин-центре. Сюда приходилось забегать не ради курсов японского языка, давно заброшенных, а за советом, за помощью, необходимой, чтобы одолеть магазины, поликлиники, счета… Помочь управиться со всеми этими делами университетские мужчины не могли. Мужчины вообще мало что знали за пределами своих письменных столов. И она шла к женщинам в Шимин-центр.

У неё появилось там много подруг: жена профессора архитектуры Сумико, жена профессора права Мидори… Ей, иностранке, женщины позволяли называть себя по именам. И только к одной из них, самой старшей, она обращалась, как положено в Японии, по фамилии, Соно-сан. Женщины любили свой Шимин-центр. Они приходили на уроки оживлённые, нарядные, в золотых серёжках. А после занятий частенько отправлялись в ближний ресторанчик вместе пообедать, поболтать. Шимин-центр был их клубом, развлечением для них, домохозяек, которым надоело вечно ждать своих мужей в пустых домах, надоело хранить в шкафах свои университетские

дипломы.

- Моя специальность? Английский язык и литература, — хором отвечали Намико, Сумико и красавица Мидори. И Соно-сан.

Без диплома по английскому языку невозможно было стать учительницей в Шимин-центре. И женой университетского сэнсэя — жёны Кобаяси, Шимады, Кумэды, Сато имели такой диплом.

— Почему я выбрала эту специальность? — Намико пожимала плечами. — Так принято. Большинство девушек нашего круга учились в университете именно на этом отделении.

Учились, чтобы стать домохозяйками.

— Замужней женщине в Японии не принято работать, — утверждали Намико, Сумико и красавица Мидори. И Соно-сан.

Только Джейн возражала:

— Да посмотрите же вокруг! Как много женщин среди продавцов, официантов, служащих компаний, банков…

- Да, в Японии многое теперь меняется, — вздыхала Намико. — Многие женщины, особенно молодые, хотят работать. Наша невестка Митиё не оставила работу после замужества, чтобы помочь мужу обеспечить их молодую семью.

Намико почему-то говорила только о молодых. Но она, да и другие жёны профессоров, трудились в Шимин-центре.

— Это другое, — отрицательно качала головой Намико, — мы работаем бесплатно. Это полезно для репутации наших мужей.

Вся женская активность в этой стране укладывалась в русло мужниных дел: диплом, удобный, чтобы выйти замуж, общественная работа, полезная мужу и ещё…

— Я много помогаю мужу — говорила Сумико, — привожу в порядок его бумаги. Практически я исполняю роль его секретаря.

— И я, когда у мужа много работы, сажусь за домашний компьютер, чтобы помочь ему, — признавалась Мидори.

— А я всегда в курсе забот Хидэо, — вторила им Намико, — в этом году ему достались неважные студенты — Ода ленится, у Танабу дела идут неважно. А для репутации Хидэо очень важно, чтобы он сделал хорошую диссертацию!

У Намико было много обязанностей в лаборатории мужа: она пекла пироги для общественных чаепитий, помогала принимать иностранных гостей… Всё для мужчины! Картина японской женской жизни получалась спокойной, стройной. Но в последнее время что-то дрогнуло в ней, накренилось…

Мидори немного подрабатывала в суде, в отделе разводов.

— Муж ворчал сначала, — улыбалась она, — отступление от традиций. Но я приношу зарплату, и он мирится. Жизнь так дорожает!

— Жизнь так дорожает! — жаловалась Сумико и осторожно предлагала частные уроки японского языка.

Уроки стоили дорого — пять тысяч йен в час.

— Я беру меньше! — скромно намекала Соно-сан.

Профессорские жёны подумывали о заработке. И только Намико отнекивалась:

— Работой я не интересуюсь. Всё равно в моём возрасте её не найти. Слишком много желающих преподавать английский язык.

А ей казалось, найти частные уроки английского здесь нетрудно. Ей постоянно предлагали учеников, однажды какая-то предприимчивая мамаша ухватила её прямо в автобусе и долго уговаривала давать уроки сыну, даже не поинтересовавшись, знает ли будущая учительница английский?

И Наташу остановил на улице директор школы в пригороде и упросил преподавать английский, которого Наташа не знала. Она заработка ради согласилась — выучивала один урок по учебнику и с этим шла в класс. А её журила.

— Зря отказались от хороших денег. Ну и что, что условия контракта запрещают заниматься посторонней работой? Можно было бы и рискнуть. Многие так делают.

— Иностранцам легче найти работу, потому что мы, японцы, считаем, что они лучше учат английскому, — Намико смущалась, словно считала неприличным говорить о таких вещах. Но обиды в её голосе не чувствовалось. А ведь обижаться стоило — бледнолицые отбирали работу у японок со специальностью "английский язык и литература". На что еще, кроме уроков, могли рассчитывать специалистки в области английского языка?

— Молодая девушка может получить место секретарши, — тихо говорила Соно-сан.

Она пыталась устроить дочь работать в университет. У девушки был диплом по специальности "английский язык и литература" — такой же, как у помощниц Кумэды и Такасими. И у секретарши сэнсэя Сато — нежной, как орхидея, Томоко. Деловой костюм ей не шёл. Тоненькая фигурка терялась под ним, исчезала. И толстая папка с бумагами, которую она всегда носила, казалась нелепой в её руках. Ей бы веер… Но Томоко не до веера. У неё много работы. И мало денег.

— Она получает всего сто тысяч йен в месяц! На это невозможно прожить! — хмыкала Митико. — Секретарши — почти волонтерки!

— В университет девушки охотно идут работать из-за хорошего окружения, — объясняла Соно-сан. — Там легче найти жениха. Университетский жених — это престижно. Конечно, он не обеспечит жену так, как фирмач, но семья будет жить достойно.

Поэтому девушки и соглашались работать за маленькую для Японии зарплату в тысячу долларов. А их с удовольствием брали, потому что секретарша могла существенно облегчить жизнь сэнсэев, заваленных в основном работой канцелярской, бумажной.

— Сэнсэй понимает, что девочка работает бесплатно, и чувствует себя обязанным в благодарность за её услуги помочь найти мужа, — рассказывала Соно-сан. — Долг сэнсэя — порекомендовать перспективного жениха, посоветовать, познакомить, поговорить с парнем…

Соно-сан очень хотела пристроить дочь секретаршей в университет. Но пока не могла.

— Секретарша должна быть красива, — весело подмигивал ей суперкомпьютерный Такасими. — В лабораторию, где хорошенькая секретарша, охотнее идут студенты.

Конечно, в университете, где женское личико редкость, привлечь молодых парней могли не только сэнсэй и его наука, но и красавица. Привлечённые красавицей студенты обеспечивали сэнсэю популярность и деньги, которые можно было потратить на новое оборудование, притягивающее новых студентов. Так раскручивалась спираль, выносящая сэнсэя на самый верх служебной иерархии. А в основе спирали скрывался изящный, как тростинка, специалист по английскому языку и литературе. Но красавицы приносили не только успех, но и проблемы.

— Они слишком быстро выходят замуж, — сетовал Такасими. — Я постоянно ищу новых секретарш! А, взяв их на работу, стараюсь баловать, чтобы они хоть сколько-нибудь продержались. Я вечно вожу им из Америки подарки. Только им, никому больше!

Такасими улыбался. Видно, трудные поиски красивых секретарш были ему не в тягость. А вот Кумэда, выдав замуж третью красавицу, отчаялся, взял секретаршей жену, правда, тоже красивую. Многие сэнсэи в последнее время делали так — это избавляло их от хлопот с поисками и пополняло семейный бюджет.

Красавицы выходили замуж и увольнялись, но места для дочери Соно-сан всё не находилось. Может, потому, что она походила на мать — маленькую, круглую? И одевалась, как мать, в нелепые короткие брюки и мешковатую кофту. А университетские секретарши блистали, как кинозвёзды. И не на сотню тысяч йен их зарплаты тянули эти наряды. Значит, раскошеливались отцы, посылая дочь в университет за женихом. А муж Соно-сан был всего лишь ассистентом профессора и обеспечить дочери подходящий гардероб, наверное, не мог. И

девушка оставалась без работы. Дамы в Шимин-центре утешали Соно-сан: теперь кризис, с работой стало хуже, в особенности для женщин.

— Почти половина из тех женщин, что ищет работу, не может её найти, — сердилась Мидори, — у мужчин такой безработицы нет!

Единственная девушка

Над простором полей
Ничем к земле не привязан
Жаворонок звенит.
Басё

Скука на семинаре была смертная. Митико дремала, положив голову на скрещенные руки и вдруг встала, пошла к выходу. Хидэо проводил её взглядом из-под очков, но не сказал ничего. Парня он обязательно спросил бы — куда идешь? — да и не посмел бы парень вот так встать посреди семинара и уйти. А единственную девочку в своей лаборатории Хидэо баловал. Митико ушла. И надо было последовать её примеру, чтобы не уснуть. В студенческой комнате Митико готовила кофе. Она всегда хозяйничала в лаборатории, как у себя дома. И командовала парнями. А они охотно подчинялись ей.

— Скучно на семинаре, Митико?

— Скучно, — кивнула девушка.

Они переглянулись, рассмеялись — они отлично понимали друг друга. Митико тянулась к ней, словно искала опоры, словно училась, как жить женщине среди стольких мужчин.

— Почему ты, Митико, выбрала такое странное занятие для девушки — инженерный факультет?

Мальчишеская фигурка в тугих джинсах слегка шелохнулась под большим серым свитером, гладкая головка качнула длинным хвостом, глаза на скуластом лице блеснули.

— Я знала, что буду тут одна! — Митико улыбнулась.

Значит, девчонка рассчитывала, что, оставшись без конкуренток, сможет выбрать лучшего жениха. И в своих расчётах не ошиблась — за ней ходил красивый, высокий парень.

— Он — лучший студент на курсе! — ласково говорил Хидэо, гордясь выбором своей студентки.

Тайны из своего романа Митико не делала. Друг часто

заходил за ней в лабораторию, а Митико иногда быстро обнимала его, не особенно заботясь о том, что их могут увидеть.

— Он твой жених, Митико?

Митико пожала плечами.

— В каникулы мы путешествовали вдвоем по северным префектурам. На его машине.

— А твои родители не возражали против вашего путешествия до свадьбы?

Митико не смутилась.

— Сейчас многие девушки делают так.

Действительно, многие. Её соседка по дому, с которой они болтали изредка, не скрывала, что снимает квартиру вместе с парнем, что познакомилась с ним в университете, теперь работает в одной компании. Они не были женаты.

— А зачем жениться? — удивлялась девушка. — Я прихожу с работы в девять, он в десять. Я как раз успеваю приготовить ужин. А если мы поженимся, мне придётся остаться дома. Что я буду делать целый день? К тому же без моей зарплаты мы станем жить хуже. Наверное, мы поженимся потом, когда решим завести детей.

Митико тоже собиралась выйти замуж за своего друга. Но попозже, когда закончит университет.

— А что ты будешь делать после замужества, Митико? Станешь домохозяйкой?

— Не обязательно, я ищу работу. Предложений пока немного, но на примете есть приличная фирма в Осаке, отдел маркетинга чего-то — не то машин, не то компьютеров. Платят там хорошо. Только вот получить это место будет нелегко, теперь всюду новых сотрудников берут плохо, особенно девушек.

Митико глянула на часы, нехотя поднялась.

— Мне пора на семинар.

Рассудительная Митико знала: тот, кто будет нанимать её на работу, обязательно спросит у сэнсэя, не лентяйка ли она? Она вернулась в скуку семинара вместе с Митико. Из солидарности. И Хидэо приветливо улыбнулся входящим женщинам.

Подрёмывая в полутёмной аудитории, она думала, что устремления японских женщин в сущности не изменились — на службу они отправлялись с мыслями о женихе — и дочка Соно-сан, и даже Митико. В центре женских интересов по-прежнему было замужество. Семья.

— Вы отсутствовали долго…

Не выдержал всё-таки Хидэо, упрекнул. А она решила развеять семинарскую скуку — пошутить:

— Да потому, что в университете ужасная дискриминация

женщин.

Она намекала на то, что женщинам с четвёртого этажа приходится спускаться на первый — только там, в закутке под лестницей был устроен единственный на весь инженерный корпус маленький дамский туалет. Собственно, больше не требовалось — на всём факультете обитали всего пяток секретарш да единственная студентка, Митико. И ещё русская гостья. Она говорила о естественном, как японцы, не смущаясь. Только улыбалась. Но Хидэо принял обвинение в дискриминации всерьез.

— Да, да, мы не готовы принимать женщин на нашем факультете! Это надо изменить! А дискриминации у нас нет! На будущий год мы собираемся принять на первый курс не меньше трёх девушек!

Хидэо относился к проблеме женского равноправия очень серьёзно. И слова "дискриминация" не любил. Даже применительно к туалетам.

— В Японии нет дискриминации женщин! — горячо защищал он родную страну. — У нас есть женщины, которые занимают высокое положение в науке, в правительстве. В последние годы у нас всё меняется! Даже на нашем мужском инженерном факультете появилась первая девушка — Митико.

Хидэо часто хвастался тем, что единственная студентка на факультете учится в его группе. И очень гордился ею — первой отличницей на курсе. И немножко собой, таким современным.

— Девушек мало в университете даже на нашем экономическом факультете, — говорила Анна.

Они встретились вечером, чтобы вместе погулять. Анна рассказывала, что, приехав в Японию, обнаружила в экзаменационной ведомости возле девичьих фамилий иероглиф "женщина" и удивилась — зачем он? Возможно, предполагалось, что преподаватель станет относиться к девушкам снисходительнее? Сэнсэй, которому предназначался вопрос Анны, смутился. Намёк на дискриминацию задел его. Видно, не только Хидэо не любил это слово. Через месяц сэнсэй сообщил Анне, что её замечание рассматривалось на факультетском собрании. Решено было обсудить права женщин в университете на специальном заседании. Пригласили туда и Анну. Профессора поднимались на трибуну и серьёзно обсуждали, как быть с дамами, которые несколько дней в месяц не могут работать полноценно. И сходились во мнении, что, несмотря на этот недостаток, целесообразно при приёме на работу всё-таки отдать предпочтение им, отвергнув профессионально менее состоятельных мужчин, которые могут трудиться в полную силу

весь месяц. Рассказывая об откровенных рассуждениях сэнсэев о физиологии, Анна, не привыкшая обсуждать такие темы на собраниях, смущалась. Но сэнсэев всё-таки хвалила — они честно старались сделать свою страну свободной от дискриминации. После долгого и всестороннего обсуждения собрание решило иероглиф "женщина" из экзаменационных ведомостей убрать. Председатель лично поблагодарил Анну за ценную инициативу и отметил, что дискриминация женщин в университете успешно преодолевается.

Вместо кимоно

Скрылись от господского меча…
О, как рады юные супруги
Лёгким платьем зимнее сменить.
Бусон

Как только беда миновала — принарядись.
Японская пословица

Только две русские женщины ходили в Шимин-центр, теряясь среди многолюдства китаянок, — Наташа и Галя.

— Тут была еще одна, да бросила, — сообщила Галя. — Муж у неё — японский журналист, а сама она странная какая-то, восторженная… И что японцы находят в таких?

Галя была уверена — японские мужчины имеют право выбирать самых лучших женщин.

— Если хотите с ней увидеться, идите в Дайе. Я часто встречаю её там. И других русских тоже.

Дайе был для иностранцев как клуб — там они не только делали покупки, но и знакомились, назначали встречи…

Среди чёрных голов в торговом зале Дайе, как щепочка в море, мелькнула светлая голова. Потом показался красный костюм, немыслимый для японки, и большие синие глаза, вспыхнувшие радостью.

— Вы русская? Я сразу поняла, что Вы русская! Я тоже из России. Я — Лена. — К детскому личику с пухлыми щеками лучше подходило имя Леночка. — Вы здесь недавно? — всплеснула руками Леночка. — Значит, ничего не знаете! Нет, сами Вы не разберётесь! В Японии невозможно разобраться без помощи! Я Вам помогу! Я многое тут знаю! Я целыми днями по

городу хожу. Не сидеть же одной в четырех стенах! Времени у меня полно. Я не работаю. Леночка потащила её по улице вдоль ряда магазинов.

— Пойдемте! Я Вам всё покажу! Вот этот универмаг называется Ичи-йон-ичи, значит — сто сорок первый. Да, я умею читать. Немножко. И говорю по-японски. Вам будет хорошо со мной! — И Леночка счастливо рассмеялась. — Знаете, я здесь почти не говорю. Только слушаю да молчу. А меня все учат: муж, свекровь, сэнсэй японского и икэбаны…

Теперь учительницей становилась Леночка.

— Вот в этом магазине лучше всего покупать разовые палочки для гостей. А здесь недорого продаются веера. А вот, посмотрите, какой забавный глиняный колокольчик — толстый японец! И кимоно на животе распахнуто… Смешно, правда? И недорого, всего шестьсот йен. Я уже два таких купила. Вам не нужно? Как же, ведь колокольчики и веера — лучшие сувениры для друзей в России! — Леночка очень огорчилась и поспешила исправиться. — Я покажу Вам действительно полезную вещь. В этом магазине очень дешёвый сыр. Совсем маленький магазинчик, без меня Вы бы его ни за что не нашли! — Леночка рассмеялась радостно и принялась убеждать: — В Японии надо есть много сыра, потому что здесь совсем нет кальция. Я ем много сыра! Только в нём калорий многовато. Я поправилась. — Леночка говорила без тени огорчения, даже горделиво: — Муж хорошо меня кормит, даёт много денег. И в магазинах есть, что купить. — Леночка горячо нахваливала свою новую родину. — Здесь вообще здорово! Я первое время жила, как во сне. Поверить не могла, что в такой чудесной стране живу, по таким красивым улицам хожу, по таким шикарным магазинам! — Леночка радовалась, как ребёнок.

— А в этом кафэ очень красиво. И вид из окна прекрасный. Я иногда прихожу сюда, заказываю кофе, сижу и представляю, что я — героиня фильма. — И Леночка опять увлекала её по Ичибанчо. — Идёмте, я покажу Вам моё самое любимое место, самый шикарный магазин Мицукоши! Конечно, я ничего здесь не покупаю — дорого очень, иногда только в гастрономе в подвале французскую булочку беру, круассан. Их пекут прямо в кондитерском отделе, продают прямо из печи. А в парфюмерном отделе можно бесплатно подушиться французскими духами — там всегда несколько флаконов открытыми ставят на пробу. Я сюда за этим и хожу. Или в туалет. Здесь потрясающий туалет! Бесплатный, как всюду в Японии. Пойдемте! Никто ведь не станет спрашивать, за покупками мы пришли в Мицукоши или просто так…

Кафельная стена кабинки туалета была увешана рулонами, полочками, кармашками, и не очень просто было понять, зачем человеку такое множество сортов туалетной бумаги.

— А вот бумажной накладки на сиденье унитаза здесь нет! А ведь в Японии такие штучки бывают даже в туалетах попроще. Но здесь в Мицукоши это не нужно! Здесь используют высокие технологии!

Леночка зашла вместе с ней в кабинку, нажала красную кнопку на бачке унитаза. На сиденье натянулся полиэтиленовой рукав свежей пленки. Леночка торопилась рассказать обо всех своих маленьких открытиях. За два года своей японской жизни Леночка потеряла русское пренебрежение к мелочам и стыдливость по отношению к некоторым вещам естественным, обычную для русского, странную для японца.

— Я тут совсем как японка стала, — смутилась вдруг Леночка и вышла из кабинки.

Холл туалета был разделён ширмочками на отсеки. В каждом перед большим зеркалом стояло бархатное кресло.

— Здесь можно отдохнуть, привести себя в порядок…

Леночка уселась, достала косметичку…

— Японки красятся безбожно. Но как-то не так, как мы. Мы красим губы и глаза, ну и пудримся немножко, а они слегка подмажут губы, слегка — брови, глаза вообще не трогают, но лицо замазывают толстенным слоем, как штукатуркой, пока кожа не станет гладкой, как у куклы. Крем-пудру они потребляют тоннами! Может, у них проблемы с кожей? Понять невозможно, потому что на улицу они ненамазанными не выходят. Может, у них традиция такая? От гейш? Они ведь всё лицо белилами покрывали. А может, натуральное лицо японцы считают некрасивым? Мне вообще кажется, что японцам нравится только то, что соответствует правилам, а естественная красота их не устраивает. Я от мужа только и слышу: делай, как положено, одевайся, как принято! Мой красный костюм ему не нравится. И мои веснушки. По-моему, у меня миленькие веснушки! А для японцев это дефект. — Леночка грустно улыбнулась. — Муж говорит — закрась! Зачем выставлять напоказ свои проблемы? Свои проблемы тут показывать не принято. И своё тело. Здешние женщины не любят платья без рукавов. И колготки носят даже в жару, и юбки длинные. Но я одеваться, как они, не собираюсь, и штукатуриться не буду — кожа завянет.

В парфюмерном отделе Мицукоши Леночка остановилась возле большого телевизора.

— Видите, тут целая лаборатория. Прибор исследует Ваше лицо, показывает на экране телевизора кожу в увеличенном виде,

определяет её тип. По этим данным консультант подбирает косметику, которая Вам идеально подходит. И Вы тут же можете её купить. Такие салоны есть почти во всех больших магазинах. Я в одном из них была. Просто так, из любопытства. Отдала десять тысяч йен за анализ, ещё столько же за косметику — итого двести долларов. Это я ещё дёшево отделалась, потому что взяла только крем и лосьон. А японки тратят на косметику огромные суммы, потому и выглядят так молодо. Они богатые, могут себе такое позволить! — Голос Леночки звенел. Она чувствовала себя почти японкой. Почти богатой. — Хотите попробовать? Я могу Вам помочь, перевести…

Часам к пяти Леночка устала, опустилась на скамейку на улице. В киоске напротив продавали нечто, похожее на блины. Проворный парень пёк их на раскалённом диске, разгоняя жидкое тесто инструментом, похожим на чертёжный треугольник. Потом сворачивал тонкий блин кулёчком и начинял его толстым слоем взбитых сливок с джемом.

— Ой, блины! Как у нас в России! — обрадовалась Леночка и бросилась угощать подругу.

Но еда была русской только с виду, а вкус имела японский — приторный и пресный. Она отговорила Леночку покупать второй блин.

— Ты и так пухленькая.

— Вы похожи чем-то на мою маму, — вдруг тихо сказала Леночка и заплакала. — Она умерла от сердечного приступа. Она золота много носила. На неё грабитель напал вечером, когда она шла с работы, мама испугалась… — Леночка достала красивый платок с хризантемами, вытерла слёзы, вздохнула, успокаиваясь. — А японки золота почти не носят, иногда только серёжки маленькие, иногда колечко. А на шее — вообще ничего.

Спрятав в сумку платок, Леночка заговорила веселее:

— Здесь на Ичибанчо так приятно! Я прихожу сюда почти каждый день, куда же ещё идти? И японцы приходят сюда не только за покупками, а просто так, погулять, поглазеть. Здесь — как демонстрация моделей. Давайте и мы посмотрим, что носят теперь японцы вместо кимоно!

Мимо них шла вереница незамысловатых футболок, сереньких свитерков… И только изредка, как забытый цветок на скошенном поле, вспыхивало в толпе нечто розоватое, голубоватое, зеленоватое… Да и то в самой тусклой своей разновидности. И опять колыхалось вокруг только серое, серое…

— Как в форме все, как армия, — вздохнула Леночка.

И правда, городская толпа походила на армию, хотя тут были разные рода войск. Стайки школьниц в белых матросках с

серыми воротниками и в серых юбочках в складку, цепочка дошколят из детсада в жёлтеньких, цыплячьих курточках, с жёлтыми рюкзачками… Жёлтые круглые шляпки с задорно загнутыми полями съезжали на затылки, открывая чёлки. Группа пенсионеров в одинаково сером шла с клюшками играть в гольф. Другую такую же пожилую серую компанию загружали в экскурсионный автобус девушки в карамельно-розовой одежде туристической фирмы. Наверное, их яркость была не столько художественным изыском, сколько производственной необходимостью — вроде сигнального флажка, не дававшего экскурсантам потеряться в серой толпе.

Молодые парни шагали в кроссовках, джинсах, клетчатых рубахах. Шеренги мужчин шли в одинаковых тёмных костюмах с одинаковым синеватым отливом, словно их шили из одного куска ткани. И по одной выкройке. Конторы, магазины, банки требовали от своих клерков именно такой костюм. Лишь изредка попадались мужчины в светло-сером, должно быть, свободные художники: музыканты, адвокаты, театральные деятели. Или университетские сэнсэи. Им дозволялось больше вольностей. Хидэо даже надевал иногда коричневый костюм, Такасими бежевый.

— Для японца в одежде главное, чтобы было прилично. А прилично, значит подходяще к случаю, к сезону и стандарту, чтобы не выделяться, — говорила Леночка тоном умудрённой опытом жительницы Японских островов.

Обсудив строгости японской мужской униформы, они с Леночкой решили, что у здешних женщин вольностей не больше. В холода — серые брюки, серые куртки, тёмненькие пальтишки. Но и летом не веселее — чёрно-бело-серые футболки и джинсы у молодых, тусклые крапчатые платьица у тех, кто постарше. А ярких тканей, цветастых узоров не было в помине.

— Первое время меня в здешних магазинах одежды тоска брала, — признавалась Леночка. — Всё, как из лавки старьёвщика, серенькое, в меленькую крапинку, в тусклую клеточку… А теперь я привыкла, теперь я думаю, может, это и хорошо, что одежда не слепит глаза, что никто никого поразить не пытается. И ничего своей одеждой не пытается доказать — на всех всё скромное, как у всех. — Леночка вздохнула. — Но я всё равно яркое, нарядное люблю!

Проходивший мимо японец резко свернул шею, с нескрываемым интересом разглядывая золотистые Леночкины волосы, обтянутое красным костюмом не по-японски пышное тело.

— Здесь многие мужчины на меня заглядываются! — гордо

улыбнулась Леночка. — И мой будущий муж заметил меня прямо на улице. Хотите, я расскажу, как мы с ним познакомились?

Японская жена

Пугают их, гонят с полей.
Вспорхнут воробьи и спрячутся
Под защитой чайных кустов.
Басё

После смерти матери Леночка осталась совсем одна. Отца она не помнила. Он бросил семью, когда дочь была совсем маленькой.

— Я долго плакала по маме, да ведь нельзя же плакать всю жизнь! — Леночка заглянула в лицо своей новой подруги, словно ища поддержки. — Правда, ведь нельзя?

Закончив институт культуры, Леночка не смогла найти работу в своём маленьком городке, но не расстроилась, а сдала мамину квартиру и уехала в Москву, чтобы брать уроки английского. Она надеясь, что язык поможет ей найти хорошую работу.

— Я шла в книжный магазин по Тверской, — рассказывала Леночка. — Мне нужны были словари. А навстречу — группа японцев, забавные такие, и одеты все, как на зимовку: куртки большущие, под них можно три свитера спрятать. И шапки странные, вроде шлемов, чтобы уши закрыть, и рукавицы огромные, до колен висят. Я потом узнала — они в рукавицы мешочки со специальным порошком кладут, который нагревается, если его сжать. А я шла без шапки — мороз был градусов пять, не больше. Японцы как увидели меня, остолбенели, а один из них спрашивает: "Неужели Вам не холодно?" — Крепкий такой парень, широкоплечий, на японца почти не похожий и по-русски хорошо говорит. Он сказал, что русский язык — его работа, что он — журналист, специалист по России. И попросил меня показать Москву.

Леночка улыбнулась, вспоминая.

— Недели через две он сделал мне предложение. Моя учительница сказала: "Зря ты английским занималась, надо было японский учить". — Леночка почему-то погрустнела. — Он и на свидания в этих ужасных рукавицах приходил, с мешочками. Для японца в одежде главное, чтобы удобно было. Я здесь видела

летом, как шикарные дамы, садясь за руль дорогой машины, натягивают грубые трикотажные рукава, вроде нашего простого чулка, чтобы руки на руле не потели. И полотенце на шею вешают. Так удобно. А на красоту им наплевать! Вообще-то, они красоту тоже ценят. Но она у них на третьем месте после приличия и удобства. Ради удобства они и ботинки на размер больше покупают, чтобы снимать их, не расшнуровывая, не наклоняясь. Ведь им же приходится переобуваться по сто раз в день!

По улице шли мужчины, хлюпая ботинками, отставшими от пятки. И молодые девушки и парни щеголяли в кроссовках, которые им велики.

— А для меня главное, чтобы обувь красивая была. — Передёрнула плечиками Леночка. — Я красивое люблю. И духи. Я к свадьбе себе французские духи купила, едва капнула, а муж стал морщиться: "Для нас, японцев, это слишком резко!" — Не любят они духи. Вы замечали, в Японии там, где много людей, ничем не пахнет, только чистотой. Насчёт чистоты — это они молодцы! Посмотрите, как они надраивают ботинки. Во всём городе не найти нечищеной обуви! — Леночка внимательно разглядывала толпу. Женщины любой национальности — как японцы, умеют видеть мелочи.

Леночка и Кеничи поженились в ту же зиму, в Москве. Зарегистрировались просто так, безо всякой свадьбы. Кеничи говорил, что его родители будут рады сэкономить на свадьбе.

— Тогда я думала, он шутит, а теперь… — Леночка почему-то загрустила. — Они такие экономные, эти японцы! Вы обращали внимание на их брюки? Японцы ведь маленькие. Им брюки почти всегда укорачивать приходится. Но лишнюю ткань они не обрезают, просто подворачивают. Когда я в первый раз эту складку на штанинах увидела, высоко, чуть не под коленом, решила — жена поленилась лишнее обрезать, сама соорудила, как могла. Потом поняла — японки за это не берутся. Да и редкая японка умеет шить, даже в таких пределах. А зачем? Брюки подгоняют прямо в магазинах, бесплатно. А не обрезают их, я думаю, на всякий случай, из экономии. Едва я сюда приехала, как меня муж со свекровью стали экономии учить…

Японская жизнь Леночки началась в Осаке. Там работал Кеничи, там жили его родители. Они отдали молодым второй этаж в своём доме, и счастливая Леночка принялась устраиваться в диковинной комнате с татами под строгим взглядом женщины в тёмном кимоно — свекрови. Леночка не понимала ни слова по-японски, а свекровь не знала по-русски, и они жили дружно. Но вскоре Леночка пошла на курсы японского языка и мало-помалу

смысл сказанного стал для неё проясняться: свекровь её учила. Сначала Леночка отнеслась к этому спокойно. Всерьёз готовясь к роли японской жены, она прочла много книг о Японии и знала, что японские девушки мало помогают матери по хозяйству и замуж выходят неумехами. Научить невестку — обязанность свекрови.

— А обязанности здесь исполняют добросовестно! — вздыхала Леночка.

Свекровь учила Леночку всему: когда ложиться и когда вставать, что говорить, как одеваться, как кланяться… И как варить мисо-суп. Леночка возненавидела мисо-суп и однажды сказала мужу:

— Не хочу жить с родителями!

Молодой муж немедленно согласился снять отдельную квартиру. Свекровь пришла в ужас — неэкономно и глупо платить деньги за аренду жилья, когда есть бесплатный родительский дом! Но Кеничи стоял на своём — он Леночку очень любил. И снял для неё квартиру. Но на той же улице, где жили его родители. И мать Кеничи повадилась навещать молодых каждый день.

Муж уходил на работу рано, а Леночка, проводив его, устраивалась досыпать. И тут являлась свекровь. Будила, заставляла выслушивать наставления:

— Жена должна вставать в пять утра и включать пылесос и стиральную машину.

Леночка возражала:

— У меня не наберётся стирки на каждый день!

Свекровь обрывала её строго:

— Неважно! Муж тебя кормит, ты должна показывать ему, что работаешь.

— Показывать! — негодовала Леночка. — Я не работать должна, а показывать! Представляете, свекровь врывалась ко мне на кухню и без церемоний открывала холодильник. Вам понравится, если кто-то станет проверять Ваш холодильник? Она мне постоянно выговаривала: "У тебя в доме нет еды!" Но у меня всегда есть сыр! И молоко, и мясо. Но для свекрови еда — это тофу и мисо. Я ненавижу мисо! — Леночка чуть не плакала. — А Кеничи постоянно держал сторону матери и никогда мою! — возмущалась она. — Вскоре после свадьбы он перестал есть мой борщ и стал требовать мисо-суп. И рис с рыбой на завтрак. И всё повторял: "Ты должна слушаться мать!" — Мне кажется, он специально это сделал — снял квартиру на их улице.

А потом свекровь подарила Леночке фартук. Обычную вроде вещь, для домохозяйки необходимую. Но Леночка смотрела на

фартук с ужасом. Желтовато-мышастый балахон, начинавшийся у самого горла, кончавшийся длинными рукавами с резинками на запястьях, походил не то на смирительную рубаху, не то на тюремный халат. Он грозил похоронить Леночкину красоту, а заодно её свободу. Леночка восприняла подарок как полное своё поражение. Но тут вышла удача — Кеничи перевели в другой город, на север.

Свекровь оказалась далеко, и Леночка воспрянула духом. Утром Кеничи уходил на службу, оставляя Леночку один на один с пустой квартирой и незнакомым городом. И Леночка принялась заполнять пустоту. Она нашла курсы японского языка, чайной церемонии, икэбаны…

— А как же иначе? Мы же в Японии живём! В такой замечательной стране! Надо же этим пользоваться! — Леночка быстро одолела программу Шимин-центра и принялась изучать китайские иероглифы — кянджи. — Это — более высокий уровень! — гордилась она. — Я и букеты составлять умею.

Леночка весело хвасталась своими успехами. Правда, Кеничи их не ценил. Заводя речь о муже, Леночка грустнела, словно он был единственной неприятностью в её японской жизни.

— Муж ругается, что я всё время рвусь из дома. Всё говорит — жена должна дома сидеть! Но всё-таки он меня любит! Скворца мне подарил. Говорящего, очень дорогого. Я с ним нянчусь, как с младенцем, — Леночка погрустнела опять. — Мне детей пора заводить, мне скоро тридцать… И Кеничи уговаривает меня. Газету местную принёс. Там была заметка о русской женщине, которая ждёт ребенка от японского мужа. Такое это у них событие, что аж газета пишет. Вот Кеничи мне и принёс показать. Вроде как пример. Или укор. Он очень хочет ребенка, а я сомневаюсь. — Леночка встала со скамейки, подошла к витрине детского магазина. — Посмотрите, у них детскую обувь только из синтетики шьют, из кожи дорого получается, японцы не купят, денег пожалеют. А обувать в пластмассу малышей им не жалко. Ну как, скажите, тут ребёнка растить?

Смеркалось. Леночка посмотрела на часы, сказала обречённо:

— Мне пора домой идти, мужу ужин готовить. Я собиралась борщ сварить…

— Свари ему мисо-суп, — посоветовала она. — Раз уж ты вышла замуж за японца. Да и что его варить-то, этот мисо-суп, невелика работа!

— Ну, вот ещё! Я даже запаха этой гадости не выношу! — упрямо тряхнула своей золотистой гривой Леночка. И задумалась. — А может, и правда устроить ему японский ужин? — Она свернула к какой-то забегаловке, чтобы купить

сущи. Это была единственная японская еда, которую Леночка признавала. Но сущи — это же вроде бутерброда…

Спать хочется!

Утка прижалась к земле.
Платьем из крыльев прикрыла
Голые ноги свои…
Басё

Раннее вставание трём добродетелям равно.
Японская пословица

Коротко звякнул будильник. Намико привычно прихлопнула кнопку звонка, посмотрела на циферблат. Половина пятого. Хидэо спал на соседней кровати. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, Намико встала, дрожа от холода, натянула халат, прошла в ванную, наскоро умылась ледяной водой. Горячую она включит потом, когда проснётся Хидэо, чтобы сэкономить газ. Намико привычно посмотрелась в зеркало, привычно ужаснулась — синеватая нечистая кожа обвисала на щеках, собиралась морщинками под глазами. Так и должно быть у старой женщины, которой скоро стукнет пятьдесят три, — успокоила себя Намико и вылила на ладонь лужицу жидкой пудры. Щедро намазав лицо, порадовалась — раньше с порошковой пудрой было куда труднее доводить лицо до гладкого тона. Зевая, она подвела карандашом брови. Руки её дрожали от холода и левая бровь съехала чуть вниз. Но Намико не заметила — лампочка над зеркалом горела тускло. Яркие лампы — дорогое удовольствие.

Намико старательно накрасила губы, причесалась и ещё раз внимательно оглядела себя в зеркале — всё нормально, можно идти на кухню — Намико спустилась на первый этаж. Здесь было совсем холодно. Но включать обогреватель она не стала, дожидаясь семи часов, когда проснётся Хидэо — так можно сэкономить керосин. А она не замёрзнет, ведь она все время в движении. Тем более, что сегодня придётся торопиться, она должна поехать к русской, помочь ей разобраться со счетами. Намико нравилось навещать русскую — это позволяло ей уйти из дома, от свекрови. И Хидэо одобрял такие встречи:

— Ты должна чаще общаться с иностранкой, жене профессора положено знать западные манеры и английский язык. Говори с

ней…

Но с русской трудно разговаривать! У неё такие странные мысли! И выглядит она странно — ни капли косметики на лице. И всё удивляется — зачем японки так сильно красятся? Зачем так рано встают? Непонятно, как ей отвечать. Японской жене положено вставать рано, потому что муж не должен видеть спящее лицо жены. Так говорила мать Намико, когда отдавала её замуж. И свекровь не ленилась повторять:

— Ты должна встать раньше мужа и накраситься, чтобы не походить на чёрта! — Хидэо никогда не видел Намико ненакрашенной. И спящей никогда не видел.

Каждое утро Намико начиналось одинаково — она собирала коробку с обедом для Хидэо. Что же ему приготовить? Может, макароны? Он их любит. И это очень хорошо, потому что макароны почти втрое дешевле риса. Намико готовила макароны часто, почти каждый день — это позволяло экономить деньги, которые Хидэо давал на хозяйственные нужды. Она достала из шкафчика пакет — макарон в нём осталось совсем мало. В ближнем супермаркете их давно не продавали с уценкой. А без уценки Намико ничего не покупала — она экономно вела хозяйство. Намико решила зайти в магазин, который рядом с домом русской, там сегодня распродажа — в газете было объявление. Может, удастся подешевле купить макароны? А пока придётся сварить рис.

Намико насыпала в автоматическую рисоварку крупу, налила воду. Заученным движением нажала кнопку. Сколько лет она каждое утро делала одно и то же! В рис можно будет положить яйцо и свежий огурец — так любит Хидэо. Намико взяла тёрку, достала из холодильника огурец и принялась медленно, тщательно его тереть. Вчера Хидэо сделал ей замечание — огурец был натёрт неаккуратно. Он пришёл домой поздно, почти в одиннадцать, усталый и злой. Значит, разговаривал с русской. Его очень утомляла эта иностранка. После ужина Хидэо сразу уснул. А Намико долго мыла посуду, подметала пол… Жена не должна ложиться, не прибрав дом. Только в первом часу ночи она добралась до постели. Намико внимательно следила, чтобы куски покрупнее не попали в тарелку, выбирая закоченевшими пальцами скользкие полоски из ледяной массы.

— Теперь омлет, — привычно подумала она и, взбивая яйцо, почувствовала, как желудок заволакивает тупая, ноющая боль. — Надо принять таблетку, ту, что прописал врач. Но это потом…

Намико вылила яйцо на прямоугольную сковородку с выгнутым как крыша дном и принялась качать её — к себе — от себя — так ярко-жёлтая масса растекалась ровным слоем. Намико

сняла лопаткой тонкий лепесток омлета и, положив его на доску, скатала трубочкой, задержала в руке, замёрзшим пальцам приятно было ощущать тепло. Потом взяла нож и стала нарезать мелкую соломку. Её руки двигались медленно, аккуратно, чтобы ломтики получались ровные. Все, как один. Рисоварка щёлкнула, отключаясь. Намико открыла крышку, понежилась минутку в клубах горячего пара, взяла лопатку, выложила на тарелку немного риса — остывать. Подождала минут пять, постояла, глядя в окно. Потом добавила в рис огурец и яйцо, перемешала, сложила в коробку, гладенько разравнивая лопаткой, накрыла крышкой, надела поверх круглую резинку. Эту коробочку Хидэо носил много лет, от старости пластмасса покоробилась, и крышка закрывалась плохо. Но новую коробку покупать не стоило. Эта ещё вполне могла служить — Хидэо не любил лишние траты. Он очень ругал Намико, когда увидел на журнальном столике журнал мод. Намико спрятала его под газетами, но русская, что была у них в гостях в тот день, нашла журнал и показала Хидэо:

— Посмотрите, какие прекрасные меха!

Хидэо нахмурился.

— К счастью, моя жена мехами не интересуется.

После ухода гостьи Намико пришлось объяснять Хидэо, что она не покупала этот журнал, а получила бесплатно в Фуджисаки, как премию за покупку. Но Хидэо не поверил и долго ругался, что жена потратила деньги на никчёмную вещь. Намико выбросила журнал. В общем-то, он был ей не нужен.

— Пожалуй, рис с яйцом — маловато на обед Хидэо, — подумала Намико.

И решила сделать темпуру: смешала яйца с водой, всыпала муку, развела жидкое тесто, нарезала ломтиками маленький кабачок, поставила на конфорку кастрюлю с маслом и, ёжась от холода, стала ждать, пока масло закипит. Она видела, как готовит темпуру русская. Та первым делом ставила масло на огонь, а уж потом замешивала тесто и резала кабачки. Тем временем масло закипало и ей не приходилось ждать. Но, если долго провозиться с тестом, можно пропустить момент, когда масло нагреется, и зря жечь газ. Интересно, кто научил русскую готовить темпуру? Она говорит — сама сообразила. Русская часто говорит странно.

Намико захватила палочками скользкий кусок кабачка, окунула его в тесто, аккуратно опустила в едва начавшее пузыриться масло. Подождала, пока кусок подрумянится, вынула, подержала над кастрюлей, давая маслу стечь, и только потом положила на тарелку. Остатки масла мгновенно впитались в бумажную салфетку, которой Намико загодя накрыла тарелку. Большое пятно расплылось по бумаге.

— Поторопилась, — подумала Намико, слишком много масла осталось на темпуре. — Надо будет давать ему стекать подольше, а то не хватит масла на весь кабачок.

Русская готовила темпуру иначе. Она бросала в кастрюлю одновременно несколько кусочков, ворошила их вилкой и вынимала все сразу шумовкой, щедро выливая масло на тарелку. Она управлялась с темпурой за десять минут. У Намико уходило на это полчаса. Потому что она всё делала по правилам. Её темпура получалась красивой и вкусной. Правда, у русской тоже выходило неплохо. Кто же всё-таки её научил? Намико опустила в масло следующий кусок и задремала, стоя над тёплым огнём.

Три кусочка темпуры Намико завернула в алюминиевую фольгу. Свёрток вместе с коробкой завязала в фуросики — обед для Хидэо готов! Теперь надо сварить мисо-суп для свекрови — она всегда завтракает по-японски. Из комнаты свекрови донёсся слабый шорох. Её комната была недалеко от кухни, на первом этаже. Тонкие перегородки хорошо пропускали звук. Должно быть, свекровь только что встала — она всегда спит долго, дожидаясь, пока Намико приготовит еду. Намико сердито стукнула кастрюлей о конфорку — она не любила свекровь. Сняв с огня суп, посмотрела на часы — пора готовить завтрак для мужа. Он завтракал по-европейски, ведь он — профессор западного стиля. Намико положила в тостер два кусочка хлеба, вскипятила чайник, заварила чёрный английский чай, достала из холодильника масло и джем, прошла за шкаф, отделявший кухню от столовой, поставила всё на обеденный стол. Потом включила стиральную машину и пылесос.

В столовой было чисто, да и для стиральной машины нашлось немного работы — только вчерашняя рубашка Хидэо да пара полотенец. Но Хидэо любил просыпаться под гул машин и видеть, что жена работает. Так и должно быть, ведь он кормит её, а она — не дармоедка. В ванной наверху зашумела вода — Хидэо умывался. Намико выключила пылесос и заспешила по лестнице наверх — одеваться. Сегодня она должна уехать вместе с Хидэо, чтобы он довёз её до дома русской. В спальне Намико открыла платяной шкаф и быстро выдернула первую попавшуюся кофточку — Хидэо уже спускался по лестнице. И свекровь вышла из своей комнаты, села за стол. Намико наспех оделась и побежала в столовую. Подавая мужу и свекрови завтрак, она думала, что сама сегодня позавтракать не успеет. Выскочив на кухню, чтобы налить Хидэо чаю, Намико быстро проглотила кусок остывшей темпуры.

У двери русской Намико стряхнула с плаща капли дождя, позвонила. Быстро сбросила французские ботинки, быстро

заговорила, чтобы скрыть смущение. Конечно, она общалась с гостями мужа, ездила с ним за границу, но всё-таки японке трудно привыкнуть разговаривать с иностранцами. Намико прошла в комнату, села за стол, принялась сортировать счета. Она приходила к русской только по делу. Приходила часто — у иностранцев в Японии много проблем. Они не знают ни языка, ни обычаев. И долг Намико — помочь сотруднице мужа, чтобы её пребывание в Японии прошло гладко, — так говорил Хидэо. Шероховатости могли бросить тень на репутацию мужа, а это нежелательно. И Намико очень старалась. Теперь она приводила в порядок счета иностранки. Привычная работа успокоила Намико, тёплый поток от печи отогрел. У русской всегда было тепло — она совсем не экономила керосин. Голова Намико склонилась, иероглифы поплыли перед глазами…

— Может, сварить тебе кофе? — Кажется, её о чем-то спросили? Намико встрепенулась, на всякий случай кивнула. — Давай позавтракаем вместе, я угощу тебя блинами, — сказала русская.

Намико пробовала блины только один раз в Париже, когда была там с Хидэо. Но русские блины, пухлые, жирные, совсем не походили на пресные и сухие французские крепы. Хорошо бы научиться готовить такое вкусное блюдо! Русская рассказывала, как делают блины. Намико вежливо кивала, но не прислушивалась — такой сложный рецепт всё равно невозможно освоить. Разве что записаться на кулинарные курсы… Теперь многие женщины их посещают — мужчины стали требовать что-то новенькое. Но Намико выбрала другие курсы, там учили делать кукол из папье-маше. Дома на пианино уже сидели две куклы, сделанные её руками. Намико отказалась от третьего блина. Она и второй-то съела с трудом. Съела только для того, чтобы не готовить обед. После такой сытной пищи можно не обедать. Русская о чём-то говорила. Намико и не пыталась понять — о чём. Она силилась не уснуть совсем. Но её голова всё-таки склонилась к столу, ложечка выскользнула из рук…

— Ты не выспалась сегодня?

— Мы, японки, всегда не высыпаемся, — пробормотала Намико.

И тут же испугалась, что опрометчиво сболтнула лишнее, встрепенулась, отхлебнула кофе, чтобы проснуться, и сразу почувствовала сосущую боль в желудке. Достала из сумочки таблетку, проглотила — только бы не было как на прошлой неделе! Тогда её рвало, и очень болел живот. Намико даже подумала, что у неё рак желудка — теперь у многих рак. Врач рака не нашёл. Он сделал полное обследование бесплатно,

страховка распространялась и на домохозяек.

— Ты выглядишь усталой, — русская смотрела на неё с жалостью. — Почему ты не высыпаешься?

— Я всегда встаю в половине пятого! — ответила Намико.

Это было предметом её гордости, и Хидэо гордился этим. Любой японец гордился бы такой женой. Не у всех нынче такие хорошие жены. Но русская не выразила никакого восхищения. Она удивилась.

— Зачем просыпаться так рано?

Иностранцы всегда удивляются. Их женщины спят, сколько хотят. Но японка не может себе такого позволить!

— Я так привыкла, — ответила Намико. — Я люблю рано вставать.

Она всегда отвечала так, как положено. Но русская смотрела недоверчиво.

— Утро — моё личное время, — торопливо добавила Намико. — Я наслаждаюсь чтением книг, газет…

Трудные разговоры о традициях

Первый день в году.
Воробьи ведут на солнце
Длинный разговор.
Рансэцу

Намико сидела у стола, перебирая счета. Тусклый свет дождливого дня падал на её шершавые руки с узловатыми пальцами, на впалые щёки… Их синеватая бледность проступала даже через толстый слой пудры. Покрасневшие, припухшие глаза Намико смотрели устало. Почему-то жаль было её, эту богатую, красиво одетую японку, имеющую мужа-профессора, собственный дом… Хотелось не подливать ей кофе, а увести в спальню и уложить, чтобы выспалась она наконец и перестала так мучительно клевать носом. Почему она вечно не высыпается? Что поднимает её по утрам? Неужто и вправду газеты? Японцы редко говорят искренне. Чаще отвечают, как положено. На самом деле будили её, наверное, какие-то неотложные дела. Но какие? В Шимин-центре Намико преподавала всего два часа в неделю, остальное время проводила дома, где кроме неё обитали только муж, да крепкая ещё свекровь. Сын жил в другом городе. Почему бы не поспать вволю?

— Я сплю не больше четырех-пяти часов, — потупившись, тихо сказал Намико.

Чем же занимала Намико свой длинный день?

Наверное, все силы отнимал новый дом — подмазать, подкрасить…

— О, нет! Всё это сделали строители! — не поняла вопроса Намико.

Да, им трудно нас понять. Наш новый дом — забота наша, не строителей. Но, может быть, много времени Намико забирала уборка большого дома? Намико содержала его в такой чистоте!

— Я убираю дом только раз в неделю, в нашем районе совсем нет пыли!

Тогда, может быть, Намико вязала? Её новая кофточка походила на вязку крючком.

— Крючком? — Намико с трудом выговорила незнакомое слово.

Она не знала его смысла. А кофточку купила в магазине. И юбку тоже.

— Нет, я не умею шить. Этому надо долго учиться!

И даже штопать она не умела — рабочая куртка Хидэо была зашита кое-как, через край. Намико не квасила на зиму капусту и солёные огурцы покупала на рынке. Она не варила варенья, хотя Хидэо потреблял его много, каждое утро.

— Варить варенье — это очень сложно, — серьёзно сказала Намико. — Надо знать, сколько положить желатина… — Что желатина в варенье нет, Намико не поверила. — А как же варенье загустевает? — И спросила несмело: — Неужели Вы умеете варить варенье? Вы, профессор…

И Хидэо не уставал задавать ей тот же вопрос:

— Когда Вы всё успеваете? Быть профессором, матерью, женой… Как можно всё это совместить? Наверное, Вы спите не больше трех часов?

Её честное признание, что спит она положенные восемь, вызвало у Хидэо недоверие. Недоумение. Наконец, он признал нехотя:

— Значит, Вы работаете очень эффективно! А вот я неэффективен. У меня не так много статей, как у Вас. Но я тщательно обдумываю каждую из них!

Подразумевалось, что она лепит свои, не размышляя. Иначе больше трёх часов на сон у неё бы не оставалось. Ведь его жена, которая не работала, заполняла уборкой и приготовлением несложной японской еды целый день. Намико старательно вписала в записную книжку рецепт блинов, созналась:

— Вряд ли я стану это готовить. Блины можно купить в

супермаркете, я и китайские пельмени там покупаю. — И улыбнулась смущённо. — Ваша еда так сложна! Нежели Вы готовите её каждый день?

— Легенда, о том, что японки — хорошие хозяйки, — только легенда, — так было написано в газете "Джапаниз таймс", что лежала теперь у неё на столе. — Они тратят безумно много времени на всё, что делают, они не умеют готовить, плохо обучаются новому, настырны в следовании раз заведённому…

Автор, какой-то американец, назвал это: "Миф о японской женщине". Ещё одна сказка, ещё один миф… Она не показала статью усталой Намико. И не перевела на английский язык русскую пословицу "рано встала, да мало напряла". Не поняла бы её Намико. Да ещё, пожалуй, и обиделась бы. Для Намико был важен сам факт — рано вставать. Каждый день, без отпусков и выходных. Она гордилась этим, как главной доблестью хорошей жены. И Хидэо гордился, часто повторяя:

— С тех пор, как мы поженились, Намико каждый день встаёт в половине пятого!

Но ни он, ни его жена не знали ответа на вопрос — зачем? Зачем вставать так рано и потом целыми днями засыпать, едва присев.

— Зачем? — Намико пожала плечами. — Мы, японки, все рано встаём. Такова традиция!

Традиция — не высыпаться? Традиция — считать это доблестью? Традиция — истязать себя без принуждения? И без нужды. Трудно иногда понять её, Японию! И очень хочется сохранить эту страну, где женщины не шустры, как русские или американки. И не умеют готовить, и потому вынуждены держаться за простенький дедовский мисо-суп. И плохо обучаются, поэтому предпочитают следовать традициям. Так и сохраняется японский дом — заповедный мир, утешающий незыблемостью порядков, позволяющий отдохнуть от творчества и от терзаний…

— Мне очень нравятся японские женщины, — сказала она. И, чтобы сделать комплимент менее сердечным, более японским, добавила: — Общение с ними куда полезнее для иностранца, чем с мужчинами.

Глаза Намико вспыхнули радостно, благодарно.

— Мне очень приятно слышать Ваши слова!

Они обнялись, как подруги. И как совсем уж близкие подруги заговорили.

— Может, тебе, Намико, стоит спать днём?

— Японка не может лечь спать днём! — замахала руками Намико.

— Но почему?

Этот вопрос в Японии редко имеет ответ. И Намико ответа не знала. И сказала то, что принято говорить:

— Такова традиция.

— А, может, свекровь мешает тебе спать? — спросила она, вспомнив Леночкины рассказы.

— Нет, нет, свекровь здесь не при чём, просто мы, японки, никогда не спим днём, — отказывалась Намико.

Но слово "свекровь" задело её, разволновало. Она стала жаловаться обильно, по-русски.

— О, свекровь всегда долго спит, почти до семи. А потом целыми днями сидит в своей комнате у телевизора и выходит только затем, чтобы поесть или погулять возле дома. А на кухню не заходит никогда. Конечно, она имеет на это право. Ей уже больше восьмидесяти, и она давно передала мне лопатку для риса. Такова японская традиция: состарившись, свекровь совершает обряд — передаёт лопатку для риса невестке и с этого момента имеет право не входить на кухню, доверив её молодой хозяйке, — рассказывала Намико и сердилась: — Но всё-таки свекровь могла бы иногда помочь. Теперь многие старики помогают. А эта — никогда. Даже если я больна! И никогда не покупает никому подарка. Хотя деньги у неё есть! Но она вообще не ходит в магазин. Даже одежду для неё покупаю я! — Намико не любила свекровь. Но в этом не было никакой японской специфики. Впрочем, одна японская тема присутствовала и здесь: — Я вынуждена жить со свекровью. Потому что Хидэо — старший сын и обязан заботиться о родителях. Зато родительский дом после смерти отца достался ему — такова традиция.

— Старший сын в Японии наследует не только дом, но и семейное дело, — рассказывала Намико. — Отец Хидэо был владельцем авторемонтной мастерской и на шестнадцатый день рождения подарил автомобиль старшему сыну, только ему. Но Хидэо не захотел возиться в мастерской и пошёл работать в университет. И отец не возражал — карьера учёного более выгодна, чем работа автомеханика. А автомобиль, который был редкостью тогда, через десять лет после войны, помогал репутации Хидэо, поднимал в глазах коллег. Конечно, выгодно выйти замуж за старшего сына! Только продав дом родителей Хидэо, мы смогли купить собственный. Но мне приходится жить со свекровью! К счастью теперь всё меняется. Япония не так строго следует традициям. Мои родители живут одни. И я никогда не буду жить с сыном! Никогда!

Она вышла проводить Намико до автобуса. В садике соседнего дома пожилой мужчина прогуливал согнутую дугой

старушку. Старушка едва переставляла ноги, повиснув на руке мужчины, а он время от времени легонько постукивал кулаком по её горбатой спине, японцы любили такой массаж. Значит, мужчина — старший сын, а дом — наследство, богатое наследство, раз по саду можно гулять. Страна, которая чтит традиции, хорошо предсказуемая страна!

Господа дети

Примостился мальчик
На седле, а лошадь ждёт.
Собирают редьку.
Басё

Если внука положить в глаз, деду не будет больно.
Японская пословица

Она проснулась, как всегда, под урчание стиральных машин. Значит, соседки, несмотря на субботний день, уже поднялись, чтобы, не жалея себя, следовать японской традиции. Она бежала на зарядку по пустынной улице, отмечая — в каждом доме горит свет. Значит, женщины уже хлопочут на татами или у плиты. Пресный дух варёного риса и кисловатый аромат мисо вырывались наружу из неплотно прилега. оих окон и дверей. Кое-где виднелись и сами женщины — они подметали щёточками и без того чистый асфальт у ворот, мыли и без того блестящие крылечки. И на каждой была униформа — большой мешковатый фартук. Фигуры в бесформенных тусклых балахонах делали полутёмную улицу ещё тоскливее. В парке занималась зарядкой группа, народ собирался каждый день в шесть тридцать. И для выходных исключений не делал. Поваляться, отоспаться — неяпонские слова.

Сегодня они с Анной отправлялись в Дайе. Она собиралась порадовать себя по случаю своего дня рождения — купить что-то для внука. Анне нужен был подарок для новорожденной внучки — Анна летела ненадолго в Москву. Детский отдел начинался с одежды для будущих мам, там висели широкие платья. Дальше шли куртки, очень странные — тоже широкие, только не спереди, а сзади. Спина обвисала мешком, ворот далеко отходил от шеи — такое невозможно носить!

— Одной невозможно, — улыбнулась её недогадливости

Анна. — Но если повесить за спину ребенка, то в куртке, общей на двоих, будет очень удобно.

Новая японская промышленность подстраивалась под старую японскую традицию — носить детей за спиной. Здесь малыш, родившись, не расставался с мамой, а просто перекочёвывал спереди назад. Колясок японки не признавали. То ли они занимали слишком много места в тесном японском доме, то ли некогда было японской маме гулять. Женщины с грудничками выходили из дома по делу: в магазины, в банк… А ребёнка вешали за спину, чтобы освободить для сумок руки. Здесь мужья не помогали жёнам даже когда в доме малыш. И бабушки-деды в воспитании внуков участия не принимали. Нет в Японии такой традиции — старикам детей растить. По магазину тащили малышей на спине и вели подросших за руку только молодые женщины. И под тяжестью покупок сгибались они же. Пожилых в торговых рядах почти не было. Только в кондитерской праздно сидели элегантные старые дамы.

По радио звучал тоненький кукольный голосок дикторши.

— Она говорит: "Господа родители, на движущемся эскалаторе придерживайте, пожалуйста, господ детей, чтобы они не упали!" — перевела Анна и улыбнулась. — Здесь это звучит нормально — господа дети! И дети так обращаются к отцу и матери — ота-сан и ока-сан — "господин отец" и "госпожа мать". Только самым маленьким разрешены короткие "мама" и "папа". А дети у них действительно господа! Их очень балуют!

В отделе игрушек мальчики и девочки по-хозяйски ходили между полками, показывали пальчиками — хочу это! — а мамы безропотно платили. Анна покупала много, не считая.

— Конечно, поездка — это слишком дорого, да чёрт с ними, с деньгами! Я хочу увидеть внучку, да и по сыну соскучилась…

— Ты, Намико, наверное, скучаешь по сыну? Грустишь? Ведь он живет теперь так далеко!

Намико и Хидэо обедали у неё дома — она отмечала с друзьями свой день рождения. Воскресный обед был мирный, семейный, и разговор шёл соответствующий — о детях.

— Скучаю? Грущу? — Намико удивлённо подняла голову, словно не понимала вопроса. И уж точно — не знала, как на него отвечать. Наконец, ответ нашёлся: — Мне некогда скучать. У меня много дел, я обслуживаю мужа и свекровь.

— Наверное, ты часто звонишь сыну?

Намико опять удивилась:

— Нет, теперь я ему не звоню. Я звонила еженедельно только пока он был холост. А теперь он женат и за ним ухаживает жена.

Здесь всё подчинялось расписанию, даже материнская

любовь.

— Да, это грустно, когда дети вырастают и улетают из гнезда, — вздохнула она.

Хидэо и Намико удивлённо переглянулись.

— Напротив, я испытал облегчение, когда сын получил диплом и женился. — улыбнулся Хидэо, — с тех пор, как он родился, у меня всё время было такое чувство, будто я несу его за спиной. Я обязан был обеспечивать его — учить, кормить. А на его свадьбе я впервые почувствовал, что мои обязанности по отношению к нему закончились. Я не должен больше его нести. Я почувствовал облегчение.

— Облегчение? — теперь удивилась она. — Ведь разлука с повзрослевшим сыном печальна. Теперь, женившись, он приезжает к вам редко. Вот в отпуск не приехал. Вы расстроились, наверное?

Намико смешалась, отрицательно закачала головой, заговорила горячо:

— Да нет же, вовсе нет! Я совсем не огорчилась! У меня и так много работы по дому. Я вовсе не стремлюсь обслуживать ещё двоих — невестку и сына!

Странное это словечко "обслуживать" не сходило с уст японских женщин, словно дом родной — гостиница, а все семейные отношения сводятся только к этому — кормить, обстирывать, подносить… Можно же просто обнять сына, поговорить… Хорошо, когда сын приезжает к маме!

— Как странно Вы говорите, — прищурился Хидэо, — к маме… Почему это "к маме"? Разве сын приезжает к ней, а не ко мне?

Теперь смешалась она:

— Мы просто так говорим — "к маме". Ведь дом — это прежде всего мать.

— Наш дом принадлежит мне, я его хозяин, — сухо отрезал Хидэо.

Он, кажется, рассердился. Здесь никогда не угадаешь, чем обернутся самые простые слова!

— Может, сын со временем переедет в Ваш город? — попыталась она уйти от опасной темы. — Ведь он унаследует ваш дом.

Лицо Хидэо стало холодным.

— Не знаю, сможет ли он это сделать. Ему придётся уплатить налог. У нас большие налоги на наследство.

Это было совсем уже странно — зачем покупали дом разменявшие шестой десяток Намико и Хидэо, если не уверены были, что он достанется сыну?

— Но вы же можете помочь сыну выплатить налог, дать ему денег…

— Как это — дать? — подозрительно посмотрел на неё Хидэо. — Если я дам сыну денег, это вскроется, ведь известно, какая у него зарплата. С неё он не сможет набрать необходимую сумму.

— Ну, в конце концов, вы же можете подарить Нацумэ деньги, например, на день рождения, на Рождество, чтобы он смог уплатить налог.

Губы Хидэо растянула презрительная усмешка.

— Это чиновники в Токио используют такие трюки, а мы всё делаем по правилам, — строго сказал Хидэо.

Кажется, с этой минуты он перестал считать её честным человеком. А ведь она хотела просто поговорить о детях. Не получилось. Может, получится о внуках?

— Ваш сын, должно быть, скоро подарит вам внука.

- Нет, нет! Внуков я не хочу! Не хочу! — Намико отбивалась так, словно ей предлагали подкидыша. И Хидэо обиделся:

— Внуков мне иметь рано! Я что, разве старый!

— Но в нашей стране внук вовсе не означает старость! — совсем смешалась она. — У нас детей заводят лет в двадцать, а бабушками могут стать лет в сорок пять, как я, да и моя подруга, — она имела в виду Анну.

Хидэо воспринял это сообщение неодобрительно, как ещё одно свидетельство неупорядоченности русской жизни.

— Это возможно у вас, в России, — он снисходительно улыбнулся. — У нас внуки появляются, когда люди выходят на пенсию.

В хорошо организованной Японии в деды выходили ровненько, годам к шестидесяти.

Что же отвращало супругов Кобаяси от такого симпатичного слова "внук"? Хлопоты? Но внуков здесь растили матери, не бабки. И расходы, связанные с ребёнком, несли родители.

— Я не знаю, откуда ваши двадцатилетние берут деньги, чтобы заводить детей, — сурово сказал Хидэо. — А наш сын окончил университет и стал зарабатывать совсем недавно. Им с женой надо многое купить.

— С ребёнком лучше подождать, — поддержала мужа Намико, не смущаясь тем обстоятельством, что её невестке шёл двадцать восьмой год. — Женщины нашего круга теперь заводят детей лет в тридцать. Когда накопят денег.

— Но у ваших внуков будет дед-профессор. Вы сможете помочь!

Хидэо поднял на неё глаза совсем уже сердито, а Намико

воскликнула:

— Почему мы должны помогать? Нашей обязанностью было дать сыну образование. Мы платили за учёбу в университете, кроме того, я ежемесячно посылала ему на аренду квартиры и питание сто двадцать тысяч йен. Теперь он работает и должен сам содержать семью!

— Но ему хватает денег? Он зарабатывает достаточно?

— Я надеюсь, — потупилась Намико.

— Кажется, у вашего сына хорошая работа? — ей снова пришлось поменять тему, разговаривать о внуках тоже было опасно.

— Я не знаю, какая у него работа, — раздражённо вмешался в разговор Хидэо. — Я слишком занят своими делами!

Он сердился так, словно только бездельник имеет время интересоваться жизнью сына.

— Должно быть, Нацумэ очень способный, раз его перевели в отдел финансовой политики банка.

— Может быть! Но он всегда просит у меня денег! — отвергнув комплимент, Хидэо разозлился уже всерьёз.

— Поэтому отец и не любит разговаривать с ним, — тихонько шепнула ей Намико. И заговорила быстро, громко: — Нет, нет, должность Нацумэ очень маленькая! Он только начал карьеру! Он молодой! — Мать словно пыталась оправдать сына — молодому, да с маленькой должностью позволительно просить у отца денег.

Безобидный разговор о детях грозил превратиться в ссору. Она предпочла подняться из-за стола.

— Посмотрите, какую хорошенькую курточку я купила сегодня своему внуку!

— Родители дали Вам денег? — осторожно спросила Намико.

— Нет… — опешила она.

— Они вернут эти деньги потом, — благоразумно заметил Хидэо.

— Да нет же! Я на свои купила, и никто мне ничего возвращать не будет!

Хидэо с Намико в который раз за вечер переглянулись, помолчали, обмозговывая ситуацию странную, непривычную. Наконец, Хидэо произнес серьезно:

— О, Вы — очень хорошая бабушка!

А она не стала объяснить, что Россия полным полна такими бабушками. Чтобы Хидэо окончательно не утвердился в мысли, что в России порядка нет.

Проводив гостей, она брела по Ягияме, печально размышляя, что друг её Хидэо — отец неважный, сыну не помогает, с ним не разговаривает, и о работе его ничего не хочет знать. Конечно,

такие отцы встречаются. И не только в Японии — всюду.

— Вас подвезти? — из окна притормозившей возле неё машины выглянул сосед — сэнсэй Сато.

Она предложение приняла — прогулка увела её далеко от дома. Сэнсэй не торопился начинать разговор. Как обычно, первой заговорила она. О детях.

— У меня их трое, — улыбнулся Сато.

— Сколько им лет? — спросила она рассеянно, потому что вопрос это был самый что ни на есть обычный. Сато смутился, замолчал, стал что-то подсчитывать, напряжённо морща лоб… И ответил странно:

— Сыновья уже окончили университет, а дочь ещё учится.

Отец не знал, сколько его детям лет?

— Мой старший сын стал композитором, снимает квартиру недалеко от нас.

В их университете как раз предполагался странный концерт — какой-то американец обещал сыграть музыку, сочинённую им с помощью физических формул. Она сказала о концерте Сато:

— Возможно, Вашему сыну это будет интересно?

— Да, да, возможно я позвоню ему, — Сато грустно улыбнулся. — Это будет первый случай за последние годы, когда я буду ему звонить.

Значит, и Сато тоже не говорил с сыном, как Хидэо?

— Моя жена звонит ему. У нас в Японии детей воспитывает мать, — строго объяснял Сато — ревнитель старинных традиций. — Младшего сына я тоже вижу редко, он живёт в нашем городе, но его фирма предоставила ему служебную квартиру. Последний раз он заходил к нам на Новый год…

Значит, отец больше полугода не видел сына, живущего в том же городе. Японские отцы рады сбросить подросших детей со спины, чтобы не разговаривать с ними, не помогать им и не беспокоиться, достанется ли им их наследство… А матери не скучают по детям, не ждут их в гости, не звонят… Японцы не любят своих детей? Они бесчувственны? Или просто скрытны? Ведь "если внука положить в глаз, деду не будет больно" — японская пословица. И, произнося её, Хидэо улыбался мягко, тепло…

Весна, дочь Верноподданного

Первый грибок!

Ещё, осенние росы,
Он вас не считал.
Басё

С одной из учительниц Шимин-центра она встречалась чаще, чем с другими — Сумико дала ей несколько частных уроков японского языка. Денег Сумико не брала — мы же подруги! Но согласилась прийти к ученице на званый обед. И Намико решилась поддержать компанию. Встретились, как водится в Японии, не просто так, а по делу, чтобы научиться готовить знаменитые русские пирожки. Выбрали будний день — мужние жёны не могут отлучаться в выходные, когда дома мужья. Вслед за Сумико в прихожую осторожно озираясь, как котёнок в незнакомом месте, вошла девочка лет десяти.

— Это Харуно, моя младшая дочь, — Сумико погладила прильнувшую к ней атласную головку.

Ставя ножки косолапенько, носочками внутрь, девочка прошла в квартиру, и вдруг, брызнув радостью, побежала вприпрыжку на кухню, засмеялась, захлопала в ладошки:

— О, пирожки!

Её чёлка разлеталась крыльями ласточки, глаза блестели вишнями, вымытыми летним дождём. Мать улыбнулась ласково, погладила дочь по голове, шепнула ей что-то. И Харуно притихла, подошла к столу, стала помогать женщинам готовить тесто. Потряхивая белой от муки челкой, она старательно, не теряя терпения, лепила один за другим незнакомые русские пирожки. И уплетала их с аппетитом, посапывая от удовольствия. А потом, повинуясь тихому приказу матери, вымыла всю посуду, пока женщины записывали в блокноты рецепт русских пирожков.

Через месяц Сумико сказала:

— Я приглашаю Вас в гости. Я и мой муж — профессор архитектуры.

Дом архитектора стоял в дорогом районе Ягиямы, среди таких же домов — солидных, спокойных.

— Соседи у нас — люди с деньгами: юристы, бизнесмены, доктора с частной практикой, университетские профессора…

Сумико скромно улыбалась, принимая комплименты своему дому, снаружи скромному, изнутри богатому самым главным японским богатством — пространством. Полный воздуха и света, дом походил на корабль с большими окнами, не разбитыми мелкими квадратами традиционных японских переплётов. Необычный, неяпонский дом с высоким скошенным потолком всё-таки нёс в себе нечто легко узнаваемое, местное: татами, монотонность светлых стен, скудность мебели — пустоту,

простоту…

Харуно в свитерке и джинсах носилась босиком по большой гостиной, как весенний ветерок.

— Харуно — значит "весна", — улыбнулась Сумико. — Вообще-то это не совсем обычное имя для девочки. В конце японского женского имени должно быть слово "ко" — "дети". Самое важное для женщины — дети. А моё имя — это еще и свет — "су", и счастье "ми". Сумико снова улыбнулась. Да и как не улыбаться женщине, имя которой было полно света, счастья, детей? Сумико нравился интерес иностранки к японской жизни, и она рассказывала щедро, охотно. Оказалось, многочисленные Ямамото, Ямагучи, Ямазаки несли в своей фамилии слово "яма" — "гора", а Ямада — ещё и поле — "да". Поля и горы фамилий украшали имена. Женские имена искрились счастьем "ми" — Минэко, Мияко, светились светом "су", напоминали о прелести весны — Харуно и об очаровании осени — Акико. Такое имя женщины — словно гимн в её честь.

Но были и имена страшные — одна из учительниц Шимин-центра звалась "день, когда ты умрёшь". Такое имя дал пятой дочери разъярённый отец — он ждал сына. В молчаливой Японии были говорящие женские имена! С мальчиками родители поступали проще — их именовали порядковыми номерами: первый сын, второй сын. Как улицы — Ичибанчо, Нибанчо — первая улица, вторая… Такие имена исполняли роль визитных карточек: с мужчиной, несущим в своем имени словечко "ичи" — "один", стоило иметь дело — первый сын наследовал дом и семейное дело. А имя — второй сын или третий предупреждало уныло:

— Не питайте несбыточных надежд! Я не получу ничего!

Правда, иногда и мужские имена несли особый смысл, например, Тошио — мудрый.

— А это — мой муж Тадао, — сказала хозяйка, убегая в прихожую встречать входящего, сообщила на ходу: — Его имя значит лояльный, верноподданный, любящий императора, преданный начальнику — приблизительно так…

Наверное, родители, давая мальчику имя, думали о том, что такие качества пригодятся ему, чтобы преуспеть в жизни. Теперь японцы не придерживались старой традиции менять имена после совершеннолетия, значит, и малышом муж Сумико был Верноподданным. И мать, склоняясь к его колыбели, говорила, наверное:

— Лояльность ты моя миленькая, верноподданненький мой!

В облике высокого, плечистого мужчины, входящего в гостиную, ничего верноподданного не было. Он спокойно

извинился за опоздание:

— Сами знаете, у профессоров в университете по субботам часто бывают собрания. — Спокойно протянул крепкую, шершавую ладонь. Пожал руку уверенно, сильно, улыбнулся: — Мозоли у меня, потому что столярничаю, мебель сам мастерю… В доме многое сделано моими руками. Да и сам дом проектировал я, я же архитектор.

Он расположился на низком японском диване. Во многих японских домах утвердилась эта полумера: стол не низкий, за которым едят, сидя на подушках на полу, но и не высокий, как на западе, а средний, вроде журнального. Для него необходим хоть и низкий, но всё же диван, который комфортнее, чем подушки. А её усадили на высокий, привычный для иностранца стул. Сидеть удобно, но есть с низкого стола приходится нагибаясь.

Харуно взобралась к отцу на колени, обвила его шею руками, зашептала что-то на ухо. Он улыбнулся, обнимая дочь, удерживая возле себя.

— Отец очень любит её, — сказала мать, — и слишком балует.

Она строго окликнула девочку и та послушно юркнула за стойку, отделявшую кухню от гостиной, захлопотала там. Её блестящая головка замелькала, то возникая, то исчезая. Как солнечный зайчик.

— В японском доме раньше всё делала мать, дочь ничего не умела, — сказала Сумико, ставя на стол плошки с рисом. — Но теперь всё меняется. Я работаю, дочерям приходится мне помогать. — Харуно управлялась на кухне привычно, ловко, как взрослая женщина. — Настоящая домохозяйка! — гордо улыбнулась мать. И в этом слове не было ни капли того убогого смысла, к которому привыкли мы.

Неслышно ступая красивыми босыми ногами по ковролину гостиной, Сумико сновала на кухню и обратно, не останавливаясь, не уставая. На небольшом столе уже не было места, а она всё подносила новые кушанья.

— Здесь сырая рыба с уксусом, — указала Сумико на стаканчики из косо спиленного бамбука. — А это — салат из китайской капусты со свежими огурцами, блинчики с мясной начинкой…

Харуно тоже что-то приносила, относила… И вдруг, смеясь, плашмя падала на пол.

— Устала!

И тут же вскакивала, бежала к матери на кухню… И опять появлялась из-за стойки с чайным подносом в руках, подходила к столу мелкой, семенящей походкой, кланялась церемонно, как

взрослая японка. Её маленькая фигурка была так грациозна и изысканна, словно одета была не в джинсы, а в кимоно.

— Когда я вырасту большая, то стану делать музыкальные шкатулки, — вдруг ни с того ни с сего сообщила Харуно и снова побежала вприпрыжку, резвясь, словно маленькая рыбка в светлом пруду родительской любви. А мать с отцом глядели на неё ласково, любовно…

— Открой же подарок нашей гостьи, Харуно! — разрешила мать.

Не сразу разрешила, словно воспитывая выдержку. Освободив от бумаги русскую деревянную игрушку, девочка замерла. Миндалины её глаз до краёв наполнились удивлением, восторгом.

— Ой! Я никогда не видела такого!

Харуно даже зажмурилась от счастья, прижала к груди вырезанного из липы старичка. Потом отстранила его, разглядывая, поглаживая пальчиком вязанку дров и странную обувь — лапти, бормоча ласково:

— Кавай! Кавай-десне… — миленький!

Мать усадила Харуно за стол, но девочка не столько ела сама, сколько кормила деда. Она перемазала его соевым соусом и потащила в ванную умывать. А пока дед обсыхал, Харуно сделала из бумаги всё, что понадобится ему: стул, стол и даже кровать. Маленькие пальцы быстро и ловко сгибали бумажные листы.

— У нас все ребята так могут! На Танабату мы делали журавликов!

Японскому искусству оригами учили в школе.

Сбегав в свою комнату за карандашами, Харуно принялась рисовать сказку про русского деда. Но в лесу, где он жил, рос бамбук, потому что Харуно не знала, как выглядит липа. И русская изба ей никак не удавалась. Вообще рисование у Харуно получалось хуже, чем оригами. Отец с интересом смотрел на дочкины художества, но не помогал.

— Я тоже в этом не силён. Японский архитектор — не художник, а технолог, — улыбнулся он и объяснил: — Главное, чтобы дом устоял при землетрясении. Потому мы учим студентов правилам строительства… — Он говорил про необычное соединение деревянных брусьев, которое спружинит при толчке и про упругие подушки, на которые ставят большие дома. Она восхищалась, он охлаждал её восторги: — Как это делать — давно известно. Существуют стандарты. Они предусматривают всё, до самых мельчайших деталей. Надо только их заучить. Дом в Японии строит не архитектор, а строительные стандарты.

Слушая часто повторявшееся слово "стандарт" она впервые

начинала осознавать, что же казалось ей таким странным в нарядном городе. Его красота была красотой бумаги и тканей — красотой вывесок с причудливыми переплетениями иероглифов, разноцветьем рекламы… А если всё это снять, дома остались бы неприглядными бетонными коробками, сирыми, как обритая красавица.

Харуно бросила рисование и принялась за то, что умела делать куда лучше — писать иероглифы.

— Вот это — моё имя, — объясняла она. — Его можно написать хираганой, а можно — кянджами…

Сумико посмотрела на часы и коротко, громко позвала. На лестнице, ведущей на второй этаж, показалась девушка.

— Это — моя старшая дочь! — представила мать.

Та, что спускалась по лестнице, ничем не была похожа на Харуно! Ни бесцветным лицом, ни тусклыми глазами с припухшими веками, ни повисшими волосами, ни вялым плоским тельцем под бесформенной серой кофтой. Девушка спускалась молча, глядя под ноги, опустив по-старчески уголки губ.

— Она много занимается в последнее время — готовится к экзаменам в университет. Не выходит из дома, спит по четыре часа. А сегодня вообще не спала. Подружка пришла, они занимались вместе.

В голосе матери не было ни капли сочувствия. И отец смотрел безжалостно:

— Молодые должны усердно трудиться!

Девушка села к столу, поела вяло, словно не ощущая вкуса еды. Медленно подняла голову при вопросе гостьи:

— Трудно сдавать экзамены?

Ответила тускло:

— Я привыкла.

— Да, привыкла, — подтвердила мать. — Наши дети всё время сдают экзамены. После начальной школы перед поступлением в школу второй ступени, мы называем её юниорской. После юниорской школы надо опять держать экзамены, чтобы поступить в школу высшей ступени — одиннадцатый и двенадцатый класс. Потом — экзамены в университет…

— Что ты любишь больше всего, какой предмет?

Это был самый простой вопрос, но девушка растерялась, беспомощно посмотрела на мать. Родители переглянулись.

— Она хорошо сдаёт все экзамены, потому что хорошо готовится, — сказала Сумико, выручая дочь. — А специальность мы ещё не выбрали. Наверное, английский язык и литература. Мы хотим, чтобы она поступила в государственный университет. Но

там такой конкурс! Если не поступит, придётся идти в частный. А это дорого!

Интересно, что же такое дорого для них, обитателей большого дома?

— В долларах? — переспросила Сумико. — Учёба в частном университете обойдётся в десять — двенадцать тысяч в год. Почти вдвое дороже, чем в государственном. Частные университеты престижнее? Так было раньше. Теперь больше доверяют государственным. Теперь даже дети богатых стремятся поступить туда. Потому конкурс стал таким большим, а экзамены трудными. Многие родители вынуждены нанимать репетиторов, это дорого. В этом году я потратила на учителей для старшей дочери больше полумиллиона йен! Теперь дорогое образование! Потому японцы заводят всё меньше детей.

Неужели через несколько лет, пройдя через длинную череду экзаменов, Харуно станет такой же, как её старшая сестра? Она задержала пробегавшую мимо девочку, поцеловала. Харуно смутилась. В Японии не целуются.

Старшая сестра молча сидела за столом, глядя неподвижно.

— Обычно она, как и Харуно, помогает мне на кухне. Но когда дети готовятся к экзаменам, у меня прибавляется работы, — говорила Сумико. — Нет, я не помогаю им в занятиях, хотя многие женщины сейчас так делают. Мы называем их "мамы — репетиторы". У нас теперь так много надо дать ребенку! Соревнование слишком велико! Но я им не помогаю, только обслуживаю.

Негромкий приказ матери отправил старшую дочь наверх — заниматься, а Харуно — к синтезатору. В комнате зазвучал Бах. Электронный. Потом пришёл черёд Вивальди, Харуно переключила кнопку в положение "клавесин". Сумико устало опустилась на стул. Крепкое тело, сильные руки, высокий, умный лоб в бисеринках пота — в этом большом доме, похожем на корабль, она была капитаном. Её коротким приказам мгновенно повиновались не только Харуно и её сестра, но и муж. Нарушая японские традиции, он сам подливал гостье сакэ, давая жене отдохнуть. Ужин кончался.

— Не стоит меня благодарить! — говорила, прощаясь, Сумико.

— Я старалась отплатить за Ваше гостеприимство! Вы так хорошо принимали нас с дочкой, учили готовить пирожки…

Сумико, не смущаясь, сознавалась, что отдаёт долг благодарности. И её муж согласно кивал. А маленькая Харуно, ещё не выучившая как следует японские обычаи, повисла на шее гостьи безо всякого долга, от души. А потом долго махала рукой

и кричала "Сайонара-а-а-а!" — "До свидания!", и её голос, как колокольчик, звенел над пустынной вечерней улицей. А рядом с ней на крыльце стояли, улыбаясь, верноподданный отец и мать с именем, полным света, счастья и детей.

— Какой славный у Сумико дом! — рассказывала она вечером по телефону Намико. — И муж симпатичный, и дочки…

— Я никогда не была у них, — смутилась Намико. — А мужа и старшую дочь не видела. Да и младшую встречала только у Вас.

А ведь Намико говорила о матери Харуно: моя лучшая подруга.

— Намико сказала, Вы были вчера в гостях, — встретил её в понедельник в университете Хидэо.

— Да, — призналась она. — Я была у профессора архитектуры.

При слове "профессор" Хидэо одобрительно кивнул.

— У него такая милая жена Сумико и прелестная дочь Харуно.

— Не знаю, не слыхал, — рассеянно сказал Хидэо. — Архитектура — не моя область!

Глава IX. Почётный гость японского правительства

Качается, качается
На листе банана
Лягушонок маленький.
Кикаку

Условия контракта (Принцесса номер два)

По дороге не ссорьтесь,
Помогайте друг другу как братья,
Перелётные птицы!
Исса

— Приходите в Шимин-центр хотя бы на урок каллиграфии! — уговаривала Намико, — мы будем учиться писать иероглифы кистью, тушью, это так красиво!

Невозможно было отказать Намико, такой заботливой, такой славной. В вестибюле Шимин-центра рядом с Намико стояла маленькая женщина с огромной гривой чёрных вьющихся волос.

— Это моя ученица, Ве`роника! — представила женщину Намико.

— Вы русская! — всплеснула руками Вероника.

И радостно обняла её, поцеловала, соблюдая всё-таки осторожность — она ждала ребенка. Достав из кармана широкого платья листок, Вероника нарисовала план.

— Здесь наш дом. Смотрите, совсем рядом с Вашим! Приходите в гости. Сегодня же. Мой муж родом из Югославии. Он будет очень рад Вам! Очень!

Он и правда обрадовался. Радостно хлопнул себя в грудь.

— Я — Никола! Почти что русский Николай! — И засмеялся, подхватив на руки лёгонькую девочку лет четырех. — Это Элизабет! Моя принцесса номер один! А скоро у нас будет принцесса номер два! — И он погладил жену по животу.

Никола был серб по отцу, хорват по матери, и когда эти два народа принялись воевать, он уехал из Югославии. Потому что не знал, на чью сторону стать. Да и не хотел становиться ни на чью сторону.

— Я — человек мирный. На уроках военного дела всегда в молоко стрелял, — ворчал Никола. Он ненавидел войну. И хотел завести пять дочерей, пять принцесс. Такая у него была мечта. — Представляешь картинку: я — старик, а вокруг меня пять юных красавиц! — И он ласково обнял жену, воплощавшую в жизнь его мечту.

Когда в Югославии началась война, доктор химии Никола нашёл себе работу в Америке. Там он и встретил мексиканку Веронику. Окончив университет в Мехико, она, специалист по туристическому бизнесу, приехала на стажировку в Нью-Йорк.

— Погляди, какая красавица! — Никола взял жену за плечи, развернул лицом к свету. — Даже теперь, с бэби! А когда я впервые увидел её в Америке, так сразу и пропал. У меня в то время ничего не было — ни дома, ни денег, но я не смог устоять, женился! Погляди! Правда, как Голливуд?

На большой свадебной фотографии, украшавшей прихожую, молодые и впрямь были красивее кинозвёзд. После Америки они перебрались в Германию, потом в Японию… В Японию переезжали уже втроём, с Элизабет. И с контейнером мебели.

— Всё это мы привезли из Германии! — Никола показывал гостье бархатные диваны, зеркальные шкафы… — Перевозка контейнером стоила шесть тысяч долларов. Платили японцы. Таковы условия контракта. Мы тут хорошо живём. А почему мы должны жить плохо? В Югославии я привык жить хорошо. До войны мы очень хорошо жили.

Никола потащил её на балкон.

— Сюда посмотри, сюда! Да не на море! — Половину балкона занимала параболическая антенна. — Я люблю смотреть Си-Эн-Эн… В Америке привык. — А что, тут море недалеко? — Он посмотрел вдаль с интересом. — Не замечал. Мы ни разу туда не выбрались, некогда. Хотя мы тут уже второй год. Всё по магазинам ходим. Я в Америке так привык — шопинг, шопинг…

— Мы с ним все выходные ходим по магазинам, он всё, что видит, купить хочет. И я такая же, — смеялась Вероника.

Они жили душа в душу. Квартира была забита вещами тесно, не по-японски. Немаленькая квартира — две спальни с татами и третья комната, из которой хозяева выкроили кухню, столовую и гостиную, отгородив их друг от друга мебелью.

— Да разве это — большая квартира? — сокрушался Никола. — Та, что у меня в Загребе осталась, и то больше. Я её теперь сдаю. Конечно, для Японии и эта квартира огромная. Потому и дорогая. Я за аренду тысячу двести долларов в месяц отдаю, вдвое больше, чем ты, хотя разница в общем незначительная — паркет в гостиной, кафель в кухне,

кондиционер, лифт… В Японии за любую малость бешеные деньги дерут, — ворчал Никола. И радовался: — Но платят здесь хорошо. Самое лучшее в Японии — это зарплата!

Японцы платили Николе щедро — около шести тысяч долларов в месяц — он этого не скрывал. Такую высокую зарплату ему обеспечивала специальная лаборатория, созданная японским правительством для изучения моря. Классных специалистов для неё набирали по всему миру.

— Меня пригласило японское правительство! — гордо выпячивал грудь Никола. — Потому что я прошёл хорошую школу в Германии, в Америке… — Там Никола выучился обращаться с прибором новым, модным. — Очень хороший у меня контракт! — шумно хвастался Никола. — И ещё Вероника подрабатывает… — Американский сертификат преподавателя английского языка вызывал у японцев уважение, Вероника преподавала на университетских курсах. И ещё давала частные уроки сыну хозяина дома. — Я тут отлично живу, — похлопывал себя по животу Никола. — Денег куча, и семья со мной. Что ещё человеку надо?

Обхватив мать за шею, Элизабет сказала ей что-то по-испански, подбежав к отцу, залепетала по-сербски. И обратилась по-английски к обоим родителям сразу — только этот язык и был общим у Николы с женой, — а потом стала беседовать со своими куклами по-японски.

— В детском саду научилась, — объяснила мать. — Садик при католической церкви, но говорят там по-японски.

— Пусть учится, — удовлетворённо кивнул Никола. — Японский язык — хорошая гимнастика для ума. В дочке три крови: сербская, хорватская и мексиканская. Родилась она в Германии, а говорит на четырёх языках — настоящая гражданка мира!

Никола гордо улыбнулся, а его жена вздохнула.

— Вот только болеет часто. Может потому, что возим её туда-сюда. В Германии сухо было, тут сыро. Она кашляет. Чуть не каждую неделю ходим с ней к врачу. Хорошо, что по контракту лечение всей семьи бесплатно.

В комнате уютно пахло поспевающим ужином, на татами копошилась с куклами девочка, а Никола говорил, говорил…

— Он скучает без таких разговоров, он у меня болтунишка! — ласково улыбнулась Вероника, доставая из микроволновки еду. — Не знаю, что тут у меня вышло…

Вышло неважно.

— Она не умеет готовить! — радостно сообщил Никола, чмокнув жену в щёку, и сознался, что ужинают они обычно в

ресторанчике здесь же в доме, на первом этаже.

Никола достал из шкафа банку с сакэ, настоянном на горьких японских сливах. Из всех местных напитков он предпочитал именно её.

— Итадакима-а-а-с! — усаживаясь за стол, пропела Элизабет.

Так приучили её начинать трапезу в детском саду. Японцы переводили это по-разному, от "Начнём, пожалуй!" до "Возблагодарим Бога, пославшего нам пищу!" Всё общество с аппетитом принялось уплетать невкусное жёсткое мясо. Уходила она из этого дома неохотно. Все трое вышли её провожать.

— Отвезём тебя на машине! — заявила Вероника, не слушая увещеваний — до её дома было десять минут ходьбы.

В подземном гараже стояла машина Субару, мотоцикл, два велосипеда.

— Я везде устраиваюсь основательно, — солидно говорил Никола. — Мы всё время странствуем! Не на чемоданах же нам жить!

В воскресенье она приготовила борщ и котлеты с макаронами — семейный русский обед — и позвонила Веронике.

— А ты тоже хорошо живёшь, три комнаты! Значит, тебя тут уважают! — Никола удовлетворённо похлопал её по плечу, словно соглашаясь считать своим другом такого преуспевающего человека.

Элизабет привычно уселась на порожек прихожей, содрала ботинки, бросила их как попало, не по-японски, и помчалась по комнатам.

— Не бегай! — строгость у Вероники получалась неважно. — А то к сеньоре люди снизу придут! Помнишь, как наши соседи звонили папе на работу, когда ты шумела?

— Ну и нравы у них! — хмыкнул Никола. — Нет бы зайти к нам, да сказать по- человечески — не шумите! Так стали на работу мне звонить!

Он поставил на стол подарок — бутылку дорогого вина и принялся есть за обе щеки, не переставая всё же говорить. С трудом вклиниваясь в редкие паузы Николиной речи, она жаловалась, как трудно ей работается здесь.

— Тебя так волнует работа, — задумчиво протянул Никола. — А для меня Япония — просто ступенька к благосостоянию моей семьи, не больше. Проблем я здесь не имею, может, потому, что с мозгами у меня негусто. Я просто делаю то, что велит шеф. Хотя иногда он несёт такую чушь! Но я с ним не спорю. Зачем наживать врагов? Я дам ему умереть с его заблуждениями — это будет моя месть! — Никола засмеялся. И снова стал серьёзным. — А ты — настоящий учёный! А настоящий

учёный должен страдать!

И он похлопал её по плечу, словно обещая не оставить один на один с неизбежным страданием.

Через пару месяцев ранним субботним утром её разбудил телефонный звонок.

— Дочь! У меня родилась ещё одна дочь! Принцесса номер два! — громыхал в трубке счастливый голос Николы. — Хочешь увидеть? Я заеду за тобой.

Она быстро оделась и вышла на улицу — ей срочно нужен был подарок для принцессы! Среди магазинов, закрытых в столь ранний час, выгружала из маленького фургончика свежий товар зеленщица. И хотя лавчонка начинала торговать с девяти, женщина с готовностью прервала свою работу, чтобы продать неожиданной покупательнице четыре крупных персика. А, услыхав слово "подарок", надела на каждый персик пухлую пластмассовую сеточку, уложила фрукты в коробку, повязала пышный бант — достойная упаковка для подарка имелась даже в овощном ларьке.

Никола вошёл злой, волоча за руку растрёпанную, зарёванную Элизабет. Платье на ней было надето задом наперёд.

— Замучила она меня! Всё я делаю не так! Не так, как мама, одеваю её, не так кормлю! Даже одеялом укрываю не так!

Она умыла девочку, переодела, накормила кашей. В машине Элизабет забралась к ней на колени и уснула, обвив ручонками. В трёх шагах от частной клиники, где рожала Вероника, нашёлся цветочный магазин. Должно быть, недостатка в клиентах у него не было. Никола купил большой букет, вручил дочке.

— Пусть привыкает дарить маме цветы…

Сама клиника оказалась крошечным двухэтажным домиком. Они вошли в незапертую дверь, переобулись в клеёнчатые тапочки, толпившиеся в безлюдной прихожей, поднялись на второй этаж, прошли по узкому коридорчику… И никто не встретил их, не остановил. Только юная, беленькая от чепчика до туфелек сестричка поклонилась, улыбнулась и посторонилась, уступая им дорогу. Толпа посетителей с букетами в родильном доме — такое невозможно представить себе в России! А здесь стерильность, кажется, никого не волновала. Но малышей от инфекций родственников и цветов всё-таки защищали — они располагались в застеклённой детской, куда не входил никто, кроме медиков и мам. Посетители могли любоваться новорожденными только через стекло, устроившись на диване в холле, пока мамы их кормили.

Ребятишкам кроме памперса полагалась ещё казённая рубашка с коротким рукавом — такая в родильном доме была

униформа. Сморщенные красные ручки и ножки дёргались на воле, пугая непривычной для русского глаза обнажённостью.

— Закаливают, — пожал плечами Никола. — У японцев так принято.

Покормив дочку, Вероника уложила её на стол, служивший младенцам общей кроватью. Их было всего семеро, на большее здесь не рассчитывали.

— Потому Вероника и выбрала частную клинику — тут меньше пациенток и больше внимания к ним, — рассказывал Никола. — Со своим врачом она познакомилась несколько месяцев назад, он наблюдал за ней, а потом принимал роды. И ещё месяц станет осматривать её и дочку. Быть пациентом в частной клинике лучше, хотя и дороже — за неделю, которую Вероника проведёт здесь, мы уплатим четыре тысячи долларов, три четверти этой суммы — за роды. Конечно, это дорого, — сокрушался Никола. И улыбался. — Но ведь плачу не я! — Медицинская страховка, положенная по контракту, покрывала и роды. Не всякая страховка включала такое событие, но у Николы, сотрудника специальной лаборатории, был хороший контракт.

Из родильного отделения рядом с детской вышла медсестра с новорожденным на руках. Улыбаясь шире обычного, она склонилась к мальчику лет пяти, что возился с игрушками на ковре, показала братца. Молодой отец и пожилая женщина, оторвавшись от телевизора, терпеливо ожидали своей очереди, чтобы познакомиться с новым членом семьи.

— Мне тоже первой показали вчера сестру! — щебетала Элизабет.

— Мы с ней сидели тут весь вечер, — кивнул Никола. — Пока Вероника рожала, смотрели мультфильмы по телевизору, только поесть выходили. Тут ресторанчик неподалёку.

Из детской вышла бледная, счастливая Вероника.

— Какая ты красавица! — поцеловал жену Никола. — Ну кто поверит, что только вчера родила?

В палате, совершенно такой же, как в новых московских больницах, из четырёх кроватей были заняты только две.

— Хорошо, что мы решили не платить за двухместную, — рассудительно сказал Никола. И рассмеялся. — Я экономлю японские деньги!

Вероника пошла проводить гостей. В открытую дверь была видна большая комната с татами на полу, с полками вдоль стен. На полках тесным строем сидели куклы.

— Здесь нас учат ухаживать за детьми, — объяснила Вероника. — И рожать.

Эту часть работы брали на себя стоявшие между куклами

телевизоры, магнитофоны, видео — целые горы аппаратуры, как везде, где чему-нибудь учат японцев. На стене висел экран, по комнате ходила взад-вперёд молодая женщина с большим животом. Не обращая внимания на глазевших, женщина вдруг опустилась коленями на татами, стиснула побелевшими пальцами стул…

— Схватки, — сочувственно произнесла Вероника. — Я тоже тут вчера гуляла. — И вдруг сказала с возмущением: — Когда я пришла в клинику, меня хотели заставить подписать бумагу, что во время родов я не буду кричать. Обязательство такое. Конечно, я отказалась! И кричала, как хотела. А японки подписывают. И молчат.

В родильном доме стояла мёртвая тишина. Крытая галерея с кафельным полом уходила от задних дверей клиники к новому большому дому, под боком у которого притулилась клиника.

— Госпиталь, — объяснил Никола. — В случае осложнений женщину могут отвезти в операционную, а не будь этого, никто бы сюда, наверное, и не пошел.

Через неделю в воскресное утро в её дверь позвонили. Никола с малышкой, пристёгнутой на груди, предложил:

— Поехали с нами в город за покупками!

— Тебе не рано по магазинам ходить? — спросила она Веронику, усаживаясь в машину. — И семидневной дочке лучше побыть дома.

Но счастливая мама улыбнулась.

— Я соскучилась по шопингу!

В супермаркете Элизабет привычно забралась в тележку.

— Везите меня! Я люблю гулять!

Никуда, кроме магазинов, гулять её не водили.

— Вся Америка так живёт! — пожал плечами Никола. — А куда ещё идти? Вот если бы мы жили в Токио, можно было бы сходить в Диснейлэнд.

Ещё через месяц они зашли попрощаться.

— Улетаем в Саппоро, на Хоккайдо! Выиграли поездку в лотерее в книжном магазине Марузен.

Малышку везли с собой.

— А какие проблемы? — удивлялась Вероника. — Мамина грудь и памперсы всегда с ней. Что ещё нужно?

Почётный гость японского правительства (Пять строк)

Словно копоть сметает,
Криптомерий вершины треплет
Налетевшая буря.
Басё

— *И* почему Вы так хотите, чтобы приехал муж?

Вопрос Хидэо звучал неожиданно, странно. Почему жена хочет увидеть своего мужа после долгой разлуки? Разве это надо объяснять?

— Хорошо, я подумаю, что можно сделать.

Хидэо говорил так, словно ему предстояло совершить нечто немыслимо героическое, хотя приглашение родственников было процедурой обычной, рутинной. От Хидэо требовалось только одно — написать приглашение, пять строк. Этот разговор случился в начале апреля.

— Я напишу приглашение, это нетрудно, — сказал Хидэо через месяц. — Но сейчас я занят.

Кончался май.

— Давайте надеяться, что Ваш муж сможет приехать, — отбил Хидэо её следующий натиск, странно улыбаясь.

Ей не понравились ни его улыбка, ни эта формулировка — "давайте надеяться…" Она совсем растерялась, отказываясь осознать очевидное — Хидэо, который был в их доме в Москве и называл мужа лучшим другом, почему-то его приезда в Японию не хотел.

— Нет, нет, что Вы! — смутился Хидэо. — Я вовсе не против визита Вашего мужа! Мы же друзья!

Но даже если бы мужа не связывали с сэнсэем никакие экстра отношения вроде дружбы, он обязан был написать приглашение для члена семьи иностранного сотрудника — таковы правила.

В июне она вошла в кабинет Хидэо особенно решительно.

— Объясните мне, наконец, почему я не могу пригласить мужа? -

— Можете, конечно, можете! — замахал руками Хидэо. — Вы — стипендиат государственного научного фонда! А значит, почётный гость японского правительства! Просто сейчас мне некогда этим заниматься.

Приняв свой новый титул "почётного гостя" как издевательство, она, из последних сил сохраняя вежливость, предположила, что приглашение в пять строк не отнимет много времени. В ответ ей пришлось выслушать наставление о том, что её суждения легкомысленны и что сэнсэй ни единой строки не пишет просто так, с панталыку, а только после тщательного и всестороннего анализа. На который в данный момент у него

просто нет времени.

— Успокойтесь! — улыбнулся Хидэо. — Я просто стараюсь сделать всё наилучшим образом. Я даже запланировал проведение опытов, в которых может принять участие Ваш муж. В этом случае я смогу ему заплатить. Немного.

Прошла ещё неделя, не изменив ничего. А это означало, что если Хидэо протянет ещё немного, а японское посольство, как обычно, провозится с визой два месяца, то муж не сможет приехать вообще — осенью его не отпустят из Москвы служебные дела. Она рассказала это Хидэо чистосердечно, как другу. Он задумался. И отложил следующую беседу на две недели. Она заподозрила его в коварстве и заметалась, пытаясь найти другие пути, в обход сэнсэя. Может, попросить частное приглашение у Зухры — гражданки Японии? Или у Шимады?

— Вы — гость сэнсэя Кобаяси, — строго прервал её Шимада. — Приглашение должно исходить от него. Не пишет? Наверное, ему некогда. — Шимада завершил свою речь, как Кобаяси: — О, конечно, Вы имеете право пригласить членов своей семьи, ведь Вы — почётный гость японского правительства.

Японцы, словно сговорившись, издевались над ней! Бросив работу, она брела по городу, выбирая безлюдные улочки, чтобы никто не видел её слёз. Немолодая, скромно одетая японка подошла к ней, заговорила ласково.

— Отстаньте! — сурово ответила она по-русски.

Женщина отпрянула так, словно поняла, и пошла прочь, оборачиваясь встревожено. Обидевшись на женщину, на Кобаяси, на Шимаду, на всю Японию, шла она по тоскливым улицам, под тусклыми фонарями…

Мужской голос позвал её по имени, а детский крикнул:

— Сеньора!

Она не заметила, как подошла к Николиному дому. Элизабет повисла у неё на шее, а Никола посмотрел внимательно.

— Что случилось?

Пока она рассказывала про приглашение, всегда призывавший к миру с сэнсэями Никола закипал:

— Что он себе позволяет, этот твой шеф?! Не пускать мужа к жене!

Обняв её одной рукой за плечи, другой он вытащил из машины Элизабет, взял её под мышку. Дверь открыла Вероника. Глянула на гостью, ахнула, сунула ей в руки маленькую Изабеллу, побежала накрывать на стол. Никола нарезал толстыми ломтями всё, что нашёл в холодильнике: сыр, овощи, ветчину — вывалил кучу на разделочную доску…

— Мой отец всегда так ел. Он был мясником и тонко не

резал.

Никола достал из шкафа настойку из горьких японских слив. Изабелла тюкнулась в её щёку пахнущей молоком тёплой мордашкой, Элизабет притулилась рядышком. Она улыбнулась, чтобы не разреветься…

— Подумаем, как обойтись без твоего сэнсэя, — солидно говорил Никола на прощание.

А Вероника приглашала заходить, когда захочется. Хоть каждый день. Никола пошёл её проводить, прихватив с собой Элизабет.

— Брось расстраиваться! — шумел он, наплевав на боязливую тишину улицы. — Посмотри! Вот стоим мы с тобой на каком-то острове, на краю земли, а вокруг нас океан. А мы тут живём. И неплохо живём. А почему? Да потому что мы с тобой — не так себе ребята! Мы работаем — дай Бог! И потому японцы приглашают нас и платят нам как почётным гостям. Они нуждаются в нас! И мы сумеем с ними справиться. И мужика твоего привезём, не сомневайся!

Прижав к себе Элизабет, она слушала Николу и смотрела на холодные японские звёзды.

Следующим вечером в дверь её квартиры позвонили. На галерее стоял Никола в мотоциклетном шлеме.

— Я нашёл, как тебе помочь! — он протянул какие-то бумаги. — Это — полный комплект документов, всё, что нужно для визы. Заполни эти бланки и ты сможешь пригласить мужа без своего профессора. Я их у одного китайца выпросил. Китайцы, они всё знают. Но не говорят, скрывают. Я нашёл молоденького новичка, и он дал мне скопировать документы. И перевёл. Тут всё по-японски. Я кое-где карандашиком на полях по-английски пометил, что где вписывать. Остальное так запомнил. — Он прошёл в комнату, не разуваясь, не снимая шлема. — Бери ручку! Пиши, пока я не забыл. — И взял со стола печенье. — Умираю с голода, я к тебе прямо с работы заехал. — Закончив диктовать, Никола встал, похлопал её по плечу. — Не горюй! Мы ещё разопьём с твоим мужиком бутылочку сакэ.

Наутро, придя в университет, она закрылась в своём кабинете. Разбирая Николины бумаги, увидела в конце бланка графу — подпись шефа. В отчаянии она написала письмо в Токио, в фонд, который платил ей зарплату. Совсем простенькое письмо: пришлите приглашение для мужа, коль я, ваш стипендиат — почётный гость японского правительства. Через неделю пришёл ответ: обращайтесь к своему сэнсэю! Круг замкнулся. Ей ничего не оставалось, как сражаться с Хидэо. Она вошла в его кабинет с ответом из Токио в руках.

— Вы… Вы писали в Токио, в министерство?!

Хидэо покраснел и сжался, словно получил удар по голове. И долго молчал. А когда вновь обрёл дар речи, принялся бушевать, как тайфун.

— Скажите спасибо, что Вы сами удостоились чести приехать сюда! — зло выкрикивал он.

Она никогда не видела Хидэо таким. Не знала, что он может быть таким. И не думала, что скажет ему:

— Я готова отказаться от чести жить в Японии. И уехать.

Хидэо остановился на полуслове. Помолчал. И стал формулировать свои претензии спокойнее. Кратко их смысл сводился к следующему: она совершила самое страшное, что можно совершить в Японии, вынесла сор из избы. Дала понять вышестоящему начальству, что у них с сэнсэем не всё гладко, раз она обращается наверх через его голову. Этим она поставила под удар репутацию сэнсэя, а страшнее этого и придумать ничего нельзя. Слегка остыв, Хидэо попросил у неё копию отправленного в Токио письма. И долго вчитывался в коротенький безобидный текст, словно ища подвох. И сообщил, выгоняя её из кабинета:

— Я должен связаться с Токио!

Через пару часов он снова позвал её, объяснив:

— Я попросил из Токио копию Вашего письма, они прислали её факсом, я убедился, что эта копия совпадает с тем, что Вы мне дали.

Он без стеснения сознавался в том, что абсолютно не доверяет ей. И всё-таки письмо в Токио, перепугав Хидэо, помогло! На следующее утро он сказал хмуро:

— Хорошо! Пишите план работы мужа. — Едва глянув на давно заготовленную бумагу, брезгливо отбросил её в сторону. — Неважно, что он будет делать! Важно, кто будет за это платить!

Значит, деньги не давали Хидэо написать эти несчастные пять строк? Неосторожно брошенное им обещание заплатить мужу за работу?

— Муж не нуждается в деньгах! Моей зарплаты вполне хватит на двоих!

— Только не вздумайте сообщить об этом в Токио! — язвительно заметил Хидэо. — Если эти Ваши неосмотрительные слова станут известны в министерстве, Вам сократят зарплату! — Поворот был настолько неожиданный, что она даже улыбнулась. Очень уж странная была логика! — Что тут странного? — возмущённо воскликнул Хидэо. — Японское правительство рассчитало размер вашей стипендии, исходя из потребностей Вашей работы. А Ваше намерение содержать мужа означает, что Вам платят слишком много денег…

Значит, ей полагалось ровно столько денег, чтобы поддерживать себя в состоянии, необходимом для выполнения научной работы. Вроде как машине на горючее и смазку, чтобы крутились колёсики. И ни капли сверх того. А муж был чем-то лишним. Для выполнения научной работы не обязательным.

— Я всегда подозревал, что Вы не тратите все деньги, что Вам здесь платят, — Хидэо смотрел на неё так, словно подозревал в краже. — А ведь Вы получаете зарплату для жизни в Японии, а не для накопления…

Он словно ждал, что после этой обиды она уйдёт. Но она не уходила. При слове "приглашение" Хидэо нервно вздрогнул, посмотрел на неё с опаской, и, сдаваясь, смиряясь со своей участью, погасшим голосом велел ждать. Поздно вечером он вышел из своего кабинета с бумагой в руках. Она так устала, что даже не обрадовалась. Она просто взяла листок, вложила его в конверт и отправила в Москву.

Оказалось, приглашение — ещё не конец. Приглашение — только начало. На следующий день Хидэо отправил её в библиотеку скопировать работы мужа. Все. Пачка получилась толстая. И это ещё были цветочки. Ягодкой оказалась бумага, описывающая, что будет делать приглашённый в течение двух месяцев, которые он собирался провести в Японии, день за днём. Полагалось указать даже адреса мест предполагаемых занятий и телефоны. Мужа хотели иметь на виду всё время, каждую минуту. Она сорок пять раз нажала на компьютере кнопку копирования, повторив слова "работа в университете" на все будни. Потом пятнадцать раз написала против выходных дней "отдых дома". Хидэо отверг её труды с негодованием.

— Это ложь! Я не могу посылать это в министерство!

Она попыталась обороняться вежливо:

— Предсказать точнее занятия человека на два месяца вперёд вряд ли возможно.

Но Хидэо продолжал браниться:

— Вы вообще всегда относитесь к работе возмутительно небрежно!

Обидевшись уже всерьёз, она назвала бумагу унизительной. Очки Хидэо поползли вниз по вспотевшему носу и, должно быть, свалились бы, не удержи он их указательным пальцем.

— Что тут унизительного? Я пишу точно такой же план, когда уезжаю за рубеж! — Он достал из папки листок. — Вот, посмотрите!

Это был подробный график его перемещений по иностранной державе: адреса университетов и гостиниц, фамилии принимающих, телефоны, даты… Даже часы прибытия и убытия

самолётов и поездов были указаны.

— Помните, я и Вам давал копию этого плана, когда уезжал в Англию?

Действительно, давал. Ей и Шимаде — наиболее важным людям в лаборатории. Для менее уважаемой публики он пришпилил один общий экземпляр к лабораторной доске.

— Что тут унизительного? Это делается для того, чтобы человека в любой момент можно было найти. Таков порядок! — голос Хидэо дрожал.

Он привык жить под колпаком. И не понимал, как это может кого-то оскорблять. Она извинилась и заверила сэнсэя, что составит график правильно. Если, конечно, он объяснит ей, как это делать. — Вы не сможете! — вздохнул Хидэо скорбно. — Мне придётся делать это самому.

И он заперся в своём кабинете и только через четыре часа вынес плоды своих трудов — в его бумаге не повторялась дважды ни одна строка.

Вместо сорока пяти повторов "работа в университете" была подробно описана какая-то деятельность, почерпнутая из плана работы мужа. А вместо "отдыха дома" упомянуты посещения каких-то храмов и музеев с указанием телефонов и адресов. Должно быть, Хидэо долго листал справочники. Бумага была насквозь лживой. Гораздо более лживой, чем та, что была изготовлена ею с помощью кнопки "копия". И токийский чиновник, захоти он изловить её мужа, никогда не смог бы его найти, но делать это, он, скорее всего, не собирался, и Хидэо прекрасно это понимал. И писал свою бумагу вовсе не для этого, а для демонстрации своего согласия с принятыми правилами, надо полагать. Ей стало жаль бедного сэнсэя, сочинявшего эту липу полдня. Он был так измучен, что не нашёл даже сил на обычные нравоучения. Он только сказал жалобно:

— Я трачу на Вас столько времени…

И уже совсем ослабевшим голосом велел размножить всё в пяти экземплярах. Она хотела было возразить, что силы он тратит не на неё, а на японские порядки, но промолчала. И покорно изготовила положенные копии, в два приёма дотащила их из копировальной — за один раз не получилось: пять раз повторенные статьи, план работы и этот несчастный график о восьми листах тянули на килограммы.

Может, потому Хидэо и не хотел приглашать мужа, что знал, чем обернутся для него пять строк приглашения? Она почувствовала угрызения совести. Так кончались почти все их размолвки — она обвиняла себя в незнании японских обычаев, искала объяснения странным поступкам японцев… Терзаясь, она

думала, что здешние муки разнообразны, то становишься жертвой, то палачом. И неизвестно, что хуже.

Без любви…

Больной опустился гусь
На поле холодной ночью.
Сон одинокий в пути.
Басё

Любовь — болезнь, а брак — лекарство от неё.
Конфуций

— Таковы уж мы, японцы, мы всё делаем в последний момент! — смущённо говорил Шимада.

Он призывал её не сердиться на сэнсэя Кобаяси.

— Вы не понимаете! В том, что я не писал приглашение так долго, был глубокий смысл, — загадочно улыбался Хидэо. Но смысла не объяснял.

— А я знаю, почему сэнсэй не хотел приглашать твоего мужа! — хохотал Никола. — Он боится, что вы устроите медовый месяц на татами и забросите работу ради любви!

— Вряд ли сэнсэй думал о любви, — сомневалась Анна. — Скорее, об экономии. Гость — это лишние расходы. И лишние хлопоты. И потом, любой японский босс не любит слишком много личного в жизни подчинённых — это мешает работе. А о любви в Японии не думают вообще…

А она думала. Ждала встречи. Был прелестный летний вечер. Тихий, ласковый. Она позвонила Николе, Анне… Служебный телефон для личных надобностей здесь использовала, кажется, только одна она. Она старалась делать это очень редко, разве что в такой вечер, как этот. Когда невозможно работать. А сэнсэи никогда не звонили домой, чтобы сказать:

— Не волнуйся, дорогая, я задержусь!

И жёны мужьям не звонили, чтобы спросить:

— Что приготовить тебе на ужин, дорогой?

Домашнее, семейное, на службу не пускали. Только иногда забегала на минутку Намико — помочь иностранной сотруднице мужа, или приезжала жена Кумэды — привезти мужу обед. Женщина за рулём — редкость в Японии, но Кумэда доверял свой новенький Ниссан жене, добираясь на службу автобусом. Он

баловал жену, позволял ей поспать подольше, не крутиться на кухне спозаранку. А когда она приезжала к нему с обеденной коробочкой, выходил встречать её — улыбающийся, счастливый, низко склонялся к окну машины, любуясь своей красавицей.

— Кумэда любит свою жену, — сказала она Хидэо, наблюдая вместе с ним из окна сцену встречи супругов.

— Любит? — повторил незнакомое слово Хидэо и объяснил ситуацию проще: — Жена Кумэды младше его на пятнадцать лет. — И добавил: — А мы с Намико — ровесники. — Он говорил так, словно это обстоятельство автоматически исключало любовь.

Любовь вообще занимала мало места в здешней жизни. Даже в жизни молодых. Студенты бодро щёлкали клавишами компьютеров, не обращая ни малейшего внимания на прелестный летний вечер, на солнце, опускающееся в мягкую зелень гор, на тёплый ветер, приносящий в раскрытые окна запахи цветов. Она подошла к красавцу Куботе.

— Вы каждый день работаете допоздна. Когда же вы гуляете с девушками?

Привычная шутка, обычная тема… Но Кубота смутился, покраснел, посмотрел на сидевшего неподалёку Шимаду, словно прося помощи. Шимада улыбнулся.

— Нашим студентам некогда бегать на свидания. А невест им родители найдут. Куботе ещё рано об этом думать — он не окончил курс. А вот мать Миуры уже, наверное, хлопочет, ищет невесту.

Высокий, широкоплечий Миура ссутулился, ещё ниже склонился к компьютеру и не прекратил работу, хотя явно прислушивался к тому, что говорил Шимада:

— Миура нашёл работу на фирме в другом городе. Ему придётся снимать там квартиру, вести хозяйство, готовить, стирать… В родительском доме всё это делала для него мать. А теперь надо будет учиться обслуживать себя самому. Или жениться. Лучше, конечно, жениться.

Шимада хмыкнул. И Миура улыбнулся. И даже, кажется, кивнул. Вот так — в России свадьбу торопила любовь, в Японии — надобность стирать, готовить…

— Большая часть браков в Японии до сих пор заключается по сговору родителей, — говорила Анна. Они вместе сбежали с работы пораньше, пошли бродить по городу. Вечер был так хорош, что невозможно было говорить ни о чём другом — только о любви. — Искать невесту — дело матери, — говорила Анна. — Весьма ответственное дело. Невеста должна подходить жениху по возрасту, по образованию, по положению родителей, словом, быть девушкой своего круга. Мать жениха также должна

поинтересоваться здоровьем будущей невестки, узнать, не попадали ли её предки под атомные бомбы в Хиросиме и Нагасаки. Нежелательны и сомнительные люди в роду, вроде баракуминов — скотоводов, скотобоев, пастухов… Они и теперь считаются в Японии нечистыми. Для выяснения родословной невесты матери женихов иногда даже нанимают частных детективов… — Они шли мимо шраина. На доске возле входа висела какая-то бумажка. — Семья такая-то извещает о браке с семьёй такой-то, — перевела объявление Анна. — В брак вступают семьи!

Хидэо и Намико тоже женились по сговору родителей. Только Намико не сразу рассказала об этом. То ли из обычной японской скрытности, то ли из боязни показаться смешной человеку с Запада, где браки заключались иначе. Поначалу Намико говорила, что познакомились они с Хидэо в электричке — вместе ездили на работу. И только потом созналась: их родители были знакомы много лет, жили на одной улице. Вскоре после первой свадьбы семьи сыграли вторую — младшего брата Хидэо женили на сестре Намико. Наверное, родителям жениха так было проще — не ходить далеко за следующей невестой? И жена Шимады была дочерью друга его отца, университетского профессора. Наверное, и мать Миуры найдёт для него подходящую невесту среди соседей, друзей… А он согласится взять её в жены ради готовки и стирки. И жить с ней без любви.

Наутро, зайдя в Шимин-центр, она заметила: дамы шушукаются за её спиной. Самая смелая, самая решительная из них — Мидори подошла к ней, спросила напрямик:

— Говорят, Вы хотите привезти сюда мужа! — И, услыхав "да", изумилась искренне: — Но зачем? Вам хочется лишних хлопот? Ведь Вам придётся его обслуживать!

Дурацкое это словечко "обслуживать" было, кажется, единственным определением здешних семейных отношений. Словно муж приносил в дом только лишнюю стирку…

— Вас что же, ничто не связывает с мужьями кроме стирки? — разозлилась она.

— Нет, почему же? — удивились дамы. — Мы ещё готовим для них еду, покупаем одежду, продукты…

— А любовь? — прерывала она нудное перечисление. — Как же любовь?

Мидори хмыкнула, Сумико грустно улыбнулась, а Соно-сан тихонько, по стеночке отошла. Словно говорили о неприличном. И Намико смутилась, но на правах близкой знакомой сказала робко:

— Мы уже немолоды.

И потупилась. Словно давно смирилась с тем, что в пятьдесят с хвостиком жена может быть для мужа только прислугой.

— Японская семья живёт иначе, чем американская или русская, — тихонько сказала Джейн, отводя её в сторонку. — У нас и у вас муж с женой каждый вечер ложатся в одну постель. А японцы делают это только тогда, когда хотят завести бэби. Мы с вами укладываем детей в отдельную кроватку, а подросших — в отдельную комнату. А японцы кладут футонг ребёнка между папой и мамой, даже когда он уже подросток. Какая тут любовь? Родив сколько нужно детей, японка вообще лишается мужской близости, а мужчина… Он ходит к профессионалкам. Если хочет. Если у него остаются силы после длинного рабочего дня.

Она отказалась от дальнейших объяснений Джейн. Американка могла неверно представлять себе такие подробности японской жизни. Да, если бы и верно, у русских не принято такие подробности обсуждать. Пришедшая вместе с ней в Шимин-центр Леночка без колебаний стала на сторону японок:

— Ваш сэнсэй не хотел приглашать Вашего мужа потому, что заботился о Вас. Хотел сделать, как лучше. Ведь с мужем у Вас появится больше обязанностей по дому, Вы будете уставать, станете хуже работать… — Леночка заранее готова была вычесть из супружеских отношений любовь.

А вот Митико жить без любви не соглашалась.

— Браки по сговору? — девушка презрительно передёрнула плечиками. — Сейчас их становится всё меньше! У нас многое теперь меняется! — Шустрая Митико имела в виду не только себя, но и персону куда более высокого ранга: — Ныне царствующий император женился по любви. Он был первым, кто взял невесту не из императорской семьи, а простую дочь промышленника. Правда, богатого. У неё было много неприятностей из-за её происхождения. И принцессе разрешено будет самой выбрать себе мужа. На этот счёт уже есть официальное решение. — Значит, даже на самом высоком уровне обеспокоились отсутствием любви и допустили её официальное признание. — Правда, принцесса жениха себе до сих пор не нашла. Но ей всего тридцать лет. У нас в Японии не выходят замуж рано. И императорский наследник женился на девушке тридцати лет. К сожалению, у его жены проблемы — она уже несколько раз неудачно пыталась родить ребёнка. А ведь этот ребёнок должен будет продолжить императорскую династию.

До приезда мужа оставалось несколько дней. Коротая последние одинокие вечера, она читала подаренный Леночкой японский роман. Перед отъездом из России Леночка накупила целый чемодан книг о Японии, чтобы изучить как следует

незнакомую страну, где ей предстояло жить. Теперь Леночка приобретала свой собственный опыт — практический, а книги щедро раздавала соотечественникам. Роман был написан в начале века. Женщина бросала любимого и уходила к тому, кто предназначен был ей по сговору. И объясняла своё решение так:

— Я была слишком счастлива! Я слишком его любила!

Япония не терпела того, что слишком. И считала излишеством любовь.

Ты в Японии, дорогой!

Ливень грозовой!
Замертво упавший,
Оживает конь.
Кито

— Муж приезжает? Поздравляем! — кричали Вероника и Никола, отнимая друг у друга телефонную трубку.

— Он приезжает? — Хидэо точным движением выдернул с полки толстую папку — дело, заведённое на мужа, быстро нашёл график его пребывания о восьми листах. — Он приезжает в субботу. — Муж отложил вылет на один день из-за неожиданно возникших важных дел. Эти дела невозможно было предвидеть два месяца назад, когда писался злосчастный график. — Как в воскресенье? — Хидэо подхватил бумагу со стола. — Здесь ясно написано — в субботу!

Он поднёс бумагу к самому её лицу. На слова "важные дела" Хидэо не отреагировал никак, единственное действительно важное дело, которое отныне должно было волновать её мужа, это безукоризненное исполнение графика пребывания в Японии.

— Он обязан прибыть в точном соответствии с планом! — негодовал Хидэо. — Этот документ послан в Токио за моей подписью! И никакие изменения в нём недопустимы! А Ваш муж нарушает план. Он ведёт себя так же, как Вы! — Это значило — плохо. — Я давно заметил, Вы, русские, легкомысленны! Вы не планируете свою жизнь! — Хидэо разволновался и совсем забыл о японской вежливости. — Вы — гости Японии и должны следовать её правилам. А вы не уважаете наши законы!

Но по закону въезд в Японию с опозданием, а не с опережением, тем более всего на один день не возбранялся. Об этом извещала инструкция для иностранцев, изданная

министерством науки. Наученная японской жизнью, она приготовила эту инструкцию заранее, показала сэнсэю соответствующий параграф. Хидэо поспешно с ней согласился. Спрятал в папку график.

— Я встречу вас на вокзале! — Хидэо говорил таким тоном, словно собирался выслать конвой.

Она попробовала отказаться:

— Визит мужа и так доставил Вам много хлопот.

Хидэо настаивал.

— Я несу ответственность за Вашего мужа. Встретить его — мой долг.

Был ли это долг японской вежливости или японской дисциплины — она не поняла.

В воскресенье она проснулась рано, раньше стиральных машин. К шести уже позавтракала и стала раздумывать, как скоротать время, оставшееся до приезда мужа. Пропылесосила абсолютно чистые татами, проверила до отказа набитый холодильник. Переделала ещё какие-то домашние дела, выискивая их, как японка, исполняя с японской тщательностью. Так удалось дотянуть почти до полудня. Кое-как проглотив чашку чая и что-то маленькое, похожее на бутерброд, она надела давно отглаженную блузку, закрыла дверь. Всё! Она вернётся сюда уже не одна! Сердце колотилось где-то в горле. Наверное, оттого, что жара стояла под тридцать. И всё-таки она решила идти в город пешком. Если не торопиться, а по такой жаре быстро и не получится, путь до центра удастся растянуть часа на полтора. На раскалённых улицах не было ни души. Только на автостоянке вышла из машины женщина в очень коротких шортах, не стесняясь своих обнажённых ног, таких непривычных в японском городе. Знакомая женщина — Мидори. Мидори подхватила большой пакет с продуктами, весело приказала, не спрашивая согласия:

— Пошли ко мне! Да вот же мой дом! Рядом!

В большой комнате было темновато от странно нависавшего потолка, от тёмных деревянных колонн — подпорок. А может, от давно не мытых окон.

— Некогда, — махнула рукой Мидори, — Работаю в суде. Да ещё в Шимин-центре… — На полках, на столах — всюду лежали груды книг. Книги мужа, книги Мидори… С фотографии в рамочке смотрели два симпатичных, как Мидори, парня. — Сыновья. В Токио живут. Приезжают редко. — Мидори говорила холодно, спокойно. И не стоило задавать ей привычный русский вопрос, скучает ли она по детям? Мидори настойчиво угощала гостью. — Да Вы пейте чай, пейте! Вот печенье попробуйте,

вкусное!

Она нетерпеливо отодвинула чашку.

— Я тороплюсь на вокзал встречать мужа!

Мидори улыбнулась насмешливо.

— Чего так спешить-то? Успеете ещё наработаться на него!

Провожая её, Мидори сказала:

— Конечно, мы, японки, верим, что наши мужья прекрасны. И работают хорошо, но… — Она замялась, словно решая, говорить — не говорить? И выпалила весело, зло: — Но мы любим, когда их нет дома! — И добавила жёстко: — Я вот очень довольна, что мой муж теперь в командировке! Я свободна! Могу в город съездить, с Вами чайку попить. А то пришлось бы обслуживать его.

Мидори стояла на крыльце, махая на прощанье рукой. И улыбалась. Но смотрела странно — то ли насмехаясь, то ли завидуя…

Шинканзены из Токио прибывали часто, каждые пятнадцать минут. И каждый она выходила встречать. Хотя могла бы спасаться от жары в павильоне с кондиционером, устроенном на платформе. Могла бы отдыхать на мягких диванчиках, пить холодненькое из автомата и наблюдать за прибывающим поездом через стеклянную стенку. Но она выбегала навстречу каждому поезду, в жару. Наконец на самом краю платформы из последнего вагона вышел кто-то очень похожий… И она побежала туда, не замечая горячего, липкого воздуха. Муж показался ей непривычно высоким, широкоплечим, белолицым. На привокзальной площади их ждали супруги Кобаяси.

— Вы такая красивая сегодня! — улыбаясь, шепнул ей Хидэо.

А Намико покраснела и тихонечко ойкнула, когда русский мужчина крепко обнял её и поцеловал. В машине Намико сразу задремала.

— Не спи! — толкнул её в бок Хидэо.

Намико вздрогнула, жалобно улыбнулась, просыпаясь, и тут же уснула опять.

— Бедная Намико стареет, — сказал Хидэо. — Как и я, впрочем.

— Мы же ровесники! — засмеялся муж, — Какая старость? Не высыпается она, наверное, устаёт…

— Женщины не работают так, как мы, мужчины, — раздражённо возразил Хидэо. — Они целыми днями сидят дома и могут отдыхать, сколько хотят. Потому они и живут дольше нас. А мы их кормим.

Муж удивлённо выслушал Хидэо, устроил её голову на своём плече:

— И ты поспи, вид у тебя усталый.

Муж пригласил супругов Кобаяси поужинать вместе:

— Первый вечер в Японии я хотел бы провести вместе с вами, моими лучшими японскими друзьями!

Намико понравилось Советское Шампанское и русский шоколад. А Хидэо с удовольствием пил русскую водку, приговаривая, что сорок градусов — слишком крепко для японца. Вот пятнадцатиградусное сакэ — в самый раз. К тому же оно обладает чудесными свойствами: если пить подогретое сакэ, сидя в горячей офуре, можно увидеть духи предков.

— Если выпить побольше водки, тоже увидишь духов! — засмеялся муж.

Хидэо обиделся, насупился, замолчал.

— Поосторожнее тут с шутками! — предупредила она мужа. — Здесь не в почёте юмор. Ты в Японии, дорогой!

После ужина Хидэо вызвал такси.

— Выпив даже глоток спиртного, я не сажусь за руль! У нас в Японии с этим строго! Да и в аварию можно попасть, повредить машину. Хотя моя машина застрахована дважды, для надёжности. Суммы, выплачиваемой одной компанией, может не хватить. Я всегда поступаю осмотрительно! За последние двадцать пять лет я ни разу не нарушил правила!

Хидэо достал из кармана полученные за такие заслуги специальные золотые права. И укоризненно посмотрел на мужа, уже успевшего вступить с японскими правилами в конфликт. Но сказать ничего не решился, промолчал. Хозяева вышли на улицу проводить гостей. Любуясь маленькими домиками, муж прошёл несколько шагов вдоль улицы и исчез в темноте.

— Где он? — забеспокоился Хидэо.

А она засмеялась.

— Поздравьте меня! У меня пропал муж!

Хидэо посмотрел на неё изумлённо.

— Поздравить? Почему?

— Но ведь я теперь свободная женщина! — резвилась она.

Хидэо молчал, словно что-то обдумывая. Наконец, не выдержал, спросил опять:

— Я всё-таки не понял, почему Вы обрадовались, что Ваш муж потерялся? Почему хотите, чтобы Вас поздравили?

И недоверчиво пожал плечами, услыхав:

— Это шутка!

И почему-то заговорил о вреде разводов. Явившийся из темноты муж слушал Хидэо, ничего не понимая. А она смеялась.

— Я же говорила, что здесь шутить опасно! Ты в Японии, дорогой!

Утром она заваривала зелёный чай, а муж ворчал, что от этого напитка воняет рыбой и что кофе гораздо лучше. А потом выбрасывал из риса нори и посыпал его сахаром. Досталось и маслу из одуванчиков, в основном за цену. А она утешала его:

— Ты просто должен привыкнуть к Японии, дорогой!

В университете Хидэо задавал мужу странные вопросы: о тонкостях технологии, над которой он работал, об атомной технике, с которой он общался. Муж говорил что-то незначительное, Хидэо сердился.

— Подробнее, подробнее!

А муж улыбался добродушно:

— Но это же секрет, Хидэо, ты же понимаешь…

— Да, да, конечно, я понимаю! — сердился Хидэо. И гордо выпячивал грудь: — Я тоже работаю над секретной темой!

А она отворачивалась, чтобы скрыть улыбку: то-то будет разочарован шпион, укравший секреты Кобаяси! Выспросив всё, что ему было, наверное, поручено, Хидэо умчался в свой кабинет так стремительно, словно боялся забыть услышанное, заперся там и долго говорил с кем-то по телефону. А муж удивлённо крутил головой.

— Конечно, чиновники во всём мире занимаются этим. Но не учёные, коллеги, друзья… Тут и правда много неожиданного!

Вечером в торговом центре муж первым делом устремился к магазину деталей для электроники. Они вошли туда за пять минут до закрытия. Продавец вежливо поклонился и, отложив уже приготовленные ключи, стал терпеливо ждать, пока покупатели закончат свои блуждания среди длинных стеллажей. Мужа удивляли стоявшие на полках открытые коробки, в которых лежали вещицы такие крохотные, такие дорогие! И продавец, который ни на минуту не усомнившись в честности пришедших, уткнулся в какие-то бумаги. Они долго бродили по Ичибанчо, выбирая ресторан, достойный такого большого праздника — их встречи. Искали что-нибудь совсем необычное, совсем японское. И остановились, наконец, на тёмной пещере, над входом в которую шевелился механический краб. В витрине с пластмассовыми моделями среди прочих чудес зеленела коробка из палочек бамбука, сложенных как сруб деревенского русского дома. Только без крыши. Внутри сруб был как шкатулка с самоцветами. На подстилке из белого риса изумрудами зеленели водоросли, мерцали оранжевые шарики икры и горбились розовые клешни краба. Официанту, терпеливо ждавшему их решения, они дружно указали на сруб. А потом удивлялись счёту — два сруба и пиво стоили всего три тысячи йен.

— Тридцать долларов за парадный обед на двоих в дорогой

Японии! — удивлялся муж. — В Москве дороже!

В гастрономе кассирша вручила сдачу мужчине, а тяжело нагруженные сумки женщине. Пока рассерженный муж отбирал у неё покупки, она смеялась.

— Здесь, в Японии, сильный пол — я!

В пятницу Хидэо повёз их к себе домой.

— Жена готовит для вас настоящий японский ужин. Хлопочет на кухне с утра.

— Как красиво это у Вас получилось! — указал муж на сущи.

— Я купила их в магазине, — честно отказалась от комплимента Намико.

И поставила на стол поднос, напоминавший роскошный натюрморт: зелень, золотистое тофу, белые шампиньоны и красные, почти прозрачные ломтики сырой говядины.

— Как тонко Вы нарезали мясо! — восхитился муж.

— Это в магазине нарезали специальным ножом. Дома так сделать невозможно, — смутилась Намико и поставила на стол электрическую жаровню. — Мы будем есть сукияки. Сукияки каждый жарит для себя сам.

— Да что же она делала весь день? — спросил муж очень тихо. — Разве что травку помыла.

Пришлось разочаровать его — в супермаркете зелень продавалась чистой, в запаянных пластмассовых пакетах. А Намико просто красиво разложила всё на блюде.

— Ты тут готовить разучишься, — мрачно буркнул муж.

И, отчаявшись похвалить стол, решил сделать комплимент хозяйке.

— Японских женщин считают самыми красивыми в мире.

— Я так не думаю, — безжалостно отрезал Хидэо.

И даже не улыбнулся. А Намико хихикнула и легонько хлопнула его ладошкой по плечу. Отбив последний комплимент, Хидэо принялся учить гостей жарить сукияки. Он выхватывал палочками ломтики сырого мяса, кусочки тофу, зелень и грибы, отправлял всё это на сухую, лишённую масла жаровню и ободрял неопытных иностранцев:

— Не бойтесь, мясо не подгорит! Регулировка температуры автоматическая, покрытие жаровни тефлоновое.

Хидэо взбил в маленькой плошке сырое яйцо — сукияки полагалось макать в яичный соус. Намико принесла миски с рисом и мисо-супом. Без этого в Японии не ели ничего. Свеженькие, прямо с жаровни, ломтики мяса, едва прогревшиеся, выпустившие вкусный сок грибы, душистая зелень наполняли тело блаженством пищи живой, целебной. Муж, наконец, сумел найти похвалу, которую хозяева приняли с удовольствием:

— Я так счастлив, что смог приехать в вашу страну!

Выходные они решили провести на пляже.

— Я не советую вам купаться! В море теперь холодно, по крайней мере, для нас, японцев, — Хидэо посмотрел на мужа, словно надеясь, что хотя бы один благоразумный человек в этой семье должен быть. — И купальный сезон давно закончился! Где вы будете переодеваться?

Они переоделись в прибрежных соснах, чахлых и редких.

— Зачем кабинки-то убрали? — ворчал муж. — Жара стоит за тридцать…

Он не хотел верить, что купальный сезон здесь устраивают не по погоде, а по календарю. И ронял на песок кусочки мяса и рис, сердясь, что его заставляют есть походный обед палочками.

— Почему нельзя было взять нормальные вилки или ложки?

А она думала — и правда, почему? И удивлялась, как незаметно и быстро воспитала её Япония. И оправдывалась:

— Да ведь мы в Японии, дорогой!

Поздним вечером они ставили крестики в календаре: поездка в горы с Хидэо, обед с Шимадой, ужин с Леночкой… И ещё много-много крестиков — встречи с Вероникой и Николой.

— Я сюда отдыхать приехал, а тут такое плотное расписание получается! — ворчал муж.

А она улыбалась счастливо.

— Придётся усердно трудиться! Ведь ты в Японии, дорогой!

Старая столица (Две баночки йогурта, два апельсина…)

Холодный горный источник.
Горсть воды не успел зачерпнуть,
Как зубы уже заломило.
Басё

И Конфуцию не всегда везло.
Японская пословица

Белый поезд Шинканзен летел к Киото, она держала мужа за руку, словно не верила, что он рядом, словно боялась — исчезнет. А он усмехался, но руки не отнимал. Шинканзен вёз их в Киото. На конгрессе в Киото они оба должны были сделать доклады. Какая удача — в Киото! Какое счастье — вместе! И в Киото! Ведь Киото — не просто город. Киото — Старая столица. И стоит в

Японии произнести "Старая столица", каждый поймёт: это — Киото. Так говорила их спутница, жительница Киото, возвращавшаяся домой из поездки в Токио. Киото — не просто город, где давным-давно была столица. Киото — это самая что ни на есть истинная Япония, настоящая, старинная. Самое японское место в Японии. И всё в Киото самое лучшее: и храмы, и люди, и даже овощи…

— А что, в Киото какие-то особенные овощи?

Японка даже растерялась от такого дикого вопроса, от такого невежества. Но объяснила терпеливо:

— Конечно, в Киото самые лучшие овощи! А какой в Киото университет! Я там училась! — её лицо озарилось гордостью и счастьем.

Поезд мягко подлетел к платформе — Киото. На станции их встречали организаторы конгресса, и всё было прекрасно. Но в гостинице им почему-то дали два ключа. И номера на них были написаны разные.

— Мы — муж и жена, — попробовали объяснить они.

— Но вы оба — участники конгресса, — пожал плечами администратор. — А каждому участнику забронирован отдельный номер.

— Но вас заранее известили, что мы — супруги, — сердился муж.

— А фамилии у вас разные, — подозрительно посмотрел на них японец.

— Такое возможно в России. У нас многое иначе, чем в Японии.

Она всё ещё надеялась достучаться до разума администратора. До его сердца. Японец улыбнулся, поклонился, но ключи не поменял.

Комнаты оказались на разных этажах. А у них был один чемодан на двоих. И один тюбик зубной пасты. Горячее закатное солнце било прямо в окна. Кондиционер разгонялся медленно.

— Японцы относятся к любви наплевательски! — она говорила так, словно виноват в этом был муж.

И он сказал что-то обидное. Она в ярости выскочила из гостиницы. У подъезда остановилась, осмотрелась автоматически, по привычке. На каменной доске, стоящей у входа, мерцал тусклым золотом столбик иероглифов — название гостиницы. Которое невозможно прочесть. Она сердито отвела взгляд от надписи, запоминая красноватый фасад, магазинчик на углу… Солнце давило голову горячим утюгом. Плюс тридцать пять — нормальный сентябрь в Киото. Клубок узких улочек распутывался неохотно, завязнув в испарениях размякшего асфальта. Ручеёк

переулка переливался в петляющую речку улицы, впадал в широкий поток проспекта… Среди одинаково безликих бетонных домов нетрудно было потерять ту улицу, которая ныряла в старый квартал, вела к её гостинице. К счастью, на углу был разбит микроскопический скверик. Запечатлев в памяти лавочку и три куста, она уверенно вышла на проспект.

Широко раскрытые ворота буддийского храма приглашали в густую тень сада. Внутренность старого деревянного храма выдыхала постоянную прохладу, пористое серое лицо каменного Будды смотрело бесстрастно, навевая мысль, что всё в этой жизни тленно. Медленно остывая, она осторожно поглядывала на Будду — не обиделся ли на её незваное вторжение? Но Будда был спокоен. Солнце садилось, и, возвращаясь к обычным обязанностям жены, она зашла в магазин, чтобы купить дешёвый ужин: хлеб, сыр, две баночки йогурта, два апельсина… Она легко нашла микроскопический скверик, свернула с проспекта. Первый поворот налево, потом второй направо… Хоть и была рассержена, когда уходила отсюда, а повороты считала. Потому что знала — в Японии ни спросить, ни прочесть. Сейчас за углом покажется красноватая стена гостиницы. Она представила, как ждёт её муж, как волнуется, и пошла быстрее. Поворот, магазин… Впереди мельтешила сумятица домишек. И никакой гостиницы. Хотя совершенно ясно было, что она где-то рядом!

Она вернулась на проспект, нашла знакомый садик, присела на скамейку, чтобы собраться с мыслями, и снова пошла, старательно отсчитывая повороты. Вот и магазинчик — она не могла ошибиться! За поворотом тянулась вереница домишек, похожих друг на друга, как японцы. Гостиница как сквозь землю провалилась. Дело было дрянь. В открытых дверях домов колыхались от вялого ветра занавески, приоткрывая плотно забитое нутро. Теснота домов выдавила на улицу утварь: пылесосы были развешаны на наружных стенах, стиральные машины и холодильники стояли прямо на тротуарах рядом с велосипедами. На севере, где она жила, такой тесноты не было, потому что все японцы хотели жить именно тут, в самом сердце Японии, в Старой столице. В холодильниках наверняка была еда. А вот замков не было. Так что вечерком, когда хозяева лягут спать, загулявший не очень щепетильный прохожий сможет спокойно выпить-закусить. Она почувствовала, что голодна. Остановилась возле большого холодильника, открыла свою авоську с едой… Занавеска на двери колыхнулась, на пороге показалась пожилая японка. Она поклонилась, улыбнулась и осталась, выжидая. То ли она считала тротуар своим, раз тут стоял её холодильник, то ли иностранцам не доверяла?

Быстро темнело. Перед ней замаячила перспектива провести первую ночь в Киото на улице. Она почувствовала отчаяние. И тут увидела человека с собакой. У него было молодое, интеллигентное лицо. Наверняка, он хорошо говорил по-английски. Извинившись, она задала диковатый вопрос:

— Здесь неподалёку должна быть гостиница, я не помню её названия…

Японец слегка опешил, но быстро справился с недоумением, поклонился и пригласил её следовать за ним. Собака побежала, натягивая поводок, словно взяла след. Через минуту они подошли к стеклянным дверям, за которыми легко угадывался полицейский участок. Она приметила его давно, но простая мысль зайти туда у неё не возникала. А вот японец сразу привёл её сюда, потому что в хорошо организованной стране каждый должен заниматься своим делом: он — гулять с собакой, а полиция — искать что-то потерявшееся, гостиницу, например. Она разочарованно поблагодарила, вошла в участок и принялась объяснять суть дела. Очень скоро выяснилось, что по-английски тут не говорит никто. И не понимает. Она бросилась вернуть человека с собакой, но клубок улиц уже бесследно поглотил его.

Полицейский куда-то позвонил по телефону, кому-то что-то объяснил. А, положив трубку, обратился к ней, словно рапортуя о проделанной работе. Она улыбнулась в ответ, стараясь не заплакать. Полицейский забрал у неё сумку с ужином, подал ей стакан воды, усадил на стул под прохладную струю кондиционера. Она немного успокоилась. Минут через пять завыла сирена и к двери подлетела полицейская машина с мигалкой. Молодой полицейский, выскочив на ходу, вбежал, запыхавшись. Хозяева участка встретили его радостно и бурно, повторяя явно для неё:

— Инглиш, инглиш!

Восстановить ход событий было нетрудно — по телефону вызвали из другого участка человека, владеющего английским. Очень скоро выяснилось, что по-английски парень знает почти столько же, сколько она по-японски. За окнами совсем стемнело. Запас сил и слов для объяснений был исчерпан. Она сидела понуро, представляя, как мечется в гостинице муж.

Теребя лежащую перед ней бумагу, она вдруг вспомнила о пристрастии японцев к наглядным пособиям и решила попробовать. Она стала рисовать. Полицейские заинтересованно сгрудились у стола. На листе обозначилось некое подобие Кремля — во всяком случае, пятиконечная звезда и куранты получились неплохо. Для верности она несколько раз повторила слова "Москва" и "Россия" на всех известных ей языках. Наибольшее

оживление вызвал испанский вариант. Потом от башни отделился самолётик, двигаясь вдоль стрелки, у конца которой появились смутные контуры Японских островов. Кружок посередине самого большого острова был надписан словом "Токио", от него побежала другая стрелка к югу, к кружку с названием "Киото". Полицейские радостно закивали. Рядом с этой стрелкой возник вагончик и в нём две фигурки, выполненные в знаменитой манере палка, палка, огуречик… Один из человечков получил штанишки, другой юбочку, руки их сплелись и она произнесла слово "семья", для убедительности подписав под парой фамилию мужа. Затем человечки были помещены в домик с надписью "отель" на крыше. Взгляд знатока английского прояснился.

— Название! Как название Вашего отеля? — с трудом сконструировал он вопрос.

И, не получив ответа, изумлённо уставился на неё, соображая, как может человек не знать, где живёт. Оставалось самое трудное — объяснить, что гостиница где-то совсем рядом. Она обвела присутствующих широким жестом, словно приглашая их сплясать русскую, и, завершив это вступление, нарисовала на листе квадратик с излучающей свет мигалкой — полицейский участок. Она постаралась нарисовать его совсем рядышком с гостиницей, соединив их извилистой змейкой короткой улицы. Рисование было воспринято куда лучше, чем её лепет. Полицейский, явно старший в участке, взял в руки листок и принялся изучать его внимательно, как приказ начальства. Потом он вручил рисунок молоденькому сотруднику, напутствуя строгим начальственным голосом. Парень вытянулся в струнку, сказал: "Хай!" и прикипел к телефону, часто повторяя слово "Россия" и фамилию мужа, исковерканную почти до неузнаваемости. В конце концов, он, кажется, попал в точку. Взяв под козырёк, он подхватил её авоську и галантно открыл перед ней дверь на улицу — западному этикету киотская полиция была обучена куда лучше, чем английскому языку. Впрочем, кто же мог предвидеть, что сюда, на окраину Киото, далёкую от туристических улиц, забредёт иностранка. Да ещё и потеряется!

Не веря в успех, уныло шла она следом за полицейским столько раз пройденным путём. Через пять минут возник знакомый магазинчик. Но парень не свернул, а устремился дальше, и через двадцать шагов впереди замаячил другой магазинчик — точная копия первого и тоже на углу. Вязкая цепь маленьких домиков сыграла с ней злую шутку, запутав своей одинаковостью, малостью. Фонарь за поворотом высветил красноватую стену гостиницы. Полицейский вернул авоську, поклонился, улыбнулся и ушёл, оставив её осыпать

благодарностями его удаляющуюся спину. Она высказала изумлённому администратору свои восторги по поводу работы киотской полиции, которая разыскала гостиницу без имени, имея в руках только её корявую картинку. И потратила на всю спасательную операцию не больше пятнадцати минут… Муж встретил её в номере встревоженный, бледный. Он ждал её, искал. И даже купил ужин. На столе лежали хлеб, сыр, две баночки йогурта, два апельсина… Они долго, счастливо смеялись, а потом, наскоро поужинав, уснули, обнявшись, на неудобной узкой кровати.

Утром официант в ресторане спросил их — американский завтрак или… И они хором ответили — японский! Потому что они были в Киото. Они запивали белый рис рыжим мисо-супом, а красную солёную рыбу — зелёным чаем. У гостиницы уже ждал туристический автобус с гидом, готовым показать участникам конгресса Киото.

— Вы русские?! — воскликнул севший по соседству профессор из местного университета.

Щуплый, низкорослый, на низких ногах — типичный житель Киото, непохожий на более крепких и высоких северян, он и разговор начал такой, какой на севере с ними ни разу не вели: о том, как важно, чтобы Россия вернула Японии Курилы. Из его горячей, взволнованной речи выходило: истинные японцы — только жители Киото. И судьба Японии их заботит больше, чем прочих обитателей японских островов.

Бесконечно переобуваясь в казённые тапочки, а то и просто шлёпая босиком по тёплым доскам пола, они входили в полутёмные дощатые храмы, вглядывались в тускло мерцающие толпы бронзовых плосколицых статуй с немыслимо бесстрастными глазами. Душно пахло старое дерево, дух сухой травы поднимался над татами, вокруг колыхался бумажно-деревянный, игрушечный мир Старой столицы… Возле знаменитого Чайного павильона на мостике через узкую речку сидели на скамейке девушки в кимоно. Их пухлые юные мордашки были наглухо забелены, глаза подведены красным. Пёстрые головки булавок мотыльками колыхались в высоких причёсках, яркие кимоно отражались в мелкой воде.

— Кукольная страна! — хмыкнул толстый американский профессор.

Знаменитый Сад Камней начинался вытоптанной аллейкой с сумятицей киосков, торгующих сувенирами и едой. Вспотевшая публика, как потоп, хлынула на небольшой деревянный помост, где полагалось усесться, чтобы насладиться Садом.

— Сейчас быстренько помедитируем и двинем дальше! —

рассмеялся американец и плюхнулся на помост так, что скрипнули доски.

Туристы фотографировали камни, что-то жевали, детишки бегали вперегонки… Маленький серый Сад сжимался, загнанный в угол бойкой толпой, прятал свою непростую суть, оставляя снаружи неприглядные старые доски, грубые камни…

— Галька между камнями символизирует море, — щебетал гид.

— Наверное, на этой табличке написано: "Купаться запрещено"? — улыбнулся муж, указывая на столбик иероглифов. — Он всё время забывал, что в Японии не шутят.

— Где купаться запрещено? — остолбенел японский гид.

Длинная лестница привела к вершине холма.

— Это — Храм чистой воды, — гид показал на простой, как сарай, старый деревянный дом. С карниза соседней скалы тремя прозрачными струями падал горный источник. — Одна из струй даёт здоровье, две другие — любовь и богатство, — объяснил гид. — Но пить можно только из двух струй, на выбор. — Испивший сразу из трёх лишался всех благ. За жадность. — Мы, японцы считаем, что здоровье, любовь и богатство — это слишком много для одного человека, — скромно потупился гид.

Под карнизом выстроилась очередь желающих получить богатство и здоровье. Любовь особенным спросом не пользовалась — только две молоденькие девушки протянули к ней плоские ковшики на длинных деревянных ручках. Они с мужем дружно подставили свои ковши под струю любви, и, без сожаления пройдя мимо богатства, стали пить там, где здоровье. Потом дисциплинированно положили ковши внутрь ящика, где горела кварцевая лампа — для дезинфекции. А вечером в гостинице, пересчитывая оставшиеся в кошельке йены, смеялись, что зря пренебрегли третьей струёй. И доедали остатки вчерашнего ужина — две баночки йогурта, два апельсина…

Глава X. Времена года — осень

Жёлтый лист плывёт.
У какого берега, цикада,
Вдруг проснёшься ты?
Басё

Приказ по японскому гарнизону (Глаз тайфуна)

Важно ступает
Цапля по свежему жниву.
Осень в деревне.
Басё

В дружбе тоже знай границу.
Японская пословица

Что-то изменилось в городе. И не сразу можно было догадаться — что? Наконец, проходя по кварталу маленьких частных домиков, она поняла: исчез звон колокольчиков. Их негромкое ласковое теньканье появилось весной. С наступлением тепла у дверей домов закачались колокольчики на верёвочках. Японцы предпочитали не вычурные игрушки из глины в виде толстых борцов сумо, щенков или котят, которые сувенирные лавки предназначали для иностранцев, для их дурного вкуса, а простые бутоны из тяжёлого металла. Тёмно-бурый, словно старинный колокольчик легко умещался на ладони ребёнка — небольшая, чисто японская вещь. Тихий звон наполнял город всё лето. И вдруг исчез.

— Колокольчики? Их сняли. А как же можно было их оставить? — удивился её вопросу Шимада. — Ведь начинается осень.

Связь между вещами в Японии порою странная. То ей грозятся убавить зарплату, если приедет муж, то колокольчики снимают потому, что осень, то бондарь почему-то радуется поднявшемуся ветру… Бондарь — это уже из японской сказки, из Леночкиной книжки. Бондарь рассуждал так: ветер поднимет пыль, от пыли многие ослепнут и пойдут просить милостыню, играя на сямисэнах — японских бандурах, на которые натягивают кошачьи шкуры. А стало быть, кошек перебьют, и обнаглевшие

мыши станут грызть бочки, вынуждая хозяев покупать новые. Между ветром и бочками связь, хотя и странная, всё-таки была. Но чем могла помешать осень колокольчикам? Или колокольчики осени? Пришлось опять спрашивать Шимаду, хотя японские приличия запрещают задавать много вопросов.

— Колокольчики только для летнего сезона, — терпеливо объяснил Шимада. — Они звенят от дуновения ветра, принося чувство прохлады, потому что весной и летом ветер дует с моря, свежий ветер, столь приятный в жару. А зимой звон колокольчика будет напоминать о неприятном, холодном ветре с гор. Поэтому с наступлением осени колокольчики снимают.

И в университете многое изменилось. Первого сентября мужчины надели тёмные костюмы — летом они позволяли себе приходить на работу в серых пиджаках и даже в рубашках с короткими рукавами. Но первого сентября все эти вольности кончились. Словно вышел приказ по японскому гарнизону — перейти на зимнюю форму одежды. Никаких других оснований для переодеваний не было, жара стояла такая же, как в августе, плюс тридцать. Но в здешних краях многое происходило не по погоде, а по календарю. Университетский бассейн замкнули на ключ точно в первый день осени, несмотря на жару.

В выходной они с мужем, увидев на термометре плюс тридцать, поехали на пляж. Там собралось немало таких же, как они, нарушителей японского обычая купаться только в пределах купального сезона. Парни и девушки смело входили в воду. Правда, только в гидрокостюмах. Все, как один. Так выглядела японская дисциплинированность в пляжном варианте — с первого сентября купание только в гидрокостюмах! Хотя море было тёплое, как в августе. Появление в воде двух белых людей в купальниках вызвало всеобщее смятение.

— Вам не холодно? — хором спросили по-английски две девушки, и в ожидании ответа выбрались из воды и улеглись на свои гавайские доски. В чёрных гидрокостюмах. Под солнцем.

— А вам не жарко? — улыбнулся муж. Девушки засмеялись и поплыли рядом, болтая с иностранцами о пустяках.

— Вы купались в море?! — ужаснулся Хидэо. И строго-настрого велел это занятие прекратить, повторяя: — Я отвечаю за Вас!

Причина запрета на сей раз была нешуточная — начинался сезон тайфунов. Тайфуны здесь не называли именами, их просто нумеровали.

— Непоэтично, — смеялась она, и Хидэо смеялся, предлагая назвать следующий тайфун в её честь.

— Тайфуну очень подойдёт Ваше имя!

Приближающийся тайфун заявлял о себе шквальным ветром, нескончаемым дождём и телевизионными передачами с компьютерной картинкой — белые вихри, клубящиеся над картой Японии. Картинку повторяли на большом экране в центре города, чтобы тайфун никого не застал врасплох. Очередной тайфун обещал пожаловать в субботу. Как раз в тот день, когда они ждали в гости Зухру с мужем.

В самом начале своей японской жизни, вскоре после экскурсии по магазинам, она пригласила Зухру к себе домой, да оскандалилась — мужу Зухры не понравились непривычные русские пельмени, он только надкусил один и стал объяснять, где можно купить в городе китайские гёза. А Зухра всё съела с удовольствием и тут же пригласила русскую подругу в гости. Зухра жила в бетонной пятиэтажке, в квартале университетских домов. В трёх малюсеньких комнатках из мебели был только небольшой стол да три табуретки. Только поэтому, наверное, и удавалось разместиться тут семье с тремя детьми. У мальчишек не было ни кроватей, ни письменного стола, ни полок с книгами — только татами. А ведь старший уже заканчивал школу…

— Не очень у нас тут, — смущалась Зухра и рассказывала, что в пригороде Токио у них есть собственный дом.

Но должность профессора муж смог получить только в провинции, пришлось уехать, бросив дом. А продать пустовавший дом и купить новый было невыгодно — за старое строение много не дадут, а огромные японские налоги на куплю-продажу недвижимости съедят большую долю вырученного. Вот и ютилась семья в тесноте служебной квартирки. Зухра учила русскую подругу готовить сирийскую долму. Любимое развлечение женской компании в Японии — осваивать новые кулинарные рецепты. Долма была как наши фаршированные баклажаны. Только рис Зухра не отваривала прежде, чем смешать с мясным фаршем, а клала сухим, щедро сдабривая начинку и соус томатной пастой и чесноком. Съесть такую долму было испытанием. Да чего не сделаешь ради дружбы! Муж Зухры к обеду с русской не явился. Но сегодня обещал прийти, и специально для него решено было приготовить привычное блюдо — ту же долму, только в капусте — русские голубцы. Желая на сей раз угодить гостю, они с мужем с утра отправились на Асаичи.

На рынке лучше всего было заметно изменение сезонов: июньскую клубнику и июльские персики сменили августовские помидоры и круглые серые дыньки. В мисках они не умещались и их укладывали в небольшие тазики — по две, по три. Дыньки были ярко-оранжевые внутри и очень сладкие. В сентябре рядом с

дыньками появились желтоватые, похожие на яблоки плоды. Но это были груши. Японцы называли их забавно — "наши". Ещё более странно для русского уха звучало японское имя хурмы — "каки". Хурма здесь была прямоугольной формы, сладкая, без оскомины и семечек.

— Наши и каки — символ осеннего сезона, — говорили японцы.

Осенний Асаичи стал нарядным от жёлтых груш, оранжевой хурмы. И от розовых лососей. Свежие, пахнущие морем рыбины громоздились кучами или распластывались так, чтобы показать животы, полные икры — шёл сезон лососей.

— Тысяча йен! Лосось с икрой всего за тысячу йен! — выкрикивали продавцы.

Народу на Асаичи было мало. И в торговых рядах тоже. Остатки прохожих разбегались, выметенные, словно шваброй, полицейской машиной. Она шла по улице на малой скорости, объявляя по громкоговорителю, должно быть, нечто страшное. Служащие закрывали конторы и магазины, опускали жалюзи на окна — город переходил на осадное положение.

Настряпав изрядно пирожков и голубцов, они уселись ждать гостей у телевизора. Убийственно серьёзный синоптик водил указкой по карте Японии. Зловещие белые вихри на экране, зарождаясь на юге Японии, ползли на север. На электронных часах прыгали цифры, показывая, когда тайфун накроет следующий район — это напоминало сводку с фронтов.

— Прямо на нас идёт! — весело сказал муж.

Ему интересно было увидеть своими глазами настоящий японский тайфун. На экране телевизора мелькали затопленные улицы, сорванные крыши, сломанные деревья, перевёрнутые машины…

За час до прихода гостей зазвонил телефон. Зухра возбуждённо говорила про тайфун, который обещает прибыть в город ровнёхонько в тот час, на который назначена их встреча, об ужасах, которые подстерегают рискнувших выйти на улицу… Это означало — гости не придут. За окном было тихо и солнечно.

— Но полиция велела всем сидеть по домам — такова инструкция, — уныло говорила Зухра. И сознавалась: — Я-то тайфуна не боюсь, но муж всегда следует инструкциям. Он считает, что ехать к вам опасно. Тем более, что ваш дом стоит на горе. — Зухре явно было неловко, она предлагала нерешительно: — Может, Вы приедете к нам? Мы живём в низине…

Глядя на оплывающий в тепле торт, она сказала, что тоже подчинится инструкции — останется дома. А, положив трубку, стала прикидывать, что делать с горой нажаренных голубцов,

нарезанных салатов… Поужинали плотно. Так плотно, что пришлось пойти прогуляться. Вечер был ясный, безветренный. За горой садилось солнце. На улице не было ни души. Должно быть, люди смотрели не в окна, а на экраны. Только какая-то старуха в обтёрханном кимоно куда-то брела. Должно быть, у неё не было телевизора, и она не знала про тайфун.

— Японцы — очень дисциплинированные люди, — говорила она наутро в университете, угощая Шимаду вчерашними пирожками. И он соглашался, уплетая пирожки и посмеиваясь. — В сезон тайфунов из всех предсказаний наши власти всегда выбирают самый пессимистичный вариант. Из соображений безопасности. Предсказания часто не сбываются, но мы, японцы, всё равно подчиняемся приказам.

— Конечно, возможно, что наши синоптики ошиблись, — Хидэо пожал плечами, словно сомневаясь в возможности такого маловероятного события. И предложил другой вариант: — Возможно, мы попали в "глаз тайфуна".

"Глазом" называли самый центр тайфуна. Обычно там, посреди бури светит солнце и сияет голубое небо. Хидэо защищал японских синоптиков. И японского профессора, мужа Зухры:

— Мы, японцы, много работаем, у нас нет времени ходить в гости!

Он словно подозревал, что для мужа Зухры тайфун был лишь предлогом, чтобы отказаться от визита…

Через несколько дней зашла Зухра, стала оправдываться смущённо:

— Мы с мужем уже были у Вас в гостях. И Вы нас навещали…

Наверное, эта странная последовательность фраз должна была означать, что Зухра и её муж считают долг благодарности исполненным? А если бы они нанесли второй визит, то вынуждены были бы платить новый долг, опять приглашать к себе гостей, длить дружеские отношения, обременительные для японца. Но Зухра японкой не была.

— Я бы пришла к Вам, — грустно заключила она. — Да вот муж… Японцы не любят ходить в гости… — Уходя, Зухра положила на стол дорогой подарок — женские кожаные перчатки. — Нет, нет, это недорого! — оправдывалась она. — Я купила на распродаже. Вы ведь потратились на обед для нас… — Это был подарок — извинение. А его дороговизна яснее ясного говорила — не в тайфуне было дело.

В университетском парке рабочие обрезали деревья. Облачение у них было замысловатое: традиционные японские штаны — широкие наверху, внизу узкие, как галифе. Их заправляли в мягкие, как чулки, сапоги, облегающие ногу. Такие

носили кавказские горцы, но японцы отделяли на них большой палец, чтобы носить японские сандалии. Снаряжение у работавших в парке было серьёзное — широкие ремни, перепоясавшие куртки, несли ножи, ножницы, щипцы… Головы укрывали каски. В такой амуниции впору было встречать суровую опасность, а не обрезать мелкие сучки да копать ямки для новых деревьев. Парень делал это странным инструментом — двумя маленькими сапёрными лопатками, соединёнными вместе — так легче было вытаскивать землю из узкой ямы. Тяжёлые инструменты на поясе мешали ему, каска съезжала на вспотевший лоб. Но парень не снимал её, не дерзая нарушать форму, рассчитанную на самый пессимистический вариант.

Начало осеннего семестра

Осенняя луна
Сосну рисует тушью
На синих небесах.
Рансэцу

— Лето кончилось! — с грустной улыбкой говорил Хидэо. — Лето в Японии пролетает так быстро!

Действительно, всего один месяц длилось то, что японцы называли летом — душный, невыносимый август. Японская осень была куда лучше — сентябрь походил на погожий русский июль. В конце сентября они с мужем поехали к морю. На пляже было пусто. Только какая-то дама сидела, опершись на песок руками в белых перчатках. И пожилой господин, гулявший по пляжу с собакой, был в белых перчатках, таких же, как у дамы, грубых, из хлопка, надетых не для тепла или красоты, а чтобы защитить руки от грязи — травы, песка… Многие японцы поступали так, отправляясь на природу. Мужчина и дама строго следовали правилам: кроме перчаток на них было надето то, что положено носить осенью — куртки. На купальник иностранки мужчина и дама глянули изумлённо, как на травяную юбку дикаря и деликатно отвели было глаза, но, увидев, что голые белые люди полезли в воду, забыли о японских приличиях и уставились на безумцев. Нежась в тёплом море, они забылись, заплыли далеко. Очнулись от стрёкота мотора. В небе прямо над ними завис вертолёт. Наверное, пилоты остолбенели так же, как гулявшие по пляжу, и теперь гадали, не шпионы ли это, которые пытаются

удрать из Японии вплавь.

— Представляешь, что они сейчас о нас говорят! — рассмеялся муж, но всё-таки повернул к берегу.

Кто знает, что предписывали в подобных случаях японские правила? Может, отстрел нарушителей? С морскими купаниями пора было кончать.

— Для нас, японцев, осень — это поездки в горы, — лицо Хидэо овеяло чем-то мягким, лирическим. — Студенты всегда отмечают начало осеннего семестра коллективной экскурсией в горы.

В сентябре закончились каникулы, студенты стали появляться в лаборатории. Впрочем, они и летом надолго её не покидали — сэнсэй дал им такие задания, чтобы работать пришлось весь август.

— Для поездки в горы студенты организуют складчину, но за вас всё будет оплачено, вы — наши гости. Карманных денег вам понадобится немного, не больше пяти тысяч йен на двоих. Студентам я посоветовал брать всего по три тысячи… — Сэнсэй, как всегда, заботился обо всём.

На гостиницу скромной студенческой складчины не хватило, приют нашли на загородной базе университета, в общежитии студентов агрономического факультета — в горах у них были опытные поля. В одноэтажных летних домиках сэкономлено было на всём — комнаты без дверей, как купе, койки в два яруса… Зато всё блистало чистотой и новизной — стены, пол, красивое постельное бельё… В прихожей на стене висел телефон и под ним фонарик. Его гнездо было устроено так, что аккумулятор подключался к сети заряжаться, когда фонарик вешали на место.

— Работает! — удивился муж, зажигая фонарик. Он ещё не привык к японской жизни.

Территория лесного лагеря была ухожена, как всё в Японии — аккуратно постриженные газоны, обложенные белыми камешками клумбы, прудик с золотыми карпами… Для коллективных пикников имелось специальное сооружение — навес, а под ним — низкие столы с жаровнями, устроенными из железных листов с газовыми горелками под ними. Под навесом нашлись и заправленные газовые баллоны, водопровод и алюминиевые лотки, в которые студенты выложили привезённую из города снедь: тофу, зелень, китайскую капусту, грибы и тонко нарезанную говядину — намечались сукияки.

— Осенью надо есть мясо, осень — холодное время года, — так сказал Хидэо.

Уселись бесстрашно на холодный бетонный пол, покрытый только синей циновкой, да ещё и разулись прежде, чем на неё

ступить. Только русские, пренебрегая суровой японской дисциплиной сели на свои кроссовки. Митико раздала всем нечто странное, оказавшееся бумажными фартучками типа слюнявчик — сукияки предполагалось макать в соевый соус, оставляющий на одежде плохо отстирывающиеся пятна. На сей случай японская промышленность и выпускала специальные фартучки. Мужчины повязывали их, нимало не смущаясь сходством с ясельной группой. Техник Ямазаки включил газовые горелки, и трапеза началась. Подхватывая палочками снедь из лотков, народ бросал её на листы жаровен и ворошил быстро румянящиеся на сильном огне кучи. Выбирая готовые кусочки, их макали в соус и отправляли в рот. Отвлекались от работы только на то, чтобы поднять вверх пивные банки и крикнуть "Кампай!"

Подчистив на раскалённых листах всё до последнего кусочка, студенты остались мыть жаровни. Хидэо вышел из-под навеса, поднял голову.

— Посмотрите, какие холодные осенью звёзды!

В такие минуты она понимала, почему называла его другом.

— Продолжим вечер дома! — приказал сэнсэй.

В спальном корпусе нашлась общая комната с длинным столом. Хозяйственный Ямазаки достал припасённую бутылку виски. И русская водка пригодилась. Пока муж обсуждал с Шимадой её достоинства, Хидэо предложил спеть. Корейский студент Чанг спел что-то сильное и мужественное, отстукивая такт рукой по столу, его сменил китайский доктор Чен. Никто из японцев петь не захотел. Пришлось завести русскую песню, студенческую, весёлую.

— Что такое трам-там-там? — серьёзно спросил Хидэо и, склонившись к ней, добавил ласково: — А Вы хорошо поёте.

Словно жили в нём два человека: один — простой и славный парень, вырывавшийся на свободу где-то поодаль от университета, и другой, душивший его сэнсэй, озабоченный строжайшим соблюдением субординации.

Ровно в одиннадцать Хидэо отправился спать, предварительно распределив народ по местам. Муж был отправлен в отдельное купе, а ей с Митико отдали единственную комнату с дверью.

— Вы отвечаете за Фудзивару, — строго сказал Хидэо. — Она ведь ещё не замужем.

И хотя русские профессора в отличие от японских не несут ответственности за нравственность своих студенток, она не смогла уснуть до тех пор, пока Митико не вернулась. Да и расшумевшиеся после виски студенты мешали спать — комната с дверью соседствовала с гостиной. Проснулась только в восемь и в

умывальной, устроенной прямо в коридоре, столкнулась с Хидэо.

— А мы с Вашим мужем давно гуляем! — Хидэо говорил укоризненно, не скрывая, что он плохо относится к женщинам, которые встают позже мужчин.

Завтракали в столовой, напоминавшей русские турбазы: дощатые стены, лавки вдоль общих столов… Только меню отличалось — вкусная жареная рыба, мисо-суп, рис и горы овощей. После завтрака планировалась лекция мужа — именно она давала группе право остановиться в университетском лагере — просто на гулянку сюда не пускали. В учебном корпусе было, как в городе, полно компьютеров, ксероксов, проекторов, магнитофонов… И всё это стояло за плохо закрытыми дверями в горах, среди леса… Хидэо свернул лекцию быстро и, поглядывая на часы, и велел рассаживаться по машинам. Предстояло выполнить обширную программу — совершить прогулку в горах.

Асфальтовая тропа шла над бетонированным берегом горной речки. Ущелье напоминало контору, где только что прошла инвентаризация — на каждом крупном камне висела деревянная табличка.

— Скалы имеют названия, — объяснил Шимада.

По тропе шли японские туристы, экипированные отнюдь не для прогулок по асфальту — прочные горные ботинки с толстыми шерстяными носками, обильная амуниция на поясе: стальные термосы, бинокли, верёвки, крючья, ледорубы. Туристы равнодушно проходили мимо речки и скал и задерживались у большого висячего моста, мощной стальной аркой перекинутого через ущелье. Здесь фотографировались. Природа в чистом виде никого не устраивала, даже в качестве фона.

— Этот мост обычно снимают на открытках, — пояснил Хидэо и велел Ямазаки сделать коллективный снимок своей группы.

Тропа уушла наверх, в серые ноздреватые скалы, к пещере — шраину. Только один из студентов остановился, склонив голову, хлопнул в ладоши. Остальные равнодушно прошли мимо. В полдень, не нарушая режима, перекусили в маленьком кафе у речного обрыва, за столиками, стоящими прямо на траве. Хозяйка подала петушков на палочках, совсем русских, только сделанных не из карамели, а из корня конняку и потому серых, мутных, пружинящих, как резина. Есть пресного петушка полагалось, окуная в коричневое кисловатое мисо…

Запланированные поездки в горы

По горной тропинке иду.
Вдруг стало мне отчего-то легко.
Фиалки в густой траве.
Басё

— Мы с женой запланировали для вас несколько поездок в горы, — говорил Хидэо. — Прежде всего, вы должны подняться на Тайхак-сэн. Эта гора на окраине города особенно почитаема в наших местах. Каждый, кто тут живёт, обязан взойти на неё. Мы с женой поднимаемся регулярно, раз в месяц. Даже зимой, когда снег…

Христианин Хидэо исполнял старинный японский обряд почитания горы.

— Японцы верят, что боги живут в горах, поэтому подъём на гору — паломничество, — так написано было в одной из книг, которыми в изобилии снабжала их Леночка.

Подъём на Тайхак-сэн Хидэо назначил на субботу.

Странные в Японии горы — они возникают ни с того, ни с сего, на плоском месте и напоминают кучку песка, насыпанную в песочнице ребёнком. Дорога прошла по ровному полю, не предполагавшему поблизости никакой горы, обогнула лес и упёрлась в одинокую гору. Автостоянка была просторной — значит, это место посещали многие, и пустой. Наверное, в этот день в городе не оказалось вновь прибывших, которым надлежало поклониться местному богу. Или просто спали люди в субботу в семь утра, да под моросящим дождём.

— Может, не стоит лезть на гору в дождь, — неуверенно начала она.

— При чём тут дождь? Мы же решили подняться! Я специально выделил на это два часа!

Хидэо быстро зашагал по тропе, растворявшейся в сумраке леса.

Стволы криптомерий уходили ввысь, закрывая хмурое небо. Тропа привела к площадке, расчищенной для привала. Кроме простых деревянных скамеек здесь стояло дощатое сооружение, напоминавшее крытую сцену.

— Это и есть сцена, — сказала Намико. — В дни шинтоистских праздников здесь дают традиционные, японские представления для паломников, которые поднимаются на гору.

Намико легко взбежала на сцену, и стала грациозно танцевать, играя воображаемым веером. Хидэо улыбался, любуясь женой, слегка притопывая в такт. Его нога наткнулась на банку из-под пива.

— Раньше здесь такого не было! — пробормотал он, вытаскивая из-под лавки банки, пакеты… И оглянулся беспомощно — мусорницы на поляне не нашлось. Хидэо окликнул жену и поспешил увести иностранцев от места, порочащего его страну.

Тропа сужалась и круто забирала вверх. Плотная земля под ногами сменилась камнями, склоны уходили вниз обрывами — шутки кончились, началось восхождение.

— Путь на вершину всегда сопровождался испытаниями. Паломники должны были пройти по тонкой жерди над пропастью, балансируя камнями. Соратники подвешивали их вниз головой, держа на верёвках на краю обрыва. Это походило на пытки. Но путь к богу должен быть труден. Дошедшие до вершины получали звание ямабуси… — так писали Леночкины книги.

Восходители на Тайхак-сэн вряд ли заслуживали звания ямабуси: на крутых участках в скале были вырублены ступени и натянута цепь-перила. И всё-таки это было испытание. У неё сбивалось дыхание, гудели от напряжения ноги. И лицо мужа покраснело. Оставалось утешать себя надеждой, что японские боги оценят их труды и что-нибудь славное для них сделают.

— Посмотрите, какой вид! — придумала она хитрость, чтобы передохнуть.

— Устали? — Хидэо спрашивал так, словно не знал, что такое усталость.

— У меня ещё идёт акклиматизация, — попытался оправдаться муж.

— Акклиматизация? А что это такое? — не понял Хидэо.

Да, он чувствовал некоторое неудобство, когда уезжал за границу. Из-за разницы во времени. В первый день. А больше ничего. Не сбиваясь с дыхания, Хидэо бежал наверх. Хидэо, не отрывавшийся от письменного стола, обгонял их, тренированных, спортивных, но тяжёлых, вскормленных молоком, хлебом, мясом.

Пренебрегая цепью, Хидэо цепко ставил небольшие ноги на ступени, шутя поднимая своё лёгкое тело, выстроенное из водорослей, риса, сои. И лёгонькая Намико не отставала от мужа. Она летела и пела, словно отпущенная на волю птичка. И, не прерывая своей радостной птичьей песенки, первой выпорхнула на вершину.

— В древней Японии был обряд — японский царь поднимался на вершину горы и смотрел на подвластные ему земли. Считалось, что так он получает благословение богов и учится лучше управлять своим государством, — вспоминала она Леночкины книги, глядя на долину с одинокими кочками гор. Может, восхождение и её научит лучше управляться с этой

страной. Но Хидэо торопил:

— Надо побыстрее осмотреть вершину!

На осмотр было отведено две минуты. На площадке длиною в пять шагов и шириною в три была только маленькая, до пояса ростом, деревянная будочка шраина да раскидистое дерево с привязанной к нему рейкой с делениями, отмечавшими высоту горы. Она положила монетку в одну йену среди таких же белых кружочков, раскиданных возле шраина. А Хидэо шраина словно не заметил. На японских вершинах живут японские боги, а Хидэо был христианином.

— Чай, садимся пить чай! — торопил он. Мы с Намико придумали напоить вас утренним чаем на вершине!

Он гордо улыбнулся, а Намико достала из своего рюкзачка термос и тяжёлые фарфоровые чашки, ложки и даже блюдца. Потому что чёрный английский чай пить из чашек без блюдец никак нельзя. Ещё в рюкзачке нашлись салфетки, печенье, сахар… Намико накрыла завтрак на широком плоском камне, словно специально положенном на вершине на тот случай, если восходители захотят перекусить. В рюкзачке нашёлся и фотоаппарат, который Хидэо приладил среди камней, чтобы сняться всем вместе. Снимок на вершине — без этого спускаться нельзя.

— Спускаемся! Спускаемся! — торопил Хидэо. Не потому, что полил уже нешуточный дождь, а потому, что время, отведённое на восхождение, заканчивалось. — Мне надо успеть в университет, я должен подготовить протоколы собрания! — объяснил он спешку.

Намико отказалась отдать рюкзачок русскому мужчине, хотя он предлагал ей помощь ещё настойчивее, чем у подножья, потому что знал теперь — рюкзак нелёгкий. А Хидэо ушёл вниз, не оборачиваясь, не беспокоясь, как справится жена с рюкзаком и с мокрой тропой. Камень ступеней скользил, и на крутых участках она съезжала почти сидя, не выпуская из рук цепь. Кажется, она понимала теперь, что испытывали ямабуси, подвешенные на верёвке над пропастью. Поджидавший их возле машины Хидэо удовлетворённо посмотрел на часы.

— Мы уложились в срок. Вам осталось осмотреть ещё одну гору — самый знаменитый в наших местах вулкан. Эту поездку я запланировал на следующее воскресенье.

В субботу опять полил дождь. Надеясь, что Хидэо отложит поездку, они смотрели японский фильм. Семья съезжалась к умирающему родственнику, собираясь его хоронить. Но он выкарабкивался. И только спустя несколько месяцев умирал. На похоронах было совсем мало народу.

— Ему следовало умереть в прошлый раз, когда мы все были в сборе. Не можем же мы приезжать так часто! — ворчали собравшиеся. И осуждали умершего: — Он всегда был легкомысленным человеком!

— Уж если здесь не любят откладывать даже смерть, поездку отменят вряд ли, — вздохнул муж и пошёл мазать ботинки водоотталкивающим кремом.

В воскресенье они проснулись в пять, посмотрели на ливень за окнами, но на всякий случай позавтракали и оделись. В шесть ноль-ноль, как было назначено, под окнами загудела машина. Они вышли, сжавшись под одним зонтом.

Машина взбиралась наверх по серпантину дороги.

— В хорошую погоду можно видеть, какой красивый тут лес, — сказала Намико. — И вид на долину отсюда прекрасный.

За окнами ветер месил серые клочья облаков, обильно смоченные дождём. Машина еле ползла, пристроившись к длинной веренице — запланированную поездку в горы не отменил никто.

— Наверху вы сможете увидеть желтеющие листья! — радовалась Намико. — На склонах вулкана листья уже меняют цвет. Там высоко, там холоднее… — В разрывах тумана мелькнул зелёный куст. Намико расстроилась. — О, извините, что мы привезли Вас сюда так рано, при зелёных листьях!

Едва отыскав место на плотно забитой стоянке, Хидэо достал из багажника четыре тёплые куртки — ветер наверху дул зимний. Голую, каменистую вершину вулкана укрывал густой туман. Туристы возникали из серой пелены, как привидения. Старик, отбившийся от своих, искал дорогу к автостоянке. Только тонкая рубашка согревала его посиневшее тело, но он всё-таки сходил к вершине.

— И мы должны туда дойти! — изложил боевую задачу Хидэо и побежал вперёд, подбадривая спутников заверениями, что до вершины совсем недалеко.

Скользя по обледенелым камням, они брели в клочьях тумана, путаясь в указателях. Наконец, они нашли вершину, оборудованную наподобие окопа. Словно на случай затяжных боёв. И ресторан возле напоминал бомбоубежище во время налёта вражеской авиации: на полу хлюпала грязь, озябшие люди кутали в полотенца детей. Мест на стульях и скамейках не хватало, и кое-кто устроился на корточках, прислонившись к стене. Вернувшись в машину, они первым делом включили печь. И перекусили бутербродами, прихваченными русскими по привычке. В кармане у мужа нашлась даже маленькая бутылочка коньяка, и, свернув из фольги стаканчики, они выпили втроём за

то, чтобы не заболел Хидэо, которому нельзя пить за рулём.

Мы должны наслаждаться! (Онсэн)

И осенью хочется жить
Этой бабочке: пьёт торопливо
С хризантем росу.
Басё

Хидэо и Намико горячо обсуждали что-то по-японски. Итоги переговоров сообщила по-английски Намико:

— На обратном пути мы решили заехать на горячие источники. Мы хотим загладить неприятное впечатление, которое осталось у вас от подъёма на гору. Мы, японцы, часто посещаем горячие источники. Особенно осенью.

На плакате у въезда в посёлок исходила струйками пара плоская чаша — так обозначали здесь горные источники, на которых устроены были ванны, по-японски онсэн. По бокам дороги стояли две большие, метра в три ростом, деревянные куклы.

— Это — наша традиция ставить у источников кукол кокеши, — объяснила Намико.

Кокеши были, как русские матрёшки, только потоньше — японки всё-таки. И наряд им полагался поскромнее — тонкий красно-чёрный узор вился по белому дереву.

— Хотите посмотреть, как делают кокеши? — спросил Хидэо, останавливая машину перед бревенчатой избой, светлой, просторной, новой.

Внутри был устроен сувенирный магазин. Прямо при входе за стеклянной загородкой мастера делали кукол. Они трудились сосредоточенно, не обращая внимания на посетителей. Зажав чурочку в токарном станке, мастер сначала делал её круглой, потом резцом выбирал талию, измеряя тело штангелем, на куклу был стандарт. Легко касаясь кисточкой крутящейся болванки, мастер оставлял тонкую полоску по вороту, по подолу. Куклы становились на стол ровными колоннами, дожидаясь нескольких цветков на груди. И головы. Захватив в ладонь белый шарик, мастер ловко нахлобучивал его на шею, рисовал дуги бровей, точки глаз и чёрную чёлку. Полки украшали неисчислимые ряды кокеши всех ростов: от крошечных, в мизинчик, до метровых — такие стояли в доме Кобаяси в прихожей. И цветом кокеши были

разные: красно-чёрные, золотистые, фиолетовые…

— Кокеши делают по всей Японии, но их раскраска и форма меняются в разной местности, — рассказывал Хидэо и улыбался — теперь ему не стыдно было за свою страну, так оскандалившуюся перед иностранцами на вершине.

В магазине уютно пахло новым деревом. На столике в углу стояли термосы с зелёным чаем и чашки. Покупатели могли попить чайку и отдохнуть на деревянной лавке у телевизора, где пейзажи окрестных гор сменяли мастера, склонившиеся над деревянными куклами. На стене рядом с экраном висел большой портрет императрицы на фоне полок, уставленных кокеши.

— Кокеши — национальный символ Японии, — сказал Хидэо.

С фотографии поменьше улыбалась девчушка в кимоно с кокеши, привязанной за спиной, как ребёнок.

— Мы, японцы, верим, что кокеши живые, — тихо вымолвила Намико.

— В старые времена случалось такое: в бедных семьях убивали новорожденных, если их нечем было кормить. Это называлось "отправить обратно". В память об этом ребёнке покупали кокеши. И верили — кукла живая.

Намико этого не сказала. Это было написано в Леночкиных книжках. На экране запылал большой костёр. Священник бросал кукол в огонь, а девушки в кимоно, сгрудившись тесным кружком вокруг огня, пели грустные погребальные песни. Раз кокеши живут, значит, и умирают, а покойников в Японии сжигают…

— Это Вам! — Хидэо протянул ей небольшой ящичек. — Кокеши в подарок.

Ей тоже захотелось что-то купить. Она выбрала одну из маленьких продолговатых дощечек, такую красивую от древесных прожилок, чёрных иероглифов и красного квадратика ханко. Продавщица у кассы удивлённо вскинула на неё глаза, смущённо хихикнула и заговорила быстро-быстро, показывая то на покупку, то на полки магазина. Прибежавшая на помощь Намико тоже засмущалась, словно не решаясь объяснить, в чём дело. И только Хидэо расхохотался, не стесняясь: она пыталась купить ценник! Подвела её привычка японцев делать красиво даже такую малость!

Вдоль улицы плотной цепочкой стояли отели, все на одной стороне, той, что примыкала к горе.

— Там проходит труба, в которую выведен бьющий из горы источник, — вволю порезвившийся Хидэо вернулся к роли гида.

На каждом отводе от трубы стояла гостиница с бассейном, наполненным природной горячей водой. Посовещавшись с Намико, Хидэо подъехал к одноэтажному новому дому,

простенькому, без затей. Здесь не было гостиницы, только ванна. В кассе Намико купила билеты и четыре полотенца. Два полотнища с белыми иероглифами — красное и тёмно-синее — прикрывали раздвижные, оклеенные бумагой двери в мелких клеточках деревянных переплётов. Две пары разделились на мальчиков и девочек и договорились встретиться через час. Мальчики нырнули под синюю занавеску, девочки под красную. В предбаннике они с Намико сложили свою одежду в пластмассовые коробки, поставили их на полки.

В просторной душевой из кранов щедрой струёй текла горячая вода — природная, чистая. Большие зеркала отражали белые кафельные стены и бутылки с шампунем на стеклянных полочках. Тут же стояли деревянные стаканы со щётками для волос, а рядом — такие же стаканы, но пустые.

— В них надо положить использованную щётку, — объяснила Намико. — Потом её помоют. — Намико взяла из стопки в углу и круглые пластмассовые скамеечки. — Мы, японцы, моемся сидя.

Усевшись, как японцы, две озябшие женщины нежились под горячими струями… Из душевой они вошли в большую комнату с прямоугольником кафельного бассейна. Это было сердце заведения — японская горячая ванна, общая для всех. И потому в неё полагалось входить помывшись. Ступив на кафельную ступень, уводящую в обжигающую, пахучую воду, она вскрикнула, отдёрнула ногу.

В клубах пара мирно подрёмывала старушка. Молодая мама, коренастая, крепкая, спокойно погрузившись по грудь, окунула в раскалённую купель младенца. Тот не сопротивлялся, не вопил, а только тихонько пошевеливал ручками и ножками — наверное, японцы сделаны из другого теста и прямо от рождения умеют терпеть.

— Неужели вам, японцам, не горячо в такой воде?

— Горячо, — спокойно отозвалась Намико, усаживаясь на дно. — Но в ванне мы должны наслаждаться — такова традиция. А потом, мы привыкли. Ведь и домашняя офура так же горяча…

Боясь свариться с непривычки, она, собрав всю волю в кулак, перетерпела первый ожог, вошла по пояс… Вода, вонзаясь тысячей иголок, выдавливала слабость, усталость, грусть. Она почувствовала то, что положено — наслаждение. За большим, во всю стену окном чернела гора, закутанная в туман, качали ветвями мрачные ели… Клочья холодных облаков плыли совсем близко, рядом… А они нежились в прозрачной, божественной воде.

— Ямабуси, спускаясь в долину после восхождения, заходили в посёлок и там устраивали себе баню и пир с девушками. В

посёлке у подножия горы обязательно были бани и увеселительные заведения, — так писали Леночкины книги. Выходит, они тоже следовали старой японской традиции — завершали наслаждением трудное дело.

Её озябшее тело оттаяло, щёки запылали. А на лицо Намико осталось бледным — она берегла его, не смывала краску — даже в ванне японке не положено выставлять напоказ свои проблемы. И слишком расслабляться не положено. Намико посмотрела на большие часы на стене, приказала:

— Пора выходить, достаточно для первого раза.

И она, потерявшая в кипятке всякую волю, покорно пошла вслед за Намико, уселась на кафельном бережке. Остыв, полагалось окунуться ещё раз. Потом ещё. Точно через час дамы вышли в вестибюль, где их уже ожидали распаренные, разнеженные мужчины. И огромный чугунный чайник, подвешенный над очагом на цепи, прикрепленной к потолку.

— Так кипятили воду в старом японском доме, — Намико наклонила тяжёлый чайник, не снимая его с цепи, заварила свежий зелёный чай.

Заварка, маленький глиняный чайник и чашки — всё это нашлось в предбаннике. Душистый пар щекотал ноздри, терпкая горячая жидкость разносила по телу блаженство, довершая славное дело ванны — наслаждение продолжалось. Отдохнув на широких деревянных лавках, они вышли на улицу. Намико достала из сумки четыре хурмы, а Хидэо велел всем выстроиться у обрыва, чтобы сделать снимок на фоне вулкана. Они улыбались в объектив — помолодевшие, румяные, с золотистыми плодами в руках. А клочья холодного тумана плыли где-то внизу, отдельно от них.

Хяку ман алых роз

За ночь вьюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца…
У соседа воды возьму!
Тиё

Сухой прозрачный октябрь уносил последние дожди и непогоду тайфунов и утверждал высокое небо с ясным солнцем и прозрачными перистыми облаками. Японцы называли их осенними. Телевидение прекратило показывать страшные

клубящиеся вихри и людей в резиновых сапогах на затопленных улицах. На экране поплыли под тихую музыку залитые солнцем лесистые горы — красные и золотые с редеющими пятнами зелени. Среди гор бурлили речки с выгнутыми красными мостиками и стояли красивые отели. Девушки в ярких кимоно кланялись, встречая постояльцев в дверях, и махали ручкой на прощанье, придерживая широкий рукав кимоно, чтобы не открылось голое тело. Хрупкие красавицы погружались в прозрачные воды бассейнов, просвечивая жемчужными телами сквозь белый пар, а потом, набросив лёгкие кимоно, усаживались за низенькие столики, полные красивой еды. Всё это происходило на горячих источниках.

— В нашей префектуре их много, — говорил Шимада.

И объяснял, что ванны бывают разные — для наслаждения и для мытья, попросту бани. Бани делали без затей — с кафельными или деревянными бассейнами. А ванны для наслаждения обычно держали отели, устраивая их красиво. Но если даже простые бани, куда привели их супруги Кобаяси, вызвали у них потрясение, ванны для наслаждения имело смысл посетить.

— И осень — самое подходящее для этого время, — утверждал Шимада.

Утренний воскресный поезд был набит до отказа — осенью вся Япония устремлялась в горы. Люди ехали группами. Группа пожилых мужчин и дам в одинаковых панамках заняла лучшие места у окон, рядом со столиками — пенсионеры не поленились прийти пораньше и теперь болтали и пили — пивные банки и маленькие бутылочки с сакэ разносил им степенный мужчина, должно быть, староста группы. Школьницы с одинаковыми рюкзачками без умолку щебетали, сгрудившись стайкой. Группа молодых парней под предводительством строгого учителя с флажком дремала, повиснув на качающихся на ремнях поручнях. Они, единственные одиночки в вагоне, озирались в сомнении — а вдруг японские горы принимают только коллективы?

Всего через двадцать минут поезд остановился возле маленькой платформы. Две деревянные куклы-кокеши ростом чуть поболе человека извещали, что прибыли они куда надо, на горячие источники. Игрушечный вок-зальчик, вполне уместный рядом с куклами, сумел вместить лишь автомат с билетами и пожилого контролёра. Он штемпелевал билеты отъезжающих и отбирал билеты приезжающих. Проскочить мимо него зайцем было нельзя — ширина прохода не позволяла. Низкий семафорчик поднял крошечную лапку, пропустил игрушечный состав в четыре вагончика. Поезд затюкал колёсиками, забираясь

в ущелье, оставляя тишину и разнотравье холмов, разбегавшееся прямо от рельсов. Полосы вонючего мазута возле путей не было — в маленькой Японии для этого просто не хватало места.

Горная речка билась в высоких каменных берегах, октябрьское солнце пекло по-летнему… Впереди них шли двое — мужчина с большой сумкой и женщина налегке — пара странная для Японии. Женщина, напевая, выбежала на обочину, сорвала цветок. Увидев иностранцев, замерла, помахивая цветком. И вдруг улыбнулась, поклонилась и быстро заговорила по-японски. Спутник пришёл ей на помощь. Старательно выговаривая английские слова, он вежливо поинтересовался, из какой страны прибыли гости. Слово "Россия" вызвало бурное ликование и другой вопрос:

— Куда вы направляетесь?

Здесь проблем не возникло — они знали японское слово "онсэн".

— Мы тоже идём к источникам, — сообщил мужчина и представился: — Сэй.

Жену звали Сёко. Она поинтересовалась осторожно, что же собственно русские собираются делать — мыться или наслаждаться? Подготовленные Шимадой они вопросу не удивились, а, немного смущаясь, признались, что их цель — наслаждение. Поскольку намерения обеих пар совпадали, Сёко предложила пойти вместе. И русские немедленно согласились — ещё в поезде они почувствовали неодолимое желание влиться в коллектив.

Отели взбирались вверх по лесистым склонам гор, теснились у дороги. Их ряд был длинным, бесконечным. Выбрать один из них представлялось нелёгким делом. Возле крытого соломой дощатого сарая на высоких столбах они остановились, недоумевая, как он затесался среди роскошных гостиниц. Стоявшая в дверях девушка в ярком кимоно, завидев их, опустилась на колени, поклонилась, коснувшись лбом пола.

— Это — самое дорогое заведение в посёлке, гостиница в традиционном японском стиле риокан, — объяснил Сэй и научил их правилу: — Маленькие отели в японском стиле и большие в западном — самые дорогие. А вот западные отели поменьше или японские побольше будут по цене в самый раз.

— Мы знаем хорошее место! Мы посещаем его каждую осень, — сообщил Сэй, устремляясь к небольшому отелю в западном стиле.

Впрочем, стиль был западным не вполне. Ему соответствовала только архитектура бетонного дома-коробки, да кровати и душ в номерах — так говорил Сэй. Всё остальное

поддерживало ласкающий постояльца стиль японский. В вестибюле к ним бросился молодой человек, поставил на ковёр у их ног четыре пары шлёпанцев. Пока другой парень, подхватив их обувь, устраивал её в шкафчике, третий продал им билеты. Цена наслаждения была вполне разумная, тысяча йен с носа. Втроём парни объяснили, как пройти к ваннам, проводили гостей до лифта и поклонились так низко, что их галстуки почти коснулись пола. Возле раздвижной японской двери, оклеенной бумагой, Сёко заставила их снять тапочки. В большой комнате на татами стоял ряд низких столиков. На столиках был приготовлен горячий чай в термосах и красивые чашки. Люди, расположившиеся на подушках возле столиков, тихо беседовали. Яркий свет смягчали зеленоватые шторы, жару — кодиционер. Сёко на правах хозяйки взяла из корзины, стоявшей у входа, четыре пакета с кимоно, заставила свой отряд переодеться, усадила возле свободного стола, напоила чаем. Горячий зелёный чай утолял жажду, усталые ноги отдыхали на упругом татами, ситец лёгкого кимоно ласкал кожу — наслаждение началось. Но Сёко решительно поднялась: чай — только прелюдия и задерживаться на ней не стоит! Сумки, одежда — всё было брошено возле столика. Только кошельки Сёко посоветовала взять с собой.

Ковёр длинного коридора плавно перешёл в деревянный мостик через ручей, который бежал прямо в здании, под крышей. По берегам его рос сад, сливаясь с внешним садом за прозрачными стенами, и трудно было различить, что растёт снаружи, что внутри — к ваннам, расположенным в отдельном корпусе, вёл от гостиницы крытый переход. Отделившись от мужчин, дамы разделись в своём предбаннике. Корзинки для одежды здесь были сплетены из прутьев — ванны для наслаждения не имели права на пластмассу бань. И на кафель — выложенный камнями бассейн был похож на горное озеро, банный зал — на пещеру. Пол и низко нависший потолок покрывали округлые серые камни. Наверняка их прикрепили цементом к бетону, но думать об этом не хотелось. Три стены пещеры украшал замысловатый каменный узор. Но главным чудом была четвёртая стена. Которой не было. За решёткой балкона, нависшего над пропастью, чернела скала, зеленели ели…

В помещении не оказалось не только стенки, но и душевых. Мыться перед погружением в общую ванну полагалось прямо возле неё, если то, что стала делать Сёко, могло называться мытьём. Женщина зачерпнула ковшиком воду из сооружения вроде колодца и легонько плеснула себе на спину, на ноги. Вода

стекала в бассейн — в ванны для наслаждения полагалось являться чистым. Она ступила на каменные ступени бассейна, поёживаясь, вода здесь была не прохладнее, чем в бане. Из выступающей над водой каменной горки бил, клокоча, невысокий фонтан. Струя урчала, фыркая горячим паром, дышала запахом серы, словно вырывалась из преисподней. Из облака пахучего пара выступили две разрумянившиеся девушки. Они улыбнулись, поздоровались, смущённо поводя ломкими плечиками, вышли на бережок, стыдливо прикрываясь. Три плотные провинциалки, не прерывая беседы, кивнули вновь прибывшим, придерживая на головах сложенные махровые полотенца, и тоже пошли охладиться, уселись прямо на каменный пол, вытянув короткие ноги с выпуклыми икрами. Через несколько минут и они с Сёко покинули обжигающую воду. Стоя на балкончике в чём мама родила, они глядели на горный поток, бурлящий прямо под их ногами, на лес, роняющий на их голые плечи жёлтые веера листьев гинкго… Скала была совсем близко, рукой подать. Наверное, специально так строили корпус для ванн, чтобы любоваться вышедшими на балкончик можно было, только взобравшись на вертикальную стенку.

За тонкой бамбуковой перегородкой расслабленно гудели голоса мужчин.

— У нас тоже было очень красиво, — сообщил, выходя в предбанник, муж.

В комнате отдыха Сёко опять не дала им как следует попить чайку — в гостинице заканчивалось обеденное время. Сёко выбрала маленький ресторанчик, такой маленький, что и столов-то в нём не было, только стойка. Посетители помещались по одну её сторону, кухня — по другую. Из большой кастрюли, урчащей на единственной горелке, повар, он же официант, налил в миски единственное имевшееся блюдо — лапшу в мясном бульоне. За большим окном струился по замшелым камням водопад, вились лианы… Где-то совсем рядом били из горы горячие ключи. Их серный дух мешался с запахом варёного мяса и пива. Японцы чокались с русскими запотевшими стаканами и ели лапшу — странную, розовую. Хрупкая маленькая Сёко, без труда справившись с содержимым огромной глиняной миски, вдруг запела "Катюшу". "Катюшу" знала вся Япония. Во всяком случае, пожилая её часть. У "Катюши" были японские слова. И у другой песни, которую с трудом удалось опознать, потому что Сёко смягчала, растягивала чёткий ритм.

— Чернобровый, черноокий молодец удалый… — пропела Сёко и вдруг вскочила, пошла в пляс, плавно поводя руками.

Сэй, улыбаясь, отбивал такт твёрдыми ладонями. Руки у него

были большие, сильные, как у мастерового, а лицо тонкое, как у артиста. Сэй был художник. А Сёко учила детей музыке. И знала много песен. Вернувшись к стойке, она замурлыкала, мешая японские и английские слова:

— Хяку ман, хяку ман алых роз…

Хяку — по-японски сто. А для счёта больших чисел японцы используют специальную единицу — ман — десять тысяч. Значит, хяку ман означало миллион.

— Миллион, миллион, миллион алых роз… — пела Сёко убогий шлягер.

И улыбалась трогательно, как ребёнок, от всей души желающий сделать приятное новым друзьям. Они спели на два голоса, она — по-русски, Сёко — по-японски. И обменялись телефонами.

Первыми позвонили русские и пригласили Сэя и Сёко к себе. Гости принесли в подарок японскую плосколицую куклу из папье-маше — такие стоили бешеные деньги.

— О, не беспокойтесь! — смущённо улыбнулся Сэй. — Куклу сделала моя мама.

Сэй нешуточно, как положено художнику, пил водку и молчал. А Сёко восхищённо ахала, поедая пирожки. Она даже попыталась сплясать русскую, но смешалась и вернулась за стол. В городской квартире Сэй и Сёко терялись, становились маленькими. И ушли они рано. Но через две недели позвонили и пригласили русских к себе домой.

— Как лучше добраться туда? — спросила она Хидэо, показывая ему адрес.

— Я не советую Вам встречаться с этими людьми, — сказал он, взглянув на бумагу. — Они живут в нехорошем районе, очень бедном. Где вы познакомились?

При слове "улица" сэнсэй поморщился, укоризненно покачал головой — он не одобрял случайных знакомств.

Сэй приехал встретить гостей на железнодорожную станцию.

— Нас трудно найти, — улыбнулся он смущённо.

Они долго ехали на автобусе, потом шли пешком среди маленьких, невзрачных как сараюшки домов, обходя поломанные деревья. В центре следы тайфуна давно убрали, а в бедном районе не спешили навести порядок. Дом Сэя и Сёко походил на коробочку из почерневшего старого дерева. Гостей усадили на старый продавленный диван. Других высоких сидений в доме не нашлось.

— Сначала я угощу вас чаем — такова традиция, — сказала Сёко.

Подкатив к дивану столик на колёсах, она опустилась на

колени, помолчала минуту, словно помолилась. И начала.

Среди множества посуды на столике она выбрала большую чашку с носиком, налила в неё воду из чайника, отставила в сторонку, объяснила с помощью Сэя — японский зелёный чай не терпит кипятка, вода должна остыть до восьмидесяти градусов, иначе настой приобретёт горечь. Серьёзно, словно исполняя обряд, Сёко ополоснула чайник, засыпала в него заварку специальным совочком. Затем пощупала чашку с носиком и стала лить остывшую воду в чайник. Едва смочив заварку, Сёко подождала немного и только потом вылила в чайник остатки воды. Нежный зелёный чай заваривался быстро, японцы не понимали смысла слова "настояться". Сёко накрыла чайник крышкой и тут же принялась разливать чай, двигая рукой вверх — вниз.

— Так перемешиваются более насыщенные нижние слои чая с верхними, — пояснил Сэй.

Взяв серую чашку из грубой глины двумя руками, Сёко с поклоном протянула её гостю, вторую чашку — гостье. Движения Сёко были точными и экономными, словно их веками отбирали из тысячи других движений, как самые необходимые. Сэй не отрывал глаз от рук жены. Он наслаждался процессом заварки чая. И гости застыли зачарованно. В маленькой комнатке было тихо-тихо. Сёко долила воды в чайник и предложила гостям новую порцию. Зелёный чай можно было заливать несколько раз, и самой вкусной считались не первая, а вторая и третья заварка.

На низком столике на старенькой электрической плитке что-то булькало в странной кастрюле, напоминавшей половину чугунного шара.

— Кастрюля называется набэ. Она досталась жене от прадеда, — Сэй вернулся к обязанностям гида.

Суп, что булькал в кастрюле, назывался чанко набэ и тоже был блюдом старинным, традиционным. Сэй утверждал, что именно таким супом откармливают борцов сумо. Сёко подняла деревянную крышку и стала складывать в кастрюлю палочками китайскую капусту, грибы, проросшую сою, тофу и зелень, похожую на ботву морковки. Вкусным духом суп был обязан мясным фрикадельками, которые Сёко опустила заранее. Женщина перемешала всё брошенное в котёл палочками и тут же пустила в ход небольшой половник: свежесть еды — главное правило японской кухни. Потому и готовят здесь прямо на столе. Каждый сам наливал себе похлёбку, сколько хотел.

В небольших полушариях деревянных мисок плавали плоскодонные фарфоровые ложечки. Конечно, можно было обойтись и обычной японской методой — съев твёрдое

палочками, выпить жидкое через край — но с чанко набэ так обходиться не полагалось. Потемневшие деревянные миски для супа, желтоватые фарфоровые ложечки, чёрное набэ в оспинах литья, потёртый чёрный лаковый поднос, на котором лежали овощи, всё было старинное. Традиционное. И Сёко была сегодня такой, какой положено быть японке. Молчаливая, сосредоточенная, склонённая, она не пела, не плясала. Сейчас она была не туристкой, не гостьей — хозяйкой японского дома. Одетая подобающе — не в брюки, как на источниках, а в тёмно-лиловое кимоно, она сидела на коленях и прислуживала мужу и гостям — подливала сакэ в глиняные распластанные, как блюдца, рюмки. И не пила сама.

Покончив с обедом, Сёко разложила на татами какие-то коробки. В той, что побольше, хранилась в древесных стружках тяжёлая глиняная маска старика. Белое, словно посыпанное мукой страшное лицо с шевелящейся челюстью пугало торчащим изо рта зубом. Маску использовал дед Сёко, актёр. Коробка поменьше скрывала кусочек благовонного дерева. Его хранили как драгоценность, привязав шнурком с кистями к шёлковой подстилке. Из третьей шкатулки, совсем крохотной, Сёко достала уже напиленные тонкие пластинки того же дерева и угольные палочки. Сёко зажгла газ, чтобы показать гостям, как всё это работает. На торец раскалённого на огне уголька она положила тонкий деревянный квадратик, поднялась на возвышение, устроенное в гостиной, прошла в нишу — токоному, вставила палочку в бронзовую курильницу…

Синеватые струйки душистого дыма поднялись над курильницей, устремились к узкой бумажной картине, висящей на стене.

— Это — какэмоно. Оно досталось мне от прадеда. Оно старинное, из эры Эдо. Сёко осторожно коснулась пальцами пожелтевшей бумаги, от старости пожухлой, обтрёпанной по краям… Маленькая женщина в лиловом кимоно грациозно скользила, словно разыгрывая спектакль. Возвышение стало сценой, дом — декорацией из дерева, глины, бумаги… С полки на стене смотрели, неловко развалясь, большие куклы в платьях из серых пыльных кружев. Сквозь стеклянную дверь просвечивал крошечный садик. На двух квадратных метрах вилась меж заботливо уложенных камешков тропинка, краснел ягодами кустик, плоская крона полуметровой сосенки повторялась в микроскопическом прудике, наполненном журчащим водопадиком. Словно машина времени уносила домик в эру Эдо, проступавшую вещами реальными: выцветшей картиной, курильницей, глиняной маской… В двадцатом веке домик

удерживало немногое: большой телевизор, электрическая плитка, чайник-термос…

Сёко достала с полки рулон и попросила высокого Сэя ей помочь. Вдвоём они сняли со стены старое какэмоно — пейзаж с японским домом, соснами и горами и повесили новый свиток. Он был ещё старее старого — желтизна расползлась по нему неровными пятнами, написанные чёрной тушью иероглифы выцвели.

— Это — наша главная драгоценность! — горделиво улыбнулась Сёко. — Самая старая вещь в доме.

— Нет, нет, — успокаивал гостей Сэй. — Вы вовсе не причиняете нам лишние хлопоты. Мы сами время от времени меняем какэмоно — так принято.

Он принёс откуда-то глиняную вазу и поставил её на полку рядом с курильницей. Ваза была рыжевато-серая, с потрескавшейся глазурью.

— Тоже старинная? — вежливо поинтересовались гости.

— Нет, это сделал я, — гордо улыбнулся Сэй. И сознался: — Картины плохо продаются. А надо жить. Учить сына. Он хочет стать скрипачом. Вот я и пробую заняться керамикой. Керамика идёт лучше. В Японии нет такой традиции — покупать картины… — И принялся оправдывать своих сограждан: — Дома у нас маленькие. Картины негде вешать. Музеи? У нас их почти нет. Впрочем, в нашем городе как раз есть музей. Это редкость. Там была моя выставка. Но картин не купили. Ни одной.

Музей в городе был новый, выстроенный всего три года назад в совершенно западном стиле. И парк вокруг, если не считать пруда с рыбками, был вполне западный. Экспонатов в музее было мало — редко расставленные скульптуры японского художника, лепившего европейцев, рисунки русской художницы, рисовавшей японцев. И несколько новых картин местных художников, недостойных никакого музея. Сэй рисовал гораздо лучше. Сёко принесла из соседней комнаты альбом с фотоснимками картин Сэя.

— Сами картины я не могу показать, — застеснялся Сэй. — Они сложены в доме матери. Мне негде их хранить. Мастерской у меня нет. Я рисую там, в пристройке, — он указал в окно на маленькую будку размером чуть побольше русского деревенского туалета. — И керамику я делаю там же…

На стене висела неоконченная картина. На небольшом холсте было то же, что и на остальных картинах Сэя — женщина с поникшей головой, с раскинутыми руками, словно распятая на кресте. Синевато-серая фигура нечётко проступала из жёлтого тумана, а из-за её спины вырывался свет. Заметив интерес гостей,

Сэй снял картину со стены, поднёс ближе.

— Может, это будет интересно для вас или ваших друзей? — он подарил им пачку открыток с копиями своих картин. Художник надеялся что-нибудь продать.

В дверь позвонили — соседка пришла забрать чашку, в которой стояли на столе сущи. В доме художника и учительницы музыки не было ни одной большой чашки, и они взяли её взаймы у соседки. Та делала на продажу сущи, и они купили у неё немного для гостей. Сёко внесла в комнату сумку.

— Это подарок! — она достала завёрнутое в фуросики летнее ситцевое кимоно юкату, белое в зелёных цветах.

Кимоно было не новое, но хорошо постиранное, накрахмаленное. Поверх лежал жёлтый пояс из широкой тесьмы, пахнущий нафталином.

— А это — от меня, — Сэй протянул маленькую глиняную чашку собственного изготовления.

Шероховатую поверхность глины покрывала неровными потёками серая глазурь. В художественных салонах на Ичибанчо такие чашки продавали тысяч за пять йен — подарки были царские.

— Нет, нет, вы должны всё это взять! — горячо убеждал Сэй. — Японский обычай не велит выпускать из дома гостя без подарка…

Сёко пошла проводить гостей, накинув на плечи что-то старенькое, ветхое — не то шарф, не то плед. У автобусной остановки на проспекте русские оглянулись и не увидели маленького домика. Его закрывал большой плакат с рекламой кока-колы.

Путь китайских пельменей на празднике картошки

Тихо, тихо ползи,
Улитка по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!
Исса

Жизнь человека — длинное путешествие с тяжёлой поклажей. Нельзя торопиться.
Японская пословица

— Двадцать первого октября в университете будет

праздник, — сказал Хидэо. — Мы, японцы, отмечаем каждый сезон: весну — любованием сакурой, лето — пикником на морском берегу, начало осени — поездкой в горы.

Грядущий праздник был посвящён сбору урожая и назывался иммоникай в честь картошки иммони, поспевшей к этому времени на полях. В субботу утром на речном берегу собралось много народу — весь факультет справлял иммоникай в одном месте, в один и тот же день и час, наверное, специально для того, чтобы народ не отрывался от японской тесноты и не привыкал к простору. Широкое пространство серой гальки разбили натянутыми на колышки верёвочками, отметив для каждой лаборатории свою делянку. Делянки были маленькие, но стиснутый народ чувствовал себя привычно, меленько перемещаясь в положенных пределах. Попыток нарушить границы и установить хоть какие-то отношения между делянками не наблюдалось. Редкие шатающиеся и наносящие визиты были иностранцами. А японцы, присев на корточки, принялись трудиться.

Из речных камней сложили очаг, на иммоникай полагалось делать печку именно так, как в деревне, потому что праздник это деревенский. Из города прихватили только железный лист, чтобы накрыть печь. И дрова. Их купили в магазине — скреплённые красивыми верёвочками аккуратные поленца одной длины и толщины, словно отмеренные специально. И воду привезли с собой в канистрах, и синюю циновку. Сегодня она была столом — на ней расставили непременные пивные банки, коку и пластмассовые миски. Сидеть полагалось вокруг стола на камешках или на корточках. Но сидеть студентам было некогда. Они водрузили на самодельную печь чёрную кастрюлю — такое же набэ как у Сёко, только большое, на ведро воды.

Сгрудившись вокруг набэ, ребята не сводили глаз с закипающей воды. С первым бормотанием котла, словно со взмахом дирижёрской палочки, началось действо: студенты доставали из своих сумок пакеты, коробки и, подходя строго по очереди, высыпали в воду мясо, тофу, грибы и зелень — всё приготовленное заранее, порезанное, помытое. Никто не теснился, не толкался, не вскрикивал "ах, забыл!", каждый знал своё место — роли были распределены заранее. Когда над котлом заклубился густой душистый пар, вперёд выступил самый старший из студентов — Миура. Из его пакета посыпались в набэ белые шарики для пинг-понга. Это и была картошка иммони, та самая, знаменитая, которой посвящался праздник.

— Наши студенты — большие мастера организовывать пикники! — буркнул Шимада так, словно хотел сказать "только

пикники".

Аспирант Танабу отошёл в сторонку. Ему, как старшему по званию, была доверена особая задача. Сложив из камней собственную печурку, он засыпал в неё купленные заранее древесные угли, поджёг, накрыл огонь железным листом, вытряхнул на него ломтики сырого мяса, варёную гречневую лапшу и проросшие зёрна сои. Присев на корточки, он принялся ловко ворошить дымящуюся кучу палочками, не давая ей подгореть. Ещё пятерых студентов увёл китайский доктор Чен. Он достал из своей сумки большую кастрюлю, положил туда свиной фарш, креветки и нарезанные мелко молодые зелёные перья чеснока.

— Чен готовит китайские пельмени гёза! — радостно улыбнулся Хидэо. — Гёза — очень вкусная еда!

Чен пристроил на печи рядом с набэ большую сковородку и поручил Митико превратить в гигантский омлет дюжину яиц. Митико старательно взбила жёлтую пену четырьмя палочками, Чен отправил жареные яйца в кастрюлю, доверив смешать фарш самому сильному — рослому студенту Чангу. Кореец трудился на совесть, пучок палочек похрустывал в его мощных руках.

— Ещё мешать, ещё! — командовал Чен, придирчиво наблюдая за работой.

Себе он оставил самую трудную операцию, которая по плечу только мастеру — полить фарш кунжутным маслом. Янтарная струя, блестя на солнце, текла из бутылки, забивая ароматом жареных семечек даже крепкий дух похлёбки. Внимательно глядя на залоснившуюся смесь, Чен вдруг остановил золотистый поток, оставив на дне бутылки совсем немного масла — ему была известна точная мера. Взяв другую кастрюлю, Чен замесил тесто, совсем простое — вода да мука, скатал большой шар, проткнул в нём дырку, сделал кольцо, обминая его ладонями, нарезал равные дольки. И принялся раскатывать сочни пивной бутылкой. Делал он это виртуозно. Расплющив комочек теста, ставил большой палец левой руки точно в центр сочня и, вращая его, раскатывал лепёшку по краям. Тесто плясало в руках Чена, выпархивая идеально ровным тонким лепестком. Студенты, не отводя глаз, смотрели на руки китайца — сейчас он был сэнсэем, они — учениками. Взяв в руки бутылки, ребята медленно, неловко пытались повторить летящие движения учителя. Не получилось ни у кого. И никто не сдался, не отступил. Только старательнее заработали руки, ниже склонились головы.

Выхватывая палочками из зеленовато-розового фарша маленькие комочки, студенты клали их точно на середину сочня, долго подравнивали, подчищали мясные волокна с краёв,

неловкими пальцами старательно защипывали тонкое тесто, расправляли, переклеивали заново. Их занимало только одно — слепить в точности, как сэнсэй. А сколько сделано пельменей, никто не считал. Ряды красивых гёза на подносе росли небыстро.

— Япония всегда стремилась к экономике с низкой эффективностью, — проворчал муж, ему досталась всего пара пельменей — пятеро лепивших не успевали накормить десятерых своих товарищей.

— У нас много народу, всех надо занять, — вступился за свою страну Шимада. — Иначе будет безработица, преступность. Нам важно работать не эффективно, а долго.

— И безрезультатно, — тихонько буркнул голодный муж.

Она присела рядом с Митико и мгновенно слепила пару десятков пельменей. В результате фарш закончился, поднос с готовой продукцией переполнился, а варивший перестал справляться с неожиданно возросшим потоком — плавное течение процесса было нарушено. Лепильщики застыли в тягостном безделье.

— О, Вы, как всегда, работаете очень эффективно! — усмехнулся Хидэо, уводя её в сторонку. — Профессору не пристало заниматься приготовлением пищи. К тому же Ваши пельмени имеют неправильную форму! — заметил он язвительно.

Действительно, её изделия были русского фасона, без складочек.

— Какая разница, всё равно съедят! — выпалила она.

Студенты изумлённо подняли на неё глаза, Хидэо укоризненно покачал головой.

— Нет, нет, для нас, японцев, это недопустимо!

— Но студенты не успевают всех накормить! — пыталась сопротивляться она.

— Это неважно! — отмахнулся Хидэо.

То, что он принялся пространно излагать, сводилось к давно известному: для японца важно не столько достигнуть цели, сколько довести до совершенства процесс. Потому что путь к цели важнее, чем сама цель.

Слово Путь японцы наверняка писали с заглавной буквы. Ибо всё, что делает японец, для него Путь: самурайский кодекс — буси-до, боевые искусства — дзю-до, таэкван-до, айки-до, где каждый шаг "до" самоценен. Любой японец стремился к совершенству каждого шага своего Пути. И потому сэнсэй старался делать наилучшим образом всё: научные статьи, протоколы собраний… И студенты старались пройти достойно свой Путь: учёбу, научные исследования, пикники… Сейчас их Путь был Путь Китайских Пельменей. Японцы не стремились

пройти свой Путь быстро, для них главное — быть в Пути. Вне Пути японцу неуютно. Неприлично. И потому хлопотала целыми днями в пустом доме Намико, выискивая себе работу. Потому суетился в лаборатории Хидэо, хоть книжки переставляя, но занимая себя допоздна. И студенты потому же подрёмывали вечерами у компьютеров, не уходя домой, — они старались быть при деле, в Пути.

Студенты лепили пельмени третий час. Присев на корточки, скрючив спины, они лепили тщательно, самозабвенно. Хотя могли бы праздно стоять и смотреть на ясное солнце, высокое небо и на парней, что возились, сталкивая в реку товарища. Они могли бы смеяться вместе со всеми, когда бедолага плюхнулся в воду, но они работали, не разгибаясь, не поднимая глаз. Их волосы растрепались, футболки намокли от пота. И хотя в пельменщики их никто не определял, они не пытались улизнуть. И не выглядели усталыми, несчастными. Напротив, они держались гордо, словно избранные — они работали. Оставшиеся же без дела смотрели на них с завистью. А лепильщики работали так рьяно, словно боялись, что работу у них отнимут. Работали жадно, словно дорвавшись до дела любимого, желанного.

— Посмотрите-ка на них! — сказал насмешливо Шимада. — Им всё равно, что делать, лишь бы делать, работать. Им больше ничего не надо!

А она стояла, наслаждаясь солнцем, свежим запахом воды, горячим соком пельменей, от мяса сытных, от креветок лёгких, душистых от кунжутного масла и чеснока, и думала: а может, так и надо проходить свой Путь, заботясь о том, чтобы каждый шаг его был достойным? Стараться сделать совершенным всё, любую мелочь, к которой прикоснулись твои руки? И радоваться каждому шагу Пути. И не рваться, запыхавшись, к цели, проскакивая как попало ведущие к цели ступени — неповторимые дни своей жизни? Она думала, что западная идея цели отнимает у человека самое прекрасное — настоящее, превращает его в мрачного пессимиста, потому что если постоянно смотреть на то, что в конце Пути, то получится, что цель жизни — смерть. А если думать о Пути, то окажется, что цель жизни — жизнь.

Шимада присел на корточки, стал кормить свою маленькую собачонку пельменями из своей миски, своими палочками. Собачонка благодарно тёрлась о брючину его мятого тренировочного костюма, оставляя клочья рыжей шерсти, хорошо заметные на чёрном. Студенты доели похлёбку, собрали в пластиковые мешки мусор, оставляя на берегу идеально чистую гальку. Разнеженный пельменями и солнцем Хидэо вызвался отвезти своих русских гостей домой, но по дороге свернул с

шоссе.

— Вы обязательно должны посетить этот буддийский храм!

Стриженые кусты стряхивали капли внезапно налетевшего дождя на дорожку, вымощенную большими плоскими камнями.

— Здесь всё имеет особый смысл. Вот эта тропа, например: твёрдый камень — хороший период жизни, земля между ними — плохой, — Хидэо вздохнул. — В моей жизни их было не так много, твёрдых камней…

Осторожно переступая по каменным островкам удачи через беду — размоченную дождём грязь, она заметила среди зелени тёмное старое дерево храма, воскликнула:

— Посмотрите, как красиво!

И поскользнулась.

— Идти надо, сосредоточившись не на цели, а на Пути, — засмеялся муж, подхватывая её. — А то сядешь в лужу.

Через несколько дней Хидэо принёс фотографии, сделанные на празднике иммоникай. Там почти не было лиц — только согнутые спины.

Один счастливый день

Уж осени конец,
Но верит в будущие дни
Зелёный мандарин.
Басё

Муж торопился закончить работу, до его отъезда оставалось совсем немного времени.

— Зачем Вы всё время ставите себе какие-то цели? — с мужчиной Хидэо обращался иначе, чем с ней, с женщиной — не журил, не поучал, но иногда не выдерживал всё-таки, принимался руководить: — Не спешите! Просто работайте! А успеете ли Вы закончить работу или нет, разве это важно?

Хидэо интересовал Путь. А они рвались к цели. Они привыкли доводить дело до конца. Она помогала мужу, вместе с ним просиживая в лаборатории допоздна.

— Как много вы сделали! — довольно улыбался Хидэо, принимая из их рук толстые пачки рукописей. И словно спорил с кем-то: — Нет, русские — не лентяи! — Напуганный бурным потоком их слишком результативной деятельности, он даже пытался их притормозить. — Вы чрезмерно быстро всё делаете!

На работу аналогичную вашей коллега из Осаки потратил семь лет! Каждый опыт он повторял сорок раз!

Семь лет, сорок раз — для Хидэо это было ценно само по себе, его не смущала несоизмеримость усилий и достигнутого результата, весьма скромного. Им не удавалось внушить Хидэо ценность цели, ему не удавалось заставить их повиноваться законам Пути…

В воскресенье они проснулась рано и долго лежали, прижавшись друг к другу, на нагретом солнцем татами. Тёплый ветерок влетал через открытую балконную дверь, принося запах сухой ноябрьской травы, утренняя улица молчала. Нехотя поднявшись, они тихонько побежали к парку, устроились делать зарядку на своём любимом месте — на пригорке под дощатым навесом. Муж подтягивался, ухватившись руками за деревянную перекладину, обвитую вьюнком. А она рассеянно подбрасывала теннисный мячик и смотрела, как сухие цветы падают на его плечи, путаются в волосах. Пожилой японец привязал к качелям большую песочную собаку, надел белые перчатки и стал пинцетом собирать мусор в пластмассовый пакет. В маленьком парке было чисто — старик управился быстро, полил клумбу, отвязал собаку… Почувствовав свободу, животное рванулось, схватило на лету зубами теннисный мяч, легко опрокинуло щуплого хозяина, потащив его по бетону дорожки — падая, старик не выпустил из рук поводок. Поднявшись, он покрепче намотал на руку ремень, потёр ушибленную ногу, достал из сумки свой теннисный мяч, стал упрашивать собаку обменяться. Но она, крепко ухватив зубами трофей, не соглашалась — чужой мяч был красивее, новее. Старик кланялся иностранцам, извинялся, улыбался. И они поклонились ему и побежали домой. У самого подъезда старик нагнал их, вернул мяч. Ещё раз поклонился, извинился… Собака шла за ним, виновато опустив голову.

Они долго рассматривали карту, решая, где им провести этот день. Последний день вдвоём в Японии. По всему полю карты были разбросаны значки: ворота с загнутыми вверх концами перекладин — шинтоистские шраины и паучки свастики — буддийские храмы. Возле одного из них было написано "Ринодзи". Слово звенело, как этот прозрачный осенний день — Ринодзи! И они, не колеблясь, решили идти туда. Вдыхая лёгкий воздух, солнечный, сухой, они поднялись на длинный холм, плотно заставленный храмами. В высоком синем небе кружили ястребы, пахло разогретой смолой — начало ноября на севере Хонсю, как московское бабье лето. Дорога шла между высоких сосен и могил. Близко к кладбищу, по-японски близко стояли дома. Футонги

сушились почти на надгробьях, занавески в открытых окнах развевались, доставая статуи Будды… Как можно жить, вечно видя могилы и не только при солнечном свете, но и в ненастье, в дождь? — одинаково подумали они. И поспешили прочь.

За забором из железных прутьев среди лиственной зелени сада темнели старые деревянные постройки, поднималась к небу четырёхъярусная башня, но вход в сад наглухо запирал приземистый храм. В поисках прохода они тыкались по крошечному дворику до тех пор, пока пожилая служительница, бесконечно кланяясь, не указала им на узкий коридорчик между двух древних строений. Там стоял абсолютно современный, как в метро, турникет, открывавшийся тремя монетками по сто йен. Пока они рылись в кошельке, служительница провела двух пожилых японцев в храм, и они, наспех помолившись, прошли в сад бесплатно. Но заподозрить служительницу в расовой дискриминации русские не успели — молодые японские супруги с двумя детишками направились к турникету, хотя могли бы тоже, маленько помолившись Будде, сэкономить тысячу двести йен. Но честные японцы честно разбирались: кому на молитву, кому — просто погулять. Буддийский монастырь Ринодзи — не только для прогулок. Вдоль дорожки стояли маленькие деревянные будочки для медитаций. Возле них, вытянувшись, как часовые, застыли девушки, охраняя покой тех, кто медитировал внутри.

За будочками начинался тесный мирок прибранного японского сада — ни одного неподстриженного куста, ни одной веточки, торчащей помимо правильной формы — шары кустов, горизонтальные пластины сосен… Железные беседки и каменные фонари вырастали естественным продолжением этой геометрической зелени. Тропа извивалась, уводила в заросли, ныряла в чащу. В извивах был резон — они делали небольшой сад таинственным, огромным. За каждым поворотом открывалась новая, неожиданная красота. По горбатому мосту они перебрались через поток, пошли вдоль мелкого пруда. Небольшой бурун на воде следовал за ними — разноцветные карпы, сбившись тесной стайкой, сопровождали их. Они остановились, плеск воды замер тоже.

— Ну, идите сюда! — присел у воды муж, и рыбы дружно подплыли, повинуясь голосу, а одна, белая в оранжевых пятнах, высунула голову из воды, взяла хлеб прямо из его рук, как собачонка. Муж выпрямился, улыбаясь. И тут ему на грудь села стрекоза. Она сфотографировала мужа близко-близко. Из-за стрекозы, конечно.

Недалеко от буддийского храма стоял небольшой

шинтоистский шраин, и это было обычно — японцы молятся сразу нескольким богам. А возле него теснились магазинчики. И это не было диковиной — практичные японцы умеют заботиться одновременно о душе и о теле. У храмовых ворот под навесом лежали крупные валуны: побольше — стол, поменьше — стулья. Парни, пировавшие за каменным столом с банками кока-колы, завидев их, поздоровались, поклонились, подвинулись. А русские уселись на гладкие камни и долго ели японские сладости, оттягивая минуту прощания с тем, что им так не хотелось покидать, с Ринодзи. За окнами автобуса в последний раз мелькнул храм, выступающий из пышных крон на вершине холма… И тут муж вспомнил, а может, придумал, что ему непременно надо купить какую-то вещицу для автомобиля.

— Автомагазин? — удивлённо переспросил мужчина на соседнем сиденье.

Он не понимал, почему его вдруг разбудили? Но адрес магазина назвал, хотя и очень приблизительно — двести тридцать шестая дорога. Они блуждали до темноты, пересекая улицы, сворачивая в переулки.

— Ты, как японец, всё оставляешь на самый последний момент! — ворчала она.

И думала, как хорошо, что им надо что-то искать и не возвращаться домой, где их ждали раскрытые, наполовину уложенные чемоданы. Где уже поселилась разлука.

Улочка пахла жареной рыбой. Торговка расположилась в маленькой нише, почти на тротуаре. Из застеклённой витринки женщина достала ещё тёплого варёного кальмарчика, заколотого, как шпилькой, зубочисткой, чтобы не дать вывалиться рисовой начинке. Рассматривая странное существо, муж решил, что это вовсе не кальмар, а каракатица и откусил букетик щупальцев, оставляя ей лучшую часть — гладкое тельце. Они ели, стоя на узком тротуарчике, и уступали дорогу прохожим, прижимаясь к стене. А потом по очереди отхлёбывали китайский чай, передавая друг другу тёплую баночку… Маленькая улочка ручейком влилась в большую реку ревущей дороги. Они поднялись на высокую эстакаду перехода, остановились… Над их головами догорали последним закатным светом оранжевые края тёмно-синих облаков, под их ногами мерцали неоном яркие пятна рекламы, гудела машинами двести тридцать шестая дорога. Главным дорогам в Японии давали маленькие номера, а эта была неглавная, двести тридцать шестая. Но для них она была важна. Ведь они прошли её вместе.

— Как же Вы будете теперь? — Хидэо тревожно вглядывался в зеркальце заднего вида, пытаясь поймать её лицо. — Вам стоит

теперь почаще звонить в Москву.

В машине, возвращавшейся с вокзала, стало одним пассажиром меньше. В студенческом зале к ней подошла Митико, положила на стол две груши.

— Это — благодарность за шоколад, который Ваш муж привёз мне из Москвы! Здесь две штуки, я не знала, что он уехал…

Шимада подвинул поближе к ней обогреватель.

— Холодно становится. Осень.

Вечером она не смогла пойти сразу в свой опустевший дом, свернула к Николе.

— Страдаешь? — обняла её Вероника, увлекая в комнату.

— По такому мужику стоит страдать! — солидно выпятил грудь Никола и достал бутылку сливовой настойки. — В последний раз мы с ним не допили.

— А где твой сеньор? — защебетала Элизабет, забираясь к гостье на руки.

— Она тоже его полюбила! — улыбнулась Вероника, гладя дочку по голове.

Через несколько дней она получила в мастерской фотографии, сделанные в Ринодзи, вложила их в альбом, купленный в магазинчике возле двести тридцать шестой дороги. Он назывался "Один счастливый день". А стрекоза на снимке не получилась — так, чуть заметная чёрточка на светлой рубашке, расстёгнутой у крепкой, загорелой шеи.

Пятого ноября телевизор сообщил важную новость — на севере острова Хонсю листья начали менять цвет. В университетском городке покраснели гирлянды плюща на стенах корпусов.

— А Вы, я вижу, перешли на сезонную одежду, — ласково улыбнулся Хидэо, указывая на её красный свитер. — В нашей префектуре листья начинают менять цвет, это очень красиво, жаль, что ваш муж не увидел. Кстати, в его бумагах я обнаружил новый адрес. Он сменил работу?

Хидэо говорил так, словно отныне муж обязан был каждый шаг своей жизни согласовывать с сэнсэем.

— Зачем же он это сделал? Это так легкомысленно! — разволновался Хидэо. — Оставить солидную государственную фирму ради маленькой, частной! У нас в Японии так не делают!

— У нас всё иначе, — вяло ответила она. Ей не хотелось спорить.

В воскресенье она пошла в город. Без дела, просто так. На храмовой горе возле лестницы, сбегающей вниз, остановилась, подняла глаза… Всё изменилось. Океан придвинулся, стал необъятным, блестящим, синим. Покрылся чёткими белыми

чёрточками кораблей, невидимых прежде за дождями, дымкой. Прозрачный осенний воздух проявил тончайшие детали старых храмов, каждую иголочку сосен… Две пожилые японки, поднимавшиеся ей навстречу, вдруг замерли, просияв, и заговорили быстро, возбуждённо, указывая наверх. Там происходило что-то необычайное, чудесное. Она обернулась. На вершине горы горели алым на солнце пурпурные клёны.

— Кавай, кавай-деснэ? — взволнованно повторяли женщины. — Красиво, красиво, не правда ли?

Она согласно выдохнула "хай!" И нагнулась, чтобы поднять красный кленовый лист. Формой он походил на русский, но размером был маленький и вырезан тонко, замысловато — истинно японская вещь. Округлые листья гинкго золотыми монетами рассыпались по аллее, тихонько опускались на камни старого кладбища…

В городе торговали овощами с грузовиков, пришедших из ближних деревень. Горожане закупали впрок, правда, не мешками, как в России, а всего лишь небольшими бумажными пакетами. Да и овощи были другие: белая длинная редька, брокколи, китайская капуста… Горы придвинулись, проникли в город красным, золотым. Цветные листья, завоевав всё пространство наверху в горах, спустились в скверы, в парки, растеклись по улицам бесчисленными искусственными повторениями. У дверей магазинов и ресторанов повесили сезонные украшения — пластмассовые ветки пурпурных клёнов. Винные лавки выставили на видное место пивные банки с осенними листьями на боку, книжные магазины и киоски положили в витрины открытки с осенним лесом. Она впервые увидела японскую осень. А ведь она уже кончалась, промелькнув быстро, как один счастливый день.

К концу ноября листья стали опадать, оставляя радостный город скучным, серым. Рабочие укрывали пальмы соломенными шалашиками, мыли из шлангов деревья, а потом обвязывали стволы и ветви рисовой соломой. Город готовился. Скоро зима.

Глава XI. Солдаты компаний

Нынче выпал ясный день.
Но откуда брызжут капли?
В небе облака клочок.
Басё

Солдаты компаний

Жизнь свою обвил
Вкруг висячего моста
Этот дикий плющ.
Басё

— Ваш муж уехал? И мы уезжаем. — Глаза Леночки налились слезами. Начальство переводило её мужа в другое отделение компании, в другой город. — Понимаете, я только-только тут устроилась, привыкла к городу, нашла хорошие курсы японского и икебаны, подружек завела и вдруг уезжать! И для Кеничи этот переезд некстати, у него здесь дела так хорошо шли. А новая работа ему совсем не по специальности! Но он против переезда не возражает. Всё твердит: "Так надо для компании!" — Не замечая шикарных витрин своего любимого Мицукоши, Леночка плакала. А, чуть успокоившись, рассказывала: — Здесь такой порядок — молодого сотрудника бросают с места на место, заставляя делать то одно, то другое… Может, они считают, что это повышает квалификацию? Не знаю. Мой муж это не обсуждает. И собственного мнения по этому поводу не имеет. Просто подчиняется приказам начальства. Как солдат. Знаете, как называют служащих в Японии? Солдаты компаний! Значит, мой муж — солдат, а я, выходит, солдатка.

Леночка достала платок, чтобы вытереть слёзы.

— Мы должны ехать. Выбора у нас нет. В этой стране вообще ни у кого нет выбора. Японцы все, как камикадзе. Им прикажут, они не то, что в другой город поедут, на смерть пойдут, как эти лётчики, камикадзе. Им начальник приказывал умереть в интересах своей страны, они и летели. Хотя совсем ещё мальчишками были, от страха плакали и вспоминали маму. Им перед вылетом давали для храбрости сакэ и устраивали так, что шасси после взлёта отваливались. Они и летели умирать. У них

тоже не было выбора. — Леночка рассказывала и всхлипывала. То ли от жалости к камикадзе, то ли к себе. Хотя её судьба не была так печальна, как у камикадзе, но всё же…

— Мне придётся бросить своих учеников, — вздыхала Леночка. Это была новость в её жизни — ученики. — Я хотела на работу устроиться, я же имею право работать. Это жёнам иностранцев, которые с мужьями приезжают, запрещается работать, а мне виза позволяет, у меня хорошая виза — "японская жена".

Муж про Леночкину работу и слушать не хотел, говорил: сиди дома, обслуживай меня! И она искала себе место тайком от него, пыталась устроиться продавщицей или официанткой. Куда ещё ей было податься с дипломом русского института культуры? Её взяли было в один магазинчик, да скоро передумали, сказали — надо ещё подучить японский язык. Леночка огорчилась, но поисков не оставила.

— Конечно, Кеничи даёт мне деньги на хозяйство. Но в молодой семье денег вечно не хватает! И потом… Я хочу иметь свои собственные деньги. Неподотчётные. Да и скучно мне без дела дома сидеть. Вот я и нашла учеников.

Леночка повесила объявление в Кокусаи-центре, предлагая уроки русского. Откликнулся молоденький японский студент, будущий специалист по русской экономике. Потом он привёл однокурсника. Они платили по три тысячи йен в час. Кроме того, Леночка стала ещё учить кулинарии дам — в последнее время многие японки хотели брать такие уроки — свободного времени и денег у них становилось всё больше, детей всё меньше. Особенно ценилась у японцев французская кухня, но Леночка решила не рисковать и начала с отечественной. В Кокусаи-центр местные домохозяйки не заходили, и Леночке пришлось потрудиться — написать объявление по-японски и отдать его в местную газету: "учу готовить "русия рёри" — русские блюда. Вскоре позвонили три пожилые дамы. Они приходили к Леночке домой по средам и готовили под её руководством борщ, котлеты, винегрет… А потом вместе с учительницей ели русский обед и слушали её рассказы о России. Леночка ликовала, обнаружив, что из такой безделицы, как варка борща, можно извлекать деньги — дамы платили по две тысячи йен каждая: тысячу за продукты, тысячу — Леночке за работу. У Леночки появились собственные деньги.

— Я хочу открыть счёт, свой, отдельный от мужа. Только не знаю, как это делается. Вы не поможете мне? — Но на пороге банка Леночка остановилась. — Не могу решиться. В японских семьях такое ведь не принято. — И она перевела разговор на другое. — Расскажите, ради Бога, как готовят пирожки. Японцы

помешаны на этих русских пирожках. Вот я и хочу своих учениц побаловать на прощанье. А печь я не умею. — Леночка подробно, как японка, записала рецепт. — Я сначала сама попробую приготовить, без них. Не получится, Вам позвоню, хорошо?

Леночка позвонила через несколько дней, чтобы сообщить, что пирожки удались и что она приглашает подругу на "сайонара-пати". Так называли японцы прощальный обед, мешая своё "до свидания" — "сайонара" с английским "пати". Не было, наверное, в японском языке подходящего слова, чтобы назвать вечеринку. Может, потому что домашних вечеринок не было?

Леночка жила на окраине, застроенной одинаковыми двухэтажными домами — новенькими, простенькими, как дощатые сарайчики. Их ровный строй походил на военный городок. Найти нужный дом оказалось непросто — ни особых примет, ни табличек с номерами. Хорошо, что Леночка выслала Кеничи к автобусной остановке встречать гостей.

— Это — служебное жильё, — говорил он по-русски. — Многие компании, и наша в том числе, предпочитают строить дома для сотрудников на окраине. Здесь дешевле земля. И аренда квартиры получается почти даром — шесть тысяч йен в месяц.

Кеничи свернул к одному из казённых домов. Две входные галереи, на первом этаже и на втором, с полудюжиной одинаковых железных дверей и коробками счётчиков возле них выходили на улицу. Выглядело это некрасиво, зато избавляло жильцов от уличного шума — окна были обращены во двор. Дома-казармы строили не для красивой жизни, а для восстановления сил, необходимых солдатам для службы в компаниях. Они поднялись на второй этаж по наружной лестнице, сквозной, железной, словно заводской. Квартирка оказалась узкая — в три метра шириной, в шесть длиной — тонкий ломтик дома-казармы, проходной коридорчик от крошки-прихожей через столовую к спальне, где было единственное в жилище окно.

— У нас обычная казённая квартира молодого японского служащего, — встречала Леночка гостей. — Да, маленькая, но зато новенькая, чистая.

Гостей рассаживали вокруг низкого столика в спальне, прямо на татами. В квартире было всего два стула, да больше бы и не вошло. Гостей было много: японские студенты, которых Леночка учила русскому, австралийские студенты, которые учили вместе с ней японский, русские подружки… Все — Леночкины гости. И книги, занявшие полквартиры, были Леночкины книги. Леночка наготовила целую гору мяса с жареной картошкой и салат с горошком, который в России называли французским оливье, а в Японии русским. Кеничи жевал вяло, не скрывая, что ему не

нравится русская еда. А потом потихоньку перебрался в столовую к телевизору и, повернувшись спиной к гостям, стал смотреть японский исторический сериал.

— Пусть смотрит! — махнула рукой Леночка.

Она чувствовала себя счастливой, впервые в жизни принимая своих друзей как следует — полноправная японская жена, не нищая провинциалка, жившая когда-то в Москве впроголодь, на птичьих правах. На раздвижной двери, отделявшей спальню от столовой, висела карта Москвы.

— Моя мечта — накопить денег на квартиру в Москве! — шепнула ей Леночка.

— Тебе о доме в Японии думать надо!

Не стоило ей этого говорить. Леночка побледнела, сжалась как от пощёчины. Подошла к клетке, вынула скворца, обняла ладошками и не рассердилась, когда он испачкал ей руки.

— Ребёночком пахнет, — улыбнулась Леночка, целуя птицу в клюв.

На прощание хозяйка по японскому обычаю дарила гостям подарки: календари со скворцом, похожим на своего любимца, и сыр, купленный в дешёвом магазине.

Перед самым отъездом Леночка позвонила опять.

— Приезжайте ко мне ещё разок, а? Посидим спокойно, поговорим. Может, не увидимся больше…

Квартира пахла стиральным порошком. Леночка сновала с тряпкой в руках.

— Надо всё отмыть до полного блеска. Сегодня комендант дома придёт квартиру принимать. — И она улыбнулась смущённо. — Конечно, можно было бы и не убиваться так, да я не хочу, чтобы японцы подумали, будто русские грязнули. — Скворец метался по клетке, заразившись хозяйской суетой. Леночка заваривала чай. И тут в дверь позвонили. — Комендант! — в ужасе всплеснула руками Леночка.

Щупленький мужчина с толстой папкой поклонился, улыбнулся, скинул туфли и пошёл в новеньких носочках по квартире, щупая водопроводные краны, дверные ручки, рамы… Легко приседая, он проводил пальцами по крошечным вмятинам на татами и нюхал едва заметные пятна на бумажной оклейке дверей, шкафов… Чай давно остыл, а комендант всё скользил по комнатам.

— Если что не так, он выставит счёт. Мужу придётся платить, — волновалась Леночка. Но комендант дефектов не нашёл.

— Теперь я думаю, что переезды — не так уж и плохо, — успокаивалась Леночка, подогревая чай. — У меня будет

возможность посмотреть всю Японию. Тем более что переезжаем мы ближе к столице — это повышение для мужа, а значит, прибавка к зарплате. Жалованье молодого сотрудника вообще постоянно растёт. Каждые несколько месяцев Кеничи приносит пусть ненамного, на один ман, но больше. Сто долларов — тоже деньги, особенно для молодой семьи. — Однако система прибавки жалованья Леночке не нравилась. — Начальство мужа только на календарь и смотрит. Отсчитывает, кто сколько проработал и прибавляет зарплату. Приятель Кеничи — полный тупица, а получает столько же, что и муж. Их, видите ли, одновременно приняли на работу. А как они работают — наплевать! — Леночка вдруг погрустнела. — А у нас в России разве лучше? И раньше-то платили мало, а теперь вообще на зарплату не прожить. Уж лучше, как здесь, платить одинаково и умному, и дураку. Здесь вообще лучше, чем в России. Там я совсем никому не нужна была. А здесь о нас заботится компания… Она оплачивает мужу многое: медицинскую страховку, аренду квартиры, телефон, девяносто процентов бензина для личной машины, подписку на газеты, даже химчистку костюмов. И переезд Кеничи устраивает редакция его газеты…

Леночку не обеспокоили даже такой малостью, как снять телефонную трубку и заказать перевозку вещей — это сделала фирма. Транспортная контора тут же доставила на дом упаковочные коробки, Леночке оставалось только сложить в них вещи.

Через неделю Леночка позвонила опять, чтобы известить, что утром к ней пришла машина, и рабочие погрузили коробки.

— Аккуратно грузили, как своё, ничего не бросали, как попало, — радовалась Леночка. — Грузчики мне сказали, что гарантируют сохранность груза. И сопровождать груз не пришлось — у водителя был наш новый адрес. Фирма Кеничи позаботилась, выделила нам квартиру в служебном доме на новом месте. И уплатила за переезд…

Голос Леночки радостно звенел — ей нравилось чувствовать себя в команде. В надёжных, сильных руках.

Гарнир к основному блюду

Сливы весенний цвет
Дарит свой аромат человеку…

Тому, что ветку сломал.
Тиё

— У Вас проблемы с экспериментом? — внимательный Хидэо заметил её расстроенное лицо и решил — ничто, кроме производственных трудностей, огорчить научного сотрудника не может.

— У меня уехала подруга… — Хидэо оглянулся, словно пытаясь понять, кто из его сотрудников уехал.

Кто был его друзьями? Сослуживцы — Кумэда, Сато… Такие же, как он, профессора, с того же факультета. Сэнсэев с другого факультета, который пришлось покинуть год назад, Хидэо больше друзьями не считал. И уж вовсе забыл старых знакомых — школьных, университетских. Теперь они работали в других компаниях.

— Так кто же уехал? — не понял Хидэо.

Опасаясь новых упрёков в легкомыслии, она не стала объяснять Хидэо, что познакомилась с Леночкой в магазине. Она сказала так, чтобы он понял:

— Уехала моя соотечественница.

Леночка позвонила нескоро — устраивалась, знакомилась с городом… Ей было интересно на новом месте — муж возил её в горы, показывал старинный монастырь. Правда, случилось это всего один раз. Остальное время Леночка проводила одна.

— Подруг пока не завела, — жаловалась Леночка. — Здесь нет иностранцев. А японки… Одна соседка — жена менеджера, другая — жена агента по продажам. В Японии все женщины, знакомясь, называют должность мужа. Словно сами они — только приложение к мужниной службе. А говорить с ними можно только о стирке или о ценах. От скуки перечитываю русские книги, я люблю воспоминания Шаляпина. Он говорил, что всё в жизни делал ради женщины. Может японец такое сказать? Да он всё ради фирмы делает! — Голос Леночки дрожал.

Через некоторое время она сообщила:

— Мы опять переезжаем.

На новом месте у Кеничи что-то не сложилось с начальством, да и обещанную прибавку к жалованию он не получил и решил перейти работать в другую газету.

— Теперь в Японии это возможно — уйти самому, — объясняла Леночка. — Тем более, если ты молод, а Кеничи нет ещё тридцати, и претензии у него соответствующие возрасту — скромные.

Новая газета была более крупная, чем старая, платила больше, но заставляла новичков начинать с нуля. Потому Кеничи

отправляли в самую глухую глушь, на Кюсю в провинцию Сага. Телефонные звонки Леночки зазвучали совсем грустно.

— Муж возвращается домой поздно — вечера проводит в клубе. У журналистов здесь есть такое место, где они встречаются, обмениваются новостями. Ему это надо по работе. — Леночка оправдывала мужа. И не выдерживала, принималась жаловаться опять: — Придёт в час ночи и сразу спать, а утром поест и на работу. Как в гостиницу домой приходит. А как я — даже не спросит. Только звонит иногда с работы, проверяет, дома ли я? И всё спрашивает: "Ты пропылесосила квартиру? Ты обед приготовила?" Следит, чтобы я занималась только домом и ничем другим. И ругается, что я много гуляю.

И всё-таки Леночка надеялась.

— А вообще-то муж меня любит, щенка мне подарил, хотя сам собак терпеть не может. Да и японские правила запрещают держать в многоквартирных домах собак и кошек, даже птиц. Здесь животных можно заводить только в частных домах — своих или арендованных. А Кеничи ради меня решился нарушить правила… — Леночка приняла это за доказательство любви, хотя теперь многие жители многоэтажек держали животных, скрывая их от соседей.

— Муж купил мне ещё одного щенка, — вскоре рассказала Леночка. Но голос её почему-то дрожал. — Второй щенок шкодливый, шустрый, всюду лезет и грызёт всё подряд. Я оставить его не могу, всё время дома сижу! — печально говорила Леночка. — А Кеничи радуется: "Наконец-то ты занялась хозяйством!" И тут меня как осенило: он этих собак для того принёс, чтобы дома меня засадить! Хитрость это у него такая… — Леночка чуть не плакала. — Знаете, иногда мне кажется, что муж не любит меня. А женился он потому, что ему это выгодно для работы. Он же специалист по России, а я ему всё время что-нибудь про нас рассказываю. И говорю с ним по-русски. Он постоянно этого требует, чтобы свой язык совершенствовать, а если я что-нибудь по-японски или по-английски скажу, ругается. Японцы вообще жён подбирают для карьеры. Как гарнир к основному блюду — работе.

Может, в том, что в сердцах говорила Леночка, и была доля истины? Муж Зухры — специалист по Востоку, взял в жёны арабскую женщину и разговаривал с ней по-арабски, перуанки — подружки Вероники по католической церкви учили своих японских мужей испанскому, чтобы те могли работать в Перу. А японский историк, с которым она познакомилась в университете, специалист по стахановскому движению в Советском Союзе, привёз себе русскую жену — тоже историка. Она помогала мужу

писать диссертацию и работала как стахановка, в двух местах, чтобы семья не бедствовала с мизерной аспирантской стипендией. А взять с собой сына от первого брака японец русской жене запретил: "Ребёнок будет мешать моей работе!" И мальчик остался в России с бабушкой.

— Я не смогу Вам больше звонить, — сказала однажды Леночка. — Муж нашёл телефонный счёт — я забыла его спрятать — и устроил скандал. Он кричал, грозился, что перестанет давать деньги. А своих денег у меня больше нет. Я не могу найти ни уроки русского, ни кулинарии. Наш городишко маленький, почти деревня. И с деньгами тут расставаться не любят. В провинции Сага на Кюсю живут самые жадные люди в Японии, это всем известно! На втором месте префектура Тояма на Хонсю. Но Сага — на первом!

Леночка приходилось жить тем, что раз в месяц отсчитывал ей муж — десять манов. Из этих денег надо было прокормить мужа, птицу, собак и себя. Вольности вроде посещения косметических салонов и курсов икебаны пришлось оставить. И начать экономить жёстко, до йены. На себе и животных. Покупки для мужа урезать было нельзя — не сумев согласовать свои японские вкусы с пристрастием жены к борщу и сыру, Кеничи стал требовать еду по заранее составленному меню: йогурт, яйцо, рис и рыба на завтрак, на ужин мясо и мисо-суп. Малейшие отклонения вызывали скандалы. Денег Леночке не хватало. Но муж отказывался обсуждать эту тему, огрызаясь:

— Это — твои трудности! Экономь!

Оставшуюся от своего жалования немалую сумму почти в тридцать манов Кеничи тратил по своему усмотрению, не посвящая в эти дела жену.

— А ведь обычно в японской семье деньгами распоряжается женщина! — негодовала Леночка. — Просто у моего невыносимый характер!

Появились и другие проблемы: отчаявшись дождаться от жены детей, Кеничи стал ложиться отдельно.

— Не знаю, что и думать, — жаловалась Леночка. — Или у него любовница завелась, или он к профессионалкам ходит? Мне ведь говорили, что с женой японец ложится только ради продолжения рода, да я не верила. — Рожать Леночка по-прежнему не хотела. — Боюсь! — сознавалась она. — Муж мой ненадёжный какой-то. Его только фирма интересует, карьера, на меня ему наплевать.

— Но в твоих проблемах есть и твоя вина! — пыталась она помочь младшей подружке. — Нельзя же кормить японца одним борщом! Надо хотя бы изредка варить ему мисо-суп. Надо родить

ребёнка. Ребёнок поможет тебе наладить отношения с мужем.

— А если он меня бросит? — не соглашалась Леночка. — Я же с ребёнком пропаду!

И она рассказывала страшную историю о русской женщине, которой японский муж предъявил требование о разводе прямо в родильном доме, где она лежала с новорожденным японским сыном. К счастью, её и малыша приютили русские подруги. Теперь молодая мама бралась за любую работу, чтобы прокормиться.

О любви Леночка больше не вспоминала.

— Какая тут любовь! Не знают здесь, что это такое! За два года муж мне ни разу ни подарка не принёс, ни цветка. Только и слышу: подай! приготовь! убери! И всё время повторяет: "Я — господин!" — знаете, в японском есть такое выражение — муж-господин. А я, значит, рабыня! И, правда, за японца замуж выйти, как в рабство попасть. Только здешние женщины и могут таких мужей выносить. Куда им деваться? А на иностранках японцы женятся редко. С латиноамериканками, арабками они ещё как-то уживаются. В этих странах женщин как японок воспитывают: мужчина — Бог. А с нашими тут сплошные проблемы! Одна русская девочка, я с ней на курсы икебаны ходила, года не выдержала, развелась. И мне надо было подумать как следует, прежде чем за японца замуж выходить. А я поторопилась. Да я же не знала раньше, что такое Япония!

Через некоторое время от Леночки пришло полное горя письмо:

— Живём как в разводе…

Леночка почти голодала — муж перестал давать ей деньги, заявив, что его не устраивает, как она ведёт хозяйство. И подал на развод. Дело о разводе рассматривал сначала малый суд, вроде как наш товарищеский — так полагалось по японским законам. Судейские, в основном дамы, разбирались в проблемах не поладивших супругов, пытаясь их помирить. Кеничи они предписали увеличить содержание, выдаваемое жене, до двенадцати манов в месяц, хотя Леночка просила пятнадцать. Подчинившись суду, муж стал давать жене деньги под расписку. И под отчёт. Леночка терпела — развода она боялась панически.

— Вы не знаете, как ужасны условия развода в Японии! Если начнётся процесс, муж тут же выгонит меня на улицу. Здесь женщина не имеет права ни на что. Жильё, мебель, телевизор, холодильник — всё останется мужу. Я смогу взять с собой только одежду, ну, может, ещё постельное бельё. А где я стану жить? Ведь я не смогу набрать денег для оплаты квартиры! И потом, чтобы меня не обманули при разводе в суде, мне придётся

нанимать переводчика и адвоката, а они возьмут по пять тысяч долларов каждый. Где я найду такие деньги? А суд самое большое, что может мне присудить, это тысяч двадцать — тридцать долларов единовременно и никакого пособия потом. А что такое тридцать тысяч при японских ценах? В общем, я окажусь на улице нищей…

Леночка притихла, стараясь не сердить мужа и избегать стычек. Тем более, что у Кеничи была ещё одна управа на неё: жене-иностранке давали визу только на год, а для продления требовали бумагу от мужа, подтверждающую, что их отношения продолжаются. Достаточно было Кеничи однажды такую бумагу не дать, и Леночка оказалась бы в положении брошенной. В этом случае не понадобился бы даже бракоразводный процесс, чтобы выгнать её на улицу. Леночка намеревалась смиренно терпеть пять лет. По истечении этого срока ей полагалось японское гражданство. Хотя её зависимость от мужа от этого не обещала стать меньше — заработать себе на дорогое японское жильё Леночка не могла.

И всё-таки сохранить мир в доме не удалось. Однажды, когда Леночка приступила к мужу с требованием положенных на хозяйство денег, он пришёл в ярость и разбил телевизор.

— Он стал часто бить всё в доме, когда скандалит, — писала Леночка. — А однажды ударил меня. Я вызвала полицейских, но они ничего ему не сделали, испугались, что он, журналист, может что-нибудь плохое про них написать…

Развод — это ужасно!

Одеяло для одного.
И ледяная, чёрная
Зимняя ночь… О, печаль!
Басё

С утра шёл нудный осенний дождь. В лаборатории было холодно, хмуро. Хидэо пришёл на работу злой, сказал что-то по-японски. Она не поняла.

— Неважно подвигается Ваш японский язык! — раздражённо буркнул Хидэо. — А всё потому, что Вы предпочли заниматься с госпожой Танакой!

— Но Танака — прекрасный профессионал, — вступилась она за учительницу.

— Профессионал? — Хидэо поджал губы. — Да ведь она разведена!

Он говорил так, словно в связи с этим прискорбным обстоятельством говорить о достоинствах Танаки не приходится. А гримаса презрения на его лице относилась не только к Танаке, но и к тем странным людям, которые бросают попечительство добропорядочных профессорских жён в Шимин-центре, предпочитая учиться Бог знает у кого.

— Ну и что же, что Танака разведена? — возмутилась она. — Какое отношение это имеет к её работе? Разводы давно стали обычным делом.

— Обычным?! — воскликнул Хидэо. — Какие неправильные у Вас мысли! Что тут обычного? Развод — это ужасно! — Хидэо сердился так, словно это она придумала разводы. — Знаете, Танаку вообще держат в университете только потому, что найти хорошего преподавателя японского за небольшое жалование трудно.

Хидэо грустно поник.

— Раньше в Японии разводов не было. А теперь, к сожалению, они появились и у нас. Не понимаю я, как это люди так легко разводятся и женятся вновь, — он растерянно развёл руками. — Ведь требуется столько времени и усилий, чтобы приспособить жену!

Наиболее точный перевод английского глагола, который он употребил, был именно "приспособить". Или "подогнать". Мысль о том, что женой можно пользоваться в таком виде, как она есть, Хидэо отверг, обозвав её легкомысленной. Он был твёрдо уверен: без предварительной подгонки женщина к употреблению не годится. И слов "привыкать друг к другу" он не принял. В его понимании этот процесс был односторонним — приспособиться полагалось жене. А мужу полагалось её приспособить, подогнать. Должно быть, то, что делал теперь Кеничи с Леночкой, и было такой "подгонкой"?

Нудный осенний дождь шёл до самого вечера. Подходя к своему дому она разглядела сквозь пелену дождя полускрытую дешёвым зонтом знакомую фигуру. На сей раз Танака согласилась зайти в гости. Может, потому, что неправильно поняла фразу: "у меня недавно уехал муж". И решила, что перед ней ещё одна оставленная жена, равная ей по положению, подруга по несчастью?

— Я давно живу одна, больше десяти лет, — рассказывала Танака. Отогревшись у неэкономно включённого на полную мощность обогревателя, насытившись щедрой русской закуской, она стала разговорчивее, откровеннее. — Когда мы с мужем

обсуждали какие-то новости или фильм, я всегда высказывала ему своё мнение. И не всегда наши мысли совпадали. Ему это не нравилось. У нас в Японии женщина должна молчать. Именно этого ждут от неё японские мужчины. Им не интересно, что мы думаем. — Лучше, если женщина не думает вообще — так получалось из её рассказа, а Танака думала, говорила. И ещё работала. — В университете меня считали хорошим преподавателем, обещали прибавить жалование, — горделиво говорила Танака. — Конечно, муж радовался, когда я приносила деньги, лишние деньги в доме не помешают, но… — Японские мужья плохо переносят что-то лишнее в жизни своих жён, кроме положенного — муж-дом-дети — этого Танака не говорила. Это было ясно и так.

Муж Танаки подал на развод. В связи с несходством характеров. В связи с наличием у жены характера — так было бы правильнее сказать. Он ушёл и оставил жену одну с двумя дочерьми.

— Отец часто видится с ними?

Танака удивлённо подняла глаза — сама мысль о том, что разведённый муж захочет увидеть детей, показалась ей странной.

— У нас в Японии расставшись с женой отец забывает о детях. Впрочем, наши мужчины не очень помнят о них и тогда, когда живут с семьёй — они слишком много работают. И потом, вскоре после развода, мой муж женился, у него появились новые дети. Ему нет нужды навещать старых.

Сама Танака замуж не собиралась.

— Нет, нет! — отчаянно мотала она головой. — У нас в Японии разведённые женщины больше замуж не выходят.

И про романы спрашивать Танаку не стоило — заношенное платье с плохо отстиранными пятнами ясно говорило — эта женщина поставила на себе крест. Хотя она была ещё молода, красива. И очень умна.

— Я не смогу пригласить Вас в гости, — смущённо говорила Танака, прощаясь. — Я снимаю маленькую квартиру. Теперь я работаю только на половину ставки…

Дождь шёл всю ночь. Утром серый осенний город выглядел убогим, сирым… Она решила пойти к женщинам в Шимин-центр, посоветоваться — чем помочь Леночке? Мидори, выслушав историю, грустно усмехнулась.

— Да, наша страна — больше не исключение. Мы становимся как все, у нас теперь разводятся всё чаще, — Мидори знала, что говорит, она работала в суде, занималась разводами. — Но одна японская особенность у нас всё-таки осталась — на развод подают исключительно мужчины. Чуть не угодит жена — тут же вон. Хотя

и это теперь меняется. В последний год у меня появились дела, где освободиться хотят женщины. Если мужчина пьёт и не приносит денег. Но это — редкость. Хотя…

Мидори взяла со стола газету, перевела маленькую заметку. Молодые японки стали бросать разочаровавших их мужей сразу после возвращения из свадебного путешествия, прямо в международном аэропорту Нарита. Этому даже придумали название — развод "а-ля Нарита".

— Молодые девчонки стали теперь совсем другими, не такими, как мы, — вздохнула Мидори. — Они больше не хотят браков по сговору, сами ищут себе женихов, сами бросают… — И вдруг сказала с тревогой: — Мои сыновья не женаты, хотя им под тридцать. Теперь нелегко найти хорошую девушку, которая уважала бы наши традиции…

Современная дама Мидори для своих сыновей хотела невест в старом японском стиле. А попади ей в невестки Леночка, она тоже, наверное, попыталась бы заставить её вставать чуть свет. И варить мисо-суп…

Как это — не послушаться?

Порывистый листобой
Спрятался в рощу бамбука
И понемногу утих.
Басё

Задумал муравей Фудзияму сдвинуть.
Японская пословица

То ли город, где она жила, был слишком маленьким, то ли маршруты университетских людей похожими, но свои встречались на улицах удивительно часто. И не всегда эти встречи были желанными. Как раз в том месте, где она решила перейти проспект, затормозила у светофора Тойота Хидэо. А из окна замахала ручкой Намико. Пришлось сесть в машину и соврать, что направляется в университет, хотя шла она в город прогуляться. Супруги Кобаяси возвращались с вокзала — провожали невестку и сына. Молодые заезжали всего на один день, чтобы привезти на хранение кое-какие вещи, ведь они переезжали в другой город. Новость была неожиданная — полугода не прошло с тех пор, как Митиё и Нацумэ устроились

после свадьбы в новой квартире. И теперь вдруг решили переезжать?

— Решение принимали не они, а руководство компании, где работает Нацумэ, — строго сказал Хидэо. — Сына посылают на курсы в Токио на два года.

— А как относится к переезду сам Нацумэ? Эти курсы полезны для него?

Хидэо пожал плечами. А Намико сказала несмело:

— С переездом Митиё потеряет работу…

Компания, где работала Митиё, имела отделение в Токио, и начальник Митиё обещал поговорить с токийским управляющим, чтобы женщину устроили на работу. Но пока места не было.

— Молодым придётся жить только на жалованье Нацумэ, — вздохнула Намико.

— Это даже неплохо, что Митиё не будет работать! — перебил жену Хидэо. — Устройство дома на новом месте потребует от неё много усилий.

— Но в Токио масса возможностей, Митиё может поискать работу сама и не ждать, пока ей что-то предложит бывший шеф! — предположила она.

— Мы, японцы, не делаем так! — строго пресёк её рассуждения Хидэо. — Митиё поступит так, как велит начальник! И Нацумэ тоже.

Послушные, однако, ребята эти Нацумэ и Митиё — переезжали, куда велит начальник, по его воле женились…

Намико рассказывала, что женитьбу сына устроил его шеф. Этот разговор случился ещё в мае, когда она была в дома Кобаяси в День мальчиков. Тогда Намико показывала свадебные фотографии сына, где его начальник стоял в самом центре, ближе к Нацумэ, чем отец.

— Отец заботился о Нацумэ, пока тот был маленьким, — объясняла ситуацию Намико. — Теперь сын отца видит редко, два-три раза в год. Теперь о Нацумэ заботится начальник. Он и порекомендовал ему невесту, Митиё.

Намико рассказывала эту историю с удовольствием, как всякая мать, которая радуется счастью сына. Нацумэ и Митиё учились в одном университете в Киото, он — на электротехническом факультете, она — на историческом. Но в Киото не встречались. А может, и встречались, да не замечали друг друга. А потом их обоих нанял на работу банк в Осаке. Нацумэ обслуживал компьютеры, Митиё трудилась менеджером по рекламе и иногда приносила бумаги в кабинет начальника Нацумэ. Девушка понравилась ему, и однажды он представил её своему молодому сотруднику Нацумэ, как очень подходящую

невесту.

— И Митиё согласились выйти замуж по выбору начальника, без любви?

Помнится, этот вопрос очень не понравился Намико, она даже обиделась — как это можно не полюбить её сына, такого красивого, статного, серьёзного?

— Митиё была очень счастлива выйти замуж за нашего сына! — обиженно говорила Намико. — Ей пора было выходить замуж. Двадцать семь лет — самое подходящее время для образованной девушки, как она, вступить в брак. Когда начальник познакомил её с Нацумэ, она известила родителей и стала готовиться к свадьбе.

И Нацумэ согласился жениться по выбору начальника.

— А почему бы и нет? — недоумевала Намико. — Митиё подходила ему по возрасту, по образованию, по положению родителей. Начальник не посоветовал бы нашему сыну плохую невесту!

— Действительно, а почему же на ней не жениться? — улыбался Хидэо. — Митиё — очень красивая девушка!

Хидэо даже не знал, на ком женится его сын — начальник Нацумэ устроил свадьбу. Теперь этот начальник заставлял Нацумэ переезжать, бросая устроенную квартиру, оставляя без работы жену. Не слишком ли много позволял себе этот начальник?

— Может, для Нацумэ и Митиё было бы выгоднее не уезжать в Токио? Остаться в Осаке? Не послушаться начальника?

Намико испугалась. Это было видно даже по её затылку.

— Как это — не послушаться? — сказала она тихо и в ужасе посмотрела на мужа.

— В этом случае сын потеряет работу, — жёстко сказал Хидэо.

И с облегчением затормозил возле университетского корпуса.

— Ваши компании слишком часто заставляют своих сотрудников переезжать из города в город, совершенно не считаясь с их желанием, — поделилась она своими соображениями с Шимадой.

— Тасуя людей, компании спасаются от коррупции, — попытался оправдать начальство Шимада. — На одном месте человек обрастает связями. Моего старшего сына фирма тоже собирается перевести в другой город. Он совсем недавно окончил университет.

Шимада радовался, что у старшего сына и его жены пока нет детей, и потому переезд не вызовет у них много проблем. В семьях с детьми переезд проходил труднее — приходилось

менять садик, школу. На новом месте дети могли не прижиться, поэтому многие предпочитали не рисковать, оставляя жену с детьми на старом месте. Чуть не сорок процентов японских мужчин работоспособного возраста жили отдельно от жён, так считал Шимада. Страшная цифра казалась правдоподобной — её знакомый с Кюсю, Такэда восемь лет жил без жены. И Зухра два года жила одна с детьми в Токио, пока муж устраивался на новом месте.

— Постоянные переезды разрушают семьи! — предположила она.

— Возможно, — неуверенно пожал плечами Шимада. — Да что же поделаешь, раз правила таковы?

— Но правила созданы людьми и люди могут их изменить!

— Бессмысленно бороться с тем, что установлено сверху, — Шимада говорил так покорно, словно речь шла о тайфунах и землетрясениях. — Власть сильна, а мы малы и слабы. Какой смысл бороться с тем, что сильнее нас?

Шимада смолк на полуслове, но входивший в комнату Хидэо всё-таки уловил конец разговора. И рассердился. Впрочем, он, кажется, был сердит на неё ещё в машине.

— Вы должны подчиняться законам той страны, в которой живёте! А Вы всё время боретесь.

В чём померещилась Хидэо борьба? В невинной фразе, что начальника можно не послушаться?

— Вы, русские, всё время боретесь! — волновался Хидэо. — У Вас в России опять забастовки. Да, да, не отрицайте, я видел в теленовостях!

Хидэо говорил так, словно забастовки были позором всех русских вообще и её в частности.

— Но людям не на что жить! — вступилась она за непокорных соотечественников.

Хидэо поморщился.

— Борьба не может улучшить жизнь. Надо прилежно работать и экономить. Экономия позволяет разумно распределять даже малые средства. А бастовать… — Он поморщился опять. — Мы, японцы, не тратим время на демонстрации. Мы привыкли усердно работать. И подчиняться.

Вечером она листала оставленные Леночкой книги.

— С властями в Японии не спорят, — писал японский историк. — У нас не принято обсуждать распоряжения начальства и тем более осуждать их. Мы, японцы, просто принимаем то, что есть. И покоряемся силе по старинной привычке крестьян склоняться перед самураями, имеющими меч.

Японский политик считал:

— В представлении японца власть есть нечто длинное и плотное.

Странное это определение рождало образ туго спелёнутого человека, не способного не то что оказать сопротивление — пошевелиться. А японский писатель, описывая в своём романе большой пожар в Токио в начале восемнадцатого века, прилежно перечислял, как люди бегут, лезут в реку… Страница за страницей — только бегство и ни слова о сопротивлении, о попытках потушить огонь. Только покорность. Покорность огню, судьбе… Девушка, выловившая из реки чужого осиротевшего младенца, брала его на воспитание и молча выслушивала упрёки жениха в неверности, даже не пытаясь оправдаться. И страдала, ожидая, что парень сам поймёт свою неправоту. Нет, непопулярна в Японии идея борьбы!

Специальная улица

Камнем бросьте в меня!
Ветку цветущей вишни
Я сейчас обломил.
Кикаку

Нет света без тени.
Японская пословица

В почтовом ящике лежала афишка, отпечатанная на плотной глянцевой бумаге. Маленькие фотографии едва одетых девиц и завлекательные сценки из их жизни сопровождали тарифы и телефоны. Афишки были составлены как меню, давая возможность выбрать блюдо по вкусу и по кошельку. Девиц помечали звёздочками, как коньяк. Цены были сходные: за один ман предоставлялся высший класс — три звезды; те, что попроще, одна звёздочка, вообще шли за три тысячи йен. Такую афишку ей приносили не первый раз, значит, в городе постоянно функционировал этот бизнес. И не удивительно, раз сорок процентов солдат компаний годами жили вдали от семей. А те, что оставались дома, к жене обращались только при необходимости завести ребёнка.

— А нам почему-то ничего такого не приносят, — обиделся Хидэо.

Супруги Кобаяси ужинали у неё. В прихожей среди бумаг на

тумбочке Хидэо углядел афишку и стал с интересом её изучать, уверяя, что видит подобное впервые.

— Такие объявления не доставляют в частные семейные дома, а только в наёмное жильё, где много одиночек, — предположила Намико.

Проводив гостей, она выбросила афишку. А утром отправилась в город — день был воскресный, пустой. На безлюдной утренней улице дворник подметал усыпанную бумагами мостовую. И это было странно — японцы не имели привычки бросать себе под ноги. Мусор выглядел необычно — небольшие карточки с фотографией более или менее целомудренной красавицы и номером телефона. Выбор был велик — дворник намёл немалую кучу, сложил её в пластмассовый мешок. Но сделал он это только теперь, утром. Значит, ночью бумажки спокойно лежали на мостовой, и каждый желающий мог их поднять? И позвонить? Должно быть, улица была вроде диспетчерской, где девушки распределялись по клиентам. Эту глухую улицу на задворках знали все мужчины в городе, — так говорила Леночка во время одной из их прогулок. А ведь официально проституция в Японии была запрещена. Выходит, этому закону законопослушная Япония не подчинялась? И полиция не пыталась привлечь нарушительниц, чьи телефоны открыто валялись на мостовой.

— Полиции не просто изловить девиц, даже если она захочет, — пересказывала слова мужа Леночка. — Если нагрянуть вдруг по тем адресам, где стоят указанные в афишках телефоны, девушек там найти не удастся.

Впрочем, Кеничи не слыхал, чтобы на девиц устраивали облавы.

В торговом квартале Ичибанчо была и другая специальная улица — пустынная, неинтересная в такой ранний час. А вечерами улица преображалась, наполнялась людьми — здесь работали кабаре со стриптизом и питейные дома. В них можно было спросить не только рюмку сакэ, но и девочку. В конце улицы стояло внушительное здание за высоким забором И хотя вывески на нём не было, все знали, что это баня, где мужчины моются, а женщины немножечко им помогают, — так было написано в объявлении, не очень широко распространяемом в городе. И об этом ей рассказала Леночка, почерпнувшая столь специфическую информацию от мужа. Может, он тоже посещал это заведение, оставляя жену томиться в одиночестве? Специальная улица жила открыто, в центре города. Наверное, иначе нельзя было, раз пол-Японии — солдаты компаний? А солдаты, они и есть солдаты — молодые мужики, которым приходится идти, куда прикажут,

бросая дома жён. А значит, городу были нужны такие улицы. Просто необходимы для нормальной работы компаний, где трудятся солдаты.

Возле вокзала на скамейку опустилась девушка. Вряд ли она куда-то уезжала — кроме маленькой сумочки в её руках ничего не было. И туфли на огромных каблуках к путешествию не располагали. Девушка закинула ногу на ногу и крошка-юбочка, и так не прикрывавшая почти ничего, обнажила почти всё, чем располагала хозяйка. Мужчина, тоже явно ожидавший не поезда, тут же подсел к ней, заговорил… В этот ранний час, пока не функционировали специальные улицы, процесс поддерживал вокзал.

В магазинчике с надписью "Видео" среди американских боевиков не нашлось ничего японского. Только на кассетах, спрятанных в отдельном зале в глубине, красовались исключительно японские девушки, одетые чисто символически. Видеомагазины с таким отделом встречались в городе на каждом шагу. И в книжных лавках пестрели журналы с полураздетыми девочками, и в Сэвэн-илэвэн…Тот, кто не имел денег, мог бесплатно посмотреть картинки — журналы стояли на полках открытые, не запечатанные. Город постоянно помнил, как много в нём одиноких солдат. И в продуктовых магазинах преобладала еда в мелкой расфасовке с вложенными маленькими пакетиками приправ…

Пачинко (Корейская школа)

Так я и знал наперёд,
Что они красивы, эти грибы,
Убивающие людей!
Исса

И добро, и зло — в твоём сердце.
Японская пословица

На фасаде одного из домов, втиснутых в плотный ряд магазинов в торговом квартале, вывесили большие венки из искусственных цветов. Точь-в-точь такие, как делают в России для похорон. Но на погребальную контору заведение не походило. Из его дверей вырывался оглушительный грохот, завёрнутый в табачный дым. Внутренность напоминала цех: крашенные

зелёным простые стены, яркие лампы дневного света и длинные ряды машин. И шум тут был, как на заводе, где производят нечто железное. Труженики сидели в мягких креслах и часто дёргали какие-то длинные ручки. Она вдохнула поглубже, чтобы запастись воздухом, и шагнула в широко раскрытую дверь. Невероятный грохот хлестнул по ушам, яркий свет резанул глаза, удушливый табачный дым, непосильный даже для мощных кондиционеров, заставил закашляться. Это был зал игральных автоматов. Она пошла по длинному проходу между кресел. И не нашла ни одного пустого. На неё никто не обратил внимания — люди дёргали какие-то ручки, устремив глаза на стёкла автоматов, за которыми катались блестящие шарики. Мужчины, одни мужчины. Наверное, солдаты компаний, живущие вдали от семей и не знающие, как скоротать свободное время. А может и семейные, ведь в японском доме у мужчин обязанностей нет. В дальнем углу сидела пожилая женщина с сигаретой и ещё одна, помоложе, с ребёнком на руках. Бедный малыш глядел перед собой остановившимися от ужаса глазами. Задохнувшись, оглохнув и ослепнув, она вышла на улицу.

— А любители проводят за игрой часы, целые дни, — улыбнулся Шимада, внимательно выслушав в понедельник утром её рассказ о воскресных открытиях. Зал с игральными автоматами он называл странным словом "пачинко".

Слово происходило от названия детского бильярда гачанко. Эта простенькая в принципе игрушка в автоматах была поставлена вертикально и снабжена электроникой. А кладбищенские венки на фасаде означали, что в автоматах сменили программу, и в первый день игра будет идти со скидкой. Может, потому в пачинко и было так людно?

— Возможно, — пожал плечами Шимада. — Но вообще-то там всегда много народу.

— Да, да, пачинко очень популярны! — Хидэо подошёл, присоединился к разговору, тема его интересовала. — Там бывают и университетские профессора, — сообщил он тихонько, по секрету. — На нашем факультете есть один — очень большой специалист! Хотя правила игры очень просты, нужно только немножко подкручивать ручку, очень легонько, вот так! — Хидэо показал, как надо действовать. Он был в курсе. — Есть люди, которые хорошо умеют это делать. В пачинко можно выигрывать большие деньги! — Хидэо говорил заинтересованно, возбуждённо. И вдруг словно спохватился. — Ничего хорошего в этих пачинко нет, пустая трата времени и денег! — Но видно было, что сердится он так, для порядка.

— Гадость эти пачинко, — согласился Шимада. — Но люди

ходят, даже детей с собой таскают. Недавно газеты писали, ребёнок задохнулся — родители заперли его в машине на стоянке, на солнце, сами заигрались.

Она припомнила малыша на коленях у матери в табачном дыму…

— Сорок процентов японских мужчин посещают залы игральных автоматов. Играть разрешается с восемнадцати лет. Некоторые пачинко открывают специальные залы для женщин и пожилых, — прочла она в журнале в Кокусаи-центре.

Журнал назывался "Япония в картинках". Весь выпуск был посвящён азартным играм. Общее число поклонников пачинко оценивалось в двадцать девять миллионов человек, и тратили они на это занятие семнадцать триллионов йен в год. Эти астрономические цифры журнал комментировал горделиво:

— Экономическое процветание позволяет японцам иметь достаточно свободного времени и денег на развлечения… В Японии больше, чем где-либо в мире, ночных клубов и кабаре, а также залов с игральными автоматами.

Действительно, пачинко стояли в городе на каждом шагу: маленькие в центре и огромные, как спортивные залы, на окраинах. Они блестели стеклом, металлом, неоном, привлекая издалека, поражая внушительными размерами автостоянок, лучше всего говоривших о богатстве пачинко — цена японской земли была умопомрачительной даже на окраинах. Пачинко никогда не пустовали. Даже в будни, днём. И у киосков лотереи в городе вечно толпились люди… Это казалось странным — трудолюбивые, бережливые японцы были сплошь игроки по натуре? В добропорядочной Японии открыто процветали азартные игры? Но рядом с ними неизбежно должна быть и мафия.

— Мафии хватает девочек, скачек и казино, — не согласился Шимада, неохотно возвращаясь к игорной теме. — А в пачинко якудзы нет. Ну, разве что в некоторых из них. Все знают, в каких. Туда не рекомендуется ходить. У этих заведений плохая репутация. — Торопясь закончить неприятный разговор, Шимада пошёл прочь из комнаты. Но на прощание сказал: — Владельцы пачинко в основном не японцы. Иногда это китайцы, но больше — корейцы. А японцев почти нет.

Шимада спасал честь родной страны:

— В войну японские публичные дома наполняли в основном юными кореянками. Их привозили сюда пароходами, большими партиями, — рассказывала ей корейская девушка — аспирантка Кумэды.

И японские газеты писали об этом, раскаивались в

содеянном. Обсуждалось даже создание фонда для лечения корейских женщин, которых во время войны принуждали обслуживать японских солдат.

— В Японии живёт много корейцев, — рассказывала аспирантка. — В нашем городе есть даже специальная корейская школа.

Девушка взялась показать ей школу, повела её от университета в лес. На лесной дороге их обгоняли машины и торопившиеся на занятия пешие ребятишки — девочки были одеты в национальные корейские платьица: узкие сверху, широко расходящиеся внизу, с лентами на груди. Глубоко в лесу был спрятан целый городок из зданий, поставленных замкнутым глухим прямоугольником с единственным входом через ворота.

— В войну здесь был концлагерь, — тихо сказала девушка.

Городок напоминал хорошо защищённую крепость, от её стен уходил вниз крутой обрыв. Что тут делали во время войны? Кореянка потупилась, промолчала. Она только в одном призналась:

— Мы не любим японцев. Очень уж они зверствовали при оккупации нашей страны.

Но теперь, кажется, неприязнь уходила. В университете училось много студентов из Южной Кореи. Они соглашались жить здесь даже без стипендии, на свои деньги, как студент сэнсэя Кобаяси Чанг.

— Мы считаем учёбу в Японии престижной, — говорил он. — Диплом японского университета помогает быстро сделать хорошую карьеру на родине. В Корее считается, что японские университеты сильнее наших.

Работать в Японии кончивших курс корейцев не оставляли. И Хидэо не предполагал оставить в своей лаборатории Чанга.

— О нет, среди преподавателей нашего университета корейцев нет! Конечно, нет! — Хидэо восклицал так, словно его обидели.

А Намико, указав как-то на домик на окраине города, предупредила:

— В эту парикмахерскую я не советую Вам ходить. Конечно, там дешевле, но это — корейская парикмахерская!

Комментариев не последовало. Наверное, само собой подразумевалось, что там что-то будет не так…

Репутация

Бабочкой никогда
Он уж не станет… Напрасно дрожит
Червяк на осеннем ветру.
Басё

В Кокусаи-центре собрались коллеги со всей Японии — в городе проходил семинар японских физиков. Маленькая грустная фигурка отделилась от бодро клубящейся толпы.

— Я — доктор Мицугэ, — маленький даже среди японцев человечек улыбнулся ей застенчиво. А заговорил смело: — Вы же знаете работы Мицугэ и Нагаи? Это сделал я. — Конечно, она знала эти знаменитые работы. Только коллеги называли их "работы профессора Нагаи…" А тут вдруг: — Все эксперименты сделал я! Я — ассистент профессора Нагаи. До сих пор ассистент… — Мицугэ усмехнулся одними губами и склонился словно нарочно, чтобы показать свою лысеющую макушку. Ему было, наверное, за пятьдесят, а он всё ещё ходил в ассистентах. — О, нет, не подумайте плохого, сэнсэй Нагаи очень хорошо относится ко мне. Но его авторитета недостаточно, чтобы выхлопотать профессорскую должность для меня.

Это было невероятно — перед талантливым, блестящим Нагаи склоняли головы учёные всего мира.

— О да, Нагаи-сан знаменит во всём мире и очень влиятелен у нас в Японии. Но не в университете, — Мицугэ грустно улыбнулся. — К тому же Нагаи-сан скоро уходит на пенсию.

Так вот почему Мицугэ так смело говорил с ней. Не смелость это была, а нужда. Нагаи уходил, Мицугэ надо было торопиться получить должность, и скромность не могла тут ему помочь.

— Меня никто не знает, даже Вы… — Мицугэ опять улыбнулся, поклонился. — Я хотел бы Вас попросить… Не могли бы Вы поговорить с сэнсэем Нагаи? Он очень хорошо относится к Вам. Скажите ему, что считаете меня хорошим учёным.

Просьба была странная — посторонний человек будет рассказывать боссу, как хорош его подчинённый… Но в японской жизни странного много.

— От этого зависит моя репутация, — пробормотал Мицугэ.

Ну а дальше и объяснять не стоило. От репутации в Японии зависело всё. Ей захотелось поддержать маленького Мицугэ. Она легко поверила его словам: "Все эксперименты сделал я". Наверняка так и было. Ведь знаменитый Нагаи, как всякий японский профессор, проводил свои дни на собраниях, оставляя работать в лаборатории своего ассистента. Она нашла в толпе Нагаи, заговорила о Мицугэ.

— Конечно, Мицугэ-сан — хороший учёный, — согласился Нагаи. — Но, к сожалению, он окончил плохой университет, провинциальный, и докторскую степень получил слишком поздно — через шесть лет после окончания мастер-курса — это создаёт плохое впечатление.

Сам Нагаи был выпускником правильного университета, токийского, и докторскую диссертацию он защитил за три года, как положено. Это помогло ему стать профессором легко и быстро.

— И ещё… Мицугэ — сын мелких служащих из провинции, — Нагаи с сожалением покачал головой. Должно быть, это автоматически означало, что Мицугэ ждут трудности с карьерой в Токио.

— А я — профессор Токийского университета в третьем поколении… — скромно улыбнулся Нагаи.

И Кумэда был потомственным профессором, а всеми уважаемый сэнсэй Сато — правнуком бывшего правителя их провинции. Кажется, в японские профессора не попадали мальчики с улицы.

— Есть и ещё одна проблема, — нехотя сознался Нагаи. — В роду Мицугэ есть корейцы…

Нагаи осёкся, словно сожалея о своей откровенности. Значит, карьере Мицугэ мешали корейские корни? А карьеру Хидэо сделали такой трудной корни китайские — его дед был наполовину китайцем — так поговаривали иностранцы. Сэнсэи об этом молчали. Сэнсэи не любили выдавать своих тайн.

— Я должен успеть получить для Мицугэ должность профессора до моего ухода на пенсию, — Нагаи вздохнул, — новый начальник ему не поможет. А вот Вы могли бы помочь… — Это было удивительно — она могла поучаствовать в судьбах японских профессоров! Но как? — Вы живёте теперь в Японии, — осторожно заговорил Нагаи. — Вы могли бы сказать, что доктор Мицугэ — хороший учёный.

— Сказать? Кому?

— Кому угодно, — Нагаи улыбнулся её бестолковости. — Любому из наших коллег, с кем будете говорить… К сожалению, Мицугэ мало знают, а Вы — иностранка, к Вашему мнению прислушаются.

Ситуация была забавная — Мицугэ просил назвать его хорошим учёным в разговоре с собственным сэнсэем, сэнсэй просил говорить об этом с собственными японскими коллегами.

— И всё-таки, я боюсь, что Мицугэ придётся уехать из Токио и искать место профессора где-нибудь в провинции, в маленьком университете, — печально заключил Нагаи, — у него

недостаточно хорошая репутация.

Репутация… Это словечко просто витало в воздухе, было самым важным в здешней жизни.

— Но Мицугэ делает блестящие работы! — бросилась она защищать маленького ассистента.

Нагаи пожал плечами.

— Чтобы стать профессором в Японии, недостаточно иметь блестящие научные результаты! — Нагаи сухо усмехнулся, отошёл.

Стоявший в сторонке Мицугэ, заметив, что босс уходит, направился к ней. Должно быть, он услыхал последнюю фразу.

— Чтобы стать профессором в Японии, надо просто громко что-то объявить. Придумать эффектное название. Побольше наобещать. Никто не станет проверять, осуществились ли обещания. Побоится, что завтра проверят его. У нас в Японии это — просто игра.

Она согласилась со всем, что он сказал. Кроме вот этих слов — "у нас в Японии". Такое творилось нынче везде. Профессора всё меньше интересовались наукой, предпочитая нечто околонаучное: зарубежные поездки за счёт университета, собрания, где делят должности и деньги… Мицугэ трудно приживался в этом мире.

— Не люблю я на эти сборища время тратить, — он с ненавистью поглядел на весело клубящуюся толпу. — Я свою работу люблю.

Да, трудно ему будет стать профессором в Японии. Впрочем, у него возникли бы трудности с карьерой в любой стране. Раз любит человек свою работу.

— У нас в Японии трудно стать профессором, — вздохнул Мицугэ. Только один из двух имеющих учёную степень доктора наук получает такое место.

В России степени японского доктора наук соответствовала степень кандидата. Только один из десяти кандидатов наук становился доктором, профессорами ещё меньше — в России статистика была гораздо хуже.

— Один из десяти становится профессором? — Мицугэ недоверчиво покачал головой. — Да это же как выигрыш в лотерее! Нет, у нас в Японии лучше!

И взгляд Мицугэ засветился привычной для японца гордостью за родную страну.

Тень горы Нараяма

Стебли морской капусты.
Песок заскрипел на зубах
И вспомнил я, что старею.
Басё

Визитные карточки Япония потребляла как хлеб. Вернее, как рис. У работающего японца они всегда были в достатке, всегда наготове. Он раздавал их щедро и немедленно бежал в типографию, если запас иссякал или если менялась его должность, адрес, место работы… Без визитки японцу на службе никак нельзя — карточку положено вручать партнёру, клиенту и просто случайному человеку, с которым пришлось знакомиться. Воспитанный японец протягивал карточку немедленно вслед за поклоном, держа её за кончики двумя руками, чтобы удобнее прочесть. А прочесть надо было как можно быстрее — от этого зависело, как низко надо кланяться хозяину визитки и как с ним говорить. И какими словами. Без этого мини-досье на собеседника японец просто нем. Если собеседник незнаком. Но зачем ей протягивал визитку входящий в фойе Кокусаи-центра доктор Такасуги? Ведь они знакомы давно.

— Это — мой новый адрес, домашний, — Такасуги поклонился. — Компания Ниппон Стил уволила меня на пенсию. — Она изумлённо посмотрела на Такасуги, ему не было и пятидесяти. Какая пенсия? Такасуги грустно усмехнулся. — У нас в Японии теперь экономический спад, компании вынуждены сокращать число сотрудников. Стали меньше брать молодых и увольняют стариков. А мне уже сорок пять лет — это первая ступень выхода на пенсию.

У японской пенсии, оказывается, были ступени…

— Когда сотруднику исполняется сорок пять, руководство компании предлагает ему уйти, — Такасуги объяснял абсолютно бесстрастно, словно это его не касалось. — Некоторые соглашаются получить раннюю пенсию — при этом платят хорошее выходное пособие. Но теперь жизнь так дорожает, что никакого пособия не хватит. Многие уходить не хотят. Таких переводят в филиалы, в дочерние компании где-нибудь в провинции, на меньшую зарплату. — Такасуги с новыми условиями не согласился, и его оправили на пенсию. На его место компания взяла выпускника университета. — Выгода тут тройная, — честно рассказывал Такасуги, — во-первых, зарплата молодого мала, ведь наше жалованье зависит от стажа. Во-вторых, фирма экономит на страховке — у вновь нанятых сотрудников она поначалу проще, дешевле, да и болеют молодые

меньше. Наконец, молодой будет очень стараться, работать ночами, чтобы пробиться на следующую ступень. Основа богатства наших компаний — упорная работа молодёжи. — Такасуги не сказал "эксплуатация молодёжи". Он вообще говорил так, словно согласен был с мудрой политикой компании, выбросившей на улицу его, нестарого ещё, полного сил. — Пожилой человек не может работать так интенсивно, как молодой, — покорно говорил Такасуги.

— А молодые пенсионеры не пытаются протестовать против ранних увольнений? — спросила она и поймала изумлённый взгляд Такасуги. Он оставил её неприличный вопрос без ответа, сделал вид, то вообще не слышал его.

— Я пытаюсь найти новую работу. Возможно, мне попадётся место в университете или в какой-нибудь фирме в провинции, в маленьком городке. А если такого места не найдётся… — Такасуги невесело улыбнулся. — Ну что же, наймусь уборщиком или шофёром! Там вакансии есть всегда! Когда у меня появится новое место работы, я тотчас извещу Вас, пришлю новую визитку, — пообещал Такасуги и поспешно отошёл, завидев важного начальника из провинции. На совещание Такасуги приехал ради поиска работы.

— О причине раннего увольнения Такасуги нетрудно догадаться, — усмехнулся профессор Нагаи, пряча в карман новую визитку молодого пенсионера, Такасуги одарил карточкой и его. — В последнее время Такасуги-сан очень успешно работал. Выступал на всех международных конгрессах. Ни одного не пропускал! Он даже превзошёл своего шефа!

— Превосходить шефа опасно в любой стране, — согласилась она.

— А тема пенсии актуальна и для меня, — вздохнул Нагаи, — к сожалению, я работаю в Токийском университете. — Слова "к сожалению" совсем не шли к Токийскому университету. Работой в Токийском университете полагалось гордиться. — Когда наступает старость, приходится пожалеть, что живёшь в столице, — покачал головой Нагаи, — наш университет увольняет на пенсию в шестьдесят лет. — Но лаборатория Нагаи была знаменита на весь мир! А сам профессор был полон сил и идей. — Это не имеет значения, — губы Нагаи тронула жалкая улыбка. — Я, как и все, оставлю работу в тот день, когда мне исполнится шестьдесят лет — таков порядок.

Нагаи объяснял процедуру: когда придёт его срок, соберётся профессорский совет и назначит преемника. Обычно с уходом профессора его лаборатория просто прекращала своё существование, но группа Нагаи использовала слишком дорогие

приборы, и потому её сохранят, назначив нового начальника.

— Вам следовало бы работать у нас! — подошедший Хидэо поймал конец разговора, засмеялся удовлетворённо. С годами у него появилось преимущество перед знаменитым токийцем — в провинциальных университетах сэнсэи трудились до шестидесяти трёх лет. — Но Вам не стоит горевать, Нагаи-сан! — вежливо заметил Хидэо. — Имя Токийского университета и Ваша репутация обеспечат Вам после выхода на пенсию хорошее место, например, в частном университете…

Это была обычная практика — пенсионеры из государственных университетов перекочёвывали в частные, там пенсия назначалась в семьдесят лет. Подбирая знаменитых пожилых профессоров, частные университеты поднимали свой престиж, считавшийся не таким высоким, как у заведений государственных.

— Но в последнее время стало трудно получить такое место, — вздохнул Нагаи. — Частные университеты стараются не брать людей со стороны, сохраняют вакансии для своих, чтобы привлечь квалифицированных людей помоложе, оставить им перспективу…

— Но у Вас есть и другая возможность…

Хидэо имел в виду место консультанта. Фирмы часто нанимали пенсионеров-профессоров — скорее для престижа, чем для реальной работы.

Она слушала сэнсэев с удивлением: разговор о пенсии вызывал у них не расслабляющие мысли об отдыхе, путешествиях, внуках, а заботы о поисках новой работы. Эта проблема волновала не только молодого Такасуги, но и пожилого Нагаи.

— Теперь на пенсию не прожить, — печально улыбнулся он.

— В вашей стране такие маленькие пенсии? — спросила она.

Сэнсэи переглянулись, смутились, и хором запротестовали:

— Нет, нет, конечно, нет!

Пенсия составляла около сорока процентов последней зарплаты, отнюдь не маленькой у японского профессора — около ста тысяч долларов в год, — это взялся объяснять Хидэо. Нагаи согласно кивал — оба сэнсэя знали эти расчёты досконально. Кроме того, при увольнении они получали единовременное пособие, зависящее от числа проработанных лет, помноженных на зарплату, — в Японии стоило получить профессорское место пораньше. Сумма пособия получалась огромная — около полумиллиона долларов. Япония уважала своих профессоров! Чтила, как национальное достояние! И старость их обещала быть безбедной.

— Полмиллиона — это совсем немного! — притушил её

восторги Хидэо, — примерно пять годовых окладов!

Она покорно кивнула — действительно, немного! И подавила тихий вздох зависти.

— Пенсия и теперь невелика, — сокрушался Хидэо, — а дальше будет ещё хуже — рождаемость падает. Теперь одного японского пенсионера поддерживают пятеро работающих, а когда я выйду на пенсию, их будет только четверо! Наша страна и так самая старая в мире — средний возраст японца сорок один год, а в последнее время стареет ещё больше.

— Если я, выйдя на пенсию, не найду места, придётся пойти работать жене, — печально усмехнулся Нагаи. — Да, она никогда не работала. Кем её возьмут? Разве что уборщицей… Ну что же, пойдёт уборщицей! Не голодать же нам! — И Нагаи жёстко усмехнулся.

— На пенсии не бедствуют только те, кто имеет своё дело, — Хидэо указал на маленького, пухленького старичка с белым пушком на голове. — Это — профессор Итоку. Ему восемьдесят, но он продолжает возглавлять собственную фирму.

Итоку раздавал коллегам рекламные проспекты своих новых изделий. В молодые годы он сделал открытие и получил международный патент. Но найти хорошую работу в государственном учреждении это ему не помогло, и он создал свою фирму, частную. Это принесло ему богатство, но в повадке старичка, в его низких поклонах проглядывало что-то робкое, словно он чувствовал себя классом ниже сэнсэев — государственных служащих.

— Нам, японцам, на пенсии особенно сложно, — Нагаи печально потупился, — мы слишком заняты пока работаем и не успеваем завести хобби.

Нагаи стал рассказывать историю о коллеге, которому перед увольнением разрешили забрать домой свой электронный микроскоп — таким образом университет сэкономил деньги, которые пришлось бы платить за вывоз старья на свалку. А старый сэнсэй, поставив прибор у себя дома, смог продолжить привычное занятие. Смешная была история. Но сэнсэи не улыбались.

— Я провёл в своём университете больше сорока лет, с тех пор, как пришёл туда студентом, — печально сказал Хидэо. — Я всё время проводил в университете. Что я буду делать дома?

— Муж-пенсионер в доме — это беда! — говорили женщины в Шимин-центре. — Домашней работы мужчины не знают, толку от них нет, они только мешаются под ногами! Мы, японки, называем их "ненужной кучей сырого мусора"…

Ей стало жалко сэнсэев. Захотелось утешить их:

— Мне кажется, японским пенсионерам живётся совсем неплохо!

В городе ей часто приходилось видеть группы благопристойных пожилых мужчин и дам — они заполняли туристские автобусы, музеи, храмы, спешили в Шимин-центр на уроки танцев и кулинарии, на поля для гольфа…

— Вы живёте в престижном районе! — мрачно усмехнулся Хидэо. — На окраинах Вы ничего подобного не увидите.

Да, в бедных кварталах старики одевались не в спортивные костюмы, а в тёмные ветхие кимоно. И лица у них были иссиня-бледные, пергаментные, с набрякшими подглазицами. И спины у старух были такие скрюченные, что ходить они могли, только повиснув на остовах детских колясок. Должно быть, татами и вечные поклоны согнули этих несчастных женщин?

— Татами так не согнёт! — мрачно усмехнулся Нагаи. — Это — рис, работа согнувшись, по колено в холодной воде, ревматизм…

Она слушала грустные рассуждения пожилых сэнсэев и вспоминала Леночкину книгу. "Сказ о горе Нараяма" — так назвал японский писатель свой жуткий рассказ. В день семидесятилетия отца или матери сын сажал на спину их, живых, ещё здоровых, и нёс на гору умирать. Таков был порядок — старый должен освободить место молодым, урожаи небогатой японской земли не позволяли прокормить лишний рот. И старики покорялись. А если не выдерживали медленного умирания на горе от голода и холода, приползали ослабевшие к дому, униженно просили впустить. Их уносили опять, связывали, бросали в пропасть, чтобы не нарушали порядок. И никто их не жалел. Только маленькие внуки плакали, услыхав стоны старика за порогом, просили пустить дедушку домой, но родители пресекали это неяпонское чувство — жалость.

За окнами Кокусаи-центра белели свежими снежными шапками предзимние горы. Может, среди них была и гора Нараяма? Ведь она где-то здесь, на севере. Почему-то именно воспоминания о жестокости этой горы приводили на память рассказы японцев о пенсии — вроде приличной, но такой неумолимой своим приходом точно в день рождения, равно неизбежной для талантливого учёного и пустого клерка. Японские правила вряд ли позволят назначить Мицугэ профессором, значит, дело Нагаи после его ухода на пенсию погибнет. Япония потеряет знаменитую на весь мир лабораторию. Но никого это не волновало, все покорно следовали японским правилам. И Нагаи покорно готовился к неизбежному, привыкал, повторяя:

— Я старею! — И, подарив ей книгу о японских праздниках с картинками бурлящей фестивальной толпы, пояснил: — Я выбрал именно эту книгу потому, что здесь много энергии, а в моём пожилом возрасте её уже не хватает. — И за русский подарок поблагодарил словами жалкими: — Спасибо, что не забыли старика!

Лёгкий, стройный Нагаи без морщин и седин словно старался соответствовать надвигающейся пенсии, как бабка из сказа про Нараяму, что, отправляясь умирать, выбивала свои крепкие белые зубы камнем, чтобы не выглядеть неприлично молодо, когда сын понесёт её на гору. Идеальная упорядоченность японской жизни оборачивалась горой Нараямой.

Она шла по университетскому коридору, заполненному молодыми, энергичными сэнсэями. Встретить божьего одуванчика здесь было невозможно. И невозможно увидеть лабораторию с устаревшим названием. Вывешенные на дверях таблички блистали новизной: суперкомпьютеры, роботы, машинный интеллект… Консервативная Япония знала эффективный способ постоянного обновления — в день выхода на пенсию старый профессор снимал с дверей старую табличку и уходил, оставляя свободные помещения. И место для новой таблички. Способ был жестокий. Но здесь сначала думали о благе Японии. А уж потом — японцев.

Глава XII. Времена года — зима

Уродливый ворон -
И он прекрасен на первом снегу
В зимнее утро!
Басё

Зимой на солнечной стороне улицы…

С треском лопнул кувшин:
Ночью вода в нём замёрзла.
Я пробудился вдруг.
Басё

Чтобы холодный вихрь
Ароматом напоить, опять раскрылись
Поздней осенью цветы.
Басё

Она проснулась оттого, что у неё замёрз нос. Открыв глаза, увидела прямо перед собой ледяную корку на подушках у балконной двери. Дверь — одинарная, холодная, сверху донизу стеклянная, да ещё раздвижная, оставляла у полозьев широкую щель. Заткнуть её навечно было нельзя — на балконе стояли канистра с керосином и стиральная машина. Только подушки для сидения на полу, принесённые Намико, прикрывали щель. Теперь они примёрзли к двери. А не будь подушек, примёрзла бы её голова.

— Зиму в Японии не живут, переживают! Зимними ночами в доме бабушки замерзала вода в вазе с цветами, — рассказывал уроженец здешних мест Шимада. — Вылезти из футонга стоило большого напряжения воли…

Интересно, почему Шимада говорил в прошедшем времени? В его теперешнем доме по утрам было, наверное, не теплее. Японцы, как и она, отапливали свои жилища керосинками. Днём они кое-как прогревали дом, но на ночь их выключали, чтобы во сне не сгореть или не угореть. И потому утром… Ну что хорошего может быть в квартире с одинарными щелястыми окнами, что простояла без отопления всю зимнюю ночь?

— Вам хорошо! В японских домах теплее, — завидовали ей

иностранцы из международного общежития.

Их просторные хоромы с линолеумом вместо тёплых татами даже днём удавалось прогреть не лучше, чем до пятнадцати градусов, сколько керосина ни жги. А за ночь тоненькая бетонная стенка выпускала наружу всё тепло, так что к утру в комнатах устанавливалась такая же температура, как на улице, минус пять. Японская зима несерьёзная: даже здесь, на холодном севере Хонсю. Что такое для русского минус пять? На улице. Но если минус пять дома…

Оттягивая страшную процедуру подъема, она поглубже зарылась в футонг. Усиленный на зиму московским пледом, одеялом Намико и всеми тёплыми тряпками в доме, футонг стал похож на звериную нору. И для того, чтобы по утрам из этой норы выбираться, она разработала целую процедуру. На мгновение высунув руку из футонга, включила маленький электрический обогреватель, с вечера поставленный на татами рядом с постелью. Выждав несколько минут, пока ледяной воздух прогреется хотя бы чуточку, она натянула под одеялом тёплый халат, ночевавший вместе с нею в постели — иначе его утром невозможно было бы надеть. Собрав всю волю в кулак, она вынырнула в морозное облако комнаты, опрометью кинулась в столовую, нажала кнопку большого керосинового обогревателя и побежала обратно в спальню. Завернув по пути к телевизору, нырнула обратно в тёплую берлогу футонга.

Показывали прогноз погоды. На южной части карты Японии покачивались зонтики с каплями дождя, на севере улыбались снежные бабы — там шёл снег. На кривых дневного изменения температур полуденные горбы таяли, как у оголодавшего верблюда. И без слов всё было понятно — зима. Пущенная на полную мощь керосинка быстро разогрела воздух. Окна в столовой заплакали. Но она всё равно накинула на плечи пальто — туалет и ванная располагались рядом с прихожей. Эту часть квартиры отсекала гармошка раздвижной двери. С приходом холодов стала понятна ценность этого сооружения, казавшегося летом ненужным. Если раздвинуть гармошку, спальня, столовая и кухня нагревались быстрее, и керосина шло меньше. Но третья комната, прихожая, ванная и туалет плохо прогревалась даже при сложенной гармошке — Вероника с Николой звали это место в её квартире Сибирью. Сами они зимой даже на ночь не выключали кондиционер, оплачивая огромные счета за электричество.

Выйти утром в Сибирь было нелёгким испытанием. Она шагнула в ванную, как в прорубь, повернула ручку газовой колонки, намереваясь принять душ. Колонка работать отказалась. Кое-как поплескав на лицо ледяной водой, она посмотрела на

себя в зеркало — зрелище было жуткое: посиневший нос, на плечах пальто… Придётся просить Намико вызвать мастера, чтобы починить колонку, — тоскливо думала она, натягивая спортивные брюки. В последнее время выгонять себя на пробежку становилось всё труднее — уж больно тоскливо было в парке зимой — голые ветки да вороны. И серый океан заодно с серым небом. Она нехотя открыла дверь на галерею… И замерла. Дальние горы, ближние холмы, городская улица — всё было бело. Ночью выпал снег, первый снег этой зимы.

— Юкки, юкки! — радостно кричала девочка.

Милое это слово по-японски означало снег. Девочка бежала по заснеженной дорожке парка вприпрыжку и, завидев знакомую иностранку, не поклонилась церемонно, как обычно, а помахала издали рукой, улыбаясь заспанным личиком. Её рыжий щенок по имени Пу рвался, натягивая поводок, и возбуждённо скулил, принюхиваясь к незнакомому запаху, это был первый снег в его жизни. Они часто встречались по утрам в парке: она делала зарядку, девочка гуляла со щенком. Девочке было лет четырнадцать, она охотно болтала по-английски, не очень смущаясь. Но сегодня она только смеялась и бегала без удержу, как её щенок. Потому что выпал снег. Оказалось, многие кусты сохранили плотные тёмно-зелёные листья. Они были незаметны среди серых веток, но теперь под снегом горели ярко — листья и… цветы. Наверное, старые, засохшие? Она подошла поближе — занесённые снегом кусты были густо облеплены лопающимися бутонами — бело-розовыми, свежими… Цветы, пришедшие вместе с первым снегом! В середине декабря! Парень, выскочивший в парк побегать, увидел цветущий куст, вернулся домой за фотоаппаратом. И долго прилаживался, чтобы получше снять. Молодая мама наклонила веточку с бутонами пониже, поближе к личику своего малыша, заговорила, улыбаясь. Значит, и для привычных японцев это чудо — зимние цветы.

Среди снега стали заметнее в садах золотые шарики хурмы — её оставляли подвялиться прямо на ветвях. Самая вкусная вяленая хурма получалась именно из круглых плодов, вяжущих, костлявых, а не из сладких четырёхугольных, без оскомины и семян. Вяленая хурма — зимнее японское лакомство. С приходом холодов её стали продавать в каждой овощной лавке. В дорогих магазинах ту же хурму упаковывали в красивые деревянные ящички, так получался подарок — недешёвый, зато сезонный, зимний. Некоторые хозяйки нанизали хурму на верёвочки и развесили под крышами своих домов рядом с белыми хвостами редьки и длинными кочанами китайской капусты — японцы подвяливали овощи перед засолкой.

Дешёвая лавка, торгующая одеждой, выставила в витрины простые тёмные кимоно, стёганые, как наши телогрейки, зимнюю одежду для стариков, приверженцев традиций, для бедных людей. На автобусной остановке пахло нафталином от толстых пальто, извлечённых из шкафов по случаю снега. Люди приоделись потеплее, а детям, даже новорождённым, шапок не надели. Снег таял на мягком ёжике чёрных волос на непокрытой головке младенца, обвисшего мягким тельцем в недрах общей с мамой куртки. Малыш постарше, пристёгнутый к материнской спине, бесстрашно болтал высунутыми из рюкзачка ножками в тонких носочках — японское закаливание сурово.

— Так лучше для ребёнка, — спокойно говорили японки.

А русские матери приходили в ужас.

— В детском садике сын сидит на промёрзшем с ночи линолеуме, там все дети в соплях! — жаловалась Галя.

А уже пообвыкшаяся Наташа была довольна — её первоклашка-дочь бегала кроссы по улице босиком, а в школу ходила по морозу в короткой юбке и гольфах с голыми коленками.

На шоссе выстроилась длинная вереница брошенных машин — водить по снегу японцы не умели. Вернее, они не пробовали это делать. Снег — это опасно! По снегу ездить нельзя! Такие предупреждения развешивали на дорогах, произносили по телевидению, радио… И дисциплинированные японские водители, завидев первые снежинки, бросали машины прямо там, где их застигло стихийное бедствие, и рысцой бежали к ближайшей автобусной остановке. Автобусу было позволено ездить и в снег. Но в цепях. Он подполз, тяжело ворочая колёсами, обёрнутыми серьёзным железом, зловеще лязгающим по едва припорошенному снежком асфальту. Автобус отставал от расписания, но длинная очередь ждала терпеливо — ведь выпал снег! И на цепи люди смотрели серьёзно, без ухмылки, не считая предосторожность излишней. Рабочие посыпали дорогу какими-то белыми гранулами. Мешки с этим средством были приготовлены заранее и сложены в ящики на прочных бетонных основаниях, поставленных у крутых извилин шоссе. Ящики не запирались: каждый мог в случае нужды достать мешок и посыпать дорогу — север Хонсю встречал зиму во всеоружии.

Первого декабря в университетском городке заработала котельная, батареи в корпусах стали тёплыми. Затопили точно в первый день зимы, по календарю, и топили по расписанию — с девяти утра до шести вечера. В шесть отопление отключали, и оставшиеся трудиться после официального окончания рабочего дня спасались керосиновыми обогревателями. Но и их выключал

последний уходящий. За ночь бетонный дом промерзал до костей, до арматуры.

— Сегодня — первый снег нынешней зимы, — улыбнулся ей шедший по коридору Сато и шмыгнул покрасневшим носом.

Даже по случаю холодов он не изменил японским традициям и продолжал носить пластмассовые шлёпанцы на босу ногу.

— Первый снег для нас праздник, — сказал Шимада, потирая озябшие руки.

Митико, ставшая круглой в двух толстых свитерах, куталась в толстый шарф и кашляла. Многие студенты кашляли. Должно быть, они мёрзли в экономных родительских домах и в университете старались отогреться — не ограничиваясь батареями, разгоняли печь на полную мощность. Запас керосина быстро таял, и лабораторный техник Ямазаки то и дело ходил с канистрой в подсобное помещение, где стояла цистерна. Кобаяси ворчал на расточительность молодого поколения, за топливо он платил из лабораторных денег. В студенческом зале пахло керосином. У её домашнего обогревателя была хотя бы труба, а в стене столовой — дырка. Студенческая же комната отапливалась по-чёрному. При включении обогревателя полагалось открыть окно, но ребята, сохраняя тепло, ограничивали вентиляцию фрамугой над дверью, ведущей в коридор. Эта фрамуга была единственным источником тепла для Хидэо. Он широко открывал дверь своего кабинета, расположенного напротив, а свой обогреватель никогда не включал, экономя керосин. Он и электричество экономил, сидя зимними вечерами в тёмной комнате, освещённой только тусклым экраном компьютера.

— Поздравляю всех с первым снегом! — весело влетел в студенческий зал Хидэо. И захлопотал заботливо: — Сегодня после обеда Вам принесут новый обогреватель. Я договорился.

Её бытовые проблемы он решал отменно — на холод она пожаловалась только вчера. Батареи в её кабинете не было, а маленький электрический камин не справлялся с морозом. Ровно в час в дверь её кабинета постучали. Расторопный юноша в чёрном костюме внёс большую коробку.

— Это — газовый обогреватель. Вам не придётся хлопотать с керосином! — вежливо известил он по-английски.

Сняв пиджак, он приколол зажимом тёмный галстук, закатал рукава белоснежной рубашки и присоединил машину к газовой трубе — вода и газ были в каждом кабинете. На прощание он вручил визитку — на случай неполадок — и с поклоном удалился. Обогреватель был элегантный, кремовый, с сияющей латунью эмблемой знаменитой японской фирмы, Но, включая его, полагалось открыть окно. Иначе кабинет заполнял запах газа.

Рано утром позвонила Намико, чтобы известить — в одиннадцать придёт мастер чинить колонку. Милая Намико, как и её муж, мгновенно исполняла все её житейские просьбы. Неожиданно освободившееся утро она решила посвятить хозяйству. Зимой у неё появилась новая забота — ходить на бензоколонку за керосином. Жители частных домов поступали проще — они выставляли канистры за ворота, доверяя их заливку бегавшей по району машине. Но она не знала, где поставить канистру в многоэтажке, как оплатить счета… На бензоколонке парень и девушка, стоявшие навытяжку, как часовые, стремглав бросились ей навстречу. Парень выхватил из её рук канистру и помчался её наполнять. Девушка, приняв деньги, ринулась к кассе бегом и вернулась с чеком и сдачей. Парень сам завинтил крышку канистры, едва ворочая закоченевшими пальцами. И у девушки лицо было сизым от холода — они работали на ледяном ветру в лёгких форменных курточках. А брюки им позволили надеть совсем недавно — в ноябре они стояли на ледяном ветру в шортах с коленками такими же синими, как носы. Едва отдав ей канистру, парень рванулся к подъезжающей машине, подхватил шланг, чтобы её заправить. Девушка приняла деньги и выбежала на улицу, отмахивая рукой — путь свободен. Водитель из машины даже не вышел.

Вслед за бензоколонкой в программе её хозяйственных дел значилась химчистка. В лёгких туфельках шла она по тротуару — сухому, чистому — утреннее солнце съело вчерашний снег без остатка. Внезапно налетевший ветер закрутил метель. Через минуту она уже утопала по щиколотку в мокром снегу и в химчистку вошла как снежная баба. Малюсенький закуток умудрился на пяти квадратных метрах уместить прилавок, вешалку, газовый обогреватель… Две японки тихо переговаривались, разложив на столе шёлковое чёрное кимоно с вышитыми цветами. Женщины водили пальцами по швам, должно быть, обсуждали, как их распороть. Дорогие кимоно распарывали перед тем, как их почистить или постирать, а потом сшивали заново. Завидев её, приёмщица прервала разговор и сама принялась отряхивать от снега принесённые вещи, не позволяя клиентке ей в этом деле помочь. И пяти минут не заняло посещение химчистки, но за дверью её уже встретила весна. Под ярким солнцем прямо на глазах таяли сугробы, по мостовой текли ручьи. Теперь идти пришлось не по снегу, а по воде — таковы капризы океана, хоть и Тихого, но капризного, меняющего погоду мгновенно, однажды летом уже накрывшего её на побережье внезапным дождём…

Мастер включил колонку, и она выдала горячую воду. Мастер

пожал плечами и ушёл, сказав спасибо — "аригато." На следующее утро колонка забарахлила опять. Она опять позвонила Намико и услыхала застенчивое:

— Вы принимаете душ утром? Надо попозже. Теперь зима.

Из сбивчивой, смущённой речи Намико выходило — надо ждать, пока на солнце оттают трубы, в которых за ночь замерзала вода. Ждать солнца пришлось и при попытке постирать — замёрзшее масло заклинило кнопки машины. Машина заработала только к полудню — солнце сделало своё дело. Сильное японское солнце вообще стало очень важным в зимней жизни. Хидэо переставил свою пишущую машинку поближе к окну, иначе в ней замерзала смазка. В погожие дни можно было не включать обогреватель и обходиться солнечным теплом. На солнечной стороне улицы за день оттаивал ночной снег и лёд. А поскольку снегоуборочных машин и даже дворников со скребками городу не полагалось, люди предпочитали ходить по солнечной стороне улицы — движение людей в городе стало определять солнце.

Именно зимой почему-то вспомнилось, что Япония — страна восходящего солнца и само слово "Япония" пишется двумя иероглифами — "солнце" и "корень". И что издревле японские цари получали имена с концовкой — "хико", что означало "любимец солнца". И что японцы ведут свой род от богини солнца Аматерасу, и в японском многобожии место этой богини особенное…

Торговые ряды и японские боги

Ива склонилась и спит.
И кажется мне, соловей на ветке -
Это её душа.
Басё

За левым окном автобуса мелькнули красные тории шинтоистского шраина, за правым — деревянный забор буддийского храма. Два разных храма на одной улице — вещь для Японии обычная. Вещь нужная, потому что новорожденного японцы несут к богам шинто, покойника — к Будде. Ведь шинтоистский обряд жизнерадостен, буддийский мрачен. А на свадьбе японец успевает побыть ещё и христианином. А почему бы и нет? Венчание в христианской церкви так красиво! И современно. Венчание — знак приобщения к западной

цивилизации, знак принадлежности к почтенному обеспеченному классу. Как этикетка универмага Фуджисаки на костюме. А о Христе вряд ли кто вспоминает, склонив голову перед священником. Доктринами тут себя не обременяют, к богам тут отношение спокойное. И повенчанный как христианин японец, на той же свадьбе быстренько переодевшись в кимоно, становится шинтоистом и исполняет брачный ритуал дедов. К богам тут отношение практичное: японец выбирает тех, что больше подходят к случаю.

— Когда я прилетаю в Америку, — говорил суперкомпьютерный профессор Такасими, — я становлюсь христианином, а в Японии я буддист.

А новорожденного сына он носил в шраин. К богам тут отношении свойское. Японец в японской сказке связывал верёвками статую бога, приговаривая:

— Если выполнишь мою просьбу — развяжу.

Словом — работай, коли ты бог. А работаешь плохо — получай наказание, хоть ты и бог.

— Наша родная японская религия шинто — простенькая, языческая. У храмов волки стоят, обезьяны, овцы… — улыбался Шимада. — Священники исполняют необременительные службы в шраине в свободное от работы где-нибудь на фирме время. А буддизм — он импортный, из Китая, слишком сложный для нас. Поэтому целиком мы его не приемлем. И из христианства мы выбрали самое упрощённое и практичное — протестантство.

Торговые ряды нарядились в зелёное, красное, золотое — цвета католического Рождества. Красные Санта Клаусы, золотые ленты и колокольчики, зелёные венки и ёлки в каждом ресторане, магазине. Все ёлки пластмассовые. Только Кокусаи-отель устроил в фойе огромную, метров в пять пирамиду из красных живых цветов, рождественских, американских. Там их называли "Святая ночь". Отелю хотелось оправдать своё название международного и по-американски отметить неяпонский праздник — Рождество. В круглом зале универмага "141" — "Ичи-йон-ичи" ребятня обступила невиданное западное чудо: большой, в рост человека кукольный домик, разрезанный так, чтобы открыть уют маленьких спален, гостиных, населённых игрушечными человечками, рождественский домашний уют.

Народу на Ичибанчо было несметно. Словно весь город, забыв на время Будду и своих шинтоистских богов, устремился в торговые ряды. Ведь Рождество — повод для подарков. Может, за то и приняли этот праздник японцы? Ведь для них так естественно дарить, они вечно что-нибудь дарят. И торговцы рады были обратить Японию в христианство. Хотя бы на пару

рождественских недель. И только в торговых рядах. В прочем городе христианским праздником и не пахло.

— Да что Вы, какое христианство! — на перекрёстке улиц белолицая старуха раздавала прохожим маленькие, сложенные гармошкой книжечки — до такого размера ей удалось отжать Библию. — Сама Библия слишком сложна для японцев! Они и этого читать не станут! — ворчала бабуся, вручая книжечку пожилому мужчине.

Глянув рассеянно на первую страницу, он выбросил крошку-Библию в мусорницу и устремился к вынесенному на улицу прилавку — там шла распродажа рождественских подарков для детей. Через минуту в его руках был набитый сладостями красный чулок Санта Клауса. Проводив мужчину презрительным взглядом, дама обратилась к ней ласково, как к своей:

— Вы-то наверняка читали Библию…

Даже слово "Россия" старушку не остудило — разница между православными и католиками казалась такой несущественной здесь, среди японцев. Женщина оказалась родом из Голландии, в Японии жила уже двадцать пять лет, безуспешно пытаясь привить на здешней земле христианство.

И всё-таки христиане в Японии были. Хидэо уже десять лет ходил в баптистскую церковь.

— Наша семья всегда держалась буддизма, — объяснял он. — Однако в Англии я стал посещать баптистов, и какое-то время я и моя семья были раздвоены. Но, поскольку я — старший сын, и после смерти отца я всё в семье решаю, я запретил жене и матери ходить в буддийский храм, и теперь мы только христиане.

Однажды, соскучившись воскресным одиночеством, она попросила Хидэо взять её на службу. А он обрадовался, что введёт в общину новую прихожанку. Церковь стояла совсем недалеко от её дома, на Ягияме. Небольшая, деревянная, обшитая выкрашенными в голубое досками, она выделялась среди соседских домишек только шпилем с крестом. У входа в церковь всегда цвели цветы. Небольшой дворик, вымощенный плитками, был вымыт так чисто, что разуться хотелось уже здесь. Но у баптистов не разувались. У них царил Запад — от прихожей с раздевалкой и западным туалетом до молельного зала с мягкими стульями. Вместо алтаря тут была сцена, вместо икон — большой букет в красивой вазе. И только высокое окно над сценой несло в себе нечто церковное — серебристый витраж — серый крест на голубом.

Она стала приходить в церковь каждое воскресенье. Здесь было тепло в холода, прохладно в жару — электричества для больших кондиционеров богатые баптисты не жалели. В хорошую

погоду настежь открывали окна, и ветерок с океана красиво колыхал тонкие дорогие шторы. Ей нравилось идти к своему месту среди поклонов и улыбок, нравилось смотреть, как юная девушка садится за пианино и играет что-то светлое — так всегда начиналась служба. Пастор в дорогом костюме и модном галстуке поднимался на кафедру и читал проповедь. Понять японскую речь она не могла, но при входе каждому вручалась программка вроде театральной — план службы. А садившийся рядом Хидэо помогал японский текст перевести. Потом наступал черёд псалмов. Перед микрофонами на сцене появлялась щупленькая девушка в сильных очках и парни с электрогитарами. Певица тоненьким голоском выводила красивые западные мелодии, а прихожане, поднявшись со своих мест, хором подпевали. Тот, кто нетвёрдо знал слова, мог подглядеть их на большом экране возле кафедры — с проектором управлялся один из верующих, студент. Текст можно было прочесть и в книжечках, которые имелись у всех прихожан. Ей тоже выдали одну из церковной библиотеки вместе с Библией на английском языке.

Ей нравился комфорт и уют церкви. И приветливые прихожане, встретившие её, как родную. Её первое посещение церкви началось с того, что по просьбе помощника пастора, молодого адвоката, она по окончании службы встала и рассказала всем о себе — когда и где родилась, где работала и учились — так всюду принимали новичков в Японии — на работе, в церкви. Тогда было первое воскресенье апреля, и вслед за знакомством стали поздравлять всех, кто родился в этом месяце, такой здесь был обычай. Новорожденные выстроились у кафедры, сообщая по очереди, сколько им исполнилось лет.

— Мне семь, — гордо сказал мальчик.

— А мне семьдесят, — улыбнулся стоявший рядом старик.

И зал весело зааплодировал. Маленькая дочка пастора загадывала загадки — без викторины в Японии не обходился ни один праздник, а потом одаривала поздравительными открытками. Прихожане молились за здоровье новорожденных и пели хором по-английски: "Хэппи бёсдэй!", добавляя вместо имени японское "минасан" — "всем". Счастья желали всем сразу. Баптисты жили одной семьёй. А ей здесь так не хватало семьи.

В своём вечно пустующем почтовом ящике она стала находить послания от сестры во Христе, старушки Сагами, и её подарки — набор японских марок или забавную открытку с пожеланием здоровья и предостережениями, такими домашними:

— Переходя улицу, помните о нашем левостороннем движении, будьте осторожны!

Опекала ли её Сагами-сан по собственной воле или по

поручению общины — неважно. Важно, что у неё появились друзья. И молодой пастор стал её другом. Однажды она даже пригласила его к себе домой. Он пришёл вместе с женой и роскошным букетом. Одетые в джинсы супруги, стройные, молодые, звонко смеялись, запивая водкой русские пирожки — никто не заподозрил бы в них чету священнослужителей.

И в церкви часто устраивали общие обеды, отмечая не только праздники церковные, но и семейные, например, проводы прихожанки в другой город или выздоровление старушки, которая посещала эту церковь много лет, а потом на долгое время слегла. Согнутая дугой старушка стояла, держась за спинку стула, и смущённо улыбалась, пока зал гремел аплодисментами в её честь. Ради общей трапезы мужчины раскладывали стоявшие вдоль стен складные столы, и молельный зал превратился в банкетный. Дамы-активистки выносили из кухни приготовленные ими овощные салаты, фруктовое желе и пластмассовые тарелки с готовой едой из магазина — рис с жареной рыбой, с кусочками мяса. Еду, разогретую в микроволновке, запивали зелёным чаем из больших термосов — спиртного в церкви не полагалось. Так обычно проходили общие обеды. На пасхальном обеде прихожане попросили её рассказать, как празднуют Пасху в России. Хидэо стоял рядом с ней у микрофона и переводил её рассказ на японский, Японцы удивлённо слушали про пост, крашенные яйца, освящённые куличи, ночную службу и покачивали головами: какие сложности! Для них Пасха была обычной службой, отмеченной разве что совместным обедом, но тоже обычным — салат, рис с рыбой и мясом, желе…

Благодаря баптистам в её жизни стало больше праздников. Иногда Хидэо брал её в летний лагерь. У церкви была своя земля — дорогая, пригородная, просторная. На берегу озера посреди леса стоял большой двухэтажный дом, пахнущий свежим деревом. В тёплое время года службы иногда проводили здесь. Прихожане с семьями, с детишками приезжали субботним вечером и ночевали в жилых комнатах на втором этаже. Комнаты напоминали вагон двухъярусными нарами, отсутствием дверей. Но радовали благоухающей чистотой, новизной досок пола, стен и кроватей, застеленных мягкими матрацами в красивых чехлах. В конце коридора располагался биотуалет и умывальные с водопроводом — даже за городом баптисты жили с комфортом.

Во флигеле работала столовая. На лавки вдоль длинных столов свободно усаживались сто человек, а большие котлы могли их всех накормить хотя бы чем-то простеньким, вроде риса с карри. После завтрака прихожане сходились в просторном зале на первом этаже. Переобувшись в казённые тапочки, чтобы не

испачкать блестящий светлым лаком пол, они пели псалмы под музыку магнитофона. Пастор, одетый по-дачному в светлую рубашку с распахнутым воротом, читал проповедь. После обеда все устраивались группами на террасках, в тени елей, чтобы обсуждать библейские темы… За поездку в лагерь прихожане платили, но немного — две тысячи йен. Остальное: земля, дом с обслугой, городская церковь с квартирой пастора, сам пастор с семьёй, певица, музыканты — всё это содержалось на пожертвования. После службы в церкви по рядам пускали корзинку, деликатно обернутую чёрным бархатом, чтобы не видно было, кто сколько кладёт. Вряд ли богатая община существовала только за счёт маленькой корзинки, наверняка были и более крупные подношения. Финансами занимался казначей общины — менеджер банка, посторонних в свои дела не посвящая.

Перед рождественской службой Хидэо заехал за ней на машине. На самом деле Рождество наступало послезавтра, но баптисты устраивали службы только по воскресеньям в десять утра. И для Рождества не сделали исключения — в церковь ходили люди работающие, занятые, а выходного на Рождество в Японии не полагалось. Только пастор и церковные активистки-домохозяйки уговорились отслужить ещё один раз, как полагается, в ночь под Рождество. Рядом с Хидэо на переднем сиденье машины дремала жена, сзади посапывала мать.

— Христиан в Японии немного, — говорил Хидэо, указывая в окно машины.

И правда, редкие дома вывесили на своих дверях перевитые красными лентами вроде бы еловые пластмассовые венки. Но христианских церквей в городе было немало, только в её районе целых три: две католические и одна баптистская.

— Ягияма — специфический район, — объяснял Хидэо. — Здесь живут люди состоятельные, образованные.

Значит, именно среди них находили своих прихожан японские христиане?

На церковном дворе Хидэо втиснул свою машину между дорогой машиной пастора и Ниссаном последней модели. На нём ездил староста общины — владелец фирмы, которая строила в городе небоскрёбы. Намико вышла первой и распахнула заднюю дверцу, придерживая её, пока выгружалась свекровь. Грузная старуха, не взглянув на невестку, выбралась тяжело и пошла, шурша шёлком тёмно-зелёного нарядного костюма, навстречу подружкам, принялась оживлённо с ними болтать. Сменившая на старости лет бога, она не чувствовала, кажется, неудобств. У дверей прихожан встречали две нарядные дамы-активистки. Они

кланялись и улыбались, приглашая каждого входящего расписаться в журнале. Именно эти дамы с журналом посещаемости, стоящие на пути к Богу, постепенно отвратили её от церкви.

— Почему Вас не было? — укоризненно спросил её как-то Хидэо. — Вам следует приходить регулярно! Хотя, конечно, настаивать мы не можем…

Но он настаивал. Даже сердился. Японцы любят превращать в обязанность всё: ранние вставания, церковные службы… А она навязанных обязанностей не любила и стала службы пропускать, появляясь лишь на самых интересных, как сегодня в Рождество.

В прихожей уютно светилась огнями пластмассовая ёлочка, в зале чинно рассаживались дамы, оправляя шерсть и бархат праздничных платьев, раскланивались мужчины в дорогих костюмах. Интеллигентные лица, тихие разговоры… Баптистская церковь — элитный клуб, место общения, приятного досуга. Молодой дородный еврей-миссионер, прибывший из Соединённых Штатов передавать опыт японским братьям, помогал пятилетней дочери устроить на стуле вышитую юбку. Его нарядная жена покачивала на руках младшую дочь, завёрнутую в нечто белое, пушистое.

— Вы не поверите, — улыбнулась женщина, поправляя пышные белокурые волосы, — хотя я родилась в Америке, но бабушка у меня — японка, поэтому мы здесь.

— Нам вообще нравится путешествовать, — вальяжно пропел миссионер, лаская холёную бородку. Путешествовали они с комфортом — с мебелью и даже с камином — баптисты богаты.

По случаю Рождества всегда элегантный пастор облачился в особенно элегантный костюм. Его супруга в шерстяном платьице — тёмненьком, простеньком, дорогом вошла в окружении своих четверых ребятишек. Дети в церкви не были редкостью, женщины приносили сюда даже грудных, повесив их за спину. Тех, кто мог ходить, отправляли на время службы за перегородку в конце зала, на татами. Там с ними нянчилась одна из прихожанок. И никто не сердился, если посреди проповеди вдруг раздавался детский писк.

К десяти часам все полторы сотни мест церкви заполнились. Пианистка в светлом платье заиграла нечто ликующее, прихожане поднялись в едином порыве, храм наполнили восторженные гимны. И вдруг все затихли, ожидая нечто торжественное. В зал вошла девушка в белом.

— Её будут крестить! — зашептал Хидэо. — Крещение в Рождество — это хорошо! Рождественская купель!

Девушка была одета не в крестильную рубаху, а в узенькое

модное платьице. Вслед за нею явился пастор, сменивший костюм на белые полотняные брюки. Он прошёл по залу, шлёпая пластмассовыми тапками по босым пяткам, и вместе с девушкой исчез за дверью возле кафедры. Грянула музыка, певица запела "Аллилуйя", над кафедрой открылось окно и в нём, словно на сцене, началось действо. Должно быть, там было возвышение, потому что двое в окне словно парили над залом. Пастор прижал к лицу девушки белый платок и трижды окунул её с головой в купель. Окно закрылось, мокрый пастор пошёл переодеваться, а сквозь аккорды пианино донеслось лёгкое жужжание — за дверью крестильной новообращённая сушила феном волосы.

Красивая дама-активистка встала, чтобы доложить о церковных делах. Дела нельзя было откладывать даже ради Рождества! Дама демонстрировала новые книги из церковной библиотеки и объявляла о намеченной поездке в другой город, в дружественную церковь. Обмен делегациями здесь был делом обычным. Накануне Рождества Церковь принимала хор молодых баптистов из Кореи. Их поселили на втором этаже церкви, в комнатах для гостей, рядом с квартирой пастора. Корейцы устроили после воскресной службы большой концерт. И сегодня в честь Рождества намечался концерт. Одна из прихожанок, молодая музыкантша, грустная, с бледным лицом, поднялась на сцену, неся в руках серый деревянный горбыль, слишком большой для хрупкой женщины. Это корявое сооружение носило нежное имя — японская арфа кото. Женщина устроила длинную, чуть не в её рост деревяшку на двух стульях и принялась пробовать натянутые поверх плоской стороны струны… И вдруг с силой, невероятной для её тонких, ломких пальцев, заиграла, склонившись к арфе. Её веки подёргивал нервный тик.

После концерта она подошла к музыкантше, похвалила её игру, спросила:

— Должно быть, тяжело женщине носить такой большой инструмент?

Та ответила просто:

— Да, тяжело. — И объяснила: — Теперь кото стали очень тяжёлые, зато они дают сильный звук. А старые кото были лёгкие, но звучали гораздо слабее. — Музыкантша часто беседовала с ней. И теперь говорила, как со старой знакомой: — Я скоро уезжаю в Америку. Там будут записывать мой второй диск.

Мать музыкантши — полная, ярко накрашенная японка, улыбаясь, принимала похвалы таланту дочери, накрывая столы. Рождественский обед ничем не отличался от прочих церковных обедов. И прошёл он как всегда — в тихих беседах. Усаживаясь в машину, Хидэо проворчал, указывая на стоящий неподалёку

безлюдный шраин:

— Эти вспоминают о Боге только один раз, под Новый год.

На другой день после Рождества она поехала в центр и не узнала торговые ряды. Запад испарился, уступив место Востоку. Ёлки бесследно исчезли. Вместо них при входе на Ичибанчо поставили красные ворота-тории, огромные, во всю высоту стеклянной галереи, превратив торговый центр в один большой шраин. Над ториями, на сером полотне свернулась комочком серая мышь — именно этому животному соответствовал по восточному календарю наступавший девяносто шестой год. Торговые кварталы притихли, поблёкли. Место красного, зелёного и золотого заняли серый и жёлтый — цвета соломы, бумаги. И в городе появились японские новогодние украшения — ветки сосны и стебли бамбука, перевитые пучком соломы. Сооружение украшал мандарин и маленький красно-белый веер с надписью золотыми иероглифами — приглашение Нового года. Сосново-соломенные пучки прикрепили на радиаторах машин, у дверей домов и контор… И чем солиднее контора, тем больше украшение. Самые именитые выкатили на тротуары бочки с тремя косо срезанными стволами бамбука длиною в метр. В торговом центре по-прежнему было людно. И очень чисто. Как всегда.

— Мы, японцы, всё-таки прежде всего язычники, шинтоисты. Мы верим, что боги живут всюду — дома, в лесу… И что есть бог улицы, который обидится, если бросать ему мусор, — так объяснял чистоту своего города Шимада.

Покинув Ичибанчо, она свернула на главный проспект, прошла мимо православной церкви, большой, каменной, новой. Однажды её привела сюда православная Зухра, крещёная в Дамаске. Священник, толстый, низенький, бойкий, с широким японским лицом рассказывал по-русски, не стесняясь своей исковерканной донельзя речи, о поездке в Киев и в Москву. А на прощание подарил каждой из женщин эмалевый образок. И пригласил заходить. Она заходила иногда. При входе прихожане разувались и на службе сидели по-японски на полу — верность японским традициям православные хранили крепче, чем баптисты. В конце зала вместо положенных православному храму лавок стояло несколько рядов деревянных стульев, покрытых шерстяными подушечками. Пёстрые вязанные из шерсти подушечки, зелёный ковролин на полу, цветные фотографии вместо икон — в уютной церкви не было ничего похожего на суровое исступление русских храмов.

И служил японский священник, утонувший в шитой золотом рясе, суетливо подёргиваясь, приподнимаясь на цыпочки, нагибаясь, чтобы поправить сбитый его топтаниями коврик,

забавно шепелявя. Но служил он по-русски. И хор пел по-русски. Мужчины вели свои партии басом. И вообще православные, хоть и выглядели победнее, попроще баптистов, превосходили их ростом и шириною плеч. Японские православные родом были всё больше с Хоккайдо, с севера, откуда рукой подать до России. Журнала посещаемости тут не было, и на неё никто не обратил внимания. Она заходила к православным несколько раз и ни разу не заставала русских…

Уезжая из торгового центра, она видела из окна автобуса, как на вечерней улице играют дети, перебрасывая мяч от буддийского храма к шинтоистскому шраину. И обратно.

Всё забудь!

Рыбам и птицам
Не завидую больше… Забуду
Все горести года.
Басё "Под Новый год"

Накануне Нового года сотрудникам выдали бонусы. Университетская зарплата состояла из двух частей — основной, ежемесячной и добавочной, вроде как премии — ежеквартального бонуса. Бонусы были большие, несколько месячных зарплат. Сотрудники повеселели.

— Последняя неделя старого года у нас в Японии всегда очень весёлая! — улыбался Хидэо. — Бонусы, пирушки!

Ей бонусов не полагалось, только стипендия. Но кое-что от предновогоднего веселья досталось и ей — её пригласили на лабораторный боненкай.

"Кай" по-японски означало любое сборище, а первая половина слова выражала призыв всё забыть. Так что цель предстоящей вечеринки состояла в том, чтобы участники забыли все неприятности уходящего года. Боненкай в Японии отмечали рабочим коллективом в ресторане. Студенты, сбросившись посильно, по три тысячи йен, сняли отдельный зал в дешёвом ресторанчике. Называть эту забегаловку рестораном, как это делали японцы, было сильным преувеличением — в сыром воздухе мешались запах пива и густой табачный дым, под ногами хлюпала грязь. Пробившись сквозь плотную толпу подвыпивших простецких посетителей, пировавших стоя у высоких столиков, лаборатория под предводительством сэнсэя Кобаяси заняла

банкетный зал — крошечную комнатку, поднятую над грязным полом на помост, крытый татами. Обувь оставили при входе на помост, куртки побросали в угол на татами — гардероба японскому ресторану не полагалось. Она пожалела своё светлое пальто, сваленное в общую кучу, и уселась возле длинного низкого стола на положенное ей по иерархии место — рядом с сэнсэем. Сидеть оказалось удобно не только из-за подушек, служивших сиденьями, но и из-за продолговатой ямы под столом, куда можно было свесить ноги. В яме полагалось находиться котатцу. Но затрапезный ресторанчик средств на такую роскошь не тратил — воздух согревали своим дыханием посетители. Она порадовалась, что, умудрённая японским опытом, правильно отреагировала на слово "ресторан" и оделась как на овощную базу, в толстый свитер и тёплые брюки. Остальные участники пиршества нарядились так же. И только Хидэо, поддерживая высокий ранг сэнсэя, красовался в костюме.

Пожилой официант, тоже приодетый в нечто невзрачное и тёплое, часто поднимался к ним на татами, каждый раз скидывая просторные туфли. Она подсчитала — трудясь в таком темпе, он переобувается за смену не менее ста раз. На столе быстро росла стайка тарелочек с мелкой жареной рыбой, жареной картошкой, картофельными котлетами, солёными овощами… Закуска была простая и выпивка дешёвая — пиво. Но хватило её надолго, пировали три часа. Завершало трапезу большое блюдо с цыплятами, зажаренными вперемешку с креветками. Усталый, как всегда, Хидэо размяк от первых же глотков спиртного, маска холодности, приличествующая важному сэнсэю, сползла с его лица, выпуская на волю простого, славного парня.

— Сегодня я могу поухаживать за Вами, — Хидэо улыбнулся смущённо, подливая ей пива.

Когда пирушка закончилась, он первым спустился с помоста, нашёл в свалке обуви её туфли, подвинул поближе, повернул носками на выход, поддержал, помогая обуться. Студенты наблюдали сцену равнодушно, Шимада насмешливо.

— Теперь идём в другой ресторан! — сообщил Хидэо, подхватив её под руку. — Таков наш обычай — за один вечер мы, японцы, заходим в несколько ресторанов. Особенно в такой праздник, как боненкай. В этом есть смысл — меняется обстановка, соседи, начинается новый разговор…

В новом ресторане — более чистом и светлом и, соответственно, дорогом — студенты притихли, не то смущённые непривычным комфортом, не то сморённые теплом, поднимавшимся от электрического котатцу в яме под столом. Все углубились в чтение меню, пытаясь разобраться в незнакомых

названиях: ликёры, коктейли…

— Пусть выбирает девушка! — не вытерпел Хидэо.

Парни охотно уступили инициативу, а Митико, смело подхватив её, выпалила решительно:

— Всем пива!

Хидэо кивнул удовлетворённо — за выпивку во втором ресторане по традиции боненкая платил сэнсэй. Красавец Кубота отхлебнул пива, поморщился, открыл меню. Подбежавший официант принял заказ — шоколадный коктейль. Глядя на довольного Куботу, потягивающего через соломинку вкусное питьё, студенты осмелели. Ода тоже заказал коктейль, и Мацутани… Хидэо молчал, всё больше мрачнея с каждым новым заказом. Наконец, не выдержал:

— Ну всё, пора! Идём в третий ресторан!

Найти новое место не удалось. То, что подходило по цене, было заполнено до отказа — трудовые коллективы всего города справляли боненкай. Мужчины хотели всё плохое забыть. Только мужчины. А у женщин, кажется, ничего плохого в уходящем году не случилось. Женщин в ресторанах не было. Разве что штучные, вроде Митико. Сгрудившись у выхода из торгового центра, студенты отхлопали ладошками "сайонара": та-та-та, та-та-та, та-та-та, та. Попрощались со старым годом.

— Я подвезу Вас, нам же по дороге! — сказал заметно погрустневший Хидэо и остановил такси. — В машине настроение у него испортилось окончательно.

— Студенты на дармовщину слишком много пьют, и выбирают выпивку, не глядя на цену, — сердито ворчал он, пересчитывая деньги в кошельке. — Не знаю, хватит ли водителю заплатить…

Лабораторный боненкай был только началом. Дальше пиры пошли по восходящей: факультетские, университетские… Уровень ресторанов при этом повышался, а плата падала — верхние чины имели больше прав черпать из общественных фондов. За факультетскую пирушку в четырёхзвёздочном отеле сэнсэи платили всего тысячу йен, остальное покрывал университет. В ресторан пускали по списку. Контролёр долго искал её фамилию, а она жалела, что пришла. Тем более, что ужин оказался скучным. Быстро съев всё приготовленное, сэнсэи потолкались в тесном банкетном зальчике без окон, вяло беседуя, и разошлись. Следующим был бесплатный банкет в дорогом ресторане.

— Это — только для руководителей университета! Я приглашён потому, что в этом году я заведую кафедрой! — гордо заявил разряженный в пух и прах Хидэо. — А завтра я улетаю с

Намико на Гавайи. Там для ведущих учёных Японии перед Новым годом устраивается специальная конференция.

Хидэо, причисленный к ведущим учёным, объяснил, что решать научные задачи конференция не собирается. Просто это абсолютно бесплатное путешествие — ещё один новогодний подарок начальникам от науки. Их набралось по всей Японии немало — только из их города летело около ста человек — власти арендовали для них специальный самолёт.

— Гавайи и вправду рай? — спросила она у вернувшейся через несколько дней посвежевшей Намико.

— О, нет, нет! — решительно замотала головой та. — Там слишком много японцев! — Намико, кажется, считала, что рая с японцами не получится.

— Я не мог взять Вас на Гавайи, — словно извинялся Хидэо, — но Вы можете поехать в Токио!

И он передал ей конверт. В нём было приглашение на банкет, который устраивал Научный фонд, плативший ей зарплату. Стипендиаты могли посетить банкет бесплатно, за счёт фонда — об этом извещало приглашение, отпечатанное золотом на замечательной плотной бумаге. Правда, в конверт была вложена ещё и узенькая жидкая полоска, уточнявшая: оплатить дорогу фонд не сможет, извините. Обед, который обошёлся бы в два мана — стоимость дороги то Токио и обратно, был ей не по карману. И чиновники фонда, кажется, об этом догадывались, потому вложили в конверт ещё и третью бумажку: уведомление, что посетить банкет стипендиат не сможет. Кроме стандартного текста отказа там был адрес фонда и марка. И даже её фамилия. Оставалось только бросить открытку в почтовый ящик, что она и сделала, вспоминая басню про лису, угощавшую журавля кашей, размазанной по тарелке так, что её невозможно было съесть.

— И всё-таки Вы сможете отпраздновать наступление Нового года ещё раз, — утешил её Хидэо, — тридцатого декабря Вас приглашает в гости Тагами-сан. Помните, Вы встречались с ним на Кюсю, во время конференции? Он прислал Вам факс.

Как всегда, Хидэо и не думал скрывать, что адресованное ей послание прочёл. Адрес, куда ей надлежало прийти, был местный.

— Тагами-сан сохранил дом в нашем городе. Возможно, он надеется со временем вернуться сюда. По крайней мере, когда выйдет на пенсию. А пока он навещает родные места под Новый год, — так говорил Хидэо.

Она удивилась неожиданному приглашению, полученному от человека едва знакомого, но посетить Тагами согласилась — свободного времени у неё образовалось вдоволь — двадцать

восьмого декабря университетских отпустили на новогодние каникулы длиной в пять дней. К вечеру тридцатого пошёл тяжёлый, мокрый снег и автобус, положенный по расписанию, не пришёл. И такси на пустынной дороге не было. Наверное, из-за снега. Сырой, холодный ветер насквозь продувал её нарядные тонкие брючки. Замерзая, стояла она совсем одна посреди словно вымершего квартала, чувствуя себя брошенной сиротой. Привычка к упорядоченной японской надёжности уже успела ослабить её, сделать беспомощной перед любым отклонением.

Автобус в конце концов явившийся из снежной пелены обрадовал её несказанно, показался чудом комфорта. На своей остановке она с неохотой вышла в холод и темноту, утешаясь тем, что её ждёт светлый и тёплый новогодний дом, полный весёлой суеты, вкусных запахов, нарядных людей… Тагами жил в небольшом посёлке в предгорьях, стоявшем отдельно от города, в лесу. Она едва узнала профессора, неуклюжего от похожей на телогрейку толстой синей куртки и резиновых сапог.

— Вы опаздываете! Я давно жду Вас! — встретил он её обычным японским упрёком, хотя до назначенного часа встречи оставалось пять минут.

В посёлке было тихо и темно. Редкие фонари тускло освещали только пролетавшие близ ламп снежинки — на большее их не хватало. Безмолвные тёмные дома выглядели мёртвыми.

— Тут живут? — спросила она с опаской.

— Живут, — тускло ответил Тагами, указав на тускло светившееся окно. — Похвалу японской безопасности он воспринял хмуро: — В последнее время у нас много перемен. Это раньше о мафии не было слышно, она даже поддерживала порядок в тех кварталах, где обитала. Теперь якудза всё чаще нас беспокоит. — Он указал на бумажку, приклеенную к фонарному столбу, перевёл текст — полиция призывала граждан не бояться мафии. — Полицейские стали теперь ходить по домам, — рассказывал Тагами. — Они расспрашивают жителей о соседях — кто чем занимается и когда приходит с работы — пытаются выявить мафиози.

Дальше последовала страшная история о каком-то родственнике, который сдал свой дом внаём и вместо денег получил предложение заплатить огромный выкуп, чтобы получить свой дом назад. Значит, из мафии был жилец. Из-за этого страха свой годами пустующий дом Тагами не сдавал. А не продавал потому, что надеялся вернуться в родной город, хотя и не столичный, но всё-таки более приличный, чем глухомань, в которой ему приходилось обитать на Кюсю. Он надеялся снова получить работу в местном университете. Или дождаться пенсии.

— Мафии боятся многие, — заключил Тагами. — Обратите внимание — в городе много пустых домов. Люди теряют немалые деньги!

В конце переулка, куда свернул Тагами, чернели на высоких мачтах сети. Словно ловушки, поймавшие небо. Они огораживали заснеженное поле для гольфа. Вокруг стояла мёртвая тишина. Только шуршало соломой на ветру новогоднее украшение, прикреплённое у входа. Дверь открыла хмурая женщина в толстом сером свитере — жена Тагами. Впустив пришедших, она долго возилась с нешуточным запором. В прихожей было холодно и темно. Холодней и темней, чем в автобусе. Женщина взяла её пальто и куда-то унесла — вешалки, как водится в японском доме, здесь не было. Она осталась дрожать в тонком джемпере, стиснув зубы, чтобы не стучали. На подушках вокруг котатцу сидели трое детей Тагами — невысокие, щуплые не то парни, не то девушки. Толстые свитера и тусклая лампа не давали различить их пол. Жена Тагами, пряча в ворот свитера посиневший от холода нос, с состраданием посмотрела на легкомысленный наряд гостьи и натянула повыше на её колени ватное одеяло котатцу. Электрический котатцу был единственным обогревателем в помещении. Хозяйка налила сакэ в плоские глиняные рюмочки — мужу, сыну и гостье. Она сама и дочери не пили. А гостья покрепче сжимала палочки дрожащими от холода пальцами, стараясь не уронить скользкие кубики конняку на ватное одеяло, ведь пододеяльника к нему не полагалось. Женщина принесла из кухни чашки с дымящимся рисом и корявые тёмные палки, оказавшиеся корнем какого-то растения. Растирая их о дно глиняной миски с жёсткими насечками, женщина получила мутную массу, похожую на клейстер, которым клеят обои. Этим соусом она полила рис. Серые слизистые нити тянулись за палочками, тёмные куски варёной курицы и редьки колыхались в коричневой жиже, отдавая душным запахом соевого соуса. Тусклые квадраты света уличного фонаря лежали на зелёном татами. Ей казалось, ей всё это снится. И не верилось, что на дворе заканчивается двадцатый век.

Телефон казался чужим в этом доме. Он стоял прямо на татами — так им удобнее было пользоваться, сидя на подушках. Тагами заказал для неё такси и вышел проводить. Он сам сказал водителю адрес и заплатил деньги за проезд — таков закон японского гостеприимства. Жена Тагами вынесла большую сумку из серой бумаги, доверху набитую подарками. Она разглядела упаковки нори и зелёного чая — эти недорогие вещи ещё можно было принять. Но сбоку неприметно лежала узкая длинная коробочка, в таких продавали жемчужные ожерелья.

— Это — для Вашей дочери, — быстро заговорила хозяйка. И, пресекла отказ: — Я купила это совсем недорого, на распродаже!

— Жемчуг поддельный! — успокаивала она себя, выходя из такси возле своего дома.

— Проверь на зуб, — посоветовала ей по телефону Анна и научила: — Поддельный жемчуг скользит стеклом, а натуральный спотыкается, словно зуб сдирает с него плёнку.

Её жемчуг спотыкался. Жемчуг, даже выращенный на морских плантациях, стоил недёшево. На упаковке стояло имя дорогого магазина. Под пакетами с нори нашлась лаковая чайница с лаковой ложечкой, украшенные похожими на незабудки цветами — символом их города. В красивой коробке лежали полотняные салфетки с томными японками в кимоно и лаковая брошь — дорогие, красивые вещи.

Ей стало неловко. Её подарки, русская водка для хозяина и маленькая палехская шкатулка для хозяйки, могли вызвать подозрение, что русские — скряги по сравнению с японцами, которые, накормив гостью ужином, ещё и одарили её так щедро, от души. От души? Прощаясь, Тагами снова вернулся к разговору, начатому им летом на Кюсю — в его новый институт, ещё не успевший создать себе достойную репутацию, плохо шли студенты.

— Может, Вы подыщете для меня в России способных студентов? — попросил он.

Это всё объясняло: неожиданное приглашение в гости, щедрые подарки… Она затолкала их подальше в шкаф. На часах было всего девять вечера. Не для Японии это — погулять от души.

Тихий-тихий Новый год

Осеннюю мглу
Разбила и гонит прочь
Беседа друзей.
Басё

Ближний сосед лучше дальнего родственника.
Японская пословица

Утреннее солнце шутя расправилось с ночным снегом, оставляя мостовые и тротуары сухими. Последний день старого года выдался солнечным, тёплым. В садах цвели зимние цветы, в

ящиках возле домов поблёскивали на солнце бахромчатые кочаны декоративной капусты — фиолетовые, кремовые, зелёные. Их разводили не для еды, для красоты, чтобы не жить зиму без цветов. В городе было тихо, уютно, чисто. Все горожане что-то мыли: женщины — крылечки и окна своих домов, мужчины — автомобили, молодой монах со шваброй — статую Будды. К обеду, выдраив всё, что можно, до немыслимого блеска, народ попрятался по домам. Она шла по безлюдным улицам, по пустому торговому центру… На Ичибанчо сильнее обычного пахло соевым соусом — рестораны готовили собу, гречневую лапшу — без неё в Новый год никак нельзя. Возле продуктовых магазинов на вынесенных на улицу столах лежали белесые лепёшки, похожие на хозяйственное мыло, большие — с тарелку, маленькие — с блюдечко. Это — рисовый хлеб. Его готовили только под Новый год. По телевизору показывали, как мужчины разбивали деревянным молотом варёный рис, сложенный в большую ступу из долблёного ствола. Получалась сплошная клейкая масса, из которой делали лепёшки. Потом их сушили. Супермаркеты продавали рисовый хлеб машинного изготовления, нарезанный ровными брусками. Твёрдый, как камень, рисовый хлеб надо было перед едой разогреть в духовке, чтобы он стал мягким, тягучим. Но если передержать его дольше двух-трёх минут, хлеб запекался жёсткой коркой, вздувался пузырём, взрывался и черствел настолько, что его невозможно было раскусить.

Все магазины работали, но желающих воспользоваться их услугами было немного. Не толпились у прилавков оживлённые люди, бодро раскупающие шампанское, закуски, торты…

— Новогодние кушанья у нас делают загодя, а теперь чаще просто покупают. Новый год — отдых для хозяйки. Такова традиция, — говорил Шимада.

Именно в отделы кулинарии устремлялись редкие покупательницы. Должно быть, предусмотрительные японки запаслись всем заранее. И по счетам уплатили: оставлять долги на Новый год — плохая примета. Возле банков не было ни души. Только на железнодорожной станции кипела суета — дети ехали навестить родителей. Молодая мать выгрузила из машины троих ребятишек с блестящими на солнце щеками, вошла в свой дом через калитку, осенённую длинной, необрезанной веткой сосны, пригнутой на манер верхней перекладины ворот. И дети побежали вслед за ней. Новый год — праздник семейный. Сегодня она ощущала своё одиночество особенно остро.

К четырём часам стало темнеть, на проспекте зажглись лампочки, гирляндами обвившие голые ветви деревьев. Они не были специальным новогодним украшением, висели тут всегда. И

вообще город не выглядел празднично — шуршали соломой шинтоистские верёвки, на большом сером плакате грустным серым пятном свернулась мышь. К вечеру похолодало. Ветер закрутил сухую жёсткую позёмку. На Ягияме было абсолютно темно. Оказалось, улицы освещали не столько фонари, сколько витрины ресторанчиков и магазинов, но сегодня все они закрылись рано. На дороге не было ни одной машины. Город как вымер. На заборе возле автобусной остановки висел шерстяной шарф, заботливо завязанный узлом — так обычно поступали с найденной вещью в Японии, прикрепляли на видное место. Шарф был большой, новый, дорогой. Как могла обронить его женщина? Разве что спасалась бегством из мёртвого города? Шарф полоскало на ветру — шарф из чужой жизни. Сегодня эта жизнь закрылась от неё особенно плотно, не выпуская наружу ни лучика, ни звука. Тёмные дома угрюмо молчали — ни яркого света в окнах, ни блеска ёлочных огней, ни музыки… Только кое-где пробивался тусклый свет, должно быть, от экранов телевизоров.

В университете её вопрос — как Вы будете встречать Новый год? — всех удивил. Студенты пожимали плечами, а Шимада усмехался:

— Новый год мы встречаем тихо, сидим у телевизоров… В канун Нового года всегда проходит традиционное соревнование двух команд певцов — мужчин и женщин. Тридцать первого половина Японии смотрит по телевизору заключительный концерт.

Окна Вероники и Николы были темны. Наверняка они ушли в гости к своим — католики, сплочённые церковью, держались тесной кучкой. Китайцы тоже собирались в Новый год вместе, так сказал доктор Чен. А русские… Она приглашала в гости всех: Наташу, Галю, Инну… Но никто не согласился прийти — одним далеко было ехать, другие ждали гостей. И к себе никто не позвал. В квартире было холодно, пусто, темно… Она включила телевизор — певцы на экране были похожи друг на друга, и пели они одинаково. Песню, начатую одним, продолжал другой, и, не глядя на экран, невозможно было распознать подмену. Но мелодии были красивые, распевные. Она поставила в вазу подобранную в лесу еловую ветку, украсила её золотистой тесьмой от какой-то упаковки. Ей предстоял невесёлый Новый год.

Резкий звонок в дверь громыхнул в пустой квартире как пожарный колокол. Она вздрогнула, вяло пошла к двери — ошибка, наверное! За дверью стоял Никола, отряхивая снег с куртки крошечной дочери, пристёгнутой к его груди. Элизабет

повисла у неё на шее, Вероника засмеялась, Никола закричал, взламывая сонный покой дома:

— Хорошо, что мы тебя застали! Звонили тебе весь день, ты не отвечаешь, мы решили зайти. Одевайся! Давай к нам!

Медленно отходя от оцепенения, ещё не веря своему счастью, она пригласила их зайти.

— Погрейтесь. Потом разберёмся!

Никола снял с плеч широкие лямки, покачал на руках тёплый комочек.

— Куда положить Изабеллу?

Вместе с Вероникой они притащили в столовую футонг, свернули, устроив высокую мягкую кучу, положили спящую девочку. Никола уселся за стол, потирая замёрзшие руки.

— У нас дома есть хорошее вино!

— Но с закуской неважно, как всегда, — потупилась Вероника.

Она распахнула холодильник, набитый доверху по русской привычке запасаться на Новый год. Через пять минут на плите забулькали макароны и распространила мощный аромат новогодняя курица с японскими яблоками и калифорнийским черносливом. Из морозильника были извлечены пельмени, налепленные на всякий случай, просто так.

— О, хорватские валюшки! — закричал Никола.

— Да нет же, это — итальянские равиоли! — возразила Вероника. И засомневалась: — А может, китайские гёза?

— Остаёмся! — решил Никола и побежал в прихожую одеваться. — Вино принести проще, чем пельмени тащить!

Через четверть часа он уже расставлял на столе роскошные бутылки и ещё дюжину плошек из Сэвэн-илэвэн — салаты, паштеты…

Она достала из шкафа коробку конфет, положила возле еловой ветки, взяла на руки Элизабет.

— Посмотри-ка, какой подарок принёс тебе под ёлку русский Санта Клаус!

Девочка замерла, широко распахнув глаза, — подарков от русского Санта Клауса она никогда не получала! Робея, взяла в руки коробку и бросилась обнимать русскую сеньору.

— Нашего Санта Клауса зовут Дед Мороз, — говорила она, целуя малышку. — Ты знаешь, что такое мороз?

— Знает, знает! В туалете у русской сеньоры всегда мороз, Сибирь! — хохотал Никола, и от его хохота вздрагивали все четыре этажа сонного дома.

— Мы хотели подарить тебе на Новый год сиденье для унитаза, обтянутое мехом. У него электроподогрев включается,

когда садишься. Потом раздумали, ты ведь скоро уезжаешь, — улыбнулась Вероника.

— А где же музыка? — завопил Никола.

Шесть программ Тошибы его не удовлетворили. Желанную программу он нашёл в телевизоре Сони, прибывшем с тротуара, но у него барахлил звук.

— Слушать будем это! — Никола включил в Тошибе скверную программу с хорошей музыкой. — А смотреть сюда! — Он взгромоздил поверх Тошибы Сони. — Чай в Японии живём, телевизоров навалом!

Обогреватель, пущенный на полные обороты, согрел даже Сибирь. В тёплом воздухе запахло ёлкой. Она разложила по тарелкам еду, Никола разлил тёмное итальянское вино. Элизабет взобралась на колени к русской сеньоре, обвила её шею руками. Вероника, откинув за спину роскошную гриву курчавых волос, расстегнула вышитую мексиканскую блузку, чтобы покормить грудью младшенькую.

— Моя принцесса номер два! — счастливо улыбнулся Никола и крикнул: — А кто у нас принцесса номер один?

— Я, я! — заверещала Элизабет, поднимая руку как в школе. И принялась уплетать за обе щеки русскую еду.

Они сдвинули рюмки и, не сговариваясь, сказали сначала по-японски:

— Кампай! — А потом по-русски, по-испански, по-сербски, смеясь, перебивая друг друга: — За здоровье! За счастье! С Новым годом!

Около одиннадцати Вероника засобиралась домой — Элизабет засыпала. Она пошла их проводить, помогла уложить девочек… Через полчаса, выйдя на улицу, не узнала её. Прежде пустое шоссе было забито машинами. Может, японцы, соскучившись в одиночестве, одумались и рванули в гости? В рестораны? Все ехали в одном направлении, сворачивая в переулок, украшенный перед Новым годом красно-жёлтыми гармошками японских фонариков. Переулок вёл к шраину. За час до Нового года все японцы спешили обратиться к своим японским богам! Возле торий люди оставляли машины и шли пешком. Толпа медленно двигалась к шраину в полной тишине. Только шуршал под множеством ног гравий тропы. Люди подходили к шраину, дёргали толстые канаты, висевшие у входа, заставляя брякать подвязанные наверху бубенчики, словно просили богов обратить на них внимание. Дважды хлопнув в ладоши и склонив на минуту голову, замирали в молитве. Вот и весь обряд. Боги шинто нетребовательны и не отнимают у своих чад много времени. И денег. В прорезь деревянного ящика летели только

мелкие монетки в одну йену, в пять… Не деньги, символ. Когда подошла её очередь, она тоже дёрнула верёвку, хлопнула в ладоши и поблагодарила японских богов за то, что привели увидеть их страну.

Дома, включив телевизор, она решила, что и у Тошибы сломался звук. На экране толпа безмолвно ползла к самому старому шраину в Токио. По одной программе, по другой… В комнате стояла мёртвая тишина. И вдруг её нарушил негромкий глухой звук. Камера легко скользнула из шинтоистского храма в буддийский. На экране люди, сидевшие тесными рядами на татами в храме Будды, били в небольшие округлые барабаны, прося небо отвести напасти. Сто восемь ударов — по числу людских скорбей: болезни, нищета, потеря близких… На часах была полночь. Она вышла на балкон. Улица молчала. Не слышно было ни музыки, ни криков. Никто не выскакивал из домов с хлопушками, с фейерверками… Только глухой гул плыл над тёмным городом — в буддийских храмах били в барабаны.

Мешок счастья

Луна или утренний свет?
Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.
Вот так и кончаю год.
Басё

Утреннее солнце освещало соску, потерянную Изабеллой, и обёртки от конфет, брошенные Элизабет. Она быстро выпила чаю и поспешила на улицу — интересно же посмотреть, как встречают Новый год братцы-японцы! На дороге к шраину опять было полно машин. Японские боги принимали на поклон не только в полночь, но и в первый день Нового года. Но о богах пеклись только на маленьком пятачке возле шраина, дальше начинался форменный базар. К Новому году вдоль аллеи, ведущей к святому месту, поставили палатки, киоски, тенты, теперь тут шумела новогодняя ярмарка. Весёлые парни в масках, в коротких фестивальных кимоно-хапи стучали в деревянные колотушки, зазывая покупателей. Монахи и девушки в высоких белых колпаках торговали новогодними шинтоистскими украшениями: длинными бамбуковыми палочками с сосновой веткой, соломенной верёвочкой, веером и мандарином. На жаровнях шипели куски осьминога, булькала в больших полушариях котлов набэ похлёбка

из мяса с китайской капустой. В подогретых на газу лотках прели в коричневой смеси соевого соуса и сакэ куски конняку, редьки и корня бамбука. Всё это колыхалось, шипело, обдавало душистым паром. Детишки сосали облитые красным леденцом маленькие яблочки на палочках, вроде наших петушков. Молодёжь, пренебрегая японской едой, толпилась возле решётки, где жарились сосиски, и щедро поливала американским кетчупом неяпонский продукт — хлеб.

Возбуждённый народ клубился у будки — там разыгрывалась лотерея. Призом был велосипед — он висел тут же, на крыше будки, ожидая победителя. Тот, кто предпочитал журавлю в небе синицу в руках, пытался накинуть кольцо на голову одной из кукол кокеши, расставленных на площадке. Призом была сама закольцованная кукла. За сто йен она купила пару колец, но промахнулась и получила подарок-утешение: пакетик с японскими сладостями. Толстый шустрый парень, повязанный по лбу полотенцем, кричал, размахивая деревянным плоскодонным ковшиком на длинной ручке. Такой ковш обычно служил для омовения при входе в буддийский храм, но парень использовал его иначе — разливал сакэ из деревянного чана, в котором вперемешку с солнечными зайчиками плавали мелкие сосновые стружки. На белом хапи парня, надетом поверх куртки, было написано название завода, производящего сакэ. Завидев её, парень закричал по-английски:

— Попробуйте японского вина! Это — наш японский обычай — в первый день нового года выпить с утра немножко сакэ! — Парень вручил ей пластмассовый стаканчик.

К бесплатной выпивке полагалась и бесплатная закуска. Магазин, торгующий рыбными котлетами, сегодня одаривал ими задарма. Японцы любят показывать, как они работают — за стеклянной стенкой магазина рабочий в белом халате и белых резиновых сапогах выкладывал в жерло воронки рыбный фарш. Автомат лепил из него котлеты, насаживал их на деревянные палочки и отправлял в печь. На выходе из печи робот в виде огромной рыбы зубастой пастью снимал котлету с конвейера и клал в тарелочку у окошка выдачи. Обычно автомат открывал окошко тем, кто опускал в щель монету, сегодня надо было просто нажать кнопку. Желающие сделать это выстроились длинной цепочкой. Но самая густая толпа сгрудилась возле большой коробки, из которой все доставали какие-то бумажки.

— Идите к нам! — позвал её кто-то по-английски.

Возле ящика стоял Тагами с семейством. Из записочек, которые назывались омекудзи, они собирались узнать, что ждёт их в новом году. В ожидании своей очереди Тагами поведал, что

предсказания подразделяются на счастливые, средние и плохие. Каждый из этих классов имел специальное японское название. Вытянув омекудзи, жена Тагами тут же стала её читать — листок со скверным предсказанием надлежало немедленно привязать на дерево у входа в шраин — только в этом случае стоило рассчитывать на защиту богов от предстоящих бед. Хорошие омекудзи полагалось унести домой, надкусить зубами, а потом приколотить гвоздём к стене, совершенно серьёзно рассказывал сэнсэй. Кажется, он собирался исполнить этот обряд.

Народу возле шраина собралось несметно. Должно быть, куда ближе, чем сложности христианства и буддизма, было японцам родное шинто с записочками, которые надо надкусить, приколотить…

— Моя семья избегает новомодных религий, — говорил Тагами. — Мы придерживаемся старых традиций и ходим в шраин как наши родители. Но и буддизм я знаю неплохо. Например, я могу объяснить, почему буддисты не едят четвероногую скотину. Животные, когда их убивают, падают на передние ноги, умоляя о пощаде. А у двуногих такой возможности нет, потому мы их едим… — Семья Тагами посещала этот шраин каждый Новый год. — Раньше тут стоял старый шраин, деревянный, но он сгорел во время войны. На его месте теперь построен новый шраин, бетонный. Но он годится разве что для туристов, — Тагами поморщился. — Боги живут только в старых шраинах, деревянных. В нашем городе остался только один такой…

Она отправилась посетить место, где живут боги — Тагами объяснил ей дорогу. Автобус шёл по абсолютно безлюдному городу. И только за несколько кварталов до старого шраина улицу перекрыла плотная, едва ползущая толпа. Шли семьями, со стариками, с детьми… В полном молчании толпа медленно взобралась по высоким каменным ступеням на холм. Это был тот же холм, где стоял буддийский монастырь Ринодзи. Но толпа направлялась не к нему, а к расположившемуся неподалёку шраину. Позеленевшая от времени деревянная крыша сливалась с тёмной зеленью старых сосен. От тёмных стен веяло запахом мокрого дерева, плесени… Кажется, тут и впрямь жили боги. Но вокруг старого шраина, как и вокруг нового, бурлила ярмарка.

Второго января утром её разбудил телефонный звонок — супруги Кобаяси приглашали на новогодний завтрак — через полчаса Хидэо обещал заехать за ней. В её почтовом ящике белели скреплённые тонкой резиночкой три открытки, желтоватые, невзрачные. Пока она жила в России, японцы присылали ей нечто другое — гейш, самураев и красивые

пейзажи на толстой пухлой бумаге. А на жёлтых открытках не было даже картинки, только в уголке сидела маленькая серая мышь. Одно из поздравлений было от китайского доктора Чена, второе — от Намико, третье — от Зухры. Через дырочки соседских ящиков просвечивали такие же открытки. И под дверью магазина лежала схваченная резинкой толстая пачка. И в проволочной корзинке велосипеда почтальона теснились стопки невзрачных открыток…

— Это — не только поздравления, но ещё и лотерейные билеты, — объяснил Хидэо, указав на номер в углу открытки.

В практичной Японии поздравление могло принести подарок, правда, небольшой — набор марок или что-нибудь в этом роде… Обычно чистый дом Кобаяси сегодня особенно сиял, на столе поблёскивала золотыми бантами маленькая пластмассовая ёлочка. И дети приехали в гости. В доме был настоящий праздник. Весёлая Намико поставила перед каждым плоскую тарелочку с тремя белыми ломтиками с розовой корочкой снаружи и картинкой внутри, сложенной из кусочков яркой мозаики. Картинки в каждом ломтике были разные: бамбук, цветок сливы, ветка сосны. Намико объяснила — на тарелках лежало новогоднее поздравление гостям: пожелание долголетия — сосна и стойкости — бамбук. И напоминание о скором приходе весны — слива, её цветы распускаются первыми. Поздравление оказалось съедобным, ломтики были отрезаны от рыбной колбаски камабоко. Ради иностранки Намико вынесла из кухни и сами колбаски, длиной сантиметров тридцать, толщиной пять. Длинные волокна, окрашенные в разные цвета, тянулись через всю длину — в каком месте ни разрежь, получалась картинка.

Вкус у камобоко оказался такой же сладковатый и пресный, как у рыбных котлет, которыми угощали у шраина и продавали в магазинах по всему городу. Всегда. А камабоко делали только под Новый год. Вслед за камабоко Намико подала свой фирменный новогодний суп.

— В нём тридцать компонентов! — сообщила она гордо.

Но основой всё-таки было мисо. И десерт был традиционный, новогодний — разогретый рисовый хлеб с подливкой из сладкой фасоли. Завтрак закончился быстро, хозяева спешили поздравить родителей Намико, живущих в пригороде. На прощанье ей дали подарок — узелок, увязанный по-японски в платок фуросики, правда, полиэтиленовый. Внутри оказались камабоко, мандарины, привезённые Митиё от родителей, и даже новогодний суп в баночке из-под кофе. Так собирала ей когда-то домашние гостинцы бабушка…

Идти в пустой город с закрытыми магазинами было

бессмысленно, она уселась у телевизора. В Новый год японское телевидение стало ещё более японским — элегантная императорская чета, миленькая пухлощёкая принцесса с наивной чёлочкой… Принцесса посещала больницы и парки, музеи и мастерские ремесленников. Она даже садилась за ткацкий станок и пробовала ткать. Потом наблюдала за спортивными соревнованиями из императорской ложи. На шее у неё поблескивало положенное японской принцессе украшение — родной жемчуг, на лице светилась подобающая улыбка — холодная, едва заметная. И двигалась она, как подобает принцессе — плавно, бесстрастно.

Неохотно оставив принцессу, камера неспешно, словно любуясь, показывала другую японскую гордость — борцов сумо. Они ненасытно ели за щедро накрытыми столами, а специально обученные мальчики массировали их желудки, чтобы больше вошло. Тренировки ради толстяки плавали, но не в современных бассейнах, а в каких-то узких протоках с бамбуковыми заборчиками по берегам, ни на минуту не выходя из образа, не отрываясь от японской старины. Распущенные длинные волосы борцов полоскались в струях, а потом пожилой парикмахер причёсывал их, устраивая пряди на затылке так, чтобы они свисали на шею правильным треугольником — такова традиционная причёска борца. И одевались борцы только в кимоно. Да ни во что, кроме свободных халатов, и невозможно было упаковать их двухсоткилограммовые тела.

Диктор подводил итоги года. Свадьба года: двадцатилетний чемпион сумо и двадцатисемилетняя дикторша телевидения — маленькая, хрупкая, даже не половина, четверть своего знаменитого супруга. Смерть года: молодая красивая эстрадная звезда с хриплым, сильным голосом. Камера скользила по толпам фанатов, рвущихся к её чёрному в золотых узорах катафалку… Главную трагедию ушедшего года, землетрясение в Кобэ, показывали в советском стиле: руины и слёзы — только вскользь. А дальше — ровные ряды новых футонгов в большом зале школы, идеальные шеренги палаток из синего пластика с номерами при входе. В одной из них — старик со старухой, уже приодетые, разбогатевшие кое-каким скарбом — кастрюлями, тазами… Потом беседа стариков со страховым агентом и представителем строительной компании, демонстрирующим план нового дома. И счастливый конец — блики солнца на новеньких татами, новоселье. В Кобэ до сих пор многие жили в палатках, но этого не показывали. На экране стрела подъёмного крана водила по прямоугольнику снежного поля прикреплённой к тросу огромной кистью. Парень внизу направлял кисть, рисуя на снегу

гигантское сумиё: символ наступившего года — мышь.

Третьего утром позвонила Вероника:

— Езжайте скорее в город! — кричала она в трубку. — Сегодня фантастические распродажи! Самые дешёвые в году! Можно купить мешок счастья!

Сонный новогодний город словно взорвало: автобусы были переполнены людьми, шоссе — машинами. Весь город ринулся в торговый центр. Возле закрытых ещё дверей магазинов образовалось нечто невиданное — очереди. В открывающиеся двери народ врывался, позабыв о вежливости. Бились как советские граждане в эпоху дефицита — первым доставались самые выгодные вещи распродажи, первым дарили подарки. Впрочем, подарки сегодня дарили всем. И всюду. При входе в дорогой универмаг Мицукоши ей вручили полотняное полотенце, в Дайе — подарок попроще: четыре рулона туалетной бумаги. Магазин хозтоваров дал разделочную доску, аптека почему-то тарелку. Но большинство магазинов предпочитало дарить подарки не просто так, а за дело. В чайной лавке за покупку дороже двух тысяч йен давали чашку, за три тысячи — две чашки, за пять — простенький сервиз. В музыкальном магазине она заплатила за компакт-диск и получила большую хозяйственную сумку, доверху наполненную календарями, веерами, фломастерами, кошельками и даже шоколадом. Маленькая коробочка с диском сиротливо завалилась на дно, сильно уступая по стоимости дарёному.

Чайная лавка угощала каждого прохожего чашечкой горячего зелёного чая. Магазин традиционных японских продуктов — сакэ. Две девушки в кимоно разливали его из фарфоровых графинчиков в плоские блюдечки. А выпивающих чуть не за руку вели в магазин, предлагая купить такой же графинчик со скидкой. Дешевый ресторанчик поил горячим сакэ, выставив прямо на тротуар жестяной бачок с кипятильником. Питьё было мутное, молочно-белое, сладковатое. Его так и называли — сладкое сакэ — недобродившее, некрепкое — его полагалось пить горячим. Пробуя всё подряд в новогоднем торговом центре, она стала лавки с сакэ всё-таки обходить, опасаясь не доехать до дома.

Плотная толпа шла по Ичибанчо бодро и весело в поисках выгодной покупки. Распродажа — это как спорт, как игра! Хотя для массовых закупок был и экономический резон — сегодня все магазины уценяли свой товар серьёзно, процентов на двадцать и больше. Люди выходили из магазинов с большими коробками, ёмкими ведёрками, наполненными то малярной краской, то мисо — большие количества продавались с большой скидкой. Но чаще

всего несли пакеты из плотной жёлто-серой бумаги. Это и были мешки счастья. Кот в мешке, которого покупали, не заглядывая в наглухо запечатанный пакет, не зная, что в нём. Единственным ориентиром служило назначение магазина. В чайной лавке можно было ожидать внутри мешка чай, в кофейной — кофе… Мешки счастья были большие и стоили дорого — пять, десять тысяч йен, но люди расхватывали их, потому что скидка на запечатанное внутри была огромной. Хитрые торговцы понимали — перед соблазном купить по дешёвке трудно устоять. И пользовались этой людской слабостью нещадно, отделываясь от старья, чтобы начать новый год с новым товаром. А публика, руководствуясь, кажется, не столько соображениями экономии, сколько жаждой новогоднего сюрприза, расхватывала мешки.

Устоять перед этой игрой было невозможно. В купленном ею пакете из ювелирного магазина оказались никудышные серёжки, ненужная заколка, бессмысленная брошь. Внимания заслуживала только тоненькая золотая цепочка. Но за пять тысяч йен можно было выбрать цепь получше, тем более сегодня, когда со скидкой продавалось всё. А вот девушке, стоявшей в очереди рядом с ней, повезло — ей досталось дорогое колечко. Счастливица долго вертела его в руках на зависть окружающим. В этом и был расчёт — время от времени в мешки счастья клали что-то стоящее. Но чаще распечатавших мешок ждало разочарование. К вечеру возле мусорных урн торгового центра скопились кучи брошенного добра: непонравившиеся футболки, кухонная утварь… Бесспорным лидером была туалетная бумага. Пройдя в этот день по торговым рядам, можно было запастись ею на всю жизнь.

Четвёртого января хозяйка овощной лавки возле её дома положила поверх купленного пакета яблок пластмассовую коробочку — новогодний подарок постоянному клиенту. Пятого, в первый рабочий день, декан собрал сотрудников факультета и произнёс речь об итогах прошедшего года и планах на будущее. После непременной викторины, где загадали сезонное слово "снег", народ направился в комнату с накрытыми столами. Но этот праздник был совсем коротким. "Кампай!" прозвучало призывно, как "банзай!". Закуску съели быстро, по-деловому и разбежались по своим кабинетам — пора за работу!

Вечером четырнадцатого января возле больших шраинов запылали костры и народ потянулся к ним, чтобы сжечь новогодние украшения — бамбук и сосну, обвязанные соломой. Выбрасывать то, чем приветствовали шинтоистских богов, как простой мусор, не полагалось. А огонь — очищение. И вода тоже. В центре, прямо на улице устроили небольшой бассейн из пластмассовой плёнки, и девушки в тонких белых кимоно

заходили в него, зачёрпывали воду ладошками, поливая себя, прохожих и молодых парней в одних набедренных повязках, которые оглушительно били в барабаны. Вымокшие прохожие ничего против не имели — вода смывает дурное с тел и душ. Голые мокрые барабанщики лихо приплясывали на ледяном ветру, а девушки в белых хапи и высоких красных колпаках подносили им сакэ. Температура была минус один.

Глава XIII. Заметки на листках, лежащих на татами (Мы, японцы…)

Внимательно вглядись.
Цветы пастушьей сумки
Увидишь под плетнём.
Басё

Театр и маски

Вот глупый соловей!
Он принял за тенистый лес
Бамбуковый плетень!
Кикаку

Когда это началось? В те первые дни, когда она бродила по японскому городу ослеплённая, восхищённая? Или потом, когда плакала от обиды и злости, уткнувшись носом в плесневеющее татами? Может быть. Но по-настоящему это проявилось однажды утром… Тогда был май. Цветы не умещались в крошечных садиках и вырывались наружу. Тёплый цветочный дух мешался с дыханием согревающегося океана. Она бежала на зарядку по вымытой до блеска утренней улочке, радуясь солнечным зайчикам, пляшущим на ярких плитках тротуара, домикам-игрушкам… Раз, два, три, четыре — дом. Раз два, три, четыре — другой. Раз… Пустая земля, незанятая. Как окно с видом на Тихий океан. Она прервала бег. Красное солнце отделилось от розового моря и повисло в белой утренней дымке. Небо стало как японский флаг. И вдруг с этого самого неба упало: ты напишешь книгу о Японии! И посыпалось мелко-мелко — палочки, тапочки… Кнопки, скрепки, ластики… И Намико, Сумико, Митико… Она бегом вернулась домой, села к столу. Рука не успевала за тем, что теснилось в голове. Слова и образы приходили сами собой, словно кто-то диктовал ей. Чей-то голос. Чья-то воля.

Не узнавая себя, она почему-то писала не о физике, а о японских домах и магазинах, о сэнсэях и студентах, о бойкой скуластой девушке Митико и о русской жене японского журналиста… Забираясь на ночь в свой футонг, она клала на

татами рядом с изголовьем чистые листы и карандаш. И, вспоминая прожитый день, вдруг что-то записывала. Карандаш продавливал бумагу, спотыкался о соломинки циновки, оставляя на линиях странные изломы, — в строчки вплеталась Япония. Влажная от океанской сырости бумага лежала словно переводная картинка её детства, которую следовало тереть пальцем чутко, осторожно, слой за слоем снимая мутную, белесую пелену, чтобы постепенно, медленно стали проступать неясные контуры городов и людей, плавные очертания гор, острые углы университетских зданий…

— Япония запертый сундучок с потерянным ключом, — вспоминала она Гончарова.

Так писал он, глядя на таинственную страну с борта фрегата "Паллада". Ей повезло больше — она жила на японской земле. Но и из этого положения сундучок отпирался туго, оставляя пришельца гадать: какая она — Япония?

Суперсовременная страна, знаменитая на весь мир электроникой и автомобилями, вблизи оказалась патриархальной, сельской. Здесь, как в деревне, вставали на заре и работали до ночи. И с нравами города, развращающего человека праздностью, боролись, выискивая себе работу, вылизывая до блеска всё, к чему дотянется рука. И нравы тут были сельские — серьёзность, практичность, бережливость. И мышление крестьянское, конкретное, не признающее абстракций. Здесь не интересовались политическими доктринами, партиями, классами. Здесь важно было только то, что видно глазом: все мы — японцы. И жили здесь прозрачно, как в деревне, где каждый видит каждого. И дома свои запирали символическими замочками, вроде той щепки, которую её бабушка на рязанщине затыкала в петлю замка, чтобы известить приходящих, что хозяев дома нет. Крестьяне всегда честные. Своруешь, а бежать куда? Земледелец от своей земли не убежит. Японец — от Японии. Это скотоводу-кочевнику схватить чужое да удрать легко. Но скотоводов в Японии не уважали. А к рису относились трепетно, как русские крестьяне к хлебу, и шефа почитали, как отца в патриархальной русской семье. И жили здесь, как в деревне в старину: спали на соломенных циновках, обогревались керосинками, котатцу… И ели, как прадеды, рис и мисо-суп. Какая-то спасительная сила не давала японцам оторваться от закона предков, от родной земли.

Но от внешнего мира японцы, словно сговорившись, прятали свою суть. Заботились о форме, скрывали содержание. Ценили ритуал, таили искренние чувства — не жаловались, если больно, не кричали, рожая, умирая. Если жизнь вообще — театр, то

японская жизнь — театр особенно. Здесь жили по сценарию. По сценарию ели, пили, спали, работали и отдыхали. По сценарию разговаривали с начальником и с женой, по сценарию женились, кланялись, разделывали рыбу, заваривали чай. Сценарий японской жизни не допускал импровизаций, роль свою полагалось знать точно, до мельчайших деталей. И потому обучение в Японии занимало очень много времени. Особенно обучение чему-то японскому — десятки лет уходили на постижение икебаны, каллиграфии, чайной церемонии, разделки рыбы фугу… Потому так высоко ценились здесь сэнсэи — учителя. Ведь без них японцу слова не молвить, шагу не ступить.

— Японки не могут перехватить рецепт у подружки и сделать приблизительно, им надо всё знать точно, — делилась открытиями, сделанными на кулинарных уроках, Леночка. Эти качества японок позволяли ей зарабатывать на варке борща. — Я однажды кастрюлю накрыла тарелкой — крышка у меня куда-то завалилась. Смотрю, а мои ученицы записывают, мол, по рецепту так положено — русский борщ тарелкой накрывать. И русские пирожки печь в гриле. А у меня просто нет нормальной печи с духовкой, вот я грилем и обхожусь, а вместо противня использую фольгу. Это же так просто! А они всё спрашивают: "Кто тебя этому научил — печь на фольге?" И удивляются: "Как это — сама сообразила?"

В японском языке слова "сообразить" наверняка не было. Ведь чтобы сообразить, создать своё, хоть суп сварить, надо мыслить нестандартно, творить. А японцу это трудно — то ли от природы, то ли от воспитания, приучившего только заучивать. И потому японцы не знали, как жить, не научившись. И всю жизнь играли роль, припоминая: как там, по сценарию? Актёрскому мастерству тут учили с пелёнок. Младенец за спиною матери здесь уже кланялся, неловко мотал головёнкой, подчиняясь ласковому шепотку. Самое скверное, что могли сказать японцы о человеке: "У него прямая спина". Значит — не кланяется, невежлив. А хуже невежливости тут порока нет. И главное в японской вежливости — соблюдать правила, играть роль, носить маску…

Вот маска трудолюбия — здесь затемно вставали женщины, сидели на службе до ночи мужчины. Но рано вставать и долго сидеть — не значит работать, японская производительность была гораздо ниже европейской, американской. Ведь за двенадцать, четырнадцать часов японцы, как все люди, уставали. Но домой не уходили, подрёмывали на своих рабочих местах. Таков сценарий — работать надо долго, надо демонстрировать трудолюбие. И сэнсэи хвастались тем, что не успевают поесть, их жёны — тем, что не успевают поспать, и все вместе они гордились, что не

имеют времени съездить в отпуск — такова роль.

А вот маска любви к природе. Она — всюду. В весенних программах новостей — расцветшая сакура, в осенних — покрасневшие клёны. Вся Япония любовалась цветами вишни и осенней луной. Любовалась? Или просто весной обедала в парке, а осенью отправлялась в горы по благоустроенной как тротуар тропе. И никто не пытался с тропы сойти — дисциплина запрещает. Японцы не отдыхали там, где нет проложенной дорожки, специально обустроенной полянки. Дети в жаркие летние дни ходили в зоопарк, на карусель и не бежали к речке, в лес. От живой природы японцы отгораживались забором, белыми перчатками, надетыми, чтобы защитить руки во время прогулки, словно трава, земля, песок — грязь. Дикая природа как будто не устраивала японцев, и они всё пытались забрать её в рамки правил, подвязывая к колодкам ветки сосны, делая уродом-карликом деревце бонсай, уморенное скудостью и сухостью почвы, обрезая ножницами живой цветок, предназначенный стать шедевром икебаны. И женская природная красота была не по душе японцам — современные японки, словно старинные гейши, красились густо, глухо, особенно японки на службе — таковы правила. Человек природный вообще плохо соответствовал японским правилам, и Япония безжалостно подстригала своих граждан, обрезая в них всё лишнее с точки зрения правил, всё, что чересчур: вольность, творчество, талант…

— Всякие правила убивают ощущение природы, — это Гёте.

А Япония правила чтит.

И здешняя религия без веры — тоже театр, простое исполнение обрядов, приличных случаю: красивое венчание по-христиански, печальное буддийское поминовение покойников и посещение шраина на Новый год… Христианин Хидэо, справлявший буддийский обон на родных могилах, буддист Такасими, посещавший католическую церковь в США, атеист Шимада, венчавший сына у протестантов и хоронивший отца у буддистов — таким примерам здесь несть числа.

— Японцы вообще не религиозны, — скажет посторонний, сосчитав, сколько времени местные люди проводят в храмах.

И ошибётся. Потому что религия японца живёт не в храме. Религия японца висит на ветках его ухоженного садика, прорастает зеленью тщательно вычищенных татами… Намико вместе с соседками-домохозяйками частенько отправлялась мыть свой квартал и ближний общественный туалет под предводительством шинтоистского священника. Вряд ли кто-то из женщин рассматривал этот субботник как языческое поклонение богу улицы. Здесь никто не копался в дебрях вероучений, не

заучивал молитвы, не тратил время на сложные обряды… Никто особенно не вникал в постулаты шинтоизма, конфуцианства, дзэн буддизма… Но предписанные этими доктринами ранние вставания, долгую работу, ежедневную тщательную уборку помещения, прохладное отношение к семье и преданность начальнику здесь исполняли свято, истово, оставляя иностранцев в заблуждении: японцы не религиозны.

Большая она мастерица складывать сказки про себя, эта Япония. И внушать посторонним, что эти сказки — реальность. И пришелец легко обманывался, принимая ритуальную вежливость за дружелюбие, вялую покорность судьбе за коллективизм. Да, японцы живут и работают сообща, в путешествие, даже свадебное, предпочитают отправляться группой. Но в битком набитом офисе, в цехе, в лаборатории каждый трудится сам по себе, не обращаясь за помощью к товарищам. Не рассказывая о своих рабочих проблемах, и уж тем более — о личных. Здесь слово друг означает сослуживец. Друг мало что знает о семье друга, о его жене и детях. Вне службы сотрудники сходятся только на коллективных пирушках. А пойти куда-то с другом, встретиться семьями, наведаться домой в гости — такое здесь не водится. Японцы избегают личного общения, тяготятся им, считают опасным. А впечатление коллективизма здесь создаёт идеально отлаженная иерархия.

Японская иерархия — как бамбук, растущий только вверх. У него нет горизонтальных ветвей, которые могли бы возомнить, что они равны. Все звенья бамбука только выглядят одинаково, как японцы, но размером все они разные и равных среди них нет. И двух на одном уровне — тоже. Всегда одно звено выше, другое ниже. И роли у них разные: нижние, грубые, невидимые глазу, принимают на себя главную тяжесть, и кто-то должен согласиться быть таким звеном, скрытым в земле, в пыли, а кто-то средним, теряющимся в однообразии собратьев, чтобы вознести на самый верх только одного — маленького и тонкого. И держится Япония не на коллективизме, а на бамбуковой структуре, на абсолютной покорности каждого быть тем, кем его определили. Потому что, если хотя бы одно из звеньев заартачится, не захочет нести свой груз по вертикали и станет требовать горизонтального равенства, погибнет бамбук. Но в Японии непопулярна идея борьбы. И все звенья бамбука работают заодно, складывая индивидуальные усилия в общий успех, рождая ощущение коллективных действий. Но заодно — не значит вместе — звенья плотно изолированы друг от друга перепонками. И каждое смотрит на соседа снизу или сверху. А рядом — никого. Иерархия — источник японского одиночества. Иерархия плюс покорность — формула японского

коллективизма. А коллективизма в нашем смысле, когда люди — братья, которые помогают друг другу не по обязанности, а от души, снимая ради друга последнюю рубаху, такого коллективизма здесь нет. А обманутый иностранец ищет секрет японского успеха в том, что он понимает как японский коллективизм.

В американском журнале фото: на большом поле — деревянные лестницы, доски, столбы. На них надо взобраться, куда-то перелезть… И одному никак не справиться — обязательно товарищ нужен. Эта спортплощадка — американская школа менеджмента по-японски. Здесь учат работать сообща. И американские компании, надеясь устоять в экономическом кризисе и справиться с неприлично вырвавшейся вперёд Японией, платят деньги, чтобы их сотрудники учились японскому коллективизму, — поддержать товарища, подстраховать. Но помочь, подстраховать — не японские слова. "Пришла беда — полагайся на себя" — это японская пословица. А учить иностранцев надо не взаимопомощи, а покорности и забвению своего "я". И готовности инженера-электрика работать сегодня продавцом, а завтра дизайнером, если надо. И сидеть допоздна, делая что-то нужное фирме, не себе. Безропотно. Бездумно. И жениться на той девушке, которую укажет шеф. И переезжать на другой конец страны, бросая дом, семью, и жить бобылём, встречаясь с женой лишь изредка. И видеть детей только спящими. И забывать слово "хочу", а помнить только "надо". Наверное, можно обучить неяпонцев тому, что понимает Запад как японский коллективизм, можно воспитать почти японских управляющих. Но где взять японских управляемых на Западе, где каждый человек любит прежде всего себя?

А японец любит прежде всего Японию. Где всё — театр. Здесь и искусство — театр. Чайная церемония, сад камней… На самом деле это — простая глиняная посуда — коробки, чашки — вещи мелкие, невидные да грубые камни, лежащие на песке, простые камни, серые, неказистые. Все эти сокровища небогатой японской земли приобретают цену, только если заколдовать зрителя театральным действом. Заворожить. Япония умеет завораживать, превращая в искусство даже капли, падающие в горшки, умеет устраивать вокруг простых предметов нафантазированный мир, который возникает только там, где люди соглашаются в эту игру играть. Японцы соглашаются. Для них привычно играть. Носить маску. Под которой трудно разглядеть лицо. А может, с годами маска так прирастает, что становится лицом, а сыгранный образ — сутью?

Театр и маски… Это — образ Японии? Или способ мозгов

западного покроя воспринять причудливый и странный мир Востока? Привычная, западная логика здесь работает плохо. От столкновения с Японией она начинает раскачиваться, рушиться, оставляя пришельца в недоумении — как понять их, японцев, таких податливых снаружи, таких непреклонных внутри? Японцев щуплых, хрупких… Стальных. Главный природный ресурс маленьких островов. Великой страны.

Австралийское мясо и японский рис (Мы, японцы…)

Хижина рыбака.
Замешался в груду креветок
Одинокий сверчок.
Басё

Уподобляюсь, чтобы отличиться.
Митико Инукаи

Это вынырнуло сразу, в первый же день, но она не заметила этого, не оценила.

— Мы, японцы, предпочитаем рыбу, — так ответил Хидэо на её — я люблю мясо.

Она, одна она любила мясо. Японцы же, все японцы предпочитали рыбу. Она сидела на полу маленького ресторанчика рядом с супругами Кобаяси. За окном падал редкий последний снег, а Хидэо горячо говорил о сакуре, которая скоро зацветёт. И извинялся за свою горячность:

— Мы, японцы, очень чувствительны к смене сезонов!

Здесь все говорили так — мужчины, женщины:

— Мы, японцы, работаем допоздна.

— Мы, японки, встаём рано.

— Мы, японцы… — говорили привычно и твёрдо.

И никто ни разу не оговорился, не сказал:

— Я люблю… Я ненавижу…

И никто ни разу не усомнился в своём праве говорить так, от имени нации.

Сэнсэй Сато вспоминал старые поговорки: "где люди горюют, горюй и ты", "радуйся и ты, если радуются другие", "пляши, когда все пляшут". Пожилой сэнсэй говорил горделиво. И молодые гордились:

— Чуть не половина японцев имеет университетский

диплом… Девять десятых японцев — средний класс… Девяносто девять процентов населения Японии — это мы, японцы!

Над раздробленной на мелкие острова японской землёй вставал монолит — японцы. Все, как один человек.

— Как их различать-то? — плакала Наташина дочь Ирочка. Она уже несколько месяцев ходила в свой первый класс, и мать поинтересовалась, есть ли у неё друзья? В ответ девочка заплакала: — Как их различать? Они же все одинаковые!

Привыкшие к своему монолиту японцы недоумевали там, где он кончался.

— В Москве я видел много черноволосых! И черноглазых!

В голосе Хидэо звучало осуждение — русским полагалось быть блондинами с голубыми глазами. В России не было порядка! В Японии порядок был. Её населяли только черноволосые люди. Они одинаково одевались, одинаково говорили… И действовали одинаково. Может, они одинаково думали?

Она стояла у окна своего кабинета. Время приближалось к обеду. И хотя путей попасть в столовую было множество, все японцы выбирали один — не самый короткий, зато самый простой, состоящий из двух прямых отрезков. Иностранцы же ходили как попало, косо пересекая улицу, срезая углы. Но те из них, кто прижились, ходили как японцы. Так что, посмотрев, как идёт человек в столовую, можно было определить, как долго он здесь живёт и нашёл ли общий язык с этой страной. Белокурый парень остановился у края тротуара, выбирая дорогу покороче, у клумбы притормозил опять, соображая, как её обогнуть, — на нестандартной короткой дороге приходилось принимать решения ежеминутно. А японцы шагали по длинному пути мерно, бездумно. Значит, так им легче жить, избегая самостоятельных решений и нестандартных действий и расчленяя сложную дорогу на простые куски?

К единству своему японцы относились ревностно — стоило иностранцу сказать дурное о ком-то из них, как сородичи тут же бросались на защиту:

— Давайте как следует разберёмся! Может, это только выглядит так ужасно? Может, это — поверхностное впечатление? Может, для этого поступка были основания?

Японцы, которые не дружили и почти не разговаривали друг с другом, эти самые японцы несли в своих худеньких телах огромную энергию единения. Словно скрытый от посторонних глаз магнит выстраивал послушные железные порошинки японского общества в одном направлении. И ей надлежало поворачиваться вместе со всеми. Иначе острые маленькие частички начинали неуютно колоть её упрямые бока.

Это случилось весной, в самом начале её японской жизни.

— Мы, японцы, никогда не покупаем рис с длинными зёрнышками, который Вы выбрали! — В тихом, тоненьком голосе Намико звякнули стальные нотки. — Мы, японцы, предпочитаем короткое зерно.

За короткие зёрна надо было платить вдвое больше, чем за длинные, но только что прибывшая гостья не решилась перечить хозяйке, послушно вернула пакет с дешёвым рисом на полку, взяла дорогой. В мясном ряду сцена повторилась. Её выбор опять не понравился Намико.

— Мы, японцы, не любим такое мясо…

Нелюбимым мясом была постная говядина.

— Мы, японцы, предпочитаем вот это…

Намико взяла в руки кусок в тонких прожилках жира. Щуплые японцы любили жирное мясо?! Любили так сильно, что готовы были платить за него почти в десять раз дороже, чем за постное? Намико заметила колебания русской, явно не готовой отдать сто с лишним долларов за килограмм столь любимого японцами продукта.

— Посмотрите, жир не сосредоточен толстым слоем, как обычно, а распределён по всей мякоти. Это очень вкусно! Только наши крестьяне умеют делать так — они поят коров пивом, массируют… Это — очень сложный процесс. Потому мясо стоит так дорого…

Намико убеждала с жаром торгового агента. И добивала личным примером — укладывала в свою тележку пакет с дорогим жирным мясом. И другие японки постной говядиной пренебрегали, магазин её уценял аж до десяти долларов за килограмм. В этом было нечто загадочное — бережливые японки, привыкшие экономить каждую йену, не брали дешёвое мясо и дешёвый рис из-за какой-то прихоти вроде короткого зёрнышка?

— Да не при чём тут зёрнышки, — усмехалась Наташа. — Просто дешёвый рис индонезийский, а дешёвое мясо австралийское. А японцы покупают только своё.

Японцы готовы были переплачивать, чтобы родная йена не уплыла за океан! Положительный торговый баланс Японии начинался с домохозяек. Это вызывало уважение. А русская похвала — "эта вещь хорошая, импортная!" — стыд. Японцы брали своё, не глядя на цену. Японский рис, основной продукт, который готовили на завтрак, обед и ужин, стоил до пятисот йен за килограмм. Откуда набегала огромная цена, становилось ясно после первых же поездок по Японии: из окна пригородной электрички и даже городского автобуса видны были крошечные, как клумбы, рисовые поля, сунутые куда попало, на любой

свободный клочок земли, на обочины дорог, почти под колёса машин. Никакому комбайну на эти делянки не влезть. Обрабатывать их можно только руками, как встарь. И с той же эффективностью.

— Да, наш рис стоит дорого, — соглашался Шимада. — Но наши крестьяне работают очень тяжело, их надо поддержать.

И Хидэо говорил серьёзно:

— Мы обязаны покупать свой рис, чтобы сохранять продовольственную самостоятельность Японии!

Японцы покупали то, что выгодно не им, а Японии?! Иностранцу трудно принять такую дозу патриотизма. А для японца она привычна. Конечно, в магазинах можно было найти дешёвые привозные продукты и ширпотреб из Китая, а в центре Токио попадались иностранные автомобили, но эта капля терялась в море вещей с этикеткой "сделано в Японии". По улицам японских городов бежали исключительно Ниссаны, Хонды и Тойоты. Японские заводы работали только на японском оборудовании. В японских конторах писали японскими ручками на японской бумаге и стирали японский карандаш японским ластиком. В японском доме, даже если перерыть его весь, не удалось бы отыскать ни нитки, ни гвоздя иностранного происхождения. Японский врач прописывал только японские лекарства… Содержимое тюбика с иероглифами помогало раскрасневшейся царапине на её ноге куда хуже, чем русская синтомициновая эмульсия, но в аптеке названий иностранных лекарств не знали. Японское телевидение показывало только японское кино, японскую кулинарию, японскую борьбу сумо и японскую игру го, вроде шашек. И японских певцов, которые пели японские песни. В японских лабораториях работали только японские приборы…

— К сожалению, наши компьютеры несовместимы с американскими, — говорил ей Хидэо, когда она впервые пришла в университет. — Возможно, специально для Вас мы купим американский компьютер, а пока попробуйте приспособить свои программы к японской системе. — Через полгода он улыбался. — Мне кажется, Вы привыкли работать на японских машинах. Хорошо, что нам не придётся покупать американский компьютер! Он дорог.

Хидэо не хотел отдавать японские деньги даже американцам. И не хотел, чтобы они уплыли в Россию.

— Ваша газовая колонка устаревшего образца, — ласково говорил он, впервые вводя её в квартиру. — Купите новую, ту, что подороже, она лучше.

Она не последовала совету Хидэо — старая колонка работала

неплохо. Он огорчился и во время очередного визита в её квартиру предложил купить огнетушитель: — Я отвечаю за Вашу безопасность! Огнетушитель уже был повешен хозяином снаружи возле входной двери, но Хидэо, потрогав рукой железный баллон, вместо того, чтобы обрадоваться, что вверенная его заботам иностранка живёт в безопасности, почему-то расстроился, а вечером позвонил.

— Я решил, что Вам следует застраховать свою квартиру! — Узнав, что исполнять его дорогостоящий наказ она не собирается, Хидэо рассердился. — Вам так хорошо платят, а Вы тратите так мало!

Он не стеснялся признать, что присматривает за её тратами. И не сомневался — он, сэнсэй, имеет на это право! А его обязанность — помочь оставить японские деньги, временно попавшие в русский карман, на японской земле. Приходя к ней в гости, Хидэо подкручивал ручку обогревателя на полную мощность. Квартирка раскалялась, как баня, по лицу Хидэо градом катился пот, но он стоически улыбался:

— Мы, японцы, любим тепло! — А ей было неловко, потому что в университете он, сидя в своём промёрзшем кабинете, говорил: — Мы, японцы, любим прохладу. Японские деньги Хидэо предпочитал экономить, её — тратить.

Операция по предотвращению вывоза её японских капиталов за рубеж имела множество направлений. Ласковые дамы из Шимин-центра ласково убеждали её покупать японские платья и туфли. И от души огорчались, когда она артачилась.

— Да, это дорого, но зато какое качество!

Уговаривали так горячо, словно продавали своё, хотя на службе в универмагах профессорские жёны явно не состояли. Даже Шимада осторожно советовал.

— Вам стоит приобрести наш компьютер. У нас хорошие компьютеры. Вы же захотите привезти из Японии сувенир…

Она старалась убеждать себя: все эти советы — просто знак гостеприимства! Но уж очень настойчиво и часто звучали предложения покупать японское!

Она стояла у окна своего кабинета. На сумрачном зимнем небе расплывалось тёмное пятно — вороны. Даже птицы в этой стране летели все в одном направлении. По улице шли одинаковые люди в одинаково неброской одежде. Здесь не бросалось в глаза богатство, и не было нищих в этой стране-мечте, где все равны. Где каждый — прежде всего японец. И для каждого — прежде всего Япония. И у каждого — государственное мышление:

- Мы, японцы…

И уверенность — что хорошо для Японии, хорошо и для него:

— Мы — японцы!

Она стояла, думая, откуда оно — это японское единообразие? Может, оттого, что острова, отделённые от большой земли немалой водой, долгие века жили в изоляции, без притока свежей крови? И весь многочисленный ныне японский народ пошёл от малого числа людей, от ограниченного набора генов. В результате вся страна — один род, где люди похожи друг на друга, как братья. Мононация. Удобная штука — мононация. Ею легко управлять. Опасная штука — мононация. Она неустойчива, как стол на одной ножке, нажми легонько пальцем и стол опрокинется. А чтобы он стоял, мононация должна быть чистой, однородной. И потому для неё опасны преступники и гении. Все, кто не как все.

Бродяга с большой белой собакой (Мост через провал)

О, сколько их на полях!
Но каждый цветёт по-своему -
В этом высший подвиг цветка.
Басё

Пришла беда — полагайся на себя.
Японская пословица

Виталий нашёл её сам, прислал электронное письмо.

— Я старожил и знаю всех русских в городе. Я вообще многое здесь знаю, могу помочь, если Вам нужна помощь! — Помощь была нужна. Они встретились и долго гуляли по торговому центру. О себе Виталий рассказывал так: — Я - технолог, моё дело — не думать, а кнопки нажимать. Я неважно учился, всегда был троечником, но растить кристаллы умею. И здесь делаю то же, что и в Москве. Только платят мне за это побольше.

В Японии Виталию удалось осуществить свою главную мечту — посадить жену дома. Ему, сыну мусульманина, это казалось очень важным. В России жене приходится работать — на мужнину зарплату младшего научного сотрудника невозможно было прокормить двоих детей.

Японией Виталий был доволен. Он даже научился справляться с главной японской неприятностью — работой допоздна.

— Ну, можно ли работать до десяти вечера, если начинаешь в девять утра? Нельзя! Умрёшь! Сойдёшь с ума! Но я придумал методу, — делился Виталий, — Работаю до пяти, потом иду в столовую ужинать. Если не торопиться, можно минут на сорок растянуть. А потом брожу по городу, по магазинам… Осточертели мне эти магазины! — Он бросил ненавидящий взгляд на великолепие Ичибанчо.

— Часам к восьми возвращаюсь в лабораторию показаться боссу. Потом часок кое-как кантуюсь, электронную почту смотрю, то да сё… Вот бы выучиться спать за столом, как японцы! — Он мечтательно улыбался. И сокрушался: — Дольше, чем до девяти, я высидеть не могу. Самый первый ухожу. На меня косятся, однако держат.

Тронутая муками Виталия, она посоветовала ему плюнуть на местные обычаи и уходить домой пораньше. Он снисходительно хмыкнул:

— Нельзя! Вы недавно приехали, Вы их не понимаете! А я понял: тут главное — их правилам подчиняться! Быть как все! Я в Японии дотягиваю уже четвёртый год. И всё нормально. Вот только детей тут трудно учить…

С младшей дочкой проблем у Виталия не было — она ходила в школу с удовольствием. В её первом классе у каждого ученика было своё деревце в школьном саду и своя зверушка в живом уголке, ей это нравилось. Она выучилась плавать и осенью на празднике прощания с бассейном вместе с одноклассниками ныряла на дно за банками сока. У младшей всё шло хорошо, а вот старшего товарищи за что-то невзлюбили, и отец не понимал, за что.

— Парень он покладистый, спокойный и по-японски хорошо говорит — если повернётся спиной, и не поймёшь, что не японец. И к математике способный, лучший в классе. — Но класс объявил ему бойкот. — Штука это страшная, — мрачнел Виталий, — все ребята в классе дружно травят одного. Почему? Не прижился, не пришёлся. Может, глупее других, может, умнее. Не такой, как все. — Но если нельзя побороть бойкот, можно сменить школу. — Нельзя, — качал головой Виталий. — Все дети приписаны к школе своего района. В другую не возьмут. Правда, в последнее время появились частные школы. Но их мало, и они очень дороги. — Виталий предпочёл сына из школы совсем забрать. Теперь мать сама занималась с ним по русским учебникам. — Это даже лучше, — утешал себя Виталий.

Полгода назад мать возила сына в Москву и, определив его на месяц в класс, где он учился, обнаружила, что парень безнадёжно отстал. И не только по русскому, но и по математике

и другим предметам.

— Иероглифы всё время отнимают, — сердился Виталий, — а ведь ему уже четырнадцать! После восьмого в России надо экзамены сдавать, а то в десятилетку не возьмут, а там и институт пролетит и замаячит армия. Пусть уж лучше мать учит. Вот только скучно парню сидеть при мамкиной юбке одному. Ему товарищи нужны, подружки… — Но возвращать сына в школу Виталий не собирался. — От бойкота здесь дети и самоубийством кончают, — Виталий бледнел. — Странно, что Вы не знаете про школьные бойкоты, по телевизору часто показывают детей-самоубийц.

Так вот о чём были эти телепередачи — пустая парта в классе, цветы на ней… И фотография девочки или парнишки. Значит, это были жертвы бойкота. Дети-самоубийцы. Страшное сочетание слов.

Они шли по Ичибанчо. В сущности, Виталий знал в городе немного, только большие магазины.

— Музеи? Храмы? — Виталий пожал плечами. Он там не бывал.

И вывески он прочесть не умел — не знал язык страны, где так долго живёт.

— Скучно здесь, — сознался Виталий. — Когда я дома работал почти бесплатно, как-то интереснее было. Конечно, мы здесь прибарахлились, приоделись. В прошлом году, когда я домой в отпуск ехал, думал, я самый шикарный буду — всё на мне японское. А там таких пол-Москвы. Я вообще не знаю, зачем мне эти деньги? Так, коплю… — И словно спохватился: — А вообще-то мы здесь хорошо живём! В каникулы детей в Диснейлэнд повезём…

Виталий вдруг остановился. Прямо у его ног возникло нечто немыслимое здесь, посреди нарядной торговой улицы. На ярких плитках тротуара спали двое — мужчина и большая собака.

Они лежали возле дверей уже закрывшегося в этот час маленького магазинчика, привалившись друг к другу похожими головами, всклокоченными, немытыми. Должно быть, собака была когда-то белой и роскошной, но теперь её грязная шерсть свалялась, пожелтела. И длинные волосы мужчины, прежде чёрные, висели серыми, как у его собаки, космами.

— Бродяга, — равнодушно бросил Виталий. — А Вы думали, в Японии их нет?

Люди обходили спящих, словно не замечая. Чистенькие, благополучные люди, одетые в одинаковое, серое. А бродяга, что спал на тротуаре, был в засаленной красной куртке. Может, ему не нравился серый цвет? Не нравился тёмный, как у всех,

костюм? И его несчастная псина не походила на своих японских подруг. В стране похожих людей почти все собаки были похожи тоже — небольшие, с короткой шерстью, с загнутым колечком пушистым хвостом. И обязательно песочного цвета. Словно единый питомник снабдил мононациональную страну монолитным собачьим племенем. А собака бродяги была большой, косматой и белой. Может, потому её и отвергла стая?

Проводив Виталия, она снова прошла по Ичибанчо. Бродяга и его собака уже проснулись и ужинали. Расположившись на скамейке, мужчина достал из кармана куртки баночку сакэ — маленькую, на стакан, отвинтил крышку… В России никому не пришло бы в голову закупоривать навинчивающейся крышкой стакан водки, а в Японии даже эту порцию выпивали не сразу. Закусывал бродяга купленной в соседней лавчонке холодной лапшой. Собака подбирала с полу то, что он ронял. Ронял он щедро — руки у него тряслись. Не съев и половины лапши, мужчина поставил пластмассовую коробку перед собакой, склонившись к ней угрюмым, опухшим лицом. Где он брал деньги? Милостыню на улицах здесь не просил никто.

— У нас в Японии нет нищих, — говорил ей на следующий день в университете Шимада, — а те, что спят на улицах… Наверняка у них есть дом, семья, но они хотят бродяжничать и пить. Им нравится так жить. — Тема была Шимаде неприятна. И школьные бойкоты он обсуждать не захотел. И детские самоубийства. Об этом рассказала Анна:

— В Японии много самоубийц, я видела цифру — двадцать процентов смертей. И среди них есть дети. Недавно девочка положила голову под поезд, совсем маленькая девочка, из начальных классов. Газеты писали — она оставила записку: "Дорогие мама и папа, я не могу достичь тех успехов, которых вы ждёте от меня. Я не хочу вас огорчать".

Нахватав двоек, русский малыш идёт плакаться родителям, японский ложится на рельсы. Японцу, даже маленькому, положено решать свои проблемы самому. Его никто не пожалеет. Ей вспомнилась побледневшая от недосыпания и зубрёжки старшая сестра Харуно и равнодушные слова её отца:

— Молодой человек должен усердно трудиться.

Он не хотел своей дочери зла, он просто требовал от неё исполнения японских правил. А если дитя не может их исполнить? Здесь говорят: надо стараться! А если нет способностей и не получается ничего, как ни старайся? И перед ней возникло страшное видение: маленькая головка на рельсах и поезд — сверхсовременный, сверхскоростной…

— Так кончают редко, — равнодушно выслушала жуткий

рассказ Митико. Тема её не удивила. — В нашем городе чаще прыгают в провал. Да Вы его знаете. Вы же ездите через него каждый день. Раньше это было самое известное место в городе для таких дел. Правда, недавно мост загородили, а то слишком часто приходилось снизу тела доставать… — Митико зевнула, размешивая кофе — она говорила о вещах обычных. Но всё-таки поёжилась. — Вечерами, когда темно и в машине со мной никого нет, я одна через этот провал не езжу. Говорят, там внизу и теперь находят человеческие кости…

На следующий день она решила разглядеть как следует этот провал — между двух скал уходила вниз узким клином тёмная, бездонная расщелина. Перекинутый через неё мост, маячивший в расплывчатом свете утренних фонарей, напоминал проход, по которому выпускают на арену цирка зверей. Поверх ограды возвышался метра на три плотный частокол из стальных заострённых прутьев, загнутых внутрь, — ни влезть, ни протиснуться. Конструкция, сооружённая ради самоубийц. Самоубийцы вписывались в японскую жизнь нормальным, обычным элементом. Заборы тут ради них строили… Сухонький старичок в дешёвой серенькой курточке дошёл до середины моста, остановился, шагнул к перилам, замер… И только губы его, синеватые на серо-жёлтом пергаментном лице, слегка шевелились, словно старик молился. Покончив с молитвой, он пошарил в заношенной хозяйственной сумке, с какими пенсионеры ходят за продуктами, хоть в Японии, хоть в России, достал оттуда какую-то бумажку, исписанную иероглифами, просунул руку сквозь ограду моста. Отпущенная на свободу узкая полоска, планируя, как стрекоза, медленно пошла на дно провала. Старик стоял, провожая её скорбным взглядом. Может, в этом провале погиб кто-то из его родных? Может, сын спрыгнул с моста, когда не было ещё забора? Может, внук?

Сразу за мостом уходила вниз дорога, узкая, грунтовая, скрытая в кустах. Наверное, по ней увозили из провала тела? Она пошла по пыльной колее. Полдюжины кошек бросились врассыпную, исчезли среди придорожных кустов. Кошки, в лесу? Среди великолепных сосен отвратительными пятнами замелькали лачуги, неряшливые, состряпанные из чего попало, из нищеты. За маленькими окошками мелькали кролики, куры. На верёвке, натянутой между деревьями, болталось старое, отвратительное тряпьё. Вокруг не было ни японской красоты, ни японской чистоты. Тут был другой мир, надёжно спрятанный от глаз, сброшенный в провал.

Кто тут жил? Те, кому не хватило места наверху? Может, рабочие с городских скотобоен, до сих пор отверженные,

нечистые? А, может, сюда приходил в холодные ночи бродяга с большой белой собакой? Залаяли псы. Она круто повернула и стала быстро подниматься, торопясь вернуться назад, в Японию. Наверху остановилась, чтобы успокоить сбившееся дыхание, оглянулась на мост. Мост смотрел безжалостно. Но у него была своя роль — он ковал японский монолит. Убирал всё нестандартное, что не вписывалось, выпадало из общего строя. Однородное японское общество нуждалось в прополке. И придумало для прополки инструменты: школьные бойкоты, мост через провал…

— В Японии это называется забиванием гвоздей, — говорила Анна. — Молоток бьёт по шляпке гвоздя, который торчит выше других.

Хорошо организованная японская жизнь была беспощадна, как прорубленная в скале дорога. И сойти с неё было некуда. Разве что в провал. Для русского человека самоубийство — плохой конец. А в Японии самоубийство всегда было делом достойным.

Вечером телевизор показывал фильм про старую Японию. Герой, не сумевший исполнить свой долг, намеревался убить себя — сделать харакири, здесь это называли сиппука. Помощник за спиной смертника готовил меч, чтобы помочь разрезавшему себе живот умереть, обмывал клинок, поливая его из ковшика. Вода прозрачными каплями стекала с блестящего лезвия, самоубийца в белом кимоно читал предсмертные стихи — всё демонстрировало чистоту, красоту… Таковы правила. Они велят убивать себя, нарушившего правила. И места милосердию в этих правилах нет. Жестокость неизбежна там, где правят правила. Жестокость к себе, к другим — японская норма, японская доблесть. Правда, теперь животы себе не вспарывали, но незадолго до её приезда застрелился чиновник, не сумевший обеспечить водой разрушенный землетрясением Кобэ. Японцу положено исполнить свой долг. До конца. Перед сном она читала старую японскую легенду — героиня, наказывая себя за то, что обидела возлюбленного, испугавшись, когда он обернулся змеем, протыкала себе матку палочками для еды. Даже вообразить себе страшно, как она умирала…

Позвонил Виталий, пригласил в гости.

— Приезжайте! А то мы тут совсем одни живём. Японцы друг к другу в гости не ходят, и мы так привыкли. Тем более что мы за городом живём, добираться приходится электричкой. Зато тут квартиры дешевле и океан рядом. Я иногда зимой ухожу на пляж, складываю среди снега костерок, сижу, как в России. Только один. Я и от семьи отвык. Я же их почти не вижу. Приезжайте! Я

знаю магазинчик, где можно русскую водку подешевле купить. Да вот выпить не с кем — я да жена. Я всё больше один пью. И русские фильмы на видике один кручу — жене надоело, детям неинтересно — они русскую жизнь уже плохо понимают, и русский язык. Младшая звук "л" не выговаривает, лимон называет "ремон", как японцы. И суп норовит с края тарелки выпить, как они. И спрашивает, что такое "пить залпом?" Мать с ней занимается, боится, что она совсем свой язык забудет. И косолапит дочка — здесь все девочки косолапят. Это оттого, что они с детства на пятках сидят и ножки складывают носками внутрь. И наша ещё в детском садике выучилась так сидеть. Как японка…

Надеваем кимоно

"Сперва обезьяны халат!" —
Просит прачек выбить вальком
Продрогший поводырь.
Басё

— Это — кимоно. Я покажу, как его надевать. По программе Шимин-центра положено такое занятие для иностранцев, а Вы его пропустили!

Голос Намико звучал укоризненно. Добросовестная Намико не могла допустить, чтобы иностранка уехала, не выполнив программу. Заботливая Намико сама пришла к ней домой и принесла кимоно.

— Мы, учительницы Шимин-центра, всегда для этого занятия приносим кимоно из дома, — отвергла Намико благодарности. — Это — старое мамино кимоно. Она его уже не носит. После занятия можете оставить его себе.

Из открытой сумки дохнуло нафталином и ещё чем-то особым, японским — старинной плесенью вечно сырого шкафа. Намико разложила кимоно на татами, заботливо разгладила руками плотную хлопчатобумажную ткань. Синий халат в крупных белых цветах темнел на светлой зелени чётким прямоугольником. Покрой — верх простоты, как распашонка. И что за проблема такой халат надевать? Она вставила руки в широченные рукава, попав в разрез под мышками. Намико немедленно исправила её ошибку. Но она тут же допустила новую — угодила в зашитый прямоугольным карманом конец

рукава. Выпутавшись кое-как, она запахнула полы и услыхала испуганный вопль Намико:

— Не так, не так! Не запахивайте полы по-женски, справа налево! Так надевают кимоно только на покойников!

Живые же, и мужчины, и женщины, запахивали кимоно слева направо, по-мужски. Намико сама сделала, как положено, не доверяя неопытной ученице.

Халат повис до пола.

— Не мой размер, — заметила она, недоумевая, как носила это сооружение низенькая мать Намико, и потянулась за ножницами, решив укоротить старый халат, перешедший отныне в её собственность.

— Нет, нет, — в ужасе замахала руками Намико, — отрезать кимоно нельзя, мы, японцы, никогда не делаем так! — Претензии по поводу размера Намико отвергла: — Все женские кимоно одинаковы…

Правда, были ещё кимоно мужские и детские, но те — совсем другое дело. Совершив кучу ошибок за две минуты, она согласилась с Намико: этому и правда стоит учиться — надевать кимоно.

— Излишек длины мы подхватим вот этим… — Намико достала из сумки узенький поясок.

Глядя на некрасивую толстую складку, повисшую на животе, она вспомнила дотошные наблюдения Леночки — японцы длинные брюки подворачивали, никогда не отрезая. Может, это шло от традиций, от кимоно?

— Складку прижмём, — Намико достала пояс пошире, от старости потерявший форму и цвет.

Она посмотрела на себя в зеркало — до японских красавиц ей было далеко.

— Ничего, этого старого пояса видно не будет, — утешила Намико. — Поверх мы повяжем третий пояс — оби.

Оби оказался широким, твёрдым, нарядным. Недоумевая, зачем японцы устраивают всю эту возню с лишней тканью и тремя поясами, превращая простое одевание халата в сложную процедуру, она слушала объяснения Намико. Теперь предстояло самое трудное — научиться завязывать оби. Привычным движением Намико приложила один конец широкого пояса к плечу ученицы, другой подхватила у талии рукой.

— Так определяют длину того, что пойдёт на бант… — Опоясав её оставшимся длинным концом, Намико заплясала вокруг. — Это надо продеть снизу, это сверху… — После многочисленных операций на животе возник замысловатый громоздкий бант. — Теперь повернём его назад… Мы, японки,

всегда делаем так: завязываем бант спереди — иначе с ним не справиться, а потом поворачиваем.

Но поворот не получился, на крутом русском бедре пояс заклинило. Намико заморгала удивлённо — у неё таких проблем не возникало. Узел пришлось перевязать послабее, только после этого он повернулся. Чтобы закрепить пройденное, Намико велела ученице завязать пояс самой. Но ученице не удалось одолеть сложную вязь.

— Надо пробовать, надевать кимоно должен научиться каждый иностранец, — волновалась Намико. И показывала опять и опять. Наконец, пояс был завязан, и Намико принялась обучать иностранку поклонам. Именно поклонами должен был завершаться урок надевания кимоно.

Вслед за Намико она распростёрлась на татами, скользя по нему вынесенными вперёд ладонями. Широкий жёсткий пояс, выталкиваемый боками, подпрыгнул вверх, врезаясь в грудь, рвущуюся наружу, даже её скромный сорок шестой размер выпирал из кимоно всюду — спереди, сзади… Узел за спиной торчал, как кукиш.

— Не идёт мне кимоно, — жалобно улыбнулась она.

Намико не обратила на её жалобы ни малейшего внимания.

— Нет, нет, всё хорошо, — отозвалась она рассеянно.

Намико не видела её в кимоно, она видела на ней кимоно, надетое по всем правилам. Намико была довольна — всё шло по программе.

— В прошлом году я обучала немецкую женщину, — рассказывала Намико. — Она была просто чудо! Она умела сама надевать кимоно! И каждый день готовила мисо-суп!

Намико от радости захлопала в ладоши. Она любила эту замечательную немку за мисо-суп. А мы станем любить иностранца за то, что он варит щи? Вряд ли. И уроков обувания лаптей мы не устраиваем. А японцы приглашали, просили, заставляли:

— Стань такой, как мы!

— Вам следует есть палочками, — часто говорил ей Хидэо. — Палочки, в особенности деревянные, полезнее для здоровья, чем железные вилки и ложки. Они захватывают слишком большие куски, с которыми плохо справляются зубы и желудок. А палочки берут совсем маленькие кусочки… Они не разрушают еду, не рвут тонкие нити жизни. Мягко касаются губ. Кроме того, еда палочками требует от человека ловкости, заставляет сосредоточиться, отстраниться от постороннего. А ложка и вилка допускают вялые, расслабленные движения, дурные мысли…

Речь Хидэо потрясала страстью, философской глубиной. И

она сдавалась, соглашалась, начинала есть палочками даже дома. Японцы старались поставить пришельца в свой строй. Надеть на него кимоно. И ценили только тех, кто его надел. И любили человека не за природное, своё, а за то, насколько он стал японцем. И кто сказал, что японцы умеют приспосабливаться?

— Японцы не умеют приспосабливаться, — считала Анна. — Они подходят к другим людям с той же меркой, что и к соотечественникам, не могут принять что-то чужое. Японцы предпочитают чужое подогнать под привычное, своё, чтобы легче было с ним справиться. С персоной нестандартной как жить привыкшему к сценарию японцу? С чужим общаться, говорить — сплошное творчество, сплошная мука для японца.

— За тот год, что мы с женой провели в Америке, — говорил Шимада. — В нашей жизни мало что изменилось. Мы покупали продукты в японском магазине, готовили свою еду, общались больше с земляками. В Америке их много…

— Вы не должны употреблять в статьях такие выражения, мне они незнакомы! Вы должны изменить своё мнение! Вы должны делать, как я! Развивать мои научные идеи! — учил её Хидэо.

А её идеями Хидэо даже не поинтересовался за тот год, что они проработали вместе. И Намико не освоила борщ и русские пирожки. Это ей пришлось варить мисо-суп и работать с Хидэо по его правилам. Ей пришлось научиться всему этому. И не только потому, что она была на чужой территории, в чужой стране. Просто легче русским принимать нестандартное, чужое. Нам легче сделать шаг кому-то навстречу.

Нелегко ей дался этот шаг. Хотя, казалось бы, нетрудно нам ужиться — русским и японцам. Ведь мы такие похожие — коллективные, общинные люди. Япония вообще удивительно походила на Советский Союз: личное подчинялось общественному, профессорские собрания были всемогущи, как парткомы, равенство всех граждан и скромность считались нормой, а роскошь — неприличием. Японский телевизор показывал чисто советские программы — ремесленников, рабочих, рыбаков с богатым уловом, женщин, собирающих яблоки с провисших от изобилия веток, тяжёлые от зёрен рисовые метёлки и комбайны, бойко бегущие под победную музыку почти советских маршей. Наверняка бодрый японский диктор произносил нечто вроде:

— На поля страны вышли флагманы колхозных полей!

Похожие мы, русские и японцы. Похожи наши пословицы и поговорки. Мы не любим делить шкуру неубитого медведя, японцы — оценивать шкуру неубитого барсука. И "читать проповедь Будде" у японцев — занятие столь же непочтенное, как

у русских "учить учёного". Русские о своих женщинах говорят:

— Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт!

И японцы признают женскую силу:

— Женщина захочет, сквозь скалу пройдёт.

Казалось бы, русским и японцам нетрудно шагнуть друг другу навстречу и соединить гениальные русские идеи с гениальным японским исполнением, а русский бурный прорыв к цели с педантичной постепенностью японского Пути. И слить воедино японскую скрупулёзность с русским размахом, а русскую бесшабашность смирить японской расчётливостью. И сашими отлично пошло бы под водку… Но почему-то не получалось так пока.

— Обязательно купите японские сандалии, — советовала на прощание Намико. — Кимоно нельзя носить с обычными туфлями! Просто невозможно!

Темнело. День кончался. Короткий зимний день. На татами темнел прямоугольник кимоно, сложенного не абы как, а по строгим правилам.

— Постоянно тренируйтесь надевать кимоно, — наказывала Намико, уходя, — у Вас это пока не очень хорошо получается.

Намико всерьёз верила, что остаток своих японских дней иностранка посвятит упражнениям со старым халатом. За окнами зажигал огни чистенький, ухоженный город с идеальными дорогами, надёжными телевизорами, компьютерами, автомобилями, с трудолюбивыми работниками, услужливыми служащими в конторах, магазинах, ресторанах — всюду, с честными торговцами, у которых не страшно покупать сырую рыбу, город без воров. А может, и впрямь стоило учиться надевать кимоно и делать всё, как японцы? Она стояла посреди комнаты, примеряя на себя, как кимоно, японскую жизнь…

Вот жизнь Намико. Красивый дом, богатый муж… Но… Муж, избранный матерью, не сердцем. И дом, где надо просыпаться в половине пятого без праздников и выходных. И, качаясь от недосыпания, заполнять свой длинный день миллионами мелких, нудных дел: прибрать, купить, подать, сготовить… И вечно ждать мужа, который ждёт от жены только этого — прибрать, купить, сготовить… И экономить без малейших послаблений в виде купленного в магазине торта. Она поёжилась. Нет, в кимоно Намико ей было неуютно. А в кимоно её мужа? Хорошая работа, хорошая зарплата, уверенность в себе и в непрерывном росте счёта в банке, достаток, уважение, почёт… И дни, которые проходят на собраниях, без любимой работы… И наспех проглоченные холодные макароны в обед, и вечера, которые надо непременно высидеть в лаборатории, даже если нет дел. И вечная

усталость. И отпуск всего семь дней в году, чтобы только отоспаться, не помышляя об отдыхе у моря или в горах… Нет, в кимоно сэнсэя ей тоже было неуютно. И кимоно служащего какой-нибудь компании ей вряд ли подошло бы. Длинный день в душном офисе с лапшой быстрого приготовления в обед, сакэ в вечернем ресторане с сослуживцами и выходной в пачинко в грохоте, в дыму… Но главное в японском кимоно — не думать. Не размышлять — а подходит ли оно тебе? А просто надевать его и носить. Как все. И жить, как оно велит. И не задавать вопросов. И не сопротивляться. Нет, она бы так не смогла! Но принимать Японию, так всю, целиком — всё хорошее, всё плохое. Нельзя же надеть кимоно только в один рукав!

Она смотрела в окно на идеальный город. А может, не потому процветала Япония, что японцы умели приспособиться к новому, а потому, что это новое приспособилось к Японии? Что шла теперь эпоха массового производства стандартной продукции? Эпоха конвейера, идеально подходящая к японским возможностям: скрупулёзной тщательности, бездумному усердию, покорному забвению своей индивидуальности, которую нетрудно забыть, потому что она несильна… Вот и вырвалась вперёд Япония — однородная, монолитная… Она оценивала преимущества японского характера. Но преимущества оказывались субстанцией текучей. Они легко переливались в недостатки. А ну как остановится конвейер, и жизнь потребует решений штучных, нестандартных? Что с ним тогда произойдёт, с японским чудом? С ним и теперь уже творилось что-то неладное: пятнадцатипроцентное падение продаж автомобилей, двадцатипроцентное сокращение приёма новичков в крупные фирмы, досрочное увольнение на пенсию сорокапятилетних… Чудо, кажется, оказалось коротким?

Разговоры о политике (Чудо и зонтик)

Иметь много людей, рассуждающих о политике,
значит навлечь на страну несчастье.
Хиробуми Ито, министр внутренних дел Японии, 1769 год

Разочаровала её Япония. Нет, не та Япония, где море и горы, и между этих двух красот — храмы, как деревянные игрушки, как куклы дамы в кимоно. Эта Япония была прелестна. Но Япония, где экономическое чудо… Эту Японию она представляла себе как-

то иначе. Парень стриг её уже целый час. Лёжа в откинутом кресле, она чувствовала, как его руки, неловко спотыкаясь, продвигаются по её голове. И хирург, лечивший её палец, был так же неловок, и швея, что ремонтировала платье, и сапожник, подбивавший каблук, и лабораторный техник Ямазаки… А она думала, что у людей, устроивших в своей стране чудо, в руках всё горит. Парикмахер сначала велел ей выбрать по фотографиям образец и теперь стриг, чаще поглядывая в журнал, чем на неё.

Голова получалась правильная, аккуратная. Как у всех в этой стране. Растрёпанная голова здесь так же немыслима, как нечищеные ботинки. Если бы теперь измерить длину каждого её волоска, наверняка обнаружилось бы точное соответствие картинке. Но ей больше пошло бы, если на висках чуть короче, на лбу чуть длиннее… Но это означало бы отклонение от образца. Здесь такого не допускали. Здесь действовали точно по инструкции — парикмахеры, Леночкины кулинарные ученицы, университетские сэнсэи, студенты… Здесь исполняли инструкции добросовестно, дотошно — до буквы, до запятой. Без устали, лени и плутовства. И этого оказалось достаточно для процветания? Не сходилось как-то японское уравнение. Не видно было в нём резонов для чуда. Не хватало чего-то дополнительного. Кого-то постороннего. Кто эти инструкции писал.

— После войны японскую молодёжь посылали в Америку, — вспоминал пожилой профессор Нагаи. — Нас было много, мы изучали американскую науку, американские технологии, американский бизнес…

Токиец Нагаи прожил в Соединённых Штатах шесть лет, местный сэнсэй Сато — пять. И старенький профессор Итоку стажировался в молодости в Америке, и Хидэо, и Шимада. А Такасими и теперь больше времени проводил в заокеанских компьютерных фирмах, чем в своей японской лаборатории. Американские технологии, внедрённые в Японии, два миллиарда долларов американских инвестиций в японскую экономику — сразу после войны это были хорошие деньги… Японское чудо было, кажется, не вполне японского происхождения.

— Америка подсадила Японию на ступеньку современной цивилизации, — говорила Анна. — Конституцию ей написала…

— Наша конституция неизменна уже пятьдесят лет, — гордился Хидэо. — Это потому, что она написана очень, очень умно! — У Хидэо был и другой предмет гордости: — На военные расходы Япония тратит всего один процент бюджета!

Про этот один процент знали все: Сато, Шимада, Кумэда… И поминали часто, словно кто-то велел японцам напоминать об этом иностранцам. Конечно, отсутствие военных расходов

способствует чуду. Но как выжить в современном мире без сильной армии? Только под чьим-то зонтиком — военным, лучше ядерным. Американские военные базы в Японии — естественное вроде продолжение разговора про один процент. Но японские собеседники глухо замолкали.

— Жители Окинавы требуют закрытия американской базы на их острове, — поделилась она прочитанной в газете новостью с Шимадой.

— Да, время от времени они бузят, — усмехнулся он.

— Но на сей раз демонстрацию вызвал безобразный случай — два американских солдата изнасиловали школьницу.

— Это не в первый раз, — отмахнулся Шимада, — всё обойдётся.

Действительно, вскоре демонстрантов уговорили разойтись, солдат заставили уплатить компенсацию родителям девочки. И сумма потребовалась не очень большая: около десяти тысяч долларов. И база, конечно, осталась.

— Ваши военные расходы в последний год сильно растут, — снова процитировала она газету. — Япония хочет укрепить собственную армию?

— Собственную? — Шимада оглянулся, словно испугался, что их услышат. — Военные расходы растут? С чего Вы взяли? — И отчаянно замахал руками. — Даже если они и растут, это ни о чём не говорит! Просто у нас очень высокие цены!

Японцев раздражала её осведомлённость — неудобная, неприличная. Она обсуждала действия японских властей! И даже, кажется, их осуждала? Японцы никогда не делали так. Они словно разделяли мнение старого министра Ито и не хотели рассуждать о политике, навлекая на свою страну несчастья.

— Вы поддерживаете курс вашего правительства? — спросила она Хидэо.

— В определённой степени, — это всё, что мог позволить себе сказать о властях очень прогрессивный человек, профессор западного стиля Кобаяси.

Зонтик привязывал Японию к Америке намертво, тесно. Телевизор рассказывал о совместных военных учениях Японии и США. На экране то и дело возникали Америка и Израиль. А ведь это далеко от Японии — Израиль. Но эту любимую Америкой страну показывали часто, любовно. А Россию — совсем иначе. Невзрачные посёлки Сахалина и Курил, полуразрушенные дома, оборванные провода, выбитые стёкла, а потом — обвитые огоньками деревья ухоженного японского города — вот так, мол, было бы на ваших сопредельных землях, будь они нашими, японскими! Конечно, нам следовало бы прибрать свои города,

чтобы не нашлось в них ничего драного, чтобы снимать. Но всё-таки…

Мы не поминали Японии обид — затопленный в начале века русский флот, осевшее где-то в Японии русское золото Колчака — и не очень кричали о том, что под шумок теперешней русской неразберихи японцы обильно брали в наших водах контрабандную рыбу и краба. Что для русского Япония? Электроника, автомобили, чайная церемония, икебана… А что для японца Россия? Великая литература, музыка, живопись, балет? Космические корабли? Нет. Злобная, ощетинившаяся ракетами страна, не отдающая бедной маленькой Японии крошечные острова. Обиду на русских нянчили. На северной оконечности острова Хоккайдо был устроен "дом тоски", чтобы оттуда смотреть в подзорную трубу на "свои Курильские острова". И пол-Японии перебывало там, расписалось в книге посетителей. Старуха, встретившаяся ей близ того дома, спросила:

— Откуда иностранка? — И, услыхав "Россия", вдруг выпалила плачущим голосом: — Россия — такая большая страна! И не отдаёт нам наши острова! А ведь мы — маленькая страна!

Значит, так объяснили бабушке, говорившей злобно и жалобно — ну хоть бери и отрезай ей кусок от своей большой страны! Жалко же старушку!

И новая заноза появилась в наших отношениях: ежедневные отчёты о газовой атаке в токийском метро в марте девяноста пятого неизменно показывали не только лидера секты Аум Сенрикё — длинноволосого с сонными глазами под низким лбом Сёку Асахару, но и обложку русской книги "Отравляющие вещества". Журналисты искали в японских несчастьях "руку Москвы". Нет, вражды по отношению к себе она не чувствовала. Но самый высокий дом в городе Шимада, улыбаясь, представил ей названием похожим на марку русской ракеты — "С-30" — в доме было тридцать этажей. И о русских атомных подлодках в японских водах он часто поминал. И верил сущим сказкам:

— Ведь Наполеон проиграл России войну из-за пуговиц…

Физик Шимада знал: на морозе белое олово превращается в серое и рассыпается в пыль. Даже он, умница Шимада, принимал оловянные пуговицы всерьёз, считая — Наполеон ушёл из России из-за них. Кто-то упорно подсовывал эту простенькую байку, понятную конкретному японскому мышлению, — пуговицы, мороз… Ну как воевать, если падают штаны? Потому Наполеон и ушёл из России. И Гитлер отступил из-за морозов. А успехи русской армии тут вовсе не при чём. А про Квантунскую армию, разгромленную летом, и про жаркую Курскую дугу — ни гу-гу. Словно шулер тасует карты — одну из колоды выхватит, другую.

И все — в масть. И всё выходит, только морозы русским помогают, а так они — никудышные дураки. Как в том детективе, что показывал телевизор…

Фильм был из времён Великой Отечественной войны. Японский разведчик, арестованный советскими органами, играючи ушёл из здания КГБ на Лубянке, спросив у часового: где туалет? Возмущённая охрана вытолкала его на улицу со словами:

— Тут тебе не общественный сортир!

После своего чудесного спасения гениальный японец подослал к русскому генералу неотразимую японскую красавицу, которая служила актрисой в Большом театре и пела, конечно же, Чио-Чио-сан. Усыпив генерала снотворным, певица и её напарник отвлекли генеральского шофёра бутылкой водки и рванули на русско-японскую границу. Граница оказалась сухопутной. И даже если допустить, что своей территорией японцы числили тогда Манчжурию, добрались до неё герои из Москвы на генеральской эмке за те несколько часов, что генерал спал. Такой был фильм про Россию.

Про русские обиды помнили. Про американские забыли. О Хиросиме и Нагасаки говорили только в годовщину, в августе, беззлобно так говорили, словно и не американцы вовсе, а некие инопланетяне решились метнуть жуткое оружие на города, на живых людей. И неповинны эти бомбы в тысячах страшных смертей в сорок пятом и многие годы спустя, и в мощном взрыве рака в Японии в семидесятых, через тридцать лет после облучения, как предсказали доктора. И ковровые бомбардировки Токио в конце войны американцам не поминали, не винили их за то, что разнесли они беззащитный деревянный город в "святую ночь", развлечения ради кладя бомбы крестами. Все эти исторические воспоминания жили отдельно, а любовь к американцам — отдельно. Теперь Америку любили. И не только официально, в правительстве, но и в каждодневной жизни — вкусы правителей и граждан тут совпадали. Во всяком случае, выглядело это так. Японцу привычно покоряться силе. А Америка нынче сильна. И что бы ни сотворила Америка, даже самое скверное, официальная Япония первой спешила одобрить её и поддержать. Ведь Япония зависела от американского зонтика, от американских военных баз.

И от американцев, покупавших японскую электронику, автомобили… Японские компании зависели от заокеанских мотов. Они открывали свои магазины по всему миру и, обогнув весь земной шар, упирались в родное "не мотай!". Японцы, оставаясь верными японской бережливости, обрекали свою страну на экспортную зависимость. Компании пытались привить японцам

американское мотовство. Они исхитрялись, как могли, вписывая в свои бюджеты графу "представительские расходы". Общественные деньги бросали на подарки нужным людям, на коллективные пикники, банкеты для сотрудников — так в прижимистой стране росло потребление. Общественные фонды разрастались пугающе. Газеты писали о скандале: Токийский суд пустил в открытую печать меню банкетов Токийской мэрии. И их стоимость. Народ ахнул, а мэрия отреагировала нервно — такое вмешательство нарушает нормальный рабочий процесс! Американское мотовство становилось нормой. И начальник, который раньше интересовался, сколько подчинённый сэкономил и снёс в банк, теперь спрашивал, что новенького купил? А городские власти помогали жителям освободить место для новых покупок, устраивая каждый квартал день сбора крупного мусора.

Сегодня опять был такой день — на тротуарах топорщились кучи — огромные, пёстрые… Дикие среди серенькых скромных домиков. Словно кто-то посторонний, сильный, грубый, навязывал это мотовство японцам. Толкал их на тротуар, на панель. И японцы, привыкшие экономить каждую йену, теряли голову и тащили на помойку крепкие, годные к употреблению вещи. Япония выбрасывала на помойку свою бережливость, скромность, грусть. Предавала себя. Куча, зловеще ухмыляясь стеклянными бельмами телеэкранов, наползала на хрупкие домики, угрожая поглотить их, прихватить с собой на мусоросжигательный завод. И домики уже едва сдерживали её наглый натиск…

— Это молодое поколение бросает годные к употреблению вещи, — сердито ворчал заехавший к ней по дороге в церковь Хидэо. — Молодые покупают слишком много новых вещей, они стали расточительны, забыли наши японские традиции! Оно всё пустит по ветру, это молодое поколение!

Молодое поколение (Чёрные мотоциклисты)

Лишь вершину Фудзи
Под собой не погребли
Молодые листья.
Бусон

Её разбудил странный гул. Она посмотрела на часы — пять утра. Гул надвигался — страшный, непонятный. Вспомнились

рассказы о землетрясениях. Пока она тут жила, их случилось штук десять — но все слабенькие, заметные только лёгким дрожанием стёкол в окнах. А сильное землетрясение — может, оно начинается именно так? Она сложила в сумочку документы и деньги… Если это землетрясение, то что же делать? В её шкафу хранилась целая пачка инструкций. Первую она получила от Хидэо в день приезда, вторую ей дали в Кокусаи-центре вместе с картой города, третью — в городской управе вместе с пластиковой карточкой удостоверения личности, четвёртую просто положили в почтовый ящик…

Инструкции предписывали залезть под стол с подушкой на голове. Она посмотрела на свой стол с нежностью — вот и пришёл его час! Но прежде следовало выключить свет и газ и открыть входную дверь. Прижав к груди сумочку с документами на случай, если до стола добежать не удастся, она распахнула дверь. Оглушительный гул нёсся с улицы. Он нарастал, превращаясь в рёв. Вдали на дороге показалось что-то большое, тёмное. Через минуту на простор пустого проспекта вырвалась стая чёрных мотоциклистов. Чёрные кожаные куртки, чёрные перчатки, развевающиеся концы чёрных головных повязок, жёсткие взгляды чёрных глаз в прорезях чёрных шлемов… Ревущие машины без глушителей мчались по тихой улице спального района в благопристойной, благополучной Японии! В пять утра! В окнах задребезжали стёкла. Она сердито захлопнула дверь и положила на место сумочку.

— Сегодня меня разбудили в пять, — пожаловалась она в университете.

— А, мотоциклисты… — махнул рукой Шимада. — Обычное дело — они гоняют по всему городу, когда хотят — рано утром, ночью… — Шимада отвернулся, словно стесняясь говорить плохое о своей стране. — К счастью, в нашем квартале живёт парень из мафии, из якудзы, — Шимада улыбнулся. — Только он может усмирить этих парней. Пока мафиози дома, мотоциклисты нас не беспокоят. Но иногда его сажают в тюрьму. Мы очень об этом сожалеем, потому что мотоциклисты тут же появляются и не дают нам спать. Раньше такого не было. Это всё молодое поколение!

— Ох уж это молодое поколение! — подхватил разговор влетевший в студенческую Хидэо. — Оно совсем распустилось! Вот и мои студенты ленятся и не хотят работать! Они забывают наше японское трудолюбие… — А ей казалось, японские молодые не уступают в трудолюбии отцам, работают вместе с ними до десяти вечера. — Э, мы раньше работали не так! — тоскливо махнул рукой Хидэо.

На лабораторном семинаре студент Мацутани водил указкой по экрану, где чётко видна была формула из американской статьи, а в формуле — ошибка — грубая, понятная даже школьнику — автор складывал килограммы и километры. Но этого почему-то никто не замечал.

— Тут ошибка, — не выдержала она.

Аудитория замерла. Хидэо нагнулся к её уху, зашептал:

— Как можно? При студентах! Это же известный журнал, американский!

— Ну и что же, что американский? Журнал ведь, не Библия! — вспылила она, — и почему нельзя сказать про ошибку при студентах?

Хидэо отвернулся и стал говорить по-японски — обильно, быстро. Словно торопился засыпать опасную яму, прервавшую плавное течение семинара.

— У нас не принято критиковать, — склонился к другому её уху Шимада. — Обязанность студентов — заучивать наизусть то, что написано. А убедить наших студентов в том, что в журнале, тем более американском, может быть ошибка, невозможно. Да и сэнсэев тоже.

Шимада говорил совсем тихо, чтобы не услыхал Кобаяси. Но говорил. А вечером она обнаружила в своей электронной почте его письмо: он нашёл в работе американца новые ошибки и, вдохновлённый её примером, решился покритиковать. Но почему по почте? Из соседней комнаты! Может, он опасался, что об этом узнает шеф? Ей не хотелось думать так. Ей больше нравилось считать, что причина письма — традиция: японцы издревле предпочитали обсуждать острые темы не в лоб, а в письмах, да ещё переданных через посредника. Вот и Шимада использовал электронного посредника, компьютер, ведь критиковать американскую статью — нешуточное дело! Она быстро нажала кнопку, скрывая послание Шимады, — в комнату входил Хидэо.

— Я пригласил профессора Кларка посетить мою лабораторию, — сообщил Хидэо. — И он согласился. Потому я дал студентам для изучения его статью.

Американец только дал согласие, а студенты уже штудировали его труды. Она жила в Японии почти год, но сэнсэй ни разу не обратился к её работам. Сэнсэй вообще давал для изучения студентам либо свои работы, либо американские. К американцам сэснэй относился с предварительным, только из названия страны вытекающим почтением.

— Эти чёрные мотоциклисты, байкеры, пришли к нам из Америки, — морщилась Сумико, а другие преподавательницы согласно кивали, сгрудившись вокруг русской ученицы,

порадовавшей их своим неожиданным визитом в Шимин-центр. — Наша молодёжь слишком усердно копирует всё американское, — вздыхала Сумико. — Моя Харуно часами смотрит по телевизору американские развлекательные программы и хохочет. А я нахожу их глупыми! Я не понимаю, что там смешного?

Японское телевидение действительно любило развлекательные программы в американском стиле. Юные японки в купальниках по свистку судьи набрасывались на парня в плавках, пытаясь зубами — так велели правила — оторвать наклеенные на нём ярлыки. Наивысшим баллом оценивались наклейки в наиболее рискованных местах — на плавках, между ног… Телевидение не брезговало такими сюжетами. И всё более популярным становилось чисто американское развлечение — женский кэч. Полуголые дамы злобно колотили друг друга, лягали ногами, остервенело рвали волосы, визжали и выли. И вместе с ними визжал и выл переполненный зрителями спортивный дворец.

- Да, западные нравы постепенно уничтожают наши, японские, — несмело произнесла Намико, — молодые женщины перестали рано вставать.

— А какие короткие юбки они носят! И сколько денег тратят на наряды! — с жаром сказала Соно-сан. — Совсем забыли о нашей скромности. Ох уж это молодое поколение!

Слова "молодое поколение" здесь многие произносили как ругательство. Старики ворчат на молодых везде. Но японское ворчание было особенно отчётливым. Уж очень вырвались вперёд, очень оторвались от отцов японские молодые, воспитанные в школах с бассейнами и компьютерами.

— Наши дети совсем другие, чем мы, — печально вздохнула Соно-сан. — Да ведь они и живут иначе — спят на кроватях, не в футонгах, сидят на стульях. И едят иначе, чем мы, не мисо-супе и рис, а сосиски, а нашей рыбе предпочитают гамбургеры, и пьют кофе и кока-колу вместо зелёного чая. Впрочем, мы и сами виноваты — кормим их молоком и мясом…

— Потому они и переросли нас на целую голову, — подхватила Сумико, — Они и толще нас. Я вижу, когда покупаю дочерям одежду и обувь, что для молодежи меняют наши японские стандарты, выпускают большие размеры.

Она припомнила стайки школьниц на улицах. Девочки в коротких юбочках широко шагали крепкими, не по-японски длинными ногами в бульдогоносых башмаках. К башмакам полагались толстые белые носки, прихваченные клеем посреди икр так, чтобы образовались складки. Ради достижения этого

эффекта, требуемого модой, девочки даже носили клей в школьных ранцах, а чулочные магазины, потрафляя вкусам молодых, продавали клей.

— Ужасная мода! Ох уж это молодое поколение! С ним Япония совсем потеряет традиции! — сказала очень современная женщина Мидори. И её подружки согласно закивали.

А ей казалось, японские молодые ревностно хранят традиции. На Танабату тысячи девушек в городе надевали кимоно, а юная подружка соседа, которая в невестах красила волосы чем-то красноватым и носила мини-юбки, после свадьбы как-то очень быстро вернула волосам чёрный цвет, а юбкам нормальную длину и стала таскать из магазина тяжёлые сумки. Ей вообще нравились японские молодые. Ей легче было с ними, чем с их отцами. Она играла со студентами в теннис, вместе с ними плавала, каталась на горных лыжах, играла на пианино… Её японские сверстники ничего этого не умели. Они больше походили на её родителей, отдававших всю жизнь только самозабвенной работе и дому — ни на что другое у них не оставалось ни времени, ни сил. Японцы словно отставали от русских на одно поколение.

Ей нравились японские молодые. Они отличались от своих западных сверстников трудолюбием, скромностью, послушанием, дисциплиной… Здешние школьники ходили по улицам спокойно, не хулиганя и не оглашая окрестностей криками, даже маленькие дети не шумели, словно их вышколили ещё в колыбели. Конечно, здесь были чёрные мотоциклисты, но, в общем, с ними всё было в порядке, с молодыми японцами.

— Так только кажется на сторонний, иностранный взгляд, — отмахнулась Мидори.

Значит, глаз японский различал тонкие волосяные трещинки разрушения? Значит, здесь существовала другая точка отсчёта и тот, кто для человека западного казался прилежным тружеником и ревнителем традиций, японцу представлялся бездельником, разбазаривающим достояние отцов?

Впрочем, и её взгляд, взгляд иностранки уже улавливал признаки порчи. Она шла по улице, отмечая, как танцуют под американскую музыку прямо на тротуаре девочки с розовыми волосами и зелёными ногтями. Посреди улицы журналист предлагал молодым женщинам почистить пупки палочкой, обёрнутой ваткой. И японки, преодолевая японскую стыдливость, оголяли перед телекамерой животы, принимая из рук парня премию — три тысячи йен. Возле газетного киоска хохотали два подростка — они купили потешные американские картинки с девушками и, потерев ластиками их юбки, проявили трусики. Парни постарше выстроились в длинную очередь, расхватывая

новые компьютерные программы американца Гейтса, который смотрел на них с большого плаката, ухмыляясь веснушчатой физиономией. Молодёжь заполняла Макдональдсы, закусывая кока-колу гамбургерами с кетчупом, не с соевым соусом. Владения Макдональдса и Кентукки Фрайд Чиккен стояли тесно, перемежаемые магазинами джинсов и американских видеофильмов, киосками, торгующими жареными сосисками и сливочным мороженым. Японские дети росли на той же пище, что и американские. Одевались в те же джинсы и ковбойки. И восхищались пластмассовыми уродствами Диснейлэнда. Америка закреплялась на будущее на Японских островах.

Мы стали патриотами

Эй, не уступай,
Тощая лягушка!
Исса за тебя.
Исса

Хочешь узнать себя — спроси других.
Японская пословица

В лаборатории Кобаяси появился новый гость — профессор Карлинский из Канады. Прочитав единственную лекцию студентам, он целый месяц маялся бездельем, коротая время в электронной переписке с Канадой, с женой. Пять лет назад, когда Карлинский ещё жил в Варшаве, он приезжал к ней в Россию, восхищался Москвой и говорил по-русски:

— Я поляк. — Теперь он представлялся по-английски: — Я из Канады…

Перед отъездом Карлинского Хидэо устроил званый ужин у себя дома. Гость принёс в подарок хозяину канадский кленовый сироп и альбом с видами Оттавы и всячески нахваливал свою новую родину. И Японию.

— Японцы — идеальный материал для построения совершенного общества. Для японца прежде всего покорность, а это укрепляет нацию, служит её единству. В Японии главное — подчиняться. И поглядите, как Япония хороша! А в России подчиняться никто не хочет. В России все личности, — пан Карлинский морщился. — Личности — не лучший строительный материал для общества. Вот у вас и творится чёрт знает что! —

Хидэо согласно кивал, хотя в словах Карлинского было больше обидного для Японии, чем для России, где все — личности. — Русским следует учиться у японцев покорности и… — Карлинский замешкался, подыскивая английское слово.

Она безжалостно врезалась в паузу по-русски:

— У всякой страны бывают плохие времена. Но времена меняются. А вдруг мы выкарабкаемся? И окажется, что страна, где каждый — личность, не так уж и плоха?

— Мне пора! — пан Карлинский поднялся. — Мне завтра улетать…

В его устах это звучало как "мне завтра умирать." Пан Карлинский смертельно боялся самолётов.

На следующее утро Хидэо пришёл на работу раздражённый и прицепился к сущей мелочи: она приготовила черновик совместной работы как обычный черновик — с пометками, пробелами… Японский же обычай велел и черновики писать идеально. А она пожалела времени, особенно дорогого теперь, перед отъездом.

— Я давно заметил — Вы безалаберно относитесь к работе! — негодовал Хидэо. — Теперь я не удивляюсь, что в Вашей стране творится столько безобразий, если все русские такие, как Вы!

К позорному столбу пригвождали не только её, но и державу! За державу ей стало особенно обидно. Раньше, пока был Советский Союз и его мощь, Хидэо так не говорил. А теперь, когда её родина ослабела, решил, что можно не церемониться? Она почувствовала, как где-то внутри шевельнулся и стал расправлять маленькие плечики совсем забытый, забитый патриотизм. Конечно, её страна — не рай, но и Япония… Она припомнила, как японские полицейские продержали её сорок минут в аэропорту из-за неправильной записи в бумагах, присланных из Японии. Как токийские коллеги просто забыли встретить русскую группу, и она зависла в аэропорту и выбралась только с помощью русского дипломата… Она не обвиняла японцев в безалаберности, она просто сказала — проблемы встречаются в любой стране.

Наутро Хидэо пригласил её на лабораторное чаепитие, устроенное без особого повода, просто потому, что жена испекла торт. Неудивительно, что Намико знала обо всех их стычках — после каждой муж приказывал ей печь торт. Существовал в Японии такой способ загладить вину — одарить обиженного. Хидэо заканчивал размолвки чаепитиями, Зухра после сорванного вроде из-за тайфуна визита принесла дорогой подарок… Наверное, японцы верили, что в результате обиженный, связанный долгом благодарности, забудет обиду. А простая мысль — не обижать — здешним людям в голову не приходила.

— Я очень боюсь, что Вы будете плохо говорить о Японии, когда уедете, — Хидэо встревожено заглядывал ей в лицо.

Он словно только теперь сообразил — покинув Японию, она лишит его возможности контролировать её разговоры, встречи… И понял — торта тут мало. Однажды он вошёл в её кабинет сияющий.

— Я сумел устроить так, что Вы сможете приехать в Японию ещё раз, на конгресс. Я поговорил тут кое с кем… Мы не хотим, чтобы у Вас осталось нехорошее впечатление о нашей стране.

Конгресс в подарок, чтобы забыть обиды? Но её работу, которую она послала на конгресс, отвергли.

— Я потрясён Вашей новой работой, — говорил ей пару лет назад американский профессор. — Я велел своему студенту её повторить.

Теперь эту работу представлял на конгрессе американец. В программе, которую верстал японско-американский оргкомитет, докладчики из США чередовались с японцами, разбавленными парочкой немцев, одним французом, бельгийцем… Всё было, как всегда. Из России если и приглашали кого, то непременно либо татарина, либо еврея. Много стало политики в науке. Так много, что для науки места не осталось.

Но если кто-то так пристально отслеживает твою национальность и только на этом строит отношения, поневоле станешь патриотом.

— Мой доклад не приняли на конгресс, — сухо сказала она.

— Да какая разница, будет ли Ваш доклад в программе? — раздражённо прервал её Хидэо. — Мы нашли спонсора, который выделил Вам деньги! Больше, чем необходимо на поездку!

Значит, иностранные коллеги привыкли к мысли: заплати русскому, и он согласится на всё. И достаточно было учёных из России, которые поддерживали эту идею: попрошайничали, выклянчивали подачки у брезгливо улыбающихся иностранцев.

— Я не поеду без доклада! Тратить японские деньги на прогулки я не могу! — ответила она.

Хидэо посмотрел на неё с изумлением — он привык, конечно, к её строптивости, но такого не ожидал! Он не мог поверить в столь немыслимую вещь — русская отказывалась ехать в Японию!

— Можно попытаться поставить Ваш доклад сверх программы, — неуверенно пробормотал Хидэо.

Втискивать Россию сверх программы — и с этим пора было кончать! Она сказала "нет" ещё раз.

Не справившись с нею самостоятельно, Хидэо решил ввести в бой тяжёлую артиллерию. Через несколько дней он передал ей официальное приглашение, подписанное самим председателем

конгресса Нагаи.

— Моё решение не зависит от ранга приглашающего, даже если этот ранг так высок, как у уважаемого сэнсэя Нагаи, — вежливо сообщила она.

Хидэо, не смирившись с поражением, ответил тоном абсолютно ледяным:

— Вы упускаете прекрасную возможность приехать в Японию ещё раз. Ведь у Вас в России нет финансовых возможностей для научных поездок.

Хидэо был прав. Возможностей не было. Но…

— В последнее время эти поездки потеряли смысл, международные научные конгрессы постоянно приглашают одних и тех же людей, которые говорят из года в год одно и то же.

— Да, к сожалению, Вы правы, — забормотал Хидэо. Он сник, помрачнел. Но быстро собрался. Заметил жёстко, словно мстя ей: — Учтите, согласно контракту Вы должны покинуть Японию не позже первого марта.

И посмотрел на неё так, словно подозревал, что она попытается хитростью продлить удовольствие жить в Японии.

— Я уеду раньше, — сказала она.

Хидэо изумлённо вскинул брови. Сказал совершенно растерянно:

— Но все русские хотят остаться…

Кумэда, севший вечером в тот же автобус, что и она, тоже удивился:

— Уезжаете? Уже? Странно. Русские всегда ищут какую-нибудь возможность пожить у нас подольше. Мой сотрудник Гриша-сан после первого года очень старался найти новый контракт.

Ну что тут поделаешь, коли в японских головах прочно засел стандарт: все русские — голубоглазы и светловолосы, все нищие и все хотят жить в богатой Японии. Как Гриша-сан.

— Уже уезжаете? Так быстро? — Миша с Гришей встретились ей на Ягияме. — Значит, не понравились Вы тут, не пришлись.

Их улыбки отдавали превосходством — они оставались. Но раз Миша с Гришей оставались, ей самое время было уезжать.

Вечером она смотрела по телевизору урок русского языка. Бойкий малый рассказывал, как нравится ему всё в Японии, особенно татами, где мужчина чувствует себя мужчиной.

— Когда мы стали спать на татами, моя жена по-новому оценила меня. Надо бы и в России в каждом доме завести татами.

Ей было стыдно за скабрёзное, невнятное бормотание, из которого научиться русскому языку невозможно, за пошлую ухмылку. Ведь японцы подумают — все русские такие. Для них

русские — единое тело. Как японцы. Позвонила Анна.

— И я скоро уезжаю…

Анне предлагали поработать в Японии ещё, но она отказалась. Японцы удивились, обиделись:

— Вы должны быть счастливы предложением работать в Японии! Ведь в России Вы не имеете таких условий…

— А какие тут условия? — сердилась Анна. — Холод, одиночество, рутина! Да я в Москве более насыщенной жизнью живу — у меня там работа интереснее, семья, сослуживцы, друзья! А тут со мной после отказа остаться вообще перестали разговаривать. Даже те крохи общения, что были, и те исчезли!

Дома в Москве ждали Анну пенсионеры-родители, сын-студент с семьёй и мизерная, как милостыня, зарплата русской Академии наук.

- Да чёрт с ними, с деньгами, — горячилась Анна. — Не могу я тут больше. Свихнусь! И никакие деньги не помогут! — Голос Анны потух. — Я начала учить японский в семнадцать лет. Япония была моей мечтой, я ей всю жизнь отдала. А теперь вот думаю, на что я потратила свою жизнь? — Анна приглашала сходить вместе в Мицукоши, купить новые платья для приёма у ректора. — Я и платья для работы там покупаю, денег не жалею, — созналась Анна. — Иначе нельзя! Я же японским студентам лекции про русскую экономику читаю, про наш теперешний кризис. А они ручки кладут, прекращают записывать, говорят: "Простите, сэнсэй, Вы, видно, ошиблись, такое падение производства, как у вас, это коллапс, конец, у нас в учебнике так написано." — Анна рассмеялась. — В учебнике у них видите ли написано, что нам конец! Понимаешь, зачем мне нужны дорогие платья?

Она понимала.

Две русские женщины в красивых платьях от Мицукоши прошли по залу под восхищёнными взглядами сэнсэев. Сели рядом. Услыхав, как представляют её:

— Профессор… Россия… Москва… — она почувствовала незнакомый спазм в горле.

В банкетном зале к ней подошёл Хидэо, заговорил печально:

— Я очень боюсь, что Вы будете плохо говорить о Японии. — И вдруг зачастил взволнованно, горячо: — Если у Вас возникли проблемы в нашей стране, то дело тут вовсе не в японских порядках! Это я плохой, я, а не Япония!

Он готов был взять грехи Родины на себя. Прикрыть её грудью. Ну, как тут не стать патриотами? Среди таких-то людей.

Глава XIV. Разлуки миг наступил

Уходит земля из-под ног.
За лёгкий колос хватаюсь…
Разлуки миг наступил.
Басё

Сайонара-сэйл

Обметают копоть.
Для себя на этот раз
Плотник полку ладит.
Басё

— Вы должны сдать квартиру такой же, какой получили её, то есть пустой, — говорили дамы из Шимин-центра. — Таков наш обычай. Если Вы оставите мебель, хозяин потребует деньги за вывоз. Потому что меблированные квартиры у нас не сдают.

В других странах за оставленную мебель жильцу платил хозяин. Но в Японии всё наоборот. Японки советовали ей отвезти вещи на мусоросжигательный завод, заплатив за машину.

— Зачем платить, если можно получить деньги! — возмутилась Вероника. — Продайте мебель, объявите сайонара-сэйл! Так делают многие иностранцы.

Объявление про сайонара-сэйл, то есть распродажу по случаю отъезда, следовало повесить в Кокусаи-центре. Вероника уже сделала так. Ведь они тоже уезжали.

— Вы решили продать мебель? — всполошился Хидэо. — Ну, что Вы сможете получить за это старьё? Ничтожную сумму!

Конечно, цены сайонара-сэйла были бросовые — за всё её добро удалось бы выручить долларов пятьсот. По-японски, конечно, гроши, а по-русски — немалые деньги. Заметная прибавка к её сбережениям, совсем небольшим — японская дороговизна съедала даже её немалую зарплату: ман в месяц на автобус, ман — свет, газ, керосин, вода, полтора мана — телефон, ещё столько же — столовские обеды… А ман — сто долларов. Так было весной. Летом йена поднялась до восьмидесяти за доллар, но к концу осени, когда у неё только-только стали скапливаться первые сбережения, упала — за доллар приходилось платить сто двадцать йен.

Японцы на пятидесятипроцентное падение национальной валюты внимания не обратили — цены в стране не шелохнулись — недаром их печатали на упаковке в типографии. Но для неё падение йены означало сокращение сбережений в полтора раза! Ведь везти в Москву предстояло доллары.

— Йена упала? — Хидэо удивился — он услыхал об этом впервые. И равнодушно пожал плечами. — Ну и что? Кстати, после Вас в Вашей квартире будет жить американский профессор Кларк!

Спина Хидэо согнулась в почтительном поклоне, словно американский профессор уже стоял перед ним, и в голосе зазвучало благоговение. Но заплатить за это благоговение предстояло ей.

— Мебель не продавайте! — приказал Хидэо — И телефон оставьте. Оставьте всё, как есть! — Хидэо не хотел заставлять американца тратиться. — Как много мебели Вы купили! Как хорошо устроили всё! — радовался Хидэо, обходя квартиру.

Её научным результатам он никогда не радовался так. Да ведь они почти не влияли на репутацию сэнсэя, эти научные результаты. А визиты иностранцев выгодно представляли его перед начальством, укрепляли его авторитет в мировом научном сообществе. И создавали задел на будущее — по законам этого сообщества гость в ответ должен был пригласить хозяина к себе. Учёные всего мира, как японцы, чтили долг благодарности.

— После американца меня посетит профессор из Германии. Вы видели его в Фукуоке, он очень стар. Ему неудобно будет спать на татами. Жаль, что Вы не купили кровать. Я хочу сохранить эту квартиру надолго для своих иностранных гостей…

Хидэо обходил квартиру так, словно принимал хозяйство. А она брела за ним, печально думая — может, в этом и была её главная роль — обустроить гостевую квартирку? И потому Хидэо первой пригласил её, женщину, чтобы купить мебель, навести уют… И уплатить положенный при въезде взнос, совсем немалый.

Жилец, снимающий в Японии частную квартиру, должен сделать подарок хозяину — внести лишнюю месячную плату. Столько же полагалось за работу агенту по найму — в законопослушной стране дикой аренды жилья без контрактов не существовало. Кроме того, трёхмесячную сумму хозяин брал в залог. Итого, плату за пять месяцев — три тысячи долларов — пришлось отдать просто так.

— Такова наша традиция, — пожимал плечами Хидэо.

Ей традиция не понравилась. Но заплатить пришлось, утешаясь тем, что к ней вернётся хотя бы залог, страховочные деньги, которые платят на случай, если жилец что-нибудь

сломает, разобьёт… Но она ничего не била, не ломала…

— В Японии залог не возвращается, — разрушил её надежды Хидэо. — Залог уходит на смену татами, на переклейку свежей бумагой раздвижных дверей, шкафов… Татами меняют после каждого жильца.

Она готова была поверить, потому что татами — вроде постели, на них спят, по ним ходят босиком, их невозможно чисто вымыть…

— Ещё триста долларов из залога уйдёт на профессиональное мытьё после Вашего отъезда, — объяснял Хидэо.

При её въезде квартира не блистала чистотой. Может, это и называлось "профессиональное мытьё"?

— Мы, японцы, любим чистоту, — Хидэо говорил заинтересованно, горячо. Он был на стороне квартирного хозяина, не желавшего вернуть ей залог.

— Хозяин тут вовсе не при чём, — ворчал Никола, — просто залог возвращается, когда освобождают квартиру. А твоё жильё остаётся ждать американца.

— И нет такого правила — менять татами после каждого жильца! — негодовала Вероника, — Мы на старые татами въехали, да и ты тоже. Наш квартирный хозяин полностью вернул нам залог! Но, может, он такой добрый потому, что я бесплатно учила английскому его сына? Их, японцев, не поймёшь!

— Залог за телефонный аппарат ты тоже потеряешь, — уныло произнёс Никола, — ведь твой сэнсэй приказал не расторгать договор с телефонной компанией.

— Подумаешь, залог за телефон! Это же мелочи! Какие-то сорок долларов! — досадливо отмахнулся Хидэо. — Есть ещё одна деталь — Ваш контракт заканчивается на месяц раньше, чем договор об аренде квартиры, Вам надлежит заплатить за этот месяц тоже.

С неё хотели получить ещё шестьсот долларов сверх уже потерянных трёх тысяч! Она обиделась. Хидэо рассердился:

— Вы не понимаете, как Вам повезло! Жильё в Японии так дорого, а Вам оно досталось даром!

Это словечко "даром" было сильным преувеличением. Да, по условиям контракта её жильё оплачивал Токийский научный фонд. Но не полностью. Один ман из суммы аренды стипендиат должен был почему-то покрывать за свой счёт. За год из этих манов сложилась тысяча двести долларов — стоимость двухмесячной аренды. Если прибавить сюда три тысячи при въезде и ещё шестьсот за месяц, который она не будет тут жить, то получалось, что квартира оплачивалась почти дважды: за год фондом и за восемь месяцев — из её кармана. Квартира

превращалась в мощный отсос, опущенный одним концом в её тощий кошелёк, облегчённый почти на пять тысяч долларов! А ведь она говорила Хидэо, что такая большая квартира ей не нужна. А он смеялся:

— Да что Вы беспокоитесь, квартиру оплачивает фонд!

Зная заранее про все эти японские штучки, он мог бы снять квартиру подешевле! Хидэо слушал её, всё больше раздражаясь. Потом вскочил, принялся торопливо писать на доске столбики цифр. Его суммы с её расчётами не сходились.

— Этот дополнительный месяц я оплачу из своих денег! Своих! — воскликнул он, доставая из стола пакетик.

Этот пакетик явился на свет после её поездки на Кюсю.

— Я обещал компенсировать Ваши расходы на конференцию. Вот деньги! — сказал Хидэо после её возвращения и протянул запечатанный пакетик. Написанная на нём сумма была гораздо меньше той, которую она ожидала.

— Здесь только стоимость авиабилета, — пояснил Хидэо. — Ведь Ваш отель был оплачен спонсорами, а организационный взнос Вы в состоянии покрыть и сами. Да, это дорого, шестьсот долларов, но сверх зарплаты научный фонд дал Вам деньги на поездки по Японии — тысячу долларов.

Она имела право использовать эти дополнительные средства по своему усмотрению, так было написано в контракте. Но Хидэо вынудил её потратить их на никчёмную конференцию, не предупредив заранее.

— Деньги, которые Вам платит фонд, предназначены только для Вашей работы в Японии, а не для накопления! — строго выговаривал ей Хидэо, не скрывая — он старается, чтобы накоплений у неё не возникало.

Сам сэнсэй ездил в научные командировки исключительно за казённый счёт и немало возмутился бы, предложи ему кто-нибудь расплачиваться из своего кармана. Но он — другое дело. Тогда она расстроилась, но спорить с Хидэо из-за денег посчитала неприличным. И, проглотив обиду, молча протянула руку, чтобы забрать хотя бы плату за билет. Но пакетик качнулся перед её носом и отодвинулся, как кошелёк на верёвочке, который шутник отдёргивает, когда нагибаешься за ним. С ней играли в скверную игру.

— Я не отдам Вам эти деньги! — радостно сообщил Хидэо, пряча пакет в стол. — Буду хранить у себя. Вдруг у Вас появятся дополнительные расходы… — Теперь сэнсэй вновь достал пакетик. — Видите, как хорошо я придумал! Вам не придётся платить за этот лишний месяц из своего кармана!

Хидэо широко улыбался, радуясь собственной мудрости. И

приглашал её порадоваться вместе. Но она рассердилась:

— Эти деньги — мои, хотя они и хранились в Вашем столе!

— Нет, мои, мои! — разволновался Хидэо. — Я взял их из моего лабораторного фонда!

— Но в таком случае Вы нарушили своё обещание, не заплатили за мою поездку на Кюсю!

— Заплатил! Заплатил! Вот эта плата! — Хидэо болтал в воздухе пакетиком, едва не задевая её лицо. — А теперь я использую их, чтобы заплатить за этот лишний месяц! Если Вы не доверяете мне, я могу написать расписку! Хидэо с оскорблённым видом принялся писать расписку. — Я не думал, что между нами возникнут финансовые проблемы!

— Вообще-то, Хидэо, финансовые проблемы возникли между мною и квартирным хозяином, который дерёт с меня три шкуры! А Вы тут вовсе не при чём, — осторожно начала она. — Я никогда не видела этого хозяина, но теперь, может быть, мне стоит с ним познакомиться? И убедить его, что платить за квартиру после отъезда — это слишком даже для японских традиций!

— Вы хотите поговорить с ним сами? — Хидэо побледнел. — Так Вы мне действительно не доверяете? Вы подозреваете, что я обманываю Вас! О, Вы ужасно подозрительны! Вот, посмотрите! Я регулярно перевожу Ваши взносы в банк!

Хидэо бросился к шкафу, выхватил с полки папку с аккуратно подклеенными квитанциями. Техника была такова: научный фонд, поставленный в известность о размере квартплаты, перечислял деньги на её банковский счёт, она забирала их оттуда и отдавала Хидэо, который пересылал положенную сумму квартирному хозяину. Она не сомневалась, что там всё было в порядке. Да она и не говорила об этих взносах вовсе! Почему Хидэо понял её так? И почему разволновался так из-за возможности её встречи с квартирным хозяином?

— Я не придумал этот месяц! — кричал Хидэо. — Меньше, чем на год, квартиру в Японии не сдают! Таковы наши традиции!

— Да нет никакой такой японской традиции драть с человека плату за то время, которое он в квартире не живёт! Надо просто за месяц предупредить, что съезжаешь. И нет традиции сдавать квартиру на год! — сердился Никола, наливая ей сливовую настойку.

Ужинать в одиночестве после такого бурного дня она не смогла, пришла спасаться к Николе. А поздно вечером позвонила Анна, посочувствовала.

— Очень невыгодно снимать частную квартиру на такой короткий срок. Зря ты согласилась!

Да разве её спрашивали? Сама Анна, как большинство

иностранцев, жила в университетском доме. Квартплата там была смешная: семь тысяч йен в месяц. И никаких подарков и залогов. Но когда она приехала, Хидэо сказал, что в служебных домах мест нет. Может, так оно и было. А может, Хидэо воплощал в жизнь свою мечту о гостевой квартирке? Только очень преуспевающая лаборатория могла себе позволить роскошь привезти американского профессора прямо с вокзала в уютное гнёздышко…

Утром в коридоре университета Хидэо мрачно бросил ей:

— Зайдите в кабинет! — он не поздоровался, не предложил сесть. — Вам повезло. На Вашу квартиру нашёлся новый съёмщик и хозяин не будет требовать с Вас платы за лишний месяц! — Хидэо говорил, глядя в сторону.

Был понедельник, а неприятный разговор о лишнем месяце случился в пятницу вечером. Когда успел Хидэо позвонить хозяину? Когда тот успел связаться с квартирным бюро, которое в выходные не работает? И как смогли они за одно утро найти нового съёмщика? И куда же собирался поселить теперь сэнсэй американца? Ведь продавать мебель и телефон Хидэо ей по-прежнему не велел. Ей стало неловко за Хидэо. А он достал пакетик с деньгами, почти бросил на стол.

— Возьмите!

А ведь Хидэо полагалось радоваться, что его иностранная гостья избежит лишних трат ввиду столь чудесного возникновения нового жильца. Но Хидэо был зол. Не потому ли, что деньги вместо того, чтобы перекочевать в карман японского квартирного хозяина, теперь уедут из Японии? А за тот месяц, что квартира будет ждать американца, придётся заплатить сэнсэю? Не из своей зарплаты, конечно, из лабораторного фонда. Но его можно потратить иначе, например, купить новый компьютер для студентов…

— Теперь я вижу, что деньги интересуют Вас слишком сильно! — брезгливо поморщился Хидэо.

Те, кто знали её, рассмеялись бы. Но она обиделась.

— Люди, пристрастные к деньгам, не работают в науке.

Тезис провалился в пустоту. Сэнсэй её не слушал. Он был слишком поглощён борьбой за каждую йену, которую он хотел сохранить для Японии. Любой ценой. Даже если эта цена была — их дружба. Он без колебаний соглашался эту цену платить.

— О, Вы — человек совсем другого сорта! Не то, что я и моя жена! Мы преданы науке! Нас не волнуют финансовые проблемы!

Он говорил ещё что-то несправедливое, обидное. И с каждым словом терял её, терял. И не останавливала его японская практичность: ведь это нерасчётливо — потратить столько сил,

чтобы получить для неё контракт, устроить, приспособить к совместной работе и в самом конце этой работы потерять. Потерять выгодного партнёра: в пачке работ, сделанных ею с Хидэо, было больше ста страниц. Но профессору словно наплевать было на все эти научные работы…

— Большинство людей, что встречались мне, оставались моими друзьями на всю жизнь, — скорбно выговаривал Хидэо.

Её он к таковым явно не причислял.

Я друга теряю…

В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень.
Белеет свежий срез.
Басё

— Уезжаем! Скоро уезжаем! — радостно грохотал Никола. — А как тут жить? Какие тут женщины? Одни плоскости! А я изгибы люблю! Потому мы в Мексику и уезжаем! Там у женщин с изгибами всё в порядке!

Вероника, смеясь, хлопала мужа ладошкой по плечу:

— Болтунишка!

— В Мексике нам будет хорошо! У Вероники там родители, у меня работа, постоянное место, не то, что тут — временный контракт. А общий язык с ними я найду! Я и с японцами ладил. — Никола улыбался. — Они меня так хорошо провожали! Вечеринку устроили, куклу подарили деревянную — кокеши. Благодарили, даже качали! — Он гордо выпятил грудь. — Мы с тобой тут хорошо жили! А уедем — будем выживать в другой стране. Мы с тобой нигде не пропадём! — Никола вдруг погрустнел. — Кончается моё процветание! Так хорошо, как здесь, мне вряд ли где-нибудь будут платить. Зато в Мексике даже на меньшие деньги мы сможем купить большой дом, нанять служанку, там это дёшево! Эй, Вероника! Ты, может, последние дни сама посуду моешь! — И Никола засмеялся, откупоривая свою любимую сливовую настойку.

В квартире было пусто. Телевизор, холодильник, стиральную машину отправили в Мексику.

— В Японии самая лучшая техника, — солидно объяснял Никола. — Вот мы и решили увезти всё с собой. Тем более, что за контейнер по условиям контракта платят японцы.

Мебель Вероника продала — устроила сайонара-сэйл. Спать теперь им приходилось прямо на татами. Только для девочек устроили постель из одеяла русской сеньоры. На уцелевшем пока столе накрыли прощальный ужин. Вероника уселась на коленях у мужа — в доме оставались две последние табуретки, такие знакомые. Она иногда брала их у Николы, когда ждала гостей. Конечно, проще было бы, как в России, попросить стулья у соседей. Но она не знала, удобно ли здесь одалживать стулья? Да и есть ли они у соседей? А Никола без лишних слов грузил табуретки в багажник машины и привозил.

— Выпьем за новые страны! — гаркнул Никола. И вдруг сказал неожиданно тихо: — Больше всего я был счастлив в своей Югославии, в родном Загребе. И в Белграде. Я учился там в аспирантуре у профессора, очень сильного в нашей области. Он был серб. Тогда никто не разбирался — кто серб, кто хорват… Это позже началось. Директор моего института в Загребе стал ворчать, что я для своей аспирантуры серба нашёл. — Никола замолчал, улыбаясь. Наверное, вспоминал, как счастлив был в Белграде. — Только денег там платили совсем мало. Мне отец помогал, иначе я бы не выжил. — Никола тряхнул головой, отгоняя воспоминания. — Выпьем за то, чтобы мы жили всё лучше и лучше!

— И за то, чтобы у вас, учёных, была работа! — вставила Вероника.

— Да, с работой становится всё хуже, — затосковал Никола.

— Плохая ваша наука, — сказала Вероника. — Пока шла вверх война и все вооружались, шла вверх и ваша физика. — Вероника показала правой рукой войну, а левой физику. Руки двигались в одном направлении.

— Это правда, спрос на науку падает, — вздохнул Никола. — Мы стали не нужны. Мой здешний друг, серб, остался без места. Японцы отказались продлить его контракт, а в других странах он места не нашёл — ни в Австралии, ни в Америке. Рынок труда в американской науке расстроен. Да ещё из Китая прёт поток дешёвой рабочей силы, готовой работать за что угодно, за чашку риса. Конечно, университеты нанимают их — на дорогих сотрудников денег не хватает — бюджет сокращается каждый год. Нам надо искать ещё неосвоенные учёными места, такие, как Мексика. Или консервативные, как Япония. Завтра сюда из Америки поедут подзаработать — здесь платят больше. Но поедут только старые профессора. Головастые мальчики и девочки в физику больше не идут. Они компьютеры предпочитают, банки… — Никола грустно улыбнулся. — Ну что же, если не прокормлюсь наукой, пойду картинами торговать. Я уже пробовал

подрабатывать этим в Загребе, когда в институте стали совсем мало платить. Или открою агентство по найму прислуги. В Мексике у всех прислуга. Найти её — проблема, через знакомых ищут. А я поставлю это дело на научную основу. Буду девушек сам учить. Как ты думаешь, Вероника, справлюсь? — Никола рассмеялся. Но глаза у него были печальные.

В дверь позвонили. Подружка Вероники из католической церкви, перуанка, и её японский муж приехали забрать купленную ими мебель — стол и последние две табуретки.

— В Японии полно перуанок, — шепнул ей на ухо Никола. — В Перу работает много молодых японцев, у них там президент свой, японский — Фудзимори.

Перуанка отдала Николе тощенькую пачку йен.

— Я — коммерсант! — хвастался Никола. — Так выгодно всё продал!

Хвастать не стоило — цены сайонара-сэйла были скромные. Но для Николы это было как игра — купить, продать… Он сунул деньги в карман, не считая. И сдачу в магазине не пересчитывал никогда, презирал это занятие. А мелочь отдавал дочке — в коробке из-под печенья скопилось монеток на добрую сотню долларов.

- Пусть ребёнок играет! — отмахивался Никола. — А уедем, хозяину оставим…

Сливовую настойку допивали стоя.

— Без стола обойдёмся, — не унывал Никола. — А вот как без телевизора жить? Целых два дня! Я его с утра включаю по дороге в ванную.

— Он вообще всё, что есть в квартире, постоянно включает! — с улыбкой жаловалась Вероника. — Я устаю за ним свет гасить! Совсем не умеет экономить! Ох уж это социалистическое воспитание!

— Мне что, в темноте жить? — возмутился Никола. — А от японской скаредности меня тошнит.

Она предложила друзьям свой телевизор, тот, что с тротуара.

— Завтра заберу! — пообещал Никола.

Но назавтра не пришёл. А позвонить ему было нельзя: телефонная линия продана, телефон отключён. Пришлось зайти.

— Телевизор мы купили, — встретил её Никола, — на распродаже, очень дёшево. Он маленький, мы его с собой в самолёт возьмём в сумочке. — Сумочку тоже пришлось купить. — Зато параболическую антенну с собой не повезём, — радостно сообщил Никола, — не годится она для Мексики. Я её своему сэнсэю в подарок оставлю.

В прихожей Вероника сунула ей в руки два огромных пакета:

— Много всякой еды осталось, не рассчитала… — И улыбнулась смущённо. — Мы с Николой всё покупаем! Удержаться не можем…

В день отъезда друзей она зашла к ним. Скудный свет зимнего утра освещал квартиру. Вероника и Никола, уже одетые в дорогу, ходили в белых носках, похожих на перчатки, где каждый палец отделён. Кажется, такие делали только в Японии.

— Это хорошо для влажного климата, грибком не заболеешь и в дорогу удобно, — пошевелил пальцами Никола.

Шумный Никола сегодня был грустен. Бледная Элизабет ничего не ела.

— И спала она плохо, — волновалась мать, — переживала, все ли игрушки взяли с собой.

Завтракали всухомятку — посуда была упакована. Она сбегала домой, сварила для девочки кашу, принесла, закутав в полотенце, покормила с ложки.

— И как мы всё это увезём? — ужасалась Вероника, бросая тоскливые взгляды на гору чемоданов и сумок.

— Поэтому я вам подарки принесла маленькие… — она протянула Николе запонки с уральскими самоцветами, надела на палец Вероники кольцо ростовской эмали, застегнула на шее Элизабет янтарные бусы.

— Мы тебе тоже маленькое приготовили, — Никола достал из кармана пиджака коробочку. На бархате поблёскивала подвеска — оправленная в золото жемчужина. — Будет тебе память о Японии, — необычно тихо сказал Никола. — И о нас… — Он отвернулся к окну, вытер ладонью глаза. — Я теперь друга теряю…

В прихожей она обняла Николу, поцеловала Веронику и малышку Изабеллу. Элизабет не повисла, как обычно, у неё на шее, а стала струночкой, сказала серьёзно по-испански:

— Я всегда буду хранить Вас в своём сердце, сеньора.

— Нет, нет, я не учила её! Это она сама! — улыбнулась Вероника. И погладила дочку по голове. — Она же мексиканочка! У нас в Мексике все так говорят.

На следующее утро небо заморосило чем-то серым. По дороге к автобусной остановке она прошла мимо дома, где жили друзья. За окнами пустой квартиры было темно. Возле забора, на площадке для мусора валялась большая сумка, полная бутылок с широкими горлышками. В таких продавали любимый Николин напиток — настойку из горьких японских слив.

Яблоки из Аомори

Облака вишнёвых цветов!
Звон колокольный доплыл…
Из Уэно или Асакуса?
Басё

В Леночкином календаре со скворцом она отметила дату своего отъезда. Красным отметила, как праздник, и стала вычёркивать крестиками прожитые дни. Во многих странах скучала она по дому, но чтобы так, до крестиков… Будни, занятые работой, проходили легко. Но выходные… В холодном, выцветшем зимнем городе они зияли пустотой. Слоняться без дела по Ичибанчо не хотелось — подарки давно были куплены, места в чемоданах не оставалось. Она поехала в Ринодзи. Клочья скудного снега лежали на берегах прудика с притихшими золотыми карпами, на каменных фонарях. Места, казавшиеся прежде такими милыми, теперь мучили воспоминаниями, тоской. Она отправилась на горячие источники, выбрав самый экзотический — вырытый прямо на полянке бассейн. Мужчины и женщины выходили из раздевалки, закутавшись в простыни, и, поёживаясь от холода, босиком трусили по каменной тропинке, проложенной среди заснеженной травы к общей ванне. Отогреваясь в горячей воде, она с опаской поглядывала на порошащее снегом хмурое небо и вспоминала яркий осенний день, который они с мужем так славно провели в обществе Сэя и Сёко.

За неделю до её отъезда студенты устроили поездку в горы. Специально для неё, на прощание. Покататься на горных лыжах здешним людям было нетрудно: оборудованные трассы располагались недалеко от города, в соседней префектуре Ямагата, всего в часе езды, а горные лыжи давали напрокат в университетском спортклубе, так ей сказали русские. Японцы об этом не знали — у каждого из них было своё снаряжение. Она попросила Митико заказать ей такси, чтобы привезти из спортклуба лыжи. Но Митико возмутилась:

— Зачем Вам тратить деньги? Попросите Адачи, ему очень повезло, что он работает с Вами! То, что он сделал, вполне может стать дипломной работой.

Да, со временем как-то так устроилось, что умница Адачи стал работать с ней, хотя формально его руководителем считался доктор Чен. И сложная схема передачи её указаний студенту через шефа сама собой упростилась — они работали теперь напрямую: она говорила, Адачи делал. А доктор Чен тихо сидел в сторонке. Сэнсэй не возражал — так получалось быстрее. Всё

устроилось. Япония привыкла к ней, она — к Японии…

— Я не знаю, где спортклуб, — смутился Адачи. Пришлось показывать ему дорогу. — Лыжи дают бесплатно? — удивился он. — Выходит, зря я их купил.

Немолодая тихая женщина, не спросив у неё никаких бумаг, просто записала в книгу фамилию и факультет, заставила расписаться и выдала дорогие лыжи и модные ботинки, правда, из мужского отделения склада — женские размеры оказались ей малы. Лыжами, взятыми на тротуаре ещё весной, она пренебрегла. Не могла же она явиться перед студентами в снаряжении прошлого сезона!

В субботу утром четыре машины отбыли от подъезда факультета на запад, вглубь острова, в горы. Она ехала в машине Шимады. Хидэо с ними не было, он кататься не умел.

— А Вы где научились? — с интересом спросил он и, покачивая головой, недоверчиво выслушал её рассказ о ежегодных поездках на Кавказ, завершив беседу сообщением, что у него, японского профессора, ни времени, ни денег на такие развлечения миллионеров нет.

Но у подчинённых сэнсэя и время, и деньги, кажется, были. Студенты катались так, слово на склонах родились, Шимада и техник Ямазаки не отставали — все они часто бывали тут. Скоростной подъёмник был по карману и студенту, и доценту, и технику, хотя один подъём на небольшую горку стоил шестьсот йен, абонемент на день — четыре тысячи. Народ катался аккуратно, серьёзно, без лихости. Наездов можно было не опасаться. Новичков инструктора вели осторожно, перестраховываясь многократно. Учеников было много: группа ребят лет десяти в одинаковых костюмах, группа парней постарше, группа немолодых дам… И у всех через плечо — ленты с цепочками иероглифов — названия спортшкол.

Склоны были вычищены по-японски тщательно — до льда, до земли — снега небогато в здешних местах. А вот трасс было много.

— Народу приезжает немало. По воскресеньям приходится стоять по полчаса, — опытная Митико каталась здесь со своим другом каждую неделю.

Теперь девушка, явно томясь низкой скоростью, неизменно следовала за ней.

— Не беспокойся, я умею кататься, — обиделась она.

Но Митико своих настойчивых забот не оставила.

— Сэнсэй Кобаяси велел мне присмотреть за Вами, чтобы ничего не случилось, и Вы смогли бы спокойно уехать.

Обедать отправились в большую столовую. У входа Митико

смешала лыжины — одну свою, одну её. Воткнула новые пары в скобы стойки поодаль одну от другой. И подмигнула:

— Так не стащат!

Вместе с заморским видом спорта в Японию пришла и иностранная манера воровать.

Китаец Чен неумело пристегнул крепления — на лыжах он стоял впервые в жизни. Соотечественники снабдили его приличным костюмом, а лыжи он вместе с Шимадой взял напрокат на горе — они не знали о существовании бесплатного университетского спортклуба. Чен не хотел отставать от коллектива. Он поднялся вместе со всеми наверх, оттолкнулся и тут же упал. Но, едва встав на ноги, вновь принялся карабкаться, падая, раздирая в кровь о ледяную корку лицо и руки. Выслушав её советы и соболезнования, он ответил холодно:

— Я наслаждаюсь катанием!

Заразившись примером Чена, она стойко прокаталась вместе со студентами до вечера. А дома без сил упала в свой футонг.

И в воскресенье не смогла подняться, провалялась до обеда. Толькопод вечер выбралась в город. В последний раз. Она шла по торговому центру, по знакомым галереям. Теперь они уже не слепили, как раньше. Сплошное сияние распалось на кусочки: вот Мицукоши, где так любила назначать свиданья Леночка, вот знакомый вдоль и поперёк, как дом родной, Дайе… Она шла по торговому центру как хозяйка. С её зарплатой — хотя ей платили втрое меньше, чем японскому профессору, — ей было по карману всё. Даже автомобиль. И она не покупала его просто потому, что он был ей не нужен.

Под стеклянными сводами пахло яблоками. Этот запах поселился тут осенью, когда фруктами торговали прямо из ящиков, на улице, отдавая дёшево — по двести и даже по сто йен за килограмм. Яблоки привозили в город из окрестностей Аомори. Там, на севере Хонсю, в почти русском климате хорошо росли яблоки — красные, сочные, очень вкусные — сладкие с кислинкой. Плоды были крупные и ровные, как пластмассовые, что заставляло заподозрить участие химии в их жизни. Но натуральных яблочек с изъянами, с червячком тут не водилось. А перед Рождеством стали продавать и вовсе чудесные большие и дорогие яблоки-подарки. На их красных боках красовались жёлто-зелёные картинки: Санта Клаус, рождественские колокола… Чтобы такие картинки получить, на созревающий плод наклеивали кусок прозрачной плёнки с чёрным рисунком — под ним яблоко не краснело. Иногда их так и продавали с плёнкой, чтобы покупатель, отклеив узор рисованный, мог любоваться узором живым. Теперь, когда новогодние праздники остались

позади, залежавшиеся плоды с картинками, уценив, продавали по всей Ичибанчо.

Возле чайной лавки под вечер обычно усаживалась гадалка… Она и теперь была здесь — маленькая, пухлая старушка деловито разложила столик, укутала ноги в ватное одеяло, зажгла японский фонарик и замерла, пожевывая губами. Она всё время что-то жевала. И от этого её мягкое, как у ватной куклы, личико, обтянутое свежей кожей, забавно шевелилось, и крошки сыпались на стёганое зимнее кимоно. Две юные девушки, немного поколебавшись, присели на приготовленные для клиентов стулья, глядя зачарованно на шевелящиеся в старческих руках стеклянные шарики, на кости, постукивающие в большой деревянной чашке, которую встряхивала гадалка…

Около рыбного магазинчика зимой продавали печёные каштаны. Круглая печь шумела, выбрасывая сквозь решётку языки синеватого газового пламени. На печи уютно булькая чайник, тихо урчала машина, перемешивая каштаны в раскалённом песке. Из узкого проулка-тупичка истекал запах рыбы и горячего соевого соуса — на железных прутьях жаровни шкворчали ракушки, разбрызгивая пахучий сок. Она протиснулась в проулок бочком, чтобы не сжечь брюки, и задела локтем прилавок какой-то лавчонки. Подхватив падающую чашку, рукодельную, грубую, она заметила, как заулыбалась, закивала торговка, и поскорее поставила чашку на место, чтобы не обнадёживать зря заждавшуюся покупателей женщину. В конце тупичка шуршал соломенными верёвками крошечный, как газетный киоск, шраин. Сквозь стеклянный купол смотрели с тёмного неба редкие звёзды. Сырой ветер с океана задувал скудным снегом с открытых улиц. Она стояла посреди сказки. Зимней сказки про Японию.

Закрытые лавчонки Асаичи выглядели невзрачно. По воскресеньям рынок не работал — в этот день женщины не могли ходить за покупками, они обслуживали отдыхающих дома мужей. И она навещала теперь рынок по будням или по субботам, как японка, и не платила столько, сколько написано на табличках, заткнутых в чашки с фруктами, а торговалась. Даже её скудных знаний японского для этого хватало — надо было просто называть числа чуть меньше цены и ждать согласного кивка торговца. Уверенно пробираясь по запутанным тёмным переулкам, она старательно обогнула утоптанную земляную площадку под навесом, припомнив, как однажды она шагнула было за границу круга, отмеченную соломенным валиком, а шедшая рядом Намико остановила её резким возгласом:

— Нельзя! Это площадка для борьбы сумо! Сюда не

позволено входить женщине! Да и мужчине — только в специальной одежде.

По вечернему шоссе полз плотный поток машин со специальными штангами или пластмассовыми футлярами на крышах — для горных лыж. Значит, они ехали из Ямагаты. Она знала теперь, что на горных лыжах катаются в Ямагате, а яблоки выращивают в Аомори. Названия японских городов, островов и гор больше не были для неё пустым звуком — за ними стояли образы, люди… Она шла к себе домой на Ягияму, поглядывая на маячившую впереди телебашню, подсвеченную красным и жёлтым. Это означало, что завтра будет ясный день. Зелёно-фиолетовые огни зажигали на башне к ненастью, к дождю. Многое знала она теперь о Японии. Многое.

Дома она привычным движением включила обогреватель, прошлась по комнатам. Теперь здесь всё было иначе, чем вначале. В прихожей стояли три пары тапочек — меньше в японском доме никак нельзя. В комнате висело кимоно, в холодильнике хранились соевый соус и тофу. И коробочка мисо. В последнее время она покупала его только в специальном магазине, в центре. Там продавали свежее, душистое, лоснящееся мисо, привезённое прямо из деревни в больших деревянных чанах — много разных сортов. Она всегда выбирала широ-мисо, белое мисо — светлое, желтоватое, мягкое на вкус, не такое острое, как тёмное мисо. Теперь у неё был свой любимый сорт мисо. А совсем недавно она вообще не знала, что на свете есть такая штука — мисо. Она налила мисо-суп в глубокую чашку, положила рис в мелкую. Как могла она раньше считать одинаковыми эти японские чашки? Ведь они такие разные!

И в сортах зелёного чая она теперь разбиралась. И смотрела, чтобы чаинки в пакете были светлыми. Это означало, что чай свежий. Со временем чай окислялся, темнел, терял вкус. Мысли текли привычно, медленно. Простые японские мысли о покупках, о ценах… Она думала, что зря послушалась Хидэо и купила в комиссионном обшарпанные стулья — на распродажах новенькая мебель стоила ненамного дороже. И телефонную линию арендовала зря. Аренда съела за год почти четыреста долларов, а купленную линию можно было бы теперь продать и деньги вернуть. Найти покупателя наверняка помогло бы объявление в Кокусаи-центре, зря пугала её трудностями продажи Намико. Но она своих японских друзей не винила. Люди во всём мире плохо представляют, как устроиться приезжему в их родном городе. А японцы и подавно, путь их жизни узок: работа — дом…

Стол был усыпан засохшими цветами. У неё собралось много цветов в горшках. Первый горшок принесли на новоселье Хидэо и

Намико.

— Вы можете наслаждаться цветением, пока здесь живёте, а когда уедете, оставите цветок нам, и наслаждаться будем мы. Ведь Вы не увезёте его с собой в Москву? — спросил Хидэо.

Она растерялась — в России не дарили подарки, которые можно забрать назад. В день её рождения супруги Кобаяси снова принесли в подарок комнатный цветок. То ли идея им понравилась, то ли её заверение с собой в Москву горшки не возить?

— Японцы любят цветы и не мыслят жизнь без них, — думала она, принимая от Хидэо в дар третий горшок.

Ещё два ей преподнесли в магазине в качестве подарков за дорогие покупки. Наверное, здесь так было принято: дарить цветы в горшках? Горшки заняли половину её большого стола — на узком, как рейка, подоконнике им не нашлось места. Каждый вечер, возвращаясь с работы, она находила на столе опавшие цветы — белые, фиолетовые, розовые — квартира сильно выстывала за день. Она решила отдать цветы Хидэо, пока они не замёрзли совсем.

— Намико будет рада Вашему подарку, она — мастерица разводить цветы, — ласково отозвался Хидэо. И, перелистывая её последнюю статью, улыбнулся. — А Вы многому научились за время пребывания в Японии. Вы стали так аккуратно наклеивать картинки…

Раньше она рассмеялась бы. Теперь приняла похвалу всерьёз — небрежно наклеенные картинки не украшают любую работу. Даже очень хорошую. В студенческий зал вошёл Шимада с большой коробкой в руках. Магазин уже дважды менял принтер, который Шимада купил для лаборатории. Шимада включил машину и нахмурился — принтер опять барахлил — японский принтер! Прежде она удивилась бы. Но теперь она многое знала о Японии.

Прощание

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела…
О, с какой неохотой!
Басё "Покидая гостеприимный дом"

Ищет сладкого, а пирожок на полке лежит.

Японская пословица

Хидэо переменился — стал ласковее, тише. Их роли менялись — из подначальной сэнсэю сотрудницы она превращалась в иностранного профессора. И всё-таки он ею всё ещё руководил.

— Вы говорили, что собираетесь работать в Мексике? Но ведь у Вас было ещё предложение из США? Вам следует выбрать США! Так мне будет удобнее контактировать с Вами. Впрочем, я считаю, что профессор должен обучать студентов в своей стране. А малая зарплата на Вашей Родине не должна препятствовать этому. Вам следует жить экономнее!

Хидэо не знал, что бывают суммы, из которых ничего не выкроишь, сколько не экономь. Но она не сердилась на него. Она улыбалась — с ней прощалась японская вертикаль.

Научный фонд в Токио, обязанный снабдить её авиабилетом домой, всё тянул, хотя она послала туда бумаги загодя. За три дня до отъезда она забеспокоилась, позвонила.

— Ваши бумаги я ещё не видел, — сознался чиновник. — Они назначены к исполнению на завтра. Послезавтра Вы получите билет.

С ней прощалась японская привычка делать всё в последний момент. А зачем беспокоиться заранее в стране, где всё работает, как часы? И почта доносит письмо в любую точку Японии на следующий день, без задержек и сбоев. Через день утром в канцелярии её ждал конверт. А после обеда Хидэо устроил прощальное чаепитие. Она ждала доброго слова — за увесистую пачку написанных ею работ, за лекции, прочитанные студентам сверх программы… Но Хидэо только пожелал ей счастливого пути.

— Вы уезжаете в понедельник в шесть утра? — спросил Шимада. — Мы с женой хотели бы проводить Вас…

— Меня отвезёт сэнсэй Кобаяси, — начала она, но Шимада прервал её: — Вы меня не поняли, я не предлагаю довезти Вас. Я и моя жена хотели прийти на вокзал, чтобы извиниться за то, что мы не приглашали Вас в гости, хотя посещали Ваш дом.

С ней прощался японский долг благодарности, который Шимада не мог исполнить, потому что дом свёкра, где он жил, был стар, убог и тесен. Шимада пожал ей руку, улыбнулся:

— До скорого свидания!

Вечером она прошлась по опустевшей квартире: книги были розданы русским, кастрюли китайцам. На полу стояли раскрытые чемоданы. Она не увлекалась покупками — в Японии всё так дорого! И всё-таки это оказалось нелёгким делом — упаковать целый год жизни. Увезти хотелось всё: чёрные лаковые чашки для

риса, чайник со странной, вбок торчащей ручкой, японских кукол… В последнюю щелочку она втиснула пакетик нори и зелёный чай — она пыталась увезти с собой Японию, её запах, вкус… Чемодан не закрывался. Пришлось перекладывать вещи вновь. И проверять, сколько всё это весит. В последний день сбора крупного мусора она взяла с тротуара единственную вещь — весы. Багаж не должен быть тяжелее, чем двадцать килограммов, иначе не возьмёт агентство по перевозкам. Специальная служба в течение суток перевозила вещи в любую точку Японии. Она называлась Ток-кубин — "От двери до двери". Машина с чёрной кошечкой на жёлтом поле завтра подойдёт к её дому и заберёт чемоданы, чтобы вернуть их уже в аэропорту перед отлётом. Теперь она не будет мучиться с вещами на пересадке в Токио, а пройдёт её, как японка, налегке.

В субботу утром приехала Намико, чтобы помочь отправить багаж. И объяснила, что можно, не теряя времени на ожидание фургона, отнести чемоданы в ближайший магазинчик Сэвэн-илэвэн — Ток-кубин может забрать вещи и оттуда. Сэвэн-илэвэн мог не только накормить, но и принять оплату телефонных счетов, и даже чемоданы. Намико делала заказ по телефону по-японски. У милой Намико весь этот год было трое подопечных: муж, свекровь и ещё иностранка. И Намико вела её по японской жизни, не жалея ни времени, ни сил. Вот и сегодня приехала. И привезла прощальный подарок — вышитый сестрой суконный кошелёк. Принимая вещицу, родственную, тёплую, она решилась по-свойски предложить Намико юбку от своего нового костюма — любая японская юбка была ей узка. А Намико она оказалась широковата. Но Намико всё равно обрадовалась подарку. И вышло, что они исполнили старинный японский обряд: обменялись одеждой при расставании.

— Вам не понравилась Япония, — вдруг тихо сказала Намико.

Здешние женщины зорче мужчин. Она крепко обняла Намико.

— Я тебя полюбила. А ваша страна… Она так хорошо организована!

— Нет! Нет! Вовсе не так хорошо!

Намико затрясла головой отрицательно, горячо. И вдруг поцеловала русскую подругу. Японцы не целуются. А Намико её поцеловала. По-русски. И ушла быстро, не оглядываясь, пряча глаза.

Пришла Зухра, вплеснула руками.

— Почему же Вы мебель не продали? Вернули бы свои деньги… — И долго не могла поверить. — Как это — сэнсэй не велел?

Они пили вино и вспоминали свои прогулки по Ичибанчо. Проводив подругу, она нашла на столе прощальный подарок и записку: домашний адрес, телефон и приписка: — С любовью, Зухра.

Позвонила Галя, поделилась горем — муж не разрешал ей купить музыкальный центр, говорил, что в Россию всё это не увезёшь. Да и напряжение там другое.

— А я об отъезде и думать не хочу! — печалилась Галя.

Но надежд не оставляла, потому что мужу предложили остаться в Японии ещё на год.

Правда, его перевели на другую должность, пониже. И квартиру заставили сменить. Новое жильё на первом этаже бетонной служебной пятиэтажки было тесное, тёмное, сырое.

— Но оно соответствует нашему новому положению, очень низкому — оправдывала хозяев Галя. — Вот если нам удастся продержаться здесь ещё год, придёт время повысить мужа в должности, и тогда нас переведут на второй этаж. Квартиры там посуше, посветлее. У них такие правила. Мы должны подчиняться. Главное, мы остаёмся! И музыкальный центр я смогу купить!

Сын Гали простыл и кашлял.

— Спать холодно на полу, — сетовала она. — И есть… Может, Вы отдадите нам свой стол?

Объяснению — сэнсэй просил оставить мебель — Галя не поверила и обиженно бросила трубку.

Вечером зашла Анна. Они проговорили до поздней ночи, бесстрашно гуляя по безлюдным улочкам. Она с нежностью смотрела на маленькие сонные домики, на подрезанные пластинами сосны — прощалась. А в воскресенье отправилась в университет, чтобы закончить работу. Вошла в свой кабинет — удобный, уютный. В России у неё никогда не было такого. И вряд ли будет. Собирая бумаги, она поглядывала на часы. Последний воскресный автобус из университетского городка уходил рано. За приоткрытой дверью послышались шаги.

— У меня скоро защита диплома… Потому я и пришёл в выходной, — студент Миура словно оправдывался. — А Вы можете не спешить. Я на машине, я отвезу Вас домой.

В коридоре бухнул знакомый кашель.

— Я же сказал Вам, что мы скоро увидимся! — засмеялся Шимада. И, указывая на свой тренировочный костюм, объяснил:

— Я тут на прогулку шёл, да вот завернул кое-что сделать…

Но в свой кабинет не ушёл, сел с ней рядом, выправляя заминку с компьютером. В дверях показался студент Адачи. Этот заговорил не скрываясь, напрямик:

— Может, надо помочь?

Она никогда не видела их в университете по воскресеньям. Выходит, они пришли ради неё? Пришли, не сомневаясь, что она поступит, как нормальный японский человек — оставит кучу дел на самый последний момент. Она целый год искала этого — душевности, сочувствия, а они, оказывается, были рядом — Шимада, студенты… Она почувствовала, как у неё защипало в носу.

— Вы — настоящие патриоты, — она постаралась выбрать самую лестную для японца похвалу.

Да ведь это и вправду было так — поверх всех своих японских неприятностей она положит тёплую память об этом дне.

— Спасибо, что пришли помочь! — сказала она, прощаясь.

Шимада замотал головой, отказываясь:

— Нет, нет, нам надо было поработать…

С ней прощалась японская скрытность. И японская деликатность — её не хотели связать долгом благодарности. Миура подвёз её до дома, спросил:

— Что Вам понравилось в Японии больше всего?

И она искренне ответила:

— Молодёжь, студенты! С сэнсэями мне было труднее.

Миура радостно закивал и вдруг стал жаловаться: сэнсэй дал ему плохую тему для диплома — сделать с ней ничего путного нельзя, сиди не сиди. Он жаловался откровенно, обильно, по-русски. Кажется, старательно превращая её в японку, японцы и сами восприняли от неё частицу русского духа. Миура научился жаловаться, Намико — целоваться…

Перед сном она зачеркнула последнюю оставшуюся до отъезда клетку в календаре со скворцом, сняла его со стены и выбросила в мусорницу. Как улику. Порадовалась, что уезжает. Подумала, что будет скучать по кое-как закрытым дверям, по вымытым до блеска улочкам, по большой японской зарплате, по вежливым поклонам, по сашими, нори… По Японии. Утром она подошла к окну, полюбовалась свинцом зимнего Тихого океана — пора прощаться. В шесть ноль-ноль у её подъезда загудела машина Кобаяси. С ней прощалась японская пунктуальность. И японский обычай рано вставать — сегодня Хидэо пришлось подняться раньше пяти. И японское чувство ответственности — сэнсэй опекал её до самого конца.

— Ничего не забыли? — хлопотала Намико. — А мусор я сама вынесу, не утруждайтесь! — С ней прощалось дотошное японское гостеприимство.

Машина летела по проспекту к вокзалу.

— Это всё построено недавно! — Хидэо часто повторял эту

фразу. Но сегодня он произносил её так, словно просил: — Не суди нас слишком строго! Да, у нас многое не так, но мы начали с руин и сделали немало.

— Да, вы, японцы, многого достигли! — сказала она.

И супруги Кобаяси счастливо улыбнулись — с ней прощался японский патриотизм. И, словно почувствовав тепло её слов, Хидэо откликнулся ласково:

— И Вы много сделали за год!

А она почувствовала угрызения совести — много она тут наделала ошибок! Зря обижалась на людей, вовсе не хотевших обидеть её, зря их обижала…

— А доктор Чен не уезжает, — вдруг сказал Хидэо. — Я оставил его на более долгий срок, чем Вас! Чуткий Хидэо, словно уловив сентиментальную слабину, тут же решил заставить строптивую гостью раскаяться. Пришлось собраться. Нельзя расслабляться, пока ты на японской земле!

— Это очень мудрое решение! Доктор Чен — самый подходящий партнёр для Вас!

Сэнсэй согласно кивнул, не заметив иронии — с ней прощалось японское отсутствие чувства юмора.

— Сразу после Вашего отъезда Чен начнёт самостоятельную научную работу. Такую же, как у Вас…

— При чём здесь мой отъезд?

Сэнсэй промолчал. А она не стала настаивать на ответе. Потому что знала — послушного партнёра здесь предпочтут плодотворному, японская практичность непременно отступит перед японским желанием самоутвердиться. А впрочем, может, именно практичность выбрала китайца — он стоил дешевле.

— Вы оставили деньги на Вашем банковском счету? — забеспокоился Хидэо, выходя из машины. — Намико придётся оплатить Ваши счета за электричество, газ… — Копеечные счета. С ней прощалась японская скрупулёзная бережливость.

На платформе Хидэо обнял её за плечи — неловко, неумело. Поправил запотевшие очки… Последний год она занимала немало места в его жизни, немалых стоила волнений и трудов. Он так много сделал для неё, этот маленький японец — вырвал хотя бы на время из русской нищеты, дал увидеть свою удивительную страну, помог рассмотреть её, узнать, полюбить…

— Спасибо! — сказала она Хидэо. От всей души. И поцеловала.

Он не отстранился, прижался к ней щекой. Он больше не был ей начальником и не обязан был вести себя, как положено сэнсэю. Она улыбнулась, чтобы не расплакаться. А Хидэо заметил укоризненно:

— Тут недавно уезжал один русский сотрудник нашего факультета, так он плакал.

Сэнсэй воспитывал её, честно исполняя свой долг. До последней минуты. Но его время кончалось. Двухэтажный Шинканзен подлетел к платформе. Хидэо, подхватив сумку, помог ей подняться наверх. Последний раз проплыли перед глазами три иероглифа на здании вокзала, мелькнули за окном две хрупкие фигурки — Хидэо и Намико, взмахнули прощально руками, стремительно отлетая в прошлое. На столике перед ней лежал их прощальный подарок — красивый свёрток с пышным бантом, а внутри — две кассеты с церковной музыкой.

Стылая февральская Япония мчалась у её ног. Солнце всходило над Страной Восходящего Солнца, освещая бесцветные деревушки, холодные утренние города… Она смотрела на сумятицу мелких домишек — они больше не казались ей чарующими, прекрасными. Почти наяву она видела, как в нетопленных, тускло освещённых комнатах поднимаются с татами невыспавшиеся мужчины и женщины. Как выбираются они, дрожа, из футонгов, плещут ледяной водой на усталые, припухшие глаза, близко к лицу подносят чашки с пресным рисом… С плаката на стене вагона улыбалась шустрая скуластая девушка, похожая на Митико, из репродуктора лилась тихая музыка кото. Она смотрела на серые поля за окном и вспоминала ласковый плеск морской волны на жёлтом песке, солнечные пятна на зелёном татами розовые лепестки сакуры, засыпавшие город… Что-то горячее, влажное, покатилось по её щеке. Теперь Хидэо был бы ею доволен — она вела себя правильно.

В зале ожидания у выхода к русскому самолёту какой-то парень воевал с питейным автоматом, бушуя в панике:

— Ну как с ней справляться, с этой Японией? С деньгами пива не попить! Помогите! — взмолился он. — А то я сую эту деньгу Хо-Ши-Мином вперёд, а автомат выплёвывает, не берёт. Может, попробовать Хо-Ши-Мином назад?

И он протянул ей банкноту в десять тысяч йен с портретом строгого пожилого японца в чёрном кимоно. Именно его парень звал по-вьетнамски Хо-Ши-Мином. Наверное, это было единственное восточное имя, задержавшееся в его весёлом мозгу. Она расправила скомканный ман, аккуратно направила его в желобок автомата и тут же услыхала, как в ящике внизу стукнула выпавшая банка, в кармашек посыпалась сдача.

— А не так уж трудно справиться с этой Японией! — в восторге завопил парень. — Просто надо знать, как вложить Хо-ши-мина в автомат…

Вновь прилети весной!
Дом родной не забудь,
Ласточка, в дальнем пути!
Исса

Тяжёлая дверь московской квартиры едва дрогнула от лёгкого нажима её руки, привыкшей к невесомым японским дверям. После мягко пружинящего татами паркет показался слишком жёстким, воздух — неприятно сухим, жарким от пышущих батарей, душным от плотно закрытых окон. Цветы на обоях и яркий ковёр раздражали. Хотелось белых стен, монотонной зелени татами, щелястых форточек, пропускающих свежий ветер. Обилие вещей и книг душило. Выгруженные из чемоданов японские глиняные чашки сиротливо потерялись среди сверкающего хрусталя и пёстрого фарфора, словно полевые цветочки на клумбе. Длинный бумажный свиток какэмоно повис блёклым пятном рядом с картинами, написанными маслом, не выдерживая слепящего соседства. Японские вещицы из бумаги, глины, травы, казавшиеся такими прелестными у себя на родине, вдали от неё тушевались, уходили в тень…

— Ты поправилась, — сказал муж.

— Стала спокойнее, — заметила подруга.

И решила, что это — от сои, весьма полезной женщинам в определённом возрасте.

— Ты стала считать каждую копейку! — морщились друзья.

Считать копейки, как в Японии, в России и впрямь не стоило. Зарплаты научного сотрудника всё равно ни на что не хватало.

— Что за фантазия — сидеть в горячей ванне? — недоумевали домашние.

— И как это можно есть? — морщилась дочь, подозрительно нюхая нори. И отодвигала сущи: — Какую гадость ты приготовила — икру с рисовой кашей!

— Стоит ли возиться с такой ерундой? — сердились сослуживцы.

Но она долго писала деловое письмо, упрямо стараясь сделать его красивым. И обращала внимание на мелочи. И избегала душевных откровений и длинных разговоров "просто так" — они стали её утомлять.

Она изменилась. И всё изменилось вокруг. В родном гастрономе, увидев уродливо скрюченных, состарившихся в холодильнике безобразных серых рыб, она почувствовала

тошноту, спросила:

— А свежая рыба у вас есть?

— А эта какая? — буркнула продавщица, неохотно оторвавшись от болтовни с товаркой. И бросила презрительно: — Что Вы понимаете в рыбе!

Она вспомнила розовые бруски тунца на Асаичи, оранжевых влажных лососей, услужливых продавцов… У входа в метро толпились нищие. Посиневшие на сквозняках старухи, жалко улыбаясь, торговали сигаретами и турецким нижним бельём.

— Мы должны перенести непереносимое, — просил своих подданных японский император в день капитуляции Японии в сорок пятом.

Теперь перенести непереносимое пыталась Россия.

Возле дома к ней подскочил бульдог, оскалил слюнявую морду, выставил жёлтые клыки.

- Возьмите собаку на поводок! — испугалась она.

— Нервы лечи, психопатка! — лениво огрызнулась дама и отвернулась, а пёс отправился к детской песочнице справлять нужду.

Она вспоминала, как пожилой японец не выпустил из рук ремешок даже когда его собака рванулась, уронив хозяина на асфальт. А в руке старик всегда носил совок и пакетик, чтобы за псом убрать. Пятачок газона возле её московского дома походил на скотный двор, откуда давно не вывозили навоз — в Москве бушевала дурная собачья мода. В подъезде она споткнулась о разбитую плитку пола, уткнулась взглядом в раскарябанную надписями стену, подумала с тоской — нелегко ей будет привыкать к родной стране! И попробовала себя утешить — ведь и японцу трудно возвращаться в свою аскетическую, работящую, общинную Японию после сколько-нибудь продолжительной жизни в эгоистической Америке или в развращённой комфортом Европе. Правда, у японских граждан трудности были иного рода.

Её тело обеднело кальцием за японский год — от сущей ерунды хрупнула косточка. Она с жадностью ела русский творог. И скучала по нори, страдая в материковой Москве без океанского йода. У каждой страны свои достоинства, свои недостатки. В родном институте денег почти не платили, зато свободы было — хоть отбавляй. Она отдыхала от несвободы слишком хорошо организованной Японии. Она скучала по японскому порядку. И встреченному на улице японцу улыбнулась, как родному. И жадно ждала известий от обретённых в Японии друзей.

Вернулась из Японии Анна. И вскоре получила от своего сэнсэя письмо, отправленное экспресс — почтой.

— Мы, японцы, просим у Вас прощения…

Сэнсэй извинялся за то, что иностранке было неуютно в его стране. Извинялся за всю Японию. Но Анна ждала не извинений, а делового письма об обещанном продолжении сотрудничества. И, не дождавшись, сама послала сэнсэю проект совместной работы и сделала приписку: лопушник го-бо, выращенный ею из японских семян на подмосковной даче, получился невкусный, не такой, как в Японии. Ответ снова пришёл экспресс-почтой. В письме был подробный рецепт приготовления салата из го-бо.

— Натёртый корень надо подержать в холодной воде, потом немножко поварить, чтобы он стал мягким, добавить майонез, морковку… — писал сэнсэй. — Если это не поможет, значит, го-бо вырос слишком далеко от Японии, и с этим уже ничего поделать нельзя… — О работе в письме не было ни слова.

Приехала на побывку в Москву Леночка, подурневшая, потухшая. Её пышное прежде тело съёжилось до японских размеров, потерялось в вялых складках серенького крапчатого платьица, золотистые волосы поблекли. Должно быть, на неё больше не оглядывались на улицах японские мужчины. Да и собственный муж внимания не обращал. Одичавшая от одиночества Леночка жила без мужа, без друзей. Её весёлый щебет сменился говором тихим, тусклым.

— Вы так громко разговариваете! — Леночка заслонялась рукой как от яркого света.

И по телефону отвечала японским "моши-моши", слегка красуясь. Ей нравилось ощущать себя богатой иностранкой в Москве, когда-то морившей её бесправием и нищетой. Муж Леночкины путешествия не одобрял. Перед отъездом он прекратил давать ей деньги на хозяйство, коль скоро у неё водятся суммы, достаточные для дорогих прогулок.

— Но я сама зарабатываю уроками! — негодовала Леночка, — А муж каждый год приезжает в отпуск в Москву, а меня с собой не берёт. Он не держит слово! Когда женился, обещал, что будет отпускать меня на родину! А теперь не хочет сам себя обслуживать в моё отсутствие — готовить завтрак, кормить животных, выносить мусор… Вот муж соседки выносит мусор, а мой никогда! — Леночка жаловалась мелочно, тоскливо. Но, в общем, находила свою жизнь сносной. — Не стоит меня жалеть. В конце концов, Япония — это мой выбор. В России меня никто не ждёт. И кому тут нужны уроки русского и кулинарии? В Москве мне работу не найти. А вернуться к себе в провинцию я не могу — там на меня все пальцем показывать будут — по заграницам покаталась, да ни с чем вернулась! Мне некуда возвращаться, в России кризис.

Так русский кризис достал дом японца Кеничи, лишил его

детей.

— Я живу даже лучше, чем японки, — хвасталась Леночка, — они начинают путешествовать только после смерти мужа, когда получают наследство или страховку. Правда, они успевают поездить. Мужчины здесь живут недолго, они слишком много работают. И много пьют. Мой муж каждый день выпивает. И растолстел он страшно! — Сочувствия в Леночкином голосе не звучало.

О своём здоровье Леночка заботилась истово, исступлённо, в надежде когда-нибудь родить ребёнка, может, не от мужа.

— Нет, нет, мяса я не ем! — отказалась она от угощения. — По телевизору говорили про коровье бешенство…

Коровы болели в Англии, но Леночка на всякий случай не ела и русскую говядину, и курятину, и свинину, перестраховываясь многократно, как японка. От предложения встретиться ещё раз Леночка испуганно отказалась.

— Вы так критикуете Японию… А мой муж часто бывает в Москве. До него могут дойти Ваши высказывания. Он может заподозрить меня, что я Вам даю такую информацию. — И поинтересовалась опасливо: — А Вы не боитесь, что японцы узнают о Ваших словах и никогда больше Вас к себе не пригласят?

— Японцы не продлили мне контракт, — жаловался прилетевший ненадолго Виталий. — А вернуться в Россию мы не можем — дети совсем забыли свой язык, даже дома между собой говорят по-японски.

Виталий уезжал в Канаду, хотя работы для него там не было. Он не огорчался — на канадское пособие по безработице можно было жить. Позвонила из Питера Галя, поделилась горем:

— Японцы пообещали оставить мужа, да вдруг ему отказали — вместо него пригласили доктора из США. Мы билеты в Россию купили, квартиру сдали. А за две недели до отъезда сэнсэй говорит: "Американец приехать отказался, продолжай работать!" Мы билеты сдали, нашли частное жильё. Заплатили огромный взнос при вселении. И не жалели, рады были, что остаёмся. Но через несколько дней сэнсэй опять передумал, взял вместо моего мужа китайца. Японцы постоянно меняют решения! — Но на японцев Галя не сердилась. — Там нам деньги платили. А здесь на что мы будем жить? Господи, если бы мужа опять пригласили в Японию, я бы на крыльях полетела!

Но лететь на крыльях в Японию готовы были не все.

— Почему Вы не можете найти студентов для меня? — изумлялся в своём письме Тагами. — Не может быть, чтобы в России не нашлось людей, желающих работать в Японии!

Он прислал договор о сотрудничестве между институтами: её — русским и его — японским. Японцы почему-то называли эти отношения сестринскими. Тагами зачем-то прислал ей четыре экземпляра, вложенные в толстые папки и четыре конверта с фотографиями начальства японского университета, запечатлённого в момент подписания договора. Посылка приехала в огромном ящике.

— Благодаря этому документу Вы наконец-то сможете посылать в Японию русских студентов, — Тагами писал так, словно она давно ждала этого момента. — Но студенты должны быть хорошие, из тех, что входят в пять процентов самых лучших!

Тагами плохо понимал ситуацию — отобрать пять процентов из пяти последних студентов, задержавшихся в институте, было невозможно. И никто из них ехать в Японию не пожелал — молодые прежде всего интересовались зарплатой, а платить Тагами обещал скудно. В конце концов она нашла трёх добровольцев в соседних институтах.

— Платить стипендию студентам я буду один год, — делился своими планами Тагами, — но если они станут экономить, то смогут прожить на скопленные в Японии деньги не один год, а два, ведь одинокому молодому человеку немного нужно. В этом случае у них будет больше времени на то, чтобы работать в моей лаборатории.

Она не рассказала студентам о планах сэнсэя, иначе они отказались бы поехать вовсе.

Через три месяца после отъезда ребят она получила возмущённое письмо Тагами — один из них собирался вернуться домой — ему не понравилась работа и отказ сэнсэя пригласить его молодую, недавно обвенчанную жену.

— Какая жена! — негодовал Тагами. — Студент не может быть женат! В Японии женятся, когда кончают курс!

А в России, когда влюбляются. Но объяснить это сэнсэю ей не удалось. Приглашать жену он не собирался.

— Стипендия студентов рассчитана так, чтобы обеспечить жизнь только одного человека, а если жена хочет приехать, она должна найти в России средства для жизни в Японии и документально это подтвердить.

Парень улетел домой. А разъярённый Тагами сообщил ей о новых проблемах: двое оставшихся, брат и сестра, хотели жить вместе экономии ради.

— Они должны жить там, где я их поселил! — бушевал Тагами. — На разных концах города! Я отвечаю за девушку! — И Бог знает, что он имел в виду.

Студенты жаловались ей, что на шестьсот долларов

стипендии, половина из которых уходила на квартплату, жить невозможно. И что вместо доплат, которые обещал им Тагами, он снабжает их наставлениями:

— Надо жить экономнее, а не поднимать шум, что вам мало платят!

На неё Тагами ругался в своих электронных письмах:

— Студенты должны работать, раз Япония их пригласила! Делать то, что им велят! А они то уезжают, то скандалят! У Вас плохие студенты! Вы — плохой профессор! О, мы поняли теперь, кто такие русские! У них другая культура!

Слово "культура" было явно забрано в жирные кавычки. Потому что культурные люди безропотно работали бы за гроши. Вот только найти таких культурных в Японии сэнсэй не мог.

— Мне нужны новые русские студенты на следующий год, — писал Тагами. И приказывал: — Наши институты подписали соглашение! Вы обязаны систематически искать для меня студентов! Это — Ваш долг!

Но она не считала, что долг русского профессора состоит в том, чтобы, забросив дела, стать постоянным агентом по набору студентов для пустующей японской лаборатории. И, не обращая внимания на электронные вопли Тагами: — Вы не можете разъезжать по командировкам! — улетела в Париж.

На Елисейских полях японских лиц было больше, чем европейских — вся Япония хотела провести Золотую неделю в Париже. На ступенях лестницы, ведущей на Монмартрский холм, фотографировалась молодая японская семья: папа, мама и дочь лет десяти — все в одинаковых, словно форменных тёмно-синих плащах, новеньких, с иголочки. В магазине — дорогом для Парижа, дешёвом для Японии — японки стопками забирали с полок красивую французскую одежду. Холод промёрзшей каменной глыбы Собора Парижской Богоматери вытерпели только японцы — они прилежно слушала гида, согревая руки над пламенем коротких толстых свечей. Возле коробки для пожертвований висели надписи по-французски, по-японски и только потом по-английски — пятьдесят процентов всех туристов Франции поставляла Япония.

— Посмотрите, одни японцы! — сердито жаловалась прогуливающаяся по Версалю пожилая француженка, приняв её за свою.

На конгрессе в Италии она смотрела из окна своего отеля, как по пляжу бредёт строго организованная цепочка японских туристов. В шесть утра. А в Стамбуле провожала взглядом группу японцев, которые покидали ресторан ровно в одиннадцать вечера по приказу строгого пожилого шефа, пренебрегая

соблазнительным зрелищем — танцем живота.

Вернувшись в Москву она жадно ловила новости из Японии. Острова поразил кишечный вирус, набравший невероятную силу благодаря чрезвычайной стерильности кухонь. Японские огородники вырастили кубические арбузы ради экономии места в холодильниках. В метро пустили специальные вагоны для женщин, чтобы избавить их от приставаний мужчин в толчее. Обеспокоенные снижением рождаемости японские власти обратились к бабушкам и дедушкам, призывая их изменить традициям и помочь в воспитании внуков. Старикам даже обещали за это заплатить. Теперь всё это её касалось. Эта страна больше не была ей чужой. Она шла за ней по всему миру. Каждый день.

Японские правила (Друг Хидэо)

Прощальные стихи
На веере хотел я написать -
В руке сломался он.
Басё "Расставаясь с другом"

Письма из Японии приходили часто. По электронной почте прислал короткую весточку Шимада.

— Мы скучаем без Вас…

И замолчал, не отвечая на её послания, — в Японии не поддерживают дружбу без дела. Тем более через голову шефа. А вот Митико решилась это правило нарушить.

— Я получила приглашение на работу в Осаке и думаю его принять.

Девушка советовалась с русской, как с подругой. Китайский доктор Чен сообщал ей новости — в её квартире жил американский профессор. Художник Сэй благодарил за подарок — шерстяной платок для Сёко, переправленный в Японию через знакомого. Письмо Сэя начиналось с главной новости: в городе расцвела сакура, а кончалось словами — помните, в Японии у Вас есть друзья!

Вести из Японии приходили часто. И только от Хидэо не было письма. Хотя он должен, обязан был известить её о судьбе их последней совместной работы, той, что она закончила в последний день перед отъездом. Она отдала конверт Адачи, пришедшему помочь ей в то воскресенье, попросила отправить в

редакцию. Студент согласился, она поверила. Прошло достаточно времени, чтобы работа появилась в журнале. Но её не было.

— Я ещё не отправил её, — ответил Хидэо на её письмо.

Значит, Адачи по дороге в канцелярию завернул к шефу и отдал пакет ему. Японский студент не сделает ничего мимо шефа, он предпочтёт нарушить слово, данное иностранке — она знала японские правила и знала: Япония своих правил не изменит. Обвинять Адачи не имело смысла — ей не следовало требовать от студента обещания, которое он в принципе не в силах выполнить.

— Я не отправлял работу так долго, потому что не согласен с кое-какими деталями, — писал Хидэо.

Он лукавил. Детали они утрясли перед отъездом, и Хидэо сказал: посылайте! Она послать не успела, хотя знала — если статья попадёт в руки сэнсэя, то задержится там долго — какой же японец решится сделать что-то сразу и до конца? Вот Хидэо и держал статью из страха перед последним решительным шагом. Или были другие причины?

— Как много Вы сделали за год! — вспомнилась ей улыбка Хидэо, принимавшего из её рук толстую пачку работ, приготовленную для отправки в Токио для отчёта. — От меня никогда не выходило так много за короткий период! В министерстве науки будут удивлены…

Может, Хидэо не хотел удивлять министерство? Не хотел создавать впечатление, что пик активности его лаборатории совпал с пребыванием русского профессора, женщины? И потому благоразумно решил растянуть то, что она напахала за короткий год, на более длинный промежуток, чтобы создать видимость плавной работы лаборатории сэнсэя Кобаяси. Невинная, в общем-то, хитрость, очень распространённая в нынешнем научном мире. Но она обиделась — так не поступают друзья! И вообще многое в их отношениях в этот японский год не походило на дружбу.

Хидэо молчал. И она молчала — разрыв так разрыв! Но однажды, заработавшись допоздна, она заварила зелёный чай в японской чашке и вдруг припомнила счастливого Хидэо: — Я получил для Вас контракт! Припомнила заботливого Хидэо, холодным весенним вечером явившегося на пороге её японской квартиры с тёплым одеялом в пёстром узелке. Припомнила Хидэо ласкового на новогодней пирушке… Поглядев на часы, она прикинула: в Японии теперь утро. И, не размышляя, набрала знакомый номер. Голос Намико взволнованно забился в трубке:

— Это Вы! Я сейчас же позову мужа! Он уже здесь, рядом!

Хидэо ответил так быстро, словно ждал её звонка:

— Я так счастлив! — Его голос слегка дрожал. — А статью я отправил, уступая Вашим настойчивым просьбам…

Под Новый год она получила открытку в незапечатанном конверте. Поздравления из Японии всегда посылали так, заправляя внутрь пакета язычок, может, для того, чтобы облегчить работу проверяющим? Письмо Хидэо было тихим, грустным:

- Я стал старым, у меня родился внук. А кактус, который Вы оставили нам маленьким, высотой пять сантиметров, вырос втрое и теперь собирается цвести. Мы с Намико часто любуемся им и вспоминаем, как Вы были у нас…

Путь

Долгие дни весны
Идут чередой… Я снова
В давно минувшем живу.
Бусон

Если умолкнешь
Что ты тогда, соловей?
Зелёная птичка.
Оницура

Она вставала в пять утра, как положено японке. Заваривала в чашке из серой глины Кюсю зелёный чай Сикоку, ставила в проигрыватель японский компакт-диск. Печальные звуки кото, наплывая тихими волнами, возвращали её в Японию. Она пыталась положить на бумагу запах моря в узких улочках и невыразимую грусть японских островов. Она пробовала даже писать японские стихи:

Круги на воде, оставленные
Порхающей стрекозой,
Круги моей памяти…

За окнами московской квартиры падал мокрый мартовский снег, приходила убогая городская весна, поднималось асфальтовым чадом лето, шли нудные октябрьские дожди и опять падал снег… А в Японии вышла замуж Митико, стал пенсионером Нагаи, а его ассистент Мицугэ, не дождавшись в Токио профессорского места, уехал в провинцию, на Кюсю. Маленькая

Харуно выросла и раздумала заниматься музыкальными шкатулками. Она готовилась поступать в университет на отделение "английский язык и литература".

— Харуно до сих пор любовно хранит русского деревянного старичка, — они с Сумико обменивались письмами под Новый год.

Митиё подарила Хидэо второго внука… А в России, в Москве, появлялась повесть о них — тонкий мостик протягивался, соединяя Россию и Японские острова.

Яркие кусочки чужой жизни мельтешили пёстрой мозаикой, переплетались, путались… И вдруг складывались в цельную картину, исполненную смысла. Всё складывается, если стать на правильный путь. Она писала, и откуда-то брались компьютеры, время, силы… А однажды, выйдя из дома, она увидела на стене возле своего подъезда цветущую сакуру. Её рисовал худенький парнишка.

— Почему ты рисуешь здесь сакуру? — спросила она.

— Не знаю, — улыбнулся парнишка, — я рисую везде, где можно. А здесь мне захотелось нарисовать сакуру.

Силы небесные, повелевшие ей написать книгу, посылали привет. Было пятнадцатое апреля — время, когда в тех местах, где она жила в Японии, расцветает сакура.

Книга появлялась по-японски медленно, постепенно. Книга возвращала её в прошлое. Вела в будущее. Дарила настоящее — движение, Путь. А ведь это самое главное — быть в Пути.

Послесловие. Шесть дождей

Лист летит на лист,
Все осыпались, и дождь
Хлещет по дождю.
Гёдай

Дождь набегает за дождём,
И сердце больше не тревожат
Ростки на рисовых полях.
Басё

Тот, кто знаком лишь с победами и не знает
поражений, плохо кончит
Японская пословица

Ночью её разбудил телефонный звонок. За окнами шумел дождь — тоскливый, октябрьский, московский. Ольга нехотя встала, взяла выползший из аппарата факс, плохо разбирая спросонья английский текст, прочла:

— Сегодня утром умер профессор Охара…

Ольга окончательно проснулась. Охара умер!

Охара. Когда она впервые услыхала это имя? Пожалуй, лет двадцать будет. Тогда Ольга была ещё птенцом, её наука — младенцем. Всё только начиналось. Её первая аспирантка Валечка вбежала в лабораторию, размахивая фотографией.

— Смотрите! Смотрите! Этот снимок подтверждает наши расчёты! Он сделан на самом лучшем электронном микроскопе в мире! Японском! Кто сделал? Какой-то Охара. Из Японии.

— Интересно, какой он, этот Охара? — Валечка взяла карандаш, задумалась. — Да что там! Японцы все одинаковы!

И она нарисовала скуластое лицо с узкими глазами. Валечка часто так развлекалась — рисовала коллег. Немецкий профессор Хальтер получался у неё длинным и тонким, американец Джонсон толстым и круглым, а француз Бернар безумно элегантным — коллег они знали только по именам и никогда не видели в лицо — на международные конференции ездил один человек в институте — директор. А они с Валечкой писали для него доклады. Только в конце восьмидесятых что-то изменилось и Ольга решила устроить международный конгресс в Москве.

— Ну, конгресс — это слишком для Вас — рядового профессора! — презрительно хмыкнул чиновник в Академии наук. — Вот разве что маленький семинарчик, совсем маленький,

человек на десять. И лучше из одной страны.

— Пусть это будет Япония! — сразу решила Ольга.

Почему? Да потому, что там Охара. И Ольга написала ему. Охаре идея понравилась. Он поручил своему ассистенту Ногучи собрать делегацию из девяти японских профессоров и согласился её возглавить.

Октябрь в девяностом году выдался холодный. Дождь лил ледяной.

— Замёрзнут японцы! — забеспокоилась Ольга и отправила в аэропорт самого бойкого из своих аспирантов — бывшего комсомольского босса. — Он сумеет быстро прокрутить всё, что надо.

Администраторша академической гостиницы бросила бесцеремонно:

— Одноместных номеров нет! Подумаешь, японцы! Важность какая! Поспят подвое!

Дама величественно сложила руки в кольцах на шёлковом животе, демонстрируя презрение ко всем профессорам вообще и к японским в частности. Призывы защитить честь родной страны к её отвисшим под тяжестью золота ушам не пробивались. Чередуя угрозы с комплиментами, Ольга выбила в конце концов одноместный номер для Охары и поспешила в вестибюль гостиницы, где комсомольский босс, выгрузив японцев из автобуса, выстраивал их в шеренгу, резвясь:

— Первое, чему вы должны научиться в Советском Союзе, это становиться в очередь!

Японцы опасливо улыбались — за железный занавес они попали впервые. Вперёд выступил улыбающийся Ногучи — на правах старосты делегации он представлял её членов. Названный делал шаг вперёд, пожимал Ольгину руку — из уважения к обычаям её страны и низко кланялся, храня верность своей.

Человек с ясным, умным лицом выступил из строя.

— Профессор Охара!

Перед ней стоял сам великий Охара! — от волнения Ольга смешалась, замешкалась, дольше положенного задержала его руку в своей. И тут же одёрнула себя — для хозяйки все гости должны быть равны. Но японцы улыбались понимающе — знаменитого Охару полагалось приветствовать особо.

Гостиничный ресторан оказался закрыт на санитарный день. Потоптавшись возле запертой двери, японцы несмело заговорили что-то про другой ресторан. Посланный на разведку комсомольский босс вернулся с неутешительным сообщением — в округе по причине диких очередей никуда попасть не удастся, и тут же вызвался сбегать в соседний гастроном. А Ольга

отправилась звонить маме — жарь котлеты и вези на такси — чёрт с ними с расходами — люди в России в первый раз! Японцы сгрудились в полутёмном вестибюле, прихватив привезённую с Родины бутылку сакэ, устроились на корточках вокруг журнального столика. Подоспевший комсомольский босс, сумевший прорваться в гастрономе без очереди, вынул из портфеля водку, батон, колбасу. У горничной нашёлся нож, правда, тупой. И газетка, на которой и был сервирован ужин. Шустрый комсомолец отправил гостей за стаканами в свои номера, а сам взялся резать бутерброды. Газетка ёрзала и рвалась. Японцы смотрели на засаленную бумагу с ужасом и с интересом. Но голод — не тётка и смуглые руки потянулись к лохматым ломтям. Мучительно скривив губы, японцы добросовестно пытались повторить русское "со свиданьицем". И заходились стонами и кашлем от непривычного сорокаградусного питья. Когда прибыла мама с котлетами, блюдечками и салфетками, повеселевшие гости, не обращая внимания на бурные протесты комсомольского босса, подливали водку в чай — так получалось нечто похожее на их родное сакэ — горячее и слабое.

На следующий день в институтской столовой Охара глянул на тарелку суточных щей, которую отодвинула Ольга, и, поколебавшись, спросил:

— Можно, я съем?

Видно, первый ужин здорово напугал японцев. Ногучи, потрясённый тем, что принимавшая их русская ни разу не была на научных конференциях за рубежом, без конца давал ей советы. Ольга принимала их с благодарностью — у неё и правда не было опыта международных встреч. Японцы фотографировали её во время лекции и коров, попавшихся на дороге в подмосковный научный центр, КГБ на Лубянке и развороченные трамвайные пути.

— У вас тоже бывают землетрясения?

Вечером они попросили отвезти их в хороший ресторан. В тот, что работает. В вестибюле роскошного заведения на Новом Арбате, японцы, опасливо озираясь, заволновались по поводу цен. Метрдотель забормотал что-то о дороговизне продуктов, которые они будто бы берут с рынка, о шампанском, которое трудно достать, и, наконец, ухнул решительно:

— Сто долларов.

— С каждого? — аккуратно поинтересовались японцы.

И грянули хохотом, когда она перевела:

— На всех.

А Охара склонился к ней, объясняя:

— Десять долларов в Японии стоит простенький завтрак в

среднем отеле!

Ногучи открыл дверь в зал. Ольга привычно шагнула вперёд. Но японец осторожненько попридержал её плечом, пропуская вперёд Охару. И бросился к ряду стульев, отодвинул тот, что стоял в центре длинного стола. Ольга опять сделала шаг. Но на стул опустился профессор Охара. Она села рядом. Никто не возражал — два руководителя двух делегаций вместе — это правильно. Японцы выпили шампанское и съели икру. И мороженое. И дружно оставили нетронутыми десять порций жёсткого мяса под ржавым соусом. Ольга расстроилась. Но Охара весело рассказывал ей о своей молодости, об ухищрениях бедных студентов, которые бегали после выпивки, чтобы опьянеть даже от маленькой рюмки сакэ. Ольга чувствовала себя счастливой — она говорила с самим Охарой! Возле гардероба десять японцев, выстроившись полукругом, почтительно ждали, пока она наденет пальто. Помочь не вызвался никто — у японцев такое не принято.

Им всем пришлось стать гидами — и ей, и Валечке, и комсомольскому боссу — японцев водили на Красную Площадь, в Третьяковку, в Кремль, а потом отправили в Киев, в Ленинград, на Урал. На переговоры с коллегами Ольга потратила целый год, но всё получилось — японцы смогли увидеть Россию. На прощание русские дарили гостям шерстяные посадские платки и драгоценные палехские шкатулки. И японцы делали подарки — дешёвенькие калькуляторы и… колготки. Валечка, приняв подарок, чуть не расплакались и отдала колготки гостиничной горничной тут же, на глазах у всей делегации. Японцы изумились — ведь им объясняли, что для нищих русских колготки — лучший подарок. Охара протянул ей пакет с красивым бантом. Внутри оказался альбом с видами Японии. А Валечка была неправа — не все японцы одинаковы. Не все.

— Есть японцы и есть Охара, — говорила Мари. — Охара — это что-то особенное. И не только среди японцев. Вообще.

Они познакомились на международном конгрессе в Праге и сразу стали подругами — Ольга и Мари — две женщины, два профессора, русская и француженка. Уезжать за границу стало легче. Если платила принимающая сторона. Получить от родной Академии Наук хотя бы цент для поездки за рубеж Ольге не удалось ни разу за двадцать лет работы — публика чином ниже директора института эту организацию не интересовала. Правда, однажды ей пообещали помочь. Франция, приглашая Ольгу на международный конгресс в Париж, собщила, что оплатит все её расходы. Но ехать в чужую страну, не имея в кармане хотя бы сотни франков на всякий случай, Ольга не отважилась. И Академия согласилась выдать ей сумму грошовую, пустяшную. Но

за два дня до отъезда, придя за заветной валютой, она услыхала вкрадчивое:

— Деньги кончились. Вчера мы отправили в Лондон пятерых академиков. Понимаете, это же академики!

Чиновник осклабился тусклым лицом, приглашая её к умилению. Но Ольга умиления не почувствовала. В те времена для неё, как и для большинства советских людей, и сотня франков была проблемой, а это означало — Парижа ей не видать, хотя французы уже забронировали для неё гостиницу, купили билет.

— Вы унижаете собственную страну! — бросила она в чиновничью физиономию, совсем полинявшую от изумления.

И, уходя, отчётливо хлопнула дверью. Чиновник выбежал вслед за ней, вереща что-то угрожающее. А Ольга, обернувшись к нему, сказала спокойно:

— Я ещё доживу до тех времён, когда ни Вы, ни Ваши академики не будут никого интересовать!

Она не думала, что эти времена придут так скоро. Через год Мари пригласила её читать лекции в свой университет за очень хорошее вознаграждение. Даже не известив чиновников, Ольга улетела в Париж, потом на международный конгресс в Рим, потом в Салоники. Она решила так потратить французские деньги — увидеть коллег. Джонсон и Хальтер оказались удивительно похожими на Валечкины картинки. И профессор Бернар.

— Кто Вы? — спросил он Ольгу после заседания.

— Вы задаёте такие вопросы!

И, прочитав карточку, приколотую на её груди, протянул разочарованно:

— А, это Вы! А я думал, кто-то новенький!

Её тоже знали. По работам. Вечером они отправились поужинать вместе — Джонсон, Хальтер, Бернар и две дамы — Ольга и Мари. Они сидели за столиком маленького греческого кафэ, вдыхая тухловатый запах моря, задушенного отходами большого города Салоники, потягивали белое вино, отдающее сосновой смолой и закусывали местной едой. Они заказали всё меню по одной порции интереса ради и прихватывали по кусочку из общих тарелок, расставленных в центре стола. Мари записывала названия блюд в блокнотик.

— Странно, что на этом конгрессе нет Охары, — сказал профессор Джонсон.

— Да странно, он всегда приезжал, — согласился профессор Хальтер.

— Я только что вернулся из Японии, — профессор Бернар опустил глаза.

— Охаре сделали операцию. У него рак.

Зимой девяносто второго на зарплату научного сотрудника в России невозможно стало прожить. Институт опустел. Валечка уехала работать в университет в Германию, комсомольский босс ушёл чем-то торговать. Когда исчез последний сотрудник её лаборатории, Ольга нашла в компьютере анкету, оставленную Валечкой, вписала туда своё имя и свои труды и отправила в пару десятков адресов по ту сторону границы. И приложила письмо — ищу работу. Откликнулась Мексика. Солнце и город — не очень чистый, но весь в цветах. И весёлые, приветливые люди. И растущий счёт в банке. Ольга отмякла, отошла и, освоившись немножко, села писать письма — Джонсону и Мари, Хальтеру и Охаре… Ответ от Охары пришёл быстро.

— Я получил разрешение на проведение японско-русского семинара. Ответного. Десять японских профессоров, те, что были в России, примут вас в Японии в своих городах. Приглашайте девять русских. На Ваше усмотрение… — И в конце: — Семинар надо провести как можно скорее. Не стоит откладывать…

Ольга поняла смысл приписки. И ужаснулась.

Собирать русскую группу пришлось по всему свету — кто-то из стоящих людей работал теперь в Америке, кто-то — в Европе. За тех, кто остался дома, в России, Ольга билась до последнего. Искала им деньги на дорогу, чтобы долететь до Токио — дальше платила Япония. Она похудела на пять килограммов, но группу собрала. Оставалось получить японские визы. Документы были поданы заранее, за два месяца. До отъезда оставалась неделя. Виз не было.

— Это — обычная манера японского посольства — давать визу в последний день! — объясняли знающие люди. — К тому же отношения у Японии с Россией непростые. Знаете ли, эти Курильские острова…

За три дня до вылета пятеро из её группы сообщили — визы есть! На следующий день дали визы остальным. Оставалась только она.

— Японская виза для граждан России — это трудно, — извинялось японское посольство в Мехико. — Тем более, что Вы не дома, а в третьей стране…

— У моего ассистента Ногучи есть друг в нашем Министерстве иностранных дел, — утешал Ольгу по телефону Охара. — Он выясняет причины задержки Вашей визы. Не сдавайтесь!

Последнюю неделю Охара звонил ей каждый день. Их беседы походили на фронтовые летучки: как дела с визами у членов делегации? с билетами? кто когда вылетает? когда встречать?

Разговор начинался приветствием Охары:

— Доброе утро!

А Ольга отвечала:

— Добрый вечер!

День в Токио начинался раньше, чем в Мехико, на пятнадцать часов.

Август в Мексике — сезон дождей. Бешеный тропический ливень хлестал по кустам бугамбильи, росшим возле мраморной террасы. Институт, похожий на маленький дворец, кольцом опоясывал сад. Двери лабораторий выходили внутрь кольца, на террасу, и сотрудники, пробираясь по институту, перешагивали через лужи, полные сбитых дождём цветов. Уборщица Алисия шваброй собирала воду вместе с розовыми цветами в розовое ведро. Ольга подошла к отрытой двери своего кабинета.

— Вы едете в Японию? — участливо спросила Алисия, подхватив полное цветов ведро, и утешила: — Вы обязательно поедете! Я за Вас молюсь.

Из соседней лаборатории выглянул доктор Рамон.

— Ну как, дали визу?

Весь институт знал про Ольгину Японию, весь институт её жалел.

— А может, тебе не дают визу потому, что ты — шпион КГБ! — захохотал Рамон.

Весёлым здешним гражданам русские муки были неведомы — в Японию они летали без виз.

Ольга смотрела на сплошную стену дождя. Не успеть! Не успеть получить визу и билет за один оставшийся до отъезда день. Девять русских полетят в Японию. А она, столько сил положившая, именно она не поедет! Ольга проглотила застрявший в горле ком и села писать письмо Охаре.

— Поскольку я не смогу приехать…

Она желала семинару успешной работы. Через пять минут секретарша Пилар отправила письмо факсом, а ещё через десять раздался телефонный звонок. В маленьком институте всё было по-домшнему. На тридцать сотрудников — один телефон, в дирекции. Телефон звонил, Пилар выходила в сад на травку и громко выкрикивала имя того, кому звонили. Теперь Пилар звала её, радостно протягивала трубку:

— Охара!

Это имя здесь уже знали все. И знали — Ольгино спасение может прийти только от него, от Охары.

Голос в трубке был сердит:

— Я получил Ваш факс! Как это, Вы не сможете приехать? Когда я всё сделал! Слушайте! — Охара резко прервал её робкие

возражения. — Слушайте! Ваша виза готова. Я сам звонил в министерство. И Ваш билет.

Билет в Японию был немыслимо дорог даже для её большой мексиканской зарплаты.

— Я помогу! — пообещал Охара пару месяцев назад.

И пошёл на приём к президенту богатой японской фирмы. Фирма делала электронные микроскопы, лаборатория Охары их покупала, блестящие работы Охары делали блестящую рекламу фирме — Охара был другом президента. И специально пошёл к нему просить за Ольгу. Президент обещал помочь.

— Ваш билет лежит в представительстве фирмы в Мехико. Вам, как почётному гостю, оплатили бизнес-класс! В аэропорту Вас будет встречать представитель фирмы — это устроил президент. Он отвезёт Вас в гостиницу, номер для Вас уже заказан. Я заеду за Вами утром и мы вместе полетим на юг Японии, где догоним остальных русских и откроем семинар, — Охара говорил жёстко, тоном приказа. И только в самом конце смягчился. — Президент компании предлагал отправить Вас на юг поездом. Сразу, как только Вы прилетите, — это дешевле. Но я настоял, чтобы Вам дали отдохнуть ночь в гостинице. Перелёт из Мексики в Токио долог, Вы устанете. Всё. До встречи.

Пилар застыла с бумагами в руках, не сводя с неё глаз. Алисия перестала возить шваброй по полу. На террасу вышел Рамон.

— Ну как?

— Летит! Летит! — закричала Пилар, не дожидаясь ответа, и чмокнула Ольгу в щёку. — Поздравляю!

Алисия бросилась её обнимать, горячо шепча:

— Я же говорила: Бог поможет!

Рамон закрыл на ключ свою дверь.

— Пойдём, я отвезу тебя домой. Смотри, как льёт!

Утром Ольгу разбудила хозяйка её дома.

— Подброшу тебя на своей машине до автостанции, так будет быстрее.

Междугородний автобус вёз её в Мехико. За окнами плыли роскошные мексиканские горы, жаркое солнце вставало в утренней дымке, ветерок задувал в окна запахи цветов. В столице её ждали виза и билет в Японию. Всё! Беды кончились! Ей хотелось петь! Оставив чемодан в камере хранения автовокзала, Ольга шла по улице Мехико быстро, упруго. Служащая в посольстве долго объясняла ей, сколько надо заплатить за визу. Не слушая, Ольга протянула деньги. Какая разница — сколько?! Главное, она летит в Японию! Полюбовавшись на красные иероглифы японской визы — желанной, долгожданной, Ольга

отправилась в офис японской компании. Билет уже ждал её на столе секретарши Лурдес. Улыбки, благодарности… Выйдя на улицу, Ольга припомнила извинения Охары — рейс очень ранний! — и достала из сумочки билет. Прямого рейса до Токио завтра не было, она летела с пересадкой в Лос Анжелесе — Лурдес всё объяснила. Но против рейса из Америки почему-то стояла послезавтрашняя дата. Ей предстояло провести сутки в США? Господи, неужели опять проблемы?

— Действительно, чепуха! — поморщилась Лурдес. — Но я заказала билет в точности так, как просили японцы. Вот факс…

Секретарша достала из стола бумагу, заговорила сердито:

— Это мой японский начальник напутал, Хаяси-сан. Он вечно всё путает! И вечно болтает по телефону!

Лурдес в ярости нажимала кнопки — номер был занят. Хаяси сидел в Вашингтоне, в главном офисе фирмы на Американском континенте.

— Сейчас я ему задам! — бушевала Лурдес. Нещадно отчитав японца, она хлопнула трубкой о рычаг. — Придётся переделывать билет!

Телефон транспортного агентства, продавшего билет, не отвечал.

— Уже закрыто, — весело сообщила Лурдес. И посмотрела на Ольгу удивлённо. — А почему Вы огорчаетесь? Мы всё сделаем! Там работает моя подружка.

Подружка оказалась дома. И ключ от агентства у неё был. Но вот автомобиль сломался.

— Ты съездишь за ней! — Лурдес хлопнула по плечу одного из молодых служащих.

Пока парень пробирался в своей машине по забитому вечерними пробками Мехико к дому подружки, потом к транспортному агентству и обратно в офис японской фирмы с исправленным билетом в кармане, за окнами стемнело. Из Вашингтона позвонил Хаяси. Он кратко извинился и долго наставлял: когда приехать в аэропорт, как пройти регистрацию… И настойчиво советовал не забыть паспорт. Лурдес поставила перед гостьей кофе и коробку с печеньем. От первого глотка у Ольги закружилась голова. Она ничего не ела с утра, думала, у неё уйма времени, чтобы пообедать и купить сувениры.

— Какие сувениры? — лучезарно улыбалась Лурдес. — Прихватите с собой мексиканца! Это — лучший подарок! Ах, Вам нужно подарок для мужчины? Тогда мексиканку!

Когда Ольга вышла из конторы с новым билетом, шёл десятый час. Ей предстояло пересечь огромный город, чтобы забрать свой чемодан на автовокзале, потом переехать на другой

конец, в аэропорт, чтобы провести там ночь в гостинице — иначе к утреннему рейсу не успеть. Что лучше — такси? Сегодня денег она не считала. Но улица была так плотно забита машинами, что Ольга решила ехать в метро.

— Сеньора! — пожилая женщина, сидевшая рядом с ней в вагоне, тронула её за рукав. — Бедная сеньора, Вас обокрали!

Большой рваный разрез косо полоснул по новенькому кожаному боку сумки, рассекая её почти пополам. А внутри лежали паспорт с визой, деньги, билет… Сердце ухнуло куда-то вниз. Всё, пропала Япония! Силы небесные упорно не хотели её туда пустить! Пока Ольга обследовала полуразвалившуюся сумку, её упавшее сердце потихоньку возвращалось на место: паспорт цел, билет, даже доллары… Вор взял только кошелёк с остатками местных денег. Несчастный воришка, мелкий. Напраслину она возводила на небесные силы! Они были на её стороне.

Утром в аэропорту Ольгу остановили пограничники — в паспорте не было американской транзитной визы — она и не подозревала, что такая виза нужна! Но в самолёт Ольгу посадили и до Америки довезли. Правда, без документов. В аэропорту Лос Анжелеса стюардесса передала её бумаги дежурной, которая препроводила нарушительницу в полицейский участок. Ольга шла под конвоем и думала, что на небесах, должно быть, никак не могут решить — пускать её в Японию или нет? Толстый, усатый полицейский с чёрными курчавыми волосами не только внешность имел латиноамериканскую, но и повадку — неторопливую, безмятежную. Он подрёмывал за письменным столом, не обращая ни малейшего внимания на прибывшую. И Ольга сидела тихо, молча разглядывая глухие белые стены без окон, не решаясь напомнить о себе представителю самой могущественной в мире державы. До отправления Токийского рейса оставалось два часа. На соседнем стуле плакала мексиканская девочка — её тоже не пускали в Америку. Размазывая слёзы, девочка рассказывала, что в аэропорту её ждёт мама. А папа и сестра работают на фабрике. Полицейский поднялся, побродил по комнате, снова сел за стол, зевнул… Наконец он осознал, кажется, что его ждут, поманил пальцем девочку и долго выговаривал ей что-то по-испански. Наконец девочку отпустили, и она обрадованная, заторопилась к маме, приволакивая огромный чемодан.

До отлёта Токийского рейса оставалось полтора часа. Ольга заёрзала. Полицейский сонно посмотрел на неё и указал на стул напротив. Потом принялся выдвигать ящики стола. Выдвигал он их неторопливо, потом разочарованно задвигал. Чего-то в них не находилось. Того, что он искал. Мужчина встал и толкнул какую-

то дверь. Дверь оказалось запертой.

— Ты не знаешь, где ключ? — обратился он к высокой жилистой блондинке в полицейской форме.

Блондинка поделилась своими соображениями по поводу пропавшего ключа и мужчина удалился. Минут через десять он вернулся с ключом, открыл заветную комнату, исчез в её недрах и вскоре вернулся с пустыми руками и обескураженным выражением лица.

— Где же он может быть? — обратился он к арестантке. И объяснил: — Я ищу перечень стран, гражданам которых не требуется транзитная виза США. Да вот не могу найти. Ну ладно…

Полицейский взял в руки Ольгин паспорт, глянул на него и подпрыгнул так, словно ему на стул подбросили кнопку.

— О, с этим паспортом, конечно, нужна виза! С этим паспортом нужно всё! Всё! — заверещал он, сразу вспотев.

— Что же Вы паспорт не смените? — укоризненно бросила блондинка. — С советским паспортом путешествовать — одно мучение!

Просто это у них, американцев — паспорт сменить, страну…

— Что же со мной теперь будет? — жалобно пискнула Ольга.

— А ничего, заполните анкету, получите визу и полетите дальше! — равнодушно пожала плечами блондинка.

Полицейский взял из стопки на столе бланк анкеты и стал заправлять его в принтер. Небыстро справившись с этой нелёгкой работой, он вытащил какую-то книгу, накрыл её одной рукой, поднял другую, поднялся. Ольге было велено подняться тоже.

— Я облечён правом! — торжественно заявил полицейский. И зачастил: — Клянусь говорить правду, и только правду…

— Я не успеваю повторять! — взмолилась Ольга.

— И не надо, — милостиво кивнул представитель власти. — Произносите только "да"!

Он опять затараторил, а она послушно вставляла в паузы своё "йес!" Когда с клятвой было покончено, полицейский принялся задавать вопросы, отстукивая ответы одним пальцем. Стрелки часов прыгнули, извещая, что до отправления самолёта на Токио осталось сорок минут. Замешкавшись в поисках нужной буквы, мужчина вяло поинтересовался, когда вылет? Ольга ответила.

— Полетите следующим рейсом! — бесстрастно промямлил полицейский.

В Японии её ждала длинная цепочка — фирмач в аэропорту, номер в гостинице, Охара, самолёт на юг, и на южном острове Сикоку девять своих и Бог знает сколько японцев, приготовившихся открыть семинар. Теперь цепочка обрывалась.

Лопалась в американском звене.

— Но следующий рейс завтра! — почти закричала Ольга.

Полицейский, кажется, испугался — русская, зависшая на целые сутки в американском аэропорту… Он вспотел ещё сильнее и быстрее застучал пальцем по клавишам, попадая не туда. Блондинка оставила свои хлопоты и подошла к их столу. Точно выхватив из пачки бумаг Ольгин билет, она позвонила куда-то и сообщила:

— Поздно! Рейс закрыт!

Полицейский застыл с открытым ртом.

— Стойте! — выкрикнула блондинка, разглядывая билет. — У неё бизнес — класс!

И отрапортовала в трубку отрывисто, по-военному:

— Есть! Ждите! Идём!

Не зря Охара хлопотал за неё у президента фирмы! С пассажирами бизнес-класса обращались иначе, чем с прочими.

— Не могли бы Вы подписать вот здесь? — полицейский умоляюще смотрел на Ольгу, тыкая толстым пальцем в конец полупустой анкеты. — Я закончу потом!

Господи, она готова была подписать всё, что угодно! Дрожащей рукой полицейский открыл её паспорт и приложил штамп визы. Косо оттиснутый отпечаток смазался, расплылся. Поджарая блондинка презрительно посмотрела на красную кляксу, и, отодвинув коллегу своим жёстким плечом, припечатала ещё раз — незыблемо и твёрдо. И собственноручно распахнула перед Ольгой дверь в Америку. Полицейский подхватил из тележки её чемодан и они бегом помчались по аэропорту Лос Анжелеса. У стойки авиакомпании их ждали. Пока служащий возился с её билетом, Ольга подняла глаза, осмотрелась — всё-таки вокруг была Америка! И бросилась догонять своего провожатого, который, отпихнув инвалида в коляске, влетал в лифт. Толстяк, обливаясь потом, промчался по душному рукаву и у входа в самолёт сунул Ольгин чемодан в руки низенькому стюарду в синем кимоно. Дверь самолёта плавно закрылась, едва не задев её. Пока стюард устраивал чемодан, Ольга, рухнув в кресло, соображала: это — конец? Или судьба приготовила ей ещё какой-нибудь сюрприз? Из самолётных недр вынырнула колеблющаяся, как тростинка, красавица в розовом кимоно, подплыла к ней, покачивая на подносе бокал с оранжевым соком. Ольга взяла протянутую ей горячую влажную салфетку, прижала к пылающему лицу. По радио объявляли, что самолёт, следующий рейсом в столицу Малайзии Куалалумпур, сделает остановку в Токио.

— Я Боб! — весело объявил сосед, поворачиваясь к Ольге

всем длинным телом. — А Вы? Как Вас зовут? Как? Да кто же Вы? Русская? — Боб и не пытался скрыть изумления: русская не может позволить себе лететь в Куалалумпур! Да ещё бизнес-классом! — И откуда у Вас такой хороший английский? — Боб говорил почти сердито. — Вы учили язык в Москве? Не может быть!

С трудом примирившись с услышанным, Боб сообщил, что владеет платными автомобильными дорогами в Куалалумпуре и что обслуживание в самолётах авиакомпании Малайзия — лучшее в мире. Розовая красавица-стюардесса кликнула подружек и они покатили по проходам тележки с чашечками и плошками, в которых колыхалось нечто невиданное, восточное. Боб подмигивал стюардессам и помогал русской соседке выбирать еду, как знаток. Ольга не очень-то соображала, что ела, что пила. Боб надвинул на глаза тёмную повязку и засопел. А она не смогла уснуть до самого Токио. Стюард пригласил прилетевших в Токио к выходу и куда-то подевался. Пухлый чемодан, втиснутый на узкую полку, никак не хотел вылезать. Ольга с надеждой посмотрела на Боба, но тот только прощально помахал рукой "Бай!", слегка приподнял повязку и тут же опустил её опять. Рванув чемодан изо всех сил, она кое-как вытащила его и поволокла по узкому проходу.

В аэропорту Ольгу встречал представитель фирмы. Молодой парень приехал вместе с женой.

— Она должна пользоваться каждой возможностью, чтобы приобретать опыт общения с иностранцами! — чистосердечно признался он.

Водитель в белых перчатках кланялся каждому входящему в автобус, кондиционер тихонько жужжал, овевая пассажиров прохладой… Всю долгую дорогу из международного аэропорта Нарита в местный Токийский аэропорт Ханэда представитель фирмы развлекал гостью на скудном английском, а его жена при каждом обращённом к ней слове изумлённо хихикала и округляла глаза.

— Наша компания берёт на себя все Ваши расходы на территории Японии! — торжественно произнёс парень, подписывая гостиничный счёт.

А его жена удивлённо и радостно ахнула, принимая подарок — мексиканское серебряное кольцо. Ольге пришлось разорять собственные запасы — сувениры-то она не купила.

Войдя в свою комнату, Ольга прежде всего набрала номер телефона Охары.

— Добрый вечер! — сказала она.

— У меня тоже вечер! — ответил он и засмеялся. — Вот теперь я верю, что Вы прилетели!

А ей не верилось! Не верилось, что можно запросто открыть дверь и выйти на японскую улицу! Влажная, удушающая августовская жара и очень серенькая толпа — это было первое впечатление. Пожалуй, права была весёлая Лурдес: лучший подарок для японца — яркая мексиканка — подумала она, и попыталась оправдать японок — окраина, будний день… Из разрезанной сумки безобразно торчало содержимое. Ольга вошла в первый попавшийся магазин. Два юных продавца — парень и девушка дружно ахнули:

— Ах, как Вы пострадали! — И дружно обрадовались: — Ах, так это случилось не в Японии!

Бурно обсуждая, как бы сделать получше, они, помогая друг другу и сопя от усердия, заклеили порез широким скочем. И в такт закачали головами:

— Нет, нет, денег мы не возьмём! Добро пожаловать в Японию!

Ранним утром в залитом солнцем вестибюле гостиницы навстречу Ольге шагнул Охара — весёлый, молодой. Здоровый. И только голова его выглядела странно.

— Это — парик, из-за химиотерапии, — он улыбался так, словно говорил о чём-то забавном.

Ольга отстранила протянутую для пожатия руку, обняла Охару и крепко поцеловала.

— Да Вы что? Я совсем здоров! — сердился он, отнимая у неё чемодан.

— Дайте, я донесу!

Они позавтракали в буфете в аэропорту. Охара сам выбирал для неё японскую еду и спрашивал ревниво:

— Понравилось? — И смеялся, пересчитывая мелочь в своём кошельке: — Наверное в нашем министерстве иностранных дел не проверили мой банковский счёт. Если бы они посмотрели, сколько там денег, Вам визы бы не дали!

Этот выход Ольге подсказали в японском посольстве в Мехико:

— Вам легче будет получить визу, если кроме официального приглашения какой-нибудь гражданин Японии лично поручится за Вас.

Она написала Охаре и через несколько дней получила от него бумагу, сломавшую нерешительность чиновников — на бумаге был номер личного счёта Охары.

В самолёте он рассказывал Ольге о Японии, плывшей внизу:

— Мы летим в главный город острова Сикоку — Токушиму…

— Профессор Нимура из университета Токушимы, — представился человек, встречавший их в аэропорту.

— Профессора прислали специально для Вас, — озорно улыбался Охара. — Когда я приезжаю сюда читать лекции, меня встречают студенты.

Нимура подвёл их к большой карте острова.

— Вы будете жить здесь!

И, ткнув пальцем в маленькую точку на побережье, засветился гордостью. Через полчаса выяснилось — гордиться стоило. Почти задевая боками дома, машина Нимуры протиснулась через тесные улочки и вырвалась на неширокое шоссе. Плотный морской ветер ударил в открытые окна. Между лесистыми холмами открылась просторная поляна с аккуратно подстриженной лужайкой, а на ней — дворец. Настоящий дворец из сказки про Японию! Черепичная крыша изгибалась серебристым корабликом, красные перила балконов, как в пруду, отражались в серой глади вымощенного полированным мрамором двора. Тяжёлые двери тёмного дерева раздвинулись при их приближении. Про фотоэлемент думать не хотелось, легче было предположить невидимых слуг. Орнамент из зазеленевшей бронзы проплыл перед глазами — не то древний японский знак трилистник, не то значок йены — они так похожи! Вестибюль был сделан по обычаю японской прихожей — с возвышением сразу за порогом, огромным, как сцена. Сцену укрывал роскошный розовый ковёр. У его края теснилась небольшая стайка тапочек. Десять русских гостей, Охара, да два профессора из университета Токушимы — все обитатели дворца.

— Обслуги больше, чем гостей, — с гордостью объяснил Нимура.

Они прошли мимо бархатных кресел и больших картин холла, похожего на музей, по широкой дворцовой лестнице поднялись на второй этаж. Комната мерцала розовым шёлком штор и покрывал, на расшитый розовыми цветами белоснежный коврик на полу туалета страшно было ступить. С трудом оторвавшись от душистых флаконов, салфеток, фенов и щёток на мраморной полке ванной, Ольга спустилась в столовую — в Японии не опаздывают.

Девять русских, ждавших её, наперебой рассказывали о своих приключениях — как добывали деньги на билет, как получали визу в последний день… Официанты в чёрных смокингах среди белой мебели и золота обеденного зала двигались величаво и плавно, как послы дружественных восточных держав. На столах мерцало нечто ослепительное и непонятное. Откуда всё это великолепие на простом научном семинаре?

— Хозяин дворца — владелец крупной фирмы на острове Сикоку, — объяснил Нимура. — Фирма покровительствует

местному университету. Поэтому вы можете жить здесь…

Нимура запнулся, словно не решаясь сказать нечто ещё. Маленький человечек с невзрачным лицом неприметно подошёл сбоку.

— Вы помните, конечно, профессора Ясуоку… — обратился к Ольге Нимура, покраснев от волнения.

Ольга знала Ясуоку. Он приезжал на её семинар в Москву вместе с Охарой. Рассказывал о своих работах, очень скромных. Слегка кивнув на щедрые поклоны Нимуры, маленький человечек отошёл.

— Этот дворец устроил для вас Ясуока-сан! — зашептал Нимура, не скрывая восхищения, почтения. — Ясуока-сан — очень влиятельный человек на Сикоку! Очень! Он — потомок знаменитого самурайского рода из этих мест!

— И это имеет значение до сих пор? — удивилась Ольга.

От вопиющей дикости вопроса Нимура даже поперхнулся:

— О, конечно, это имеет значение! Очень, очень большое значение! До сих пор!

— Мы не ожидали увидеть такое великолепие! — улыбалась Ольга Охаре.

И он улыбался довольный.

— Мы очень благодарны вам, русским! Вы помогли нам увидеть Россию — закрытую страну!

Японский долг благодарности был исполнен с избытком, с лихвой. Так хотела великая Япония. Или великий Охара? Местные сэнсэи слушали знаменитого токийца, почтительно склонившись, покорно кивая. А он отдавал приказы отрывисто, строго. Охара учил Ольгу есть палочками и пить сакэ с жёлтыми чешуйками.

— Нет, нет, их не надо вылавливать, это — не соринки. Это золото. Его надо глотать. Оно очень полезно для здоровья. Сакэ с золотыми плёнками — самое лучшее сакэ!

Вечером русские в шортах отправились к океану купаться в сопровождении одетых в чёрные костюмы японцев.

— Это не пляж! — удивлённо глядя, как гости бесстрашно лезут в воду по острым камням, несмело пробормотал Нимура. И совсем уже робко добавил: — Купальный сезон у нас давно закончился…

Но русские только рассмеялись. Рано утром, поплавав в бассейне возле дворца, Ольга вышла во двор и увидела Охару. Он шёл ей навстречу и улыбался:

— Я покажу Вам настоящий японский дом!

Рядом с дворцом притулилась деревянная хижина, крытая соломой. На её пороге поджидал посетителей служащий.

— Это — дом хозяина дворца! — гид с поклоном открыл перед ними раздвижную дверь. — Он живёт тут, когда приезжает, а дворец держит только для гостей.

Разувшись, они вступили в комнаты, застеленные татами. Посреди кухни на цепи над очагом висел старинный чугунный чайник. О современности здесь напоминала только дешёвенькая газовая плита. Дом был пуст. Вряд ли его использовали для жилья. Скорее, для демонстрации японских традиций. И преданности хозяина этим традициям. Это теперь Ольга так думала, а тогда… Тогда она шла рядом с Охарой по серому гравию извилистой дорожки, отчёркнутой белёными камушками от зелёной травки, и улыбалась солнцу, вставшему над серебристой дворцовой крышей, и золотым карпам, плескавшимся в прозрачном озерце. Из дворца вышел Нимура. Он улыбнулся, поклонился и попросил разрешения сфотографировать их.

Русским показали всю Японию от юга до севера — три острова, шесть городов.

— Мы не видели в своей стране так много, как вы, нам не посчастливилось так! — качали головами принимавшие их сэнсэи.

Сэнсэи, побывавшие в России, исполняли свой долг благодарности старательно, на совесть. Утром они везли гостей в свои университеты, вечером на банкеты. В ресторанах усаживали есть на подушках, в гостиницах укладывали спать на татами. На острове Кюсю, Ольга смотрела, как плывёт в лунном свете за её окном многоярусный белый замок. На острове Хонсю наблюдала, перевесившись через подоконник, как по двору отеля ходит женщина в синем кимоно. Как пожилой рабочий в странных, облегающих, как чулки, сапогах подметает старые листья. Вокруг была Япония. Настоящая. Сбывшаяся мечта. Подарок Охары.

В Токио Охара пригласил русских в свой университет. За деревянными воротами, похожими на вход в буддийский храм, начиналась длинная аллея старых деревьев, а за нею — кирпичные, массивные, столетние корпуса. В лаборатории Охары было тесно. Не очень новый линолеум, не очень чистые стены. Небогато, как в любом университете. Хоть и Токийском. Но оборудование блистало новизной. Охара устраивал торжество по случаю покупки нового электронного микроскопа, который стоил миллионы долларов. Неудивительно, что фирма-изготовитель внимательно прислушалась к просьбе Охары и заплатила за Ольгин перелёт в Японию бизнес-классом. Охара представил её президенту, почтившему презентацию своим присутствием. Президент великодушно отклонил её пышные благодарности:

— Это политика фирмы — поддерживать учёных, активно работающих в нашей отрасли!

Охара улыбнулся лукаво, отведя Ольгу в сторонку, сказал тихо:

— Фирма заинтересована в потенциальных покупателях!

К Ольге подошёл немолодой, щеголеватый японец.

— Я — Хаяси-сан! Шеф представительства фирмы в Америке. Это я занимался Вашим билетом! Помните, я звонил Вам в Мехико из Вашингтона?

В день отъезда Ольга, проводив соотечественников в аэропорт, смотрела из окна гостиницы на тесный дворик, на дождь, бьющий по круглым головкам по-японски подстриженных деревьев. Сентябрьский тайфун в Токио — дело обычное. Ливень падал сплошной стеной, но Ольга всё-таки решила выйти на улицу — жить в Японии ей оставалось четыре часа. С трудом удерживая зонтик, выворачиваемый наизнанку порывами ветра, она перешагивала через обломанные ветки деревьев, обходила канализационные люки. Под напором воды, переполнившей подземные стоки, их тяжёлые чугунные крышки плясали, грозя слететь. С жадным любопытством Ольга разглядывала маленькие деревянные домики, крошечные, размером с комнату, магазинчики, странные вертикальные вывески с иероглифами… Под одной из них — открытая дверь. За нею — круто уходящая вверх лестница. На втором этаже — тесная сумрачная комнатёнка, несколько высоких табуретов у стойки. Чайник закипал на плите. Пожилая низенькая японка в сером переднике низко поклонилась, улыбнулась мягким ватным лицом, выбрала из протянутой иностранкой горстки мелочи две монетки по сто йен — одну за чай, другую — за телефон. Так Ольга прощалась с Японией — чашка зелёного чая, разговор с Охарой… Она набрала знакомый номер.

— Спасибо за то, что Вы подарили мне Японию!

Охара ответил коротко, сухо. Он был очень занят. Чем-то уже совсем другим. А размазанный штамп в паспорте, оттиснутый дрожащей рукой полицейского в Лос Анжелесе, пригодился.

— Вы летите через США, транзит в обе стороны — следовательно, у Вас должны быть две американские визы, иначе мы не сможем посадить Вас в самолёт!

Дотошный японский чиновник долго и подозрительно изучал невнятную кляксу в Ольгином паспорте. Но всё-таки пропустил её. Ведь штампов было сколько надо — два.

Плавая в бассейне возле своего мексиканского дома, Ольга вспоминала дворец в Японии и полутёмный подъезд академической гостиницы в Москве, закрытую столовую, колбасу

на газетке. Ей было неловко. Неисполненный долг благодарности тяготил её. На следующее утро она вошла в кабинет директора института и предложила пригласить Охару в Мексику.

— Конечно, для нас большая честь принять такого великого учёного, как Охара, — широко улыбнулся Дон Мигель.

В аэропорту Ольга не узнала Охару. И дело было не только в коротких, едва отросших волосах — натуральных, своих. Но совсем седых. Охара был в пёстрой рубашке, немыслимой для японского профессора. Его жена не переносила сухую мексиканскую жару, бледнела, присаживалась отдохнуть. А Охара резвился, как мальчишка, сбежавший с уроков, пробовал все фрукты подряд, ел мексиканские кукурузные лепёшки и отчаянно торговался на рынке, где серебро продавалось кучками, как картошка. В нём невозможно было узнать строгого токийского профессора! Они бродили по горам и взбирались на пирамиды.

Ольга нарочно замедляла шаг, но Охара обгонял её и смеялся.

— Не сдавайтесь!

Но однажды он вдруг побледнел, остановился, привалился к каменному боку пирамиды.

— Вы ещё живы?

Привычная для русских фраза вырвалась у Ольги нечаянно и она осеклась, ужаснувшись этому "ещё". Тяжело дыша, Охара жалко улыбнулся и сказал тихо, горько:

— Вы даже не представляете себе, как это прекрасно — быть ещё живым.

— И показал рукой на горланящую стайку мальчишек. — Я тоже так ходил когда-то в горы, когда был школьником. Так же пел…

На лекцию Охары пришло совсем мало народу.

— Дон Мигель опоздает на час, — сказала Пилар.

Охара предложил задержать лекцию:

— Жаль, если директор меня не услышит, он же интересуется моими исследованиями.

— Блондинками он интересуется, — тихонько хихикнула Пилар.

И посоветовала начинать лекцию без шефа. Охара говорил, поглядывая на часы, спрашивая в недоумении:

— Если директор обещал приехать через час, то когда же он появится на самом деле?

Ответа на такой вопрос в беспечной, счастливой стране Мексике не существовало. Но объяснить это сыну педантичной, упорядоченной Японии Ольга не смогла. На лекцию Охары Дон Мигель так и не пришёл. Но щедро оплатил его визит из

институтского бюджета и устроил у себя дома пир. Его жена с помощью дочерей и служанки приготовила мексиканскую еду. Рамон играл на гитаре, Ольга пела, Охара улыбался.

— Я приглашу Вас спеть с хором Токийского университета, когда Вы опять приедете в Японию. — Он повторил настойчиво: — Вы обязательно приедете в Японию ещё раз!

Стол накрыли в саду — шёл сухой сезон. Но посреди ужина вдруг грянул ливень. Заскрежетали железные листья пальм, посыпались на землю лимоны и авокадо, розовые цветы бугамбильи запорошили тарелки. Гости с хохотом бросились в дом, прихватив с собой еду. Охара вбежал с бутылкой вина в руке. Слушая, как по крыше барабанит дождь, непривычные к непогоде мексиканцы притихли.

— Когда я женился, — грустно сказал Охара, — я обещал жене купить землю, много земли, размером с теннисный корт. И не выполнил обещания…

— Переезжайте к нам в Мексику и Вы сможете купить футбольное поле! — рассмеялся Рамон.

Он называл японца "сеньор Охара-сан" и очень гордился тем, что сумел совместить японскую вежливость с испанской галантностью.

— Да, у вас здесь просторно, — печально улыбнулся Охара. И добавил тихо, так, что услыхала только одна она: — А мой дом стоит на земле матери, а сам дом… Он старый и дешевеет с каждым годом. У меня ничего нет. Я умираю нищим.

В день отъезда Охары уборщица Алисия подошла к нему, спросила несмело:

— Можно, я помолюсь о Вашем здоровье?

Охара отвернулся, чтобы скрыть слёзы.

— С этой болезнью я стал другим человеком. Совсем другим!

Прощаясь, Охара сказал почти равнодушно:

— Моя болезнь многое меняет. Обычно профессорский совет назначает нового руководителя лаборатории при уходе старого на пенсию. Но мой преемник уже назначен заранее.

Коллеги не стеснялись напомнить Охаре, что он может умереть в любую минуту. Они заботились о том, чтобы из-за этого не пострадал производственный процесс.

— Спасибо, что Вы пригласили в гости пожилого и не очень здорового профессора! — в улыбке Охры было что-то жалобное, жалкое.

Когда закончился её мексиканский контракт, Дон Мигель предложил Ольге остаться. Но она выбрала Японию — профессор Нимура предложил ей годовой контракт.

— Помните, что здесь Ваша вторая Родина. Мы всегда будем

ждать Вас, — сказал Дон Мигель, целуя её в щёку.

У Ольги защипало в носу. Славные они ребята эти мексиканцы! Но их наука… А в Японии она сможет горы свернуть! Да ещё с самим Охарой. Он предлагал ей сотрудничество.

— Я же говорил Вам, что Вы приедете в Японию ещё раз, — смеялся в телефонную трубку Охара.

Ольга позвонила ему едва прилетев в Токушиму, в первый же день.

— Я помог Вам получить контракт. Поговорил о Вас с влиятельными людьми… Вы так хорошо принимали нас в Мексике… — говорил Охара.

Он, не стесняясь, намекал, что лишь исполняет священное гири. Исполняет честно, как положено японцу. Он был японцем, великий Охара.

А их совместная работа не пошла. Дозвониться Охаре в лабораторию было почти невозможно — как все японские сэнсэи, он вечно пропадал на собраниях. По домашнему телефону жена отвечала сердито. Она словно забыла, как мило беседовала с Ольгой, когда они вместе поднимались на мексиканские пирамиды. Женщина не скрывала неудовольствия — беспокоить сэнсэя дома служебными делами в Японии не принято!

— Вы должны выполнить следующие эксперименты, — сухо говорил по телефону пойманный наконец-то Охара, — Я проверю результаты…

Он говорил с Ольгой, как положено говорить знаменитому токийскому профессору с младшей по званию из провинциального университета. И она ответила, как положено:

— Хай, сэнсэй!

Охара запнулся, помолчал, пробормотал:

— Да Вы всё про нас теперь знаете!

Голос его был так печален, словно узнать ничего хорошего про японцев было нельзя.

— Обсудим наши дела при встрече в Токио, — примирительно пообещал Охара. — Я устрою вашу лекцию.

Вскоре Ольга получила приглашение в столицу. Не от Охары. От профессора Сакамото:

— Сэнсэй Охара в восторге от Ваших работ! Он поручил мне принять Вас.

Сакамото приезжал в Москву на семинар вместе с Охарой, но вернуть долг благодарности не смог — когда русские были в Японии, он гостил в Америке. Теперь он исполнял долг.

— Охары в городе нет, — встретил Ольгу в столице Сакамото. — Он уехал отдыхать. Ему хуже, его опять лечили

химией…

И, глянув на неё, добавил заботливо:

— Да не волнуйтесь Вы так!

В тот вечер Ольга долго бродила по токийским улицам и не узнавала города, восхитившего её два года назад. Тот город куда-то исчез, оставив нелепое нагромождение некрасивых домов. А что же было тогда? Оптический обман туризма? Ярко освещённое окно чужой жизни, мелькнувшее так быстро, что не успеть разглядеть было тени, прячущиеся по углам? Ольга бродила до темноты, не обращая внимания на намокшее платье. Моросило. В Японии начинался сезон дождей.

Перед самым отъездом из Японии на конгрессе в Токио Ольга встретила Охару. Он опять был в парике. Ольга протянула ему руку — теперь она жила в Японии и знала — объятия тут неуместны. Тем более, что сэнсэи, собравшиеся в зале заседаний, застыли по стойке "смирно", приняв равнение на Охару. Но Охара крепко обнял Ольгу и поцеловал в щёку. На виду у всех. Это был дурной знак — Охара уходил туда, где японские приличия уже не имели значения. Посреди заседания он пробрался к Ольге через полутёмный зал, легко, по-японски присел на корточки, чтобы не заслонять идущий из задних рядов луч проектора.

— Я должен уйти, я прошу Вас занять место председателя конгресса…

Она почувствовала холодок — её просил сам Охара! Великий Охара, присевший у её ног.

— Это — вершина! — подумала Ольга.

А это был конец.

Она вернулась в Россию и обнаружила в своём московском институте вместо тысячи сотрудников сотню пенсионеров. Спустя полгода в Америке умер профессор Джонсон. Умер внезапно в пятьдесят три года, упал в своей новой лаборатории. Из старой его уволили — американские компании пытались пережить кризис, сокращая исследователей. Джонсон с трудом нашёл работу в каком-то колледже, заниматься наукой там было невозможно.

— Ничего… Мне нравится преподавать… — улыбался он.

Американцу положено улыбаться.

— Профессор Бернар лежит в клинике, — говорила Мари по телефону. — У него депрессия. Теперь у нас этим страдают многие. Во французской науке плохи дела. Денег стало гораздо меньше. Я даже не смогла пригласить Охару почитать лекции. Но ему очень хотелось в Париж и он приехал с женой и дочерью за свой счёт. Я сняла для них гостиницу…

— Перед уходом на пенсию я решил взять нормальный,

длинный отпуск, — писал ей Охара из Парижа, — Впервые в жизни…

Они многое знали друг о друге. Называли друг друга по имени. Жили тесным, маленьким мирком. Теперь этот мир рушился. Уходил под воду, как Атлантида. Умерли Джонсон, Охара. Ушли на пенсию Хальтер, Нимура. Собиралась уходить Мари. И не было никого, кто шёл бы за ними влед. В науку не шли больше талантливые, молодые.

— Дела на фирме идут неважно, — жаловался ей Хаяси. — Они встретились однажды в Америке, столкнулись случайно. Постаревший, потерявший лоск Хаяси-сан вздыхал. — Теперь мы вряд ли смогли бы помочь Вам приехать в Японию! Всё меньше становится желающих покупать наши электронные микроскопы! Все предпочитают компьютеры.

— Компьютеры, компьютеры… Наука стала совсем не та, что раньше. Физикой молодёжь заниматься не хочет. Оставить физику? Мне уже поздно. Я был сыном своего времени… — говорил ей однажды Охара. Он говорил в прошедшем времени — и он, и время его кончались…

Лист факса выползал, извиваясь змеёй.

— Похороны профессора Охары состоятся…

Дата, начало церемонии в одиннадцать тридцать, окончание — в тринадцать ноль-ноль. Всей скорби надлежало уложиться в полтора часа. Дальше шёл адрес и имя шефа-распорядителя похорон: миссис Охара. В скобках стояло: жена. Там, где потерявшая мужа русская грянулась бы оземь без чувств, японка становилась шефом — распорядителем. Тяжело ей придётся, нестарой ещё вдове. Женить троих детей, выискивая деньги на дорогие японские свадьбы, и по-японски долго жить одной, экономя скудную пенсию, совсем небольшую по сравнению с заработками знаменитого профессора. О смерти Охары извещал Нимура. Полгода назад, уйдя на пенсию, Охара уехал работать консультантом в маленькую компанию на острове Сикоку. Конечно, знаменитого Охару в его шестьдесят охотно приняла бы солидная фирма в столице, но больной он мог рассчитывать только на глухую провинцию. По оконным стёклам хлестал чёрный ночной дождь. Ольга открыла ящик стола, достала фотографии. Они с Охарой — улыбающиеся, счастливые, шли по зелёной лужайке к освещённому утренним солнцем дворцу. Эту прислал из Японии Нимура. А эту — из Мексики Рамон. По дороге на пирамиды они остановились у маленькой лавчонки, торговавшей соломенными шляпами. Охара выбрал себе сомбреро, она примерила шляпку с большим красным цветком, а Рамон сфотографировал их. Двое смеющихся людей, а за их

спинами — осыпанные розовыми цветами кусты бугамбильи… Рамон сделал две фотографии — для Ольги и для Охары.

— Этот снимок мой факультет поместил на обложку рекламного проспекта, — писал ей Охара. — Картинки весёлой жизни профессора привлекают студентов!

В старой церкви было пусто. Семь лет назад Ольга привела сюда японцев. Им хотелось посмотреть русский храм, ей — помянуть Учителя. В жизни питерского профессора была только физика. И десять лет тюрьмы. Он попал туда в тридцатых. Почти ребёнком. А потом сумел стать учёным. На его похоронах начальники из Академии Наук говорили — он ничего не оставил после себя — книги его не печатали, института создать не давали. Но к гробу Учителя шли и шли ученики — русские физики, красивые, сильные мужики и она, неслабая женщина — наследство, оставленное Учителем. А ещё он оставил мечту:

— Мы должны жить вместе со всем миром. Пора устроить международную конференцию в Москве!

Он говорил и смеялся — тогда это казалось смешной утопией. Через три года после его смерти Ольга привезла японцев в Москву, привела в храм, попросила Охару зажечь поминальную свечу, рассказала об Учителе.

— В науке этот человек был мне, как отец, — говорила она и японцы понимающе кивали.

Ольга вспомнила серьёзное лицо Охары, его ладони, заботливо укрывшие от ветра колеблющееся пламя… Охара умер в тот же день, что Учитель, — десятого октября. От той же болезни. И это не показалось ей простым совпадением. Мы, русские и японцы вместе жили на очень маленькой планете, вместе умирали… Ольга поставила рядышком две поминальные свечи — Учителю и Охаре.

На улице было дождливо, тоскливо. В институте — холодно, пусто. Корчилась в кризисе наука. Наука, подвесившая над миром атомную бомбу и не научившая людей лечить рак, платила по счетам, по грехам. И надо было найти путь, как превратить её из убивающей в спасительную силу. Надо было найти этот путь.